

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 153

ЮНЬ.

1883.

ДѢЛО

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 6

СОДЕРЖАНІЕ.

1. «ПОТЪШНАЯ ИСТОРИЯ.» (Изъ деревенской хроники) И. Потапенно.
2. СЪВЕРНАЯ МЕЛОДІЯ. Стихотвор. Д. Михаловскаго.
3. «AU BONHEUR DES DAMES». Романъ. (Окончаніе). Э. Золя.
4. ПЕТРЪ НА ОЛОНЦѢ. (Гл. I—IV). В. Майнова.
5. ЗЛАЯ ВОЛЯ. Повѣсть. (Гл. XV—XVIII) В. Дмитриевой.
6. ГУСЯТНИЦА. Повѣсть. (Окончаніе). Жана Роллана.
7. ЗЛОСТНЫЙ БАНКРОТЪ. (Сцены изъ провинціальной жизни). В. Демидова.
8. МЕСТЬ ОРРЮВО. (Легенда) Г. Мерз.

(См. на оборотѣ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

9. **НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ** Б. Ленскаго.

10. **ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.** (М. Е. Салтыковъ): Окончаніе. М. А. Протопопова.

11. **НОВЫЯ КНИГИ:**

И. И. Григоровичъ. *Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1883 г.).* Съ 45-ю портретами въ текстъ. Изданіе четвертое. Спб. 1883 г. — В. А. Цвѣтковъ. *Новѣйшіе русскіе писатели. Опытъ хрестоматіи періода русской словесности послѣ Гоголя, съ 27 портретами.* Спб. 1883 г. — Аванасій Промофьевичъ Щаловъ. *(Жизнь и сочиненія).* (Съ портретомъ А. П. Щалова). Сочиненіе преем. Н. Я. Арстова. (Посмертное изданіе). Спб. 1883 г. — Въ память столѣтняго юбилея присоединенія Крыма. *Воспоминанія о Крымѣ.* Кн. Е. Горчаковой. Одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для городскихъ и народныхъ училищъ. Москва, 1883. — М. Малеевскій. *Владиславлевъ. Повѣсть изъ быта семинаристовъ и духовенства.* Спб. 1883.

12. **ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ** Н. В.

Старая пѣсня о нашей бѣдности. — Какъ въ хлѣбной торговлѣ насъ вытѣсняють наши «заатлантическіе друзья». — Причины этого. — Безсознательное стремленіе народа къ возстановленію нарушеннаго равновѣсія въ производительности. — Исканіе «лучшихъ мѣстъ». — Положеніе нашего сельскаго товаро-труда. — Какъ культурные слои разрушали бытовыя учрежденія народа и въ чемъ заключается тотъ «клинь», который разъединилъ народъ и культурные слои. — Крестьянское общинное мировоззрѣніе и культурный индивидуализмъ. — Юридическія воззрѣнія народа и отношеніе къ нимъ культурныхъ людей. — Права народнаго міра. — Облегченія, дарованныя народу во время коронаціи.

13. **МОРСКАЯ РЕФОРМА** Бывшаго Моряна.

14. **ТОНКИНЪ** (Политическая и социальная хроника) Жинка.

15. **НАУЧНАЯ ХРОНИКА** А. М.

Микроскопическіе организмы, населяющіе воздухъ. — Война противъ туберкулезной бациллы. — Ея діагностическое и прогностическое значеніе. — Заразительныя свойства мокроты чахоточныхъ. — Прививаніе бургорчатки обезьянамъ. — Причины яркой окраски тѣла у нѣкоторыхъ животныхъ, населяющихъ глубину моря. — Отпечатки ногъ третичнаго человека. — Человѣкъ будущаго.

16. **«ПОЛИЦІЯ ПРАВОВЪ» ВО ФРАНЦІИ.** И. Полоцкаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ книжнаго магазина Мамонтова и отъ книжнаго магазина для иногородныхъ А. Я. Павловскаго.

450

ДЪЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 6.

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Леведева, Невск. пр., д. № 8.

1883.

себѣ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, чинъ, что-бы вы тамъ ни говорили, не маленькій. Получилъ онъ его за безкорыстную службу въ В—ской духовной консисторіи, гдѣ онъ прослужилъ ровно двадцать-пять лѣтъ, пройдя всѣ неизбѣжныя ступени уничиженія и дойдя, наконецъ, при помощи единственнаго своего таланта—терпѣнія, до той точки, на которой позволяется расправить крылья. Прослуживъ двадцать-пять лѣтъ въ качествѣ «бѣднаго чиновника, горбомъ зарабатывающаго себѣ дневное пропитаніе» (такъ онъ всегда выражался, когда хотѣлъ получить «благодарность» за какую-нибудь чиновную услугу), онъ, наконецъ, сказалъ себѣ: довольно! Послѣ чего неизвѣстно куда нырнулъ и черезъ годикъ безъ малаго вдругъ вынырнулъ среди полей и лѣсковъ, среди рыболовныхъ озеръ и богатыхъ камышами мелководныхъ рѣченокъ В—скаго уѣзда, и вынырнулъ безъ горба, въ качествѣ законнаго владѣльца съ лишнимъ тысячъ трехъ десятинъ этихъ самыхъ полей, лѣсковъ, озеръ и рѣченокъ. Мѣстные обыватели только хлопали глазами отъ удивленія, откуда, дескать, вынырнула эта загадочная рыба? Послѣ уже для всѣхъ стало ясно, что рыба эта была изъ породы щукъ и явилась она въ мѣстныхъ благословенныхъ палестинахъ для того, чтобы карась не дремалъ.

Вторая причина тому, что Самсонъ Платоновичъ позволялъ себѣ долго нѣжиться въ постели, заключалась въ его хозяйственной предусмотрительности. Онъ не хуже другого зналъ, что сегодня необходимо начинать уборку ржи, иначе тяжелое перезрѣвшее зерно станетъ высыпаться на землю; зналъ, что въ этомъ случаѣ каждый пропущенный день стоилъ тысячи рублей; тѣмъ не менѣе сердце его было спокойно. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что ему не придется ударить пальцемъ о палецъ, потому-что къ нему придутъ и съ смиреннымъ поклономъ попросятъ позволенія снять для него рожь, сложить ее въ снопы и свезти на его гумно.

Въ этотъ день онъ не хотѣлъ подыматься даже въ шесть часовъ. Онъ съ удовольствіемъ измѣняетъ обычаю и въ половинѣ седьмого произноситъ: «пусть подождутъ бездѣльники!» При чемъ послѣднее слово произносится имъ скорѣе въ смѣльхъ похвалы, чѣмъ ругательства.

Въ половинѣ седьмого Самсонъ Платоновичъ рѣшилъ, что пора начинать день.

Обширный дворъ Перехватова былъ необычно оживленъ съ

пяти часовъ. Какъ только поднялось солнце, онъ огласился неумолкаемымъ говоромъ. Говоръ былъ сначала сдержанный, мирный, но по мѣрѣ того, какъ подымалось солнце, онъ становился нетерпѣливѣе. Человѣкъ сорокъ мужиковъ чаще и чаще поднимали головы, посматривая на солнце и подчасъ, казалось, упрасивая его—не торопиться, подождать. Мужики довольно замѣтно дѣлились на двѣ группы. Въ одной, которая была побольше, преобладали русыя бородки клиномъ, цвѣтныя сорочки на выпускъ и свѣжіе лапти изъ молодого лыка. Въ другой угловато и молчаливо глядѣли смуглыя лица съ длинными усами, черныя барашковыя шапки, изъ-подъ которыхъ струились капли пота, что, повидимому, доставляло особенное удовольствіе угрюмымъ усачамъ. Здѣсь преобладали босыя ноги, покрытыя грубой кожей, принадлежавшей, повидимому, бегемоту. Изрѣдка попадались высокіе сапоги такихъ размѣровъ, что въ каждый изъ нихъ можно было влѣзть втроемъ. Отъ нихъ несло пріятнымъ запахомъ дегтя, который заглушалъ даже острый аромат поздняго цвѣта акацій, распустившихся въ саду Перехватова. Если на нѣкоторыхъ изъ нихъ обувь сильно напоминала обыкновенныя лапти и была слетена изъ того-же лыка, то она утрачивала уже названіе лаптей и именовалась «постолами». Не трудно было съ перваго взгляда опредѣлить, что первую группу составляли великороссы, вторую-же—прямые потомки запорожцевъ. И тѣ и другіе были кровными, родовыми обывателями села Погорѣловки, раскинувшася по берегамъ извиистой мелководной рѣченки, не имѣвшей никакого спеціальнаго названія.

— А кто, братцы, заплатитъ намъ за нонѣшнее утро? говорили сутуловатый приземистый мужикъ изъ группы великороссовъ, поглядывая на солнце.

— Та мабуть никто другій, якъ Богъ! иронически процѣдъ свѣдъ сквозь зубы типичный малороссъ съ длинными сѣдоватыми усами, снявъ сивую шапку и вытирая вспотѣвшій затылокъ рукавомъ сорочки.

— Онъ-то, извѣстно, заплатитъ, а только, братъ, на Бога надѣйся, говорятъ, а самъ не плошай! отвѣтилъ великороссъ, смисходительно поглядывая въ сторону собесѣдника.

— А какъ думаешь, Шавкунъ, дозволить, или не дозволить? обратился приземистый великороссъ все къ тому-же собесѣднику.

— А Богъ его знает! може дозволить, а може й ни! равнодушно отвѣчалъ Шавкунъ, но подумавши прибавилъ: — а же-жь дозволить!

— Сейчасъ видно хохла! Точно ему и дѣла нѣтъ, цѣдить себѣ: «може дозволить, а може ны!» А ежели не дозволить? передразнилъ другой великороссъ, помоложе.

— А якъ не дозволить?.. Ну, тоди... Що-жь ты зъ нимъ зробишь? Винъ тоби, що захоче, то и зроби!.. До ёго уси паны зъ города ѣздить!.. Не дозволить, то такъ и пидѣмъ до дому!..

— Дозволить!.. Не можно, щобъ не дозволить! заявилъ другой малороссъ, не вынимая изъ рта коротенькой трубки, отъ которой отдѣлялся ароматный дымокъ махорки. — Якъ-же винъ може не дозволить, колы е бумажка!? Въ бумажци-же и написано!

— Вотъ и видно, что хохоль! А бумажка-то эта нѣшто у тебя? Гдѣ она? Ну-ка вынь, да покажь! А бумажка-то у него. Что хочеть, то и сдѣлаеть съ нею!

— Хиба-жь я не знаю, що въ ней написано. Не бійся, я-же бачивъ, якъ винъ пысавъ. Я-жь грамотный! И що тутъ знать? Кожну зиму беремо въ его землю, то кажный разъ одинаково пыше. Я взявъ у его земли на шить корбованцивъ, отъ—и принись сегодня гроши. А якъ-бы не принись, то бувъ-бы повыненъ одробить ему на его жити, та ще такъ неначе-бы то я взявъ у его дванацать корбованцивъ. Отъ и усѣ дило!

— И что болтать-то зря? Дозволить, не дозволить! Что тутъ доволять? вмѣшался новый ораторъ въ лаптахъ и поярковой шляпѣ. У него былъ чрезвычайно веселый и беззаботный видъ; онъ часто смѣялся и показывалъ свои бѣлые зубы. Можно было замѣтить, что молчаливѣе мужики слушали его съ предпочтительнымъ вниманіемъ. — Кто-жь можетъ не дозволить мнѣ заплатить мои деньги? Я долгъ принесь по роспискѣ, а ты бери—вотъ и весь сказъ! А я пойду себѣ по своему дѣлу! Хе, хе, хе! Вотъ выдумали хохлы! Спасибо скажеть, потому—всякому пріятно получить.

— А я тебѣ доложу, братецъ ты мой, вступилъ въ разговоръ мужикъ, сидѣвшій на землѣ поодаль и до сихъ поръ упорно молчавшій. Онъ говорилъ хриплымъ голосомъ, почти шепотомъ, повременамъ прерывая рѣчь своимъ, корот-

кимъ кашлемъ. У него было очень некрасивое лицо, глубоко изрытое оспой; жиденькая растительность песочнаго цвѣта нисколько не оправдывала его уродливости. — Доложу я тебѣ, что онъ помирается, и здорово. Потому—самъ посуди: нынѣшній день—въ самый разъ трогать рожь. Помѣшкой день, другой, и все пошло прахомъ. А гдѣ у него работники? Прочіе хозяева за недѣлю понанимали артели косарей, а у него ни души.

— Извѣстно, ни души, потому онъ на нашего брата надѣялся!

— То-то и есть, что надѣялся! А оттого надѣялся, что всякое лѣто наши мужики хлѣбъ ему снимали! Я самъ, поди, уже шестой годикъ снимаю ему по двѣ десятины... И снимешь, и свяжешь, и свезешь, потому—не платилъ... Обязательство... А по нынѣшнему времени—работникъ три рублика въ день стоитъ. Десятина-то ему рубликовъ въ восемь обойдется... Такъ оно и невыгодно, потому мы за два подрадились!..

— Чего подрадились? Мы не подражались! Сказано — ежели не уплатимъ, а мы вотъ денежки принесли! Н-да! попляшетъ баринъ-то! Ему несходно! Оно на даровщину, извѣстно, сходитъ!... Эй, слышь-ты, Тимофей! обратился веселый мужикъ къ барскому лакею, проходившему изъ барскихъ комнатъ въ кухню. — Баринъ-то твой сегодня встанетъ?

— Еще пропотѣешь въ волю! Барину-то слѣзнуть некуда! презрительно взглянулъ на него лакей. — Чай, баринъ тебѣ нуженъ, а не ты барину!

Наконецъ, мужикамъ сказали, что баринъ одѣлся и сейчасъ выйдетъ къ нимъ.

— Михаилъ Кузьмичъ! Ты, ежели што, такъ сказывай за всѣхъ! обращались мужики къ веселому товарищу, а тотъ насмѣшливо подмигивалъ въ пространство, какъ будто тамъ скрывая его невидимый сообщникъ.

Самсонъ Платоновичъ шелъ медленно, степенно переваливаясь и своей тяжелой поступью заставляя дрожать деревянную мебель, разставленную на крылечкѣ. Съ перваго взгляда онъ совершенно оправдывалъ свое библейское имя. При видѣ этого великана-Самсона, невольно приходили въ голову бѣдныя филистимляне, уложенные имъ на мѣстѣ при помощи ослиной челюсти. Сажанный ростъ и широкія приподнятыя щеки, а на спинѣ, пониже шеи, рельефное возвышеніе —

слѣдъ того самаго горба, которымъ онъ въ продолженіи четверти вѣка снискивалъ и, наконецъ, снискалъ себѣ благосостояніе. Онъ горделиво несъ свои два подбородка, всегда гладко выбритые, какъ и все его красное лоснящееся лицо, — привычку бриться ежедневно онъ почиталъ священной, потому-что ею сопровождалось достиженіе чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Толстыя губы его не сходились, потому-что нижняя, благодаря своей тяжсловѣсности, слишкомъ тянула книзу. Вѣки опустились, что, по мнѣнію Самсона Платоновича, должно было обозначать величіе, тогда какъ въ дѣйствительности это придавало ему видъ спящаго, чему не мало способствовало его непрерывное сонніе. Онъ держалъ обѣ руки на животѣ, иногда приподнимая одну изъ нихъ, чтобы повертѣть у шеи, — привычка, прибрѣтенная имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ надѣвалъ Анну, — орденъ, полученный имъ за усердіе, при выходѣ въ отставку.

— Ну, что, мои милые? Зачѣмъ пожаловали? молвилъ Самсонъ Платоновичъ, обращаясь къ мужикамъ. У него оказался нѣсколько хриплый, но мягкій и даже какъ будто ласковый голосъ. Онъ чуть-чуть улыбнулся и показалъ свои желтые зубы, между которыми, на самомъ видномъ мѣстѣ, не хватало одного.

Мужики сняли шапки и низко поклонились.

— Къ вашей милости, Самсонъ Платонычъ!.. Мы вотъ по части денеженокъ!.. По части землицы, значить... О зимѣ которую!..

— Ага! ласково протянулъ Самсонъ Платоновичъ, — ну, что-жь, дѣло хорошее! Давно пора, милѣйшіе; время жаркое, — скоро, поди, и сыпаться станеть! Можно и начинать съ Богомъ!..

Мужики помолчали. Нѣкоторые искоса посматривали на Михайла Кузьмича и выразительно подмигивали ему. Михайло сдѣлалъ шагъ впередъ и вышелъ изъ толпы.

— Да мы къ тебѣ, Самсонъ Платонычъ, съ просьбицей! промолвилъ онъ просительнымъ тономъ. — Время дѣйствительно горячее. Такъ что-бы ты дозволилъ намъ свою-то розь сбирать!.. Что на твоей землѣ которая... Вотъ мы всѣ, какъ есть тутъ, забрали у твоей милости...

— Постой, постой, братецъ! Ты больно шибко болтаешь! остановилъ его баринъ, — я что-то не пойму!.. не соображу

сразу! — Но руки его какъ-то вдругъ отдѣлились отъ брюха, на которомъ величественно покоились. Онъ отлично понялъ, въ чемъ дѣло, и обдумывалъ уже, что ему слѣдуетъ предпринять.

— Наше дѣло короткое; извольте выслушать, ваша милость, продолжалъ между тѣмъ Михайло Кузьмичъ.—По осени мы сняли у вашей милости землицы, кто сколько могъ, за денежки!.. И былъ тогда такой сказъ, что ежели до лѣтнаго Ивана не принесемъ, такъ каждый за эту провинность долженъ вашей милости отработать за десятину по двѣ. Извѣстно — условіе!.. А случай мужикъ заартачится и не пойдѣтъ, такъ нѣтъ ему земли, и рожь, что на ней посѣяна, — мужичья, значить—вся, какъ есть, вашей милости пойдеть. Такой былъ разговоръ. Теперь до Ивана-то еще съ недѣлю будетъ, а рожь-то ужь созрѣла... Вотъ мы и принесли вашей милости, какъ по обязанности каждаго, кто, значить, сколько забиралъ и съ придаткомъ... А намъ, значить, чтобы было дозволено хлѣбушекъ собирать. Теперь оно какъ разъ самое время! Деньжонокъ-то мужикъ позаработалъ сѣнокосомъ, вотъ и принесли вашей господской милости!..

Баринъ молчалъ, замолкъ и Михайло Кузьмичъ. Онъ находилъ, что дѣло изложено достаточно ясно. Самсонъ Платоновичъ молчалъ не потому, чтобы у него не нашлось словъ для отвѣта. Слова были на-готовѣ во всякое время; ничего не могло быть легче, какъ сказать: „подите вонъ, я васъ знать не хочу! Снимайте мнѣ хлѣбъ, а иначе я самъ стану снимать, но только тогда я вмѣстѣ съ своимъ и вашъ сниму и вы останетесь зимовать безъ ржи“. Но это было-бы беззаконіе, а Самсонъ Платоновичъ былъ человекъ закона. Въ головѣ его юрко мелькали одинъ за другимъ планы, одинъ лучше другого, носъ усиленно нюхалъ воздухъ, краска на лицѣ его, и безъ того не отличавшемся блѣдностью, становилась все гуще и гуще,—оно уже сдѣлалось фіолетовымъ. Наконецъ, всѣ планы вмигъ были вытѣснены однимъ, геніальность котораго не подлежала никакому сомнѣнію. Съ лица его мигомъ исчезли начинавшіе было уже появляться признаки негодованія,—оно просіяло до такой степени, что просіяли и мужички, копя въ это сіяніе въ благопріятномъ для себя смыслѣ.

— А когда, говоришь, вы обязались уплатить мнѣ долгъ? просилъ, вмѣсто того, баринъ.

— А обязались мы уплатить вашей милости на Ивана, отвѣтилъ Михайло Кузьмичъ.

— Такъ, такъ! Ну, а Ивана-то будетъ на той недѣлѣ, въ пятницу?

— Такъ точно! На той недѣлѣ, въ пятницу! хоромъ подтвердили мужики.

— Ну, вотъ и прекрасно! Такъ вы на Ивана-то и приносите денежки, какъ условлено! Такой былъ договоръ, а договоръ—сами знаете—паче денегъ... На Ивана я приму денежки, а вы начнете свою рожь убирать, и дѣло наше будетъ по закону!.. А придатка мнѣ вашего не нужно... Зачѣмъ придатокъ? Я не ростовщикъ, не беру процентовъ!..

Мужики переглянулись, какъ-бы желая сказать: «вотъ онъ куда повернулъ!» А Самсонъ Платоновичъ, какъ человекъ благополучно вышедшій изъ затрудненія, заложилъ руки въ карманы штановъ и прошелся по корридору.

— Такъ какъ-же это будетъ? Рожь-то высыплется! Она и теперь ужъ еле-еле крѣпка! Этакъ невозможно! Ужъ вы, ваша милость, помилосердствуйте!..

— Зачѣмъ? спокойно возразилъ Самсонъ Платоновичъ,— надо, чтобъ никто не былъ въ обидѣ... Сами-же, вы заключали условіе, чтобъ уплатить на Ивана, ну, такъ по условію и надо все выполнить. Законъ — прежде всего!..

— Да кто-жъ его зналъ, что оно раньше созрѣетъ?! Такъ, значить, Богъ захотѣлъ!.. Божья воля такая!..

— Божья воля! согласился помѣщикъ,—а мое слово вамъ такое: хотите собирать рожь до Ивана, — кладите деньги назадъ, въ кошельки, и соберите мою рожь, какъ дѣлали прежде каждый годъ, пока не разбогатѣли, не зазнались; а не хотите,—до Ивана!..

— Такъ какъ-же это, ваша милость? Этакъ нельзя, это не по-божески, не по-христіански! За что-жъ насъ обижать? Мы не графы какіе-нибудь, чтобъ терять свое задаромъ!—Михайло Кузьмичъ совершенно перемѣнилъ тонъ. Онъ энергично встряхивалъ остатками своихъ русыхъ кудрей, въ голосъ его слышался задоръ, такъ что даже Самсонъ Платоновичъ вскинулъ на него удивленные глаза. -- Мы тоже свои права имѣемъ! Въ роспискѣ этого не сказано, чтобъ акурать на Ивана. А сказано тамъ, что ежели до Ивана не заплатимъ, такъ

тогда... Это не законъ!.. Сами вотъ объ законѣ все поминаете, а его-то самаго тутъ и не видно!.. Какой-же это законъ?!..

— Что-о? Что-о? Зако-онъ? Росписка? А ну-ка покажи росписку! Ну-ка! Гдѣ твоя росписка? Давай, давай! Ну!

Это предложеніе точно ошеломило мужиковъ. Михайло Кузьмичъ увидѣлъ, что всѣ его слова о правахъ, о законѣ—пустые звуки, потому что росписки—у Перехватова, и онъ можетъ сдѣлать съ ними все, что захочетъ. Но дерзкій тонъ противъ его воли увлекалъ его дальше. Въ немъ кипѣла обида; хотѣлось отомстить хоть словами, потому что онъ ясно видѣлъ свое безсиліе.

— Эхъ, ба-аринъ! съ ядовитой насмѣшкой произнесъ онъ, и произнесъ такъ громко, точно хотѣлъ, чтобъ его слышала вся Погорѣловка и окружающіе ее хутора.—Мужика вздумали грабить! Должно, вы въ Христа не вѣруете, Бога не боитесь! Не разживетесь-же вы съ этого добра, нѣ-этъ!..

— Что? Что? Какъ ты смѣешь? Какъ ты смѣешь, поганецъ? Ты знаешь, кто я? Знаешь? Я покажу тебѣ, покажу! Я предводителю, я... губернатору... Я... Вонъ всѣ, мерзавцы, отсюда! Вонъ со двора!..

Мужики энергично толкали въ бокъ Михайла Кузьмича, дѣлая знаки, чтобъ онъ замолчалъ. Но тотъ не унимался. Если-бъ онъ и захотѣлъ остановиться, то уже не смогъ-бы удержать тѣхъ сильныхъ словъ, которыя сыпались съ языка его. Онъ умолкъ только тогда, когда Перехватовъ, сообразивъ, что дѣло, пожалуй, можетъ кончиться неблагоприятно для его божовъ, скрылся въ передней, изо-всей мочи хлопнувъ дверью. Тогда Михайло вдругъ оборвалъ свою рѣчь и, оглянувшись, изподлобья посмотрѣлъ на товарищей. Лицо его утрапило обычное выраженіе веселости, губы высохли отъ волненія.

— Опуталь! протянули мужики.—Что-жъ теперь дѣлать, братцы?

— Проваливайте, проваливайте, молодцы! Чего топтаться на мѣстѣ? Тутъ вамъ не мѣсто! промолвилъ Тимофей, появившись изъ передней, причеъ смотрѣлъ совершенно такъ, какъ будто ему самому нанесли ужасную обиду.

— По домамъ! промолвилъ кто-то, и мужики надѣли шляпы и шапки съ такимъ энергичнымъ движеніемъ, точно хотѣли навсегда пригвоздить ихъ къ своимъ головамъ. Молча они съ помѣщичьяго двора.

II.

Федотъ Федотовичъ Бѣднягинъ, въ качествѣ погорѣловскаго писаря, занималъ весьма скромное помѣщеніе при волостномъ правленіи. Его многочисленное семейство, состоявшее изъ супруги, старой матери и шестерыхъ ребятъ, младшіе изъ которыхъ постоянно торчали на глазахъ и непремѣнно попадались подъ руку, когда дѣло было къ спѣху, за что получали педагогическое воздѣйствіе въ видѣ пинковъ и благотворнаго тасканья за волосы, старшіе вѣчно пищали и галдѣли, а всѣ вообще ежеминутно просили хлѣба, даже и въ то время, когда держали его въ рукахъ, — это семейство ютилось въ одной комнатѣ, перегороженной ситцевой занавѣской, за которой стояли: супружеская кровать и большой зеленый сундукъ, вмѣщавшій въ себѣ всё благосостояніе семейства Бѣднягиныхъ. Самъ глава семейства былъ очень маленькій, сухощавенькій человѣкъ съ небольшой головкой и подвижнымъ лицомъ тѣмнаго цвѣта. Едва-ли кто нибудь видѣлъ его спокойно сидящимъ сложа руки, безъ всякаго дѣла; едва-ли кто нибудь могъ представить этого маленькаго человѣка иначе какъ съ сильно озабоченнымъ лицомъ, съ размашисто и крючкова-то пишущей рукой, которая, казалось, передвигалась со строчки на строчку по инерціи и врядъ-ли когда-нибудь способна была остановиться. Но она останавливалась, когда изъ сѣней въ комнату волостнаго правленія, гдѣ обыкновенно засѣдалъ Федотъ Федотовичъ, доносился крикъ одного изъ отпрысковъ его рода. Тогда онъ кидалъ перо и летѣлъ въ сѣни, мирилъ поссорившихся родичей, при чемъ обиженнаго гладилъ по головкѣ, а обидчика таскалъ за ухо, тутъ-же по дорогѣ собственнымъ кулакомъ вытиралъ подъ носомъ у одного изъ шести себѣ подобныхъ и немедленно снова стремглавъ летѣлъ въ правленіе и продолжалъ неукоснительно строчить. Въ этомъ маленькомъ человѣкѣ жили великія семейныя добродѣтели. Пятнадцать лѣтъ онъ безъ отдыха бѣгалъ на посылкахъ, а потомъ строчилъ съ единственною цѣлью — наполнить рты своихъ птенцовъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество этихъ ртовъ, — росла его энергія, лицо становилось озабоченнымъ, рука быстрѣе бѣгала по бумагѣ.

Въ тотъ самый моментъ, когда рука Федота Федотовича, позабывшаго обо всемъ на свѣтѣ, точно мотылекъ порхала по

листу бумаги, изъ чего выходило какое-то «отношеніе» въ одно изъ безчисленныхъ губернскихъ учреждений, властныхъ въ судьбѣ деревенскаго обывателя,—низкая дверь волостнаго правленія растворилась, и въ комнату вошелъ коренастый, плечистый мужикъ лѣтъ пятидесяти — высокій, съ красивой самоувѣренной осанкой, съ русой окладистой бородой и съ спокойными сѣрыми глазами. Сейчасъ можно было замѣтить, что онъ собрался куда-то не въ обычное мѣсто, потому что на немъ были большіе сапоги и приличный кафтанъ синяго сукна.

— Федоту Федотовичу наше ночтеніе! промолвилъ вошедшій, протянувъ свою широкую моволистую руку. Федотъ Федотовичъ вложилъ въ нее свою маленькую ручку и, вмѣсто привѣтствія, сдѣлалъ вопросительное лицо.

— Помѣщикъ требуетъ! заявилъ вошедшій, садясь.— Прибѣгалъ Тимошка, лакей невѣй, сказывалъ, чтобъ староста съ писаремъ безпремѣнно... Тамъ у нихъ что-то вышло съ нашими мужиками. Тимошка сказывалъ: они, говоритъ, ему денежки принесли за землю, что сняли у него, а онъ денегъ не беретъ, ну и лѣтъ тоже снимать не дозволяетъ. Потому у него расчетъ. Босарь нынче вздорюжалъ, а наши мужики въ прежніе годы почтай что задаромъ ему снимали... Вотъ онъ и теперь захотѣлъ.

— Да я то что здѣсь стану дѣлать? проищалъ Федотъ Федотовичъ своимъ тоненькимъ голоскомъ. Во время разказа старосты онъ быстро соображалъ и, хотя не понималъ своей роли въ этой исторіи, поспѣшилъ, однакожь, струсить на всякій случай. Неизвѣстно, чего захочетъ Перехватовъ, но извѣстно, что онъ съ предводителемъ за панибрата. Захочетъ Перехватовъ—облагодѣтельствуешь, захочетъ—со свѣта сживешь. Федотъ Федотовичъ инстинктивно ухватился за стулъ, на которомъ сидѣлъ, словно желалъ убѣдиться, что подъ нимъ еще есть нога.

— Такъ надо идти!? полувопросительно промолвилъ ста-

— На что-бы это ему?.. Охъ, Господи!.. промолвилъ Федотъ Федотовичъ и сталъ напяливать на себя сюртукъ съ двумя коронными металлическими пуговицами. Это былъ его любимый сюртукъ. Его надѣвалъ онъ преимущественно въ случаяхъ, когда приходилось трепетать, потому что

новы въ большинствѣ парадные случаи въ жизни маленькой канцелярской крысы.

Они стояли на крыльцѣ у Перехватова, когда было уже десять часовъ. Погорѣловскія власти терпѣливо ждали, пока ихъ позовутъ. Наконецъ, ихъ повели въ комнаты и, что всего удивительнѣе, прямо въ кабинетъ Перехватова, что составляло особенную честь. Въ этомъ кабинетѣ, окно котораго выходило въ громадный фруктовый садъ, было очень много образовъ въ золоченныхъ ризахъ, съ вѣчно зажженной передъ ними лампадкой, стоялъ открытый шкафъ, наполненный книгами религіозно-нравственнаго содержанія, былъ даже валой, на которомъ повисла тяжеловѣсный молитвенникъ въ бархатномъ переплетѣ съ золотымъ крестомъ.

Лицо Перехватова нисколько не обѣщало бури. Оно было спокойно и неподвижно, глаза едва выглядывали изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ. При появленіи властей, онъ поднялся.

— Изволили звать насъ, ваше превосходительство?! промолвилъ Федотъ Федотовичъ, опустивъ руки почти по военному и робко смотря въ лицо Перехватову. Совершенно иначе держалъ себя староста. Онъ вошелъ довольно смѣло и, остановившись у двери, принялъ почти непринужденную позу. Онъ даже не смотрѣлъ на Перехватова, а устремилъ свои взоры куда-то въ окно, гдѣ разсматривалъ вѣтвистое вишневое дерево. Перехватовъ протянулъ руку Федоту Федотовичу и старостѣ и, указавъ на стулья, промолвилъ:

— Садитесь, господа! Дѣло очень важное!

При этомъ онъ поправилъ на шеѣ своей Анну, которую успѣлъ надѣть для внушительности. Староста, замѣтивъ это движеніе, обратилъ вниманіе и на орденъ, причемъ немедленно почувствовалъ нѣкоторую робость и пересталъ глядѣть въ окно.

— Я обращаюсь къ вамъ, господа, какъ къ здѣшнему начальству... Понимаете? началъ Перехватовъ чрезвычайно важнымъ тономъ, на что Федотъ Федотовичъ совсѣмъ уже было собрался отвѣтить: «понимаемъ, ваше превосходительство», но тотъ безъ остановки продолжалъ: — Знаете-ли вы, что у васъ дѣлается? Понимаете-ли вы, какія злыя сѣмена произрастаютъ въ умахъ погорѣловскихъ мужиковъ, на каковой, можно сказать, пагубный путь повели вы вѣренную вами волость?..

Власти съ недоумѣніемъ и испугомъ посмотрѣли другъ на друга.

друга. «Что у насъ дѣлается?» спрашивали они другъ друга глазами.

— Плохое-же вы начальство, когда не видите того, что дѣлается у васъ подь носомъ! продолжалъ Самсонъ Платоновичъ такимъ тономъ, какъ-будто великодушно хотѣлъ дать гостямъ своимъ благой совѣтъ безъ малѣйшей тѣни корысти.— А между тѣмъ дѣло уже далеко зашло! Народъ у васъ распущенъ, страшно распущенъ, до того распущенъ... Знаете, что я вамъ скажу?! Если во время не спохватиться, не принять мѣръ, не поналечь на него, такъ... такъ я боюсь, не случилось-бы бунта!..

— Ваше превосходительство!? Этого никогда не бывало и быть не можетъ! воскликнулъ испуганный Федотъ Федотовичъ.

— Съ нашимъ-то мужикомъ? Хе, хе! добродушно посылался староста,—гдѣ ужъ тутъ! У насъ народъ все задулшій, смиренный! Куда ему бунтовать! Напрасно беспокоитесь, ваша милость!

— Ну вѣтъ, Данила Федосѣичъ! Это ужъ мнѣ лучше знать, нужно-ли тутъ беспокоиться или не нужно! мягко, но вѣстѣ съ тѣмъ и многозначительно возразилъ Перехватовъ.—Я человекъ бывалый! Я вижу очень хорошо такое, чего вамъ во вѣкъ не увидѣть, хоть вы всѣ глаза проглядите! Я, братъ, тертый калачъ! И ужъ если я говорю, что тутъ дѣло опасное, такъ ты только знай—оглядывайся. Ужъ это вѣрно будетъ. Ты говоришь—ничего? А знаешь, что у меня было сегодня? Знаешь, что выкинули твои смиренные мужики? Денежки принесли! А это хорошо? А чѣмъ это пахнетъ? Да всѣ разомъ!! Это что такое? Стачка! Стакнулись! А что, если это дальше пойдетъ? А что, если вся деревня, а за нею другая, третья, да всѣ уѣздъ, а тамъ губернія, а? Такъ это чѣмъ пахнетъ? Ну ты ты скажешь тогда? Вотъ соберутся всѣ, да и начнутъ: не хотимъ работать господамъ! Подавай намъ пять цѣлокъ въ день! А тамъ дальше: не станемъ платить податей! А тамъ еще дальше, еще и еще... а? Съ дубинками въ руки понимаешь? Да ты знаешь, что это такое? Вы знаете, что такое? Это, братъ, какъ называется? Бунтъ, бунтъ! Шесть лѣтъ исправно работали, а теперь вдругъ— ты говоришь, Данила Федосѣичъ,—не беспокоиться. Такъ куда, что изъ этого выходитъ!..

Они сидѣли на своихъ мѣстахъ и разсуждали на тему:

«что изъ этого выходитъ»; они чувствовали точно какое-то пламя поджигаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Перехватовъ какъ дважды два—четыре доказалъ, что въ Погорѣловкѣ — бунтъ. Это ясно какъ день и на этотъ счетъ не остается никакихъ сомнѣній. Староста, правда, волновался сравнительно меньше. Значеніе такихъ словъ, какъ «бунтъ», «возмущеніе» — для него было не совсѣмъ ясно. Никогда онъ ничего подобнаго не видѣлъ, да и не слыхивалъ, чтобъ это было гдѣ-нибудь поблизости. Его волненіе происходило больше отъ того зловѣщаго шипѣнія, какимъ Самсонъ Платоновичъ сопровождалъ свое карканье. Другое дѣло—Федотъ Федотовичъ. Въ эту минуту онъ чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ. Вѣдь онъ имѣлъ понятіе, правда—очень смутное, даже о революціи, потому что не разъ слыхалъ это слово, при чемъ у произносившихъ его пѣна закипала у рта и изъ глазъ сыпались искры. Онъ былъ уничтоженъ, убитъ.

— Куй желѣзо, пока горячо! продолжалъ Перехватовъ, тономъ своего голоса все больше и больше напоминая графа Сенъ-Бри въ сценѣ освященія мечей. — Надо во-время потушить!.. Надо взять ихъ въ руки! Наказать примѣрнымъ образомъ!.. Положимъ, крутихъ мѣрь не нужно. Нужно дѣйствовать мѣрами мягкими... человѣчными... Вотъ что, по моему,—Перехватовъ заговорилъ почти октавой, такъ что староста, не отличавшійся тонкимъ слухомъ, долженъ былъ вытянуть шею и поставить правое ухо,—вотъ что надо сдѣлать... взять этакъ, да и... однимъ словомъ, взять да и собрать подати!..

— Какъ такъ собрать подати? широко раскрывъ глаза, почти крикнулъ староста. Онъ просто ошѣшилъ. Вотъ это ужъ именно то, чего онъ никакъ не ожидалъ.

— Ваше превосходительство! жалобно пропищалъ Федотъ Федотовичъ,—если вы не изволите шутить, то это невозможно! Н-невозможно! съ какой-то безнадежностью въ голосѣ повторилъ онъ.

— Я очень хорошо знаю, что возможно и что невозможно! надменно проговорилъ Самсонъ Платоновичъ. Онъ началъ уже склоняться на сторону репрессалій, такъ какъ было очевидно, что его не понимаютъ. — И если я призываю васъ сюда и трачу время съ вами, то, конечно, не для того, чтобъ рассказывать басни! Я шутить не люблю!.. Говорю вамъ—не-

обходимо собрать подати. Не-об-ходимо! Сейчасъ-же! Сегодня-же! Это самая разумная дисциплинарная мѣра! Это имъ напомнить, что надъ ними есть начальство!..

— Это какъ вашей милости будетъ угодно! заявилъ староста почтительно,—только чтобы подати собирать въ такую пору, это—нѣ-этѣ!.. Н-нѣтъ! Никакъ невозможно! Ничего изъ этого и не выйдетъ!

— Ну, какъ хотите, какъ хотите!.. развелъ руками Самсонъ Платоновичъ,—какъ хотите, господа! Я человекъ осторожнѣйшій!.. А только если что случится — на себя пеняйте, на себя!.. Такъ невозможно?

— Никакъ невозможно! рѣшительно заявилъ староста и даже пожалъ плечами въ знакъ того, что онъ не понимаетъ даже, какъ могла прійти въ голову такая мысль.

Федотъ Федотовичъ поднялся; но онъ, повидимому, думалъ иначе. Онъ не рѣшился-бы такъ категорически заявить, что это невозможно; онъ зналъ Перехватова и умѣлъ читать въ словахъ его то, что въ нихъ едва-едва проглядывало. И онъ прочиталъ слѣдующее: «Какъ хотите! Мое дѣло сторона! Но только помните—я вамъ этого не прощу! Я подведу вамъ такую штуку, что будете довольны! У меня кумъ — предводитель!»

— Такъ съ Богомъ! Я предупредилъ васъ; я сдѣлалъ свое дѣло!.. закончилъ Самсонъ Платоновичъ. Староста уже повернулся къ двери, но Федотъ Федотовичъ стоялъ на мѣстѣ, какъ прикованный. Уйти съ такимъ тяжелымъ камнемъ въ груди— это было выше его силъ.

— Ваше превосходительство! робко промолвилъ онъ, не глядя на Перехватова, который гордымъ окомъ, повидимому, провожалъ гостей за дверь. — Позвольте подумать, ваше превосходительство!..

— Подумайте! Подумайте! разрѣшилъ Перехватовъ, — отчего не подумать! А мнѣ вѣдь все равно.

— Нечего тутъ и думать! махнулъ рукой староста.—Этакого дѣла нигдѣ еще не бывало!.. — Просимъ прощенья! поклонился онъ, а за нимъ отвѣсилъ чуть не земной поклонъ Федотъ Федотовичъ, и они оба направились къ двери.

— Ахъ да! Я и забылъ! Совсѣмъ забылъ! Вдругъ спомнился Самсонъ Платоновичъ.—У меня къ тебѣ, Федотъ Фе-

дотовичъ, дѣльце есть! Я давно собирался... Ты на минутку останься, а староста подождетъ тебя!..

Староста вышелъ. У Федота Федотовича отлегло. Онъ сразу обнялъ умомъ своимъ всю суть дѣла. Онъ понялъ, насколько Перехватовъ тутъ «посторонній» человѣкъ и видѣлъ, что услуги его, Федота Федотовича, будутъ что-нибудь стоить.

Тутъ картина совсѣмъ перемѣнилась.

Самсонъ Платоновичъ въ одинъ мигъ лишился всего своего величія. Глаза его открылись и забѣгали, движенія изобличали крайнюю поспѣшность; величественная, тягучая, плавная рѣчь его замѣнилась скороговоркой; казалось, и самый размѣръ его уменьшился. Онъ осмотрѣлся кругомъ и подошелъ къ выходной двери, какъ-бы желая убѣдиться, что староста вышелъ. Потомъ онъ взялъ Федота Федотовича подъ руку и въ одно мгновеніе, точно соломенку, перетащилъ его къ окну.

— Ты, братецъ, непременно обдѣлай мнѣ это дѣло: слышишь? Непременно! Въ убытокъ не останешься! Знаешь, вѣдь, что я умѣю благодарить!.. заговорилъ онъ почти шепотомъ.

— Закона такого нѣтъ! Можно подъ судъ угодить, вотъ оно что! Не вы будете отвѣчать, а я!..

— Найдемъ законъ, найдемъ! Ужь это ты мнѣ предоставь! Въ воскресенье у меня будетъ предводитель... Понимаешь?.. Въ случаѣ чего, говори — предписаніе! И предписаніе будетъ, когда понадобится!.. Только вотъ этого болвана урезонь! Безъ него нельзя? А?

— Невозможно!

— Такъ ты урезонь! Скажи, дескать... ну, да ты самъ придумаешь! А если будутъ спрашивать, да распытывать... Ну, тамъ война, что-ли!.. Говори, что скоро будетъ война, такъ казнѣ, значить, деньги нужны... Понимаешь?.. А бояться нечего! Я ужъ тамъ все обдѣлаю!.. Ступай и помни!..

Федотъ Федотовичъ только кивалъ утвердительно головой, докладывая этимъ, что онъ все понимаетъ.

— Да вотъ что! Ты знаешь этихъ... бунтовщиковъ? Такъ собственно насчетъ этихъ... А другихъ не надо тѣснить!.. Ступай!.. Надѣюсь, братъ...

Федотъ Федотовичъ вышелъ. Въ залѣ онъ остановился и испустилъ такой глубокой вздохъ, точно передъ этимъ, въ продолженіи цѣлаго часа, не давали ему дышать. Изъ кабинета онъ вышелъ съ рѣшимостью исполнить порученіе Перехватово-

пальцемъ, какъ блоху какую-нибудь, потому блоха и есть!.. Да и тебѣ, Данила Федосѣвичъ, не сдобровать!.. Потому ты— главный!

Староста былъ обыкновенный «семеjственный» мужикъ. Онъ принадлежалъ къ большинству, которому своя шкура дороже всего на свѣтѣ, большинству, обладающему добрымъ сердцемъ и готовому совершить доброе дѣло, помочь ближнему и даже принести маленькую жертву на пользу землицы, — пока не видится замѣтнаго ущерба собственному благосостоянію. Но чуть только передъ ними изъ-за тумана выглянетъ угроза, они немедленно ощущаютъ страхъ за цѣлость свою и своей семьи, и дѣлаются способными на всякую пакость, съ единственною цѣлью защитить свои интересы.

— Такъ какъ-же ты полагаешь, Федотъ Федотычъ? спросилъ староста уже далеко не такимъ безразличнымъ тономъ, какимъ говорилъ прежде, когда смотрѣлъ на предложеніе Перехватова какъ на барскую блажь.

— Дай время, Данилъ Федосѣвичъ! Надо подумать! отвѣчалъ Федотъ Федотовичъ послѣ долгаго молчанія.

Данила Федосѣвичъ охотно предоставилъ ему думать и за себя, и за него, и они разошлись близъ волостного правленія. Староста пошелъ на поле, браня Перехватова за отнятое время, и пуще того за нарушеніе его душевнаго спокойствія; а Федотъ Федотовичъ вошелъ въ комнату волостного правленія и заперся тамъ на крючокъ. Онъ отказался даже отъ обѣда.

Два часа ходилъ онъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ; ходилъ онъ въ своемъ парадномъ мундирѣ, потому что позабылъ снять его. И все-то онъ «думаль» и «думаль», хотя, по совѣсти говоря, онъ почти навѣрное зналъ, что ничего новаго не придумаетъ, и что шкура, столь драгоцѣнная и почти единственная его собственность, возьметъ верхъ надъ слабымъ проявленіемъ человѣческихъ инстинктовъ.

III.

Часамъ къ семи вечера въ Погорѣловкѣ изъ устъ въ уста переходила странная молва. Утверждали, что нѣмецъ объявилъ войну нашему Царю, вслѣдствіе чего казнѣ понадобились деньги. Какая-то бойкая баба изъ малороссійскаго лагеря рассказывала эту исторію въ такихъ поэтическихъ обра-

захъ, съ такими опредѣленными подробностями, что у слушавшихъ ее бабъ не оставалось никакихъ сомнѣній. Она случайно проходила мимо волостного правленія, гдѣ на крылечкѣ сидѣли староста и писарь, потягивая прохладительный квасъ.

— Эй, слышь ты, Перепичка! кликнулъ ее писарь, — ты ничего не слыхала?

Перепичка такъ и опустила руки. Что такое могло случиться, чего-бъ она не слыхала? Да кому-же и слышать, какъ не ей, Перепичкѣ, черезъ голову которой проходятъ всѣ погорѣловскія новости, прежде чѣмъ разнесутся по селу. А между тѣмъ она ничего не слыхала.

— Война съ нѣмцами будетъ! Вотъ оно что! Ну, чего разинула ротъ? Вишь ты, все знаешь, а этого не знаешь!..

— Охъ, лышко! Та не вже-жь война?

— Говорятъ тебѣ, что война, подтвердилъ староста, — и подати велѣно собирать... Потому нѣмецъ силенъ, пороху много надѣлалъ, а мы все землю пахали... Приказъ, говорю, вышелъ, чтобъ подати...

Перепичка больше ужъ и не слушала. Она уже не могла устоять на мѣстѣ,—ее такъ и понесло впередъ, что бывало всегда, когда она узнавала какую-нибудь новость. Тогда она чувствовала непобѣдимую потребность высказаться и стремглавъ летѣла къ сосѣдкамъ. Перепичка очень быстро пропустила новость черезъ собственную фантазію, при чемъ получилась чрезвычайно яркая картина. Вѣсть переходила изъ устъ въ уста и по пути украшалась новыми картинками. Легкомысленныя бабы вѣрили безусловно. Среди мужиковъ, однако, новость была встрѣчена подозрительно.

— Да тебѣ должно быть приснилось, старая вѣдьма, обращались они къ Перепичкѣ. Но Перепичка клялась Христомъ Богомъ, соглашалась, чтобъ у нея лопнули глаза, отсохъ языкъ, чтобъ она провалилась въ тартарары и проч. и проч., если ей не сказалъ этого самъ староста. Ходили въ волостное правленіе. Писарь имѣлъ дѣловой видъ. Онъ уже укрѣпился въ той мысли, что необходимо заботиться о своей шкурѣ. Староста удалился домой. Это посоветовалъ ему самъ Федотъ Федотычъ, который боялся, чтобъ тотъ не испортилъ дѣло.

— Слыхалъ ты, Федотъ Федотычъ, что бабы брешутъ? Война съ нѣмцемъ!.. освѣдомлялись мужики.

Да, на то похоже! невозмутимо отвѣчалъ Федотъ Фе-

дотовичъ. Онъ находился въ мундирѣ и сильно выпячивалъ свою маленькую, впалую грудь.

— И будто подати собирать будутъ?

— Да, и подати! Сегодня и готовьтесь! Припасайте!

— А по какимъ, значить, правамъ это самое раззореніе будетъ?

— По какимъ правамъ? А вотъ!.. Федотъ Федотовичъ вынулъ изъ бокового кармана бумагу и, развернувъ, показалъ ее мужикамъ. Въ глаза бросалась огромная сургучная печать, которая немедленно произвела свое дѣйствіе.

— Значить—предписаніе?

— А видишь? Не самъ-же я выдумалъ!—Федотъ Федотовичъ развелъ руками, дескать—тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, потому бумага—за печатью.

— А може ты брешешь? недоувѣрчиво спросилъ малороссъ.

— А ты грамотный?

— Ни, не вмю!

— Ну, то-то и есть! А то самъ-бы прочиталъ!

— Отъ — лыхо! Якъ не те, то друге, а якъ не друге, то десяте! Якъ не жукъ, то градъ, а не градъ, то панъ, а якъ не панъ, то нимця Господь посылаетъ! Мабудъ за грѣхи! философски изрекъ малороссъ.

Когда справки были наведены и розказни бабъ подтверждены мужиками, погорѣловцамъ пришлось повѣрнуть. Большинство примирилось съ необходимостью, потому что у большинства еще не были истрачены остатки рублей, заработанныхъ на сѣнокосѣ. Но были и такіе, которые опустили головы. Въ перспективѣ видѣлась продажа лошаденки и домашнего скарба.

Сейчасъ послѣ захода солнца, по селу стали расхаживать сотскіе и десятскіе. Федотъ Федотовичъ въ сильной ажитации бѣгалъ изъ комнаты волостного правленія въ свою комнату, при чемъ не замѣчалъ, какъ сбивалъ съ ногъ своихъ собственныхъ чадъ, оставлялъ безъ вниманія ихъ носы, требовавшіе сильнаго ремонта, и вообще ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ былъ очень храбръ, пока не начался сборъ, но какъ только сотскіе вооружились палками и пошли по домамъ, онъ нервно забѣгалъ по своимъ владѣніямъ, точно чрезъ его маленькое туловище пропустили электрическій токъ. Это были

напрасныя тревоги. Никогда еще не удавалось собрать подати такъ мирно, какъ въ этотъ разъ. Дѣло въ томъ, что сотскіе относились необычайно снисходительно къ плательщикамъ. Когда оказывалось, что въ избѣ нѣтъ ни гроша, они молча выходили и шли дальше, помня наказъ писаря, чтобы не тѣснить мужиковъ. У «бунтовщиковъ», разумѣется, были деньги, тѣ самыя, что припасли они для Перехватова. А этого только и нужно было. Когда сотскіе вернулись въ волостное правленіе и объявили, что все благополучно, Федотъ Федотовичъ разинулъ ротъ отъ удивленія. У него свалилась гора съ плечъ. Одно — бѣда: Михайла Кузьмича не оказалось дома, и нигдѣ не могли найти его. Жена его могла только объяснить, что онъ передъ заходомъ солнца заложилъ свою клячу въ повозку и уѣхалъ изъ села, сказавъ, что вернется, должно быть, поздно. Это обстоятельство значительно сбавило радость Федота Федотовича: онъ зналъ, что Михайло былъ мужикъ рѣшительный, зналъ онъ также, что отъ Перехватова онъ ушелъ озлобленный. Что-бы это онъ такое придумалъ? Не натворилъ-бы чего!.. Федотъ Федотовичъ почувствовалъ, что шкура у него какъ будто стала побаливать.

Раннее солнце слѣдующаго утра, повидимому, собиралось зажечь землю. Не успѣло оно показаться изъ-за ближняго гѣса, какъ стало накалять воздухъ своими яркими лучами. Еще два-три такихъ дня—и хлѣбъ изжарится на нивѣ и отъ него останутся одни пустые колосья.

Перехватовъ въ это утро поднялся раньше обыкновеннаго. Онъ плохо спалъ ночь, думая о предстоящихъ убыткахъ, въ случаѣ, если не удастся его остроумная выдумка. Онъ сильно возмущалъ себя за то, что во-время не подумалъ о наймѣ рабочихъ. Вѣдь стояло сегодня-же, въ тотъ самый день, когда были у него «бунтовщики», отправиться въ губернской городъ—и можно было успѣть захватить партію рабочихъ. Это, конечно, обошлось-бы не дешево. Это стоило-бы въ пять разъ дороже, чѣмъ «по домашнему способу», т. е. почти даромъ трудомъ мѣстныхъ обывателей. Но за то ему не грозило-бы тогда громадныя убытки, которые теперь стоятъ передъ нимъ и пугаютъ его жадное воображеніе. Вѣдь стоитъ «съ олухамъ» одинъ разъ въ жизни—именно этотъ разъ—и ушибеть умно, т. е. заартачиться и наотрѣвъ отказаться отъ

работы, — и пропало около двухъ-сотъ десятинъ ржи, да какой ржи! Такой не найдется въ цѣломъ уѣздѣ.

Въ четыре часа утра Перехватовъ былъ уже на ногахъ, чѣмъ неприятно удивилъ своего вѣрнаго Тимофея, которому искренно хотѣлось спать. Перехватовъ позвалъ его къ себѣ.

— Не приходили? спросилъ онъ Тимофея, которому никакъ не удавалось протереть лѣвый глазъ, вслѣдствіе чего окружающіе предметы, а въ томъ числѣ и самъ баринъ, представлялись ему въ двухъ экземплярахъ.

— Кто такіе? спросилъ тотъ чрезвычайно недружелюбнымъ тономъ.

— А эти... Вчерашніе...

— Мужичье-съ?.. сообразилъ Тимофей. — Нѣтъ, не бывали. Черезъ полчаса Перехватовъ опять звалъ Тимофея.

— Нѣтъ еще?..

— Не видно! Можетъ позвать прикажете?

— Боже сохрани! И ты у меня никому ни слова! Слышишь?

— Слушаю-съ!

Тимофей дѣйствительно сообразилъ, какъ ему надо держать себя. Перехватовъ частенько поглядывалъ въ окно, въ ту сторону, гдѣ подымалось солнце.

«Охъ, какое прозрачное! Настоящее горнило! Сожжетъ!» размышлялъ онъ и начиналъ носиться по комнатамъ съ такою легкостью, точно въ немъ было не восемь пудовъ вѣсу. — «Ну, пусть! Пусть я поплачусь! Но ужъ и вы будете знать меня, молодцы!» мысленно обращался онъ къ своимъ обидчикамъ.

А обидчики въ половинѣ шестого уже наполняли дворъ Перехватова. Они совсѣмъ не были похожи на вчерашнихъ; можно было подумать, что это совсѣмъ другіе. Не осталось и слѣдовъ вчерашняго оживленія. Лица выражали покорность. Даже разговоръ почти не было слышно. Изрѣдка только кто-нибудь подымалъ голову вверхъ, къ солнцу, и односложно замѣчалъ:

— Палить!

На что другіе даже не отвѣчали, точно имъ было рѣшительно все равно—палить, или не палить.

На крыльцѣ показался Тимофей.

— А что?.. Самсонъ Платонычъ спать еще?.. несмѣло спросили мужики.

— Известно, спать! Чего ему спозаранку подыматься-то? Для вашей милости, что-ли? съ неподражаемымъ нахальствомъ отвѣчалъ Тимофей и сейчасъ-же пошелъ докладывать барину.

Перехватовъ вынулъ часы и, глядя на циферблатъ, просидѣлъ въ комнатѣ ровно пять минутъ. Затѣмъ онъ снялъ сюртукъ и надѣлъ халатъ. Это должно было обозначать, что онъ недавно съ постели.

Когда онъ появился на крыльцѣ, мужики дружно сняли шапки и столь-же дружно откашлялись, словно собирались всѣ разомъ заговорить. Перехватовъ былъ медлителенъ и величествененъ, какъ вчера. Можно было подумать, что онъ былъ совершенно беззаботенъ насчетъ положенія дѣлъ.

— Что, скажете, мои милые? неизмѣнно спросилъ онъ тѣмъ-же мягкимъ тономъ, какимъ началъ рѣчь свою вчера.

Мужики помолчали, очевидно, въ ожиданіи, что заговоритъ кто-нибудь одинъ. Но такъ какъ Михайлы не было и ораторъ не выскивался, то заговорили всѣ разомъ. Тутъ слышалось и «ваша милость», и «солнце, вишь, какъ расходилось», и «на двѣри, неначе въ пѣкли печѣ» и Богъ знаетъ, чего только ни слышалось, но понять нельзя было ничего.

Впрочемъ, Перехватовъ понималъ все, что ему было нужно.

— Ничего не пойму! Говори кто-нибудь одинъ!.. останавливалъ онъ жуужаніе толпы. Послышался хриплый голосъ бодреннаго мужика съ изрытымъ основой лицомъ, того самого, который вчера предсказывалъ неблагоприятный исходъ дѣла. Оказалось, что онъ краснорѣчивѣе всѣхъ.

— Дозволь, ваша милость, какъ ты вчера приказывалъ, хрипѣлъ онъ изо всей мочи, — посберемъ твою рожь, а тамъ, коли твоя милость будетъ, и свою!.. Мы согласны!..

— Какъ такъ? съ изумленіемъ воскликнулъ Перехватовъ, — почему-жъ вы денегъ не несете? У васъ вѣдь полные карманы денегъ, какъ-же это вы такъ? Вотъ ужъ не понимаю! Ей-ей, въ толкъ не возьму!..

— Денежки-то? Да вотъ, Господь послалъ наказаніе за наши! Вчерась подати отдали, потому — война, сказывалъ, съ нѣмцемъ. Приказъ такой вышелъ!..

— Война? Это новость! Какъ-же это мнѣ никто не ска-

заль?.. Такъ позволить вамъ хлѣбъ снимать? Гмъ... Не знаю, право!..

— Доволь, ваша милость! Время вонъ какое опасно! Гляди—все прахомъ пойдетъ! И твое, и наше!

Мужики низко кланялись.

Перехватову очень хотѣлось поломаться. Его очень забавляло это затруднительное положеніе смиренныхъ просителей, которые вчера еще являлись къ нему съ грозными требованіями. Но дорогое время шло,—оно стоило деньги.

— Ну, такъ и быть: ступайте! Только смотрите: вы должны мнѣ скосить, собрать и свозить на мѣсто! По условію, потому условіе—законъ. Я сейчасъ пришлю привычка! Ну, ступайте съ Богомъ! проговорилъ онъ, приподнявъ обѣ руки и чуть не благословляя мужиковъ на доброе дѣло.

— Покорно благодаримъ! въ одинъ голосъ промолвили просители и поклонились Перехватову чуть не въ ноги. Они повалили съ помѣщичьяго двора съ такой энергіей, точно каждому изъ нихъ выдали по сотнѣ рублей. Скоро они были уже въ полѣ, и на помѣщичьей землѣ раздавалась музыка звенящихъ косъ. Это была работа, какой еще никогда не видѣли перехватовскія нивы и поля. Мужики высыпали сюда цѣлыми семьями. У кого былъ взрослый сынъ—тотъ тащилъ сына, у кого дочка—тотъ дочку, у кого племянникъ—племянника. Нашлась работа и подросткамъ; бабы въ этотъ день не топили печей и не кормили ребятъ,—онѣ громадили за мужиками, вязали снопы и складывали ихъ въ небольшія коши.

Никогда мужикъ не старался такъ для себя, какъ на этотъ разъ для барина. Въ полдень перехватывали наскоро сваренную жидкую кашу и снова принимались за работу. Отдыха не полагалось. Только подростки, не будучи въ силахъ выносить тридцатиградусной жары, стремглавъ бѣжали въ ближайшую мелководную рѣчку, барахтались тамъ въ грязи и затѣмъ вновь возвращались къ снопамъ. И чѣмъ больше палило солнце, тѣмъ энергичнѣе налегали мужики на косы, тѣмъ старательнѣе громадили и вязали снопы бабы и ребята. Желтая нива, точно золотое море, слегка колыхалась отъ легкаго жгучаго вѣтра. Косари посматривали влѣво, гдѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ помѣщичьей нивы, желтѣла ихъ колосистая рожь, изъ-за которой они совершали этотъ нецелый сильный подвигъ на пользу помѣщика.

Она словно дружелюбно кивала имъ своими полными вер-хушками, звала къ себѣ и всякій разъ вливала въ нихъ но-вую энергію. Работали сплошь, кто сколько успѣетъ, безъ всякихъ счетовъ, лишь-бы поскорѣе окончить и приступить за свою.

На другой день вечеромъ, когда солнце, въ послѣдній разъ отразившись въ зеркалѣ извилистой погорѣловской рѣчки, спряталось въ зеленой гущинѣ камыша и надъ неаязными сельскими избами, вмѣстѣ съ сѣрыми сумерками, пронеслось дуновение вечерней прохлады, когда, точно по слову, вдругъ замолкли неугомонные степные пѣсенники, спрятавшись по своимъ гнѣздамъ, и только горластыя вороны продолжали все-таки свои вечерніе переговоры,—на широкую, огороженную площадь, гдѣ помѣщалось гумно Перехватова, въѣзжали по-слѣдніе возы ржи.

Пять огромныхъ стоговъ были уже выведены по всѣмъ правиламъ архитектуры. Красивыя верхушки оканчивались правильными шестиугольными звѣздами изъ сноповъ. Прибыв-шіе возы дали матеріалъ для двухъ новыхъ огромныхъ сто-говъ, и вотъ—работа окончена, и мужики, поднявъ свои уста-лыя головы, тщательно осматриваютъ свои созданія. Отъ этого занятія ихъ отвлекаетъ торжественное появленіе Перехватова. Окруженный цѣлой свитой своихъ прислужниковъ, онъ вы-ступаетъ съ торжественной улыбкой на устахъ. За нимъ не-сутъ изрядный запасъ водки и ломтей чернаго хлѣба. Му-жики сняли шапки, не давая себѣ отчета: снимаютъ-ли они передъ Перехватовымъ или передъ внушительнымъ бочен-камъ съ водкой, которая, послѣ жестокихъ трудовъ, является самымъ лучшимъ другомъ мужика. Перехватовъ собственно-риво подноситъ по большой рюмкѣ каждому, мужики крес-тятся, выпиваютъ и кряхтятъ.

— Благодарю, друзья мои! отечески произносить Самсонъ Платовичъ.—Искренно благодарю. Вы исполнили свой долгъ добросовѣстно: и я доволенъ, и вы довольны! Завтра вы начне-те убирать свою рожь... Я ничего не имѣю противъ этого. • Что Перехватовъ былъ доволенъ, въ этомъ никто не сомнѣ-вался, но изъ чего онъ заключилъ, что и мужики такъ-же до-вольны—это неизвѣстно.

Когда мужики разошлись, Перехватовъ долго еще ходилъ вокругъ только-что возведенныхъ стоговъ и потиралъ руки отъ

невъяснимаго удовольствія. Все это громадное зданіе, которое въ концѣ концовъ принесеть ему тысячные барыши, онъ возвелъ почти даромъ. И онъ преклонялся предъ собственной ловкостью. Когда онъ вернулся домой, то совершенно неожиданно засталъ у себя дорогого гостя. Мѣстный предводитель дворянства, князь Захудалый, по пути изъ губернскаго города, заѣхалъ къ нему переночевать.

Съ виду князь ни въ какомъ случаѣ не оправдывалъ своего прозванія. Напротивъ, онъ былъ даже слишкомъ тученъ, такъ что когда ему приходилось говорить рѣчь при открытіи дворянскихъ собраній, то, несмотря на то, что рѣчи эти отличались краткостью, князь всегда останавливался на среднѣ и дѣлалъ продолжительный отдыхъ. Князю было лѣтъ за шестьдесятъ. Высокій и тяжеловѣсный, онъ двигался медленно и соображалъ нисколько не быстрѣе. Жирное, совершенно выбритое лицо его не давало никакого понятія о его душевномъ настроеніи. Оно всегда выражало одно и то-же—именно, что князю тяжело передвигаться съ мѣста на мѣсто и наилучше онъ чувствовалъ себя, когда, окончивъ немногосложные дневные труды, ложился въ постель.

Прежде всего Перехватовъ повлекъ гостя полюбоваться только что воздвигнутымъ зданіемъ, причемъ предупредилъ, что расскажетъ ему «препотѣшную исторію». Въ тотъ самый моментъ, когда князь поднялъ голову, искренно любуясь красивыми верхушками стоговъ, лицо его вдругъ покрылось фиолетовой краской и глаза широко раскрылись. Перехватовъ отступилъ назадъ. Въ это время онъ рассказывалъ самый интересный эпизодъ «препотѣшной исторіи», именно—въ самыхъ поэтическихъ образахъ (онъ оказывался поэтомъ, когда предвидѣлъ хорошіе барыши) представлялъ, какъ сотскіе собирали подати на войну и какъ затѣмъ мужики пришли къ нему съ повинной головой.

— Ну, знаешь... это... немножко смѣлая шутка! произнесъ князь, видимо встревоженный, но тѣмъ не менѣе стараясь выразиться какъ можно мягче, чтобы не обезпokoить друга.

— Пустое!.. Увѣряю тебя, что отъ этого никто не пострадалъ! успокоилъ его Перехватовъ. — Если-бы ты зналъ, какъ скоро все это сдѣлалось! Завтра они уберутъ свой хлѣбъ, и повѣрь—когда придетъ время уплачивать подати, они будутъ очень довольны, что уплатили раньше!

Выходило, что Перехватозъ облагодѣтельствовалъ мужиковъ.

— Да!.. Но...

Князь больше ничего не нашелся сказать. Въ кабинетѣ Перехватова онъ написалъ записку и велѣлъ немедленно отнести ее писарю. Хотя князь казался веселымъ и старался поддерживать дружескій разговоръ, но Перехватовъ замѣтилъ, что онъ былъ сильно разстроенъ.

— Это, братъ... этого, братъ... не слѣдовало дѣлать!.. и-не слѣдовало! повременамъ заявлялъ онъ безъ всякаго отношенія къ дѣлу.

— Что-жъ тутъ такого? Господи,—Боже мой! невиннѣйшимъ образомъ возражалъ Самсонъ Платоновичъ.—Что они понимаютъ? Вѣдь они ничего не понимаютъ.

— Такъ-то такъ!.. Но, знаешь... Не слѣдовало!.. красно-рѣчиво настаивалъ предводитель.

Самсонъ Платоновичъ самъ прекрасно зналъ, что это дѣло вовсе не такое простое, чтобы можно было шутить, но, во-первыхъ, онъ очень рассчитывалъ на могущество своего друга, а во-вторыхъ, не хотѣлъ портить дружеской бесѣды тревожными соображеніями, поэтому старался говорить какъ можно мягче.

Когда Федотъ Федотовичъ трепетной рукой развернулъ записку и увидѣлъ тамъ подпись предводителя, то никакъ не могъ рѣшить, слѣдуетъ-ли ему радоваться или перетрусить. Когда-же онъ быстро пробѣжалъ пять священныхъ строчекъ собственноручно написанныхъ предводителемъ, то окончательно столбенѣлъ. Тамъ значилось:

«Въ виду могущихъ возникнуть недоразумѣній, вамъ не слѣдуетъ оставаться здѣсь. Немедленно отправляйтесь ко мнѣ въ усадьбу. Предупредите старшину.

Князь Захудалый».

Охъ ты Господи! Куда-то еще судьба занесетъ! тяжело вздохнулъ Федотъ Федотовичъ Бѣднягинъ, бросивъ жалостный взглядъ на своихъ ребятишекъ, которые заставили его вступить въ это дѣло и покривить душой.

IV.

На другой день раннимъ утромъ, едва только показалась полоска блѣдно-розовая—первая предвѣстница зари,

когда погорѣловскіе хозяева, чуть только стали протирать заспанные глаза,—по большой дорогѣ въ село въѣхала мужичья повозка, запряженная угрюмой лошадежкой, которая усиленно и громко дышала, повидимому—послѣ долгой, непрерывной ѣзды. На повозкѣ сидѣлъ мужикъ съ русой бородкой, торчавшей нагѣво, вѣроятно отъ привычки подпирать подбородокъ лѣвой рукой. Онъ казался утомленнымъ, но въ то же время на лицѣ его можно было замѣтить сильное возбужденіе. Когда онъ проѣзжалъ мимо двора Семѣна Зозули, его окрикнули.

— Чи це ты, Михайло? Гей-гей! Пидожди! Куда рогнався?! Здоровь! Де це ты пропадавъ?

Повозка остановилась. Мужикъ поднялъ голову, и для Зозули уже не было никакого сомнѣнія въ томъ, что это Михайло Кузьмичъ.

— Здоровь! отвѣчалъ Михайло, — а у васъ что тутъ дѣлается?

— Та що-жь у насъ робыця? Такъ соби, ничего! Учора съ паномъ покинчали! почти равнодушно отвѣчалъ Зозуля; онъ былъ одинъ изъ перехватовскихъ «бунтовщиковъ».

— Покинчали? Дурни-же вы дурни! промолвилъ Михайло, подражая малороссійскому говору Зозули.—Такъ-то съ нашего брата-мужика всякій по шкурѣ дереть! Да и мудреное-ли дѣло, коли сами въ руки лѣзуть!

— А що-жь зробишь зъ нимъ, коли винъ сыла? Та вже якъ дѣло сдѣлано, то ничего размовлять! Легше не буде!

— Ну, нѣтъ, братецъ ты мой, мы еще поразмовляемъ! Я вѣдь вѣстей привезъ вамъ! Не даромъ объѣздивъ пять волостей! А пускай-ка земляки раненько соберутся къ волости—потолковать! Что я имъ расскажу—такъ будутъ довольны! Ты скажи сосѣдямъ, Зозуля!

— Добре! отвѣтилъ Зозуля, и Михайло стегнулъ свою лошадежку, да такъ стегнулъ, что та понеслась во всю прыть. Ему страшно не понравилась новость, сообщенная Зозулей. Не думалъ онъ, что земляки такъ скоро перерѣшатъ и покончатъ съ дѣломъ. Станный это былъ мужикъ — Михайло. Въ обыкновенныхъ случаяхъ трудно было найти мужика веселѣе. Онъ казался вѣчно довольнымъ своей судьбой. Въ сосѣдскихъ дѣлахъ—это былъ мужикъ уступчивый, мирный, не задорный. Это былъ общій другъ, веселый собесѣдникъ, съ которымъ

врядъ-ли кто изъ земляковъ когда-нибудь ссорился. Но чуть кому-либо приходило въ голову нанести малѣйшую обиду его землякамъ или дѣлому селу, какъ Михайло дѣлался другимъ человѣкомъ. Въ то время, какъ другіе, подѣ часъ сознавая свое безсиліе, терпѣливо сносили обиду, Михайло выходилъ изъ себя, желчно кричалъ и бранился и, часто оставаясь въ меньшинствѣ одного противъ всѣхъ, непремѣнно доводилъ свое дѣло до конца. Онъ выжидалъ удобнаго случая и мстилъ обидчику иногда самымъ грубымъ образомъ, обзывая его все-народно «душегубомъ» или другимъ подходящимъ именемъ. Въ этомъ человѣкѣ жило какое-то тайное, несознаваемое чувство общественности. Не прошло и двадцати минутъ, какъ Михайло уже ходилъ по избамъ, сзывая мужиковъ на сходъ.

— Чтobъ безпремѣнно всѣ пришли! кричалъ онъ чуть не на все село,—потому дѣло такое, какому и примѣра не было!..

И на сходъ явились дѣйствительно почти всѣ. Даже наиболѣе любопытныя изъ бабъ пришли, но, разумѣется, остались въ качествѣ публики, безъ права голоса и въ приличномъ отдаленіи отъ мужиковъ.

— Ну, сказывай, Михалка, зачѣмъ собралъ?! обращались мужики къ Михайлу.

— Да ты прежде глаза-то протри! сердито отвѣчалъ Михайло пристававшимъ. — Куда поспѣшаешь? Всѣмъ за-разъ скажу! Всякому рассказывать, такъ это, братъ, глотки не хватитъ.

Наконецъ Михайло нашпелъ, что пора уже открыть засѣданіе.

— Сказывали вы, земляки, третеводни, что Михалка сбѣсился, а Михалка не токмо-что не сбѣсился, а и дѣловъ надѣлалъ! началъ онъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ желчи. — Какъ усыхалъ это я отъ бабы Перепички, что эта глухая баба по селу разносила на счетъ войны и податей, да какъ этому вышло подтвержденіе отъ писаря, такъ сейчасъ это я свою клячу въ телѣжку и маршъ въ Калайдановскую волость. Приѣзжаю я туда, прямо къ старостѣ—староста тамъ Мѣняйло, мужикъ важный, съ разсудкомъ, не то, что нашъ Данилка, кото-ро всякая баба переспорить—приѣзжаю я къ нему и прямо спрашиваю: правда-ли, говорю, что будто война съ нѣмцемъ водати съ мужиковъ велѣно спрашивать? А онъ на меня вытаращилъ: ты, говоритъ, не спятилъ-ли? Ни объ ка-кой-такой, говоритъ, войнѣ свѣдѣньевъ не имѣемъ, а на счетъ

водатей, говорить, такъ ежели-бы и дѣйствительно война, говорить, была, такъ подати въ такое горячее время никто не можетъ собирать, потому такого закона никогда не бывало. На это, говорить, въ казнѣ другія деньги есть, понимаешь?— А у насъ, говорю, собираютъ. Такъ ты, говорить, плюнь и въ глаза! Такъ вотъ и сказалъ. Ну, я думаю, можетъ ему не извѣстно, можетъ до ихней волости не дошло еще, ѣду дальше въ Ворожиловку,—тамъ меня за дурака поняли. И сколько тамъ смѣху принялъ, братцы вы мои, такъ это и рассказывать зазорно. Ты, говорятъ, должно изъ желтаго дома съжалъ! Люди, говорятъ, въ поле спѣшать, а онъ объ нѣмцѣ толкуеть! Ну, думаю, куда ни шло, заверну въ Мурьино, а въ Мурьинѣ тоже; а тамъ по дорогѣ заѣхалъ я еще въ Дарьевскую волость, тамъ у меня писарь знакомый, такъ тоже говорить, ничего такого не слышно и это, говорить, вашему писарю и старостѣ либо приснилось, либо они оба дурману объѣлись. Ужъ тутъ я и руками развелъ! Вижу—дѣло мошенническое и больше ничего! Вижу—объѣзжаютъ нашего брата! Спѣшу это я домой, а земляки ужъ и помѣщику отслужили!.. Поспѣшили!.. Такъ вотъ оно какое дѣло выходитъ!.. И выходитъ это, братцы мои, что нашего брата то-есть такъ обдурчили, что лучше и ненадо!.. Такъ-то!..

Михайло кончилъ свою рѣчь съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ и такъ энергично махнулъ своей поярковой шляпой, что одушевлявшее его чувство мигомъ охватило мужиковъ. Толпа заволновалась.

— Такъ вотъ какое дѣло выходитъ! загалдѣли мужики, — ужъ это, можно сказать, и не по христіански!..

— Старосту! крикнули нѣсколько голосовъ разомъ.

— Что староста!? молвилъ Михайло,—староста вашъ ракъ-дуракомъ! Староста вашъ понимаетъ не больше моей лошади!.. Не староста тутъ виною!..

— А кто?

— А есть такіе! Починце старосты будутъ!.. Смотри дальше! Однако сходили за старостой и привели его.

— А сказывай намъ, Даниль Федосѣвичъ, какая-такая царская грамота насчетъ войны съ нѣмцемъ, да насчетъ податей? пристали къ старостѣ. Данила Федосѣвичъ имѣлъ сонный видъ. Ему не дали хорошенько выспаться.

— Грамота?.. Да я, братцы, ничего не вѣдаю! Я вѣдь не

ученный какойнибудь, чего пристали! Писарь сказалъ: грамота, говорить... За печатью... Ну я и говорю: грамота! Подати, говорить, велѣно собирать. Ну я и говорю: собирай подати!..

— Такъ какой-же ты староста послѣ этого?

— А ты либа не знаешь, якій? Винъ, бачешь, выпить—староста! Ось воно що! съострилъ малороссъ, и публика разсмѣялась. Староста воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ удалиться съ позоромъ. Эта шутка для него была въ особенности обидна, потому что онъ не прочь былъ выпить.

— Подавай теперъ, братцы, писаря! раздалися голоса.

— А писарь, звисно, на старосту звалить! замѣтилъ все тотъ-же малороссъ.

Но съ писаремъ дѣло обошлось иначе. Его вовсе не оказалось дома. Супруга его объяснила, что онъ уфхалъ еще вчера вечеромъ и неизвѣстно когда вернется.

— Молодцы! что было мочи, съ отчаяніемъ крикнулъ Михайло,—по крайности не дураки; не то что нашъ братъ!.. А я вамъ скажу, братцы мои, что ни староста тутъ, ни писарь, а, коли хотите знать, самый этотъ баринъ Перехватовъ всѣмъ дѣломъ орудуетъ! Вотъ оно что! Третьеводни мы ему принесли деньги, ему невыгодно было, вотъ онъ и подстроилъ штуку и придумалъ, будто война. Денежки-то у васъ отобрали, вотъ вы и пошли къ нему Христомъ Богомъ просить!.. А теперъ, гляди, приказъ выйдетъ,—деньги назадъ отдать: ошибка, молъ, случилась... Понимаешь?..

Мужиковъ точно осѣнило свыше. Имъ пришлось только шевельнуться, какъ это соображеніе раньше не пришло имъ въ голову. Гдѣ-жъ таки видано, чтобъ подати собирали лѣтомъ? А еще лучше: гдѣ видано, чтобъ у неимущихъ не продавали скотины и всякаго скарба?

— Онъ самый и есть!.. Вотъ такъ обомель!..

— Та винъ же и е! Кому-жъ бильше? Та вжемъ недаромъ кажутъ люде, що винъ попивскаго роду! замѣтилъ малороссъ, намекая на консисторское прошлое Перехватова.

— Что-жъ теперъ дѣлать?

— А ужъ я не знаю! махнулъ рукой Михайло. — Я свое сдѣлалъ! Разказалъ вамъ все какъ есть! А вы дѣлайте что знаете! А только я... я ему этого такъ не спущу!..

Тонъ, которымъ произнесъ Михайло послѣднія слова, испу-

галь мужиковъ. «Какъ-бы онъ не натворилъ чего! Вѣдь вотъ, какъ найдеть на человѣка, — бѣшеный, да и только!» говорили мужики.

— Чево бѣшеный! Онъ за правду! Или, думаешь, нѣтъ вступился тщедушный мужикъ съ хриплымъ голосомъ.

Разошлись мужики, ни на чемъ не порѣшивъ. Когда кто-нибудь изъ нихъ въ этотъ день встрѣчалъ Михайлу, то револьно краснѣлъ и опускалъ глаза внизъ, подъ вліяніемъ злого, пронизывающаго взгляда. Михайло въ этотъ день не работалъ въ полѣ.

Было часовъ за двѣнадцать ночи. Погорѣловка спала глубокимъ сномъ. Устадыя головы не видѣли никакихъ сновъ, ни сладкихъ, ни тревожныхъ; это былъ тотъ часъ, когда погорѣловцы, что называется, разоспались, — самый неприятный часъ для пробужденія. Надъ селомъ царила глубокая тишина; даже зычный лай чуткихъ деревенскихъ собакъ затихъ, и только изрѣдка изъ ближняго лѣса долеталъ жалобный, претяжный стонъ проснувшейся птицы или легкой порывистой шумъ ночного вѣтра, случайно запутавшагося среди лѣсной гущины. И никто изъ обывателей не наблюдалъ, какъ далекое темное небо озарялось яркимъ заревомъ, какъ звѣзды на немъ блѣднѣли и потухали и какъ мало-по-малу вся Погорѣловка окуталась блестящимъ краснымъ свѣтомъ и стала походить на сказочный волшебный городокъ, окруженный таинственнымъ сіяніемъ. Бабы, спавшія на соломѣ, первыя замѣтили это странное явленіе. Испуганныя, онѣ выбѣжали на улицу и, точно угорѣлая, не знали, куда бѣжать и что предпринять. Онѣ еще не понимали въ чемъ дѣло. Двое отъ страха безъ памяти бѣжали къ рѣчкѣ, повидимому, съ явнымъ намѣреніемъ утопиться, но, добѣжавъ до мѣста назначенія, приходили въ память и вновь возвращались къ жизни. Болѣе сообразительные скоро поняли въ чемъ дѣло и подняли страшный крикъ.

— Охъ, батюшки! Ой свѣты небесные! Пожаръ!

Вся деревня ринулась къ тому мѣсту, гдѣ стояло гумно Перехватова. Пылали вчера только на славу выведенные стоги ржи, и ихъ шестиугольныя верхушки, которыми вчера любовался Перехватовъ, казались теперь настоящими сіяющими звѣздами. Воздухъ былъ насыщенъ ѣдкимъ запахомъ дыма. Перехватова

былъ уже здѣсь. Онъ, какъ безумный, бѣгалъ вокругъ пылавшихъ стоговъ, бессмысленно размахивая руками и крича во все горло охрипшимъ голосомъ.

— Воды! Бочекъ! Спасайте сѣно! Сѣно мнѣ спасайте! Рожь уже пропала! Сѣно, сѣно!.. Поливайте водой! Живо!

Да, сѣно было для него поважнѣй ржи. На недалекомъ разстояніи отъ пылавшихъ стоговъ стояли три огромныя, безконечныя скирды самаго лучшаго сѣна. Перехватовъ рассчитывалъ продать его съ громаднымъ барышемъ. Стояло перелезть туда одной искрѣ—и все пойдетъ прахомъ.

— Что-жь вы стоите? Олухи! Чего-же вы смотрите, разинувъ рты? Берите ведра! Ну, живѣй!— Да что-же вы? О, Господи! Братцы, голубчики! Да помогите-же! Имѣйте жалость. Да неужто-же въ васъ души христіанской нѣтъ?.. уже молилъ Перехватовъ.

— А въ тебѣ она есть? глухо пронеслось гдѣ-то въ глубинѣ толпы. То былъ голосъ Михайлы. Мужики оглянулись и, увидѣвъ его, поняли въ чемъ дѣло. Онъ былъ безъ шляпы, босой, кудлатый и вообще имѣлъ какой-то дикій видъ. Казалось, онъ съ невыразимымъ наслажденіемъ пожиралъ глазами это страшное море пламени.

— Да помогите-же! Помогите! отчаянно молилъ Перехватовъ. Но мужики направились къ сосѣднему гумну, принадлежащему старой помѣщицѣ средней руки, слывшей у крестьянъ подъ именемъ «доброй старушки». Тамъ появилась вода, тамъ скирды усердно поливались на всякій случай. Для Перехватова это было самымъ жестокимъ укоромъ.

— Такъ что-же это вы, разбойники, прохвосты, душегубцы? Это вы меня погубить вздумали!.. Такъ я же васъ, я всѣ! Я васъ въ Сибирь укачу! На ка-то-ргу! Это звѣрство! Вы не христіане, вы живорѣзы!

Перехватовъ имѣлъ ужасный видъ. Лицо его было полно дикаго бѣшенства, налившіеся кровью глаза, казалось, готовы были выскочить изъ орбитъ. Онъ не зналъ за что ухватиться. Трое рабочихъ изъ его домашней свиты лѣниво возились съ бочками. Имъ, повидимому, было все равно--сгорить или не сгорѣть. Больше рабочихъ онъ не держалъ, потому что предвѣщалъ дешевый «случайный» трудъ. Онъ носился съ ведрами, иногда зачерпалъ въ него воды и съ ожесточеніемъ выливалъ на скирду сѣна, точно эти ничтожныя капли могли принести существенную помощь.

А между тѣмъ, точно на зло Перехватову, подошла утренній вѣтеръ. Искры полетѣли въ ту сторону, гдѣ, озаренны яркимъ пламенемъ, красовались роскошныя скирды сѣна. Перехватовъ бѣгалъ около нихъ съ своимъ ведромъ. Но это не помогло. Одно мгновение—и скирды сдѣлались добычей пламени. Перехватовъ изнеможенный опустился на траву. Онъ скрежеталъ зубами отъ злости.

Но вотъ пламя опустилось, вотъ надъ гумномъ носится только густой дымъ, поднимающійся изъ тлѣющихъ остатковъ соломы и сѣна, а вотъ, наконецъ, остался одинъ только горчій пепелъ. Сгорѣло все, что было на гумнѣ Перехватова. Убытки были громадны, и громадна была скорбь Самсона Платоновича.

Мужики разошлись по домамъ въ какомъ-то непривычномъ настроеніи. Многіе чувствовали угрызения совѣсти, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы насильно вривалось въ грудь чувство удовлетворенія. Никто не брался обсуждать только что совершившійся фактъ, долго еще самимъ мужичкамъ казавшійся страннымъ. Разговаривали больше о частностяхъ, о различныхъ эпизодахъ на пожарѣ, и разговаривали какъ-то неохотно. Общій голосъ былъ таковъ, что Перехватова Богъ наказалъ.

— Богъ, конечно!.. вставилъ неосторожно слово какой-то парень,—а дядя-то Михайло какой чудной былъ...

— Чего чудной? Какой былъ, такой былъ! А ты знай—помалчивай!.. осадилъ его старшіе, и парень привкусилъ языкъ.

Скоро началось слѣдствіе и тянулось очень долго. Михайлку «таскали по судамъ»; противъ него было много уликъ, и его дѣло казалось погибшимъ. Но вдругъ все это какъ-то оборвалось и его неожиданно-негаданно выпустили на волю. Рассказывали, что онъ очень кстати обмолвился насчетъ войны съ нѣмцемъ, причемъ упомянулъ о предводителѣ и еще кое о чемъ. Это ему и помогло.

И. Потапенко.

СЪВЕРНАЯ МЕЛОДИЯ.

Грозно чернѣетъ пустыня лапландская,
Въ бухту вторгается зыбь океанская,
Пѣною брызжетъ волна;
Судно, скрипя, безпокойно колыхается,
Грохотъ прибоя у берега слышится,
Сѣрая мгла холодна...

Тихо я вышелъ на мокрую палубу,
Слушаю чайки тоскливую жалобу:
Странный, пронзительный крикъ!
Онъ въ мои уши насильно врывается,
Дрожью по жиламъ моимъ пробирается,
Онъ въ мое сердце проникъ...

Грустно! мнѣ чудятся вопли страданія,
Въ голосъ вѣтра я слышу рыданія...
Или погибнетъ мой чолнъ —
Здѣсь, гдѣ я вижу лишь скалы безплодныя,
Небо свинцовое, тучи холодныя
И колыханіе волнъ?...

1872 г.

Д. Михаловскій.

„AU BONHEUR DES DAMES“.

Романъ Э. Золя.

(Окончаніе).

XIII.

Въ одно ноябрьское утро, когда Дениза отдавала распоряженія по своему отдѣлу, пришла горничная отъ Бодю и сообщила ей, что Женевьева очень дурно провела ночь и просить ее придти немедленно.

Послѣднимъ ударомъ, въ конецъ сразившимъ Женевьеву, было внезапное исчезновеніе Колумбана. Поощряемый Кларой, онъ пересталъ ночевать дома; онъ привязался къ ней со всей страстью цѣломудреннаго и робкаго юноши, сдѣлался ея вѣрнымъ псомъ, слѣдовалъ за нею повсюду и въ одинъ понедѣльникъ совсѣмъ не явился въ лавку, написавъ Бодю письмо въ такомъ тонѣ, изъ котораго можно было заключить, что онъ собирается лишиться себя жизни. Быть можетъ, кромѣ безумнаго увлеченія Кларой, имъ руководилъ въ этомъ дѣлѣ отчасти и расчетъ: торговыя дѣла Бодю шли все хуже и хуже, бракъ съ Женевьевою не представлялъ интереса даже съ денежной стороны и отдѣлаться отъ него было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно.

Въ «Старомъ Эльбефѣ» Дениза застала одну мадамъ Бою, неподвижно сидѣвшую у кассы, среди царившей въ лавкѣ гробовой тишины и унынія. Съ мрачнаго потолка вѣяло холодомъ; покупатели не заглядывали по цѣлымъ днямъ, и лежащій безъ употребленія товаръ покрылся плесенью.

— Что случилось? быстро спросила Дениза; — Женевьевъ хуже?

Мадамъ Бодю не сразу отвѣтила. Глаза ея наполнились слезами; только минуту спустя она проговорила:

— Я не знаю, мнѣ ничего не говорить... Ахъ! все, все теперь кончено!

Она съ отчаяніемъ обвела глазами пустую лавку. Полученные отъ продажи дома въ Рамбулье шестьдесятъ тысячъ франковъ были въ два года истрачены на несчастную конкуренцію съ «Bonheur des Dames». Несмотря на всевозможныя усилія и жертвы, «Старый Эльбефъ» былъ побѣжденъ; долги росли, такъ что пришлось прибѣгнуть къ послѣднему средству—заложить лавку. Полное раззореніе было на носу.

— Мужъ наверху, продолжала мадамъ Бодю разбитымъ голосомъ;—мы чередуемся черевъ каждые два часа; нужно-же кому-нибудь сидѣть въ лавкѣ, хоть на всякій случай, такъ какъ въ сущности...

Она безнадежно махнула рукой. Давно слѣдовало-бы заколотить ставни, но коммерческое самолюбіе удерживало ихъ отъ этого.

— Ну, такъ я иду къ ней, тетя, съ стѣсненнымъ сердцемъ сказала Дениза.

— Да, иди скорѣе, моя милая... Она тебя ждетъ, она звала тебя всю ночь. Ей хочется тебѣ что-то передать.

Въ эту минуту по лѣстницѣ тихо сошелъ Бодю. Отъ постоянного разлива желчи, лицо его позеленѣло, глаза налились кровью.

— Она спитъ, ты обожди, прошепталъ онъ, въ изнеможениі опускаясь на стулъ и вытирая потный лобъ;—когда она засыпаетъ,—намъ кажется, что ей лучше.

Наступило продолжительное молчаніе. Отецъ и мать пристально смотрѣли другъ на друга. Затѣмъ, не обращая ни къ кому, Бодю въ полголоса затунулъ жалобы на Коломбана.

— Никогда-бы я этому не повѣрилъ! Онъ, казалось, составилъ исключеніе; я воспиталъ его какъ сына. Если-бы мнѣ кто-нибудь сказалъ: «берегитесь, они сманять и его, онъ тоже свинется»,—я бы отвѣтилъ, что тогда усомнюсь въ существованіи Провидѣнія! И вотъ, онъ свихнулся!.. Несчастный! Онъ одинъ былъ на истинномъ пути, одинъ раздѣлялъ мои надежды! И какъ подумаешь, изъ-за кого! Изъ-за какой-то дурачки, парадирующей въ окнахъ этого грязнаго базара!.. Ну, воля ваша, а я здѣсь ничего не понимаю!

Онъ качалъ головой, устремивъ задумчивый взоръ на кирочный полъ, востопанный многими поколѣніями клиентовъ.

— А знаете-ли, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ: — бѣгаютъ минуты, когда я считаю себя главнымъ виновникомъ нашихъ бѣдствій. Да, это я виноватъ въ томъ, что дочь имъ лежитъ тамъ въ лихорадкѣ. Мнѣ давно слѣдовало-бы попечатать ихъ, не ожидая изъ-за глупаго самолюбія пока дѣла пойдутъ лучше. Дочь моя была-бы теперь счастлива и, можетъ быть, ихъ молодость и любовь помогли-бы имъ совершить чудо, котораго я не въ силахъ былъ сдѣлать... Но я — старикъ дуракъ — ничего не понялъ; мнѣ и въ голову не приходило, чтобы изъ-за такихъ вещей можно было заболѣть... Правильно, это былъ рѣдкій малый, настоящая находка для торговли: честный, скромный, любимѣйшій трудъ и порядокъ, преданный...

Разстроенная убитымъ видомъ почти плачущаго старика Дениза не могла больше слушать этихъ горькихъ самообвиненій.

— Не оправдывайте его, дядя, заговорила она въ волненіи; — онъ никогда не любилъ Женевьеву и убѣждалъ-бы ея раньше, если-бы вы захотѣли ускорить свадьбу. Я говорила съ нимъ; онъ отлично зналъ, что заставляетъ страдать несчастную кузину, однако это не помѣшало ему бросить ее и скрыться... Вотъ, спросите тетю.

Не произнося ни слова, мадамъ Бодю утвердительно кивнула головой. Старикъ страшно поблѣднѣлъ и, сдерживая рыданія, проговорилъ:

— Это ужь, вѣрно, у нихъ въ крови; отецъ его, ветеринаръ, недавно умеръ изъ-за женщины!

Глаза его машинально блуждали по опустѣвшей лавкѣ и снова остановились на женѣ, неподвижно сидѣвшей у кассы, въ тщетномъ ожиданіи покупателей.

— Значить, все кончено, проговорилъ онъ въ отчаяніи; — они убили нашу торговлю, а одна изъ нихъ потаскухъ убила мою дочь.

Никто не произнесъ больше ни слова. Грохотъ проѣзжихъ экипажей, точно похоронный бой барабана, нарушалъ мертвую тишину умирающей лавки. Вдругъ въ потолокъ раздавался глухой, продолжительный стукъ. Это стучала палкой проснувшаяся Женевьева.

— Пойдемъ скорѣе, сказалъ Бодю, вскочивъ со стула; — старайся быть веселой, — не зачѣмъ ее разстраивать.

Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ тщательно вытиралъ запя-

канные глаза. Какъ только они растворили дверь, изъ комнаты дослышался слабый, жалобный крикъ:

— Я не хочу оставаться одна!.. Не оставляй меня... Я боюсь одна!

Увидавъ Денизу, Женевьева успокоилась, и на ея блѣдныхъ губахъ появилась улыбка.

— Наконецъ-то вы пришли!.. Я васъ жду со вчерашняго вечера. Мнѣ казалось, что и вы меня покинули!

Маленькая, полутемная комната, гдѣ лежала больная, выходила окномъ во дворъ. Сначала старики положили ее въ своей спальнѣ; но видъ «Bonheur des Dames» до такой степени волновалъ дѣвушку, что ее пришлось снова перенести въ ея комнату. Женевьеву нельзя было узнать: глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ, искудалыя руки безцѣнно двигались по объему; но ея роскошные черные волосы стали еще гуще и, казалось, впитали въ себя всю жизнь этого изможденнаго гѣла.

Нѣсколько секундъ Дениза смотрѣла на нее молча, боясь, что расплачется отъ жалости.

— Я пришла тотчасъ, какъ мнѣ сказали, заговорила она, наконецъ. — Нужно вамъ что-нибудь? Хотите, чтобы я осталась здѣсь?

Порывисто дыша, Женевьева не сводила съ нея глазъ.

— Нѣтъ, благодарю, мнѣ ничего не надо... Мнѣ просто захотѣлось поцѣловать васъ.

На ея рѣсницахъ выступили слезы. Дениза быстро наклонилась и поцѣловала ея горѣвшія, какъ въ огонь, ввалившіяся щеки. Больная обняла ее и долго сжимала въ своихъ объятияхъ, искоса поглядывая на готоваго разрыдаться Бодю.

— Хотите, чтобы я осталась? повторила Дениза; — можете ли вы мнѣ нужна.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ ничего не нужно, отвѣчала больная, удерживая на отца.

Отецъ, наконецъ, понялъ и, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ комнаты.

— Скажите правду: онъ у этой женщины? спросила она, оставшая Денизу возлѣ себя на кровати; — я хотѣла васъ видеть, потому что вы одна можете сказать мнѣ правду... Вѣдь вы живете вмѣстѣ?

Смущенная въ расцлохъ этимъ вопросомъ, Дениза раз-

Погребальная колесница, между тѣмъ, все не прѣезала. Денива въ нетерпѣннѣ ходила взадъ и впередъ, уныло поглядывая на тускло горѣвшія вокругъ гроба свѣчи, какъ вдругъ услышала за спиной знакомый голосъ Бурра, обратившагося къ сосѣднему торговцу.

— Послушайте, Вигуру! Окажите мнѣ услугу... Я ухаживаю. Если кто-нибудь придетъ ко мнѣ, скажите, чтобъ зашелъ въ другой разъ. Впрочемъ, вы можете быть спокойнымъ, навѣрное никто не зайдетъ.

Онъ стоялъ вмѣстѣ съ другими на тротуарѣ, въ ожиданнѣ погребальной колесницы. Близость его нѣсколько стѣснила Дениву. Она взглянула на эту знакомую ей лавку: изъ-за грязной витрины выглядывало теперь нѣсколько залежавшихся, помянутыхъ и запыленныхъ зонтиковъ и тростей; всѣ напомаженными старикомъ украшенія — краски, лакъ, помада успѣли уже полинять и потускнѣть и изъ-за нихъ снова выглянули прежнія трещины и пятна; но, несмотря на это, ветхій домъ упорно отстаивалъ свое существованнѣ, крѣпко держась за стѣны. «Bonheur des Dames», точно гнилая лавка на здоровомъ тѣлѣ гиганта.

— Ахъ, мерзавцы! прогрезнѣлъ Бурра; — не дадутъ даже похоронить спокойно!

Подъѣхавшую, наконецъ, похоронную колесницу зацѣпила нарядная карета «Bonheur des Dames», быстро промчавшаяся на парѣ великолѣпныхъ лошадей. Старикъ изъ колдобья кинулъ на Дениву сверкающій взглядъ.

Похоронный кортежъ медленно подвигался посреди останавливающихся фіакровъ и омнибусовъ. Бодю машинально слѣдовала за гробомъ, отказавшись отъ поддержки, предложенной предшествовавшимъ рядомъ съ нимъ Жаномъ. За провожавшей гробъ толпой слѣдовали три траурныя кареты. На улицѣ Сентъ-Ремю къ кортежу присоединился блѣдный, сильно состарившійся Бурро.

Въ церкви процессію ожидала толпа женщинъ и мелкихъ торговцевъ квартала, которые, несмотря на большое разстояніе, всѣ отправились за гробомъ на кладбище Монмартр. Служба продолжалась недолго. Шествіе приняло характеръ враждебной манифестаціи противъ «Bonheur des Dames», такъ какъ гробъ пришлось еще разъ провезти почти вокругъ магазина, точно тѣло первой жертвы народнаго возстанія.

Охваченная роемъ мучительныхъ ощущений, Дениза не въ силахъ была больше двигаться и сѣла въ одну изъ каретъ. На улицѣ Десатаго Декабря, неочищенной еще отъ стропилъ того фасада, кортежъ на минуту остановился. За каретою, въ которой сѣдѣла одна Дениза, шель, едва передвигая ноги, Бурра. Базалась, что онъ никогда не дойдетъ до кладбища. Поднявъ голову, онъ замѣтилъ дѣвушку и тотчасъ сѣлъ въ карету.

— Колѣни побаливаютъ... проворчалъ онъ. — Вы не отодвигайтесь... вѣдь я васъ не трону!

Связь суровую ворчливость старика сказывалось прежнее расположение къ дѣвушкѣ.

— Надо быть чертовски крѣпкимъ, сказалъ онъ, указывая на Бодю, — чтобы ходить еще послѣ такого удара.

Бодю тяжелыми шагами слѣдовалъ за двинувшимся погребальнымъ шествіемъ. Углубившись въ уголокъ кареты, Дениза слушала безконечныя рѣчи Бурра.

— Чортъ-бы ихъ побралъ съ ихъ постройками! ворчалъ онъ. — Полиція давно-бы пера велѣть очистить улицу. Восемь-надцать мѣсяцевъ ужъ строится этотъ проклятый фасадъ и заграждаетъ людямъ проходъ. Недавно еще убился здѣсь человекъ... Но ужъ за то теперь имъ дальше строиться нельзя! Развѣ что перекинуть мосты черезъ улицы... Говорятъ, что васъ теперь двѣ тысячи-семьсотъ человекъ служащихъ и что годовой оборотъ достигнетъ въ нынѣшнемъ году ста милліоновъ... Боже мой! Сто милліоновъ!...

Кортежъ проходилъ по улицѣ Chaussée-d'Antin, гдѣ снова остановился, вслѣдствіе скопленія экипажей. Бурра продолжалъ свою ворчливую рѣчь, ни къ кому не обращаясь, громко разговаривая самъ съ собой. Онъ все еще не могъ понять торжества «Bonheur des Dames», хотя и признавалъ упадокъ мелкаго торгана.

— Блудяга Робино совсѣмъ окустился; онъ смотритъ какъ рыба, которому заклинули уже на шею веревку... А Бидоре, Ванкуль, — всѣ, подобно мнѣ, чуть держатся на ногахъ. Теперь разбить апонлексическимъ ударомъ, Гиво и Ришваръ съ разлитіемъ желчи. Всѣ мы, всѣ, врывающіе эту дѣвушку, больше походимъ на трупы!.. Со стороны можно быть забавно смотреть на этотъ кортежъ банкротовъ и разслабленныхъ... А вѣдь это еще только ягодки! Эти

гласиться, чтобы эта гнилая куча развалинь вѣчно гнила стѣну его магазина! Рано или поздно—она во что-бы то ни стало должна исчезнуть, а съ нею и этотъ старый дуракъ. Такъ ему и надо... вѣдь ему предлагали до ста тысячъ франковъ!.. Развѣ этого недостаточно? Развѣ Мурѣ сдѣлалъ не все, что могъ? Онъ вѣдь не торгуется, онъ готовъ заплатить все, что ни запросятъ; но надо-же, наконецъ, имѣть хоть какую смысла и не мѣшать ему завершить его предпріятіе!

Опустивъ глаза, она слушала его, не находя иныхъ возраженій, кромѣ состраданія къ несчастному старику. Вѣдь онъ такъ старъ, —можно было-бы выждать его смерти, а не ускорять ее раззореніемъ и банкротствомъ. Тогда Мурѣ отвѣтилъ, что онъ теперь даже не въ силахъ помѣшать ходу дѣла, такъ какъ оно передано уже Бурдонкю, и совѣтъ рѣшилъ кончить съ нимъ во что-бы то ни стало. Несмотря на сочувствіе къ горькой участи старика, ей пришлось уступить и помириться.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ тяжелаго молчанія, Мурѣ самъ заговорилъ о Бодю. Онъ глубоко соболѣзнуетъ имъ въ постигшемъ ихъ страшномъ горѣ. Это отличные, честные люди, которымъ страшно не везетъ. Но, въ сущности, они сами во всемъ виноваты. Вольно-же имъ было упрямыться и корить въ ихъ гниломъ подвалѣ. Нечего удивляться катастрофѣ! Вѣдь онъ двадцать разъ предсказывалъ ее; она сама помнитъ, что онъ не однажды поручалъ ей предупредить дядю, что ему угрожаетъ большая бѣда, если онъ не возьмется, наконецъ, за умъ. Катастрофа разразилась, наконецъ, и ничѣмъ нельзя ее отератить. Не можетъ-же онъ раззорить себя, чтобы спасти старую торговлю квартала. Да если-бы онъ даже вздумалъ закрыть «Bonheur des Dames», на его мѣстѣ тотчасъ-же возникъ-бы другой такой-же магазинъ, ибо идея новой торговли носится въ воздухѣ, сѣя повсюду сѣмяна; она сотретъ съ лица земли все старое и отжившее.

Онъ все больше и больше увлекался, защищаясь противъ обвиненій и жалобъ своихъ жертвъ и протестующихъ вожделовъ толпы мелкихъ лавочниковъ. «Мертвыхъ не берегутъ, ихъ хоронятъ!» восклицалъ онъ, энергическимъ жестомъ отсылая въ общую могилу всѣ трупы старой торговли, разлагающіеся остатки которой заражаютъ только воздухъ свѣтлыхъ улицъ новаго Парижа. Нѣтъ! ему не въ чемъ упрекнуть себя. Онъ

выполняетъ только задачу своего вѣка, и она, Деннза, любящая жизнь, борьбу и широкія предпріятія, сама это отлично знаетъ!

Всю эту ночь Деннза почти не спала. Ее одолѣвали кошмары,—ей грезилось далекое дѣтство въ Волоньи, гдѣ, маленькой дѣвочкой, она плакала при видѣ малиновки, пожиравшей пауковъ, которые въ свою очередь поѣдали мухъ. Неужто это правда,—неужели всеобщее взаимное пожирание есть неизмѣнный законъ жизни? Неужто смерть и разрушеніе есть необходимое условіе возрожденія?

Ей мерещилась могила, въ которую только-что опустили несчастную Женевиѣву. Въ глубинѣ темной столовой одиноко сидятъ дядя и тетка. Среди царившей кругомъ мертвой тишины раздастся вдругъ глухой трескъ и грохотъ: это рухнетъ домъ Бурра. На минуту снова наступаетъ глубокая, злобѣщая тишина, за которой—новый трескъ и грохотъ. Одна за другой разрушаются лавки Робино, Бидорэ, Ванпуль; вся мелкая торговля квартала Сенъ-Рошъ падаетъ подъ сокрушительными ударами чьего-то невидимаго молота. Боже мой! сколько страданій, сколько плачущихъ семействъ, сколько выброшенныхъ на мостовую старцевъ, какая ужасная картина смерти и разрушенія! Но она бессильна, она никого не можетъ спасти; ей кажется, что и не слѣдуетъ спасать, что это къ лучшему, что разрушеніе отжившаго есть залогъ новой лучшей жизни. Нѣтъ потрясеній безъ крови, нѣтъ прогресса безъ искупительныхъ жертвъ. Но вдругъ ей становилось невыразимо жаль всѣхъ эти невинно гибнущія жертвы, она утѣкала себя въ черствости и мучительно искала средства спасти отъ конечной гибели хоть своихъ, близкихъ ей сердцу людей.

Тогда передъ нею выступалъ чарующій образъ Мурэ съ его ласкающимъ бархатнымъ взглядомъ. Онъ, конечно, ни въ чемъ ей не откажетъ, и ей удастся заставить его помочь тѣмъ изъ пострадавшихъ, на которыхъ она укажетъ... И мысль ея становилась на этомъ загадочномъ человѣкѣ, пыталась его угадать. Передъ нею развернулася вдругъ вся его прошлая жизнь, всѣ его рассчитанныя любовныя связи, вѣчная эксплуатация женщинъ и стремленіе составить черезъ нихъ свою карьеру: продолжительная связь съ мадамъ Дефоржъ, поддерживаемая съ единственной цѣлью овладѣть барономъ Гартма-

номъ, и весь это рядъ похощеній авантюриста, о которыхъ всё вабыли только благодаря его успѣхамъ, гению и чарующей граціи. Ей было трудно помириться съ этой ложью его прилагая, съ этой холодной расчетливостью чарующаго лоренса. Но теперь, когда онъ самъ любитъ и страдаетъ, когда онъ видитъ его называющимся въ мукахъ неудовлетвореннаго чужимъ и совнанія своего безсилія, — она не можетъ чувствовать ему злобы: въ ея глазахъ эти страданія, искушали всё грѣхъ его прошлаго.

Въ это-же утро Дениза заручилась обѣщаніемъ Мура вознаграждать Бурра и Бодю за всё потери, какъ только наступитъ день ихъ окончательнаго раззоренія. Прошло нѣскольکو недѣль. Дениза каждый день старалась найти нѣскольکو свободныхъ минутъ, чтобы посѣтить дядю и внести въ унылую атмосферу его лавки хоть каплю утѣщенія и жизни. Особенно тревожило ее ея состояніе тетки, которая, со дня смерти Абеневьовы, находилась въ какомъ-то столбнякѣ, въ какомъ-то сонномъ оцѣпенѣніи, и на всѣ вопросы отвѣчала, что чувствуетъ себя отлично, но что ее просто клонитъ ко сну. Сосѣди качали головой, замѣчая, что бѣдной женщинѣ не долго придется тосковать по дочери.

Однажды, когда Дениза выходила отъ Бодю, на углу площади Гайонъ раздавался страшный крикъ, за которымъ послѣдовалъ шумъ бросившейся туда толпы испуганныхъ прохожихъ. Одинъ изъ омнибусовъ, ходившихъ между Бастилей и Батиньолема, наѣхалъ на прохожаго. Стоя на козлахъ, кучеръ изо всей силы удерживалъ лошадей и неистово ругался.

Омнибусъ, наконецъ, остановился, толпа окружила раненаго; сбѣжались стоявшіе по близости полицейскіе сержанты. Продолжая стоять на козлахъ, кучеръ, задыхаясь отъ злости, объяснялъ толпѣ происшествіе, приводя въ свидѣтели сидѣвшихъ наверху пассажировъ.

— Я не виноватъ... какъ его убережешь?.. Я кричалъ что есть мочи, а онъ все лѣзетъ подъ колеса!

— Я шель за нимъ и отлично видѣлъ, какъ онъ нарочно сунулся подъ омнибусъ, закричалъ подошедшій къ толпѣ рабочихъ.—Видно, малому жизнь надоѣла!

Нѣскольکو голосовъ подтвердило то-же самое. Перепуганныя дамы повискочили изъ омнибуса. Толпа поминутно росла

— Да это г-нъ Робино! испуганно вскрикнула пробравшаяся въ толпу Дениза, узнавъ въ лежавшемъ безъ памяти человѣкѣ своего пріятеля.

Сержантъ тотчасъ обратился къ дѣвушкамъ и спросилъ имя, профессию и мѣсто жительства самоубійцы: Къ счастью, благодаря отчаяннымъ усиліямъ кучера, омнибусъ удалось во время повернуть, и подъ колеса попали только ноги несчастнаго. Четыре человѣка изъ толпы подняли его и снесли въ ближайшую аптеку.

— Ну и денегъ выдался, чортъ-бы его побралъ! произнесъ кучеръ, хлопая бичемъ по лошадамъ, и омнибусъ медленно пустился въ путь.

Дениза послѣдовала за Робино въ аптеку. Такъ какъ долго не могли найти врача, то аптекаръ, осмотрѣвъ больного и найдя его опаснымъ, посоветовалъ нести его скорѣе домой. Двое изъ толпы поѣхали въ полицейскій постъ за носилками. Денизѣ, которой мгновенно пришла въ голову мысль подготовить мадамъ Робино къ ожидавшему ее удару, стоило большихъ усилій выбраться изъ осаждавшей аптеку толпы.

Дениза издали завидѣла мадамъ Робино, стоящую на порогѣ лавки. Лавка носила уже на себѣ слѣды начинающагося упадка и разоренія, бывшихъ естественнымъ результатомъ великой борьбы съ страшнымъ противникомъ, который остался, наконецъ, побѣдителемъ, понизивъ цѣну своего шелка еще на пять сантимовъ. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ Робино велъ адскую жизнь, выбываясь изъ силъ, чтобы какъ нибудь избѣжать банкротства.

— Я сейчасъ видѣла вашего мужа, проговорила Дениза, идя въ лавку вслѣдъ за мадамъ Робино.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила мадамъ Робино, поминутно выходя изъ своего смутнаго безпокойствѣ выглядывавшая на улицу.

— Я его давно жду, — онъ долженъ-бы уже быть дома. Утромъ за ними зашелъ Гожанъ, и они вышли вмѣстѣ.

— Это была та-же веселая, очаровательная молодая женщина, по-прежнему тяготившаяся скучными торговыми дѣлами мужа, ничего не понимавшая въ нихъ. И для чего все? повторяла она по-прежнему. Не лучше-ли было-бы ѣсть сухой хлѣбъ въ какой-нибудь скромной квартирѣ, да жить спокойно безъ всякаго хлопотъ и огорченій.

— Я не стану скрывать отъ васъ, дѣти мое, продолжала

она съ печальной улыбкой,—что дѣла наши идутъ изъ рукъ вонъ плохо... Мужъ по цѣлымъ ночамъ не спитъ. Еще сегодня Гожанъ приставалъ къ нему изъ-за просроченныхъ игръ селей... Я ужасно беспокоюсь, когда его долго нѣтъ дома.

Она опять направилась, было, къ двери, но Дениза, изъ слуха которой донесился уже шумъ толпы, сопровождавшій носилки, удержала ее.

— Вы не беспокойтесь, заговорила она, заикаясь и зная что придумать.—Господинъ Робино въ опасности... Случилось маленькое несчастіе... Его несутъ, вы не беспокойтесь, умоляю васъ.

Молодая женщина стояла блѣдная какъ смерть, ничего не понимая. Въ это время толпа успѣла уже наводнить улицу, и носилки остановились передъ дверью магазина.

— Случилось несчастіе... продолжала Дениза, рѣшившись скрыть отъ нея покушеніе на самоубійство.—Переходи улицу, онъ случайно попалъ подъ омнибусъ... Не беспокойтесь, задѣты только ноги, сейчасъ приведутъ доктора.

Мадамъ Робино судорожно вздрогнула, дико вскрикнула и, рванувшись къ дверямъ, припала къ носилкамъ, опущеннымъ на полъ, въ ожиданіи прихода доктора, такъ какъ Робино испытывалъ нестерпимую боль при малѣйшемъ сотрясеніи. Когда онъ увидѣлъ жену, по его щекамъ свалились двѣ крупныя слезы. Она судорожно обняла его и, не сводя съ него глазъ, плакала какъ безумная.

— О, мой дорогой! мой милый, хорошій!.. повторяла она, стоя на колѣняхъ передъ носилками.

Увидѣвъ жену въ такомъ отчаяніи, онъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти и во всемъ сознался.

— Прости меня, я съума сошелъ... Когда стряпчій объявилъ мнѣ въ присутствіи Гожана, что завтра будетъ объявлена моя несостоятельность, у меня потемнѣло въ глазахъ, все закружилось и запрыгало... я не помню, что было дальше. Мнѣ казалось потомъ, когда я шелъ по улицѣ Мишодьеръ, надо мной смѣются прикащики «Bonheur», что на меня рушится все это подлое зданіе... Въ эту минуту проходилъ омнибусъ и, вспомнивъ вдругъ про Ломма, я бросился подъ колеса...

Мадамъ Робино съ ужасомъ слушала его признанія. Въ праведный! онъ искалъ смерти! Опустившись вѣкъ тѣломъ на полъ, она держала руку нагнувшейся надъ нею и совершенно

растерявшейся Денизы. Утомленный рассказомъ, Робино снова впалъ въ обморокъ, а докторъ все не приходилъ, не смотря на то, что посланные обѣгали весь кварталъ.

— Успокойтесь, ради Бога, машинально повторяла Дениза, заливаясь слезами.

— Боже мой! Боже мой! изъ-за меня онъ чуть не убилъ себя!.. говорила мадамъ Робино.—Все это время онъ повторялъ: «я обокралъ тебя, я спустилъ всѣ твои деньги!» День и ночь онъ бредилъ этими деньгами, приходилъ въ отчаяніе, называлъ себя ни на что негоднымъ дуракомъ... Вы знаете, онъ всегда былъ нервнымъ и впечатлительнымъ, вѣчно чѣмъ нибудь гврался... Ему стало, наконецъ, казаться, что онъ видитъ меня на улицѣ, одинокой, въ лохмотьяхъ, испрашивающей подавнїя...

Но, взглянувъ на мужа, она увидѣла, что глаза у него открыты.

— Дорогой мой, зачѣмъ ты сдѣлалъ это? обратилась она къ нему съ укоромъ...—Неужели ты считаешь меня такой гадкой? Мнѣ все равно, пусть мы будемъ нищими, пусть они все возьмутъ... Я буду счастлива тѣмъ, что ты со мной. Уѣдемъ подальше отъ всѣхъ этихъ дѣлъ; ты будешь работать, ты увидишь, какъ намъ будетъ спокойно и хорошо.

Она склонила голову къ его блѣдному лицу, и оба тихо плакали. Въ полумракѣ лавки воцарилась мертвая тишина; сквозь закрытыя ставни доносился съ улицы гулъ расходившейся толпы и грохотъ экипажей.

— Докторъ! произнесла бѣгавшая поминутно къ дверямъ Дениза.

Цереломъ оказался только въ одной лѣвой ногѣ и не угрожалъ никакими осложнениями. Больного тотчасъ перенесли въ комнату и занялись перевязкой. Но въ эту минуту въ лавку вошелъ Гожанъ съ извѣстіемъ о неудачѣ его послѣдней попытки отсрочить банкротство.

— Въ чемъ дѣло? Что случилось? бормоталъ онъ въ полутьмѣ.

Дениза вкратцѣ рассказала ему о случившемся. Онъ былъ совершенно сконфуженъ.

— Я не сержусь на васъ, произнесъ слабымъ голосомъ Гожанъ, — хоть вы, признаться, и виноваты немного во всей исторїи.

— Что дѣлать, мой милый! отвѣчалъ Гожанъ. — Тутъ нуки были люди покрѣпче насъ съ вами...

— Совсѣмъ нѣтъ, Гожанъ... отвѣчалъ съ усиленіемъ бойной. — Еще понятно, что гибнуть старики, въ родѣ Бурра Бодю; но намъ, молодымъ, стыдно было не понять новаго порядка вещей. Это конецъ старому міру торговли.

Мадамъ Робино нѣжно обняла уходящую домой Денву, вслѣдъ за которой тотчасъ-же вышелъ и Гожанъ.

— Робино правъ, говорилъ онъ по пути Денизѣ.

Съ ихъ стороны было нелѣпо затѣвать борьбу съ «Bonheur des Dames». Лично онъ считаетъ себя погибшимъ, если ему не удастся снова помириться съ магазиномъ, и вчера еще въ вѣдь въ этомъ смыслѣ переговоры съ Гютенемъ, который отправляется за заказами въ Ліонъ. Но онъ мало надѣялся на успѣхъ и поэтому старался заинтересовать въ свою пользу Денву.

— Нельзя-же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, идти противъ теченія и раззоряться, защищая интересы мелкой торговли... Намъ иной-же стануть всѣ смѣяться! Вы были правы, говоря, что производство должно отвѣчать требованіямъ вѣка и стараться угодить публикѣ—и тогда все устроится къ лучшему.

Дениза улыбнулась.

— Идите къ господину Мурэ, отвѣчала она, и выскажите ему все это. Онъ будетъ радъ васъ видѣть и охотно забудетъ прошлое, если вы предоставите ему хоть одинъ сантимъ ба-выша на метръ.

Въ одинъ изъ яркихъ солнечныхъ дней января мѣсяца умерла мадамъ Бодю. Въ послѣднее время она уже не въ силахъ была сходить въ лавку и цѣлый день сидѣла на кровати, обложенная со всѣхъ сторонъ подушками. На ея помертвѣвшемъ лицѣ жизнь сохранилась только въ глазахъ, неподвижно устремленныхъ по цѣлымъ часамъ на сіяющій передъ окномъ «Bonheur des Dames». Когда, встревоженный невыносимымъ упорствомъ этого взгляда, Бодю пытался иногда нутъ занавѣску, она удерживала его отъ этого нѣмымъ, но яляющимъ жестомъ. Это чудовище отняло у нея, наконецъ, имущество, дочь, ея собственную жизнь, потухавшую по-тому, какъ терялъ клиентовъ и падалъ дорогой ея сердцу рыи Эльбефъ». Почувствовавъ приближеніе послѣдней минуты, она велѣла раскрыть оба окна. Было тепло и тихо. Изъ море яркихъ солнечныхъ лучей залило и позолотило все э

нiе «Bonheur des Dames», тогда какъ въ комнатѣ больной царицы мракъ и сырость. Широко раскрывъ глаза, она упорно смотрѣла на это сверкающее зеркалами и позолотой колоссальное зданiе, въ которое отовсюду вливались миллионы. Взглядъ ея мало-по-малу тускнѣлъ и мутился, и когда наконецъ онъ совсѣмъ потухъ, влажные еще отъ слезъ глаза оставались открытыми.

Еще разъ на похороны собрались всѣ раззорившiеся представители мелкой торговли квартала. Тутъ были доживающiе свои послѣднiе сроки братья Ванпуль, Бидорѣ съ сестрой, разбитыи параличемъ Делиньеръ, въ конецъ раззорившiеся Пю и Ривуаръ. Не видно было только не оправившагося еще отъ болѣзни Робино. Особенное вниманiе привлекали на этотъ разъ новыя жертвы свирѣпствовавшей въ кварталѣ язвы раззоренiя: ожидающiе своей очереди парфюмеръ Гронье, модистка мадамъ Шодель, цѣвѣточникъ Лакассаажъ, сапожникъ Недъ и цѣлый рядъ другихъ торговцевъ, чувствовавшихъ близость гибели. За гробомъ шелъ Бодю тѣмъ-же медленнымъ, тяжелымъ шагомъ отправляемаго на убой быка, какимъ шелъ за гробомъ дочери.

Дениза все это время находилась въ страшныхъ хлопотахъ и бѣготнѣ. Хлопоты по помѣщенiю Пепэ въ коллежъ, бѣготня изъ-за влюбленнаго Жана, уговорившаго сестру простить для него руки хорошенькой племянницы пирожника, болѣзнь и, наконецъ, смерть тетки, съ цѣлымъ рядомъ неприятностей и огорченiй—до крайности утомили дѣвушку. А тутъ еще предстояла забота объ участи близкихъ. Мурѣ обѣщали сдѣлать для ея дяди и другихъ знакомыхъ все, что она ни захочетъ справедливымъ. Однажды утромъ, узнавъ, что Бурра вышла на улицу, а Бодю закрываетъ лавку, она еще разъ переговорила съ Мурѣ и послѣ завтрака отправилась къ нимъ съ предложенiями.

На улицѣ Мишодьеръ старикъ Бурра грозно стоялъ на порогѣ передъ своей лавкой, изъ которой еще вчера былъ выгнанъ по судебному приговору, благодаря ловкому маневру, сдѣланному въ ходѣ адвокатомъ Мурѣ. Весь фокусъ состоялъ въ томъ, что, скупивъ всѣ векселя Бурра, адвокатъ немедленно вынудилъ ихъ ко взыскаю и, добившись объявленiя его несостоятельнымъ должникомъ, купилъ на публичномъ торгѣ право на его контрактъ, вмѣстѣ съ лавкой, за пятьсотъ франковъ.

Такимъ образомъ, упрямому старику пришлось получить пятьсотъ франковъ за то, чего раньше онъ не хотѣлъ уступать за сто тысячъ. Но для того, чтобы приступить къ разрушенію зданія, архитектору пришлось прибѣгнуть къ содѣйствию полиціи, такъ какъ старикъ упорно не выходилъ изъ своей берлоги, несмотря на то, что надъ головой его начали ломать уже крышу. Полиціи удалось, наконецъ, вытащить его на улицу, но, переночевавши въ сосѣдней гостинницѣ, онъ на другой день опять появился на тротуарѣ передъ своей лавкой.

— Monsieur Бурра, ласково окликнула его Дениза.

Но онъ не слышалъ ея, устремивъ сверкающіе глаза въ рабочихъ, ломавшихъ передній фасадъ зданія. Сквозь разбитыя окна можно было видѣть съ улицы всю прогнившую внутренность ветхаго зданія, въ которое лѣтъ двѣсти не проникли лучи солнца.

— А, это вы! сказалъ онъ увидѣвъ ея, наконецъ. — Какъ вамъ нравятся эти разбойники, а?

Дениза не отвѣчала; она сама была не въ силахъ оторвать глазъ отъ этихъ почернѣвшихъ камней жалкаго зданія, воскресившаго въ ея памяти картину пережитыхъ здѣсь страданій. Но въ эту минуту рабочіе, желая сразу покончить съ этой стѣной, изо всей силы ударили въ ея основаніе. Стѣна пошатнулась.

— Хоть-бы они всѣ подъ ней остались! угрюмо проворчалъ Бурра.

Послышался страшный трескъ. Испуганные рабочіе разбѣжались въ разныя стороны. Вся стѣна рухнула разомъ, засыпавъ тротуаръ громадной кучей почернѣвшихъ и гнилыхъ обломковъ.

— Боже мой! въ ужасѣ воскликнулъ старикъ, точно вся стѣна свалилась ему на голову.

Онъ не ждалъ такого быстрого конца и растерянно смотрѣлъ на стѣну «Bonheur des Dames» освободившуюся, наконецъ, отъ позорившаго ее гнойнаго нароста. Это была побѣда надъ послѣднимъ препятствіемъ къ конечному торжеству геганта.

— Monsieur Бурра, повторила Дениза, стараясь увести старика въ сторону—будьте увѣрены, что васъ не оставятъ. Всѣ ваши нужды будутъ удовлетворены.

Онъ быстро выпрямился.

— У меня нѣтъ никакихъ нуждъ... Признайтесь, вѣдь это они васъ подослали ко мнѣ?.. Ну, такъ скажите мнѣ, что старикъ Бурра умѣетъ еще работать и всегда найдетъ себѣ работу... Онъ не нуждается въ милостынѣ, а въ особенности отъ людей, которые его ограбили.

— Прошу васъ, monsieur Бурра, не отказывайтесь, не лишайте меня этого утѣшенія.

Но онъ отрицательно качалъ косматой головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, довольно объ этомъ, прощайте... Будьте счастливы, вы молоды, но не мѣшайте-же старикамъ поступать по-своему.

Онъ кинулъ послѣдній взглядъ на кучу развалинъ и медленно удалился. Дениза долго смотрѣла на эту пробивавшуюся сквозь толпу фигуру, пока она не скрылась, наконецъ, за площадью Гайонъ.

Постоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшимости, Дениза отправилась къ дядѣ. Онъ былъ одинъ. Прислуга приходила къ нему два раза въ день, чтобы приготовить обѣдъ и помочь убрать лавку, куда нерѣдко по цѣлымъ часамъ не заглядывало живой человѣческой души. Если изрѣдка заходилъ покупатель, то Бодю только терпелся, не зная, что съ нимъ дѣлать, не находилъ товара. Одинокій среди этой могильной тишины и полумрака, онъ неустанно шагалъ по лавкѣ, поддаваясь какой-то болѣзненной потребности движенія, точно желая убавить и усыпить одолевавшее его горе.

— Какъ вы себя чувствуете, дядюшка? спросила Дениза.

Онъ на мгновеніе остановился и взглянулъ на племянницу, но тотчасъ снова зашагалъ между кассой и темнымъ угломъ лавки.

— Отлично, отлично... Благодарю.

Она старалась найти веселый сюжетъ для разговора, но ничто не находила.

— Вы слышали грохотъ? Это свалили домъ.

— А! вотъ что! пробормотала изумленно дядя.— Да, да... Я почувствовалъ, какъ дрогнула земля. Еще утромъ, увидавъ къ на крышѣ, я заперъ у себя дверь.

Онъ пожалъ плечами, давая понять, что это его мало интересуетъ. Каждый разъ, подходя къ кассѣ, онъ останавливался передъ пустой, обитой зеленымъ бархатомъ скамьей, въ которой выросли и провели всю жизнь его жена и дочь.

Отсюда взгляд его переносился на опустѣвшія, мрачныя полки, гдѣ лежало еще нѣсколько штукъ запылесневѣвшаго товара. Онъ напряженно прислушивался къ могильной тишинѣ маленькой столовой, этого родного, семейнаго угла, въ которомъ онъ любилъ все, даже его тѣсноту и спертый воздухъ. Все исчезло, все что было близко и дорого его сердцу, и только онъ одинъ разноситъ свое горе по всемъ угламъ развороченнаго и опустѣвшаго гнѣзда, нарушая мертвую тишину этого края звукомъ мѣрныхъ, тяжелыхъ шаговъ.

— Дядя, начала Дениза, рѣшившись, наконецъ, приступить къ интересовавшему ее предмету; — вамъ нельзя оставаться въ этомъ положеніи. Нужно на что нибудь рѣшиться.

— Конечно, отвѣчалъ онъ, не останавливаясь, — но что же мнѣ дѣлать? Я хотѣлъ продать лавку, но покупателя не нашлось... Что дѣлать! Въ одно прекрасное утро закрою лавку и уйду.

Ей было извѣстно, что банкротство ему не угрожало и что за уплатой всѣхъ долговъ, онъ останется только безъ гроша.

— Но что вы будете дѣлать дальше? пробормотала она, отыскивая предлогъ выговорить свое предложеніе.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ; — подберутъ меня гдѣ-нибудь.

Онъ переѣхалъ направленіе и зашагалъ отъ столовой въ витринамъ, гдѣ все еще лежало нѣсколько забытыхъ образчиковъ матеріи. Стоявшее передъ нимъ колоссальное зданіе «Bonheur des Dames» даже не останавливало на себѣ его вниманія; онъ утратилъ способность волноваться.

— Послушайте, дядюшка, сказала въ замѣшательствѣ Дениза; — быть можетъ тамъ найдется для васъ жѣсто... Мнѣ даже поручили предложить вамъ должность инспектора.

— Гдѣ это? спросилъ Бодю.

— Да тамъ, напротивъ... у насъ... Шестъ тысячъ франковъ и служба неутомительная

Онъ вдругъ остановился и посмотрѣлъ на нее; но, вмѣсто того, чтобы придти въ неистовство, какъ она этого боялась, онъ въ какомъ-то страдальческомъ волненіи провнесъ:

— Напротивъ? У васъ? Ты хочешь, чтобы я поступилъ къ вамъ?

Ей самой вдругъ сдѣлалось больно. Она вспомнила озабоченную борьбу двухъ противниковъ, смерть Женевиѣвы и тетки, раззореніе «Старога Эльбефа», горе и униженіе дяди,

и мысль, что послѣ всего этого «дѣда» въ черномъ ридинготѣ и бѣломъ галстукѣ будетъ спокойно гулять по галлереемъ «Bonheur des Dames», показалась ей чудовищной.

— Послушай, Дениза, ну что ты считаешь это возможнымъ? спросилъ онъ, сложивъ на груди дрожанія руки

— Нѣтъ, дѣди, нѣтъ! вскрикнула она въ порывѣ протеста всей ея чуждой и честной натурой; — это гадко... Простите меня, ради Бога!

Онъ снова зашагалъ по комнатамъ, и когда она вышла изъ лаби, продолжая съ какимъ-то отчаяннымъ упорствомъ ходить и ходить; не будучи въ силахъ заглушить роя осаждавшихъ его мучительныхъ воспоминаній.

Дениза не могла заснуть и эту ночь. Она убѣдилась въ своемъ полномъ безсиліи помочь даже самымъ близкимъ людямъ. Ей приходится быть до конца безучастной свидѣтельницей этого неумолимаго закона жизни, который ставитъ смерть условіемъ возрожденія. Она не протестовала больше, мучилась съ этимъ закономъ борьбы и гибели слабыхъ, но ея любящее женское сердце обливалось кровью, переполненное братской нѣжностью къ страдающему человѣчеству. Когда-то и она терпѣла нужду, горе и униженіе, и подобно другимъ тутъ была не раздавлена чудовищемъ. А теперь она сама, тщедушная и стѣбая, является невольнымъ орудіемъ этой сокрушающей всѣ препятствія силы, увлекшей и ее въ число своихъ сторонниковъ. Не странно-ли? Вѣдь творецъ этого безжалостнаго и ненасытнаго чудовища, съющаго повсюду смерть, разореніе и отчаяніе, — никто иной какъ Мурэ; и тѣмъ не менѣе, она любитъ его, любитъ умъ, славу и самыя побѣды, несмотря на ея слезы передъ картиной горя и отчаянія побѣжденныхъ.

Глава XIV.

Подъ яркими лучами февральскаго солнца празднично выглянула только-что оконченная улица Десятаго Декабря съ двумя рядами совершенно новыхъ, частью недостроенныхъ и бывшихъ домовъ. Среди этой широкой полосы свѣта, внезапно прорывавшей сирую мглу стараго квартала Сенъ-Роля, очевидно двигалась длинная вереница каретъ и фіакровъ, идущая передъ монументальнымъ фасадомъ «Bonheur

des Dames». У входа и вплоть до улиц Мишодьеръ и Шоазель тѣснилась густая толпа народа, созванная сюда режиссерами, цѣлый мѣсяцъ громко и настойчиво возвышавшими о грандіозной выставкѣ бѣлья, происходившей въ этотъ понедѣльникъ по случаю торжественнаго открытія новаго фасада.

Вниманіе прохожихъ невольно приковывала къ себѣ пестрая архитектура зданія и разнообразіе яркихъ красокъ тканей, выставленныхъ подъ его витринами. Только стѣны нижняго этажа, какъ-бы для того, чтобы лучше отбѣнить блескъ разложенныхъ здѣсь разноцвѣтныхъ тканей, выкрашены были подъ цвѣтъ плиты суроваго темно-зеленаго мрамора, и омѣлены позолотой. Но выше, отдѣлка становилась все ярче и пестрѣе. Фризы, отдѣлявшія нижній этажъ отъ перваго, пестрѣли мозаикой и гирляндами красныхъ и голубыхъ цвѣтовъ, окружавшихъ узкія мраморныя полоски, на которыхъ вырѣзаны были названія помѣщавшихся подъ ними во всю длину фасада товаровъ. Далѣе, ярко-эмальированныя кирпичныя стѣны перваго этажа вверху снова заканчивались фризами изъ мозаики и сверкающихъ позолотой гербовъ всѣхъ городовъ Франціи; наконецъ, отдѣлка третьяго этажа представляла густую и еще болѣе пеструю съѣ цвѣтовъ, мозаики, фаянса, мрамора и золота, надъ которой возвышался рядъ статуэтокъ, изображавшихъ крупные промышленныя города Франціи. Но съ особеннымъ восторгомъ заглядывалась толпа зѣвакъ на гигантскую, разукрашенную мозаикой и позолотой центральную дверь, надъ которой сверкала покрытая золотомъ аллегорическая группа, изображавшая женщину, которую цѣлуетъ окружившая ее со всѣхъ сторонъ стая смѣющихся амуровъ.

Такимъ образомъ, этотъ пышный храмъ расточительной богини моды былъ оконченъ и величественно господствовалъ надъ окрестностью, покрывая кварталъ своей гигантской тѣнью. Окончательно очистившись отъ позорившаго его стѣны состава прогнившихъ старыхъ зданій, «Bonheur» безпрепятственно занялся теперь вдоль четырехъ улицъ и, подобно выскочкѣ, стыдящемуся вскормившаго его родного пчелища, отвернувшись отъ разореннаго имъ стараго и грязнаго квартала, самодовольно и празднично глядѣлъ на полный свѣта и жизни новый Парижъ.

Разсмысливъ имъ теперь повсюду рекламы съ граэорами

изображали его разросшимся и разжирѣвшимъ, подобно легендарному людоеду, угрожающему раздавить вселенную. На первомъ планѣ красовался гигантскій магазинъ, занимающій половину гравюры; отъ него во всѣ стороны расходятся широкія улицы, по которымъ стекаются къ нему покупатели цѣлаго міра; а вокругъ, теряясь въ туманѣ, разстилается покоренный и прижатый Парижъ съ едва замѣтными домами и торчащими тамъ и сямъ жалкими церквями и памятниками, склонившимися покорно передъ побѣдоноснымъ гигантомъ.

Съ самаго утра толпа народа тѣснилась и росла передъ дверью новаго фасада. Около двухъ часовъ пополудни пикетъ полицейскихъ сержантовъ вынужденъ былъ регулировать движеніе и очистить улицу для проѣзда экипажей. Толпа валитъ со всѣхъ сторонъ. Еще ни одинъ магазинъ въ мірѣ не пользовался такъ широко и беззапѣчиво орудіемъ рекламы. На разнаго рода афиши и объявленія «Bonheur des Dames» расходывалъ теперь ежегодно около шести сотъ тысячъ франковъ, печаталъ четыреста тысячъ каталоговъ и изрѣзывалъ на образчики на сто тысячъ франковъ матеріи. Огромныя рекламы покрывали страницы ежедневныхъ газетъ и стѣны всѣхъ городовъ Франціи, поминутно напоминая публикѣ объ огромныхъ выставкахъ и распродажахъ магазина. Самъ новый фасадъ, съ его нестротою отдѣлки, позолотой, полными яркихъ тканей витринами и множествомъ вывѣсокъ, служилъ теперь грандіозной рекламой, привлекающей къ себѣ мрокожихъ и разжигавшей страсти покупателей. По случаю торжества открытія новаго фасада и выставки, къ наружнымъ украшеніямъ зданія присоединились развѣшавшіяся въ воздухѣ на высокихъ деревьяхъ разноцвѣтныя знамена съ гербами различныхъ городовъ Франціи и другихъ странъ.

А внизу, сквозь прозрачныя стекла витринъ, взору открывалась ослѣпительная снѣжная поляна бѣлья, полотенецъ, муслина и коленкора, покрывавшихъ галереи, стѣны, витрины, входы, и утомлявшихъ зрѣніе своимъ однообразіемъ.

Надо замѣтить, что новымъ, совершенно неожиданнымъ обстоятельствомъ, увеличившимъ стеченіе публики въ «Bonheur des Dames», — былъ пожаръ, уничтожившій огромный магазинъ «Четыре времени года», открытый недавно Бутмоутомъ возлѣ Оперы. Нѣсколько дней уже газеты были наполнены подробностями этого пожара, происшедшаго отъ

взрыва газа, описаніемъ ужаса и переполоха среди жившихъ въ магазинѣ продавщицъ и героизма спасавшаго въ Бутмона. Но огромные убытки тотчасъ-же были возмѣщены раскупкой новыхъ акцій, и публика, въ ожиданіи перестройки сгорѣвшаго магазина, нахлынула въ «Bonheur des Dames», наводнявшій въ эту минуту городъ своими рекламами. «Какое счастье этому Мурэ! Ему помогаютъ даже стихіи, истребляя его конкурентов!» И толпа покупателей спѣшила посмотрѣть на новую выставку этого счастливица, заранѣе высчитывая барыши, которые принесетъ ему неожиданная гибель противника. Но тѣмъ не менѣе, предпріятіе Бутмона причинило Мурэ не мало огорченій. Мадамъ Дефоржъ, которой въ значительной степени онъ былъ обязанъ своимъ успѣхомъ и состояніемъ, перешла на сторону его противника; финансовый дилетантизмъ Гартмана, принимавшаго денежное участіе въ обоихъ враждебныхъ предпріятіяхъ, выводилъ его изъ себя. Наконецъ, его привела въ отчаяніе одна гениальная выдумка Бутмона: этому весельчаку и бонвивалу пришла въ голову счастливая мысль произвести торжественное освященіе своего магазина при участіи юре и цѣлаго причта церкви Св. Магдалины и всего католическаго боннда. И если эта прогулка священниковъ изображеній по всѣмъ отдѣламъ и окропленіе святой водою принадлежностей дамскаго туалета не спасли магазина отъ огня, за то лучше милліона рекламъ взволновали вѣрующіхъ клиентовъ большого свѣта и возбудили ихъ симпатіи къ Бутмону. Съ этой минуты Мурэ не покидала мысль объ еще болѣе пышной церемоніи освященія «Bonheur des Dames» при участіи самого архіепископа.

На центральныхъ дверяхъ, между тѣмъ, пробило три часа. Это былъ часъ наибольшаго разгара торговли; въ галлерейхъ и залахъ магазина толпилось около ста тысячъ покупателей. Вся улица Десятаго Декабря была заставлена фіакрами; въ воздухѣ стоялъ непрерывный, оглушительный гулъ отъ стука колесъ, хлопанья дверецъ, выкрикиванья магазинной прислуги, ржанья и топота лошадей и говора покрывавшей оба тротуара толпы, спѣшившей къ магазину.

У одной изъ витринъ новаго фасада стояли мадамъ де-Бовъ съ дочерью Бланшь и мадамъ Гибаль и разсматривали полусмѣтыя женскія платья.

— Посмотрите, что за чудное парусинное платье за двенадцать франков! воскликнула первая.

— Да оно больше и не стоит, презрительно замѣтила мадамъ Гибаль;—довольно его разъ надѣть, чтобы оно тотчасъ обратилось въ тряпку.

Теперь онѣ подружились и стали неразлучны съ тѣхъ поръ, какъ графъ де-Бовъ былъ прикованъ къ дому сидѣньемъ припадкомъ ладагры. Жена нашла для себя болѣе удобнымъ держать соперницу въ своемъ домѣ, такъ какъ это давало ей возможность пользоваться хоть крохами изъ жалованья мужа, которое прежде все расходовалось имъ на сторонѣ.

— Ну, такъ войдемъ, продолжала мадамъ Гибаль;—надо взглянуть на ихъ выставку... Развѣ вы не условились встрѣтиться тамъ съ вашимъ зятемъ?

Мадамъ де-Бовъ не отвѣчала, устремивъ глаза на кареты, подъѣзжавшія къ главному подъѣзду, откуда одна за другой сходили покупательницы.

— Да, отвѣчала за нее Бланшъ; — Поль обѣщаль ждать насъ въ четыре часа въ читальной залѣ.

Уже мѣсяцъ какъ они были повѣнчаны и теперь только что вернулись изъ свадебной поѣздки на югъ Франціи. Молодая женщина сильно пополнила и еще болѣе прежняго стала походить на мать.

— А вотъ и мадамъ Дефоржъ! воскликнула мать, указывая глазами на остановившуюся возлѣ нихъ карету.

— Неужели? прошептала мадамъ Гибаль.—Она рѣшилась придти сюда послѣ всего, что у нихъ произошло!.. Вѣдь еще не успѣлъ остыть пепелъ послѣ пожара «Четырехъ Времени Года».

Мадамъ Дефоржъ подошла къ нимъ съ развязностью свѣтской дамы, умѣющей скрывать свои чувства.

— Мнѣ захотѣлось самой провѣрить всѣ эти слухи, заговорила она послѣ обычныхъ привѣтствій. — О! мы по-прежнему друзья съ г. Мура, несмотря на то, что онъ былъ взбѣшенъ моимъ покровительствомъ его конкуренту... Я не могу простить ему только одной вещи,—что онъ выдалъ-таки за мужа мою протеже, мадамозель де-Фонтенай, за этого Жозефа...

— Какъ! Неужели этотъ бракъ состоялся? прервала ее мадамъ де-Бовъ.—Это ужасно!

— Да, моя милая, и онъ устроилъ это исключительно для того, чтобы нанести намъ оскорбленіе. О! я его знаю; онъ хотѣлъ этимъ показать, что дѣвушки нашего круга годны только въ жены его лакеямъ.

Онѣ продолжали негодовать среди напиравшей на них со всѣхъ сторонъ толпы покупателей, которая увлекала их незамѣтнымъ образомъ въ магазинъ. Среди взаимныхъ разспросовъ, вспомнили, между прочимъ, о мадамъ Марти. Несчастный мужъ этой дамы, послѣ горячей семейной ссены, сошелъ съ ума: онъ помѣшался на богатствѣ и величіи и считалъ себя владѣльцемъ неисчерпаемыхъ золотыхъ и бриллиантовыхъ залежей.

— Бѣдняга! наконецъ-то онъ избавился отъ бѣготни по урокамъ! замѣтила мадамъ Гибаль.—А что его жена?

— Она теперь разоряетъ дядю, добродушнаго старика, который поселился у нея послѣ своего вдовства... Она набѣрное здѣсь, мы его увидимъ.

Но толпа втокнула ихъ, наконецъ, въ магазинъ, и ихъ изумленному взору сразу открылась вся роскошь внутренней убранства «самаго обширнаго въ мірѣ базара», какъ выражались рекламы. Большая центральная галерея, прорѣзывая весь магазинъ, выходила однимъ концомъ на улицу Десятаго Декабря, а другимъ — на улицу Сентъ-Огюстенъ; по обѣ стороны ея тянулись также во всю длину магазина двѣ боковыя галереи вдоль, Монсиньи и Мишодьеръ, расширяясь тамъ и сямъ въ четырехугольныя площадки, окруженныя чугунными лѣстницами и висячими мостами. Расположеніе отдѣловъ значительно измѣнилось: распродажа остатковъ происходила теперь у выхода на улицу Десятаго Декабря; шелковый отдѣлъ занималъ весь центръ магазина, перчатки помѣщались въ галереѣ Сентъ-Огюстенъ. Число отдѣловъ возросло теперь до пятидесяти, а цифра служащихъ достигла трехъ тысячъ сто рока пяти.

Дамы отутились въ свѣтлой, выложенной мозаикой, вѣтеной залѣ, откуда во всѣ стороны разстилались передъ ними сплошь заваленныя и увѣшанныя бѣльемъ галереи, точно сверкающія подъ солнцемъ свѣжныя поляны сѣвера. Направо тянулась галерея Монсиньи, въ которой бѣгли цѣлыя горы холста, каленкора, простынь, полотенецъ и носовыхъ платковъ; направо—галерея Мишодьеръ, искусно застроен-

ная фантастическими заданіями изъ чулокъ, кальсонъ и перламутровыхъ пуговицъ и увѣшанная длинными бѣлыми полосами шерстяной матеріи; посрединѣ — обширная центральная галерея сверкала бѣлыми лентами, галстухами, шляпами и перчатками. Вокругъ стройныхъ чугунныхъ колоннъ опускались волны бѣлаго муслина, перехваченнаго тамъ и сямъ воздушнымъ бѣлымъ фуляромъ. Огромныя полосы бѣлаго сукна, пике и фланели покрывали перила мостовъ, площадокъ и лѣстницъ до стекляннаго потолка, откуда, подобно глыбамъ обрушивающагося со скалъ снѣга, спускались бѣлыя покрывала, занавѣси и волны дорогихъ бѣлоснѣжныхъ кружевъ, густою сѣтью тянувшихся вдоль галлерей и отдѣленій. Но чудомъ этой выставки бѣлыя была устроенная надъ отдѣленіями шелковыхъ тканей воздушная палатка изъ бѣлаго муслина, кружевъ и шитой серебромъ восточной шелковой ткани, походившая на царственный чертогъ и напоминавшая брачное ложе куда-то исчезнувшей сказочной бѣлой царевны, которая рано или поздно должна была вернуться, въ блескѣ, красотѣ и могуществѣ.

— Какая прелесть! повгоряли дамы. — Что-то невиданное, сказочное!

Между тѣмъ въ магазинѣ кипѣла лихорадочная жизнь. Сотысячная толпа покупателей и любопытныхъ блуждала по этимъ снѣжнымъ равнинамъ, осаждала товары, брала приступомъ буфетъ, вабиралась по лѣстницамъ, переходила мосты и чертила точно огромная стая птицъ, насѣвшихъ на покрытую снѣгомъ поляну. Въ воздухѣ было невыносимо душно; гудъ тысячи голосовъ казался оглушительнымъ шумомъ водопада.

— Однако, надо подвигаться, сказала мадамъ де-Бовъ; — нельзя же все стоять на одномъ мѣстѣ.

Съ той самой минуты, какъ она вошла въ магазинъ, инспекторъ Жувъ не сводилъ съ нея глазъ, и теперь, пропуская ее впередъ, продолжалъ слѣдовать за нею на нѣкоторомъ разстояніи.

Посмотрите-ка, сказала мадамъ Гибаль, останавливаясь на мессе; — неправда-ли, остроумная выдумка эти фіалки. Гибаль шла объ одной изъ новыхъ приманокъ магазина, принятой недавно Мурэ, о которой говорили все газеты. За нею въ Ниццѣ букеты бѣлыхъ фіалокъ раздавались каж-

дой повупательницѣ, наполняя тепличныи воздухъ магазиномъ своимъ ароматомъ.

— Да, выдумка не дурна, отвѣчала съ прохвотомъ мадамъ Дефоржъ.

— Неужели патронъ серьезно думаетъ жениться? спросили до нихъ въ эту минуту въпросъ одного изъ привазики, даришаго фляжки.

— Это еще только слухъ, отвѣчала дружокъ.

— Какъ! Мура женится? обратилась мадамъ де-Бокъ и Генриетъ.

— Я въ первый разъ это слышу, отвѣчала послѣдняя, стараясь казаться равнодушной;— впрочемъ, рано или поздно этимъ должно было кончиться.

Графиня обвинялась быстрымъ взглядомъ съ мадамъ Гибаль; теперь они поняли, что мадамъ Дефоржъ пришла сюда не даромъ, что ея руководило чувство ревности и мучительное желаніе провѣрить слухи.

— Я остаюсь съ вами, сказала мадамъ Гибаль, желанная узнать, что будетъ дальше;— мы встрѣтимся съ мадамъ де-Бокъ въ кабинетѣ для чтенія.

— Вотъ и прекрасно, отвѣчала мадамъ де-Бокъ. — Мнѣ нужно въ первый этажъ... Идемъ, Бланшъ.

Мать и дочь удалились, въ то время какъ не выпускавшій ихъ изъ виду Жувъ, чтобы не быть замѣченными, послѣдовалъ за ними по другой лѣтницѣ.

Несмотря на страшную суматоху, во всемъ отдѣленіи только и было рѣши что о любви и предстоящей свадьбѣ патрона. Цѣлые мѣсяцы эта любовь служила предметомъ безконечныхъ толковъ между продавцами, которыхъ восхищала и изумляла непреклонная твердость Денизы. Но вдругъ, наканунѣ пронесся слухъ, что она, подъ предлогомъ желанія отдохнуть, рѣшилась покинуть магазинъ, несмотря на мольбы и убѣжденія Мура. Это подлило масла въ огонь. Событіямъ разнаго рода не было конца. «Уѣдетъ», говорили одни. «Не уѣдетъ», утверждали другіе. По всемъ отдѣламъ держали пари. Состоится или не состоится этотъ бракъ? На сторонѣ Денизы, говорили одни, всѣ шансы обожаемой дѣвушки; другая ни за что не хочетъ сдаться. За то, на сторонѣ патрона богатство, почетъ и самолюбіе избалованнаго вдовца на котораго не такъ-то легко надѣть ярмо законнаго брака.

Но всё сходилось въ одномъ, — что дѣвочка эта ведетъ свою игру съ полнымъ знаніемъ дѣла и ловкостью опытной кокетки: «или женись, или я уйду».

А Дениза, между тѣмъ, была чужда какихъ-бы то ни было расчетовъ. Оставляла свое мѣсто она только потому, что ей приписывали юварныя намѣренія опутать Мурѳ. Развѣ она добивалась его любви? Развѣ она подстрекала, кокетничала, хитрила? Она сама до сихъ поръ не можетъ понять, что онъ въ ней находитъ. Отчего это всё они видятъ въ каждомъ ея поступкѣ хитрость и расчетъ? Что можетъ быть естественнѣе ея рѣшенія покинуть магазинъ? Ей опротивѣли эти сплетни и пересуды, ее утомила продолжительная борьба съ Мурѳ и съ своимъ собственнымъ чувствомъ. Подчасъ она изнемогала и начинала бояться за свою твердость. Нѣтъ, надо удалиться и покончить съ этимъ. И хотя мысль о разлукѣ съ нимъ приводила ее въ отчаяніе и вызывала слезы, но она чувствовала, что это необходимо, что она не будетъ знать покоя, если поступитъ иначе.

Выслушавъ ея просьбу объ отставкѣ, Мурѳ сдержалъ волненіе, и сухо отвѣтилъ, что дастъ ей недѣлю на размышленіе, прежде чѣмъ позволить ей сдѣлать такую глупость. Когда, по истеченіи недѣли, она снова повторила просьбу, выражая рѣшительное намѣреніе оставить магазинъ послѣ выставки, онъ тѣмъ-же холоднымъ и сухимъ тономъ пробовалъ ее убѣждать: это безуміе, вѣдь она портитъ свою карьеру, добровольно выпускаетъ изъ рукъ свое счастье. Гдѣ она найдетъ еще разъ такое видное мѣсто, какое занимаетъ въ его магазинѣ? Или, быть можетъ, она все-таки чѣмъ-нибудь недовольна, такъ пусть скажетъ, и онъ устранитъ причины ея недовольства. Не успѣвъ что отвѣтить, дѣвушка въ смущеніи молчала. Тогда ему вѣроятно въ голову, что она, вѣроятно, намѣрена возвратиться къ отцу или любовнику. Вѣдь она призналась-же ему въ трудную минуту, что кого-то любитъ. Съ тѣхъ поръ это незваное сорвавшееся съ ея устъ признаніе не давало ему ни минуты покоя. Быть можетъ, она выходитъ замужъ, тогда ея гордость становится понятнымъ. И онъ холодно сказать, не станеть ея больше удерживать, такъ какъ у нея, по какому-то, есть серьезныя причины покинуть магазинъ. Этотъ тонъ разстроилъ ее больше, чѣмъ могли-бы сдѣлать отчаяніе и гнѣвъ, которыхъ она ожидала и боялась.

Въ теченіи всей слѣдующей недѣли Мурэ хранилъ невозмутимую холодность, и, встрѣчаясь съ Денизой въ магазинѣ, старался не замѣчать ее. Никогда еще онъ не казался такъ спокойнымъ и погруженнымъ въ свои занятія. Но подъ этой непривычной ему маской наружнаго спокойствія скрывалась мучительная внутренняя борьба. Повременамъ овлаживало какое-то безумное бѣшенство, кровь бросалась въ голову, и онъ готовъ былъ кинуться на Денизу, задушить ее въ своихъ объятіяхъ и удержать ее силой. Но тутъ же осознался въ безуміи этого средства, и чувствуя свое полное безсильіе, впадалъ въ отчаяніе, придумывалъ инныя средства.

Однако, изъ этого хаоса противорѣчивыхъ чувствъ и плановъ все яснѣе и настоятельнѣе выдѣлялась одна мысль, овладевавшая имъ все сильнѣе и сильнѣе, несмотря на протестъ и отвращеніе всего его существа. Послѣ смерти мадамъ Гелуэнъ онъ внутренне поклялся не жениться вторично и хранилъ свободу счастливаго вдовца, извлекать выгоды изъ всѣхъ женщинъ. Въ немъ, точно также какъ и въ Бурдонклѣ, засѣло какое-то суевѣрное убѣжденіе въ томъ, что директору большаго моднаго магазина, для сохраненія обаянія и власти мужчины надъ многочисленной толпой своихъ клиентокъ, — нельзя быть женатымъ: жена лишаетъ его этого обаянія, разгоняетъ другихъ женщинъ и вноситъ свои порядки. Онъ суевѣрно держался за это правило, долго боролся съ собой, сердился и негодовалъ на Денизу, которая представлялась ему повременамъ олицетвореніемъ возмездія, ниспосланнаго ему судьбой, чтобы снова повергнуть къ ногамъ женщины вмѣстѣ съ нимъ и все то, что пріобрѣтено посредствомъ женщины! Но мало-по-малу, онъ терялъ твердость, начиналъ сомнѣваться и раздумывать. Что за ребяческій страхъ? Откуда онъ? Видѣть это, наконецъ, нелѣпо! Она такъ скромна, добра и разсудительна, что ей смѣло можно довѣриться и поручить свою судьбу. А что если и теперь, на предложеніе жениться, она все-таки скажетъ «нѣтъ», все-таки не согласится и уйдетъ? При этой мысли имъ овлаживало чувство ужаса, и онъ снова не зналъ, что предпринять.

Въ день выставки онъ ни на что еще не рѣшился, а между тѣмъ, Дениза на слѣдующій день должна была оставить магазинъ.

Когда, въ этотъ день, Бурдонклъ вошелъ, по обыкновенію

без доклада въ кабинетъ Мурэ, патронъ сидѣлъ, опустивъ голову на бюро, въ такой глубокой задумчивости, что очнулся только когда вошедшій компаньонъ коснулся его плеча. Онъ поднялъ смоченное слезами лицо, взглянулъ на Бурдонкля и вдругъ протянулъ ему объ руки, точно ища поддержки у товарища, съ которымъ столько лѣтъ дѣлать коммерческіе труды и заботы. Въ послѣднее время поведение Бурдонкля въ отношеніи Денви радикально измѣнилось: онъ призналъ ея необходимость и началъ даже усердно уговаривать патрона жениться. Отчасти имъ руководило въ этомъ случаѣ чувство самосохраненія передъ силой, которая въ одинъ прекрасный день можетъ его уничтожить. Но была еще и другая причина такой внезапной перемены въ его тактикѣ. Обстоятельства слова пробудили въ немъ долго подавленное честолюбіе и подали надежду на возможность пожрать въ свою очередь этого счастливца Мурэ, передъ которымъ онъ всю жизнь вынужденъ былъ отступать и преклоняться. Вѣдь эта ожесточенная борьба за жизнь, это пожирание слабого и оплошавшаго сильными и ловкими носились въ воздухѣ ихъ магазина, служили коренной основой его организаціи. Отчего-же ему быть исключеніемъ и сдерживать свой аппетитъ? Только суевѣрный страхъ и непреодолимая вѣра въ счастливую звѣзду патрона заставляли его до сихъ поръ преклоняться передъ нимъ и мириться съ своей участью подчиненнаго. Но теперь, когда Мурэ видимо приближается къ этому бессмысленному браку, который лишитъ его счастливой звѣзды и власти надъ кліентками и будетъ могилой его успѣха, — теперь ему, Бурдонклю, нѣтъ никакого резона деликатничать и не пользоваться глупостью чужака, отдающаго себя во власть женщины.

— Послушайте, сказалъ онъ, дружески пожимая руку патрона, — не падайте духомъ; что за дьявольщина, въ самомъ дѣлѣ!.. Ну, женитесь на ней и все тутъ.

Но Мурэ успѣлъ уже оправиться и, стыдась овладѣваго имъ на минуту малодушія, энергично запротестовалъ.

— Нѣтъ, никогда, это было-бы слишкомъ глупо!.. Обойдемъ лучше магазинъ. Торговля, кажется, въ разгарѣ и объидетъ дать блестящіе результаты.

Они вышли изъ кабинета и начали обычный обходъ наиважнѣйшихъ покупателей отдѣловъ. Озадаченный Бурдонкль все время поглядывалъ на патрона, стараясь подмѣчать малѣй-

шія измѣненія въ его лицѣ. Торговля была, дѣйствительно, въ полномъ разгарѣ, и магазинъ гудѣлъ, какъ пушечный огонь въ всѣхъ парахъ гигантская машина.

Отдѣленіе Денизы наводнило толна матерей, тапчившихъ собою цѣлую армію ребятишекъ обоего пола, утопавшихъ горахъ наваленнаго повсюду готоваго дѣтскаго платья бѣлаго кашмира, сукна, муслина, пике, батиста и шелка; — длине пальто, платья, блузы, куртки, шляпы и башмаки, — въ одинъ и тотъ-же утомляющій бѣлый цвѣтъ, ничего, кромѣ бѣлаго.

Передъ прилавкомъ, мадамъ Бурдэ, усадивъ въ рядъ своихъ троихъ дѣтей, кричала на младшаго, не дававшаго низъ примѣрить ему бѣлую кашмировую куртку.

— Да посиди ты хоть минуту спокойно!.. Вы не видите, мадмоазель, что куртка нѣсколько узка?

Она тщательно осмотрѣла все швы и складки, и ощупав матерію, какъ опытная хозяйка, которая не дастъ себя вести.

— Нѣтъ, оно ему въ пору, продолжала она. — Это цѣлая исторія, когда приходится одѣть такую араву... Теперь покажите мнѣ манто для этой дѣвочки.

Дениза принялась было отыскивать манто, какъ вдругъ въ изумленіи вскрикнула:

— Какъ! Это ты? Что случилось?

Передъ нею съ большимъ сверткомъ въ рукахъ стоялъ Жанъ. Съ недѣлю тому назадъ онъ женился и долженъ былъ, вмѣстѣ съ женой, очаровательной брюнеткой, сопровождать Денизу въ Воловью, чтобы провести тамъ медовый мѣсяцъ среди воспоминаній о дѣтствѣ.

— Представь себѣ, отвѣчалъ онъ; — Тереза забыла купить цѣлую кучу вещей. Многое нужно прикупить, кое-что поимѣнить; а такъ какъ ей некогда, она поручила это мнѣ; сейчасъ тебѣ объясню...

Но Дениза прервала его, замѣтивши за нимъ Пепэ.

— Какъ! И Пепэ здѣсь! Отчего онъ не въ коллежѣ?

— Ты не сердись, отвѣчалъ Жанъ; — вчера послѣ обѣда у меня не хватило силъ отправить его въ школу. Онъ не идетъ ужъ сегодня вечеромъ... Онъ успѣетъ еще наскучить въ коллежѣ, пока мы будемъ наслаждаться деревней.

Дениза нѣжно улыбнулась имъ, несмотря на то, что

да иероглифа присутствіемъ здѣсь Цепъ. Поручивши мадамъ Бурдонь одной изъ продавщицъ, она отвела братьевъ въ отдаленный уголокъ отдѣла, освободившійся отъ покупательницъ. Къ той, какъ она продолжала ихъ упорно называть, превратилась теперь въ здоровыхъ молодцовъ: даже двѣнадцатилѣтній Цепъ, попрежнему молчаливый и ласковый, какъ котенокъ, казался больше своей мишютирной и худенькой сестры; что же касается до Жана, то это былъ высокій, широкоплечій мальчикъ, дѣлою головою переросшій сестру, хотя и сохранившій жемчужную красоту лица, окаймленного золотистыми русыми кудрями, небрежно падавшими на плечи. И, несмотря на это, она продолжала относиться къ нимъ какъ къ дѣтямъ, съ нѣжной материнской заботливостью, поправляя одному сюртукъ, дѣлая другому платокъ. Замѣтивши, что у Цепъ заплаканы глаза, она обратилась къ нему съ увѣщаніемъ:

— Ну, будь же умницей, милый. Нельзя же тебѣ прерывать ученіе. На вакаціи я тебя возьму въ деревню... Не нужно ли тебѣ чего нибудь? Хочешь, я дамъ тебѣ денегъ... А ты, обратилась она къ Жану;—какъ тебѣ не стыдно разстраивать ребенка? Ему нужно учиться... Тебѣ-то ужъ пора быть солиднѣе.

Передъ свадьбой она выдала Жану на обзаведеніе четыре тысячи франковъ, половину своихъ сбереженій. Обученіе Цепъ въ коллежѣ стоило ей тоже не дешево; но она была счастлива и довольна, что живетъ и работаетъ для нихъ, и давала себѣ слово никогда не выходить замужъ.

— Ну-съ, такъ вотъ, началъ Жанъ, — прежде всего, это шаль, которое Терезъ...

Но онъ не окончилъ фразы. Желая узнать причину его отказа, Дениза обернулась и увидѣла за своей спиною Муръ, уже нѣсколько секундъ наблюдавшаго, какъ она матерински мушкетировала своихъ братьевъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него стоялъ Бурдонь, повидимому занятый ходомъ торговли, но не сводившій глазъ съ этой сцены.

— Вѣдь это ваши братья? спросилъ ее Муръ обычнымъ своимъ тономъ, усвоеннымъ имъ въ послѣднее время.

— Да, отвѣчала Дениза, стараясь въ свою очередь скрыть свое смущеніе;— я недавно женила старшаго, и вотъ жена прислала мнѣ за покупками.

Муръ продолжалъ внимательно ихъ оглядывать.

— Младшій сильно выросъ, сказалъ онъ, наконецъ. — Я узнаю: онъ былъ съ вами въ Тюльрийскомъ саду, помню въ тотъ вечеръ?

Голосъ его слегка дрогнулъ. Чтобы скрыть волненіе, наклонилась и стала поправлять поясъ Пепэ. Братья съ женою улыбались патрону.

— Они оба на васъ похожи, сказалъ спустя мигъ Муръ.

— О! Они гораздо красивѣе меня.

Нѣсколько мгновеній онъ, казалось, сравнивалъ ихъ съ Господи, какъ она ихъ любитъ! Силы начинали покидать его, онъ отступилъ нѣсколько шаговъ, но тотчасъ-же вернулся и шепнулъ ей на ухо:

— Зайдите послѣ продажи ко мнѣ въ кабинетъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами прежде чѣмъ вы уйдете.

И онъ удалился, чтобы продолжать прерванный обходъ магазина, внутренно проклиная свою слабость. И чего онъ рожать, увидѣвъ ее съ братьями? Что за безхарактерность? На что ему понадобилось опять это свиданіе? Ну, хорошо, она простится съ ней—и все будетъ кончено.

Дениза, между тѣмъ, снова вернулась къ мадамъ Бурдэ.

— Ну что, довольны вы пальто?

— Очень довольна, отвѣчала покупательница, — сидитъ отлично... На сегодня довольно. Чистое раззореніе эти ребята!

Выслушавъ, наконецъ, объясненія Жана, Дениза отправилась съ нимъ за покупками. Нужно было переменить пальто, которое не нравилось Терезѣ, на бѣлое. Въ отдѣлѣ готоваго платья оказалось сравнительно мало покупателей, тѣснившихся на этотъ разъ въ другихъ отдѣлахъ. Почти всѣ продавщицы здѣсь были новыя. Около мѣсяца тому назадъ Клара куда-то внезапно исчезла; по увѣренію однихъ, она убѣжала съ мужемъ одной изъ покупательницъ; по словамъ другихъ, просто окончательно отдалась уличному разврату. Маргарита на дняхъ должна была вернуться, навѣщая въ Гренобль; гдѣ ждалъ ее женихъ, и взять на себя управленіе родительской лавкой. И только одна мадамъ Аврора, туго затянутая въ черное шелковое платье, попрежнему одиночно носила по отдѣлу свое желтое, маскообразное лицо. Всѣмъ извѣстное поведеніе сына сильно огорчало ее; она давно отпривилась-бы на покой, если-бы не его расточ-

безопасность и кутежи, угрожавшие гибелью всему их имуществу. Бурдонкль уже начинала косо смотреть на нее, удивляясь, что она сама не догадывается попросить отставку: единственно ужь стара она для продавщицы, пора уступить мѣсто другой.

— А! это вы, обратилась она къ Денизѣ съ особенной предупредительностью.— Вамъ нужно пережѣнить пальто? Сію минуту... Это ваши братья? Какъ они выросли! Совсѣмъ мужики!

Ее сильно беспокоили упорные слухи объ отставкѣ Денизы, на покровительство которой она возлагала теперь всѣ свои надежды.

— Говорятъ, что вы насъ покидаете, сказала она, понизивъ голосъ;— послушайте, неужели это правда?

— Да, отвѣчала дѣвушка.

— Подумайте, что вы дѣлаете! Если-бы вы знали, какъ это извѣстіе всѣхъ насъ огорчило.

Она подозвала одну изъ своихъ продавщицъ и, передавъ ей свертокъ Денизы, велѣла проводить ее въ кассу, чтобы отплатить обмѣнъ пальто. Отсюда они направились въ отдѣленіе бѣлья, гдѣ Тереза поручила мужу купить ей еще четыре рубашки. Здѣсь навстрѣчу имъ выбѣжала Полина, по-видимому, крайне взволнованная слухами объ отъѣздѣ Денизы, занимавшими весь магазинъ.

— Вы вѣдь остаетесь, не правда-ли? Говорите-же—остаетесь ли?.. заговорила она шепотомъ.— Что-же будетъ со мной, если вы уѣдете?

А такъ какъ Дениза отвѣтила, что непременно ѣдетъ завтра она продолжала:

Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть; вы такъ думаете, что вы останетесь... Какъ можно! Вы должны назначить меня помощницей въ моемъ отдѣлѣ, теперь, у меня ребенокъ. Это необходимо... Божѣ на это разсчитывайтесь.

И она увѣренно улыбалась, глядя въ лицо пріятельницы. Отобравъ четыре рубашки и позвавъ г-жу де-Фонте, вышедшую недавно замужъ за Жозефа и занимавшую прислугу при магазинѣ, она передала ей весь свертокъ Денизы и велѣла сопровождать ее въ отдѣленіе носовыхъ плат-

ковъ. Затѣмъ, прощаясь съ пріятельницей, она махнула къ ней и снова прошептала:

— Такъ это рѣшено, вы назначаете меня помощницей.

Не зная, какъ отдѣлаться, Дениза, смѣясь, обманулась и правилась дальше. Спустившись внизъ, они очутились въ отдѣлѣ шерстяныхъ тканей, сплошь обтянутомъ бѣлой нелью и мультономъ. Льенаръ, котораго отецъ тридцать нѣсколько мѣсяцевъ вызывалъ къ себѣ въ Анжеръ, разговаривалъ здѣсь съ Миньо, бывшимъ теперь маклеромъ и стѣснявшимся отъ времени-до-времени посѣщать своихъ старыхъ пріятелей въ «Bonheur». Рѣчь, безъ сомнѣнія, шла о Денизѣ, такъ какъ, завидѣвъ ее, пріятели смолкли и любезно ей поклонились. И далѣе, на всемъ пути, ее сопровождала шепотъ почтительно разступавшихся прикащиковъ. Договариваясь пари не прекращались.— Уѣдетъ, говорили одни.— Не уѣдетъ, утверждали другіе.— Что будетъ съ нами, если она уѣдетъ въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ? спрашивали третьи.

Сопровождаемая братьями и мадемоазель Фонтенай, она медленно пробиралась сквозь густую толпу покупателей. По обѣ стороны тянулись бѣлоснѣжныя груды холста, сатен-кора, бумажен, муслина, разнообразныхъ полотень, столоваго и постельнаго бѣлья. Наконецъ, пройдя черезъ убитый бѣлыми флагами отдѣлъ покрывалъ, они подошли къ отдѣлу носовыхъ платковъ, гдѣ кипѣла толпа женщинъ, любовавшихся на искусно построенныя пирамиды и дворцы изъ разнообразныхъ батистовыхъ, полотняныхъ, шелковыхъ и кружевныхъ платковъ, представлявшихъ чарующую, сказочную картину построеннаго изъ полярныхъ снѣговъ города.

— Ты говоришь—дюжину? спросила Дениза.

— Да, еще дюжину вотъ этихъ, что у меня въ свертлѣ, отвѣчалъ Жанъ.

Эта безконечная прогулка по магазину начинала утомлять Жана и Пепѣ, которые ни на шагъ не отходили отъ сестры. Имъ было неловко въ этой непривычной и обаяющей обстановкѣ и толкотнѣ; они прижимались къ своей «мамѣ», какъ они ее называли, точно лица у нея защиты, какъ въ тотъ день, когда они въ первый разъ шли въ нее по незнакомымъ улицамъ Парижа, послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ третьяго класса. Встрѣчавшая ихъ на публики не могла удержаться отъ улыбки, глядя, какъ два

иногда молодца съ растеряннымъ видомъ держались за шедущую дѣвушку. Они до такой степени были по-дружны, она дружно поцѣловала волосы, по всѣмъ чертамъ лица съ разныхъ сторонъ слышались замѣчанія:

— Это моя братья... Это моя братья.

Пока Деннъ искала глазами незанятую продавщицу, въ углу стоялъ Мурэ въ сопровожденіи Бурдонкля и, замѣтивъ дѣвушку, попрежнему остановился и устремилъ на нее взглядъ.

Въ эту самую минуту мимо нихъ проходила Генриета съ дамъ Гибаль. Когда Генриета увидѣла Мурэ и Деннису, она въспомнила подавить охватившій все ея существо приливъ нежности и ревности. Тѣ, въ свою очередь, взглянули на нее, и изъ всѣхъ на мгновеніе встрѣтились. Это было нѣмая раз-лика ихъ общей сердечной драмы. Мурэ направился дальше; Деннъ исчезла въ толпѣ, отыскивая продавщицу, а Генриета, идя въ провожавшей ее дѣвушкѣ свою протѣже, мадемуазель де-Фонтенай, воспользовалась поводомъ излить клоуновъ на ней злобу.

— Посмотрите, обратилась она дрожащимъ голосомъ къ своей спутницѣ, — что онъ сдѣлалъ изъ этой твари, подобранной имъ на мостовой! Развѣ это не прямое оскорбленіе, направленное противъ всѣхъ насъ?.. Дѣвушку изъ древней дворянской семьи, маркизу, онъ обратилъ въ прислугу какой-то скруженной ему голову потаскушки.

Она силилась овладѣть собой и равнодушнымъ тономъ добавила:

— Ну, идемте-же посмотрѣть на выставку шелковыхъ ма-

тери. Вѣроятно, набитомъ покупательницами отдѣленіи шелка, Гютею доводилось съ Гютею о только-что посѣтившей ихъ маршальской блондинкѣ, обычной посѣтителницѣ, интересовавшей всѣхъ служащихъ. На этотъ разъ она оказалась имъ очень веселой.

Вѣроятно, она вторично выходитъ замужъ, замѣтилъ Гютею, проводившій ее въ кассу.

— Да развѣ она вдова? спросилъ Гютею.

— Я не знаю... Только, помните, въ послѣдній разъ она была-будто въ траурѣ... А то, быть можетъ, она выиграла деньги.

На минуту они смолкли.

— Впрочемъ, продолжала Февье, — это ея дѣло... же знать закулисную жизнь каждой женщины.

Но Гютенъ почти не слушалъ; ему было тепло того. Дня два тому назадъ онъ имѣлъ крупное объявленіе дирекціей, послѣ котораго считалъ свою карьеру въ конторѣ оконченной и былъ вполне увѣренъ, что послѣ онъ получитъ отставку. Съ нѣкотораго времени положеніе сильно пошатнулось. Съ одной стороны, послѣ полугодовой повѣрки оказалось, что сумма оборотовъ отдѣла не достигла назначеннаго дирекціей размѣра; съ другой — въ отдѣленіи по-прежнему шла глухая ползельная работа аппетита, и старательно точившему на него зубъ уже тайно обѣщано было мѣсто распорядителя отдѣла.

Знавшій всѣ эти подпольныя интриги, Гютенъ не далъ своему помощнику пощечину, но даже чувствовалъ къ нему уваженіе, какъ къ тонкому малому, который осторожно и не спѣша достигъ своей цѣли, помогая ему Гютену, сначала подкопаться подъ Робино и Бутмона, а затѣмъ подкопавшись и подъ него самого.

— Кстати, сказалъ Февье, — вѣдь она останется. Я держу пари на бутылку шампанскаго.

Рвчь шла о Денизѣ. Особенно занимала эта исторія отдѣленіе шелковъ, гдѣ шли наиболѣе крупныя пари.

— Чортъ побери! воскликнулъ Гютенъ, точно очнувшись отъ забытья, — какъ-же я былъ глупъ, что не сошелъ на него, — вотъ теперь я зажилъ-бы припѣваючи!

Но, замѣтивъ, что Февье смѣется, онъ покраснѣвъ изъ злости началъ придирается къ одурѣвшимъ отъ напыльщика купателей прикащикамъ. Въ эту минуту черезъ отдѣлъ ходили Генріэта и мадамъ Гибаль.

— Не нужно ли вамъ чего-нибудь, сударыня? обѣдалъ онъ съ любезной улыбкой къ мадамъ Дефоржъ.

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчала Генріэта. — Я сегодня шла просто посмотреть на выставку.

Въ головѣ его сразу мелькнулъ цѣлый планъ. Пошелъ къ ней поближе и разсыпаясь въ лести, онъ шепотомъ началъ рассказывать всѣ сплетни магазина и жаловаться на существующіе безпорядки. Что касается его, то онъ предпочиталъ

вить мѣсто, чѣмъ выносить всю чепуху, какая царить въ въ дирекціи. И всему виною эта тварь!

Генріета была въ восторгѣ и сама предложила ему мѣсто наго прикащика въ магазинѣ «Четыре времени года», когда вновь будетъ отстроены. Довольные другъ другомъ, они должны еще шептаться, пока мадамъ Гибаль разсматриваетъ выставку.

— Позвольте вамъ предложить букетъ фіалокъ? сказала, улыбаясь, громко Гюгель.

— Ну, нѣтъ, очень вамъ благодарна! воскликнула съ отчаяніемъ Генріета; — я совсѣмъ не желаю быть въ числѣ вашихъ гостей.

— Въ новыя намеги, и, разсѣявшись, они разстались.

Подойдя къ мадамъ Гибаль, Генріета нашла ее разговаривающей съ мадамъ Марти. Послѣдовалъ обменъ привѣтствій и восклицаній. Мадамъ Марти, въ сопровожденіи дочери Валентины давно уже бѣгала изъ отдѣла въ отдѣлъ; увлекаемая ненасытной страстью къ покупкамъ, она побывала въ роскошно убранномъ въ бѣлый атласъ отдѣленіи мебели, въ отдѣлѣ лентъ, въ суровскомъ, въ отдѣлѣ чулокъ, гдѣ тѣнилась толпа любопытныхъ вокругъ громадной постройки изъ бѣлыхъ и красныхъ чулокъ, ядъ которой большими буквами красовалось имя «Bonheur des Dames». Но особенно привлекали ее вновь открытыя отдѣленія, гдѣ она появлялась всегда первая и покупала все, что ни попадалось на глаза. Въ новомъ отдѣленіи модъ она примѣрила себѣ и дочери всѣ шляпы; въ отдѣленіи обуви для нея перерыты были ящики и примѣрены всѣ фасоны ботинокъ. За нею, какъ за стадомъ, слѣдовалъ продавецъ, таща за собой неизмѣнный стулъ, нагруженный всевозможными покупками.

— Ахъ, моя милая, если-бы вы только знали, какой у насъ роскошный выборъ капотовъ! Я купила по одному, себѣ и дочери. А башмаки, Валентина, а?

— Просто невѣроятно! отвѣчала дочь.—За двадцать франковъ у нихъ имѣются чудные, высокіе ботинки!

— А какъ здоровье вашего мужа? спросила мадамъ Де-Вилье.

— Ничего, кажется, отвѣчала мадамъ Марти, нѣсколько смущенная этимъ щекотливымъ вопросомъ.—Онъ все тамъ-же. Онъ долженъ былъ сегодня навѣстить его...

Но она не окончила фразы и въ восторгѣ воскликнула:
— Взгляните, какая прелесть!

Онѣ стояли передъ только-что открытымъ отдѣленіемъ дѣтвъ и перьевъ, помѣщавшимся въ центральной галереѣ, возлѣ шелковъ и перчатокъ. Озаренный яркимъ свѣтомъ падавшимъ съ потолка, возвышался, точно ширококрытый дубъ, гигантскій распустившійся бѣлый цвѣтокъ, составленный, съ полу до самой вершины, изъ разнообразнѣйшихъ искусственныхъ цвѣтовъ. Основу его составляла большая круглая гряда, усаженная бѣлыми фіалками, ландышами, гиацинтами и маргаритками. Надъ нею, симметрически расходившимися вѣтвями, выступали бѣлыя розы, огромные бѣлыя пионы, чуть-чуть подернутые жилками кармина, бѣлый златоцвѣтый усѣянный золотистыми звѣздами; еще выше—гигантскія бѣлоснѣжныя лиліи, вѣтки распустившейся яблони и благоухающія грозды бѣлой сирени; а надъ всѣмъ этимъ, почти до самого потолка, точно неожиданные отпрыски этого волшебнаго сказочнаго цвѣтка, широко развѣвались огромныя бѣлыя страусовыя перья. Среди густой листвы, усѣянной серебристыми каплями искусственной росы, тамъ и сямъ копошились и выглядывали разноцвѣтныя тропическія птички и золотистыя насѣкомыя.

— Я куплю эту вѣтку яблони—не правда-ли, красиво? сказала мадамъ Марти;—а эта птичка, Валентина!... Я ее возьму тоже.

— Ну, сказала мадамъ Гибаль, которой наскучило стоять на одномъ мѣстѣ, — продолжайте ваши покупки, а мы пойдемъ наверхъ.

— Нѣтъ, подождите меня, упрашивала мадамъ Марти;—я тоже иду съ вами; мнѣ нужно въ отдѣлъ косметическихъ товаровъ.

Отдѣлъ этотъ помѣщался возлѣ кабинета для чтенія. Имъ пришлось проходить мимо дароваго буфета, гдѣ давка была такъ велика, что нѣсколько инспекторовъ вынуждены были удерживать публику и пропускать къ столу только небольшими группами. Воздухъ былъ пропитанъ благоуханіями, распространявшимися по всей галереѣ изъ косметическаго отдѣла, гдѣ толпа покупательницъ съ ожесточеніемъ набросилась на мыло «Bonheur», составлявшее спеціальность магазина, и на изящный серебряный фонтанъ, изображавшій

окруженного цвѣтами пастуха, изъ устъ котораго текла непрерывная струя духовъ, въ которой дамы смачивали свои ладони.

— Ну, вотъ, теперь я къ вашимъ услугамъ, сказала мадамъ Марти, выкупивъ цѣлую коллекцію косметиковъ; — пойдемте искать мадамъ де-Бовъ.

Но на площадкѣ центральной гѣстницы она снова остановилась передъ японскимъ отдѣломъ. Съ того времени, какъ Муръ пришло въ голову на этой-же самой площадкѣ выставить большой столъ съ дешевыми бездѣлушками, отдѣлъ этотъ сильно расширился и представлялъ теперь богатую коллекцію древней бронзы, фарфора, слоновой кости и всевозможныхъ рѣдкостей и бездѣлушекъ, для добыванія которыхъ онъ отправлялъ специальныхъ агентовъ обшаривать дворцы и замки Востока. Въ четыре года своего существованія этотъ отдѣлъ умѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ любителей рѣдкостей и знатоковъ искусства Париза, и дѣлалъ ежегодно на полтора милліона франковъ оборота.

Тутъ даже мадамъ Дефоржъ, несмотря на данную самой себѣ клятву ничего не покупать въ этомъ ненавистномъ ей теперь магазинѣ, не выдержала и купила какую-то изящную бездѣлушку изъ слоновой кости, стоявшую девяносто франковъ.

— Отоплите ее ко мнѣ на домъ, сказала она, недовольная своею слабостью.

Забывъ, что мадамъ Марти надолго погрузилась въ разсматриваніе фарфоровыхъ бездѣлушекъ, она не хотѣла больше ждать и, позвавъ мадамъ Гибаль, направилась въ кабинетъ чтенія.

— Мы васъ тамъ подождемъ... Я не въ состояніи больше сидѣть и должна отдохнуть.

Въ кабинетѣ для чтенія имъ пришлось стоять, такъ какъ стулья вокругъ большого, заваленнаго газетами и журналами, стола были заняты; мужчины, развалившись въ кресла, читали газеты или просто дремали; дамы смотрѣли иллюстраціи и писали письма, низко наклонившись надъ буфетомъ. Притомъ мадамъ де-Бовъ не было и здѣсь, и Генриетта начинала уже терять терпѣніе, когда въ кабинетъ вошла искавшій жену и тещу Валаньоскъ.

Онъ навѣрно сидѣть въ отдѣлѣ юрjewвъ. Никакъ ихъ

не оторвешь оттуда! сказалъ онъ, любезно привѣтствуя дамъ.—
Я пойду за ними.

И, отыскавъ имъ предварительно два свободныхъ стула, онъ удалился.

Въ отдѣлѣ кружевъ толпа женщинъ каждую минуту нарастала. Духота стояла невыносимая. Весь отдѣлъ помпозно теперь на обширную бѣлую капеллу, сплошь убранную густою дорожихъ бѣлоснѣжныхъ кружевъ. Съ потолка опускались густыя бѣлыя облака тюля, валансенскихъ, брюссельскихъ и венеціанскихъ кружевъ, змѣями извивавшихся вдоль стѣнъ и колоннъ и воднами падавшихъ на коверъ. На всѣхъ столахъ и прилавкахъ груды валялись кружевные юбки, галстухи, сынки и кофты, и волны развернутаго кружева вздымались густой бѣлой пѣной на этомъ морѣ бѣлья, манившаго къ себѣ взоры женщинъ.

Мадамъ де-Бовъ долго ходила отъ стола къ столу, оставившаяся передъ каждой грудой кружева, не будучи въ силахъ совладать съ охватившимъ ее чувственнымъ желаніемъ хоть погрузить руки въ эти нѣжныя волны дорогого товара. Наконецъ, она подошла къ Делошу и потребовала показать ей настоящаго алансонскаго кружева. Сначала Делошъ сталъ показывать ей дешевые сорта; но она этимъ не удовольствовалась и попросила волановъ въ тысячу франковъ за метръ и кружевныхъ носовыхъ платковъ въ восемьсотъ франковъ за штуку. Скоро передъ нею на прилавкѣ выросла цѣлая гора дорожихъ кружевъ; но графиня все недовольствовалась и требовала новыхъ и новыхъ образцовъ. Застѣнчивый Делошъ, котораго она мучила уже минутъ двадцать, нѣсколько боялся оставлять передъ незнакомой покупательницей такую груды дорогого товара, такъ какъ на прошлой недѣлѣ у него уже украли десять метровъ валансена, но важный видъ этой барыни до такой степени смущалъ его, что онъ не смѣлъ отказать и снова отвернулся и началъ рыться въ ящикахъ. Въ эту минуту къ матери обратилась Бланшъ, выбиравшая въ одной изъ коробокъ дешевое кружево для отдѣлки.

— Посмотри-ка, мама, для наволочекъ можно будетъ взять вотъ этого.

Но, не получивъ отвѣта, дочь повернулась въ ея сторону и увидѣла, какъ мать, погрузивъ руки въ кучу кружева, старалась запрягать въ широкій рукавъ своего манто цѣлую штуку

того алансона. Это ее, повидимому, нисколько не удивило инстинктивнымъ движеніемъ она только хотѣла прикрыть отъ взоровъ толпившейся здѣсь публики, но въ эту минуту между ними какъ изъ земли выросъ инспекторъ Жувъ.

— Не угодно-ли вамъ слѣдовать за мною, сударыня, вѣжливо проговорилъ онъ, наклонившись къ графинѣ.

— Это да? спросила она сурово.

— Потрудитесь слѣдовать за мной, повторилъ онъ, повышая голосъ.

Она на минуту смутилась и растерянно смотрѣла вокругъ, и тотчасъ же пришла въ себя, приняла прежнюю величественную осанку и важно послѣдовала за своимъ провожатымъ. Никто изъ публики даже не замѣтилъ этой сцены, и только Делашъ, вернувшись къ прилавку, отъ изумленія разинулъ ротъ. Какъ! Неужели и эта важная дама тоже воровка? Какъ всѣхъ ихъ придется обыскивать!

Блѣдная и вся дрожащая отъ испуга Бланшъ издали слѣдовала за матерью; не рѣшаясь ни оставить ее, ни раздѣлываться съ нею позора, она остановилась передъ кабинетомъ Бурдонкля, куда повели мадамъ де-Бовъ.

Бурдонкль, только что оставившій Муръ, случайно находился здѣсь. Всѣ кражи, совершаемыя въ магазинѣ почтенными особами, подлежали, обыкновенно, его суду и расправѣ. Такъ какъ Жувъ давно уже высказывалъ ему свои подозрѣнія относительно мадамъ де-Бовъ, то онъ не былъ нисколько изумленъ ея появленіемъ въ его кабинетѣ; при томъ черезъ его руки проходила такая масса невѣроятныхъ кражъ, что онъ считалъ женщину способной изъ-за куска тряпки на всякую подлость. Зная мадамъ де-Бовъ за хорошую знакомую Муръ, онъ обратился къ ней съ изысканной вѣжливостью.

— Мы можемъ понять и извинить, сударыня, подобныя слабости. Но подумайте только, въ какое положеніе вы себя ставите, если-бы кто-нибудь изъ постороннихъ видѣлъ, какъ вы прѣшли кружево...

Въ прѣрывъ негодованія, она не дала ему договорить. Какъ нагло! Да за кого онъ ее принимаетъ? Онъ долженъ помнить, что она жена графа де-Бовъ, генераль-инспектора коннозаводствъ имѣющаго доступъ ко двору!

— Все это чѣмъ извѣстно, мадамъ, спокойно отвѣчалъ Бурдонкль. — Я имѣю удовольствіе васъ знать, и тѣмъ не менѣе,

вы должны будете отдать все спрятанное на васъ кружева.

Она снова перебила его такимъ потокомъ негодующихъ восклицаній и угрозъ, что всякій другой на мѣстѣ Бурдонкля усумнился-бы, заподозривъ ошибку со стороны инспектора.

— Берегитесь, милостивый государь! Мой мужъ съѣздитъ къ министру!

— Какая вы, однако, несговорчивая! воскликнулъ удивленный изъ терпѣнія Бурдонкль; — нечего дѣлать, идите, а за васъ обыскавъ.

— Хорошо-же, общите меня, произнесла она съ гордою увѣренностью; — но помните, что вы ставите на карту свой магазинъ.

Жувъ отправился за двумя продавщицами корсетовъ и, нашедши ихъ, шепнулъ Бурдонклю, не находятъ-ли онъ нужнымъ арестовать и дочь этой дамы, которая все время не отходитъ отъ дверей кабинета. Неуклонно строгій въ править мораль, Бурдонкль не считалъ приличнымъ дѣлать дочь свидетельницей позора матери и приказалъ ее не трогать.

Тогда мужчины вышли въ другую комнату, а продавщицы занялись осмотромъ воровки, раздѣвъ ее почти до рубашки. На груди, за корсетомъ и въ рукавахъ пальто находились: Бовъ оказались, кромѣ куска алансона, — кружевной тонъ, вѣеръ и галстухъ, всего на сумму четырнадцать франковъ.

— Это западня! Мнѣ все это подбросили! кричала она, когда Бурдонкль и Жувъ вернулись въ кабинетъ. — Благодарю Богомъ, что мнѣ подсунули эти кружева!

Упавъ на стулъ, она рыдала, задыхаясь отъ стыда и униженства. Отправивши продавщицъ, Бурдонкль заговорилъ съ ней тѣмъ-же спокойнымъ тономъ.

— Изъ уваженія къ вашему семейству, графиня, мы хотѣли бы только замѣять это дѣло. Но для этого необходимо, чтобы вы дали мнѣ такую росписку: «я признаю, что украдала въ магазинѣ «Bonheur des Dames»... и такъ далѣе, число и сумму». Я возвращаю вамъ обратно эту росписку, какъ только вы дадите мнѣ двѣ тысячи франковъ на бѣднхъ.

Она вскочила какъ ужаленная и съ негодованьемъ закричала:

— Никогда я не дамъ вамъ подобной росписки, хотя мнѣ пришлось поплатиться жизнью!

— Ну, жизни вашей намъ не нужно, а вотъ за комиссiонъ полицiи я пошлю сейчасъ.

Тогда началась страшная сцена. Она неистово кричала, сыпала ихъ бранью и проклятiями, упрекала въ жестокости съ слабой женщиной, просила пощады, заклинала именемъ ихъ матерей, плакала и падала на колѣни. Когда ничто не подействовало, она въ бѣшенствѣ схватила перо и дрожащей рукой, парая поминутно бумагу, написала въ отчаяннiи росписку.

Вотъ возьмите... Я уступаю силѣ, повторяла она прерывающимся отъ волненiя голосомъ.

Бурдонкль взялъ росписку, спокойно сложилъ ее и положилъ въ ящикъ бюро.

— Вы видите, сказалъ онъ, — что ихъ у меня много: эти дамы не особенно спѣшатъ получить ихъ обратно. Во всякомъ случаѣ, она къ вашимъ услугамъ, какъ только вы сочтете нужнымъ заплатить за нее двѣ тысячи франковъ.

Она поправила платье и снова приняла свою обычную гордую осанку.

— Я могу уйти? спросила она рѣзко.

Успѣвшiй уже забыть о ней и заняться другимъ дѣломъ, Бурдонкль утвердительно кивнулъ головой. Она кинула на нихъ взглядъ ненависти и быстро вышла изъ комнаты.

— Мерзавцы! крикнула она имъ, неистово хлопнувъ дверью.

Бланшъ между тѣмъ не отходила отъ двери. Не зная, что дѣлается въ кабинетѣ и замѣчая только суматоху и бѣготню, она уже рисовала себѣ грозные образы судей, жандармовъ, тюрьму.

Вдругъ за нею раздался голосъ Поля.

— А гдѣ же мать?.. Вы потеряли другъ друга? Да отвѣдайте, что случилось?

Она была въ такомъ замѣшательствѣ, что ничего не могла придумать.

— Мама... мама... она украла... пробормотала она почти шепотомъ.

— Какъ! что украла?

Онъ посмотрѣлъ на испуганное ожирѣвшее лицо жены и, наконецъ, понялъ.

— Кружева... продолжала бормотать Бланшъ.

— И ты это видѣла, ты была свидѣтельницей?! вскрикнула въ ужасѣ Поль.

Но имъ пришлось замолчать, такъ какъ изумленная мадамъ оборачивалась въ ихъ сторону.

Что дѣлать? куда обратиться? И Поль уже рѣшился обратиться къ Бурдонкю, какъ вдругъ увидѣлъ проходившаго по корридору реѣ Мурэ. Приказавъ женѣ подождать его здѣсь, онъ схватилъ его за руку и въ отрывочныхъ фразахъ разсказалъ ей о случившемся.

Мурэ увелъ его къ себѣ въ кабинетъ и постарался утѣшить, что кража никому не будетъ извѣстна, такъ какъ эти дѣла рѣшаются у нихъ дома, келейнымъ порядкомъ. Онъ отнесся къ этой кражѣ такъ спокойно, точно давно ее предвидѣлъ. Но Поль не могъ съ такимъ-же хладнокровіемъ отнестись къ воровству тещи, и разразился въ горькихъ жалобахъ на свою судьбу. Это ужасно! Сдѣлаться членомъ семьи воровокъ! И какъ это онъ могъ совершить такую глупость? Жениться... и за чего? Изъ угожденія отцу дѣвушки!

Глядя на это отчаяніе почти плачущаго пріятеля, Мурэ невольно вспоминалъ его прежній философскій пессимизмъ. Не онъ-ли цѣлѣуточно доказывалъ пошлость и пустоту жизни и необходимость полного равнодушія къ добру и злу? «Не ты ли проповѣдовалъ философію индифферентизма?» пріятельски раздражилъ онъ Поля. Но Валаньоску было не до шутокъ. Въ фразы этого философа-скептика о безразличіи добра и зла, какъ только дѣло коснулось его самого, сразу смѣнились добродѣтельнымъ негодованіемъ щекотливаго буржуа противъ тещи, осмѣлившейся опозорить его честное имя, загрязнить его безупречную жизнь.

— Да перестань-же, успокойся, сказалъ Мурэ, прерывая потокъ его жалобъ; — чѣмъ шумѣть и вызывать скандалъ, ты лучше сдѣлаешь, если пойдешь и предложишь руку твоей тещѣ... Что за малодушіе! И это ты — проповѣдникъ презрѣнія къ жизни и людямъ!

Валаньоскъ послѣдовалъ совѣту пріятеля, и оба вернулись въ галерею въ ту самую минуту, когда мадамъ де-Бовъ выходила отъ Бурдонкя. Она величественно оперлась на руку сына, увидѣвъ любезно поклонившагся ей Мурэ, произнесла и громко:

— Я ихъ заставила убѣдиться въ ихъ ошибкѣ Надѣюсь,

будущее время они будут осторожнѣе... Это возмути-

Бланшъ послѣдовала за ними, и они исчезли въ толпѣ.

Муръ остался одинъ и въ глубокой задумчивости еще разъ пошелся по магазину. Отвлечшая его на минуту исторія мадамъ де-Бовъ, казалось, дала новый толчокъ происшедшей въ немъ внутренней борьбѣ. Это воровство знатной дамы, то омыаніе кишѣвшей вокругъ него толпы набросившихся на товары покупательницъ невольно вызывали въ его воображеніи гордый образъ неподкупной Денизы, опускавшійся надъ нимъ точно ангель возмездія.

Онъ остановился на центральной площадкѣ, откуда во всѣ стороны разстилались передъ нимъ обширныя галереи и залы, густо усѣянныя народомъ. Было уже шесть часовъ и приближались сумерки. Мало-по-малу воцарялся полумракъ, среди котораго тамъ и сямъ вспыхивали одна за другой электрическія лампы, озарявшія фантастическимъ луннымъ свѣтомъ снѣжныя равнины магазина, которыя загорались вдругъ синевато-бѣлымъ пламенемъ. Охваченныя этимъ заревомъ волны окутавшаго колонны бѣлаго муслина, покрывавшія лѣстницы бѣлыя полосы бумазей и пике, висѣвшія подобно бѣлымъ знаменамъ покрывала и падавшія съ потолка облака бѣлаго кружева придавали магазину видъ какого-то волшебнаго шатра въ глубинѣ котораго, подъ шелковымъ покровомъ алькова, покоится отъ взоровъ толпы царственная невѣста.

Муръ стоялъ на площадкѣ, продолжая задумчиво смотрѣть на черныя тѣни, мелькавшія среди этого фантастическаго свѣта. Толпа женщинъ, омыанная соблазнами выставки, начинала медленно расходиться, унося съ собою ощущеніе разгорѣвшихся и неудовлетворенныхъ желаній. Онъ смотрѣлъ на нихъ въ гордомъ сознаніи, что это дѣло его рукъ, что онъ, благодаря своему гению, своей неистощимой изобрѣтательности и чарующей угодливости, покорилъ себѣ эту толпу женъ и матерей и царитъ надъ нею какъ деспотъ, по капризу котораго раззоряются цѣлыя семьи. Онъ чувствовалъ себя создателемъ новой религіи, организаторомъ культа красоты и тѣла, замѣнившаго въ сердцѣ женщины утраченную вѣру; вмѣсто пугающихъ мало-по-малу церквей, онъ выстроилъ свой гигантскій базаръ, служившій теперь храмомъ, куда стекается вос-
твенная толпа вѣрующихъ. Вздумай онъ хоть на короткое

время закрыть свой магазинъ, и на тротуарѣ, передъ его дверьми, раздадутся негодующіе крики женщинъ, которыхъ ишли ихъ храма, ихъ исповѣдальни, гдѣ онѣ проводили ихъ свободные часы, отдыхая отъ житейскихъ заботъ и огорченій.

Уже десять лѣтъ подъ-рядъ онъ видитъ эти знакомыя и вѣрующихся, неутомимо блуждающихъ по его галлерей, лѣстницамъ и висячимъ мостамъ. Вонъ тамъ, напротивъ въ отдѣлѣ мебели, носится въ сопровожденіи дочери, въ своей строгости къ покупкамъ мадамъ Марти. Вотъ расчетливая и осторожная мадамъ Бурдлэ, которой никакъ не удается оторвать своихъ ребятишекъ отъ соблазнительно разставленныхъ игрушекъ. А вотъ и опирающаяся на руку своего зятя мадамъ де-Бовъ, продолжающая съ той-же величественной осанкой оглядывать товары. Вотъ все это волнующееся море женскихъ бюстовъ, украшенныхъ букетами розданныхъ имъ флоръ; среди нихъ тамъ, въ отдѣлѣ перчатокъ, сверкаютъ мишия плечи Генриэты, которая, не смотря на ревность и злобу, не въ силахъ удержаться отъ покупокъ.

Машинально онъ сошелъ съ площадки и направился дальше, вдоль галлерей, увлекаемый потокомъ напиравшей на него толпы. Онъ очутился только въ отдѣленіи модъ, выходившемъ окнами на улицу Десятаго Декабря, и, остановившись у окна, сталъ смотрѣть на расходившуюся толпу. Лучи заходящаго солнца позолотили верхушки новыхъ домовъ, бросившихъ тѣнью на улицу, освѣщенную мерцающимъ свѣтомъ электрическихъ лампъ магазина. По направленію къ Оперѣ и Буржѣ уносился тройной рядъ экипажей, терявшихся мало-помалу во мракѣ сумерекъ и увозившихъ во всѣ концы Парижа запоздавшихъ покупательницъ «Bonheur des Dames». Передъ дверью магазина поминутно раздавались окрики прислуги, грохотъ подъѣзжавшихъ фіакровъ, хлопанье дверецъ и топотъ спѣшившихъ домой пѣшеходовъ, и все это сливалось въ одну глухую гуль, постепенно стихавшей и терявшейся вдалекѣ. Надъ пустыющей улицей опускалась тихая чарующая ночь, и казалось, что духъ успокоившагося города носился въ воздухѣ, наводя на все сладкую дремоту.

Долго стоявшій въ забытіи Мурэ почувствовалъ въ эту минуту, что въ душѣ его происходитъ что-то странное. Восторгъ съ гордымъ сознаніемъ своего окончательнаго торжества и побѣды надъ Парижемъ и женщиной, онъ чувствовалъ неостановимо.

ясный упадокъ силъ и воли, какую-то неодолимую потребность самому покориться, признать себя побѣжденнымъ и уступить передъ наступавшей на него высшей силой. Мысль о женитьбѣ, противъ которой онъ боролся столько мѣсяцевъ, которую еще сегодня утромъ считалъ непозволительной глупостью, казалась ему теперь единственнымъ исходомъ и спасеніемъ и овладѣла имъ до такой степени, что каждый часъ казался вѣчностью.

Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ходилъ онъ въ этотъ вечеръ по кабинету, вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ, какъ юноша, ожидающій рѣшенія своей участи, и поминутно подбѣгая къ двери. Вдругъ сердце въ немъ страшно забилось: вдали послышался глухой, постепенно приближающійся гулъ. Затѣмъ явственно раздались тяжелые шаги кассира Ломма и двухъ рабочихъ, нагруженныхъ выручкой и медленно подвигавшихся среди одобрительнаго говора прикащиковъ, привѣтствовавшихъ это триумфальное шествіе золотого тельца.

Мурѣ быстро растворилъ двери.

— Милліонъ, двѣсти-сорокъ-семь франковъ, девяносто сантимовъ! прозвнесъ кассиръ, задыхаясь отъ усталости.

Въ первый разъ дневная выручка магазина достигла цифры, которая была давнишней мечтой Мурѣ. Но, вмѣсто радости, на лицѣ его выразилось раздраженіе и неудовольствіе человека, увидѣвшаго не то, что ждалъ.

— Хорошо, положите на столъ, небрежно произнесъ онъ.

Мѣшки грузно свалились на письменный столъ, и звонкая бумага выглянула изъ отверстій и посыпалась на бумаги и столъ, точно приглашая полюбоваться на нее, свѣжую, только что вышедшую изъ кармановъ покупательницъ, не успѣвшую еще остыть.

Лишь только вышелъ кассиръ, недовольный равнодушіемъ Мурѣ, какъ въ кабинетъ воѣжалъ Бурдонкль.

— Ну что! Наконецъ-то мы выручили этотъ милліонъ! вскрикнулъ онъ.

Но, замѣтивъ раздражительное состояніе Мурѣ, онъ тотъ же все понялъ и умолкъ. Въ глазахъ его сверкнула ра-

— Вы рѣшились, наконецъ? спросилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія.—И прекрасно! Могу только одобрить васъ.

Но Мурэ вдругъ остановился передъ нимъ и въ бѣшенствѣ произнесъ:

— Послушайте, милѣйшій, вы сегодня что-то черезъ-чрезъ веселы!.. Вы, кажется, считаете меня погибшимъ и точите рты.. Берегитесь, меня не такъ-то легко съѣсть!

Осторопѣвшій отъ неожиданной атаки этого дьявольски проицательнаго человѣка, который какимъ-то непонятнымъ способомъ угадывалъ всѣ его мысли, Бурдонкль растерянно пробормоталъ:

— Что съ вами? Вы шутите? Подозрѣвать меня, всегда питавшаго въ вамъ только преданность и удивленіе!..

— Не гните! раздражительно перебилъ его Мурэ.—Слушайте: мы съ вами были ребячески глупы съ нашими сверхънрнымъ страхомъ передъ женитьбой, забывая, что въ ней одной сила, здоровье и порядокъ жизни. Да будетъ-же вамъ извѣстно, мой милый, что я женюсь на ней и вышвырну за дверь всякаго, кто осмѣлится пикнуть хоть слово! Слышите? И вы, Бурдонкль, какъ и всякій другой получите расчетъ! Ступайте!

Ошеломленный Бурдонкль покорно вышелъ и, встрѣтившись у дверей съ входившей въ кабинетъ Денизой, низко поклонился этой побѣдившей его женщинѣ.

— Наконецъ-то вы пришли! радостно встрѣтилъ ее Мурэ.

Дениза была сильно взволнована. Идя сюда, она встрѣтилась съ Делошемъ, который сообщилъ ей, что его разсчитали какъ неспособнаго продавца, не подающаго никакихъ надеждъ и не пожелалъ даже, чтобы она ходатайствовала за него у Мурэ. «Для чего упорствовать, говорилъ онъ, когда равно не везетъ? Зачѣмъ своимъ присутствіемъ наводить только уныніе на другихъ?» Она братски простилась съ нимъ, говоря о томъ, что черезъ нѣсколько минутъ и она, если у нея хватитъ достаточно мужества, покинетъ этотъ магазинъ и пойдетъ искать забвенія въ глуши.

— Вы просили меня зайти, начала она своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ.—Я, впрочемъ, и сама зашла-бы простить

ся съ вами и поблагодарить васъ за всю вашу доброту ко мнѣ.

Ее покорила эта груда сваленныхъ на столъ денегъ. Изъ висѣвшей на стѣнѣ позолоченой рамки на нее по-прежнему смотрѣло ласковое, спокойное лицо мадамъ Гедуэнъ съ неизмѣнной улыбкой на губахъ.

— Вы все-таки хотите насъ оставить? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Да, это необходимо.

Онъ схватилъ ея руки и, охваченный неудержимымъ приливомъ нѣжности, произнесъ:

— Дениза, слушайте, неужели вы не останетесь даже и въ томъ случаѣ, если я попрошу вашей руки?

Но она вырвала у него руки и болѣзненно простонала:

— О, нѣтъ! Ради Бога, не говорите объ этомъ! Не мучьте меня больше! Я не могу, не могу!.. Богъ свидѣтель, что я покидаю васъ только для того, чтобы избавить васъ отъ такого безумія!

— Но я хочу этого... хочу, слышите! говорилъ онъ, волнуясь все больше и больше.

— Нѣтъ, это невозможно!.. А мои братья? Я поклялась быть для нихъ матерью... Я не могу ихъ оставить.

— Ваши братья будутъ моими братьями. Скажите-же: да, Дениза!

— Нѣтъ, нѣтъ! Оставьте меня, не мучьте меня!

Онъ изнемогалъ, выходилъ изъ себя, терялъ рассудокъ. Какъ! Она не хочетъ уступить даже въ виду его послѣдней жертв! Издали до его слуха доносились возгласы трехъ тысячъ прикащиковъ, убравшихъ по ящикамъ миллионныя бонны его базара; на столѣ, точно въ насмѣшку надъ его безуміемъ, лежалъ этотъ бессмысленный миллионъ.

— Такъ уходите-же, оставьте меня! въ отчаяніи воскликнулъ онъ, заливаясь слезами.—Идите къ тому, кого вы любите!.. Видъ въ этомъ весь секретъ—неправда-ли?.. Вы-же сами отказались въ этомъ, а я былъ такъ глупъ, что продолжалъ васъ мучить.

При видѣ этого отчаянія и слезъ, она не выдержала. Ей было готово было выскочить. Въ порывѣ какого-то дѣтскаго восторга, она бросилась къ нему на шею и, громко рыдая, бормотала:

— Да вѣдь я васъ люблю, васъ одного!..

Изъ магазина донесся послѣдній гулъ расходившихся по домамъ прикащиковъ. Спокойное лице мадамъ Гедуэнъ и прежнему ласково улыбалось. Державшій въ своихъ объѣмахъ Денизу, Мурэ въ изнеможеніи опустился на стулъ и, бѣшено прижимая ее къ груди, шепталъ, что теперь она можетъ отдохнуть въ свою Волонью, а черезъ мѣсяць онъ самъ придетъ за ней и привезетъ ее сюда уже своей женой.

КОНЕЦЪ.

ПЕТРЪ НА ОЛОНЦЪ.

Virtuti nulla via inuia.

«Мы нынѣ въ походѣ близъ непріятельской границы обрѣтаемся и при помощи Божіей не чаемъ праздны быть»—писалъ Петръ своему безталанному и далеко невѣрному союзнику королю польскому Августу II. Да и въ самомъ дѣлѣ вершили онъ тутъ дѣло немалое, такое дѣло, которое подъ силу и стать развѣ гигантамъ, созданнымъ не по дюжинной людской трафареткѣ. Писанная исторія давно уже оцѣнила Петра, а живущій преданіями народъ благоговѣнно соблюдъ даже и малѣйшія о немъ воспоминанія и бережно передаетъ ихъ своему потомству «старымъ людямъ на послушанье, а молодымъ въ поученье». Писанная исторія рада забыть то, что въ характерѣ Петра было данью вѣку и съ восторгомъ останавливается на томъ, что можетъ во всемъ ея блескѣ и величіи представить грандіозную личность Петра. Народъ, съ своей стороны, хоть и не забылъ, а какъ-то простилъ Петру тѣ тяготы, что наложилъ онъ ему на плечи, и вполне сознательно относится къ этимъ тяготамъ, какъ къ неизбѣжному злу на пользу, и мыслить не «грознаго» Петра, а «надежу», того Петра, что былъ ему заступою и обороною, что на ряду съ нимъ ходилъ и воевалъ на общее дѣло, что является въ сознаніи народномъ тѣмъ «фронтолемъ земли свято-русской», какимъ въ стихахъ духовныхъ появился Егорій храбрый. Какъ понималъ Петръ «неудачность», въ чемъ состояла въ то время его «работа» и какъ онъ къ ней относился—это-то мы и постараемся указать въ настоящемъ разсказѣ.

I.

Также было у Петра на сердцѣ въ началѣ 1700 года; ничто не случилось: войска у него было мало, снаряды—которые поизносились, а которые свадены были въ разныхъ пунктахъ, такъ приходилось свозить ихъ въ потребное мѣсто на обыватель-

скихъ подводахъ, что, конечно, требовало не мало времени, зативало дѣло, раззоряло и обездоливало народъ и давало шведъ возможность то и дѣло доказывать свое превосходство надъ Петровыми силами. Къ довершенію всяческихъ бѣдъ и напастей хватало и пушекъ. Дома тоже дѣла шли не особенно ладно, какъ Петръ зналъ и воочію видѣлъ, что недруги его прислаивали лишь на время и ждуть только удобнаго случая, чтобы они подняли голову и затѣять новую смуту «на руку Свейскому», конечно, себѣ на погибель. Петръ видѣлъ, что отъ перваго ея успѣха зависить все послѣдующее, а потому и рѣшился предпринять диковинное дѣло, гдѣ онъ ставилъ на послѣднюю рѣшительную карту и успѣхъ затѣяннаго имъ дѣла и свою собственную жизнь, которую, впрочемъ, и раньше, да и позже не жалѣлъ такъ, гдѣ дѣло шло о благѣ созданной имъ Россіи.

А тутъ то и дѣло доходило до него свѣдѣнія о новыхъ вооруженіяхъ «новаго викинга», отважнаго короля шведскаго Карла XII, который прекрасно понималъ, что вражда его съ Петромъ далеко не есть что либо преходящее; а что это споръ, грозный и рѣшительный споръ между Швеціею и нарождающеюся Россіею о томъ, кому признать чье главенство, кому расширять свои предѣлы и кому развивать свои внутреннія силы, ограничившись той территоріею, границы которой будутъ указаны побѣдителемъ. Карлъ, видимо, рѣшился поставить на карту все, что было въ его распоряженіи: онъ собиралъ двѣ значительныя эскадры съ какими-то «никому невѣдомыми» цѣлями, въ Финляндіи повсюду набирались все новыя и новыя дружины, а Швеція не переставала отдавать королю своихъ сыновъ, которыхъ онъ обѣщалъ въ изданномъ имъ въ началѣ 1700 года манифестѣ «возвратить страннѣ изукрашенными лаврами».

Весною 1700 года довѣренный человѣкъ Петра Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, донесъ ему изъ за границы, что Карлъ потому снаряжаетъ двѣ флотиліи, что думаетъ напасть на Россію съ двухъ сторонъ. Очень не нравилось «Свейскому», что могутъ въ Россію ходить иностранные гости черезъ Бѣлое море и сильно хотѣлось ему отодвинуть Петра вовсе отъ моря, такъ какъ онъ понималъ, что только обладаніе моремъ можетъ доставить Россіи побѣду. Дѣлать было нечего; средствъ было въ распоряженіи у Петра мало, а все-же не приходилось оставить Архангельска безъ воинской защиты. Наскорю собрали три полка солдатскихъ, въ которыхъ за разными безпорядками оказалось всего лишь 1,821 человѣкъ строевыхъ чиновъ, да въ Новгородѣ посланъ былъ царскій указъ собрать немедленно всѣхъ «малолѣтнихъ» драгунъ, т. е. такихъ, которые не успѣли еще дослужить своего срока или же и

все еще на службѣ не были, а считались или недорослями, или въ «нѣтяхъ». Какъ ни бились начальныя люди, а набрали такъ драгунъ всего лишь 534 человекъ. Исконный обычай сказанныя «въ нѣтяхъ» и тутъ выполненъ былъ со всякимъ тщаніемъ попали въ счетъ и въ высылку только лишь тѣ, кому и бабка не ворожила, да и судьба не улыбалась насчетъ гамзы для выкупа у капральныхъ и приказныхъ людей, которые такъ и врыгались въ тѣ дворы, гдѣ проживали малолѣтніе, зная напередъ, что или будетъ пожива царю или кошелю. Въ Тихвинскомъ уѣздѣ и до сей поры помнитъ народъ объ этомъ времени, но по обычаю своему дѣлаетъ дѣйствующимъ лицомъ самого Петра и увѣряетъ, что онъ самъ «ходилъ по дворамъ и вышибалъ» нѣтчиковъ. Вотъ что удалось намъ записать по этому поводу: «Прятался народъ и въ рундуки и въ погреба темныя, анъ глазокъ-то у осударя сморокъ былъ, да и идравъ угадливый. Ъдутъ съ Балакиремъ по большой дорогѣ и видятъ стоятъ хоромы барскія, самого главнаго боярина Шереметьева; самъ хозяинъ на встрѣчу идетъ, кланяется, хлѣбомъ солью царя привѣчаетъ, а больше того любимую его анисвою водкою. Слово за слово—разговорились. Двое-де дѣтокъ у меня боярскихъ къ своему дѣлу приставлены, по твоему, осударь, царскому указанію, какъ-бы, то есть, нѣмецкую науку произойти въ фершалы. А позовишься, сказываетъ осударь, сынковъ-то. Пришли—у притолоки стали, ровно пни середь лѣса. Сейчасъ это осударь вынулъ пузырекъ, да и спрашиваетъ у ихъ, что къ чему и отъ какой болѣзни существуетъ. Не знаютъ: икаютъ только, да къ притолокѣ ближе придвигаются. Вынулъ другой, опять спрашиваетъ, а отвѣтъ все тотъ-же. Разгорѣлся осударь на стараго: «такая-ли, говоритъ, наука фершалская нѣмецкая и толи дѣло боярское, чтобы псовъ по задворкамъ гонять, да надъ бабами кудесничать—любъ, кричать, и дубинкою намѣряется. Только вдругъ и выходитъ изъ горницы дядько ихъ старшій, боярскій холать, что на своихъ на рукахъ ихъ вынянчилъ, вынестоваль: «Царь, сказываетъ, батюшка! не осерчай на меня на стараго, дозволю слово молвить!» Ничего, дозволилъ, а только дубинку пуще прежняго ручкой жметъ, а ручка-то легкая—шесть досокъ на верхній ярусъ самъ не разъ взнашиваль. А дѣдъ-то и говоритъ: «Они и здѣсь-то въ теплѣ сопельки сами не утрутъ, не высморкаются, такъ гдѣ-же имъ воевать! дозволю и мнѣ съ ними итить съ несмысленочками». Какъ вскочить осударь съ своєю мѣста, да хватить дубинкою по столу, такъ что и столъ-то весь разлетѣлся на двое: «Эхъ ты мое боярство сопатое! видно вѣкъ мужицки твои сопли вытирать, а самъ-то не домекнешься!» да и заплакалъ батюшка, и слезно заплакалъ... Спасибо Балакирь выручилъ

своимъ словомъ шуточнымъ, мужицкимъ: «Такъ-де, осударь тышка, и въ писаніи сказано: бояре-де на томъ свѣтѣ будутъ котлахъ кипѣть, а мужики будутъ дровецъ подкладывать, и милости прислуживать». Разсмѣлся тутъ осударь: дядьку бы сынку взялъ: этакіе-де люди мнѣ требуются, а дворянскихъ послалъ землю копать на канавѣ, а самого хозяина въ при- взялъ; тутъ-де и тебѣ съ твоею фальшей мѣсто пригодное ищется».

Благодаря отлыниванью, обману и подкупу мало войска собралось къ Архангельску, а припасовъ воинскихъ и того было мало. По статейнымъ крѣпостнымъ спискамъ значилось въ числѣ не первостатейной, если не по силѣ, то по значенію, артиллеріи пушекъ мѣдныхъ 19, да крѣпостныхъ 15, изъ которыхъ были хорошія, скорострѣльные; спасибо еще удалось фрегату голландскій захватить, такъ съ него на свою бѣдность сняли еще 13 мѣдныхъ пушекъ, такъ какъ и ими безрывать не приходило. Онѣ при случаѣ могли пригодиться на безрыбьѣ, въ случаѣ голодной, теперь уже вышедшій изъ обычая, артиллерійскій голландскій поговорки: «не мѣдь бьетъ, а жерло»; въ то время было убѣжденіе не только солдатъ, но и самихъ воеводъ и командиромъ. Такъ бился Петръ цѣлыхъ два года, не пренебрегая своихъ начинанійхъ, ради земскаго раззоренія и того, что служившіе ему помощниками, вовсе и не думали быть притомъ одними съ нимъ мыслями; дѣлать было нечего—приходило какъ-нибудь изворачиваться, тѣмъ болѣе, что не успѣла еще 1702 году зима сойти, какъ тотъ-же Андрей Матвѣевъ догадался, что Карлъ не на шутку задумалъ выполнить свою завѣщанію и сдѣлать диверсію въ Бѣлое море. Ждать дальше было нечего. Вскипѣлъ Петръ, какъ и всегда то случалось съ нимъ въ минуты, посыпались его собственноручные указы и самъ онъ взялся за работу. Давнишнее знакомство царя съ англійскими и голландскими шкиперами помогло ему въ бѣдѣ неминуемой, какъ, лишенный артиллеріи, Петръ прямо къ нимъ-то и обратился за помощью. Такъ-ли, иначе-ли, добромъ-ли, своимъ личнымъ указомъ, а только велѣлъ Петръ со всѣхъ иностранныхъ кораблей: голландскихъ, англійскихъ и гамбургскихъ послать «излишнія» пушки, а излишними царь считалъ изъ каждой сѣти пушекъ—три. Хотя и неладно оно выходило съ точки зрѣнія международнаго права, но во-первыхъ въ тѣ времена и безъ этого этымъ правомъ церемонились, да и Петру-то въ то время не приходилось имъ стѣсняться, такъ какъ онъ шелъ о томъ, быть или не быть Россіи европейскою великою державою. Давно уже строилась на Малой Двинѣ крѣпость и въ

твано было довольно, да народъ-то то былъ все неумѣлый, къ лѣнной работѣ непривычный, такъ что Петръ все торопилъ и юнилъ тѣхъ довѣренныхъ лицъ, которымъ поручено было при- тривать за постройкою. Денегъ тоже было маловато, такъ что и посланы особые приказные съ тѣмъ, чтобы сколачивать день- съ двинянь, каргополовъ, чаронцевъ, кеврольцевъ и мезенцевъ, которыхъ и безъ того уже денегъ было маловато и вѣчно едва хватало на свое годовое прокормленіе. Какъ-бы то ни было, но въ 1701 году подъ Архангельскомъ возвышались уже 4 батареи съ редутами и шанцами, которыя могли противустоять первому натиску высадившагося десанта. Въ то-же время кипѣла и судодѣльная работа, такъ какъ дѣлались 6 брандеровъ, изготовляемыхъ для сожженія шведской эскадры, да кстати сдѣлано было распоряженіе и о томъ, чтобы засыпать пескомъ, землею и камнями старыя Устья Двины, извѣстныя подъ именемъ Мурманскаго и Пудожемскаго. Укрѣплять ихъ было некогда, да и не на что, а потому Петръ и велѣлъ не жалѣть свай, которыя вбивались по всему Двинскому устью съ цѣлію преградить шведамъ доступъ къ Архангельску и къ русскимъ землянымъ укрѣпленіямъ. Петру и этого всего казалось мало; хотѣлось ему елико возможно лучше укрѣпить единственный свой портъ, а потому и приказалъ онъ Головину «дѣлать еще новую крѣпость Вагою, Устюгомъ, Сольвычегодскомъ и Тотмою; пушекъ послать съ заводовъ 100, пороху 1000 пудовъ; солдатъ взять 1000 отъ Тихона». Видно вы- бились уже изъ силъ ближніе къ Архангельску обыватели, если пришлось привлечь къ новой постройкѣ такихъ дальнихъ людей, каковы напримѣръ тотемцы, устюжцы, сольвычегодцы и важенцы. Да и дѣйствительно тяжело было тогда народу, если онъ и до сихъ поръ помнить о томъ лютомъ времени. «Гнали тогда народъ изъ всѣхъ мѣстъ», записали мы въ томъ-же Тихвинѣ, — «такъ что на тропахъ въ лѣсу люднѣе стало, нежѣ по селамъ и деревнямъ. Осударь бывало выйдетъ къ погосту изъ лѣсу, да и кликнетъ къ народу: помогите, православные, отбиться отъ супостата, отогнать невѣрнаго!—Ино волею народъ шель, ино силою брали приказные, что слѣдомъ за царемъ ѣхали и подбирали тѣхъ, кто слова царскаго не послушался. А царю то и не въ доめкъ, что приказные насильничаютъ, да охальничаютъ. Только пришелъ онъ къ Соловкамъ, гдѣ въ ту пору крѣпость ставили, привелъ охочій народъ съ собою, да и сталъ, благословясь, рвы копать и землю сыпать; долго-ли, коротко-ли—видитъ еще шнявъ десять съ народомъ валить. «Вы зачѣмъ?» спрашиваетъ. «Пригнали», сказывають, — «крѣпость строить». Разсерчалъ осударь свирѣпостью и приказныхъ расказнилъ, — мнѣ де вольный народъ надобенъ,

а не сбійтъ! Вы что-ли землю-то пахать будете за нихъ, а дати платить? Какъ смѣли мою волю мѣнять! Я ихъ на мѣнѣ сѣмена оставилъ, а вы куринымъ своимъ умомъ по иному мѣнили». Такъ и угналъ народъ во-свояси, да еще все иныя приказныхъ отобралъ и народу отдалъ—«было-бы-де вамъ мнѣ подмогу сдѣлать, когда потребуется».

Хоть и приказано было собрать и отослать 100 пушекъ, легче это было написать въ указѣ, нежели выполнить на дѣлѣ, такъ какъ готовыхъ-то и вовсе такого количества не было, а дѣлать ихъ и некогда, да и не изъ чего, такъ какъ въ Россіи не было добпорядочныхъ мѣдныхъ рудъ, да и заводовъ тогда не было. Виніусъ только и дѣлалъ, что лгль кое-какія пушки постоянно жаловался на недостатокъ матеріала и докладывалъ, необходимо отыскать руду и построить хорошей мѣдной заводъ. Розѣиски въ этомъ отношеніи производились уже еще со временъ Алексѣя Михайловича, да за отсутствіемъ заводскаго мастера все какъ-то дѣло не спорилось. Еще до Петра Великаго нѣшней Олонцкой губерніи и у Ковшозера въ Фойжогубіи были и устроенные при помощи правительственной субсидіи, но тѣмъ не менѣе неудовлетворявшіе военнымъ потребностямъ государства. Къ довершенію бѣды, въ битвѣ подъ Нарвою шведы отняли русскую артиллерію, такъ что потребовались чрезвычайныя средства къ отливкѣ новыхъ пушекъ. Что тутъ было дѣлать Петру? Онъ жели-же только полагаться на свое счастье и на волю Божию? Но такъ-то былъ Петръ, чтобы остановиться передъ фактомъ, а у моря погоды, а потому онъ и издалъ указъ о томъ, чтобы брать церковныя и монастырскія колокола и переплавить ихъ въ орудія, но все-же, чуя, что указъ этотъ произведетъ не самое выгодное впечатлѣніе, объяснилъ, что принужденъ къ тому тѣмъ, что «зело надобно, ибо время, яко смерть». Тѣмъ не менѣе, за-казъ отливки была возложена на того-же думнаго дьяка Василья Шереметьева, который сполна горя исполнялъ царскую волю, но чуть-ли не въ каждомъ письмѣ своемъ жаловался на недостатокъ красной меди. Вслѣдствіе этихъ постоянныхъ жалобъ, Петръ издалъ указъ 19 февраля 1702 года указъ о томъ, чтобы была немедленно послана въ сѣверный край, на Олонецъ, съ дозорщикомъ руды Иваномъ Патрушевымъ и подъячимъ Головачевымъ, партія ищущихъ рудъ, имѣвшая во главѣ извѣстнаго своею опытностью въ рудномъ дѣлѣ саксонскаго пробирнаго мастера Блюэра, которому поставлено было Петромъ въ непремѣнную обязанность «сѣискать серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ». Блюэръ былъ человѣкъ петровскаго вѣка и ученъ былъ царемъ не распускать нюни, а дѣлать

важнѣе и скоро, а пока что—приходилось довольствоваться
 овными колоколами. И объ этой тяготѣ запомнилъ народъ и
 ихъ порѣ признаеть, что церковники обязаны были посту-
 ся своимъ колоколами на пользу государственную, на то пра-
 святое дѣло, за которое стоялъ Петръ. «И у насъ въ Пале-
 овѣ было въ тѣпоры восемь колоколовъ и очень отцы за нихъ
 ли—очень ужъ звонъ хорошъ былъ у нихъ», — рассказывалъ
 старикъ монахъ въ Палеостровскомъ монастырѣ; — «однако
 грѣ I и изъ нашихъ колоколовъ семь штукъ отобрать велѣлъ
 на суднѣ свезть на заводъ въ Питерь. Повѣсили наши отцы
 и стали къ государю приставать, чтобы онъ смилостивился
 колокола монастырскіе оставилъ по старому. «А зачѣмъ вамъ
 колокола?» спрашиваетъ царь. «Созывать народъ къ божествен-
 су лѣснолѣнію», отвѣчаютъ. «Отъ васъ звона не услышать—въ
 туу церкву пойдуты!» говоритъ царь. А монахи-то ему: «ума-
 см-де слава святыхъ угодниковъ соловецкихъ и палеостров-
 хъ». Государь ничего не отвѣтилъ, а только приказалъ всѣмъ
 сахамъ съ игуменомъ сѣсть на судно и ѣхать вплоть до Шунги,
 тамъ во всѣ уши слушать, что будетъ и, вернувшись, обо всемъ
 у доложить. А самъ велѣлъ въ колокола перезванивать и три
 за изъ пушки палить. Черезъ нѣсколько времени вернулись мо-
 хи. «Ну что-же вы слышали?» спрашиваетъ государь. «Слышать
 мѣ было, будто кто трижды изъ пушки стрѣлялъ», отвѣчаетъ
 менъ. «Ну то-то вотъ и есть», —сказываетъ Петръ I, —«коло-
 ковъ-то вашихъ и не слышали—небось они до васъ славу угод-
 ковъ не донесли, а пушки-то мои мою славу до васъ донесли;
 къ ужъ лучше давайте мнѣ ваши колокола, я ихъ на пушки
 делью—авось онѣ славу вашихъ угодниковъ не то что до Шунги
 есутъ, а и до самой шведской столицы, Стекольнаго города».
 дѣсь, въ этомъ простомъ, народномъ преданіи, которое, ко-
 то, не относится до Палеострова, а къ другой какой нибудь
 стности, сказывается постоянное врожденное остроуміе Петра,
 которое сквозитъ такъ часто во всѣхъ его рѣчахъ и письмахъ.

Что касается до пороку, то его было припасено нѣсколько ты-
 чъ пудовъ у боярина Тихона Стрѣшнева, который еще въ ян-
 вѣ 1701 года отправленъ былъ царемъ въ Новгородъ и Псковъ
 качествѣ «судьи воинскихъ дѣлъ» или того, что впоследствии
 валося генераль-аудиторомъ. Какъ ближайшіе къ шведской
 ницѣ и главнымъ образомъ къ Нарвѣ, города эти имѣли гро-
 мкое значеніе и помимо того, что отправлялось къ Архангельску,
 концентрировались артиллерійскіе парки и провіантскіе за-
 для той арміи, которая должна была со временемъ дѣйстви-
 тельно противъ ижорской земли и Эстляндіи. И сюда сгоняли народъ

на военныя надобности, но уже не въ одну голову, а и съ конями и подводами, на которыхъ везли снаряды и припасы, повсюду мѣшкотно, такъ какъ повсюду лошади побились и на пять верховъ одна телѣжка оставалась. «Царь-батюшка все болѣе и болѣе устройкою пѣшой ходилъ, а когда на праздникъ хотѣлъ своимъ царямъ показаться, приказывалъ закладывать лошадку въ смычки, да такъ въ смычкахъ и войска глядѣлъ, и парадъ дала». Какъ ни старался Петръ, а пособники его почти куда не годились, да и народъ въ такое состояніе пришелъ, ему не въ силу была и легенькая повинность, а не то, что военная служба въ строю, въ построикѣ укрѣпленій и въ доставкѣ разныхъ воинскихъ припасовъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда новое письмо Андрея Матвѣева снова обезпokoило Петра. Посоль извѣщалъ теперь не гадательно, а прямо писалъ, чтобы царь ожидалъ въ званыхъ, но давно чаянныхъ гостей не позже мая мѣсяца: приходилось теперь бросать уже приготовленія и выходить враспухъ на встрѣчу. И радъ-бы былъ Петръ послать кого въ дальній путь, да людей у него подходящихъ на эту подѣлку не было — кѣмъ-то «птенцовъ» приходилось отъ времени до времени пострасивать дубинкою, такъ какъ иначе и ими скоро овладѣвала пресловутая русская апатія, которая заставляла нашихъ предковъ сидѣть въ ловѣтѣ «брады уставивъ, яко идолы» и на всякій починъ ожидать «царскаго грознаго или милостиваго слова»; да къ тому-же еще бы и былъ такой человѣкъ, которому могъ-бы Петръ поручить защиту Архангельска, то все-же пришло-бы ему идти и самому, такъ какъ въ умѣ его сложился въ два года грандіозный, едва вѣроятный планъ, выполнить который могъ только самъ онъ, то орломъ летающій подъ облаками, то какъ простой, вѣчный труженикъ-муравей, работающій на ряду съ простыми смертными. Планъ этотъ давно уже созрѣлъ въ его геніальной головѣ; все онъ сообразилъ, все взвѣсилъ, сдѣлалъ всѣ необходимыя, предварительныя распоряженія и, надѣясь на выносливость русскаго человѣка на сильное вліяніе своего личнаго примѣра, на обаяніе своей дѣлзной воли, на свою энергію, а отчасти и на счастье, вѣровавъ, должно-же наконецъ вернуться къ нему лицомъ, всегда вѣрующая ваясь тому, кто прямой и безповоротно идетъ всегда впередъ, Петръ рѣшилъ оставить Москву и предпринять невиданное неслыханное со временъ Олега и Святослава дѣло — проходить по суху судовъ, да уже не ладій древнеславянскихъ, а правильно построенныхъ на голландскій образецъ фрегатовъ. Надо было собрать шведовъ и, воспользовавшись неожиданностью и кажущейся невозможностью этого дѣла, напасть на нихъ съ такой стороны

уда враги не въ какомъ случаѣ не ожидали, да и не могли дать нападенія, такъ какъ всѣ знали, что пробраться на Лагу съ Бѣлаго моря невозможно «отъ блатъ топкихъ, въ нихъ и елень не проходитъ безопасно», какъ сказано въ одномъ изъ пій Александра Свирскаго,—«а въ тѣхъ блатѣхъ оконци малы гда птица ту сядеть, оконце разверзнется и втянетъ ю, яко желъ укладъ, любо камень». Понятно, что никому и въ умъ не шла мысль о возможности пройти по этимъ «блатамъ» войску и послать здѣсь морскія суда.

II.

Еще въ началѣ апрѣля походъ подъ личнымъ предводительствомъ царя былъ рѣшенъ и всякъ, кому дорого было расположеніе Петрова, спѣшилъ принять участіе въ этомъ «нѣвоемъ ухищреніи», какъ самъ онъ называлъ свой планъ въ позднѣйшихъ письмахъ къ польскому королю. Петръ не любилъ, чтобы его пособники и все, что было къ нему близко, сидѣли на печи въ то время, когда нужна каждая лишняя голова для совѣта, а потому, не считая на разныя препятствія, чинившіяся ему со стороны жены и ея родственниковъ, приказалъ собирать въ походъ и двѣнадцать дѣтейнъ Алексея Петровича. Въ свитѣ Петра оказались и виднѣйшіе птенцы и орлята его, которымъ тутъ-то и предъ нами явилась; пошли за нимъ А. И. Голицынъ, М. Г. Ромодановъ, И. Прозоровскій, Ѡ. А. Головинъ, Г. И. Головинъ, П. П. Рубинъ, К. А. Нарышкинъ, Н. М. Зотовъ, А. Д. Меншиковъ, П. П. Шафировъ, да благовѣщенскій протоиерей П. П. Поборскій, который успѣлъ полюбиться царю за неукротимость свою и простоту. Съ одними однако боярами идти въ походъ и 5 батальоновъ гвардіи, численностью до 4000 человекъ, съ царемъ во главѣ, выступили по ярославской дорогѣ 18 апрѣля 1702 года. Казалось—давать лишь отпоръ врагу, а оказалось—созидать морскую и сухопутную мощь, которая всегда обезопаситъ родину съ сѣвера. Хотя петровскій походъ и привычна была къ переходамъ и къ той муштровкѣ, которая была Петромъ, а все-же бездорожье и безконевье затрудняли движеніе, такъ что походъ продолжался цѣлыхъ три мѣсяца, а войска достигли только Вологды, откуда черезъ Тотму, въ Новгородъ, къ приготовленнымъ на Двинѣ судамъ, прибыли наконецъ въ Ивангеляскъ, гдѣ тысячи народа трудились надъ постройкою судовъ и батарей.

Петръ успѣлъ еще отдохнуть съ дороги, какъ принялся и помогать рабочимъ въ постройкѣ крѣпости, которую, наконецъ, закончили въ 1703 году. М. 6, 1883 г. I.

нець, и заочнилъ, выстроивъ среди ея стѣны и церковь. Самъ Петръ захотѣлъ увѣковѣчить свое пребываніе въ Архангельскѣ или просили его о томъ священники, а только пожертвовалъ въ небогатую ризницу новой церкви свой немудрый покровъ плащъ, изъ котораго и устроили саккосъ. Хоть и не въ этотъ архіерейскій саккосъ на видъ, да цѣненъ по воананіямъ, такъ какъ не разъ прикрывалъ неизбалованное Петра послѣ трудовъ его на благо родины. Теперь этотъ саккосъ хранится въ архангельскомъ каедральномъ соборѣ и рѣ кто изъ посѣтителей знаетъ, какое значеніе имѣеть это одианіе. Работа кипѣла, отдыха не знали ни царь, ни его посланники, ни простые рабочіе, такъ-какъ время шло, а изъ-за ризницы то и дѣло приходили вѣсти о томъ, что вотъ-вотъ нагрянетъ шведская эскадра. «Мы по-малу управляемся въ готовности», писалъ Петръ Шереметеву, который въ то время былъ съ войсками въ Ингерманландіи, — «понеже о непріятелѣхъ непрестанно докладываютъ». Опытъ успѣлъ уже научить Петра, что вѣрность одна не въ состояніи биться съ флотомъ, а потому рѣшено было гдѣ-нибудь по близости устроить верфь и выстроить тамъ можно скорѣе нѣсколько кораблей, которые могли-бы покрѣпиться силами съ непріятелемъ. Когда еще въ 1701 году шведская эскадра въ числѣ 7 кораблей стала подъ англійскими и голландскими флагами на якоряхъ близъ Мудьюгскаго острова, то, только благодаря самоотверженію кормчихъ Ивана Рябова и Дмитрія Борисова, удалось Архангельску отдѣлаться отъ враговъ и въ концѣ концовъ заставить непріятельскія суда удалиться, ограничившись лишь ожженіемъ куйскихъ соловарень и 17 крестьянскихъ дворовъ. Теперь нечего уже было надѣяться на случайность и нечего было перевѣдаться со шведами на морѣ, ни въ какомъ случаѣ допуская ихъ до высадки, такъ-какъ на берегу устроены были склады, а если-бы разорили ихъ, то не удалось-бы самое «хорошее ухищреніе» Петра. Времени терять было нечего и Петръ немедленно отправился разыскивать подходящее мѣсто для верфи, а пока пользовался имѣвшеюся уже на Вавчугѣ верфью Баженинаторыхъ онъ давно уже зналъ и миловалъ всячески. Еще въ первый пріѣздъ свой въ Архангельскъ Петръ познакомился съ предприимчивымъ и талантливимъ семействомъ, которое, чтобы быть должно, вышло изъ Новгорода и до сей поры носитъ на себѣ слѣды энергичной крови новгородской. Предокъ Баженинъ нынѣ Латкиныхъ, которые вступили въ супружество съ представительницею этого рода, Симеонъ Баженинъ надумалъ какъ-то искать новыхъ сележныхъ мѣстъ и переселился въ Холмогоры, ожеждалъ заняться прибыльною рыбною ловлею. Сынъ его

способности къ промыслу не имѣлъ и, будучи довольно слабого здоровья, порѣшилъ удалиться отъ міра и ушелъ въ монастырь: даже и онъ обладалъ, повидимому, обширнымъ умомъ, такъ-какъ королю мы видимъ его уже игуменомъ архангельскаго монастыря, при-чемъ онъ былъ посланъ въ Сибирь для обращенія тамошнихъ инородцевъ въ Христову вѣру. Еще живя въ міру, Федоръ былъ женатъ и имѣлъ сына, Кирилла, котораго мы видимъ во времена Никона сначала діакономъ въ холмогорскомъ преображенскомъ монастырѣ, а затѣмъ «въ домѣ Царскаго Величества» пѣвчимъ, куда онъ былъ взятъ «за изрядство голоса». Сынъ «сладкогласнаго» Кирилла, Андрей, не пожелалъ слѣдовать по стопамъ отца и почелъ за лучшее обратиться къ тому дѣлу, которымъ занимались его предки; онъ торговалъ въ Холмогорахъ и въ Архангельскѣ, а въ 1672 году женился и получилъ въ приданое за женою село Вавчугу, которое находится на правомъ берегу Сѣверной Двины, въ 13 верстахъ отъ Холмогоръ и 83 верстахъ отъ Архангельска. Счастливымъ былъ Андрей на сыновей: и Осипъ, и Федоръ ребята были начинливые и удачливые и основали у себя на селѣ корабельную верфь на потребу поморскихъ жителей, которые въ тѣ времена не только въ десять разъ больше нынѣшняго занимались промыслами, но даже ходили на своихъ судахъ туда, куда отважится рѣдко идти и судно бѣломорской флотиліи, напимѣръ на Грумантъ (Шпицбергенъ), на Новую Землю и даже въ Обскую губу и за границу. Не плоха была ихъ постройка, такъ-какъ понасмотрѣли они на ней и приспособляли суда своей постройки именно въ ходу въ арктическія мѣстности; лѣсъ былъ хорошій, снащены суда во всей исправности, а главное легкоходны они были, руля бойко слушались и долго могли бороться со льдами. Прошла слава о Бажениныхъ по всему Поморью, забѣжала и въ чужеземныя государства, а тѣ не гнушались тогда русскимъ мастерствомъ, получали ихъ зачастую про свою нужду и пускали ихъ по всѣмъ морямъ подъ своими датскими и голландскими флагами. Петръ позналъ всю важность Вавчугской верфи и умѣлъ оцѣнить починъ и старанія Бажениныхъ. Онъ всякій пріѣздъ свой заѣзживалъ къ нимъ въ домъ, бесѣдовалъ съ умными головами, учился у нихъ чему-разуму, кой-когда и ихъ научивалъ чему-нибудь доброму и въ концѣ-концовъ даровалъ имъ жалованную грамоту, которая прямо разрѣшаетъ жгучій, но еще не разрѣшенный вопросъ о томъ, какъ вывезти нашему Сѣверу. Какъ увидимъ изъ этой грамоты, Петръ почти ни разу не употребляетъ глаголовъ въ положительномъ числѣ и постоянно твердитъ лишь одно и то-же, сводящееся къ глаголу: «не мѣшать». Онъ не сталъ съ Бажениными нянчиться, какъ онъ поступилъ съ малыми ребятами, такъ-какъ зналъ и видѣлъ, что у нихъ

есть своя голова на плечахъ и они смогутъ обойтись безъ нянны. Народъ отлично помнитъ и Бажениныхъ и отношенія къ Петру, и утверждаетъ въ преданіяхъ своихъ, что эти были рѣшительно дружескія — и царь и кораблестроители говорили другъ съ другомъ запросто, безъ зачѣй, да за-то сердца. «Какъ былъ тутъ осударь, ходивши на Шведъ, очень ужъ его Осипъ Баженинъ удовольилъ, такъ удовольилъ, и сказать нельзя! Выстроилъ, слышь, корабль, а какъ ставъ тотъ корабль тонуть, такъ и вѣкъ не потонетъ, потому мастер Осипъ двойное ему днище подвелъ. Осударь его и цѣлуетъ и злуетъ: «чѣмъ мнѣ тебя награждать будетъ, Осипъ, за твою вѣрную службу?» Встащилъ его на высокую колокольню, да и свѣтаваетъ ему: «Вотъ видишь ты, Осипъ Андреевичъ, всю эту укрѣпленіе все, что только глазъ твой видитъ: отсель: и села, и земли, и воды — все это твое, все это я жалую тебѣ за твою вѣрную службу, за великій твой умъ, за твою честную душу. Хоть и немногого за твои дѣла, да мнѣ самому больно лѣса нужны!» — А Осипъ-то ему и возговорилъ: «Не жалуй ты меня, Великій осударь, своими жилями, душами человѣческими — не слѣдъ мнѣ владѣть такими какъ и самъ я есть. Удивился осударь, что человѣкъ отъ счастья своего отказывается, да и говоритъ: «и воистину, не по тебѣ ли награда, да и не мнѣ видно тебя награждать — тебя только одинъ Господь Богъ наградить можетъ! Ты взаживъ праведникъ». Днятно, что Петръ долженъ былъ высоко цѣнить этого человека, а потому мы и видимъ, что онъ жалуетъ Бажениныхъ грамотами и даже лѣсомъ на постройку кораблей въ количествѣ 2,470 десятинъ, хоть и вѣрнокъ онъ былъ на подарки. Такая милость требовала, конечно, такъ сказать, мотивировки и вотъ мы читаемъ, что всѣ эти милости оказываются Баженинымъ «за желаніе ими Его Царскому Величеству усердное радѣніе и къ корабельному строенію тшаніе и за постройку въ ихъ деревнѣ Вавшѣ нѣмецкаго образа водяной мельницы безъ заморскихъ мастеровъ, соборовъ для раздиранія лѣса досками и для продажи оныхъ у Архангельскаго порта и города торговымъ людямъ и иноземцамъ, а также и за то, что они лѣсъ на построенныхъ ими корабляхъ за море отпускали, дабы въ державѣ Его Величества корабельное строеніе множилося». И какъ, собственно говоря, просто Петръ смотрѣлъ на дѣло, какъ ясно онъ сознавалъ, въ чемъ именно должна состоять правительственная поддержка! Тутъ-же, въ жалованной грамотѣ 6 февраля 1700 года онъ даетъ слѣдующее руководствованіе разнымъ начальнымъ людямъ, какъ они должны относиться къ зачаткамъ добраго дѣла: «Повелѣли мы», говоритъ онъ, — «въ возгнѣннѣ своей у водяной пильной мельницы для отпуска отъ города Ар-

льскаго за море русскихъ указныхъ товаровъ корабли и яхты
 въ иноземцами и русскими мастерами по вольнымъ наймамъ
 своихъ пожитковъ, — и на тѣ корабли и яхты для морскаго
 судоустройства шипоровъ и штурмановъ и матросовъ изъ русскихъ, ко-
 е похотятъ у нихъ на корабляхъ для науки морскія службы
 на ихъ кормѣхъ принимать и *держатъ свободно*; и отъ того
 великаго дѣла тѣхъ людей боярамъ нашимъ и воеводамъ, бу-
 дущимъ у города Архангельскаго и бургомистрамъ, къ инымъ дѣ-
 ламъ *отнюдь не имать*. А какъ которые корабли и яхты будутъ
 въ готовности, и въ то время имъ на тѣхъ своихъ кораб-
 ляхъ на морѣ указали мы, Великій Государь, держать для опаса-
 ния отъ воровскихъ людей пушки и зелье противъ оныхъ торго-
 вельныхъ иноземческихъ кораблей, и съ корабельныхъ припасовъ, ко-
 е къ тому корабельному дѣлу у нихъ вывезени изъ-за моря,
 имъ съ нихъ Осипа и Федора *не имать*. И въ наши, Вели-
 кий Государя, службы ихъ Осипа и Федора, мы, Великій Госу-
 дарь, выбирать и въ посылки посылать *не указали* и по сей на-
 шей Великаго Государя, Царскаго Величества милостивой жало-
 ванной грамотѣ имъ, Осипу и Федору, по желательному ихъ къ
 намъ, Великому Государю, къ нашему Царскому Величеству усерд-
 ному радѣнію въ корабельномъ строеніи, во всякихъ къ тому
 военному промыслахъ, *вольность имать* и къ тому дѣлу всякихъ
 людей держать имъ на своихъ кормѣхъ *свободно безъ вся-
 каго возбраненія* и отъ воеводъ *помѣшательства* и отъ бурго-
 мистровъ, противъ вышечисаннаго нашего указу *не чинить, чтобъ
 то смотря, иные всякихъ чиновъ люди въ такомъ-же усердіи намъ,
 Великому Государю, нашему Царскому Величеству, служили и ра-
 нѣе свое объявляли*. И являлись такіе люди, пока живъ былъ
 царь.

Не увѣренный въ спокойствіи самой Швеціи и постоянно опа-
 саясь нападенія со стороны остальныхъ морскихъ державъ, Карлъ
 откладывавъ и откладывавъ походъ въ Бѣлое море; Петръ
 былъ доволенъ этимъ замедленіемъ и снѣшилъ воспользоваться
 случкою для того, чтобы какъ слѣдуетъ встрѣтить противника.
 Будиль онъ на Вавчугу, снова поглядѣлъ на всѣ приспособле-
 ния Бажениныхъ, объѣхалъ лѣса окрестные и вернулся не только
 увѣренный, но и обезпеченный; были и строители добрые и
 работъ была хоть куда, да не хватало главнаго — лѣса. Тутъ-же
 были два фрегата: «Св. Духъ» и «Курьеръ», да еще 26-ти пу-
 шечный корабль «Св. Ілія»; поспрашивали по обычаю «Ивашкѣ
 Иванцкому», но не во всю ширь, такъ-какъ великая забота кру-
 тила царя и видно тяжело ему было, если онъ высказалъ ее въ
 своемъ въ Ингрию къ Апраксину, которому сообщалъ о

происходившей закладкѣ. «А большаго чаю, и почать нечѣмъ, сознается онъ съ горечью и повсюду начинаетъ искать вытѣхъ изъ тяжелаго положенія, искать лѣса. Представлялась необходимостью бороться со шведами на морѣ, все «нѣкое ухищреніе» можно было произойти, благодаря водному сообщенію, и на немъ основано, а лѣса для постройки кораблей подъ рукою не бытъ понятно съ какимъ восторгомъ увидалъ, наконецъ, Петръ желанный имъ корабельный лѣсъ подъ Мокришвицами, на рѣкѣ Свири.

Подходилъ Петровъ день, а шведы все не являлись. Любилъ Петръ проводить зготъ день весело и, хотя сильно беспокоился по части вѣстей изъ Швеціи и отъ Шереметева, но все-же отпраздновалъ свои именины на славу. Трое сутокъ въ Архангельскѣ было разливанное море и всѣ иноземные шкипера и матросы пировали съ царемъ въ его помѣщеніи, тогда-какъ для народа по улицамъ стояли распиленные на-двое бочки съ виномъ и пивомъ. Интересно, что народъ сохранилъ воспоминаніе объ этихъ приресткахъ и намъ удалось слышать по поводу именно этого праздношанія слѣдующій неточный фактически, но опять-таки чрезвычайно характерный рассказъ: «Пріѣзжалъ осударь именины свои справлять въ Архангельскій и подѣлалъ по площадямъ колодецы, а изъ каждой цевъ трубы пустилъ и вино изъ нихъ ключемъ било — подходи всякъ съ ковшемъ, да и пей за его здоровье. Всякаго тутъ народа много было: и нѣмцевъ, и нашихъ. Осударь то изъ своей горницы въ оконце глядитъ и видитъ стоятъ нѣмецъ, да нашъ вытегоръ — пить не пьютъ, а что-то порандуютъ. Нѣмецъ-то изъ-подъ жилетки кишку выпустилъ, да замѣсто того, чтобы вино то прямо въ ротъ лить, все въ кишку цѣдитъ, а кишка та длинная и нѣсколько разъ вокругъ его обернута. Ничего осударь не сказалъ — только и смѣялся нѣмецкой хитрости, что нѣмецъ и самъ выпилъ, да и женѣ съ дѣтками норовить снести и для того особый инструментъ придумалъ... Глядь, вытегоръ скрылся... поискалъ его осударь глазами-то, а онъ ужъ глубоко въ землю вкопался... дальше-больше... подбежалъ подъ самый колодезь, припалъ губами, да такъ съ чужаго мѣста и не отрывался, пока тамъ и успокоился. Отошелъ осударь отъ оконца, да велѣлъ всѣхъ нѣмцевъ къ себѣ въ гости звать, чтобы передъ его глазами вино пили, а Вытегора приказалъ тащить и водой отлить». Зачѣмъ это ваше величество нѣмцевъ такой почетъ дѣлаете?» спрашиваютъ у него бояре. А онъ имъ сказалъ имъ все, что видѣлъ, да и говоритъ: «Нѣмца я народомъ на глазахъ держу, чтобы, о семьѣ думая, онъ и окромя вина бы не поворовалъ, а русскій — не бѣда! о семьѣ не думаетъ, какъ до корня доберется, такъ только самъ пьянъ напьется».

оека Петра пироваль, дѣло не заставалось и самъ онъ прямо
 ра зачастую отправлялся на навчугскую верфь наблюдать за
 ойкою судовъ и за «иноземнымъ комиссаромъ Елизаріемъ
 нтомъ», которому поручено было «подводить постройку подь
 и въ точности проектов». Что за причина назначенія ино-
 а въ главные руководители постройки — мы объяснить рѣши-
 во не въ состояніи, такъ какъ въ документальной исторіи мы
 находимъ никакихъ для этого данныхъ и полагаемъ, что въ
 ть самыхъ «планахъ въ точности проектов» было что-нибудь
 е, чего не съумѣли-бы сдѣлать Баженины или-же, что Баже-
 м не могли почему-либо лично руководить дѣломъ, находясь,
 ь можетъ, во временномъ отсутствіи съ Вавчуги. Последнее
 доуженіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что двинскій лѣтописецъ,
 казывая обо всѣхъ этихъ событіяхъ, упоминаетъ о недостаткѣ
 и о томъ, что Петръ за безвременьемъ послалъ искать «из-
 наго къ тому дѣлу лѣса знаемыхъ людей», которыми быть мо-
 и были Баженовы. Всѣ распоряженія и приготовления Петра
 ались какъ можно болѣе тайно и народъ увѣряетъ, что «ко-
 бля и крѣпости строились ночью, чтобы шведамъ не въ домекъ
 мо». Ясно, что если таились даже и отъ своихъ, то тѣмъ болѣе
 могла дойти вѣсть о «нѣкоемъ ухищреніи» за границу, а по-
 му, когда король польскій письмомъ изъ Варшавы укорялъ Петра
 томъ, что послѣдній, повидимому, покинулъ своего союзника на
 судобъ и на милость ихъ общаго врага Карла XII, то Петръ
 былъ внутренняго удовольствія отписалъ ему въ отвѣтъ, что
 ѣ его и не думалъ покидать и что не чаетъ «праздны быти».
 тѣмъ было рассказывать въ чемъ именно заключалась эта не-
 адность! Бѣ концу іюля дѣло все ближе и ближе подходило къ
 цу и Петру представлялась уже близкая возможность уйти изъ
 ангельска, поручивъ его охрану небольшому отряду войска,
 аннаго порядочною крѣпостцею и нѣсколькими военными
 А между тѣмъ прибыли въ Архангельскъ давно желанные
 иностранные корабли, на которыхъ пріѣхали давно уже вы-
 Петромъ изъ-за границы шлюзные мастера для построй-
 у самой Москвы для соединенія Оки съ Дономъ черезъ
 Ивановское. Да не такъ обрадовался Петръ ихъ собствен-
 у пріезду, какъ той вѣсти, которую они привезли съ собою,
 какъ они прямо и безповоротно объявили, что шведы не бу-
 и тѣмъ развязали нацонецъ царю руки. Архангельску бо-
 та нечего — можно начать выполнять «нѣкоторое ухищреніе».

III.

5-го августа рано утромъ двинулась изъ, Архангельска эскадра. У Петра было уже цѣлыхъ четыре верабля собственныя «Св. Духъ», «Курьеръ», «Св. Илія», да отнятый у шведовъ ихъ оказалось мало, а потому онъ воспользовался только-что шедшими иноземными судами и на 13 корабляхъ направился сомъ на Соловецкіе острова. Хотѣлъ-ли онъ попросить благаго вѣнія у угодниковъ соловецкихъ, или-же на этомъ завадѣ была другая какая-либо причина, — неизвѣстно, такъ-что по нашему мнѣнію и то и другое вѣрно, такъ какъ Петръ былъ весьма человѣкъ глубоко вѣрующій, а долгое пребываніе на Соловкахъ выяснитъ намъ и то, что окончательно должно было побудить его не направляться прямо къ исходному пункту его сухопутнаго похода. Цѣлыхъ 5 дней пробился Петръ съ бурей, которая кончилась, разыгралась на руку его врагамъ, но къ 10 часу утра утихъ, волненіе прекратилось и вся эскадра благополучно бросила якорь на Салмѣ, за Заяцкимъ островомъ. Удивились не мало и мы, имень съ братією, увидавъ корабли, такъ какъ и они не знали о направленіи плаванія Петра. Царь сошелъ на берегъ крайне милостиво обошелся съ игуменомъ и монахамъ, поселившимся въ монастырскія службы и угодыя, хвалилъ старцевъ за то, что они и душу спасаютъ и трудятся не мало, читалъ за сиротъ апостола и пѣлъ даже съ пѣвчими на клиросѣ. Петръ былъ доволенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то мысль еще тревожила его. Когда игумень обратился къ нему съ вопросомъ о томъ, долго-ли монастырь будетъ осчастливленъ его пребываніемъ, Петръ, по свидѣтельству архіепископа Игнатія, началъ, что онъ и самъ не знаетъ, долго-ли здѣсь пробудетъ монастырское преданіе говорить, что зачастую Петръ выходя на берегъ моря, взглядывался въ даль и, ничего не видя, говорилъ: «и гнѣвъ бывалъ тогда государь, и глазки его мигали на мнѣ», а самъ все рукою волосы поправлялъ и кудрями встряхивалъ. Слѣдуетъ замѣтить, что преданіе это повидимому совершенно истинно, такъ какъ тотъ-же жестъ нетерпѣнія и недовольства подмѣченъ былъ у Петра другимъ очевидцемъ, о которомъ было говорено впоследствии. Видимо Петръ ждалъ чего-то, а ждалъ двухъ вѣстей, изъ которыхъ первая вѣсть должна была касаться безопасности прохода судовъ по Бѣлому морю, а другая — что дѣлаетъ любимецъ его Шереметевъ. Давно уже не подавалъ онъ о себѣ вѣсточки, а между тѣмъ царю крайне важно было для счастливаго исхода его, нѣкоего ухищренія, настолько-ли замышлялъ Карлъ диверсіей Шереметева, что не въ состояніи отдѣлать

войска сильнаго отряда, который могъ-бы при случаѣ пре-
 ъ путь Петру. Не разъ уже шведы били русскихъ, а если и
 не удастся одолѣть ихъ, то пожалуй и весь планъ Петра
 стая и придется ему лишь думать о томъ, чтобы самому-то
 нбудь отбиться отъ враговъ, отказавшись на долго, а быть
 ъ, но навсегда отъ всякихъ «ухищреній». Вопросъ былъ, ви-
 дя Петра чрезвычайно важный, а вѣстей все не было и не
 Не такъ однако былъ характеръ, Петра, чтобы кунтатор-
 ѣ и ему богѣ по праву было поступать по-цезарски, ри-
 ть и переходить рубиконъ, не ожидая того момента, когда
 ѣ него можно будетъ совершенно безопасно переправиться, а
 и, какъ и быть должно по чисто русской его натурѣ 14 ав-
 ввечеру ~~вомылся~~ онъ въ монастырской банѣ, 15, въ Успе-
~~объявленъ~~ получилъ свѣдѣніе съ моря, что «на корабляхъ
 мочно». Видимо только того и нужно было Петру, такъ какъ
 тотчасъ-же отправился на эскадру, а 16 утромъ, чуть
 ѣ, всѣ корабли снялись съ якоря и взяли курсъ на монастыр-
 деревню Нюхоцкую или запросто, по народному, на Нюхчу.
 ительно никому изъ неблизкихъ къ Петру людей не было из-
 вѣсно, куда изъ Соловковъ направится эскадра, такъ какъ все
 жалось въ строжайшей тайнѣ для того, чтобы не дошло какъ
 удъ до неприятеля. Иностранные корабли были наняты въ Ар-
 ельскѣ помѣсячно, а потому и владѣльцы ихъ не могли знать
 назначенія и по отъѣздѣ Петра къ Архангельску поневолѣ
 ется слухъ, что, въ виду неприхода въ Бѣлое море шведской
 дра, Петръ рѣшился самъ на отчаянное дѣло, обогнуть Мур-
 ѣ и повоевать норвежскіе берега. Нѣкоторые досужіе люди со-
 али шепотомъ, что царь непременно пойдетъ на Стокгольмъ и
 ритая со шведами на ихъ-же Балтійскомъ морѣ. Помѣряться
 ними на Балтійскомъ морѣ Петръ имѣлъ въ виду, да под-
 то къ нему выбралъ иной и порѣшилъ это дѣло еще два мѣ-
 тому назадъ, когда подъ предлогомъ постройки судовъ от-
 шлъ въ Нюхчу сержанта преображенскаго полка Щепотева,
 котораго должно быть дорого для всякаго истинно-русскаго
 вѣка, которому дороги великіе дѣятели его родины.

Ще въ іюнѣ мѣсяцѣ Петръ избралъ Щепотова своимъ довѣ-
 нымъ лицомъ и съ подробнымъ наказомъ, что и какъ ему дѣ-
 отправилъ въ Нюхчу; тайнымъ-же путемъ дано было знать
 му-Кемъ воеводамъ и начальнымъ людямъ, чтобы они, не
 ни часу, выгнали къ Нихчѣ весь народъ, а въ Каргополь
 Онегу послано было приказаніе выслать туда-же 2,000 под-
 Щепотеву указано было приготовить путь для войска и для
 ѣ, которыя приходилось перетаскать волокомъ въ Онежское

озеро на разстояніи 170 семисотенныхъ тогдашнихъ верстъ (2½ верстъ по нашему счету). Не терялъ времени Щепотевъ и въ кѣ-нибудь 30—40 дней сдѣлалъ столько, что и самъ Петръ остался доволенъ; просьба почти вся была готова вплоть до рѣки Тавкиной, впадающей уже въ Онежское озеро, и выстроено было мостовъ. Интересно, что народъ и до сихъ поръ помнитъ фамилію Щепотова. «Какъ пришелъ осударь на судахъ на Нюхчу, — сказывали намъ поморы въ Даниловѣ монастырѣ, — такъ два дня промежду себя поспорили, кому изъ нихъ быть теперь наибольшимъ, бились, бились — рѣшили быть тому наибольшимъ, кто къ осударю ближе, кто изъ нихъ божественнѣе; и объ этомъ опять заспорили кто ближе и кто божественнѣе. Только осударь къ народу пошелъ, а они къ нему: рѣши насъ! и все свое усобье рассказали. Сказываетъ осударь: «Вы оба эти суда строили? — «Оба», отвѣствуютъ. — «Ну, молитесь за мое здоровье Богу». — Стали нѣмцы молиться, а креста не кладуть. — «Что-же», спрашиваетъ осударь, — «не путемъ вы молитесь, святаго креста на себя не полагаете?» — «Этого», говорятъ, — «по нашей вѣрѣ не полагается». — «Какъ-я я рѣшу, кто изъ васъ божественнѣе, когда вы главного завета божьяго не исполняете, креста на себя не полагаете?» «Такъ скажи», говорятъ нѣмцы, — «кто изъ васъ къ тебѣ ближе». — «Тотъ и ближе, кто за меня головы своей не пожалѣетъ». Сейчас нѣмцы по своему обычаю, сабли выхватили и ну биться; зарубили друга дружку до смерти, а осударь всплакнулъ и проговорилъ: «Оба я нѣмца были мнѣ близки, да по времени, а теперь, пожалуй, своимъ братьямъ и вѣсть обо мнѣ-бы дали; гожи вы были на дѣло нѣмецкое хитрое, а теперь у меня дѣло россейское начинается, куда вашего дѣла похитрѣе. Крестись, народъ православный! По приказу царскому всѣ перекрестились истово, а одинъ казакъ и ну себя щепотью натирать, да скоро такъ, по-никоніевски, что твоя мельница. Какъ увидѣлъ осударь, какъ у мужика рубаха-то заходила, подошелъ къ нему поцѣловалъ его и сказалъ: «Вотъ кто мнѣ теперь ближній, вотъ кто мнѣ теперь дорогъ. Этотъ мое дѣло справить — ишь онъ спѣшитъ и Богу-то молиться. Дорогъ мнѣ эта щепоть, потому по пустому времени не теряетъ, а мнѣ того и надобно». Одарилъ онъ того мужика всячески и назначилъ его наибольшимъ надо всѣми рабочими и прозвище за нимъ его оставилъ до вѣку, а нѣмцевъ похоронили честию честию, потому и они осударю были угодны». И въ этомъ преданіи, кромѣ уже фамиліи сержаната Щепотева, существуетъ и еще фактическая подкладка, состоящая въ дуэли двухъ служивыхъ иноземцевъ Ламберта и Памберга, на которой послѣдній былъ убитъ своимъ противникомъ, къ большому неудовольствію Петра.

отевъ не только быстро прокладывалъ путь, но и отличался порядительностью по части сгона народа; не успѣлъ сойти и на берегъ, какъ откуда ни возмись окружила его масса всякаго народа, числомъ до 5,000 человѣкъ, согнанныхъ разныхъ сторонъ, изъ ближнихъ по большей части мѣстъ много войску въ непривычномъ для него дѣлѣ; были тутъ голыи-шкурники, и бѣлозерцы-снѣточники рыболовы, и онегодочки, захватили, сказываютъ, даже и Карелу, что не подвластна царю, а значилась только по спискамъ русскаго подданничею. На этотъ случай и разсказъ есть народный, такъ крайне характерный. «Какъ сталъ осударь смотрѣть на людей, такъ воеводы и стали его отговаривать, чтобы онъ на работу не ставилъ—все равно-де ничего не пойметъ, приказа твоего не исполнять. Посмотрѣлъ осударь на Карелу здоровый и за двоихъ нашихъ спорандаеть. «Быть, сказываетъ,—не мочно, чтобы такіе молодцы, да не могли работать» и сталъ ихъ пробовать. «Коли», говорить,—«у тебя что выйдеть, что станешь дѣлать?» Думаетъ-подумаетъ какъ, да досчищу вотъ какую царю и суетъ въ руки. «Такъ-ка», сказываетъ съ усмѣшкой осударь, — «ну, а если матери не вѣсь?» Карелякъ какъ кинется въ лѣсъ бѣжать... по ихнему это слово «лѣсъ» значить, а осударь-то не зналъ того, да говоритъ воеводамъ: «А вы толкуете, что не пойметъ! Ишь какъ бѣжитъ за лѣсомъ-то припустилъ, мое приказанье исполняя!» Карелякъ лѣсину — троимъ не снестъ, и осударь сказалъ имъ спасибо и деньгами наградилъ и сталъ другого пробовать. «Коли», сказываетъ,—«уважу я тебѣ путь показывать, впе-редъ войска идти, что ты сдѣлаешь?» Опять и другой карелякъ началъ бѣжать—насилу остановили. «Спасибо тебѣ за проворство твои солдатунки лѣса боятся — тамъ, слышь, медвѣдь». Карелякъ началъ карелякъ послѣднее слово, сейчасъ рубаху долой, и бѣжитъ, потому она по ихнему «ведь» называется. «Нѣтъ», говоритъ осударь, — «мнѣ такихъ слугъ и у себя въ Питерѣ не имѣю, ишь какъ онъ скоро по водѣ путь указывать бросилъ». Тутъ воеводы устыдились, а кареляковъ осударь сталъ жаловать».

Когда выгружали провіантъ и орудія, Петръ не терялъ времени и обрадовалось его сердце, такъ какъ въ Нюхчѣ получилъ отъ шведскихъ вѣсточекъ отъ Шереметева и Апраксина. Фельдмаршалъ сообщалъ, что ему удалось разбить непріятельское войско предводительствомъ искуснаго генерала-тактика Шлиппенгофа подъ Гуммельсдорфомъ. У Петра отнынѣ руки были совершенно развязаны, такъ какъ шведы не скоро смогутъ со-

браться съ силами и не подумаютъ ставить преграду его «успѣху». Одно только не нравилось Петру; онъ видѣлъ, что значительное разрѣшеніе войны должно будетъ происходить въ Ингрии, а потому ему и думалось воспользоваться мѣстными средствами для содержанія войска. Онъ такъ былъ теперь увѣренъ въ успѣхъ, что считалъ уже Ингрію русскою землею и очень рѣшился на Апраксина за то, что тотъ «повоевалъ» по старинному обычаю эту область, т. е. раззорилъ ее въ конецъ, о чемъ и общалъ Петру письменно. Петръ немедленно отвѣтилъ Апраксину, который отъ слишкомъ большаго рвенія дѣлалъ то, что вовсе не соответствовало намѣреніямъ царя и не входило въ его планъ, чтобы онъ не очень усердствовалъ. «А что по дорогѣ раззорено», писалъ Петръ, — «то не зѣло пріятно намъ: словесно вамъ повѣрено и въ наказѣ сказано, чтобы не трогать, а раззорять или брать лучше города (т. е. крѣпости), нежели деревни». Получить такое письмо отъ Петра было видимо не слишкомъ-то смѣло, такъ какъ въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ своихъ Апраксинъ все знаетъ, какъ оправдаться.

Ждать больше было уже нечего — всѣ обстоятельства сложились въ вѣрному успѣху геніальнаго предпріятія. Тотчасъ же народъ былъ разбитъ на партіи или смѣны и часть этихъ партій отправлена впередъ доканчивать рубку просѣки, застилать ее длинными бревнами топи и строить мосты на рѣвахъ и ручьяхъ, тогда какъ остальной весь народъ приданъ былъ на помощь солдатамъ, которымъ приказано было вытаскать изъ моря на берегъ фрегаты и тащить ихъ по сушѣ волокомъ. Для такого необычайнаго дѣла рубились приблизительно равной толщины бревна, которыми по мѣрѣ движенія судовъ подкладывались подъ ихъ винную часть и образовывали собою вальки, способствовавшіе движению. Просто уму непостижимо, какъ могъ Петръ такъ быстро свершить этотъ сверхъестественный переходъ! 17 августа началось необычное движеніе, а 28 — онъ уже отплывалъ отъ устья Повѣнчачки по Онежскому озеру, такъ что на каждый день приходится около 24 верста хода. Ясное дѣло, что работа была не только просто трудная, но вѣроятно, мало чѣмъ отличалась отъ той, которую русскій челоукъ окрестилъ ино египетскою, ино адскою; неохотно шелъ народъ въ работу, еще неохотнѣе долженъ онъ былъ за нее приниматься, въ концѣ концовъ, конечно, не могъ не увлечься своимъ великимъ дѣломъ, видя, что Петръ самъ рубить, подставляетъ вальки, не дастъ крениться судну на ходу, учить, какъ слѣдуетъ строить мосты, чтобы по нимъ можно было перевозить артиллерію и перетаскивать суда, успѣваетъ, однимъ словомъ, всюду, не знаетъ усталости, не вѣ-

покою ни днемъ, ни ночью, хватить, коли устанеть, своей
 нной анисовки, да тотчасъ-же и опять за работу. При-
 того неустаннаго труженика долженъ былъ дѣйствительно
 дѣйствовать на народъ и намъ представляется пол-
 возможность убѣдиться въ могуществовѣ этого вліянія, прислу-
 къ тѣмъ несмѣтнымъ народнымъ преданіямъ, которыя
 ть именно эту сторону характера царя. Мы сами были
 въ мѣстахъ, гдѣ пролегалъ путь великаго человѣка и
 наше наполнялось какимъ-то благоговѣніемъ, когда мы
 и во очю видѣли отношеніе народа къ Петру, тому са-
 Петру, котораго тотъ-же народъ въ другихъ случаяхъ по-
 антихристомъ. «Тутъ подь Пулозеромъ, повѣствуетъ на-
 — выдалась рѣчка, да такая-ли бурливая, да такая-ли бѣдо-
 не выгораетъ дѣло — никакъ невозможно по середкѣ
 и вбить. Кто не сунется съ лодкой—Богъ вѣсть куда уне-
 его и съ лодкой! Долго приглядывался осударь, а тамъ сѣлъ
 рѣчку, да прямо на середку-то и держить; бояре было за нимъ
 то лодку сунутся, такъ: «не надо мнѣ васъ», сказываетъ, — «и
 вашей нечести, Богъ дастъ, спорандаю». Только онъ на се-
 — то вынулъ, да принялся было первую свайку налаживать —
 — въ нему народу съ сотню ужъ собралось, кто въ лодкѣ, а
 и шпалавъ, барахтаются, чуть-чуть противъ воды держатся.
 — дѣлъ на народъ-отъ осударь, поглядѣлъ, покачалъ головою,
 — нуль кудрами своими (а кудри-то были добро чистое):
 — проговорилъ, — «народъ хрисьянскій, дѣтки вы мой род-
 — быда первому оленю въ гарь (дѣсной пожаръ) кинуть-
 — быда всѣ тамъ-же будутъ!» И сталъ онъ тутъ народъ
 — тотъ народъ, что за нимъ въ рѣчку кинулся».

Петра всѣ были равны, всѣ должны были одинаково ра-
 не любилъ онъ лежебочества, немогузнайства и нашего
 сейчасъ; какъ самъ не чуждался онъ обыкновеннаго тру-
 не давалъ забываться и своимъ «птенцамъ» и вообще
 сопровождавшимъ его въ этомъ достославномъ походѣ;
 не могъ, чтобы люди барились, когда на глазахъ
 «У Нюхчи, а потомъ и вездѣ по ямамъ первую мосто-
 — словясь, клалъ самъ осударь», рассказывали намъ въ
 — войной волости, на Корельскомъ островѣ, — «а вторую давалъ
 — своему сыну возлюбленному, а тамъ и бояръ на это дѣло
 — нѣмъ. Нѣмчинъ одинъ не похотѣлъ ему уважить и мосто-
 — нѣмъ, такъ разсерчалъ на него осударь — приказалъ ему
 — послѣдняго солдата стать и на ямахъ солдатамъ за стря-
 — биницу варить; натерпѣлся нѣмчинъ сраму — сталъ и мо-

стовины класть, и другую всякую работу робить не хуже сама осударя». Въ другомъ мѣстѣ, въ Тайгинцахъ, на р. Южн. Выгѣ, привелось намъ слышать еще и иное преданіе въ томъ родѣ: «бояривъ у осударя заартачился, сѣлъ подъ лавочку, гладкіе пироги и убираеть. Увидаль осударь его лѣность и казаль ему обрядиться пирожникомъ, да на ямахъ пирожники народу разносить. Отъ такого сраму сталъ бояринъ и поры куда какъ издѣленъ». Ясное дѣло, что въ этомъ преданіи слышится откликъ повѣрья о происхожденіи Меншикова, т. е. связи какаго-то ближняго Петрова боярина съ пирогами; вѣроятно, повидимому, запомнилъ про этого ближняго боярина народъ, что, какъ гласитъ преданіе, онъ и самъ вышелъ изъ того же народа. Преданіе о пирожникѣ пошло съ легкой руки Нартова, который первый пустилъ въ ходъ рассказъ о подовыхъ пирогахъ, которыми, будто-бы, торговаль Александръ Даниловичъ до фавора, въ который онъ попалъ къ Петру около 1698 года. Впервые упоминается о немъ 4 сентября этого года въ Діаріѣ Гвардіанта, когда разсердился Петръ на Шепва за взятки и такъ вспыль, что порубилъ Зотова, Ромодановскаго и Лефорта. Тутъ-то шепва «болѣе всѣхъ успокоилъ царя молодой фаворитъ, который увелъ его въ другую комнату, откуда онъ возвратился съ духомъ веселымъ». Съ этой поры Александра сдѣлался для Петра «мейнъ цепенкинъ», «мейнъ либсте камарать», «мейнъ либсте фронтъ», «мейнъ безсть фронтъ» и даже «мейнъ брудеръ». Ясное дѣло, что народъ не зналъ дѣйствительности и ухвѣтился за одно лишь преданіе, которое было ему вполне понятно и кромѣ того дорого.

Въ двадцати верстахъ отъ Нюхи войску объявлена была первая остановка и учрежденъ былъ, по заблаговременному распоряженію Петра, ямъ, гдѣ были сложены разные припасы, необходимые для прокорма всего отряда, а также и открыта была продажа по дешевымъ цѣнамъ разныхъ необходимыхъ вещей. По всѣмъ вѣроятіямъ, торговцы шли вслѣдъ за войскомъ, такъ какъ трудно предположить, чтобы ихъ собралось достаточное количество для того, чтобы основать торги на всѣхъ ямахъ отъ Нюхи до Повѣнецкаго рядка. Мы намѣренно прибавили о томъ, что товары продавались по «дешевымъ цѣнамъ», такъ какъ и на этотъ счетъ находимъ крайне вѣское подтвержденіе въ преданіяхъ народныхъ. «Тутъ на яму на одномъ сталъ торговать виномъ и другимъ товаромъ изъ жидовъ одинъ перекрещенецъ; дереть и съ солдата, и съ боярина — всякая копѣйка не щербата, у него въ кошелѣ и рублю, и грошу мѣсто найдется. И прозналъ про это его поскудство осударь. «Продай мнѣ», сказываеть, — «всѣ твои товары». Заломилъ тотъ цѣну несуразную, однако, осударь деньги

ничего не сказалъ, а только приказалъ у того жидъ всѣ статьи отобрать, въ цѣну поставить и деньги за нихъ вывечеру захотѣлъ жидъ поѣсть и пошелъ по становищу разхлѣбца; къ тому подойдетъ—не даетъ, не велѣно, къ этому — опять все тотъ-же сказъ и началъ жидъ понимать къ хлопотъ дѣло. Пришелъ къ осударю, да въ ноги: «не дай тебѣ съ голоду, дай хлѣбца». «Изволь», отвѣтствуетъ.—«купи хлѣба, сколько тебѣ угодно. За фунтъ сто рублей». Пошелъ жидъ, помылся, разкошеллся, отдалъ сотенную, поѣлъ, опять и хуже того ѣсть хочется. И три дня не прошло — у жидъ денегъ не копѣйки, а ѣсть все хочется. Пришелъ и къ осударю. «Понялъ-ли?» спрашиваетъ осударь. — «Понялъ», сказываетъ, — «и вѣкъ свой не забуду». Велѣлъ осударь жидъ отдать ему все его достояніе, а жидъ на радость весь табакъ проклятый и винище войску даромъ роздалъ и на островъ ушелъ душу спасти и грѣхи отмаливать».

Имъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, особенныхъ хлопотъ для своего хозяйства не требовали, такъ какъ войска и рабочіе спали или шатрахи, или подъ открытымъ небомъ, а припасы развѣ одни требовали устройства крытыхъ помѣщеній. Петръ не только не заботился, чтобы другіе особенно нѣжничали, да и самъ постоянно ходилъ гдѣ и какъ Богъ пошлетъ. «Для осударя и бояръ», говорили намъ не разъ,—«ставили зимушки (промысловая избушка на земляномъ крышею), а народъ съ солдатами кто какъ могъ избушки; кто по зимушкамъ, кто на лавасы взбирался, а кто и вовсе отдыхъ имѣлъ. Изъ окрестныхъ мѣстовъ-ли рыбу, оленя, а отъ Чюхчи привозили муку аржаную и другой припасъ, да въ мѣстѣ достать было не мочно. Не любилъ осударь въ зимушки бить—все больше на вольномъ воздухѣ; иной часъ и бояръ заставляли выгонять, чтобы не долго засыпались». «Кушать изволу куда просто; что солдаты изъ ружья набьютъ—то и скушать вашу кушалъ солдатскую и рыбницею не брезговалъ; приносилъ котлу, ложку вынетъ и дохлебаеть. Случилось ему съ жидомъ у бабы кваску рѣшного выпить и пошли у нихъ отъ выпити животы пухнуть. Балакирь-то кричитъ бабѣ: «тетка, выпить отъ твоего квасу приспѣло», а осударь засмѣялся, взялъ кваску, зачерпнулъ еще квасу, да и выпилъ. «Дѣлай», сказываетъ, — «не паникуй: отъ русской хворости и лѣчиво русское—коломъ колъ балакирь». И что-же? Осударю сразу полегшило, а Балакирь до смерти по земли катался, пока самъ не выпилъ». Такъ-то проходила жизнь Петра въ этихъ мѣстахъ, гдѣ о немъ говоритъ всякій шагъ и всякій шагъ на пути его къ Петербургу.

Именно былъ первый ямъ—достоверно неизвѣстно, тогда

какъ слѣдующій пришелся, по заранѣ составленному еще Шетевымъ маршруту, верстахъ въ 5 отъ нынѣшней деревни Пуозера и въ 56 верстахъ отъ Нюхчи. При помощи ямовъ хорошая связь съ берегомъ, куда, повидимому, не переставали ходить суда съ провіантомъ изъ Архангельска, не прерывалась, быстро подвигался Петръ къ цѣли, хотя съ каждымъ шагомъ редь путь все становился труднѣе и труднѣе, вслѣдствіе болотистой мѣстности, гдѣ мостовины были уложены чуть не сплошь всему перегону. Отъ Пуозера трудности эти еще увеличивались такъ какъ весь восточный берегъ громаднаго Выгъ-озера представляетъ собою низменность со сплошными болотами, озерами, ручьями и рѣками; въ особенности тотчасъ за третьимъ ямомъ положеніе котораго опять таки неопредѣленно, народъ дошелъ до изнеможенія; начались болѣзни, увеличилась смертность отъ истощенія и непосильной работы въ болотахъ; явилось уныніе и унывали одинъ лишь Петръ, являвшійся всюду съ словомъ ободренія, утѣшенія и ласки, съ тою шуточкою, которую онъ умѣлъ вставить на пользу дѣла, съ совѣтомъ, съ прибауточкой, шель народъ на новые труды и на новую тяготу, побуждая примѣромъ этой постоянной веселости, этой неустанной и неиссякаемой энергіи не бахвалящагося начальника, а такого-же, какъ онъ работника, неунывающего и не останавливающегося передъ препятствіями. Верстахъ въ 80 отъ Нюхчи ямъ былъ устроенъ близъ Вожмосальмы, гдѣ поневолѣ пришлось промедлить несколько времени ради рѣшенія вопроса, какимъ путемъ двигаться далѣе; предстояло или идти въ обходъ Выгозера, гдѣ почти цѣлыя 30 верстъ пришлось-бы людямъ пробираться черезъ болотнаго или-же двинуться прямо черезъ неширокій заливъ Выгозера, устраивая въ этомъ мѣстѣ мостъ на скорую руку. Петру было важно было лишь не терять времени, а потому онъ и рѣшился на послѣднее; кромѣ того, онъ видѣлъ, что было-бы совершенно излишне еще болѣе изнурять и безъ того уже достаточно изнуренныхъ солдатъ и рабочихъ, а кстати и Щепотевъ, повидимому, не умѣлъ въ этомъ мѣстѣ сдѣлать полную настилку мостовинъ, такъ какъ мы видели во время нашего посѣщенія Олонецкаго края кое-гдѣ на пути Петра перегнившія мостовыя, тогда какъ на этомъ участкѣ ихъ нѣтъ ни одной; да и вросѣвка сдѣлана лишь отчасти. Тотчасъ-же приказано было пополнить запасъ карбасовъ и лодокъ, которые Щепотевъ на всякій случай заблаговременно собралъ на берега, и когда они были добыты въ достаточномъ количествѣ приступлено было къ постройкѣ плавучаго моста. Мѣстность родное преданіе оспариваетъ однако постройку Петромъ плавучаго моста и утверждаетъ, что заливъ былъ перейденъ на

да пожалуй, оно и вѣрнѣе и ближе подходитъ къ истинѣ, такъ при всей быстротѣ работы, когда она совершалась на Петра, все-же такое дѣло не могло быть скоро сдѣлано ирное значительно задержало-бы дальнѣйшій походъ.—По- Петръ къ Важмосальмѣ наканунѣ праздничнаго дня и ки Выгозерской волости явились къ нему на поклонъ; стали вать царя къ себѣ въ погостъ Выгозерскій на праздникъ и въ навѣрное не отказалъ-бы имъ, если-бы не снѣжное дѣло. дѣ помнитъ очень хорошо, что «осударь» никогда не чинился нуждался посѣщать крестьянскія хаты, попросту бесѣдовать крестьянами и зачастую изъ ихъ вполне безхитростныхъ рѣчей вать правду. Цѣлый рядъ преданій относится именно къ по- имъ посѣщеніямъ, Петромъ то того, то другого простаго рус- человѣка. «Зачастую», рассказываютъ въ народѣ,—«Петръ ий обѣдалъ и ужиналъ у князя Меншикова. Въ одно время въ князь государя къ обѣденному столу, въ которому пригла- и были также всѣ иностранные посланники и многія знатныя . Далъ государь слово, но передъ обѣдомъ вздумалъ осмотрѣть ютъ въ адмиралтействѣ. Покончивъ всѣ дѣла, поѣхалъ онъ къ ньшикову въ своей одноколкѣ, только вдругъ на пути его росъ стоитъ на колѣнкахъ. Государь остановился и спросилъ у роса, чего онъ хочетъ. «Богъ даровалъ мнѣ сына, а тебѣ, го- рь, матроса; удостой посвятить его», отвѣчалъ матросъ. «Да- ли ты живешь?»—«Близко». «Ладно, ступай впередъ!» Госу- поѣхалъ за нимъ и вошелъ въ его избу. Родильница подне- ему на деревянной тарелкѣ чарку анисовки, а государь, по- вая ее съ сыномъ, вышелъ и положилъ на тарелку два серебря- ѣ рублевика. На столѣ стоялъ тутъ пирогъ съ морковью и ми—государь и пирога того попробовалъ. Между тѣмъ хо- ѣ принесъ чашку горячихъ щей и сказалъ государю: «хотя дай, батюшка, матросскихъ-то щецъ». Отвѣдалъ онъ ихъ, понра- сь, присѣлъ и довольно таки покушалъ. А тамъ, выпивъ ста- ѣ пива, пожелалъ государь хозяевамъ добраго здоровья и по- въ князю Меншикову. Приѣхавъ къ нему уже въ третьемъ , государь просилъ у гостей извиненія, что заставилъ ихъ долго ждать: «Богъ даровалъ мнѣ новаго матроса», сказалъ «я не могъ я отказать его отцу, чтобы къ нему не захватъ ий его не отвѣдать». Вотъ что рассказываютъ о Петрѣ въ рбургѣ, а вотъ и касающіяся той-же простоты Петра преда- записанныя на сѣверѣ: «Ѣхалъ осударь по нашимъ мѣстамъ ѣ, а на встрѣчу ему поцѣ ѣдетъ верхомъ, на боку сума ви- а за плеча ружье закинута. Остановилъ его осударь и спра- ваетъ: «куда, батюшка, путь держишь?»—«Ѣду я», сказываетъ «Дѣло», № 6, 1883 г. I.

попъ,—«изъ такого-то села, больного человѣка въ жизнь въ напутствовалъ». Сейчас осударь сталъ на колѣни, святымъ ромъ поклонился въ землю, а тамъ и спрашиваетъ: «На ты, батюшка, ружье взялъ съ собою?»—«Здѣсь, свѣтъ, не то смирно и нападаютъ иногда злые люди на дорожнаго человека грабятъ пожитки, а самого путника, бываетъ, и убьютъ».—«И же, батюшка, попить будешь, коли, не равно, человѣка убить въ защитѣ придется?»—«Это ты, свѣтъ, правду скажешь, пить мнѣ тогда уже не доведется, но только объ одномъ я думалъ: если-же они меня убьютъ, такъ тогда и жить не буду, коли живъ останусь, такъ изъ поповъ уйду—понаду въ миръ. Посмѣялся осударь поповой мудрости и взялъ его съ собою въ Питерь въ соборную церковь». Какъ разъ въ Вожмосальмѣ слышали мы и другой рассказъ, характеризующій отношенія Поневьянъ къ простому народу: «Привелось осударю и въ нашихъ мѣстахъ побывать; о ту пору онъ у моего *падѣда* (предокъ) былъ, и стилъ, не-то дѣда, не то прадѣда. Былъ мой падѣдъ челоукомъ да бѣдный: ни мучицы въ рыбницу посыпать, ни винца—ни пива нѣту. Родился у него сынъ и сталъ падѣдъ обивать пороги, кланяться, чтобы кума разыскать, да никто къ нему въ куму идти не зарится, а еще и съ рѣгомъ со двора гонить. О ту пору и пришелъ осударь въ нашъ погостъ. «Ты что, старикъ, бродилъ что потерялъ?» Такъ и такъ, говоритъ дѣдъ.—«Возьми ты старикъ, кумомъ! любь-ли я тебѣ?» спрашиваетъ. «Только ты что: не бери ты куму богатую, зачѣмъ онѣ къ тебѣ добромъ пришли, а найди ты мнѣ такъ, ледащую какую ни на есть бабенку, и я съ нею у тебя крестить буду». И та, и другая богатая не захотѣла, сять дѣда ихъ въ кумы взять, а падѣдъ разыскалъ сауту, ни есть ледащую бабенку, что ходила по погосту и питалась въ немъ Христовымъ, и привелъ ее къ осударю. Справили крестинство. «Ну, чѣмъ-же ты, старикъ, угощать насъ съ кумою будешь?» Сунулся было падѣдъ и въ рундукъ и въ печь—да въ домѣ ничего ровно. «Видно», сказываетъ осударь,—«свои совка нынѣ въ почетѣ будетъ». Взялъ свою фляжечку, что у него на ремнѣ, на боку всегда висѣла, налилъ себѣ, выкушалъ, а потомъ поподчивалъ и куму, и падѣда, и рожаницу и новокрещеннаго младенцу въ ротокъ капельку влил,—пусть-де приучается, да не вилъ, отъ людей ему того горше будетъ. Стаканчикъ отдали падѣду—ишь подъ божницей-то стоитъ». И сколько такихъ «стаканчиковъ» показывается въ Олонецкомъ краѣ и всюду имъ почитаютъ отъ народа, какъ чему-то священному, что и стоять-то должно вмѣстѣ съ иконами; инымъ, пожалуй, страннымъ покажется, но народъ ставитъ серебряный стаканчикъ Петра къ иконамъ

передадимъ здѣсь свидѣтельство нижегородскаго епископа
 на. При домѣ этого святителя жилъ престарѣлый солдатъ
 юнкъ; у него былъ маленькій финифтяный портретъ Петра
 Великаго, который старикъ ставилъ между образами и, зажигая
 свѣчку, каждую ночь молился ему, какъ угоднику божію. Какъ-то
 разъ, что объ этомъ донесли преосвященному Теофану, а онъ,
 желая удостовѣриться въ истинности доноса, пришелъ въ комнат-
 ности нечаянно, ночью. Глядя на тѣло, а тамъ и впрямь
 портретъ государевъ стоитъ между иконами и передъ нимъ свѣча
 горитъ. Стоитъ солдатъ на колѣняхъ и горячо молится. «Что-ты
 молишься?» спросилъ архипастырь. — «Молюсь, владыко святой»,
 отвѣчалъ Кириловъ. — «Доброе дѣло», сказалъ архіерей. Потомъ,
 увидя будто не замѣчая портрета государева, сталъ Теофанъ раз-
 суждать объ образѣ. Указавъ на портретъ, онъ сказалъ солдату:
 «Портретъ! у тебя между святыми иконами, кажется, стоитъ пор-
 третъ Петра Великаго?» — «Да, преосвященный владыко, образъ
 государя нашего». — «Хоть онъ былъ великій и благочестивый го-
 сударь, однакожь церковь святая не сопричислила его къ лику
 святыхъ», сказалъ архипастырь: «а по сему и не должно тебѣ
 портретъ его ставить между образами, зажигать передъ нимъ свѣ-
 чку и молиться ему». — «Не должно-о?» сказалъ съ негодованіемъ
 Кириловъ, — «не должно-о? Вы его не знали, а я зналъ! Онъ былъ
 ангелъ-хранитель, защищалъ и охранялъ насъ и все отече-
 ство отъ непріятелей, онъ наравнѣ съ нами несъ всѣ тягости въ по-
 вой, былъ съ нами одну кашу, витался съ нами какъ равный и
 отецъ. Самъ Богъ прославилъ его побѣдами и хранилъ его
 отъ враговъ на сушѣ, а ты говоришь: не должно образу его мо-
 литься!» сказалъ Кириловъ и горько заплакалъ. Напрасно архіерей
 старался своими увѣщаніями вывести его изъ заблужденія; ста-
 лъ настаивать на своемъ и общалъ только не ставить свѣчи
 передъ портретомъ, но все-таки оставилъ его на божницѣ, вмѣстѣ
 съ другими образами».

Эти рассказы до такой степени вѣрно передаютъ основныя,
 характерныя черты Петрова быта, что невольно у всѣхъ ихъ
 слуха предпологать фактическую основу. Не такъ только
 относился Петръ къ тогдашнему чиновничеству, къ тому «кра-
 смому сѣмени», которое не жаловалъ и самъ народъ. И сно-
 видимъ, что народъ вполне оцѣнилъ этотъ взглядъ Петра
 на слухъ поръ еще съ усмѣшкою рассказываетъ о томъ,
 когда Петръ въѣзжалъ въ какое-нибудь село, то ярыги и
 иные всѣ по подпольямъ прятались. «Далеко-ли до села?»
 спрашивалъ Петръ у Балакиря. «Нѣтъ, не далеко! ишь ярыжки по

подпольямъ прятутся — видно сейчасъ придемъ». Ясно, что такого человѣка, который зналъ русскій народъ, какъ нишляки должны были прятаться по подпольямъ а что Перъ зналъ характеръ русскаго человѣка, его симпатіи, антипатіи, нужды, то доказательствомъ этого служить слѣдующій разговоръ.

«Приѣхалъ осударь въ Архангельскій, зашелъ въ палату и приказны добиваться на разныя нужды по войску. Приказны облѣпили, да и сказываютъ: «денегъ нѣту ни гроша, потому что народъ податей не платитъ; мы и бьемъ, и сѣчемъ, а толку не чувствуемъ». Ни чего осударь не промолвилъ, а приказалъ только мѣшкови изъ подъ муки изготовить и подать телѣгу. Царь приказываетъ—долго не провозятся; подали ему телѣгу, въ нее мѣшкови наклали, стоятъ и дивятся, куда это осударю ѣхать повадобилось. Съѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ. Приѣзжаетъ въ первое село, входитъ въ первую избу самого, что ни есть бѣднаго крестьянина. Сидитъ на немъ: «Здорово, хозяинъ!»—«Здорово!»—«Не будетъ ли, хозяинъ, милости, хоть грошикъ дай—врага въ Сибирь засудить». «А кто врагъ-то твой?» спрашиваетъ хозяинъ.—«Да все», сказываетъ.—«они-же—приказные». —«Доброе дѣло задумалъ, братъ, въ такое дѣло не только грошъ, а и рубля не пожалѣю». Объяхалъ осударь такимъ-то побытомъ сколько-то сель—полные мѣшкови денегъ наклали, большія тысячи собрали. Вернулся въ Архангельскій, забралъ во дворецъ всѣхъ приказныхъ: «нате», сказываютъ, —«сидятъ тамъ и разѣхались—откуда онъ столько денегъ взялъ. Добро молвить осударь,—мнѣ деньги эти достались—я дѣлаю сотни людей въ кабалу продалъ». Обрадовались приказные этимъ словамъ осударевымъ: «туда-де имъ и дорога!» «А коли такъ», сказываютъ осударь,—«такъ и ладно!» да всѣхъ ихъ и приказалъ тѣмъ самымъ мужикамъ въ кабалу отдать. Такъ что-же вѣдь? и въ кабалу бродили —насилу мужики потомъ упросили осударя взять ихъ обратно сослать на канатное дѣло, канаты щипать. Впрочемъ, Петръ и съ приказныхъ умѣлъ различать людей и чуть только замѣчалъ бросовѣстнаго человѣка, какъ старался приблизить его къ себѣ чѣмъ-нибудь выдѣлать изъ среды. «Любилъ осударь приѣзжать въ палату невзначай, чтобы изловить приказныхъ на дѣлѣ и выдѣлать ихъ дѣла во очію. Наѣхалъ онъ какъ-то и въ Повѣнецъ и засталъ тамъ старшаго воеводу. Осударь и спрашиваетъ его: «какое дѣло есть у тебя дѣла—челобитья?» Упалъ воевода въ великомъ страхѣ въ ноги осударю, голосъ-то вздрогнулъ и взмолился: «Вино виновато, осударь батюшка, никакихъ у меня дѣлъ челобитьевъ нѣтъ». «Какъ никакихъ?» спрашиваетъ осударь. — «Никакихъ», вѣдаетъ осударь,—со слезами повторяетъ воевода,—виноватъ! я никакихъ дѣлъ-челобитьевъ не принимаю и до палаты не допускаю, а

соглашамъ на миръ, да и самыхъ слѣдовъ ссоры и въ палатѣ не оставляю». Удивился осударь такой небывавшій, поднялъ старика воеводу, все стоявшаго на колѣнкахъ, голову его поцѣловалъ. «Жалаль-бы я», молвилъ, — «чтобы и мои воеводы были столько-же виноваты, какъ ты, старичекъ мой! Продолжай такъ, другъ мой, Богъ и я тебя не оставимъ». Что-же стало? Черезъ сколько-то времени осударь у себя въ палатѣ увидалъ несогласія и переборы и послалъ указъ повѣдному воеводѣ: прїѣзжай сейчасъ-же за курьера. Опредѣлилъ онъ самымъ главнымъ сенаторомъ и сказалъ. «Старичекъ Божій! я желаю, чтобы ты и здѣсь былъ столь-же виноватъ, какъ и въ Понцѣ, челобитчиковъ мирилъ и до суда не доводилъ. Ничѣмъ ты въ такъ не послужишь и не уважишь, какъ если ссору и сваду сенатъ изведешь».

Такъ какъ постройка плавучаго моста должна была довольно значительно задержать Петра въ Вожмосальмѣ, то старики Выгозерскаго погоста снова пришли къ Петру съ просьбою прїѣхать отъ нихъ хлѣбъ-соль и не отказать имъ посѣтить ихъ погостъ, не удалось въ первый имъ разъ зазвать Петра, такъ въ другой они думали заманить его хоть въ церковь. «Осударь!» говорили они, — «Илья пророкъ велѣлъ звать тебя къ себѣ въ гости». Петръ на этотъ разъ принялъ приглашеніе и обѣщался побывать погостъ Выгозерскомъ на утро, но видно не судьба была ему посѣтить просителей, такъ какъ въ ночь пошелъ проливной дождь, испортилась погода и бѣжать не было никакой возможности. Для того сѣверянина и дождь, и буря ни по чемъ, а потому старики не могли понять, чтобы непогода могла задержать ихъ желаннаго гостя; рано утромъ они явились къ Петру для того, чтобы прогнать его въ погостъ честь честью, но Петръ объяснилъ имъ, что онъ не можетъ оставить въ такую погоду переходящее черезъ озеро войско, да и боится кстати пуститься въ путь въ такое неблагоприятное время. «Нѣтъ, старички», отвѣчалъ имъ Петръ, — «вижу ихъ просьбы; — видно Илья пророкъ не хочетъ, чтобы вы у него побывали — послалъ дождь; снесите-же ему отъ меня гонецъ». Тѣмъ дѣло и кончилось и Петръ пожертвовалъ на Выгозерскую церковь червонцевъ, которые скоро ушли на церковныя дѣла.

Цѣлый день бушевала буря, а на Выгозерѣ это дѣло не шуточное и потому задержка вышла не малая къ не малому огорченію царя, который вообще не любилъ какихъ-либо промедленій. На въ виду у него было жгучее, спѣшное дѣло. Только къ утру поднявшееся озеро утихло и войска могли безъ помѣхи переправляться; тутъ уже путь становился все лучше и лучше и къ

ночи устроенъ былъ ямъ на берегу р. Сожнаго Выга, верста въ 78 отъ его устья. Ямъ этотъ былъ устроенъ на лѣвомъ берегу рѣки, въ 15 верстахъ отъ Вожмосальмы на довольно высокой мѣстности, которая скоро однако переходила снова въ болото, тянувшееся почти до р. Телекиной; къ самому берегу подошла селенка, которая была чрезвычайно удобна для стоянки, тѣмъ болѣе, по народному преданію, всѣ карбасы и ладьи просто сняли и подвѣсили подъ Вожмосальмы, ввели ихъ въ Выгъ и перевезли на нихъ въ тотъ берегъ, гдѣ положенъ былъ Петромъ ямъ. Во время нашего путешествія въ этихъ мѣстахъ мы остановились, какъ разъ въ томъ пунктѣ, гдѣ по преданіямъ расположенъ былъ ямъ, вмѣстѣ со своими спутниками врубили въ громадную сосну, бывшую, быть можетъ, свидѣтельницею пребыванія здѣсь Великаго князя, простой восьмиконечный крестъ, который одинъ пользуется почтеніемъ среди мѣстныхъ жителей, принадлежащихъ къ поморскому согласію безпоповщины. Не прошло и двухъ-трехъ дней, какъ наши гребцы, движимые чувствомъ уваженія къ царю-работнику, воздвигли на мѣстѣ Петровскаго яма уже болѣе красивый крестъ, а въ нынѣшнемъ году по такъ-называемой «осударевой дорогѣ» пролегаетъ почтовый трактъ изъ Псковца въ Сорочинскъ, лежащую на берегу Бѣлаго моря, на яму красуется уже поповская часовня, а кругомъ ея раскинулось цѣлое село. Намъ интересно было узнать, какъ отнесутся эти «раскольники» къ личности Петра, если мы напомнимъ имъ тѣ жертвы, которые пали при постройкѣ «Осударевой дороги», и мы изумились и вольно тому, что услышали отъ этихъ непризнанныхъ дѣятелей, гениальности. Когда мы сказали, что здѣсь и подъ Петербургомъ загублены тысячи народа, то услышали въ отвѣтъ: «Много народу сгубило по его волѣ! Много! Ну, да и то сказать, кабы онъ не сгубилъ, такъ и дѣло такое никогда-бы не сдѣлалось! Чего имъ все-бы равно померли, а тутъ по крайности у дѣла!» И это говорили тѣ именно люди, для которыхъ Петръ, какъ дѣятель, в вопросахъ религіозныхъ является антихристомъ; впрочемъ и въ убѣжденіе какъ-то теперь не особенно глубоко вкоренено въ народное сознаніе, такъ какъ тотъ-же народъ при случаѣ не преминетъ заявить о томъ, какъ Петръ терпимъ былъ въ дѣлахъ своихъ и какъ онъ далъ даже Выгорѣцкому Даниловскому монашескую охранную грамоту.

Прослыша о проходѣ черезъ Выгорѣцкія мѣста Петра, Даниловскіе старцы выслали на выгорѣцкій ямъ депутацію, которую поручили встрѣтить царя съ хлѣбомъ-солью и просить о милости отъ монашества. Жутко было выборнымъ являться передъ грозныя очи того, кого имъ искони рисовали самыми мрачными

ами, какъ ненавистника старой вѣры, приверженца всякихъ ересей, зачастую идущихъ даже въ разрѣзъ того, что имъ было истиннымъ христіанствомъ. Помня, какъ Петръ не жаловалъ старовѣровъ-стрѣльцовъ и какъ опротивляю ему послѣ стрѣльбы казней всякое старовѣрство, они ждали увидѣть предъ собою грозную судью своего отщепенства отъ того, во что вѣрили, и знали, что разные добрые люди, съ которыми они были знакомы, успѣли подслужиться къ царю и наговорили ему про Петра, какъ про царскихъ послушниковъ, лиходѣевъ и бунтовщиковъ. Однако, дѣлать было нечего—надо было идти, такъ какъ имъ было хуже: если-бы царю самому вздумалось посѣтить ихъ, то имъ было бы хуже. Пришли на ямъ выборные и стали поджидать Петра. Онъ рано поднимался и принимался тотчасъ-же за дѣло. Выборные въ сторонкѣ, разсказывали намъ большака въ Олонецкій, Иванъ Михайловичъ,—и ждутъ—чего Богъ изволяетъ. Петръ выходитъ осударь изъ зимушки, а съ нимъ большой какъ бояринъ, а можетъ и генералъ идетъ. Глянулъ осударь на выборныхъ и спрашиваетъ: «Что за люди?» — «Это раскольщики, они не считаютъ генералъ,—властей не почитаютъ духовныхъ, о здравіи царя и о величествѣ не молятся». — «Ну, а подати платятъ исправно?» строго спрашиваетъ осударь. — «Народъ трудолюбивый, не можъ не признаться тотъ ближній бояринъ,—недоимки нима никогда не бываетъ». Осударь засмѣялся, да и сказалъ: «Такъ вотъ что, братцы! Живите-на себѣ на доброе здоровье. Объ «инераторѣ» Петрѣ, коли претить, пожалуй, хоть и не говорите, а раба Божія Петра во святыхъ молитвахъ иногда вспоминаю. Тутъ грѣха нѣтъ никакого». Какою правдою дышетъ этотъ столь живо характеризующее практическаго Петра, предъ нами и какъ долженъ былъ онъ хорошо знать свой народъ и его нужды, чтобы именно такъ говорить съ нимъ. И то сказать! Петръ онъ любовь народную и народъ помнить каждый его шагъ и не каждое его дѣйствіе, и притомъ даже тотъ народъ, который постоянно спорить о числѣ звѣриномъ въ его имени, иначе не можетъ его какъ «осударемъ», снимаетъ шапку, когда выслушаетъ его имя, цѣлуетъ, какъ святыню, тотъ стаканчикъ, который онъ пивалъ свою анисовку во время похода. Словно сама природа не хочетъ дать заглухнуть слѣдамъ великаго труда Петрова и тамъ, гдѣ достаточно 20 лѣтъ, чтобы вырасти громадное дерево, на «осударей дорогѣ» лѣсъ не растетъ, а просянка видна и до сихъ поръ.

Некоторые писатели, конечно, духовные не хотятъ признать истиннымъ такого именно отношенія Петра къ Даниловцамъ и считаютъ, что все это сочинили «хитростные» отщепенцы,

тогда какъ Петръ, напротивъ того, скорѣе былъ склоненъ къ тому, чтобы разогнать ихъ съ Выга и даже нѣкоторыхъ казнили. Но пусть рѣшатъ этотъ споръ факты. Петръ всегда называлъ суровѣровъ «сомнительными сынами отечества», безпрерывно мучившими зло», какъ это видно изъ его Духовнаго Регламента, когда они дѣйствительно выказывали какое-либо сопротивление начинающимъ, не церемонился съ ними; «быть можетъ и тутъ при иныхъ обстоятельствахъ, поступилъ-бы иначе, тѣмъ болѣе, что еще за годъ передъ походомъ онъ получилъ донесеніе о разореніи выгозерскими скитниками Палеостровскаго монастыря. Петръ самъ не охотникъ былъ до монастырей и монаховъ, которые ничѣмъ не служили общенародному дѣлу и даже въ «нѣкоемъ ухищреніи» одни ничѣмъ не помогли ему, да въ томъ же изъ рекомендаціи «ближняго боярина» онъ увидаль, что передъ нимъ вовсе не «сомнительные сыны отечества», а исправнѣйшіе исполнители его указовъ, и потому отнесся къ выборнымъ такъ задушевно, какъ описываетъ народъ. Больше того въ историческихъ-же документовъ мы видимъ, что подобная рекомендація дѣйствительно была послана къ Петру и, напримѣръ, въ епархіи Симеона Девисова прямо читаемъ, что выборные принесли царю «униженнѣйшую просьбу, съ изъясненіемъ, что они готовы служить Его Величеству, гдѣ и какъ онъ ни повелитъ». Не доказательство для Петра, что онъ имѣетъ дѣло съ вѣрными сынами отечества, а потому мы и видимъ, что какъ только открылись Повѣнецкіе мѣдноплавильные заводы, такъ Петръ приказалъ приписать даниловцевъ въ работники для подъема руды и въ дѣлкі извести; въ такомъ положеніи даниловцы находились все время существованія заводовъ. Поморы увѣряютъ, что получили добросовѣстное исполненіе обязанностей на заводахъ они получили, вслѣдствіе особаго своего ходатайства, охранянный указъ отъ Петра, которымъ имъ дозволялось отправлять у себя службу церковную по старопечатнымъ книгамъ и обрядамъ; все это возможно, такъ какъ Петръ былъ явный противникъ обрядности въ дѣлѣ религіозномъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, указъ этотъ существовалъ специально для Данилова и Алексинскаго монастырей. Понятно, что поморы впоследствии стали утверждать, что охранянный указъ не касался лишь этой мѣстности, а давалъ свободное служеніе всему вообще поморскому согласію, гдѣ-бы его представители ни находились, хотя бы даже и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Сибири.

Отъ Выгорѣцкаго яма легче стало народу, да и Петръ пріободрился, такъ какъ болота стали не такъ топки, да и рѣки они стали встрѣчаться, а черезъ рѣки Щепотевъ за благовремѣ-

успѣлъ выстроить мосточки. Слѣдующій ямъ по диспози-
 на пришлось недалеко отъ деревни Телекиной, располо-
 на берегу рѣки того-же имени, верстахъ въ 25 отъ Вы-
 о яма. Перешли войска по мостамъ черезъ рѣчки Масло-
 Мурома, а отъ этихъ мостовъ свая остались кое-гдѣ и
 поръ и народъ, всегда падкій на анахронизмы и чуя ве-
 значеніе желѣзной дороги для всего сѣвернаго края, впол-
 нѣнь, что «осударь изготовилъ здѣсь свая подь желѣз-
 орону, да шведъ ему помѣшалъ, а то-бы давно здѣсь же-
 дорога ходила». Ибо въ телекинскаго яма лежалъ уже добрый путь вплоть до са-
 Повѣнца, который въ то время былъ еще простымъ селе-
 принадлежавшимъ Вязицкому монастырю. Петръ сразу
 то значеніе, которое могъ современемъ получить Повѣ-
 портъ, лежащій на громадномъ водномъ бассейнѣ Онеж-
 вера и признанный имъ какъ-бы преддверіемъ того буду-
 порта на Балтійскомъ морѣ, откуда суждено было Рос-
 глянуть въ Европу. Мы укажемъ ниже и на другія со-
 вѣнія, которыя подняли въ глазахъ царя значеніе Повѣнца,
 тому понятно съ какимъ восторгомъ онъ подступилъ съ
 ми къ широкому раздолью Онега, которое и по поня-
 туземнаго корельскаго населенія было «счастливою рѣ-
 Петру, видимо, обѣщало счастье и удачу, такъ какъ
 не главная задача «нѣкоего ухищренія» была рѣшена и,
 оставалось лишь разбить ничего не ожидающихъ шведовъ.

IV.

0 августа, вечеромъ, полки стянулись къ устью рѣки По-
 28-го, суда были уже спущены на воду и
 то, что дулъ сильный противень, т. е. юго-западный
 рь подалъ знакъ къ отплытію. Не успѣли еще суда
 арсь острова, лежащаго въ 1 верствѣ отъ нынѣшняго
 какъ вѣтеръ обратился въ лютую бурю и заставилъ
 нова. повернуть къ берегу; съ той поры и «островъ
 нтъ мѣстное преданіе, — «носитъ названіе Воротнаго».
 было Петру такое замедленіе и радъ-бы онъ былъ
 своей цѣли, да съ бурей, видно, спорить не станешь.
 берегу и церковь случилась во имя первоапостоловъ
 Петра и Павла, такъ осударь у попа совѣта просилъ,
 ему идти въ озеро. Поглядѣлъ попъ на небо, да и ска-
 ма карбасъ я проѣду, а тебѣ, осударь, на большихъ
 ни не достоятъ; и суда растеряешь и народъ загубишь

безо всякой пользы». Разсерчалъ осударь на попа и по озеру, а поцъ на берегу стоитъ, да и говоритъ: «я осудилъ литургіей тебя подожду!» Не прошли суда и Воротнаго стало ихъ пошвыривать—поневолю осударю пришлось назваться и въ церковь зайти. Кончились обѣдни, подходитъ даръ къ честному кресту и молвить попу съ усмѣшкой: помъ-бы тебѣ быть, батя, а матросомъ! Спасибо за науку, что повѣнецкій Петръ, куда будетъ, посильнѣе московскаго. Поневолю пришлось Петру отложить дѣло до завтра, но онъ не терпѣлъ и распорядился тотчасъ-же переписать сего повѣнца въ посадъ или рядокъ, отобравъ его отъ монаховъ, того, чтобы послѣдніе не остались отъ такого распоряженія убыткѣ, приказалъ вознаградить Вяжицкій монастырь добровлею въ Новгородскомъ уѣздѣ. Говорятъ еще, въ тотъ-же день было положено основаніе и повѣнецкому мѣдношпательному заводу, но объ этой сторонѣ дѣла Петра въ олонецкихъ мѣстахъ мы поговоримъ ниже.

Съ восходомъ солнца 29 августа флотилія снова пустилась въ путь и на этотъ разъ ничто уже не задерживало Петра въ плаваніи. Онего было широко и только Свирь одна могла ставить нѣкоторое затрудненіе, хотя прибрежные туземцы—весьма и прозвали ее «глубокою рѣкою». Хоть и былъ у Петра на свой чертежъ всего теченія Свири, но полагаться на него не рѣшился и принялъ на себя обязанности простаго лоцмана. время плаванія по Свири Петръ шелъ передовымъ на небольшомъ парусномъ карбасѣ и готовилъ путь слѣдовавшей за нимъ флотиліи. И день и ночь стоялъ онъ на носу и измѣрялъ лотомъ бину рѣки; народъ въ своихъ воспоминаніяхъ идетъ и думаетъ, что Петръ собственноручно продѣлалъ тотъ проколъ порога Сиговца, которымъ теперь проходятъ это опасное мѣсто суда, но въ тѣ времена, когда еще въ Олонецкій край не вошла культура въ видѣ хищника-лѣсопромышленника, въ Свири была полноводнѣе и никакихъ пороговъ на ней не было. Такъ, по крайней мѣрѣ, должны мы думать, основываясь на дѣятельствѣ собственноручнаго письма Петра къ Головину, изъ котораго видно, что онъ поотсталъ отъ него немного и находился, по всѣмъ вѣроятіямъ, недалеко отъ Вознесенской пристани. Быть можетъ, что и нѣкоторые крестьяне и запугивали царя мелководьемъ и порогами, но онъ былъ лоцманъ не диллетантъ, а знатокъ своего дѣла. Поэтому сообщалъ Головину, что «въ ѣздѣ нашей ни единого порога не видали, только два перебора на Сиговцѣ, и, кромѣ того, вездѣ ночью идти можно, и мы шли: не изволь лоцманомъ ходить; кромѣ тѣхъ двухъ мѣстъ, изволь идти ночью». Петр

наль, что даже и его любимцы не прочь, основываясь на
 для нихъ сообщеніяхъ мѣстныхъ жителей, поспать лиш-
 попокойнѣе, но дѣло не ждало; шведы ежеминутно могли
 о «нѣкоемъ ухищреніи» и приготовиться къ отпору.
 то ни было, но только 3 сентября флотилія собралась у
 и должна была снова переждать бурю, которая свирѣп-
 на Ладожскомъ озерѣ. Дѣлать было нечего—приходилось
 оттягивать желанный конецъ, хотя эта неожиданная оттяж-
 но такъ не нравилась Петру. «Каждое утро выходилъ осу-
 а берегъ, а штурма все не утикала. Сильно разгнѣвался
 , рассказывали намъ на мѣстѣ— «на Ладогу, что она не
 его дальше погодами, да наконецъ и не стерпѣвъ, вы-
 в берегъ и высѣвъ озеро плетью... и что-же случилось? стала
 смиряться, и повѣтеръ подулъ, — съ нимъ видно и озеро-то
 не осмѣливалось. Ну, да и то сказать: къ дѣлу шель—за
 высѣвъ». Можетъ статься, что какіе нибудь присяжные
 и побужденій и поступковъ великихъ историческихъ дѣя-
 сказать, что въ этомъ странномъ поступкѣ Петра вполне
 лась его необузданность, что здѣсь ему измѣнили его свѣт-
 мь, но самъ народъ, рассказывающій теперь о наказаніи
 о озера, въ то-же время сообщаетъ намъ, что «сталь недо-
 въ припасахъ, потому все къ Шлюшину увезли, а въ Сер-
 простой ямъ былъ сдѣланъ. Стали нѣмцы проситься, чтобы
 пустили ихъ въ родную землю, а какъ ихъ отпустить, коли
 ть домой на Шлюшинъ лежитъ. Надумалъ осударь нѣмцевъ
 вахамъ послать покормиться, а своимъ русскимъ привычно
 ую кору глотать; только животы пораспухали, будто отъ
 ти. Тутъ и самъ осударь нашей рѣпки попробовалъ вводить».
 то, что, хотя русскіе и «привычны сосновую кору глотать»,
 въ войскахъ Петра не все были сѣверяне, а главное ядро
 оставляли гвардейскіе полки, въ средѣ которыхъ могли
 недовольные; бурчатъ они могли, да вѣроятно и бурчали.
 видѣлъ это недовольство и зналъ, что ему необходимо под-
 чѣмъ нибудь свое на время распатавшееся обаяніе. Петръ,
 предвѣщенный метеорогъ, могъ видѣть, что буря должна скоро
 ть, хорошо зная русскаго человѣка, просто лишь восполь-
 и случаемъ, чтобы убѣдить свое неразвитое войско въ своей
 естественной силѣ — мѣ-де и стихіи повинуются. Да даже,
 и былъ сдѣланъ этотъ поступокъ въ изступленіи, гнѣвъ
 шель въ разрѣзъ съ указаніями разума, то развѣ все это
 лтно, когда послѣ столькихъ лишеній и трудовъ, предпри-
 Петромъ только лишь съ тою цѣлю, чтобы совершить
 нападеніе на шведовъ съ неожиданной стороны и совершен-

но невзначай, у самой почти цѣли какая-то вѣльная буря вдругъ разбиваетъ его великіе планы и заставляетъ его, трудно стоять безъ дѣла и ждать у берега погоды... Стоить только поставить себя въ положеніе Петра и тогда даже и это сѣченіе дожскаго озера перестанетъ намъ казаться страннымъ.

Когда Ладога успокоилась, то суда двинулись въ путь озера, а Петръ снова поѣхалъ впередъ сухопутьемъ, на лошадяхъ въ Старую Ладогу, гдѣ его присутствіе было необходимо, такъ какъ, по его приказанію, сюда въ послѣднее время свозили разные боевые припасы, а теперь, въ виду несомнѣнной уже удачнѣе похода, ему хотѣлось перевести туда же и армію Шереметева, что это видно изъ его письма къ фельдмаршалу, гдѣ Петръ приказываетъ ему немедленно двинуться на Ладогу черезъ Новгородъ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, и пока еще Шереметевъ успѣетъ дать ему «сикурсъ», надо было подумать о близкой борьбѣ, а у Петра и пушекъ и пороху было очень мало. Въ Ладогѣ онъ нашелъ 41 пушку, такъ что онъ могъ уже противупоставить шведамъ артиллерію въ 88 жерлъ, изъ которыхъ, впрочемъ, четвертая часть была годна только на безрѣзъ, въ складѣ приготовлено было 28 тысячъ пудовъ пороха и 56 тысячъ ядеръ, а этого количества на первый разъ было достаточно, тѣмъ болѣе, что въ Повѣнци должны были скоро начать лить пушечныя ядра, а доставка была удобна, такъ какъ Петръ въ то время приглядѣлъ уже и мѣсто на Свири для постройки судовъ. Задача Петра еще и другое дѣло: на имѣвшуюся у него карту полагаются уже не было возможности, такъ какъ она дѣлана была со словъ, а потому и приходилось ему дополнить эту карту на основаніи рассказовъ людей, бывавшихъ на Невѣ, одно имя которой не означало ничего хорошаго, такъ какъ по-фински оно означать «великую тень». Подняли кличъ по Ладогѣ и къ царю стали събираться разные торговые люди и рыбаки, которые хаживали мимо Орѣшка или Шлюссельбурга и знали теченіе Невы вплоть до ея устья; Петръ показывалъ имъ чертежъ, объясняя имъ значеніе каждаго топографическаго знака, а они «противу чертежа говорили», т. е. дополняли его своими личными свѣдѣніями.

Оказалось, что «Невою рѣкою идти на судахъ и карбасами можно» до самаго устья и «теченіе ея отъ Орѣшка до Невскаго порога—20 верстъ, Невскаго порогу—4 версты, до Канецъ (Орѣшка)—25 верстъ и отъ Канецъ до моря—7 верстъ, а всего хода на первый день, на 56 верстъ. Первымъ шведскимъ городомъ на пути Петра былъ «Нотебургъ», какъ увѣряли бывалые люди «съ доброй крѣпостью, а сколько въ той крѣпости войска, того не знаетъ». Вѣсти были не особенно успокоительныя, тѣмъ болѣе, что и

«добралъ» была встроена самими русскими и теперь Петру
 брата снова то, что потеряно было Россіей въ годину
 и политической неурядицы, когда всякъ рвалъ у
 челоуѣка тотъ кусъ, что приходился по нраву. Еще въ
 отважные новгородцы, при самомъ истокѣ Невы по
 Орѣховъ съ тою цѣлю, чтобы онъ служилъ защи-
 непрошенныхъ заморскихъ гостей для Ладоты и теченія
 эта значилась въ Водьской пятинѣ, въ такъ
 Зарѣцкомъ ставѣ, восточною границею котораго счи-
 Волховъ. Не спокойно было жить первоначальникамъ
 какъ жили они какъ разъ на юру и чуть, бы-
 между шведами и новгородцами, какъ при-
 первый блинъ пасть Орѣхову. Въ постоянныхъ браняхъ
 время до 1323 года, когда наконецъ между русскими
 Орѣховѣ былъ подписанъ мирный договоръ,
 недавніе враги, по исконному обычаю «на вѣчную друж-
 цѣловали и клялись». Какъ и быть должно, все эти
 были забыты и на видъ всплыло обимъ народамъ
 то, что тотъ, кто будетъ владѣть Орѣховымъ, сдѣлается со-
 владкою Невы и Финскаго залива. Хотя по дого-
 государственною границею и обозначена была рѣка Сестра,
 въ 1348 г. король Магнусъ возимѣлъ желаніе пожитья
 владѣній Новгорода, прикрывался стремленіемъ угодить
 и обратить своихъ ближайшихъ сосѣдей въ католичество. Ду-
 овъ не долго, подъ рукою собралъ рать, врасплохъ началъ
 Орѣховъ и овладѣлъ имъ измѣннически. Новгородцы ужасну-
 Ладота не могла быть серьезною преградой для побѣдонос-
 шведскаго войска, а Волховъ представлялъ удобный, торный
 въ Новгородъ; надо было спѣшить, не давая Магнусу укрѣ-
 въ Орѣховѣ и, главное, получить изъ Швеціи вызваннаго
 одкрѣпленія, а потому они собрали наскоро дружину и от-
 спорный городъ у короля. Наученные горькимъ опытомъ, они
 теперь на острову каменную крѣпость и укрѣпили ее
 сторонѣ башнями; теперь Орѣховъ или Орѣшекъ, какъ
 въ народѣ, могъ уже сопротивляться шведамъ, кото-
 нападали на него зачастую вплоть до 1611 года, когда Де-
 взялъ его обманомъ. Тутъ заключенъ былъ столь постыд-
 для Россіи столбовскій договоръ, а въ силу его Орѣховъ былъ
 уступленъ Швеціи, опять-таки съ клятвами и крестнымъ
 яніемъ. Вотъ эту-то крѣпость и пришлось Петру брату у-
 въ первую.

Череметевъ изумилъ Петра своею поспѣшностью — видимо и
 маршалъ понялъ, что дѣло нешуточное и медлить не время.

23 сентября на берегу р. Назыи Петръ сдѣлалъ смотръ своей войску, а также и 12 батальонамъ, которые явились къ нему за помощь съ границъ Эстляндіи. Дорого обошелся неслыханный походъ Петру, такъ какъ во всѣхъ 5 гвардейскихъ батальонахъ залось въ строю всего лишь 2,576 человекъ, вмѣсто 4,000 женныхъ на суда въ Архангельскѣ. Если-бы не перемѣна 10,000 человекъ, то, пожалуй, пришлось-бы отложить, «смухищреніе» до того времени, когда возможно будетъ собрать статочную силу. Доволенъ былъ Петръ своимъ птенцомъ и, едва довершить начатое такъ удачно дѣло, снова повелъ войска въ походъ Нотебурга и суда потащилъ опять по мостовинамъ — было не привыкать-стать было народу къ этому дѣлу.

25 сентября Нотебургъ былъ обойденъ и обложенъ со всѣхъ сторонъ, а ниже его на Невѣ показались два фрегата и нѣсколько меньшихъ судовъ подъ русскимъ флагомъ. Сначала шведы были увѣрены, что суда эти шведскія, но когда разобрали дѣло, то увидѣли, что спастись имъ невозможно и надо лишь довести дѣло до честнаго конца, какъ подобаетъ мужественнымъ сынамъ отчизны. «Нѣкое ухищреніе» удалось вполне, благодаря гениальности Петра, его умѣнью обращаться съ народомъ и выносливостію русскаго человека, которую Петръ пользовался на пользу Россіи и цѣнилъ высоко. 2 октября Нотебургъ палъ, и Петръ со своимъ юморомъ увѣдомлялъ своихъ друзей о своей удачѣ: «Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ; однакожь, слава Богу, счастливо разгрызень».

В. Майновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗЛАЯ ВОЛЯ.

Повѣсть.

(Посвящается Алевтинѣ Аленствѣнѣ Крушевской).

Глава XV.

О чемъ плакала старая ранита.

...проходило. Дни становились короче, ночи темнѣе. Трапъ даже нельзя было безъ теплой одежды выдти на улицу. Ховеръ надулся и носинѣлъ, соловьи давно замолкли, съ столь угрюмый, насупившись, въ своей грустной осенней одеждѣ. Только старая ракета попрежнему оставалась пестрой и попрежнему все о чемъ-то плакала и вздыхала въ тишинѣ.

...свиданія Тимохи съ Вѣрой продолжались, несмотря на морозы и вѣющія завыванія вѣтра. Каждый вечеръ, чуть стемнѣетъ, Вѣра окутывалась въ шубу и выходила подъ дождь. Здѣсь уже ожидалъ Тимоха.—Перемолвившись двумя-тремя словами, нацѣловавшись досыта, они затѣмъ разставались до завтрашняго вечера. Всю ночь сидѣть теперь было холодно, да и дома хватятся. А скоро и сошныя стало видаться... Пошли дожди, грязь, измученные принуждены были навремя отложить сви-

...страшно тосковала въ эти дни. Время танулось такъ, какъ такія мысли въ голову лѣзли, что она просто мѣста найти не могла. Ходить блѣдная, угрюмая, ничего не сказать не могла. И чего-чего только не передумывала за это время. То ей кажется, что Тимоха теперь сидѣлки ушелъ, съ дѣвками играетъ, ее позабылъ; то ей кажется, что онъ на мельницу поѣхалъ, въ буеракъ по-

паль, расшибся и лежить больной, — да мало-ли ей пости не давали ей покою... По ночамъ она такъ всѣхъ даже плакать принималась...

Наконецъ, дождь пересталъ, сѣрмя тучи разсѣялись, играли ярко и радостно солнечные лучи. День развелся, и въ сумерки Вѣра была уже на старомъ мѣстѣ. Тутъ къ ней, Тимоха кинулся къ ней навстрѣчу, — и долго молча, взволнованные, задыхающіеся отъ счастья.

— Давай я тебѣ одѣну, — стужа эдакая... вынулъ Тимофей, очнувшись. Онъ распахнулъ сѣрмяшку и окуталъ Вѣру полой. Они сѣли на почва, рень ракиты, торчавшій изъ земли и покрытый лишайниками.

— Ну, что, какъ? спросила Вѣра, когда онъ кончилъ. Что дѣлалъ? Меня вспоминалъ?

— На мельницу ѣздилъ... А объ тебѣ вспомню днемъ, а и ночью покоя не было... онъ не могъ никакъ жрѣпко прижать къ себѣ Вѣру.

— Ну... а на посидѣлки ходилъ?

— Какія тамъ посидѣлки! съ какою-то тоскою... онъ кликнулъ Тимоха.

Вѣра наострила уши и съ беспокойствомъ посмотрѣла на парня.

— Что, Тимоша, или что случилось?

Тимоха покачалъ головой.

— Не знаю, ужъ сказывать-ли... едва слышавъ себя, вымолвилъ онъ.

— Сказывай... требовала Вѣра.

Голосъ ея дрожалъ, сердце томительно замучено чувствіи страшной бѣды. Но Тимофей молчалъ, не говоря ни слова. Тогда Вѣра пригрозила ему, что не вынесетъ больше подъ ракиту, — и онъ рѣшился.

— Отецъ вчера съ ругался... И дѣдушка тоже знаетъ, какъ они провѣдали про насъ. Тотъ чоръ и говоритъ: «ежели ты, говорить, — щепотку къ этой долговязой, — то есть къ тебѣ-то! — Ямакъ тебѣ всѣ ноги обломаю, коли вастигну».

Вѣра поблѣднѣла. Потомъ, отодвинувшись, пристально взглянула ему въ лицо.

— А ты что-же? не сразу выговорила она.

было, имъ тоже отвѣтилъ... Батюшка схватилъ за
оттаскалъ. Чтобы, говорить, нога твоя тамъ не бы-
и ихъ, и тебя въ шею отсюда стоню. А дѣдушка
и говорить: «женить его надоть поскорѣй-ча, чтобы
вадся».

Стало быть, свадьба наша — шабашъ? послѣ нѣкото-
рлтанія и повидимому совершенно спокойно выговорила

какъ такъ не бывать? горячо возразилъ Тимофей и по-
пританулъ ее къ себѣ. — Я ихъ послушаю, что-ли? не
чай... Старые черти! Коли не дадутъ ничего, — и
объячса. Объячса — и уйдемъ... Хошь въ работ-
шусь, — а не бывать по-ихнему.

и молчала, но глаза ее блеснули въ тѣмъ влажной, хо-
ночи тѣмъ недобримъ, зловѣщимъ огопькомъ, который
асто сверкалъ въ нихъ прежде. Она вздохнула полной
о, выдохнула — и вдругъ изо всѣхъ силъ стиснула Ти-
въ своихъ объятіяхъ.

даться имъ стало еще труднѣе, — за ними очевидно слѣ-
Часто Вѣра, выходя вечеромъ на крыльцо, видѣла ка-
темную фигуру, таинственно крадущуюся вдоль стѣны,
къ только при помощи самыхъ отчаянныхъ хитростей
вырваться подъ ракету. Даже черезъ плетень имъ
чмо перекинуться словечкомъ, потому что сейчасъ на
и Маринскаго дома хлопала дверь и дрожащій стар-
тлосъ кликалъ: «Тимошь, а Тимошь, — гдѣ ты? Подь-ка
скорѣй-ча».

они все-таки видались, — урывками, на минуту, но ви-
то на водопоѣ, то за церковною оградой... Семейные
при встрѣчахъ съ Вѣрой, косились на нее, а однаж-
роходя съ ведрами мимо ихъ крыльца, явственно
мущенныя ей вслѣдъ слова: «гулящая... огородни-
ра вся вспыхнула, въ глазахъ у нея заходили зе-
красные круги, и она хотѣла было уже обернуться,
сплатить обидчику, — но вдругъ, неожиданно для самой
сержалась и спокойно прошла къ своему крыльцу.
придя домой, она долго дрожала, какъ въ лихорадкѣ,
сквозь зубы слова злобы и мести.

и препятствія послужили для ихъ любви словно масло
Она разгорѣлась въ неувертливое пламя... Вѣра

представить себѣ не могла Тимофея чьимъ либо, а не ея именно, мужемъ, и повременамъ на нее находили безумные порывы бѣшенства и злобы. Она совершенно забывалась и съ пылающими глазами, съ исказившимся лицомъ кричала: «не жениться тебѣ на другой, не дамъ тебя живого въ руки, сама зарѣжусь—и тебя зарѣжу»...

Но сейчасъ-же вслѣдъ за этими дикими вспышками отчаянія и злобы она кидалась на шею Тимохѣ и снова становилась нѣжною и ласковою. Припавъ къ нему на грудь, она то плакала, то смѣялась, гладила его по головѣ, цѣловала, называя самыми ласковыми именами.

— Вѣдь ты не женишься? Не женишься на другой? спрашивала она, глядя ему въ глаза и затѣмъ прибавляла: — помни, Тимоша, ежели ты меня бросишь,—мнѣ не жить...

Тимоха божился всѣми святыми, что не броситъ ее... И часто она доводила его до того, что онъ, придя на свиданье угрюмый, убитый,—уходилъ отъ нея бодрый, веселый, съ рѣшимостью бороться.

А дома его встрѣчали бранью и воркотней. «Опять къ своей ходилъ?» спрашивалъ отецъ ядовито, а дѣдушка Никита назойливо и сердито шамкалъ съ печи:

— Смотри, парень, не доведи до грѣха... Проклянута,—нигдѣ себѣ счастья не найдешь... Будешь какъ Каинъ проклятый по бѣлу-свѣту скитаться...

Слова замирали на губахъ у Тимофея и вся его рѣшимость исчезала. Онъ тосковалъ, томился и падалъ духомъ. Его рассказы о семейныхъ дѣлахъ съ каждымъ днемъ становились неутѣшительнѣе, безнадежнѣе.

— Слышать про тебя не хотятъ... рассказывалъ онъ Вѣрѣ, понутивъ свою кудрявую голову. — «Ей, говорятъ, и ворота дегтемъ мазали—на что лучше?.. У нихъ и семья-то вся эдакая. Отецъ какой-то шляющій, мать—пьяница. Прими эдакую къ себѣ въ домъ — осрамить на все село, даромъ что будто изъ благородныхъ»...

— А то что еще, подыме, болтаютъ! съ негодованіемъ говорилъ онъ въ другой разъ. Вчера сноха и говорить: «да вѣдь она вѣдьма! У нея приворотное зелье есть. На что пцсарь ужъ—человѣкъ сурьезный! — и тотъ, говорить, за нею шмындаль. И ничего-то за нею нѣтъ,—какъ есть голая... Чай, и работать-то по нашему не будетъ,—потому что не приучена».

Сидеть, сложя ручки, а мы на нее работай. Да нешто это же-
на?— Не въ домъ, а только изъ дому... Намъ эдакую не на-
ють»...

— Тимоша, а ты-то что-же? съ тоской спрашивала Вѣра.

— Я, было, на нее зыкнулъ, а дѣдъ съ печи сейчасъ —
«проклянц!» Что-жъ сдѣлаешь-то?

— Да пусть его проклинаеть, — наплевать намъ! восклик-
нула Вѣра.

Тимоха промолчалъ, и только одно слабое эхо повторило
энергичное восклицаніе Вѣры.

Наступили холодныя, туманныя октябрьскія ночи. Коро-
тенькій, подслѣповатый день проходилъ быстро, но за то какъ
медленно, какъ тоскливо тянулись эти ночи! Вѣра нарочно
ложилась спать пораньше, чтобы остаться наединѣ съ собою,
чтобы хоть во снѣ успокоиться, но ей плохо спалось, и она
до разсвѣта ворочалась съ боку на бокъ въ смертной тоскѣ.
Иногда на память ей приходили сладкія соловьиныя ночи
подъ ракитой, и она принималась безумно рыдать. Господи,
какъ все это скоро прошло... и никогда не вернется... Уме-
реть-бы, что-ли, поскорѣй!..

А на утро Вѣра вставала желтая, съ синими кругами
подъ глазами, съ блуждающимъ безсмысленнымъ взглядомъ и,
никого не замѣчая, безцѣльно бродила по избѣ.

— Что это, вѣроятно, ваша сестра нездорова? спраши-
валъ Сергѣй Васильевичъ Нину.

— Не знаю! печально отвѣчала та. — Ее, вѣдь, и спро-
сить ни о чемъ нельзя, — не скажетъ...

Дѣйствительно, Вѣрѣ все какъ-то недомогалось. Голова
болѣла, въ ушахъ звонъ, словно послѣ угару, а въ тѣлѣ то
дрожь, то словно всю огнемъ охватить. Пробовала она ло-
житься, но чуть только стоило ей забыться, какъ на нее на-
валивалось что-то громадное, страшное, и она въ ужасѣ вска-
кивала. Разъ подошла къ ней Нина и съ участіемъ спросила
ее — что съ нею? но Вѣра или не слыхала, или-же не хотѣла
отвѣчать, — только взглянула на сестру страннымъ взглядомъ и
снизчала. Нина отошла.

Съ Тимофеемъ Вѣра не видѣлась цѣлую недѣлю. Его
слышать на мельницу услали, и никакихъ вѣстей не было оттуда.
Всего только дней подь-рядъ шелъ дождь, и по дорогамъ обра-
зились необозримыя топи и болота.

Въ субботу погода прояснилась. Ударилъ легкій морозецъ и сковаль влажную землю; густой туманъ, совоимъ лежавшимъ надъ окрестностями, собрался въ огромныя бѣлыя облака и поплыль по небу вмѣстѣ съ запоздалыми стаями джигихъ гусей. На улицахъ появилось народъ; ребятшки затѣвали веселыя игры. И Вѣрѣ стало словно легче на душѣ: дождавшись вечера, она отправилась на огородъ, въ надеждѣ увидѣться съ Тимохой. Ей вдругъ почему-то стало казаться, что вся эта бѣда какъ нибудь уладится и кончится, а тамъ все опять по старому пойдетъ. И на сердцѣ у нея стало покойнѣе, когда она бралась за ручку двери.

Выйдя на воздухъ, она вдругъ запаталась и чуть-было не упала. Свѣжій воздухъ ошеломилъ ее, — голова у нее закружилась. Посидѣвъ на бревнахъ и отдохнувъ, она тихонько побрела огородами къ рѣкѣ. Лѣсъ стоялъ уже совсѣмъ голый, почернѣвшій, и только кое-гдѣ закатъ золотилъ пестрыя ломотья его нѣкогда роскошной одежды. Пусто и тихо было въ немъ, лишь шумливое воронье хозяйничало на просторѣ въ его обнаженной вершинѣ. По краешкамъ рѣки образовался уже тонкій ледокъ, и его хрустальныя иголочки обсыпали нижня колѣна камыша, сердито махавшаго въ разные стороны своими мокрыми шапками. Вѣра остановилась на обрывѣ и печально глядѣла впередъ...

— И соловьи улетѣли... прошептала она и схватила за голову. — Ахъ, какъ голова болитъ...

— Вѣрка... Вѣрка!.. послышалось позади. Вѣра оглянулась и съ радостнымъ крикомъ бросилась на встрѣчу Тимофею, который почти бѣжалъ къ ней, махая шапкой.

Но, взглянувъ въ его блѣдное лицо съ потерянными взглядомъ, она остановилась и сердце у нея похолодѣло.

— Вѣрка, вѣдь они мнѣ невѣсту усватали!.. задыхаясь, выговорилъ онъ и, присѣвъ на землю, опустилъ голову на колѣни.

— Невѣсту... повторила Вѣра безсознательно.

— Усватали... И запой ужъ былъ, — все безъ меня обмывали... Я прїѣзжаю съ мельницы, а тутъ ужъ голова, Тамъ я и обмеръ... «Батюшка, говорю, — не хочу жениться на этой!» А онъ мнѣ: «Скажи, говорить, — еще одно слово, я вѣдь въ волостномъ, при всемъ сходѣ, велю, за недовинованіе, плетью отодрать...»

Вѣра стояла молча, словно окаменѣвъ, и во всё глаза глядѣла на Тимоху.

— Что-жъ теперь дѣлать остается? съ отчаяніемъ крикнувъ Тимоху, подняла голову и оборачиваясь къ ней. — Топиться, — прямое дѣло... Ужъ ежели эдакій срамъ примать, — легче-же помереть...

Вѣра вдругъ засмѣялась. Но смѣхъ застрялъ у нея въ горлѣ, и она вслѣдъ затѣмъ зарыдала, захлебываясь и заикаясь. Пошла, слотыкалась, бросилась бѣжать.

Тимофей бросился было за ней, но вдругъ остановился и, ударивъ шапку о землю, тоже заплакалъ.

ГЛАВА XVI.

Въ бреду.

Вѣра захворала. Какъ прибѣжала она въ избу послѣ рокового извѣстія, такъ и упала безъ памяти на лавку. Нина раздѣла ее, уложила и укутала шубой, но Вѣра врядъ-ли что сознавала. Она лежала вся въ жару, никого не узнавая, боролась какія-то бессвязныя рѣчи. Нина отъ нея не отходила. Всю ночь напролетъ не смыкала она глазъ, сидя около маташеи Вѣры и съ трепетомъ прислушиваясь къ ея бреду. Только предъ разсвѣтомъ Вѣра успокоилась, и Нина на минуту задремнула, прислонясь головой къ стѣнѣ.

Утромъ Вѣра пришла въ себя и, приподнявшись на постели, подговала къ себѣ сестру.

— Слушай, Нинка! шепнула она, глядя на нее блестящими сухими глазами. — Ежели увидишь невзначай Тимошку Смирновскаго, — пошли его ко мнѣ. Да подай мнѣ платье, — я сѣнусь...

Нина подала ей платье. Вѣра, одѣваясь, жаловалась на ломоту и говорила, что поидетъ погрѣться на солнышкѣ. Но платье шло изъ ея ослабѣвшихъ рукъ, и черезъ часъ она снова лежала въ жару и бредила, то посылая кому-то страшныя проклятія, то призывая къ себѣ кого-то жалобнымъ голосомъ. Всѣ были ужасно встревожены неожиданной болѣзнью Вѣры; только одна бабка, по обыкновенію, сердилась и ворчала.

— Сколько по огородамъ-то ни вѣшатся, — вотъ и нашлякѣ. Экая непутевая!

Послали за фельдшеромъ. Фельдшеръ пришелъ, осмотрѣлъ больную и развелъ руками.

— Тифъ! лаконически объявилъ онъ, подымая брови. — Чѣмъ ее теперь лечить, — не знаю. Компрессы прикладывайте, — больше ничего. Теперь всѣ тифомъ хворають!.. въ видѣ утѣшенія добавилъ онъ, раскланиваясь.

— Помеломъ-бы тебя... проворчала ему вслѣдъ Лукнична. — Учатъ-учатъ ихъ, прости Господи, а они коровьего хвоста не смыслятъ. А фершалъ туда-же..., Пойду-ка лучше Терентыху призову; дѣло-то ладнѣе будетъ...

Но и Терентьевна не помогла ни своей четверговой солью, ни богородской травкой, нашептанный на трехъ заряхъ подъ Духовъ день.

Въ то время, какъ Вѣра лежала безъ памяти, въ избу неожиданно вошелъ Иванъ Никитичъ Ярыгинъ. Истово прекрестившись въ передній уголъ, онъ расправилъ на обѣ стороны свою благообразную кудреватую бородку и обратился къ хозяйкамъ.

— Здравствуйте, сударыни! Все-ли въ добромъ здоровьи? заговорилъ онъ мягко, какъ-то особенно моргая своими лисьиими глазками.

— Слава Богу, живемъ! отвѣчала бабка. Она была съ горя немного выпивши.

— Такъ-съ. Отъ Никандра Василича вѣсточка нѣту?

— Нѣту все. Богъ знаетъ гдѣ онъ и находится!

— Гм., гм... откашлялся Иванъ Никитичъ. — А я, сударыня, къ вамъ по дѣлу. Нельзя-ли вамъ избу-то нашу очистить... то есть, квартиру себѣ другую прискатать?

— Что это вы, Иванъ Никитичъ? не сразу отвѣтила ошеломленная бабка. — Или мы вамъ чѣмъ досадили? Кажись, жили въ согласіи, — и вдругъ...

— Помилуй Господи! послѣдшне возразилъ Ярыгинъ. — Вѣ чѣмъ-же! Слава Богу, мы вами довольны... А потому единственно, какъ сына мы ведумали женить, то теперича тѣловато будетъ. Для молодыхъ надоть попросторнѣй.

— Бога ты не боишься, Иванъ Никитичъ! закричала бабка. — Эдакіе холода стоятъ, — куда мы теперь дѣнемся? У насъ больная лежитъ...

— А ужъ это куда угодно. Намъ самимъ изба нужна...

Бабка осердилась и принялась браниться... «Завнался

Иванъ Никитичъ... въ купцы мѣтить... форсу-то надо поспшибить!..» Лисьи глаза старика блеснули.

— Нечего кричать-то! сухо вымолвилъ онъ. — Хоша раскричитесь — намъ васъ на фатерѣ держать не приходится. У насъ все честно, благородно, у насъ парни молодые... а ваша внучка, не въ обиду будь сказано, извѣстно... Такъ ужь ослобоните фатеру-то... невѣсту беремъ хорошую, такъ ужь несподручно вамъ оставаться здѣсь...

— Ахъ ты мужикъ эдакій! заголосили обѣ разомъ, — и бабка, и Софья Петровна. — Да вотъ Никандръ Васильевичъ ужь прѣдетъ, онъ тебѣ...

— А мнѣ что вашъ Никандръ Васильевичъ! уже совсѣмъ грубо перебилъ старикъ. — Наплевать мнѣ на него. Такой-же прощальга... хуже насъ мужиковъ... А что ваша это... съ мнѣ Тинюфеемъ гуляла, — такъ это тоже достаточно извѣстно. Нищѣ эдакіе, — пропойцы... туда-же... Духу чтобы вашего здѣсь не было... Право-слово — пропойцы!.. выругался онъ уже на порогъ и что есть силы хлопнулъ за собой дверью.

По его уходѣ поднялась цѣлая буря. Разумѣется вся эта буря обрушилась главнымъ образомъ на Вѣру, и будь она здорова, — дѣло не обошлось-бы безъ скандала. Но она ничего этого, къ счастью своему, не слыхала и попрежнему металась на лавкѣ подъ шубой, произнося то проклятыя, то мольбы...

— Дожили! кричала бабка, разбрасывая по избѣ тряпье и посуду. — Вотъ они, внучки-то любезныя... на всю губернію осрамили! И въ кого эдакія непутевыя уродились... Смотри ты у меня! вдругъ обрушилась она на ни въ чемъ неповинную Нину. — Вотъ и ты съ своимъ учителемъ досидишься...

Началось укладыванье... Вечеромъ, ни съ того, ни съ сего, въ избу забѣжала юркая ярыгинская невѣстка. Она чего-то пошныряла глазами по угламъ, заглянула даже подъ лавку и опять умчалась.

На утро, когда въ окно чуть-чуть забрезжилъ блѣдный рассвѣтъ и въ печи уже ярко пылала солома, извиваясь огненными звѣнками, — въ избу опять кто-то вошелъ, осторожно отворивъ дверью, и молча остановился у порога.

— Кто тамъ? опросила бабка, крошившая на столѣ кар-

— Это я, бабушка... робко отозвался вошедшій.

Бабка узнала голос Тимохи и, свирѣпо швырнувъ картошку въ горшокъ, обернулась.

— И чего вы шляется, чего выглядываете, вихорь васъ унеси! закричала она.—Такъ и дѣзутъ, такъ и шныряютъ. Небось избу вашу съ собой не унесемъ,—дѣла будетъ...

— Я не за тѣмъ, бабушка... съ тоской вымолвилъ Тимофей, судорожно комкая въ рукахъ свою шапку.—Я насчетъ того... какъ, то есть, здорове... Вѣры Никандровны... съ услѣемъ договорилъ онъ.

Лицо его было блѣдно, кудрявые волосы свалились, словно были давно нечесаны, глаза ввалились и потускнѣли. Онъ былъ жалокъ.

— Убирайтесь вы!.. раздраженно воскликнула старуха. Нечего по чужимъ дѣвкамъ шляться, коли жениться задумалъ. Своючъ эдакая, прости ты меня Господи. Опозорять дѣвку, да еще насмѣхаются... Уйди, говорятъ! А то вотъ возьму вечергу, да въ безстыжіе глаза-то и уткну...

Тимофей поблѣднѣлъ еще больше и, пошатываясь, вышелъ вонъ.

Къ Михайлову дню землѣрова семья перебралась на новую квартиру, къ вдовой пономарихѣ. Эта квартира была хотя и просторнѣй прежней, но за то тутъ-же за досчатой перегородкой помѣщалась и сама пономариха съ тремя дѣтятишками малъ-мала меньше, которые постоянно пищали, дрались и никому не давали покоя своими шалостями. А недѣли черезъ двѣ населеніе избы увеличилось еще однимъ членомъ,—отелилась корова, и за перегородкой появился новорожденный теленокъ, совсѣмъ еще голый, на тоненькихъ, колеблющихся ножкахъ, съ мокрой, розовой мордочкой и глупыми синими глазами. Иногда ребятишки принимались его тормошить, и телокъ благимъ матомъ оралъ на всю избу; пономариха начинала тузить дѣтей; дѣти подымали ревъ,—дымъ шелъ коромысломъ... Къ этимъ неудобствамъ присоединялись еще и дѣтскія. Печь была общая, и потому между пономарихой и бабушкой чуть не ежедневно происходили баталіи изъ за ухватовъ и горшковъ, тѣмъ болѣе, что и пономариха иногда не прочь была клюкнуть и часто находилась въ чрезчуръ возбужденномъ состояніи. Сначала все это очень беспокоило новожильцовъ, но потомъ мало-по-малу они примирились съ новою обстановкой и зажили по старому.

А Вѣра все еще не поправлялась. Повременамъ она приходила въ себя и едва слышно просила напиться, потомъ опять впадала въ забытье, окруженная страшными видѣньями и призраками. То чудилось ей, что она въ гробу лежитъ и ее заколачиваютъ... Тысячи молотковъ стучать по крышкѣ, и этотъ оглушительный стукъ болѣзненно отзывается въ каждой жилкѣ ея больного тѣла. Она слышитъ лязгъ гвоздей... хочетъ вернуться — и не можетъ. Тѣсно, темно, холодно... Кровь стынетъ въ жилахъ... Но вотъ вдругъ гдѣ-то вдали блеснула яркая искорка... вотъ она растеть и приближается.. не одна, — много искръ. Онѣ сыплются кругомъ, трещать, сверкаютъ, — и все кругомъ сразу охватывается пламенемъ. Громадные красные языки бѣгутъ, растутъ, лижутъ ея платье. Она вся въ огнѣ, — а пошевелиться не можетъ, словно скованная...

— Горю, горю!.. лепетала она въ страшной тоскѣ, разметавшись на постели.

Нина со слезами на глазахъ мочить еѣ голову ледяной водой. А за перегородкой беззаботно возятся ребятишки, и дѣтскій голось назойливо и капризно тянетъ: «мама, а, мама, каши дай... Да-а-й каши, мама... А, мама!»

Наковецъ Вѣрѣ стало совсѣмъ плохо. Разъ ночью Нина вскочила въ ужасъ и перебудила весь домъ. Вѣра лежала вся холодная, съ открытыми, неподвижными глазами. Рубашка на ея груди чуть подымалась, губы почернѣли и запеклись.

— Да она кончается, родимые! заголосила пономариха и бросилась къ попу.

Проснулись дѣти и заплакали; разбуженный суматохой теленокъ замычалъ подъ лавкой. Пришелъ о. Квинтилянъ; Вѣру соборовали и причастили. Нина вся тряслась, какъ въ лихорадкѣ, и плакала; пономариха суетливо клала земные поклоны.

Всю ночь не спали въ пономарихиной избѣ. Предъ образами загла лампадка, бросая слабый отблескъ на блѣдное лицо Вѣры; старухи шептались въ углу; Нина тихонько всхлипывала, безпрестанно прикладывая руку къ груди сестры. Сердце еще билось...

На утро пришла Настасья Филипповна и велѣла растирать больную холодной водой. «Это иногда помогаетъ»... выговорила она своимъ тихимъ голосомъ, — и всѣ повеселѣли. Потомъ пришелъ изъ училища Сергѣй Васильевичъ и, поглядѣвъ на Вѣру, покачалъ головой.

— М-да! промычалъ онъ сквозь зубы и задумался.

Шумить и блещеть огнями ярыгинская изба. — Подъ окнами цѣлая гурьба народа шумить, смѣется, перебранивается. Здѣсь и мальчишки въ рваныхъ материнныхъ кацавейкахъ, и веселые парни, подъ шумокъ заигрывающіе съ хохочущими на всю улицу дѣвками, и досужія бабы съ младенцами за пазухой, и старыя сторбленныя старухи съ клюками, въ бѣлыхъ старинныхъ шушпанахъ съ красной оторочкой.

Всѣ собрались поглазѣть на богатую свадьбу и наперобой лгнуть къ запотѣвшимъ окошкамъ. У воротъ стоитъ нѣсколько троекъ, запряженныхъ въ большія сани съ цвѣтными войлоками. Въ лошадиные хвосты и гривы вилетены пучки яркихъ лентъ; подъ росписными дугами побрякиваютъ колокольцы и бубенчики. Ярыгинъ совсѣмъ по-купечески задумалъ свадьбу сыграть...

— Дѣвушки, а, дѣвушки, пріѣхала что-ль невѣста-то? слышится въ толпѣ подѣ окномъ.

— А кто-е-знаетъ, — не видать еще... Да что ты, идола, привязался, на тотъ-те свѣтъ! — Слышится оглушительная пощечина. Подымается дружный хохотъ, старухи ворчатъ.

— Охъ, непутевыя, непутевыя, горюшка вамъ нѣту... Отколѣ невѣста-то взята?

— Изъ Рѣпина, слышь, — рѣпинскаго кабатчика дочка... Богатая, говорятъ, страсть...

— Тамъ столько приданого, — и не приведи Господи! тянетъ чей-то жалобный голосъ.

— Тыщу рубливъ деньгами... хриплымъ шепотомъ сообщаетъ одна клюка другой.

Лошади нетерпѣливо роютъ ногами снѣгъ; колокольчики звенятъ...

Въ избѣ идетъ суматоха. Нѣсколько бабъ накрываютъ столы пестрыми скатертями; дружка, молоденькій паренекъ, прикащикъ изъ Крутояра, суетится около нихъ съ острогами и прибаутками. Иванъ Никитичъ, озабоченный, ходитъ по избѣ, въ новой, съ иголочки поддевкѣ, съ приглаженной головой, и оглядываетъ всѣ углы. «Какъ-бы не осрамиться передъ новой родней... въ грязь лицомъ не ударить. Какъ у людѣ, такъ чтобы и у насъ... по настоящему, а не по свински».

— Мотыка! зоветь онъ младшаго сына, шустраго подростка лѣтъ четырнадцати.

— Чего изволите! подбѣгаетъ Мотья. Онъ почти выросъ за кабацкой стойкой, а потому въ совершенствѣ усвоилъ себѣ всѣ торгашескія манеры.

— Поди-ка, погляди, не ѣдетъ-ли невѣста. Да образъ, смотри, не позабудь...

За перегородкой, у стола, склонившись головой на руки, сидитъ Тимофей. Губы его беззвучно шевелятся, глаза бессмысленно устремлены въ пространство. Передъ нимъ неотступно стоитъ блѣдный обликъ Вѣры съ уворомъ въ большихъ суровыхъ глазахъ. Тимофей и глаза закрываетъ, и головой встряхиваетъ, — а блѣдный призракъ тутъ какъ тутъ и не отходить прочь. Въ ушахъ — голосъ Вѣры, на губахъ — ея цѣлуй...

«Господи, какъ я на *эту* глядѣть буду, какъ съ ней жить стану?..» гвоздемъ сидитъ въ головѣ одна неотвязная мысль.

— Свадьба! шепчетъ Тимоха. А Вѣрка помираетъ... Можетъ, ужъ и померла, — давеча, сказывали, больно плоха была. Вань я, — Вань и есть... Вѣрушка, родимая... Охъ, тошно...

Тимофей вскакиваетъ съ лавки. Куда-бы дѣться отъ этой мучительной тоски, какъ-бы позабыться? Заглянулъ въ избу, — тамъ огни, столы, веселыя лица... Свадьба! На улицу вышелъ, — народъ шумитъ, свадьбу пришелъ глядѣть; лошади фыркаютъ у воротъ, — скоро въ церковь ѣхать. У Тимофея на лбу выступилъ холодный потъ, руки и ноги дрожали.

— Батюшка, хрипло выговорилъ онъ, входя въ избу и останавливаясь передъ отцемъ.

— Тимофей! прикрикнулъ Иванъ Никитичъ. — Сказано не дѣть...

Тимофей опять ушелъ за перегородку и почти безъ чувствъ опустился на лавку.

— Ваня... позвалъ онъ молоденькаго дружку. — Ты-бы мнѣ говорю... а тебѣ наказывалъ...

— Ваня-то? Да вѣдь грѣхъ! шепотомъ отвѣчалъ дружка, оглядываясь на дверь. Его свѣжее, розовое лицо блѣднѣло и сіяло.

— Ну... ну... вымолвилъ Тимоха, махнувъ рукой. — Она и свадьба-то непутевая...

— Ну, ладно, для храбрости надо выпить. Ступай... въ избу за ящикомъ, въ сѣнѣ... цѣлая косушка... на ходу выпилъ онъ и исчезъ снова въ освѣщенной избѣ...

— Ъдутъ, ъдутъ! закричали въ толпѣ зрителей, и народъ толкая другъ друга, кинулся къ воротамъ. Слышался визгъ, смѣхъ, веселая брань.

Женихъ, боаре и поѣзжане съ глубокимъ говоромъ усаживались въ сани. Колокольчики переливались, лошади мотали головами. Усѣлись. Главный дружка, съ перевязаннымъ чѣмъ плечо бѣлымъ расшитымъ полотенцемъ, забѣжалъ впередъ и шадами и, переломивъ надъ головою палку, высоко отбросилъ обломки въ обѣ стороны... Кто-то свистнулъ, — лошади рванулись и полетѣли.

Церковь уже горѣла огнями и кипѣла народомъ. Батюшка облачался въ алтарь въ парадную ризу съ лиловыми цвѣтами, дьячокъ на клиросѣ откашлялся и въ полголоса напевалъ: «И возвеселится царь»... Невѣста уже стояла у алтаря, въ атласной шубѣ съ большимъ платномъ на головѣ. Она была очень недуренькая, съ выдернутымъ носикомъ, алми губками и свѣтлыми рыжеватыми волосами, завитыми «ш модѣ», напереди. Когда она сбросила съ себя шубу и платокъ, — на головѣ оказались бѣлые цвѣты съ вуалью, а подъ шубой — пышное голубое платье съ бантами и кружевами.

Въ толпѣ зашевелились, — явился женихъ и, блѣдный, сталъ рядомъ съ невѣстой. На его измученное лицо страшно было смотрѣть. Обрядъ начался...

— Не обѣщались-ли еси другому? таинственнымъ шепотомъ спрашивалъ батюшка невѣсту, глядя на ея голубое платье.

— Нѣтъ... стыдливо шепнула та, стараясь незамѣтнымъ образомъ поправить бантикъ.

— Не обѣщались-ли еси другой? также торопливо и таинственно спросилъ батюшка жениха.

Тимошка страдальчески взглянулъ на батюшку и зашепталъ, было, губами. Но вмѣсто отвѣта поперхнулся, зашмыгался и только тряхнулъ головой...

Свадьбу играли дня три, пока всего не выпили и не ѣли. Пиръ былъ на славу. Съ утра до ночи тройки въ тахъ скакали по селу, а на тройкахъ сидѣли прыжки гости и, горлая что есть мочи пѣсни, поливали землю водой. Алмазовцы цѣлую недѣлю толковали объ этой знаменитой свадьбѣ. Перечислялось подробно приданое невѣсты, вспоминались разные интересныя подробности вѣнчанья, перекор-

важно отомъ, сколько вина было выпито, кто съ кѣмъ по-
драли. Между прочимъ, рассказывали еще и то, что будто-бы
какаунъ свадьбы самъ увелъ жениха въ чуланъ и тамъ
ототеръ его за что-то ремешной плетью, такъ что подъ вѣн-
цомъ женикъ стоялъ самъ не свой и все отворачивался отъ
невесты.

— Какъ рубашка бѣлая... рассказывала Лувиначнѣ поно-
марка. — Невѣста-то стоитъ вся какъ есть въ цвѣтахъ, ровно
нарисованная, а онъ на нее и не глянетъ. И не гля-я-нетъ,
родимы ты моя! О. Квинтиліанъ ему говорить: «поцѣлуйтесь
съ сурогой-то», — а онъ ветаращилъ глаза, да и стоитъ,
слова и не слышитъ... А послѣ вѣнца-то, говорятъ, такъ
напелстали, что его на рукахъ вынесли на постелю...

Молодые поселились въ той самой избѣ, гдѣ жила когда-то
землемѣрова семья, и, вмѣсто черноглазой Вѣры, думавшей
здѣсь, бывало, свои савѣтныя думы, ноу окномъ теперь си-
дѣла «нарисованная» дочка рѣвническаго кабатчика и, шелкая
оубки, по цѣлымъ днямъ распѣвала о томъ, какъ

Этотъ самый милый мой,
Я офицерикъ молодой,
Вѣтъ мазурочку танцуетъ.
Грохко шпорами звенить...

Глава XVII.

Сестры.

Въ то время, какъ Иванъ Никитичъ праздновалъ свадьбу
своего сына, поливая алмазовскія улицы водою, на селѣ
сидѣла тифъ и пошелъ ходить изъ избы въ избы. Приѣзжалъ
докторъ, заглянулъ въ два-три дома, приказалъ вы-
нести изъ избы телятъ, ягнятъ, поросятъ, отравлявшихъ воз-
духъ, и уѣхалъ. Телятъ выбросили, но тифъ отъ того не унялся.
Чуть не каждый день надъ селомъ гудѣлъ злобщій похо-
дъ. Перезвонъ и по улицѣ неторопливо двигалась печаль-
ная процессія. Въ серединѣ медленно колыхался бѣлый дос-
пиробъ; по сторонамъ, поддерживая концы бѣлыхъ поло-
вни степенно мужики, безъ шапокъ, съ подвязанными
рукама за гробомъ плелись старухи, голосила вдова, бѣжали
дѣтныя ребятнишки...
Землемѣрову квартиру заглянула новая бѣда: баба...

тоже слегла въ ознобъ и жару. Къ довершенію несчастья, деньги всѣ вышли, а отъ Никандра Васильевича не было никакихъ вѣстей. Нина совсѣмъ растерялась, и если-бы не Настасья Филипповна, помогавшая ей деньгами и часто вѣщавшая ихъ квартиру, — она сама непременно-бы захворала.

Въ одинъ изъ тусклыхъ ноябрьскихъ дней Вѣра очнулась. Открыла глаза, попробовала, было, поднять голову и застонала. Голова была совсѣмъ какъ пустая; руки не подымались, такъ будто не чувлось.

— Кто здѣсь... Нинка, ты? едва слышно выговорила она, не видя, но чувствуя, что около нея кто-то шевелится.

— Я, я; ты лежи ужь, не вставай! наклонилась надъ нею Нина, обрадованная, что сестра наконецъ заговорила.

Вѣра помолчала, снова, было, сдѣлала попытку двинуться — и снова застонала.

— Давно я хвораю-то? спросила она еще тише, съ усиленнымъ повернувъ голову къ свѣту.

— Давно, Вѣрка! Скоро ужь мѣсяць будетъ.

— О, Господи! простонала больная. — А будто вчера легла.

Она замолчала, стараясь что-то припомнить, сообразить и устремивъ неподвижный взглядъ въ пространство. Въ окна глядѣла бѣлая зима; на дворѣ выла вьюга. Но Вѣра такъ ничего и не могла припомнить и заснула — безъ мыслей, безъ видѣній, крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

Къ вечеру она проснулась и долго лежала молча, широко открывъ глаза. Ей было совсѣмъ легко; боли нигдѣ не чувствовалось, только пошевелиться никакъ было нельзя. Наконецъ ей надоѣло такъ лежать, — она крикнула Нину.

— Нинка, поѣсть-бы чегонибудь... прошептала она, стараясь сквозь сумерки взглянуть въ лицо сестры.

— Чего-жъ тебѣ? весело спрашивала Нина. — Щи съ курятиной ѣсть, — а то, можетъ, лапшу...

Вѣра сердито замотала головой.

— Кислаго чего-нибудь... соленаго... выговорила она.

Нина забѣгала по избѣ, накинута на себя платки, по сугробамъ помчалась къ Настасьѣ Филипповнѣ. Ноги по колѣна вязли въ рыхломъ снѣгу, въ лицо сыпался матовый вѣтеръ пронизывавъ насквозь вся тѣло, но она этого не чувствовала. Ей было ужасно весело!.. «Ну, слава Богу... Вѣра выздоровѣла...» вертѣлось у нея въ головѣ.

Через полчаса она явилась вся засыпанная снѣгомъ, но радостная, съ большой деревянной чашкой моченыхъ яблокъ, вишень и терну. Вѣра съѣла ягодки двѣ-три и снова погрузилась въ тихій безмятежный сонъ.

Ее разбудилъ какой-то стукъ и говоръ. Уже разсвѣтало; Нина топила печь и страшно стучала горшками. Мать возилась у стола и ворчала на Нину; откуда-то доносился слабый жалобный стонъ. Вѣра съ усиленіемъ перевернулась къ свѣту и оглядѣла избу. Совсѣмъ что-то не та изба... Гдѣ же это она находится и не начинается-ли у нея снова бредъ? Надо спросить Нину...

На ее зовъ Нина явилась съ засученными рукавами, вся въ саги и муѣ.

— Проснулась? спрашивала она, улыбаясь. — Чайку хочешь? съ вареньемъ?

Вѣра кинула головой. Нина принесла чаю и принялась поить сестру съ ложечки.

Вѣра медленно пила и разспрашивала.

— Что это, Нинка, изба-то чудная какая стала? Или мнѣ это отъ болѣзни мерещится?..

— А какъ же! отвѣчала Нина. — Вѣдь мы теперь у пономарки. Отъ Ярыгина мы съѣхали; какъ ты захворала, такъ и перебралась...

— Врешь! Отчего это съѣхали-то?

— Да гдѣ Тимошку-то женили, такъ тамъ теперь молодые живутъ.

— Молодые... протянула Вѣра и безучастно уставила свои, слѣзавшіеся отъ болѣзни еще больше, глаза въ потолокъ.

Вѣра сущности извѣстіе это ее ничуть не тронуло. Прошлое ея жизни его невзгодами будто ушло куда-то, а теперь такъ само, спокойно было лежать въ теплой постелѣ. Ни о чемъ не думалось, ничего не хотѣлось, легко, хорошо чувствовалось...

Нинка! черезъ минуту молчанія сказала она. — Да поди сюда, сядь... Сиди около меня, давай разговаривать. Ну, скажи мнѣ чтонибудь... Кто это тамъ стонетъ?

Нинка тоже что-то захворала. По селу тифъ ходитъ, какъ народъ валомъ и валитъ. Бондрапкина жена вче...

— И у меня, значить, тифъ былъ?

— Тифъ. Мы страсть боялись, такъ и думали: помрешь! Разъ я всю ночь напролетъ не спала... Тутъ это суетятся, за попомъ послали, плачутъ, охаютъ, а ты лежишь и не днешь, да холодная... Такъ и думали—конецъ! Спасибо Настасья Филипповна зашла,—«оттирайте, говорить, ее». Я и шмянулась... Растираю,—а сама реву, ажъ не вижу ничего. Гидъ, а ты дышешь... Такъ и отходили!

Вѣра слушала молча, потомъ повернулась на подушкѣ, смявшись взглянуть на сестру.

— Нинка... выговорила она, и въ голосъ ея зазвучала обычная нѣжность и ласка.—Поди ко мнѣ поближе... нагнись, я на тебя поглядѣть хочу. Да ближе! нетерпѣливо крикнула она.

Нина улыбалась во весь ротъ, стоя передъ ней.

— Такъ вотъ ты какая... медленно говорила Вѣра, оглядывая сестру. На глазахъ у нея блеснули слезы.—Ну подлуй меня, дура эдакая... вотъ такъ! Ахъ, Нинка, да вѣдь ты совсѣмъ большая стала! воскликнула она, когда онѣ поцѣловались.—Совсѣмъ, совсѣмъ большая... И когда это ты такъ выросла? а?

— Все тогда-же, отвѣчала Нина и добродушно разсмѣялась.

— Да ты не смѣйся! разсердилась Вѣра. — Я правду говорю. Я совсѣмъ не замѣчала, какъ ты растешь. Думала,—ты все такая-же, какъ была; анъ нѣтъ,—большая...

Она еще разъ внимательно взглянула на сестру. Предъ нею дѣйствительно стояла другая Нина. Это была не та худенькая, бѣлокурая дѣвочка съ вопросительнымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, ковылявшая, бывало, по переулку съ лепешкой въ рукахъ, а высокая, здоровая, статная дѣвушка. Густыя русыя косы были гладко зачесаны назадъ и скрывались подъ темнымъ платочкомъ, низко надвинутымъ на лобъ; большіе, темные сѣрые глаза смотрѣли прямо, рѣшительно и нѣсколько задумчиво. Не красавица Нина, но эта необычайная ласковость и доброта, разлитыя на ея личикѣ, эта улыбка съ ямочками на щекахъ, наконецъ эти свѣтлые умные глаза—дѣлали ее высшей степени привлекательною, и не даромъ въ первый разъ учитель назвалъ ее хорошенькою.

— И когда, когда ты эдакъ выросла? повторяла Вѣра; не

своди съ нея изумленнаго взгляда, и вдругъ неожиданно прибавила: — Слушай, да вѣдь тебя скоро сватать будутъ... Ей Богу! Пойдешь?

— Что! захохотала Нина еще веселѣе. — Замужъ? Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Выйдешь замужъ, будешь мужа любить, дѣтей. Неужели, Нинка, ты никого не любишь? Вотъ, напримѣръ, учителя своего черномазаго... а?

Нина отрицательно покачала головой. Она вдругъ перестала сѣяться и, облокотившись рукой на изголовье Вѣры, серьезно глядѣла ей въ лицо.

— Не можетъ быть! воскликнула та. — Не можетъ быть, чтобы ты никого не любила...

— Нѣтъ, я люблю... выговорила наконецъ Нина серьезно.

— Кого-же? нетерпѣливо спросила Вѣра, съ любопытствомъ глядя на нее.

— Всѣхъ... отвѣчала Нина, и ея глаза засвѣтились.

Вѣра съ видомъ обманутаго ожиданія опустила на полужу.

Глава XVIII.

Андрюша.

Вѣра мало-по-малу поправлялась. Сначала она кое-какъ начала вставать и садиться, потомъ ходить по стѣнчкѣ, наконецъ съ палкой могла уже пройти по избѣ. И вмѣстѣ съ издоровленіемъ она снова становилась раздражительной и капризной. Нину она положительно загоняла, бранилась съ нею, сердилась, — потомъ, успокоившись, начинала опять разговаривать.

Лица она ужасно измѣнилась: волосы у нея всѣ выпали, глаза ввалились: и сама она сдѣлалась худенькая, блѣдная, чахлая:

— Господи, руки-то, руки-то какія! ужасалась она, подымавъ въ свѣтъ свои сухія, совсѣмъ прозрачныя руки съ ясно просвѣчивающими тоненькими синими жилками.

— Ничего, Вѣра! утѣшала ее Нина. — Вотъ, Богъ дастъ, поправься, — опять такая-же будешь.

Нина совсѣмъ съ ногъ сбилась послѣднее время. Бабка была очень плоха, и Нинѣ цѣлые дни и ночи приходилось

дежурить около нея. Она отдыхала только тогда, когда Вѣра начинала на нее ругаться.

— Нина, да посиди ты около меня! капризно топала она ногами. — Что тебѣ бабушка-то, лучше меня, что-ли? Ну, иди садись, давай говорить.

Нина шла на зовъ и покорно садилась около Вѣры.

— Скажи мнѣ, Нина, что Андриуша, тебѣ пишетъ теперь?

— Какже, — онъ часто пишетъ. Вотъ недавно прислалъ письмо.

— Ну-ка, прочти! приказывала Вѣра.

Нина поспѣшно начала рыться въ карманахъ, вытаскивая оттуда какіе-то клочки бумаги, пуговицы, тесемки. Разобравшись въ этомъ хлабѣ, она наконецъ отобрала пачку исписанныхъ крупнымъ почеркомъ листовъ почтовой бумаги.

— Вотъ, нашла, — слушай. «Скучно, Нина, мнѣ жить... Какъ ни грустна была наша жизнь въ Алмазовѣ, но, въ сравненіи съ тенерешней, я вспоминаю ее съ восторгомъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, я былъ съ тобой, а теперь совсѣмъ одинъ. Я часто плачу, Нина; у меня просто сердце разрывается, когда я вспомню тебя и нашъ милый Хоперь... Часто я выхожу на линію и смотрю вдаль, въ ожиданіи поѣзда. И знаешь, Нина, мнѣ кажется, — вдругъ какимъ-нибудь чудомъ я увижу тебя въ вагонѣ... И у меня даже сердце...»

— Нѣтъ, это не то! прервала Нина. — Это онъ еще давно писалъ. А вотъ другое...

«Нинка, кабы ты была со мною! — А теперь я пропадіи человѣкъ! Некому сказать мнѣ ласковаго слова, не съ кѣмъ тоску размыкать. Все мнѣ надоѣло. Товарищи мои, — ахъ, какіе это все жалкіе, несчастные люди! Но они совсѣмъ не такіе, съ какими хотѣлось-бы мнѣ жить, хоть я тоже несчастный. Они чужіе для меня. Они пьютъ, ругаются, смѣются, словно довольны своею участью. Къ начальству подслуживаются, сплетничаютъ, доносятъ, стараются подгадать другъ другу. Иногда я ихъ ненавижу, а иногда мнѣ жалко становится, но подружиться ни съ кѣмъ изъ нихъ я никакъ не могу...»

«Помнишь, Нина, какъ мы думали съ тобой устроить свою жизнь? Все это хорошо казалось, и вѣдь оба мы вѣрили, что все будетъ по нашему. А теперь...»

«Вѣдь я пью, Нинка! Нельзя не пить здѣсь. Больно ка-

оржная жизнь! Надо постоянно думать о томъ, чтобы своего гла не прозѣвать, надо тому услужить, тому поклониться, чтобы съ мѣста не прогнали. А когда я дежурнымъ бываю, — нѣ даже и вздохнуть некогда. Товарные поѣзда, звонки за звонками, бѣгаютъ, шумятъ, — а тутъ трещитъ и постукиваетъ ередь носомъ аппаратъ... Такъ, что когда придетъ чередъ отдохнуть — голова совсѣмъ пустая, — и хочется скорѣй заснуть, не вѣдать ничего! Ну, а выпьешь, — и легче станеть, и заснешь крѣпче. Просто одурѣешь отъ этой подлой жизни! Я, Нинка, даже думать разучился. Иногда, бываетъ, хочется мнѣ что-нибудь записать на память, — помнишь, какъ прежде? — и я не могу. Мыслей въ головѣ много соберется, — а на бумагѣ ничего не выходитъ. Сердце горитъ, въ голову точно молотками колотятъ, — кажется тысячу словъ сказалъ-бы въ минуту, — а на бумагѣ хоть-бы одно... Пойдешь, выпьешь, — и спать — чортъ, молъ, вась дери... Знаешь, Нина, мнѣ иной разъ думается, что у меня въ головѣ какой-нибудь винтъ сломался. — Это сказалъ однажды машинистъ. Въ паровозѣ винтъ сломался, — и паровозъ вдругъ, вмѣсто того, чтобы идти, — задвигался туда и сюда, потому — стопъ-машина! — остановился. Вѣрно и въ людяхъ такіе-же винты бываютъ; чуть что не такъ — и стала машина. Вотъ и я сталъ, — и куда пойду — не знаю. Что мнѣ дѣлать, Нина, — посоветуй. Вернуться къ вамъ, въ Алмазово? Да что-же тамъ дѣлать? Я такой-же неучъ, какъ и былъ, а вѣдь хлѣбъ добывать надо».

«И знаешь еще что, Нина? Какія мнѣ мысли въ голову приходять... Стоялъ я разъ, вечеромъ, на линіи, — поѣздъ подходить. Я глядѣлъ внизъ подъ колесо и думалъ: что если тамъ лечь, — вѣдь сразу сломаетъ и сомнетъ. И мнѣ вдругъ до того захотѣлось положить голову на рельсы... Но я вспомнилъ тебя, Нина, и остановился. Нина, вѣдь надо жить? Ты говоришь: «надо!» Но вѣдь *жить, жить*, — а я живу, что-ли?

«Ты мнѣ писала недавно, чтобы я копилъ деньги, и потомъ, подучившись, держалъ-бы экзаменъ на учителя, — я объ этомъ думалъ. И совсѣмъ этого невозможно сдѣлать: дрянъ и сталъ и въ учителя не гожусь. Одно мнѣ остается, — подъ рельсы...»

«Нина, прости меня, — я шучу. Вотъ видишь, — даже тебѣ письма не могу написать. Хочу все высказать, — а выходитъ это — наплевать...»

Нина кончила и, опустивъ письмо на колѣна, замочила Глаза ея были полны слезъ, губы дрожали. Вѣра лежала, хмуривъ брови, но не плакала, — только грудь ея высоко подымалась.

— Изгадили парня... выговорила она наконецъ съ зубы.

Спустя недѣлю или болѣе послѣ чтенія послѣдняго письма Андрюши, Нина ворвалась въ избу съ страшнымъ шумомъ.

— Вѣра, Вѣра! кричала она, прыгая и махая руками. — Андрюша пріѣдетъ... на недѣлю... я сейчасъ письмо получила...

— Пріѣдетъ? обрадовалась и Вѣра. — Когда?

— Въ воскресенье пріѣдетъ. Его изъ Берендѣвки на Барамышъ переводятъ, вотъ онъ и хочетъ отпустить на недѣлю взять, чтобы съ нами повидаться. Ахъ, Вѣра, — какъ я рада, какъ рада, — Андрюша пріѣдетъ, пріѣ-ѣ-детъ! зашла и запригала она, снова куда-то исчезая.

Нина совсѣмъ захопоталась въ ожиданіи Андрюши. Она скребла, чистила, мыла, устраивала Андрюшѣ постель, поднимая по избѣ страшную пыль и суматоху. Дѣло не обошлось безъ ссоръ; особенно донимать Нину пономаринъ поросенокъ, который вѣчно совался куда его не спрашиваютъ и нѣсколько разъ покушался даже взобраться на Андрюшину постель. Нину это ужасно возмущало; она хватала и съ крикомъ изгоняла поросенка вонъ, по дорогѣ выкидывая горшки, разбивая посуду, задѣвая столы... Вѣра просто со смѣху умирала, глядя на эти сцены. Наконецъ всѣ приготовления были окончены, и Нина принялась ждать пріѣзда дорогого гостя. Теперь она по цѣлымъ днямъ сидѣла у окна, прислушиваясь — не зазвенитъ-ли колокольчикъ...

— Ёдетъ, ёдетъ! кричала она иногда, вскакивая и бросаясь на улицу.

Но колокольчикъ проносился мимо, и Нина снова возвращалась къ своему посту.

Въ назначенный день — Воскресенье — волненіе Нины стигло крайнихъ предѣловъ. Она цѣлый день простояла воротами, тревожно вглядываясь въ каждую точку, движущуюся по улицѣ, — Андрюши не было. Вотъ уже и сме...

лось; на небо выплылъ блѣдный мѣсяцъ; въ избахъ замелькали огни, праздничныя пѣсни смолкли, надъ селомъ легла мирная тишина. Нина, прозябшая и грустная, вернулась въ избу.

— Не прѣхаль! объявила она огорченно.—Либо отпуска не дали.

Но въ понедѣльникъ, когда Нина уже и ждать перестала, — Андриюша прѣхаль. Въ избѣ только-что пообѣдали, и Нина усѣлась у окна съ какимъ-то вязаньемъ, когда гдѣ-то далеко на селѣ послышались переливы колокольчика. Нина по привычѣ издрогнула было и сдѣлала движеніе, но удержалась и продолжала повязкивать спицами.

— Нина, бѣги! Андриюша ѣдетъ... пошутила Вѣра съ печи.

— Нѣтъ, теперь не обманешь! покачала головой Нина.

Между тѣмъ колокольчикъ звенѣлъ все ближе и ближе... Вотъ онъ уже, слышно, поровнялся съ кабакомъ... вотъ у Федосѣевыхъ березокъ... вотъ звякнулъ подъ самыми окнами — и остановился. Нина, все еще не довѣряя, но съ бьющимся сердцемъ, выгнула въ окно.

— Батюшки, — онъ! крикнула она. Чулокъ полетѣлъ на полъ, и Нина почти безъ памяти кинулась навстрѣчу брату. Вѣра, согрѣвшаяся было на печи, тоже слѣзла и, съ пальцами въ рукахъ, стала медленно пробираться къ двери.

А въ этотъ въ это время происходила сцена. Нина стояла у двери, обхвативъ Андриюшу за шею, и то принималась тормошить, то припадала къ нему на грудь.

— Андриюшка, Андриюшка... твердила она, не давая ему дышать.

— Сдѣлай объятія и поцѣлуй... У обоихъ были на глазахъ слезы и въ то-же время оба смѣялись.

— Большущая-то какая... бормоталъ Андриюша, глядя Нину въ глаза.

— Когда Нина то начинала прыгать около него, то слова схватывала его за руку и тормозила.

Наконецъ ямщикъ напомнилъ имъ, что стоять холодновато и вѣшалось бы пойти въ избу.

— Господи! И вправду, чего-же мы здѣсь стоимъ-то? спомнился Андриюша. — Вѣдь эдакой морозъ на дворѣ, а ты въ пальто въ платишкѣ...

— Пойдемъ, пойдемъ! восклицала Нина, таща его за кафъ. — Тамъ Вѣра дожидается... Они побѣжали на крыльцо въ снѣгахъ снова остановились.

— Андрюшка! засмѣялась счастливая Нина. — Неужто Я не вѣрю! Ну-ка нагнись, — я погляжу... Андрюша, смѣясь нагнулся. Нина схватила его за уши и заглянула въ глаза.

— Ты, ты... Чудной! Большой! Ахъ, Андрюшка!

И оба они, всѣ въ снѣгу, съ замерзшими на рѣсницѣхъ слезинками, съ радостнымъ говоромъ, восклицаніями и смѣхомъ ворвались въ избу, распахнувъ двери настежь и внося съ собою свѣтъ и свѣжесть яркаго морознаго дня.

— Снимай шарфъ-то! суетилась Нина. — Дай, я снѣгъ-то страхну... Мамаина! Да гдѣ она? Самоваръ скорѣе... Господи, какіе! Не могутъ ничего сдѣлать...

Нина и Андрюшѣ помогала раздѣваться, и самоваръ ставила. Налила въ него воды, хотѣла крышкой накрыть — и вдругъ опять вскочила и бросилась къ Андрюшѣ съ крышкой въ рукахъ.

— Андрюша, ну-ка я на тебя еще посмотрю... Вѣрка, да отойди... Еще успѣешь... Господи, а самоваръ-то?

Она побѣжала къ самовару заворачивать крышку, изъ котораго ручьемъ лилась вода.

Андрюша тѣмъ временемъ раздѣлся и, усѣвшись на лавкѣ, разговаривалъ съ Вѣрой. Онъ мало измѣнился за эти три года. только ростомъ сталъ выше, да сильно похудѣлъ. Лице его сохранило прежнее дѣтское, довѣрчиво-ласковое выраженіе, только когда онъ задумывался, — въ немъ появлялось новая черта, — словно ему было мучительно-больно, и онъ старался скрыть ото всѣхъ эту страшную боль... Глаза у него были такіе-же свѣтлые, большіе, какъ у Нины, и такой-же большою бѣлымъ лобъ. И смѣялся онъ такъ-же, какъ она, — задумчивымъ, необычайно заразительнымъ смѣхомъ.

Но въ настоящую минуту онъ не смѣялся и, даже не отрываясь на какой-то вопросъ Вѣры, сидѣлъ молча, нахмурившись и машинально барабанилъ пальцами по столу. Глаза потемнѣли и остановились, губы были судорожно сжаты...

— Скверно, значить? повторила Вѣра вопросъ.

— А? очнулся Андрюша. — Ты что? Нѣтъ, Вѣрка, погоди... Давай лучше послѣ объ этомъ...

Прибѣжала изъ лавки Нина, — самоваръ вскипѣлъ. По

и явилась откуда-то Софья Петровна и расчувствовалась, идёвъ сына.

— Нина, вымолвилъ Андрей какъ-то нерѣшительно, вы-
въ одинъ стаканъ чаю.—А водочки? Можно?..

Нина не сразу отвѣтила. Она вся измѣнилась въ лицѣ и
покурила голову.

— Развѣ ты... все еще пьешь? выговорила она едва
слышно, не глядя на брата.

— Я только съ дорожъ, Нинка! смущенно отвѣчалъ Анд-
рей. — Я послѣ твоего письма въ ротъ не бралъ... А вотъ
теперь опять, въ дорогѣ-то, началъ.

На минуточку воцарилось неловкое молчаніе. Веселость Нины
оцѣмъ пропала. Румянецъ исчезъ съ ея лица, ямочки про-
пали, и вся она какъ-то съежилась и приуныла. Потомъ мол-
ва встала съ мѣста, погребѣла у шкафа ключами и вышла.

Черезъ полчаса на столѣ стоялъ полштофъ водки.
Андрюша дрожащими руками налилъ себѣ одну рюмку за
кругой, выпилъ — и охмѣлѣлъ. Глаза его заблестѣли, на блѣд-
номъ лицѣ выступили пятна, голосъ сдѣлался рѣзко, движе-
нія порывисты.

— Мамаша! Выпейте, что-ли, и вы! обратился онъ къ ма-
тери, съ которой передъ тѣмъ не выговорилъ ни одного слова.

— Ну, что ты! ошнфузилась Софья Петровна. — Пей
самъ-то!

— Я-то пью, слава Богу! какъ-то особенно рѣзко выго-
ворилъ Андрей. — А вотъ васъ-то надо поблагодарить. Жалко,
ты жьду, я-бы обоимъ заравъ поблагодарилъ. Какъ-же не
поблагодарить! еще рѣзче и желчнѣй продолжалъ онъ. — Родили,
сринули и на свѣтъ пустили. Ступай, молъ, шатайся, чортъ
матери! Шатайся по свѣту, по бѣлому, да насъ поминай...
Андрей налилъ еще рюмку и, сильно шатнувшись въ сто-
ну подошелъ къ матери.

— За ваше здорье! родительница! Спасибо, что уму-
разу науч... то бишь, безъ ума-разума оставили. На те,
матери, глядите, — хорошъ сынокъ? Радуйтесь! Легко, небось,
сринули? Такъ разорвите мнѣ нутро, да поглядите, что тамъ?
Легко еще легче станеть...

Голосъ его оборвался, губы подергивались, глаза налились
краснотой и приняли выраженіе тупой злобы. Нина сидѣла безъ
движенія въ лицѣ, съ ужасомъ глядя на брата; мать обидѣ-

лась и заплакала; у Вѣры на лицѣ вспыхнулъ густой румянецъ.

— Разорвите-же меня... Раскопайте нутро-то, кричѣлъ Андрюша. Прок...

— Андрюшка, да что ты... Оставь-же это!.. крикнула Нина, подбѣгая къ нему и хватая его за руку. — Андрюшка! Ну что это ты? Господи! со слезами въ голосѣ докочилъ она.

Андрей обернулся къ ней. Лицо его мгновенно просвѣлѣло, лобъ разгладился.

— Нинка, что ты, вѣдь я шучу... шучу... ласково и тихо говорилъ онъ, возвращаясь къ столу. — Ну... будетъ, не знай — глупости какия. Да ей-Богу... Я вотъ еще выпью... Изъ дороги только, Нинка, потомъ опять перестану.

Онъ выпилъ еще рюмки двѣ и какъ будто успокоился. Нина сидѣла все еще тяжело дыша, и по лицу ея катили слезы. Софья Петровна всхлипывала въ углу.

Мало-по-малу все опять настроилось на прежній ладъ. Завязались разговоры... Пошли отрывочные разспросы, какъ это бываетъ всегда послѣ долгой разлуки, въ первый минуту свиданья. Вѣра рассказывала, какъ ее сватали, представляла своихъ жениховъ; выдумывала про Нину разные неблизиды; Нина горячилась, возражая ей; Андрюша смѣялся. Всѣ, было, опять развеселились или старались казаться веселыми, хотя на сердцѣ у каждаго скребли кошки. И не даромъ...

Въ самой серединѣ интереснаго разговора Андрюша вдругъ пересталъ смѣяться и уставился глазами въ уголъ. Лицо его потемнѣло, губы искривились, и онъ изо всѣхъ силъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Да уйдите вы отсюда, Христа ради, видѣть я вѣдь не могу! обратился онъ къ матери. — Дьяволы... Искальчии, шародовали... Куда-же намъ дѣться-то, эдакимъ, куда идѣть? Нинка, да что ты, дурочка! пережѣвиль онъ тонъ, обращаясь къ плачущей сестрѣ. Полно тебѣ... Я выпилъ... Да, выпилъ вотъ и все. Я когда выпью — всегда такой. Нинка, подбѣгай... Страшный подлець!.. Я тебя обижаю, когда ты одна. Да что! Плюнь мнѣ въ рожу... плюнь, Нинка... Ударь! Ударь рошенько!..

Рѣчь его сдѣлалась безсвязна, онъ опустилъ голову на столъ и заплакалъ... Такъ и уснулъ на столѣ. Нина и Вѣра

не уголь и неглазис; вся радость свиданія была на этомъ эпизодомъ. Нина рыдала.

Господи! Какой! онъ сталъ-то! Совсѣмъ на прежнего шу не похожъ... Неужто это онъ всегда такъ? Вѣдь раньше-то! Какой, было, онъ пріѣхалъ веселій, коротакъ рада была, и вдрутъ...

Ну, подожди! утѣшала ее Вѣра, хмура брови. — Пускай идетъ, авось пройдетъ. Можетъ и правда, что это онъ былъ такъ охмѣлѣлъ.

Анна Петровна ушла къ пономарихѣ за перегородку и вѣрнула и жаловалась на свою горькую участь. — «Вотъ какой-то! Я на него больше всѣхъ надѣялась: вотъ, душенька старости лѣтъ корнелецъ будетъ, а онъ, какъ и перномазал, съ кулаками лѣзетъ... Жди отъ нихъ добра». На вечеру Андриуша проспался. Онъ всталъ сконфуженно и спросилъ прощенья у Нины и сказалъ, что «больше что не будетъ»!

— Вы къ чему давайте! просилъ онъ. — Хоть на колѣнахъ буду стоять, — не давайте, да и все! Мнѣ вѣдь вредно пить, а вы лѣтчикъ будете. Это мнѣ одинъ сказалъ... сердечный, разорвется — и шабантъ...

Нина была невесела, ходила большими шагами по избѣ и думала то за голову, то за грудь. Зажгли огонь; на столе закипѣлъ самоваръ. Нина сидѣла за стекломъ, зевала. Андриуша тоже присѣлъ къ самовару и мало-помалу заснулъ.

— Ну, налей мнѣ чайку, сестренка, теперь я много пью. Злая эта водка проклятая! Совсѣмъ мнѣ ее нельзя пить. Сталъ-то какъ будто ничего, — весело становитъ, — а потомъ въ голову, — въ глазахъ туманъ красный, сердце стучитъ — и ничего не помню... Ну, да чертъ съ ней, — лучше, какъ вы тутъ безъ меня поживали.

— Сталъ-то что говорить, вотъ ты лучше Расскажи! ска-

— Что я расскажу? Я вонъ Нинѣ все писалъ. Какъ только выйдю на станцію, — недѣлю цѣлую ревялъ. Днем ревелъ, а ночью, такъ и реву. Товарищи смеются... Да я и теперь часто... Чуть закрою глаза, такъ вижу въ глазахъ, Хоперь, лѣсь, соловьи... Смерть тянется. И какіе сны я каждую почти ночь вижу, — буд-

то мы съ Ниной выповнижь въ лѣсу вьремь. Жарко будити тихо въ лѣсу, трава высокая, густая, а цвѣтовъ-то, цвѣтѣ И сирень, и черемуха, и кашка, и липовникъ, — такъ и ожидали насъ со всѣхъ сторонъ. Мы кинемся одинъ вратъ, а другой еще лучше. А подь ногами жуконокъ шумитъ, мойка летаетъ... Одни крылышки золотые, а другіе — бледныя, тоненькіе, какъ паутинка. И хочу я ее все изловить.

Онъ задумался. Самоваръ тихо закипѣлъ; пламя свѣчки коптило и колебалось. По стѣнѣ бродили огромныя тѣни.

— Сколько разъ я эдакъ на дежурствѣ засыналь! черезъ минуту продолжалъ Андрюша. — Часы чикаютъ, — разъ-разъ-разъ-разъ... Артельщики храпятъ въ пассажирской, а ты сидишь въ телеграфной одинокъ. И не то задумываешься, не то заснешь, а съ аппарата лента тянется... Съ сосѣдней станціи донесена, — отъѣзда ждуть, а у тебя въ глазахъ мойки летаютъ. Ну, и прозѣваешь; очнешься, — стукъ по ключу — опшика! Выговорить-то, выговорить-то... Позапрошлое лѣто получше мнѣ стало. Познакомился я съ однимъ, — изъ Петербурга онъ къ намъ пріѣхалъ, студентъ, въ университетѣ учился. Пріѣхалъ — и поступилъ на желѣзную дорогу въ крестъ артельщики. Листъ у него какой-то былъ, его по этому листу и принимали. Цѣлое лѣто онъ у насъ жилъ. Вотъ человѣкъ былъ, Иншка! Душа! А ученый какой; — чего-чего не зналъ. Всѣ то мы кругомъ словно звѣри какіе, а онъ...

— Какъ-же ты съ нимъ познакомился? спросила Нина.

— Пилъ я въ это время шибко... Вотъ разъ на дежурствѣ напился, да и заснулъ, а тутъ какъ разъ служебная телеграмма. Пробѣгъ онъ, разбудилъ, — а то-бы прогнанъ. Потомъ и начали мы съ нимъ разговаривать. Зайдетъ онъ, бывало мнѣ, сидеть и смотреть. Я молчу, и самъ не знаю, чему мнѣ такъ отъ него совѣстно дѣлалось. Потомукъ онъ и спрашиваетъ: отчего вы, эдакій молоденькій, и водку пьете? Я тутъ не выдержалъ, — разревѣлся, какъ баба... Все ему сказалъ. Онъ эдакъ стоялъ, слушалъ. Потомукъ говоритъ: «те мнѣ свои записки прочесть». Забралъ у меня всѣ тетрадки. На друвой день повстрѣчались мы съ нимъ. Сидеть, говорить, и, скажу по совѣсти, — не годится вамъ и — совѣтъ не годится, и здѣсь оставаться — тоже: «спасите васъ есть, — большая сила... Уходите отсюда поскорѣе».

взвномился я съ нимъ, такъ совсѣмъ другой человекъ. Пить бросилъ, хожу неселый, и жду-не дождусь, когда встрѣчусь. Подолгу мы съ нимъ бесѣдовали. Забывало, ночью въ пустой товарный вагонъ, да и съговоримъ до свѣту...

на слухала, затанъ дыханіе, съ блестящимъ влажнымъ...

Читалъ онъ мнѣ, какъ прежде люди жили, какъ житеперь... Онъ, бывало, читаетъ, а я сижу, слушаю, — это мнѣ словно въявь представляется. Иной разъ позавъ, гдѣ и сидишь, — словно ты не въ вагонѣ товарномъ, а въ Греціи, въ Римѣ, въ дремучихъ лѣсахъ, на которыхъ теперь города настроены... И дотога забудь, что какъ нынѣ послѣ ходишь, — пошатываешься, и зазавъ туманъ стоитъ. Тебя зовутъ, — а ты и не слышишь... Много мы тутъ съ нимъ перечитали и переговорили; думаю я въ эту пору передумалъ. Вся-то жизнь человека отъ самаго начала и до теперешняго — вся, какъ передо мной раскрылась. И знаешь, Нинка, сколько было пролито, сколько люди другъ-другу перерѣзали, да, наконецъ, кое-какъ устроились. Не легко оно, счастье остается... Да какое счастье! Счастья-то и теперь ищутъ найдутъ, а хоть дикости-то этой поменьше стало. И до сихъ поръ, все мучаются, думаютъ, ищутъ — и все кониться не могутъ. И паровозы выдумали, и городовъ построили, и звѣзды на небѣ всѣ пересчитали, а до настоящаго все-таки не дошли.

онъ опустилъ голову на руки и тяжело перевелъ духъ.

Ну? шепнула Нина, не сводя съ него широко-открытыхъ глазъ своихъ.

А? очнулся Андрей послѣ своего раздумья. — Да... ну, выжились мы съ нимъ очень. Страсть я его полюбилъ. Былъ онъ его, — я весь истоскуюсь, бѣгаю самъ не свой по улицамъ, жду-не дождусь. А пришелъ, — я словно вновь на родинѣ. И вѣдь вотъ оказія, — почитай всѣ его такъ...

Стало дѣло къ осени подходить, — Алексѣй Петровичъ собирается. Я отъ него просто не отхожу и подумываю, — какъ мы тутъ безъ него останемся. Разъ онъ говоритъ: «Ну, Андрей, уѣду я скоро, да и тебѣ не

совѣтую здѣсь оставаться. Уходи отсюда, — тебѣ учиться у тебя талантъ есть. Человѣкомъ будешь, а не телеграфистомъ — Куда-же, говорю, уйти? Некуда и не на что. Видишь пропадать... А у самого слезы навертываются и губятъ.

Нина почти всю ночь не спала. Всѣ событія этого важнаго дня, — прїѣздъ брата, сцена его съ матерью, и разсказъ объ Алексѣѣ Петровичѣ — сильно потрясли ее и поразили ея чуткіе нервы. Образъ таинственнаго, но и будто близкаго ей, необыкновенно дорогого и знакомаго Алексѣя Петровича неотступно стоялъ передъ нею. Она видѣла его лицо, слышала его голосъ, — она какъ будто знакома встрѣчала гдѣ-то... И, по странной ассоціаціи представленій, рядомъ съ этимъ привлекательнымъ образомъ ей вспоминался и Сергій Васильевичъ. Почему именно онъ, — Нина не могла даже дать себѣ въ этомъ отчетъ, такъ какъ образъ Сергія появился — и сейчасъ-же снова исчезъ, ступавался въ глубины новыхъ, сильныхъ впечатлѣній.

В. Дмитриевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГУСЯТНИЦА.

Повѣсть Жана Роллана.

(Окоманіе).

VIII.

В замкѣ и на мельницѣ жизнь опять вошла въ обычную. Барышни погрузились въ заботы о своемъ приданомъ, и придумывалъ, какъ-бы половчѣе опутать мельника, Момъ, къ свою очередь, намѣревался при первой-же возможности перейти въ обладателя замка, Пьеръ мечталъ о Жаклинѣ. Все касаясь маленькой Жакетты, то врядъ-ли кто-нибудь бы въ состояніи разгадать ея мысли, такъ какъ опущенныя рѣсницы большею частью скрывали выраженіе ея глазъ. Тому-же въ послѣднее время у нея было не мало хлопотъ изъ-за Жакото, который вынесъ опасную болѣзнь. Патъ, востепенно сковывавшій его старыя члены, грозилъ отстраниться на мозгъ, но дѣвушка такъ нѣжно, такъ заботливо ухаживала за нимъ, что еще разъ спасла его отъ смерти.

Тотъ онъ опять медленнымъ, старческимъ шагомъ прошагалъ передъ домомъ, грѣясь на солнышкѣ, исхудалый, какъ будто пуце прежняго, какъ будто незамѣтно приближился къ землѣ, въ которой ему скоро придется спать вѣчно. Только въ глазахъ, по-прежнему живо глядѣвшихъ подъ рѣдкихъ короткихъ рѣсницъ, свѣтилось выраженіе удовольствія, когда дѣвушка подходила къ нему. Этотъ живой, пытливый, подозрительный взглядъ отъ времени до времени освѣщаль еще глубокія морщины неподвижнаго лица.

Пьеръ, которому часто случалось бродить возлѣ ихъ дома, инстинктивно чувствовалъ, что за нимъ слѣдять. Недовѣрчивый

взглядъ этихъ полупотухшихъ, старыхъ глазъ стѣснѣнъ и онъ въ смущеніи удалялся, внутренно досадуя на старика, который, какъ будто чуя опасность, вѣчно торчалъ въ качествѣ бдительнаго сторожа. Видя Пьера чуть не на другой день, онъ сталъ припоминать его физіономію, въ немъ медленно воскресало давно погасшее впечатлѣніе. Однажды онъ подоввалъ къ себѣ Жаклину и сказалъ своимъ разбитымъ болѣе, чѣмъ прежде, невнятнымъ голосомъ:

— Посмотри-ка, крошка, вѣдь это, кажется, твой возлюбленный?

Она вздрогнула, брови ея сдвинулись, и, нахмурившись, она отвѣтила:

— У меня нѣтъ и никогда не будетъ возлюбленнаго.

— Что-же ты, развѣ хуже другихъ?

— У бѣдныхъ дѣвушекъ нѣтъ возлюбленныхъ.

Рѣзко, почти грубо вымолвила она эти слова и отошла, прежде чѣмъ удивленный старикъ успѣлъ что-либо отвѣтить. Она вышла за ограду и пошла по дорогѣ, принимая нервнымъ, нетерпѣливымъ жестомъ складки своей юбки. Но не успѣла она отойти и ста шаговъ, какъ Пьеръ нагналъ ее. На этотъ разъ онъ рѣшился высказаться во что-бы то ни стало.

— Ты избѣгаешь меня, Жаклина.

Она подняла голову и посмотрѣла на него гордымъ, вызывающимъ взглядомъ.

— Какая-же у меня можетъ быть причина избѣгать тебя? Нѣсколько мгновеній оба молчали смущенные.

— Я боюсь, не оскорбилъ-ли тебя чѣмъ-нибудь.

— Развѣ такую нищую, какъ я, можно оскорбить!

— О, Жакетта, зачѣмъ-же ты это говоришь? Чѣмъ жилъ такое отношеніе съ твоей стороны?

Ей стало жаль его; она видимо сдѣлала усиліе, чтобы скрыть себя.

— Простите меня, Пьеръ; можетъ быть я несправедлива вамъ, но вы на меня не сердитесь; вѣдь мнѣ и самой тяжело. Мы очутились съ вами въ ложномъ положеніи; я виновата и страдаю отъ этого. Мы могли-бы по-прежнему другъ друга, если-бы вы однимъ словомъ не разрушили нашихъ дружескихъ отношеній. Что теперь подумаютъ обо мнѣ, какъ вы меня преслѣдуете. Поймите, что любовь молодыхъ

шимъ общественнымъ положеніемъ къ такой дѣвушкѣ, можетъ кончиться только стыдомъ для насъ обоихъ. Вы не дадите себѣ въ этомъ отчета, но я другого выхода насъ раздѣляетъ цѣлая пропасть.

говорила быстро, какъ будто негодуя на него, а онъ отрывкимъ, почти робкимъ тономъ:

— Если ты въ самомъ дѣлѣ думаешь то, что сейчасъ сказала, значитъ, я, самъ того не подозревая, дѣйствительно чѣмъ скорбиль тебя. Бываютъ минуты, когда человекъ не способенъ изъяснить каждое слово. Я такъ люблю тебя, что, когда бы тобою, то ни о чемъ другомъ и думать не способенъ, и забочусь о томъ, чтобы тебя успокоить.

— Не отвѣчала, утомившись бороться со своими собственными и невольно поддаваясь обаянью этого голоса, слышимыя звуки звучали такія нѣжныя ноты. А онъ, думая, что она не вѣритъ ему, старался говорить еще мягче, еще убѣдительнее.

— Не сумѣлъ выразить всего, что хотѣлось сказать, что ты поймешь меня и такъ, что между нами все по-прежнему, что мы все тѣ же дѣти, выросшие, и что разлука только временно отдалила насъ другъ отъ друга, но не измѣнила нашихъ отношеній.

— Остановился; она пристально глядѣла на большую квадратную площадку въ окрестностяхъ земли, на которой тощія виноградныя лозы обвивались вокругъ.

— Подошелъ къ ней ближе.

— Маленькая Жакетта, хочешь снова начать прежнюю жизнь будто между нами ничего не происходило съ тѣхъ поръ, какъ я жилъ въ городахъ, гдѣ меня учили всякимъ премудростямъ, которыя не шли мнѣ на умъ, (я только и думалъ, какъ бы о томъ, какъ мы опять съ тобою свидѣмся. Къ чему эта ученость? Вѣдь для того, чтобы быть счастливымъ, съ тобою этого не нужно?

— Все еще стояла отвернувшись, но уже не пыталась выдернуть руку, которую онъ схватилъ; продолжая говорить. — Помнишь, бывало еще ребенкомъ я такъ желалъ поскорѣе стать взрослымъ, чтобы защищать тебя? Ну вотъ, теперь я хочу, чтобы предложить тебѣ эту защиту. Я уже сказалъ, что люблю тебя, но этого мало. Прежде всего мнѣ слѣдовало бы защитить тебя, хочешь-ли ты быть моею женою; вѣдь я давно уже

избрать тебя и вернулся, чтобы задать тебѣ этотъ рѣшительный вопросъ.

Онъ обвинилъ ее стать рупою; на этотъ разъ она не дрожала, и его дыханіе колебало непокорныя пряди волосъ вавшихся вѣтъ-подъ ея чепчика.

— Ты не должна долѣе жить одинокою: я не хочу, чтобы тебя оскорбляли. Я буду твоимъ защитникомъ и защищать тебя.

Онъ обнялъ ее и робко пытался привлечь къ себѣ. Она смущеніи посмотрѣла на него сіяющимъ, вѣжливимъ взглядомъ. Но это была лишь минутная вспышка; вслѣдъ затѣмъ глаза снова опустились и потушили горѣвшій въ ея глазахъ огонь. Она оттолкнула его и воскликнула подавленнымъ голосомъ:

— Пьеръ, какое безуміе! Я и слушать не хочу твоихъ рѣчей!

Но онъ повидимому даже не слышалъ ея отвѣта и продолжалъ:

— Хочешь быть моею женою, моею дорогой женою... маленькая Жакетта; хочешь?

Губы его незамѣтно приближались къ ея лицу. Она почти уже чувствовала ихъ горячее дыханіе; онъ притянулъ ее, какъ магнитъ. Глаза ея на половину закрылись. Эта мольба окончателно побѣдила ее. Но въ послѣднюю минуту, уже готовая сдаться, она вдругъ встрепенулась и съ решительнымъ, гнѣвнымъ движеніемъ высвободилась изъ объятий.

— Я не могу!..

Онъ остановился въ нерѣшительности.

— Что съ тобою, Жаклина?

— Забудьте обо всемъ; я уже сказала вамъ, что это невозможно.

— Когда любишь другъ друга, ничего нѣтъ невозможнаго.

Онъ казался такимъ убитымъ, что она опять взглянула на него. Она уже сожалѣла, что такъ грубо и нерѣшительно, неувереннымъ тономъ сказала ему, и нерѣшительнымъ, неувереннымъ тономъ обращаясь къ нему:

— Боже мой, Пьеръ, мнѣ, конечно, больно, если ты считаешь васъ...

Она говорила запинаясь, какъ будто съ трудомъ выговаривая слова.

Я боюсь, что вы сочтете меня за неблагодарную... Но если я не имѣю права васъ любить?..

Кто-же тебя можетъ помѣшать?

на повидимому колебалась, а въ немъ просыпались преж-
омнѣнія, сердце сжималось отъ невыразимой тревоги. Она
ла отвѣтомъ, не зная, на что рѣшиться, и наконецъ
ала:

— Вы требуете моей жизни; но увѣрены-ли вы, что я могу
располагать? Да можете-ли и вы вполнѣ свободно распо-
ить свою жизнь? А если можете, такъ изъ этого еще
судеть, что то-же самое возможно и для меня. Стало
и не допускаете мысли, что я могла уже распорядиться
о судьбою, что, быть можетъ, другіе могутъ располагать
большимъ правомъ, чѣмъ я?

Она говорила съ жаромъ, запальчиво, а у него сердце все
нѣе и сильнѣе ныло отъ смертельной тоски. Наконецъ,
могая отъ муки, онъ склонился къ ней и тихо произнесъ:

— Ты любишь кого-нибудь другого?

— Можетъ быть...

Онъ отшатнулся отъ нея, схватившись за голову обѣими
ями.

— О, Жаклина... Жаклина!

— Пьеръ, простите меня!..

Испугавшись своихъ собственныхъ словъ, она стояла, уни-
сенная, убитая и не знала, что дѣлать. Онъ не слушалъ ея
спѣшно удалялся, не оборачиваясь. Она долго простояла
омъ-же мѣстѣ, глядя ему въ слѣдъ. Для нея было ясно,
въ этотъ разъ они расстаются навсегда. Затѣмъ, когда все
решено, она медленными шагами направилась къ дому.

Сидѣлъ Жакото сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. Она подошла
ему, но вдругъ силы измѣнили ей, она упала передъ нимъ
голови и, прильнувъ къ нему головою, громко зарыдала.

Старикъ молча смотрѣлъ на нее, перебирая своими востля-
пальцами спутавшіяся пряди ея волосъ. Наконецъ, въ
ежукъ между двумя приступами рыданій, она услышала,
онъ тихо шепталъ ей на ухо.

— Какъ ты его любишь, бѣдное дитя.

«Дело» № 6, 1883 г. I.

IX.

Бернаръ Модэнь не считалъ себя побѣжденнымъ. Имъ пошелъ на удочку... Ну, такъ что-жь! Это еще ничего значить! Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы смущаться неудачею. Еще, можетъ быть, придетъ время, когда его съ радостью возьметъ назадъ свое рѣшительное. Нужно подождать, вотъ и все; тѣмъ болѣе, что Пьеръ сталъ упоминать о Жаклинѣ. На первый разъ достать этого результата. Можно-бы было даже побойться, чтобы ея избѣгаетъ: въ церковь онъ уже не ходилъ, а на улицѣ ворачивался, когда гусятница своимъ мѣрнымъ шагомъ шла по деревнѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сдѣлался молчаливымъ даже нѣсколько печальнымъ и большею частью съ мучительнымъ видомъ бродилъ по полямъ и лугамъ, такъ что Мари на стала не на шутку тревожиться. Въ ней проснулись прежнія опасенія, которыя въ теченіе столькихъ лѣтъ вывали ея къ маленькой кровати, близко придвинутой къ собственной кровати, съ теплымъ ватнымъ одѣяломъ и толстымъ полотнянымъ бѣльемъ.

Чего она не вынесла только, воспитывая этого хиленькаго ребенка. Она такъ часто дрожала, видя, что онъ остается такимъ-же тщедушнымъ, худенькимъ, что запоздалое его на каждомъ шагу еще останавливалось благодаря кашлямъ, которыя свойственны дѣтямъ въ періодъ роста и особенно истощаютъ самыхъ маленькихъ дѣтей. Сколько она вала, вечеромъ, подтыкая подъ матрасъ края его одеяла, останавливалась, чтобы прислушаться къ лихорадочному дыханію ребенка. Боже праведный! Ну, что, если онъ опять негъ чахнуть!..

Не рѣшалась распрашивать сына, она накидывала на мужа.

— Большая будетъ радость, нечего сказать, когда ты увидишь парня!..

Модэнь пожималъ плечами.

— У тебя ума все равно, что у курицы. Ужь прости это дѣло мнѣ. Мы найдемъ ему жену, и все устроится нехуже, чѣмъ ты думаешь.

Тѣмъ не менѣе съ Пьеромъ онъ говорилъ совсѣмъ другимъ тономъ, ни единымъ словомъ не намекалъ на проектъ

тарался не противорѣчить ему и держалъ себя добрымъ, дѣтельнымъ малымъ. Онъ понималъ, что хуже всего пугаешь парня. Къ тому-же витгорскія барышни стали ему навѣдываться все чаще и чаще, да и Пьеръ какъ-то началъ приручаться.

Жизни молодыхъ дѣвушекъ, повидимому, произошло что-то необычайное. Дни уже не казались имъ такими скучными; мѣстность стала имъ нравиться больше прежняго. Теперь часто, почти въ опредѣленные сроки, прѣзжали на конюшню, въ той-же низенькой, соломенной пролеткѣ, соблюдая права лошадей. Когда наставала минута отъѣзда Пьеръ держалъ подъ уздцы маленькаго пони, въ то время барышни усаживались въ экипажъ. Прощаніе было самое товарищеское и сопровождалось дружескими, нѣсколько кокетливыми улыбками; затѣмъ щелкалъ внугъ и, вебрица бубенцами, экипажъ удалялся по дорогѣ, извиваясь среди зелени полей.

Послѣ этого Моденъ, весь сіяя отъ удовольствія, обыкновенно предавался своимъ любимымъ мечтамъ и придумывалъ, съ необыкновеннымъ торжествомъ, какую особенную записку можно-бы было удивить народъ въ день свадьбы сына.

Въ одинъ день, когда барышня только-что выѣхала за околицу, она вышла изъ воротъ съ двумя каменными бульдогами, какъ-бы въ ожиданіи вѣзды въ усадьбу, мельникъ до того забылся, что вдругъ воскликнулъ, хлопнувъ по плечу наследника:

Ну что, старина, веселымъ-бы пиркомъ, да и за сва-

женіе, выразившееся на лицѣ молодого человѣка, заставило его опомниться. Нѣсколько сконфуженный тѣмъ, что онъ неосторожно выдалъ свою тайну, онъ пробормоталъ:

Сидишь-ли, я думалъ, что у тебя съ этой Жаклиной уже все кончено. Скажи-же мнѣ наконецъ, неужели ты все еще любишь ея?

Мнѣ?.. Жаклиною?.. Пожалуйста, никогда не говорите мнѣ о ней.

Что тебѣ на! Что это значило? Мельникъ и не пытался понять въ смыслъ этихъ словъ, но, видя, что желѣзо горячило, началъ ковать его, не теряя времени.

Вѣдь я заговариваю съ тобою насчетъ этого не для того, чтобы сердить тебя, началъ мельникъ, почесывая у себя

за ухомъ.—Вѣдь мы съ матерью ничего кромѣ добра те
желаемъ. Только, чортъ меня возьми,—есть такія дѣвуш
которыхъ честному парню и думать-бы не слѣдовало.

Пьеръ устремилъ на отца безпокойный, подозрительный
взглядъ, но мельникъ стоялъ, засунувъ обѣ руки въ карманъ
и говорилъ съ самымъ добродушнымъ, невиннымъ тономъ
видимому, безъ всякой задней мысли.

— Притомъ, вѣдь, Венсанъ еще мужчина хоть куда,
если въ его домѣ завелась несовсѣмъ ладныя дѣла, такъ
намъ-то, кажись, вмѣшиваться въ нихъ не приходится.

— Конечно, нетерпѣливо перебилъ Пьеръ;—оставьте
людей въ покоѣ и пускай они живутъ, какъ имъ угодно.

— Ну, вотъ и я тоже говорю. Ну, скажи ты мнѣ, по
луйста, какая намъ отъ этого печаль? Если маленькая Жа
кетта ничего противъ подобнаго положенія не имѣетъ, такъ
это ея дѣло, тѣмъ болѣе, что Венсанъ человѣкъ свободный.

— Боже мой, какая вездѣ гадость...

Въ душѣ Пьера боролись чувства отвращенія и глубокой
горя.

Бернаръ рѣшилъ, что на первый разъ благодаря
ограничить атаку этими первыми маневрами. Теперь ста
лось только шепнуть нѣсколько словъ Жако, чтобы пере
вить его вниманіе куда слѣдуетъ, и все пойдетъ престо

— А, маленькая Жакетта, ты думаешь, что твои хороши
глазки такъ вотъ сейчасъ и подцѣпять тебѣ жениха изъ
бой зажиточной семьи. Нѣтъ, шалишь, дружокъ, старайся
воробей, на мякинѣ меня тоже не проведешь. Идешь, идешь
на всѣ четыре стороны; коли хочешь—принимайся охот
сти гусей, а на парней нашихъ не зарься!

Въ послѣднее время бѣдняжка дѣйствительно сталъ
лечь въ возлѣ ихъ дома чаще, чѣмъ слѣдовало. Видя, какъ
всячески ищетъ случая, чтобы встрѣтить гдѣ-нибудь того
тораго сама недавно такъ рѣзко оттолкнула, можно было
биться объ закладъ, что она его положительно преслѣ
Но на этотъ разъ всѣ усилія ея оказывались тщетными.
повидимому, не обращалъ на нее никакого вниманія.
му-же и время настало такое, что всѣмъ было не до
ныхъ похожденій. Въ народѣ поговаривали о войнѣ.
возлѣ границы, изъ-за чего-то повздорили. Видно у
что-нибудь было неладно; не даромъ они вздумали въ

ся во французскія дѣла. Нѣсколько парней, скрѣпя сердца, должны были тронуться въ далекій путь, завязавъ свои ботинки въ клѣтчатый платокъ и налѣвъ на конецъ палки узелъ вмѣстѣ съ сапогами, которые каждый снялъ по отправленіемъ, чтобы не стереть подошвы во время длинныхъ переходовъ. Но тѣ, кто были побогаче, преспокойно оставались дома, отдавъ денежными взносами для найма.

Въ кабакахъ, тамъ, гдѣ передъ дверью виситъ сухая вѣтка дуба, сидѣли и разглагольствовали подвыпившіе старички. Взглядывая съ гордостью на свои бронзовыя медали, болтавшаяся на полинялыхъ ленточкахъ, они лихо чокались, и вдоль скамеекъ, разставленныхъ передъ грязными, засаленными столами, цѣлый день только и слышны были споры и стиливыя рѣчи.

— Что не говорите, а покуда Рейнъ не будетъ въ нашихъ рукахъ...

Но солидные, состоятельные люди энергично протестовали противъ такихъ воинственныхъ порывовъ.

— Чего вы все лезете съ вашимъ Рейномъ? Какая намъ ко-
стеть драться? Мы и налоги-то платимъ для того, чтобы насъ
свѣляли въ поковъ. Чего вы это расходились въ самомъ дѣлѣ!

А Жакина тѣмъ временемъ тоже тревожилась и высматривала, не встрѣтитъ-ли гдѣ-нибудь Пьера. Слыша со всѣхъ сторонъ о приготовленияхъ къ выступленію она стала серьезно беспокоиться. Наконецъ, она не вытерпѣла и рѣшилась говорить съ Пьеромъ. Она дождалась его возлѣ кладбища. Увидѣвъ ее, онъ нулъ и хотѣлъ идти назадъ; но она прямо пошла къ нему и рѣшительно преградила ему дорогу.

— Не правда ли, Пьеръ, вѣдь вы не покидаете деревни?

Онъ уже давно не видалъ ея. Невольно взволнованный и смущенный, онъ однако старался казаться равнодушнымъ.

— Вы еще, отвѣчала она почти улыбаясь;—но я надѣюсь рано или поздно придеть и моя очередь. Насъ позовутъ, когда въ этомъ окажется необходимость.

— А я такъ боялась...

Она опустила рѣсницы, какъ-будто снова охваченная страшной болью, и прижала къ сердцу свою красивую руку съ длинными, изящными пальцами.

— Чего-же вамъ было бояться?

Она подняла къ нему свои огненные глаза, но тотчасъ-же

снова опустила ихъ. Онъ былъ правъ. Къ чему она это ворила! Безумная, о чемъ она думала, когда шла къ нему?

Какое странное, магическое вліяніе имѣлъ однобо ласкающій, нѣжный взглядъ. Куда дѣвалась недавняя Пьеръ долженъ былъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы противъ обаянія ея красоты.

Вокругъ нихъ старые, покачнувшіеся кресты охраняли мятежный сонъ, которымъ спали могилы; побурѣвшіе, павшіеся вѣнки иммортелей гнили между могильными вазами, зеленые кипарисы, роскошно разросавшіеся въ тѣни оградъ, мѣстами заставили треснуть черныя перекладки и ревяныя рѣшетки.

О, если-бы она хотѣла!.. Но теперь объ этомъ и думать не слѣдовало. Негодованіе, о которомъ онъ на минуту забылся, снова прихлынуло къ сердцу, сопровождаемое отвращеніемъ и презрѣніемъ.

— Напрасно вы тревожитесь, снова началъ онъ съ отыкомъ ироніи; — тотъ, кого вы любите, ничѣмъ не рискуетъ. Опасность, которая грозитъ нашему брату, для него не существуетъ.

— Тотъ, кого я люблю...

Она уже готова была выдать свою тайну, но онъ прервалъ ее.

— Ну да, конечно. Вы, быть можетъ, думаете, что такъ-же заботливо хранить вашъ секретъ и стѣсняются выдать въ связи съ вашимъ именемъ другое имя?

— Имя?.. Какое имя?

Онъ смотрѣлъ на нее гнѣвнымъ, бѣшеннымъ взглядомъ, вдругъ, схвативъ ее за руку, почти грубо крикнулъ:

— Неужели-же ты не сознаешь своего позора?

Ее всю передернуло отъ этого оскорбленія.

— Пьеръ, вы съума сошли!

Помолчавъ немного, онъ сказалъ, собираясь проложить свой путь:

— Ограничимся этимъ разговоромъ. Дѣйствительно, имѣю права оскорблять васъ.

Но она опять преградила ему дорогу.

— Нѣтъ, теперь вы обязаны высказаться, сказала я требую, чтобы вы назвали это имя.

Она стояла передъ нимъ, гордая, вызывающая; судя

ожь подергивала ея поблѣднѣвшія губы и тонкія, под-
я поздри. Тогда онъ взялъ ея за руку и указаль на
гдѣ правильные выступы земли обозначали мѣста, за-
гробами.

Вѣдь они тутъ; вы знаете. Развѣ я могу заставить крас-
дочь на могилѣ, гдѣ покоятся ея родители.

а этотъ разъ въ головѣ ея блеснула мысль, отъ которой
же въ жаръ бросило. Теперь она поняла, въ чемъ дѣло.
твительно, она сама подала поводъ къ тѣмъ подозрѣніямъ,
онимъ теперь позорилъ ея Пьеръ.

— О, Боже мой, простонала она, прижимая ко лбу обѣ
— что вы обо мнѣ думаете?

къ колебался и не зналъ, что отвѣтить. Съ тѣхъ поръ,
онъ очутился здѣсь, возлѣ нея, онъ чувствовалъ, что
няя любовь снова овладѣла имъ, что онъ привязался къ
себѣи силами души. Онъ опустился на траву у ея ногъ
крылъ руками лицо, быть можетъ для того, чтобы скрыть
ртывавшіяся на глазахъ слезы.

— Я ничего не думаю, прошепталъ онъ, — и ничего не хочу
ь. Я предпочитаю никогда не узнать, что дало тебѣ му-
во такъ жестоко мучить меня. Мнѣ было-бы невыносимо,
на, если-бы вдобавокъ еще пришлось презирать тебя.

— Пьеръ, ради Бога, скажите-же, что вы думаете?

— Что я думаю? Я думаю, что въ тебѣ одной я сосредото-
чь мнѣ свои вѣрованія, надежды и упованіе и что все это
рмла изъ моего сердца, разбила, растоптала безъ со-
пія!..

адломленный, побѣжденный собственнымъ горемъ, онъ не
шьше сдерживаться и горько заплакалъ, а Жаклина,
сѣлись надъ нимъ, смотрѣла на него своими глубокими,
глазами.

онъ онъ вскочилъ и оттолкнулъ ея.

Итъ, уходи! Кто знаетъ, пожалуй я еще способенъ
ь, что, не смотря на все, люблю тебя по-прежнему...
не хочу этой любви, которая отнимаетъ у меня всякую
и не даетъ ничего, кромѣ горя.

а все еще неподвижно стояла на одномъ мѣстѣ. Послѣ
аго колебанія онъ наконецъ рѣшился и убѣжалъ въ
ин и бѣшенствѣ. Она ничѣмъ не обнаружила желанія
тъ его. Если-бы онъ обернулся, то, быть можетъ, уви-

дѣль-бы два глаза, сіявшіе счастьемъ сквозь влажную блѣднѣющую рѣсницѣ.

Теперь все смолкло на кладбищѣ. На могилкахъ, рѣдѣяя среди окружавшей ихъ зелени, чернѣли и блѣднѣли кресты, сверкая на солнцѣ бисеромъ своихъ вѣтвочекъ. Мертвые спали своимъ долгимъ, непробуднымъ сномъ; зеленые растения тихо продолжали расти. Какою-то невыразимой истомой давила все въ этой обители отжитыхъ жизней, законченныхъ существованій. Но среди могильной тишины непрерывно шел таинственный процессъ трансформации. Жизненная сила, поднимаясь изъ глубины почвы, разливалась по корнямъ и вѣтвочкамъ елей, величественно расправлявшихъ надъ кладбищемъ свои печальныя, темнозеленыя вѣтви. И среди этого царства смерти бѣдное женское сердце трепетало, омытое надеждою и любовью.

— Какъ онъ любитъ меня, шептала Жаклина, обхвативъ руки къ бурно бившемуся сердцу и жадно ловя поцелуями губами безсознательныя ласки свѣжаго вѣтерка.

Въ это время по ту сторону невысокой каменной оградки медленно ѣхала тележка; большая ломовая лошадь грубо качивала свой взмыленный задъ между окованными колесами оглоблями. На подвижной скамейкѣ, висѣвшей на ремняхъ, засѣдала крѣпкая, коренастая фигура съ краснымъ, улыбающимся лицомъ.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ дѣвка-то совсѣмъ красавица стала, пробормотала себѣ подъ носъ младшій Жакотъ.

X.

Какъ это ни странно, но Венсанъ до сихъ поръ въ дѣлѣ не обращалъ никакого вниманія на наружность дѣвушки. Да впрочемъ и немудрено; вѣдь она попала къ нему совсѣмъ еще маленькая. Развѣ можно обращать вниманіе на такихъ щенковъ? Для него она по-прежнему оставалась нищенкою, которую онъ когда-то съ дуру приютилъ, потому старался утилизировать хоть настолько, чтобы лось ея содержаніе, кормилъ пинками и пощечинами, бывалъ не въ духѣ, а позднѣе уже охотнѣе терпѣлъ въ по мѣръ того, какъ дѣвушка превращалась въ полезную ницу. Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ маленькія руки

умѣють управляться съ хозяйствомъ, какъ проворно ютъ въ нихъ вязальныя спицы. какъ ловко онѣ ору- утюгомъ, разглаживая воротничекъ рубахи, какъ ма- и штопають и какъ аккуратно складываютъ бѣлье. ко- прежде, бывало, кое какъ запикивалось въ шкафъ. ало по малу фермеръ до такой степени привыкъ къ при- вью этого дѣятельнаго существа, заправлявшаго всею жен- областью домашняго хозяйства, что не могъ уже безъ обходиться; она положительно сдѣлалась для него необ- омой и одна умѣла удовлетворять потребности того эгои- ескаго комфорта, которымъ онъ любилъ себя окружать. а въ слѣдствіе этого, частью-же боясь скандала, онъ уже жестоко обращался съ дѣвочкой. Но чтобы засматри- я на нее... вздоръ какой! Да ему это и въ голову не при- о.

Напрасно Моденъ такъ пытливо смотрѣлъ ему въ глаза, вмѣстѣ съ нимъ въ кабакѣ и облокотившись локтями на ѣ.

— Ахъ, вы, старый болтунъ, да развѣ на такую дѣвчонку но обращать вниманіе?

— Ну, положимъ, не такая ужъ она молодѣтняя дѣвчонка, ой даже и замѣтить нельзя. Вѣдь вотъ надѣлала-же намъ отъ эта дѣвчонка!

Ватимъ мельникъ пустился въ изліянія и, медленно пока- я голову, степеннымъ, глубокомысленнымъ тономъ сталъ ждать о своихъ семейныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ окнами, на базарной площади скакали и брыкались же- а съ подняванными соломю хвостами, а подъ косыми и деревьевъ кишѣли сѣрые стада грязныхъ барановъ и ѣ, перемѣченныхъ жирною черною краскою.

— Знаете что, сказалъ Жакото, развеселившійся во время — выпейте-ка еще стаканчикъ и бросьте всѣ эти глуп-

Обсѣдники снова чокнулись и поставили на столъ пустые ны, въ которыхъ только на самомъ днѣ среди зеленова- фона толстаго стекла оставалось небольшое круглое ли- цятно. Да въ теперешнія времена необходимо было по намъ выпить, чтобы забыться; это доброе бургундское обладало удивительною способностью ободрить человѣка. ятая война, повидимому, шла не особенно успѣшно.

Повеноль нужно было иногда для смѣлости хлопнуть стачикъ.

Но Моденъ не намѣренъ былъ бросать затѣяннаго вора и съ пьяною настойчивостью возвращался къ нему, рая все болѣе и болѣе коснѣющимъ языкомъ:

— Какъ хотите, пріятель, вы, конечно, не на исповѣди, если не хотите сознаваться, такъ это ваше дѣло.

— Ахъ вы, грѣховодникъ; да развѣ вы не видите, ужь почти сѣдой.

— Ну да, рассказывайте; хорошъ старикъ нашелся. молодыми дѣвками небось любите гоняться?

Они разстались сильно навеселѣ, оставивъ на днѣ выпитыя бутылки воспоминанія объ общественныхъ дѣлахъ, и поборъ каждый въ свою сторону въ самомъ радужномъ настроеніи, раскраснѣвшись отъ плотнаго обѣда, выпитаго вина и смѣлыхъ брезныхъ остротъ, которыми каждый старался перебить свою рѣчь. Мельникъ потиралъ себѣ руки и былъ въ восторгѣ отъ того, что счастливый случай позволилъ ему такъ дешево обрѣсти выгодное дѣльце; а Жакото, болѣе самодовольный, тѣмъ или либо, невольно польщенный репутаціей Ловеласа; который видимо пользовался до сихъ поръ, тѣмъ не менѣе отнесся къ мельнику съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и про себя прибавилъ его «старымъ хрычемъ».

И вдругъ на первомъ-же поворотѣ дороги, ведущей въ Гарроды, глазамъ его представилась Жаклина во всей своей молодой красотѣ. Отрицать это было невозможно; безспорно стѣла красавицей; мысль эта вдругъ осенила его какъ откровеніе.

— Какой-же я, однако, дуракъ. Вѣдь мнѣ стоило только глаза раскрыть. И какъ это я самъ давно не замѣтилъ.

Удивленный, раззадоренный созерцаніемъ лакомаго кушанья, онъ положительно готовъ былъ тотчасъ-же попытаться получить свое счастье. Однако, этотъ Моденъ далеко не такъ глупъ, какъ кажется.

— И охота мнѣ была рассказывать ему, что я не такъ старѣюсь.

Напротивъ, онъ сегодня чувствовалъ себя необыкновенно бодрымъ; красное лицо его какъ будто стало еще румянее живительнымъ дыханіемъ весны. Онъ долго смотрѣлъ на Жаклину, какъ будто никогда не видалъ и только-что открылъ эту

ую красавицу; онъ съ каждою минутою находилъ въ се новыя прелести, которыхъ до той поры совсѣмъ не имѣвалъ. Но она даже не замѣтила его. Ни скрипъ худощавыхъ колесъ, ни громкое шелканье кнута не привлекъ ея вниманія. И кого это она высматривала тамъ въ такъ внимательно, что забывала объ остальномъ мѣрѣ? Разрази меня Господь! Да никакъ это Пьеръ, родной сынъ Анны! Извольте послѣ этого полагаться на этихъ святыхъ мнищъ. Ловко-же, однако, эта хитрая бестія, Модянь, выхлѣбала эту интригу; а онъ, болванъ безмозглый, не хотѣлъ вѣрить ему.

Раздраженный и униженный этимъ признаніемъ, какъ чуждому, имѣвшій претензію на проникательность, онъ въ то-же время чувствовалъ себя въ положеніи ховяина, интересамъ котораго нанесенъ ущербъ. Въѣдь этотъ кладъ былъ у него въ рукахъ, ему стоило только нагнуться, чтобы взять его, и онъ не смѣлъ намереся человѣкъ, который сумѣлъ такъ его похитить. Но нѣтъ, онъ не позволитъ чужимъ охотиться на его кладъ; а эту законую дичь онъ ужъ во всякомъ случаѣ не отдастъ никому другому.

— Пусть только сунется, я ему утру губы.

Не спуская глазъ съ молодой дѣвушки, пожирая ее своими глазами взглядомъ, онъ старался дать ей понять, чего она отъ нея хочетъ. Въ лицѣ толстяка всегда появлялось какое-то особенное выраженіе, когда ему случалось увидѣть крашею дѣвушку. И онъ нисколько не старался скрыть его, напротивъ, хитрить и скрытничать хорошо въ торговлѣ, а въ жизни—это вздоръ. Конечно, когда торгуешь что-нибудь, такъ приходится скрывать цѣну, поневолѣ приходится скрывать желаніе купить товаромъ. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ съ своею наглостью давалъ волю своимъ взглядамъ и поддѣлялъ чувственныхъ желаній нисколько не стѣснялся отъ самыхъ грубыхъ намековъ и вообще не думалъ обуздывать своихъ похотливыхъ инстинктовъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, почему-же маленькая Жакетта не идетъ не ему, а кому-нибудь другому? Развѣ не онъ ее вынулъ и вырастилъ?

— Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь съ нею у себя дома изо дня изо дня, онъ часто засматривался на нее, впадалъ въ какую-то особенную разсѣянность за ужиномъ, чувствовалъ

дрожь по всему тѣлу, когда она какъ-нибудь задѣнетъ прибирая со стола или переходя съ мѣсто на мѣсто; его разгорались и съ особеннымъ упорствомъ останавливались на красивой волнѣ ея груди или на маленькихъ курчавыхъ волоскахъ, которые, какъ пепельнаго цвѣта мохъ, вились ея шеѣ и выбивались изъ подъ чепчика на вискахъ.

Но завязать съ нею интрижку было далеко не такъ легко, какъ онъ предполагалъ. Иногда, совсѣмъ уже рѣшившись жать ей кончики пальцевъ или даже поцѣловать ее въ щеку, онъ вдругъ останавливался, какъ пойманный школьникъ, съ щеннымъ ея серьезнымъ видомъ и холоднымъ взглядомъ черныхъ глазъ.

Теперь онъ сталъ возвращаться домой раньше обыкновеннаго и по цѣлымъ часамъ просиживалъ, облокотившись на столъ и надѣдая ей вопросами и предупредительствомъ.

— Зачѣмъ она, напримѣръ, такъ много работаетъ? Работать мало въ домѣ дармоедовъ, которыхъ онъ заставить никогда не принято за дѣло. Ужъ онъ задастъ имъ зову, если они вздумаютъ такимъ образомъ сваливать всю работу на плечи!..

Она продолжала заниматься своимъ дѣломъ, не говоря ни слова, стараясь забыться за работою, которая, къ сожалѣнію, оставляла даже слишкомъ много досуга ея мысли. Тѣмъ онъ пытался выказать себя внимательнымъ и щедрымъ, хотя ради этого и приходилось насиловать свойственную ей привычку скупости.

Не нуждается-ли она въ чемъ-нибудь? Напрасно спрашивался. Онъ для нея не пожалѣетъ денегъ.

Она покачала головою, съ грустью взглянувъ на свое измявшее платье.

Она такъ мало заботилась о своихъ нарядахъ, что и это платье казалось ей слишкомъ хорошимъ. Внутренне свободный тѣмъ, что она такъ благоразумна, такъ мало ресуется дорогими подарками, которыхъ непременно ждала-бы всякая другая, Венсанъ не подозревалъ, какъ боковое горе скрывала дѣвушка въ глубинѣ своей души.

Онъ настойчиво преслѣдовалъ ее и удивлялся, какъ она остается такою спокойною, видя кипѣвшія въ немъ страсти. Въ присутствіи постороннихъ онъ сдерживался, въ нетерпѣніемъ выжидаль случая остаться съ нею наединѣ.

ствя, съ которыми приходилось сталкиваться на каждомъ , еще болѣе раздражали его и усиливали лихорадку невнѣнія. Всѣ эти невозмутимо равнодушные парни съ кир-красными лицами, шатавшіеся по двору, размахивая ми, въ своихъ протертыхъ по колѣнямъ штанахъ изъ по-таго бархата и являвшіеся какъ разъ въ самую благо-твную для объясненія минуту, чтобы освѣдомиться насчетъ казаній хозяина относительно работы, просто выводять изъ себя; его сильно раздражала охота излить на нихъ видѣ тумановъ избытокъ дурнаго расположенія духа.

Пока онъ объяснялся съ работникомъ, Жаклина исчезала. Онъ бѣжалъ въ коровій хлѣвъ, гдѣ дѣвушка, усѣвшись на маленькую скамеечку, засучивала рукава, собираясь донти коровъ, вернувшихся съ дуга. Острый запахъ перепрѣвшей со-лы поднимался съ горячей подстилки. Подъ тѣнью навѣса, на набитыхъ клавиромъ яслей видѣлся рядъ влажныхъ орды, ротатые головы медленно поднимались и пристально поглядывали на вошедшаго своими большими, кроткими глазами, съ какимъ то безконечнымъ удивленіемъ. Затѣмъ поднималось чучело, гулко раздававшееся подъ высокою крышею. Вен-из стоялъ на одномъ мѣстѣ, не отрывая глаза отъ этихъ чужихъ рукъ съ тонкими изящными пальцами, перебирав-шими красные, вздутые сосцы терпѣливыхъ коровъ.

— Ахъ, плутовка, если-бы ты только захотѣла...

Онъ глубоко вздохнулъ, такъ какъ подъ вліяніемъ долгихъ удачъ, его ухаживаніе принимало меланхолическій характеръ.

— Неужели-же ты не чувствуешь ко мнѣ ни вродочки любви?

Онъ подошелъ близко, близко, такъ что почти прижался къ колѣнямъ, нагнулся надъ нею и ждалъ въ позѣ сми-реннаго просителя.

— Дружбы?..

Онъ не понимала, что онъ хочетъ сказать. Не прерывая словъ, она смотрѣла на него съ напряженнымъ вниманіемъ, пытаясь дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ говорилъ. Моло-дойки струйками текло въ обтянутый желѣзными обру-чами подойникъ, всплывая на поверхность въ видѣ мелкой, сверкающей пѣны. Шарольскія коровы оглашали хлѣвъ сво-имъ громкимъ сопѣніемъ. Жакото, красный, какъ ракъ, вы-ставилъ себѣ лобъ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ.

— Дружбы? повторила она, все еще не понимая, онъ отъ нея хочетъ.—Боже мой, да развѣ я въ чемъ провинилась передъ вами?

— О, нѣтъ, ты славная дѣвушка; я вполне тобой доволенъ. Только вотъ если-бы ты была немножко полаской!

— Чѣмъ-же я не угодила вамъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ!..

— Ну, а коли такъ... Я право не понимаю...

Онъ все усерднѣе вытиралъ себѣ лобъ, путался, и ходилъ словъ и съ трудомъ лепеталъ ихъ пересохшими лихорадочнаго нетерпѣнія губами. .

— Ты меня не понимаешь... Сердиться мнѣ не за что, но вѣдь могла-же бы ты хоть чѣмъ-нибудь такъ что не относишься ко мнѣ, какъ къ первому встрѣчному.

Онъ остановился, не въ силахъ продолжать, и ли у него изъ гортани. О, какъ безпощадно, почти смотрѣли эти суровые глаза! Передъ этимъ взглядомъ приходилось умолкнуть, потерявъ послѣдній смыслъ.

— Останется каждый на своемъ мѣстѣ; это будетъ всего.

Онъ вышелъ, и не думая отвѣчать. Пораженіе было ное. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ не рѣшался влять атаку. Но, въ концѣ-концовъ, положеніе его казался положительно смѣшнымъ.

Снадите пожалуйста, этотъ повѣса Жавото мать разыгрывать робкаго влюбленнаго! Онъ краснѣлъ за самого себя. Такого аффронта ему не приходилось испытывать, и, настолько подъ влияніемъ стванной страсти, сколько изъ боязни показаться смѣшнымъ онъ рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ поговорить дѣло разомъ. Ужь онъ ей покажетъ, какъ справляются кими ломаками. Но удобный случай долго не представалъ въ самую рѣшительную минуту, когда онъ чувствовалъ особенно расположеннымъ, вѣчно кто-нибудь мѣшалъ.

Да и время, какъ нарочно, подошло самое безпо Вѣ Гарродахъ стоялъ дымъ коромысломъ, шла река лошадей, цѣлый день на улицѣ толпился народъ. Вѣ дѣла шли все хуже да хуже. На стѣнахъ расклеивали маціи, передъ которыми собирались группы деревенскихъ

и каждый отходил смущенный, обезкураженный и жался комментировать по своему сухую официальную съ грустью думая о громадных армиях, которые оставляют за собою смерть и опустошеніе.

всѣ эти молодые люди, которыхъ требовало теперь готво! Вѣдь длинныя афиши, наклеенныя на стѣнахъ мэризовали къ оружію. Теперь уже оказывалось, что при-ся идти всѣмъ, сыновьямъ богачей наравнѣ съ прочими. ни были въ отчаяніи. Помилуйте, вѣдь у нихъ всего на одинъ сынъ; сколько денегъ они переплатили, чтобы отъ военной повинности; а теперь парню при-носъ все-таки идти въ солдаты, какъ послѣдному оборван-Да есть-ли въ этомъ хоть капля здраваго смысла?

о Пьеръ рѣшительно заявилъ, что отправится, не дож-призыва, если его вздумаютъ удерживать, и Марианна, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ уйти сейчасъ, лась сдерживаться и плакала только втихомолку, остав-наединѣ.

Когда онъ вмѣстѣ съ другими, участвовалъ въ маневрахъ маленькой площади, обгаженной дикими каштанами, на-лихъ желтнущіе листья начинали уже блекнуть и свер-сь отъ холодной осенней росы, Венсанъ слѣдилъ за своими маленькими, хитрыми глазками и не могъ скрыть радости, овладѣвавшей имъ при мысли объ удале-ирика, къ которому онъ чувствовалъ инстинктивную

Наконецъ-то онъ уберется по-добру по-здорову, а ужъ не трудно будетъ выбить его изъ ея головы.

ромина про свою неудачу и про сцену на кладбищѣ, ходилъ въ бѣшенство и злобно шепталъ:

какъ-бы хорошо, еслибы онъ совсѣмъ не воротился!

возвращался домой, потирая себѣ руки, счастливый, что можетъ спокойно оставаться дома, въ то время какъ другіе принуждены готовиться къ войнѣ, марши-обучаться фронтовой службѣ, неловко управляясь ни въ своихъ казакинахъ изъ сѣрой бумазеи, замѣняв-мундиры, въ повязанныхъ вокругъ шеи синихъ гал-ль, скрывавшихъ отсутствіе бѣлья, съ добродушными, ми лицами, принимавшими воинственное выраженіе картузами, которые нѣсколько напоминали форменныя кэпи.

— Разъ, два... Разъ, два!..

Цѣлый день на площади только и слышны были возгласы, и новобранцы лихо выступали под предводительствомъ какого-нибудь усатаго заслуженнаго сержанта, обстрѣленнаго вояки съ костлявыми выдающимися щеками. Добытый не безъ труда изъ резервнаго батальона, онъ поряжался и командовать съ видомъ чловѣка, проивъ своимъ сознаніемъ важности возложенной на него миссіи.

Тутъ-же рассказывали и гарибальдійцы, бородачи, рѣшые, уже успѣвшіе извѣдать прелести походной жизни, добрые и эффектные въ своихъ красныхъ шарфахъ, и женщины, какъ разбойники комической оперы.

Что-же касается деревенскихъ новобранцевъ, то изъ нѣкотораго предварительнаго упражненія, отправленіи въ сѣдній городъ, гдѣ они должны были быть разбиты на личнымъ бригадамъ, и послѣ ихъ ухода и предвѣстия ему оживленія, жизнь въ Гарродахъ потекла еще такъ же, но и уныло, чѣмъ обыкновенно.

Однажды, въ воскресенье, когда всѣ работники покинули ферму и значительная часть деревенскихъ жителей ушла въ городъ, чтобы снести новымъ рекрутамъ госп. Жакото заряды для храбрости приличною дозой. Онъ сознавалъ, что въ трезвомъ состояніи у него нѣтъ храбрости. Вернулся онъ болѣе красный, чѣмъ обыкновенно, не вполне увѣренною походкою и съ рѣшительнымъ распахнулъ дверь.

Жакина по обыкновенію сидѣла возлѣ окна, ная въ свои мечты, перенесясь, быть можетъ, въ тотъ городъ, гдѣ новобранцевъ обучали стрѣльбѣ изъ ружей, заряжающихся съ казенной части. Едва повернула голову при скрипѣ отворявшейся двери и не обратила никакого вниманія на вошедшаго, она вдругъ почувствовала возлѣ самаго лица горячее дыханіе пьянаго хозяина.

— Полно дуру-то разыгрывать!

Слова эти сопровождались такимъ краснорѣчивымъ томъ, что сомнѣваться въ ихъ значеніи не было никакой возможности; она вдругъ поняла его намѣренія и оттолкнула его.

— О, Боже мой, шептала она, силясь выбиться.

Но онъ крѣпко обхватилъ ее и старался прижать къ себѣ. Отъ усилій, которыя она употребляла, чтобы вырваться,

ка развязалась и изъ подъ корсета показался изящный
 рѣзъ дѣйственной груди. При видѣ ея обнаженнаго тѣла,
 пагоса еще бѣлѣе въ сравненіи съ бѣлизною грубой ру-
 . онъ прильнулъ къ нему своими толстыми, горячими

— Что, скромница, попалась?

она отчаянно отбивалась, корчась отъ ужаса и отвраще-
 нодъ каждаго изъ этихъ поцѣлуевъ, которые жгли ея

— Оставьте меня... Оставьте... Оставьте меня!..

Но не легко было бороться противъ разнузданной похоти
 го осквернявшаго человѣка. Побагровѣвъ отъ волненія и
 дѣ, потерявъ всякій слѣдъ человѣческаго достоинства, онъ,
 бросился на нее, и только отрывочныя фразы,
 или угрожающія, прерывали на мгновеніе его

— Теперь небось не будешь ужъ такою спѣсивою!

— Оставьте меня или я закричу!

— Да помчишь-ли ты! Чего раскричалась?

Она была ее насильно, а она продолжала бороться,
 илась за свою одежду нѣмѣющими руками, изнемогая, на
 пошну побѣжденная этою силою, еще удвоившеюся подъ
 ольпаненія, чувствуя надъ самыми губами своими
 дыганіе и циническій смѣхъ, прерываемый пьяною

— Нѣтъ... Нѣтъ... Я не хочу...

— Въ отвѣтъ послышался все тотъ-же скотскій смѣхъ.

— Кричи, пожалуй, коли хочешь; вѣдь мы одни въ домѣ.

Нѣтъ, они были не одни. Въ эту минуту въ комнату,
 брошенной во время борьбы мебели, передъ ними
 росла высокая, тощая фигура стараго Жако. Онъ
 на нихъ своими тусклыми, полубезумными глазами;
 его вырвался сдавленный хриплый крикъ.

Простите! Опять этотъ человѣкъ. И откуда онъ взялся
 тут? Про него-то именно Венсанъ и забывалъ всегда.
 , немудрено было и забыть. Но на этотъ разъ онъ
 ужъ не простить; бываютъ минуты, когда всякое терпѣ-
 шнеть. И зачѣмъ только онъ живетъ? Чего ему еще
 на землѣ?

— Ну ужъ постой, я съ тобою рассчитаюсь!..

Выпустивъ изъ рукъ дѣвушку, не помня себя отъ ства, онъ устремился на отца съ поднятымъ кулакомъ. Рикъ стоялъ не двигаясь, устремивъ на него свой бессмысленный взглядъ. Всѣ трое молчали.

Глухой шумъ и стоны, раздававшіеся во время внезапно смолкли; въ комнатѣ, среди душной, смерти сферы, царствовала глубокая тишина. Сѣрая сумерка, ваясь сквозь маленькое окошко, плохо освѣщала трагическую голову изумленного старика. Кругомъ, внѣ дома было тихо, слышался только лай привязанной на дворѣ цѣпной собаки, которая съ жалобнымъ воемъ пытается освободиться.

Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній трудно было предсказать чѣмъ кончится эта сцена. Наконецъ, Венсанъ, под влияніемъ стыда или по недостатку смѣлости, измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе и вышелъ, хлопнувъ дверь, чтобы нибудь въ другомъ мѣстѣ отвести душу и дать волю своему пьяному гнѣву.

Жаклина, истерзанная, съ распущенными волосами, бросилась отъ волненія, бросилась къ старику и, рыдая, ударивъ головой къ его груди.

— Я уйду, уйду отсюда...

— А я?.. Куда-же я тогда дѣнусь?

Ничего другого не нашлось у него въ отвѣтъ на вопросы; ему и въ голову не приходило утѣшать ее.

— А я?.. А я-то?

Онъ то и дѣло твердилъ одну и ту-же фразу, повторяя ее, какъ лютый, упрямый ребенокъ.

Они долго простояли такъ. Она раздумывала о томъ, что ей теперь дѣлать и при одной мысли, что придется уйти на чужбину, сердце ея болѣзненно сжималось. По временамъ она шептала съ растеряннымъ видомъ, проводя по щекамъ лбу похолодѣвшую рукою.

— Господи, куда-же я поѣду?..

XI.

Ночью она не въ состояніи была спать. Старикъ скоро задремалъ, какъ будто не произошло ничего особеннаго, и теперь спалъ въ своей каморкѣ, повернувшись

стѣнѣ. Венсанъ, засидѣвшійся въ кабацѣ, добрался до
гда было уже поздно, и также храпѣлъ подѣ своимъ
мъ положомъ изъ пестраго ситца.

коившись мало-по-малу подѣ вліяніемъ чувствитель-
ода темной осенней ночи и ощущая только во всемъ
ѣ своемъ какую-то необыкновенную усталость, она ду-
своей горькой долѣ, о Пьерѣ, котораго лишилась на-
о неизвѣстной участи, которая ждала ее съ завтраш-
е дня. Въ первый разъ въ жизни она съ ужасомъ по-
сю тягость своего существованія, вспомнила нищету,
вшую ее въ дѣтствѣ, брань и ссоры, звучавшія около
ибели и преслѣдовавшія ее, какъ тяжелый кошмаръ
въ сновидѣніяхъ, вспомнила лишения и непосильный
которые послѣдовали за этими впечатлѣніями перваго
, вспомнила про давно забытыя страданія, которыя те-
ругъ воскресали подѣ вліяніемъ отчаянной думы, вспом-
и послѣднюю горькую насмѣшку судьбы, заставившую
бственными руками порвать послѣднія привязанности. Не
самой пришлось оттолкнуть отъ себя того, кто былъ ей
е всего на свѣтѣ? Не ей-ли самой приходится вотъ и
разставаться съ этимъ старикомъ, у котораго, кромѣ
а свѣтѣ нѣтъ ни одного близкаго существа?

эти безжалостныя слова Модэна, которыя она случайно
шла какъ-то вечеромъ; какимъ тяжелымъ камнемъ легли
на сердце, какъ они разбили ея жизнь!

и звучали у нея въ ухахъ, словно проклятіе.

терь, при одномъ воспоминаніи о нихъ, она еще глубже
а головою, и ей казалось, какъ будто на лбу ея го-
тѣды позорнаго клейма.

слова эти были равносильны проклятію. Зачѣмъ она
амъ въ этотъ вечеръ? Если-бы не эта случайность, она
его не знала. Она-бы не подозрѣвала жестокаго отно-
къ ней старика Модэна и смѣло, безъ стыда, могла-бы
найти убѣжище въ объятіяхъ Пьера, крѣпко прижать-
нему и, почувствовавъ себя въ его власти, сказать:

Возьми меня. Вѣдь ты мой; вѣдь я люблю тебя.

жъ пробѣжала по ея тѣлу, когда она вспомнила, сколь-
ности звучало въ его словахъ каждый разъ, во время
дкихъ, короткихъ свиданій, въ которыхъ сосредоточи-
всѣ ея радости. Гдѣ онъ теперь? Онъ вѣроятно уже

забылъ о ней, а если и помнилъ, то развѣ только для
чтобы презирать ея. При этой мысли ея снова овла-
отчаяніе; будущее представлялось ей въ видѣ непре-
ряда страданій.

— Такъ вотъ она, жизнь!..

Неизвѣстность! Сколько ужасовъ кроется въ одномъ
словѣ! Какую одинокою дорогою побредеть она теперь?
страшила ее уже напередъ перспектива этого полного о-
чества, этой абсолютной пустоты, которую представляла
ей будущность!

Когда настало утро, она уже снова была на ногахъ,
чтобы заглушить терзавшую ее тоску, стала заботливо
рять свои пожитки, старательно складывала ихъ, шибко
и въ самомъ дѣлѣ очень ими дорожила, завертывая въ
полотенца и скрывала пакеты булавками, дѣлая все
половину машинально, по привычкѣ.

Когда она уже взялась за ручку двери и готовилась
ступить черезъ порогъ, блѣдная отъ безсонной ночи
всего, что пришлось вынести наканунѣ, въ комнату
Венсаля, улыбающійся, выспавшійся, съ свѣжими
только слегка испещренными синеватыми жилками,
шими въ немъ стараго кутилу.

— Куда это ты собралась?

Она остановилась въ смущеніи, чувствуя, что не
лахъ болѣе сопротивляться, если-бы пришлось снова
ужасную борьбу вчерашняго дня.

— Развѣ я могу здѣсь оставаться?..

Она говорила, запинаясь, и съ ужасомъ смотрѣла
своими покраснѣвшими отъ слезъ глазами.

А онъ, вполнѣ протрезвившись, какъ человѣкъ, пре-
переносащій вино, снова разыгрывалъ ласковаго, пре-
ваго хозяина и только пожалъ плечами, поправляя въ
время подтяжки.

— Какъ ты глупа! Боже мой, какъ ты глупа! Ну
ное-ли дѣло, чтобы изъ-за такихъ пустяковъ...

Едва держась на ногахъ, она схватилась за косякъ
дрожащими руками.

— Прошу васъ, пустите меня.

Онъ подошелъ къ ней съ заискивающей ласковой
вся его круглая, упитанная фигура съ курчавыми сѣдыми

и, завивавшимися въ мелкія кудри на его жирной шеѣ,
такъ и дышала добродушіемъ.

Вотъ эти дѣвушки; всѣ на одинъ ладъ, всѣ — не-
кая важность въ самомъ дѣлѣ! Ну что-жь, онъ былъ
навеселѣ; это еще не Богъ знаетъ какая бѣда! Ну,
рава онъ горячаго; всѣ это знаютъ; это ужъ у него
вроды; крови ужъ больно много, — вотъ и все! Перемѣ-
тебя человѣкъ не властенъ! А бѣды тутъ никакой нѣтъ.
арое помянетъ — тому глазъ вонъ! Развѣ можно такъ
питься изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ?

Развѣ тебѣ плохо у насъ живется? Развѣ всѣ не лю-
бятъ тебя?

Въ отчаяніи сложила руки.

Я не могу оставаться въ этомъ домѣ.

Кто-же тебя гонитъ? Отчего ты не можешь остаться?
Онъ сменилъ возлѣ нея, видимо довольный собою; хитрые
его какъ-то особенно весело щурились и мигали.

Ну что-жь, говори, говори...

Онъ остался, по старой привычкѣ любясь ея смуще-
но затѣвъ, схвативъ ее двумя пальцами за подборо-
прибавилъ:

А что если я на тебѣ женюсь?..

Она молчала, повидимому не понимая его. У него явилось
е, что слова его были не достаточно убѣдительно.

Дѣтъ, знаешь... не шутя; въ самомъ дѣлѣ..

Какъ она и послѣ этого ничего не отвѣтила, то онъ
сказалъ, что теперь пора выставить въ благопріятномъ свѣтѣ
собственную персону.

Что-бы тебѣ не полюбить меня? Чѣмъ-же я хуже дру-

знаешь, что она еще нѣсколько дика; но это не бѣда,
дѣтъ.

Особенно, если въ это дѣло вмѣшаются мэръ и свя-
тъ, прибавилъ онъ, заливаясь своимъ звонкимъ смѣ-

онъ довольный собою, онъ старался принять молодец-
ству, выпрямился, выпятилъ впередъ грудь, такъ, что
справила складки на блузѣ.

Вдругъ она вздрогнула и съ видимымъ отвращеніемъ
отвернула его, гордо, съ негодованіемъ откинувъ голову.

ся въ домъ Жакото? За постоянный дворъ его при что-ли? Да и минуто-то выбралъ какъ разъ подходящую шутить съ Венсаномъ такія шутки! Освирѣпѣвъ еще больше бросился къ окну, но тутъ ему представилось такое зрѣлище отъ котораго онъ сразу весь похолодѣлъ, съжился и прилипъ къ олицетворенную покорность. Сквозь зеленую занавѣсу передъ самымъ крыльцомъ виднѣлся силуэтъ сидѣвшаго на конѣ улана, закутаннаго въ широкій плащъ изъ свѣтлаго бархата.

Любопытно было видѣть, какъ быстро испарился Венсана, какъ поспѣшно бросился онъ отворять дверь, кимъ покорнымъ видомъ встрѣчалъ гостя. Ноги его, тряслись немного, но тѣмъ не менѣе онъ не терялъ присутствіе духа и видимо старался всячески доказать свою покорность доходившую до низкопоклонства.

Оправившись отъ изумленія, онъ началъ суетиться, подошелъ къ шкафу и поставилъ на тарелку раскупоренную бутылку съ водкой и стаканъ. Затѣмъ онъ вернулся къ коню, который все еще неподвижно сидѣлъ на конѣ въ маскѣ, надѣтой на его рыжую, бородатую голову, и въ какомъ-то холодномъ, жестокимъ блескомъ два голубыхъ глаза.

Схвативъ бутылку и приставивъ горлышко ее къ губамъ, онъ другою рукою вышибъ изъ рукъ хозяина подносъ. Стаканъ разлетѣлся въдребезги, которыя послышались въ улыбавшуюся физиономію Жакото, подобострастно смотрѣвшаго на побѣдителя. Нѣсколько осколковъ впились въ полъ, и изъ царапинъ показалась кровь. Уланъ, перегнувшись и допивавшій бутылку, разразился самодовольнымъ смѣхомъ. Онъ медленно повернулъ лошадь, и только тогда, когда онъ отъѣхалъ на приличное разстояніе, фермеръ рѣшилъ за себя лобъ и пробормоталъ:

— Негодяй!..

Жаклина убѣжала. Во всѣхъ концахъ деревни юнкеры, бряцая саблями; поминутно раздавались въ воздухѣ крики, мирные жители села обезумѣли отъ страха.

Старикъ Жакото, еще не совсѣмъ очнувшійся отъ стоялъ одинъ посреди комнаты и, видимо, путая действительность съ какимъ нибудь кошмаромъ или съ воспоминаніемъ далекаго прошлаго, очутившись вдругъ передъ тою же сценою нашествія, которую видѣлъ полстоletія тому назадъ, металъ своимъ разбитымъ дрожащимъ голосомъ:

— Союзники!... союзники!..

Въ этотъ день они появились не надолго, очевидно послан-
только на рекогносцировку. Но всѣ чувствовали близость
ителя и, прежде чѣмъ возвысить голосъ, каждый невольно
призывалъ, чтобы убѣдиться, что кругомъ нѣтъ чужого че-
вѣка.

Венсанъ, успѣвшій уже порядкомъ выпить для храбрости,
алъ по кабакамъ и съ нѣкоторымъ хвастовствомъ выстав-
илъ показъ свое окровавленное, испаранное лицо.

— Во всемъ виноваты эти проклятые вольные отряды. Не-
о сказать славную они заварили кашу; есть чѣмъ похва-
тся! Какая польза въ сопротивленіи, когда ничего нельзя
дѣлать? Только протянешь войну и все-таки не избѣгнешь
измѣны. Стоило поднимать столько шуму ради того, чтобы
срѣзать нѣсколько телеграфныхъ проволокъ да перебить съ
дѣлами нѣмцевъ. За то теперь заплачешь, когда непріа-
тъ будетъ хвать съ насъ шкуру за эти подвиги; помяните
е слово.

Многіе, подъ вліяніемъ охватившаго ихъ страха, относи-
къ этимъ рѣчамъ одобрительно; другіе, напротивъ, качали
головой и толковали, что слѣдуетъ похоронить себя подъ раз-
валинами собственныхъ домовъ.

Въ сумеркахъ, когда уже стемнѣло, снова поднялся переполохъ.
Изъ деревнѣ подходилъ батальонъ, быстрыми, мѣрными
шагами двигавшійся среди густѣвшаго мрака. Наименѣе храб-
рыя жители попрятались и забаррикадировались въ до-
ма, а нѣкоторые спустились даже въ погреба. Тѣ, которые
остались пробраться на главную площадь, тотчасъ узнали
приближившихъ. Это былъ отрядъ мобилей, которые спѣшили занять
эту позицію. Узнавъ о приближеніи пруссаковъ, маленькій
отрядъ, боясь быть окруженнымъ, отступалъ, готовясь засѣсть
въ укромномъ мѣстѣ, таявшемся по склону горы за Гарродами. Какъ
и прежде, но снова почувствовать себя среди друзей. Бѣдняги,
охотно они-бы разсыпались по деревнѣ; сколько рукъ
поднялось къ нимъ, готовыхъ заключить ихъ въ объятія;
каждый желалъ счастья еще разъ, хоть ненадолго, побыть въ этомъ
мѣстѣ, въ уголку, котораго многіе изъ нихъ, быть можетъ, уже
не увидятъ болѣе никогда!

Имъ было приказано не выходить

изъ строя, и только изрѣдка кому-нибудь удавалось няться рукопожатіемъ или поцѣлуемъ.

Въ маленькомъ домикѣ, гдѣ поселилась Манетта спорь, какъ сколотила достаточно денегъ, чтобы не въ услуженіи у чужихъ людей, сегодня вечеромъ господствовало необыкновенное оживленіе. Готова къ ужину супъ, служанка безъ умолку болтала, ныла и причитала своимъ вучимъ, слащавымъ голосомъ.

— Ахъ, милая ты моя, вѣдь жалость-то кака! На вѣдь погнали нашихъ парней!..—И она поднимала свои голыя руки, огрубѣвшія отъ стирокъ и сѣвкосокъ, крытыя морщинами и загорѣлыя до самыхъ плечъ. А у окна, прильнувъ лицомъ къ стеклу, молодая дѣвушка, держа на колѣняхъ небольшой узелъ, молча слушала ее, и возможно взглядываясь въ темноту и сился различить въ темнотѣ на площади толпѣ изящную, стройную фигуру молодого человѣка, который уже довольно браво смотрѣлъ въ своей маленькой франтирерской курткѣ.

XII.

Нѣсколько дней спустя появились пруссаки, но не въ отдѣльные развѣдчики, а густые батальоны, мѣрно и въ выстулавшіе подъ пронзительные, хриплые звуки флейтъ двигались въ строгомъ порядкѣ, ноги дружно поднимались и опускались съ каждымъ раскатомъ барабана.

Съ касками на головахъ, вытянувшись въ строй, шли по улицѣ села вдоль наглухо запертыхъ домиковъ, на которые можно было подумать, что деревня совсѣмъ кинута жителями.

Прежде всего они потребовали мѣра. Офицеры съ важнымъ видомъ отдавали приказанія, уланы съ заряженными ружьями въ рукахъ, во весь духъ, поскакали впередъ.

Въ центрѣ большихъ, лучеобразно расходящихся въ окруженный клумбами вѣчно зеленыхъ кустовъ, съ раскрытыми воротами и дверями, какъ будто приготовившись къ торжественной встрѣчѣ, старый замокъ возвышался передъ ними какимъ-то печальнымъ, величавымъ достоинствомъ.

Уланы, со своимъ начальникомъ во главѣ, маленькими группами въѣзжали на дворъ, успѣвъ уже порядкомъ нагружать такъ какъ дорогою было опустошено не мало погребовъ.

тѣмъ полковникъ, длинный верзила, въ картузѣ, лихо помахивая на бекрень, въ красивомъ мундирѣ съ малиновыми пуговицами, подошелъ къ хозяину замка.

— Вы мэръ?

— Берне-де-Вигоръ, облеченный въ простую охотничью куртку, несколько потертую на локтяхъ, смѣрилъ его взглядомъ до лодыжекъ и затѣмъ отвѣтилъ, наклонивъ слегка свою длинную голову, на которой сохранились только немногіе волосы уже сильно посѣдѣвшихъ волосъ.

— Да, я мэръ.

— Прекрасно. Не угодно-ли вамъ тотчасъ-же сказать мнѣ, кто виновные.

На этотъ разъ взглядъ его остановился на прикладѣ ружья, висѣвшаго на стѣнѣ вмѣстѣ съ другимъ оружіемъ, и каза-лось, мысленно говорилъ этому вѣрному товарищу:

— А что, дружище, если-бы ты былъ у меня въ рукахъ, то-то-бы мы съ тобою потѣшились!..

Но Берне ограничился короткимъ отвѣтомъ:

— Какіе виновные? Тутъ нѣтъ виновныхъ, а есть только виновныя стороны.

Полковникъ отвѣчалъ рычаніемъ, сопровождавшимся цѣлымъ потокомъ нѣмецкихъ ругательствъ. Наконецъ, истощивши всю свою желчь и весь запасъ бранныхъ словъ, имѣющихся въ французскомъ нарѣччіи, онъ поневолѣ долженъ былъ снова обратиться къ языку побѣжденныхъ.

— Мобилизованная войска или франъ-тиреры—всѣ францы, всѣ каналы.

Съ гнѣва у него ошетинились всѣ волосы на рыжихъ щекахъ, и командорскій крестъ, украшенный эмалью, трясся на его груди орденами.

— Тебя заставлю говорить, негодяй!

Въ замкѣ пожимая плечами, онъ нисколько не смутился, и направленные противъ него дула револьверовъ и сохранившее спокойствіе и хладнокровіе, несмотря на угрозы улановъ, въ которыхъ несло виномъ. Въ груди этого торгаша, при видѣ врага, вдругъ оказалось геройское сердце и въ немъ при-ступилъ онъ почувствовать, какъ сильно оно еще умѣетъ бороться. Не успѣвъ добиться отъ него никакихъ указаній, они схватили его въ комнату подвального этажа, подгоняя его руками и прикладами и оставивъ на его старой грубой кожѣ

нѣсколько цар апинъ. Здѣсь его заперли и изъ прониости поставили къ двери часовыхъ. Затѣмъ солдаты пались по дому, осматривали его стѣны и наполняли покои брацаніемъ оружія и шпоръ. Остальные въ деревню, размѣстились въ ея домикахъ и ломали заборы, чтобы развести огонь.

У Жакото они устроились даже съ нѣкоторыми томъ. Домъ у него былъ просторнѣе, да и хозяинъ гостей довольно радушно. Они усѣлись за столъ себя дома, разстегнули мундиры, сдвинули карты сушили передъ огнемъ свои сапоги и покуривали изъ фарфоровыхъ трубокъ. Пока сильно подгулявшіе между собою оживленную бесѣду, фермеръ, усердно стараясь услужить, перерылъ весь свой погребокъ на столъ запечатанные кувшины и запыленные бутылки.

Мало-по-малу обильныя изліянія сдѣлали ихъ сонными. Тяжелая атмосфера, пропитанная табачнымъ запахомъ спирта и кожи, сушившейся передъ очагомъ болѣе туманила имъ головы, наполняя низкую комнату рюхатыми клубами, которые сгущались подъ потолкомъ вмѣстѣ съ толстыми ломтями сала, висѣли пучки стручковъ, заготовленныхъ для будущаго посѣва.

Хриплый смѣхъ сопровождался звономъ разбивающихся кановъ, а тяжелыя остроты пьяной компаніи, на французскомъ языкѣ, долетали до оторопѣвшихъ вмѣстѣ съ обломками пустыхъ бутылокъ, которыми любезности, отъ времени до времени запускали въ

— А вѣдь хозяинъ-то нашъ не на шутку старейшій, дружище, опустошай погребокъ; меньше придется пить, когда мы подождемъ твою лачугу.

Они награждали себя громкимъ смѣхомъ и аплодисментами за свои казарменные остроты, которыя, повидимому, зались имъ необыкновенно забавными, и каждый разъ оскальвали вубы вплоть до десенъ.

Венсанъ, казавшійся почти блѣднымъ среди всѣхъ раскраснѣвшихся, полныхъ лицъ, вдругъ всполошился.

— Подождете?.. Что подождете?

А онъ и не понималъ? Вотъ чудакъ-то. Это размѣшивало еще больше. Наконецъ, какой-то маленькій офицерикъ, рыій все время ломался и охорашивался съ граціозно

ны и говорил по-французски съ аффектаціей бульвар-франта, соблаговолилъ объяснить ему въ чемъ дѣло.

— Да ради этого мы и пришли сюда, пріятель; деревню подожгутъ съ четырехъ концовъ.

— И вы думаете, что вамъ позволятъ это сдѣлать?

— Думаемъ.

— Да я, я не допущу!..

Онъ не допустилъ! Вотъ шутникъ-то! Ужъ не намѣренъ ли записаться къ нимъ въ командиры? Всѣ снова такъ и смеются; веселье съ каждой минутой возростало, какъ по-настоящему свирѣпѣющая буря.

Черезъ отверстіе въ перегородкѣ просунулась сѣдая голова старика, съ недоумѣніемъ смотрѣвшаго на этотъ страннѣйшій кутежъ своими воспаленными глазами, казавшимися еще блѣднѣе среди его блѣднаго лица.

— Что они здѣсь дѣлаютъ?

Старикъ не понималъ хорошенько въ чемъ дѣло. Какъ эти люди смутились въ его домѣ? Кто отнеръ для нихъ укроваго вина? Кто отнеръ для нихъ хранилось вино? Онъ только смутно чувствовалъ, что шуршащая компанія объѣдаетъ и опиваетъ холостяка, что этотъ кутежъ клонится къ ихъ разоренію, что разбойники истребляютъ, расхищаютъ ихъ добро, накопленное въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Теперь, послѣ долгаго періода полнѣйшаго равнодушія, эта послѣдняя страсть крестьянина, прорывающаяся съ интенсивностью острой, невыносимой боли. Кто онъ? Зачѣмъ онъ прислуживаетъ имъ съ такимъ поспѣшнымъ усердіемъ! Такъ вотъ какъ онъ заботится о сохраненіи своего имущества!

У котораго отъ ужаса выступилъ холодный потъ, схватилъ себя за голову.

Что быть?.. Что придумать для предупрежденія бѣды?.. Они преспокойно продолжали бесѣдовать, чувствуя себя въ радужномъ настроеніи, и опорожняли кувшинъ за кувшиномъ, закинувъ ногу на ногу и фамиллярно облокотившись на столъ.

Эти франц-тиреры! Вотъ тоже еще выдумка! Эти франц-тиреры! Этимъ часу не дадутъ соснуть спокойно. Положительно не дадутъ спать. Пока не удалось переловить и разорить ихъ самихъ, рѣшено спалить деревню. Что касается

до жителей, то самых богатых и влиятельных заберут качества заложников. Безъ такихъ гарантій обойтись невозможно. Пускай увидятъ, что значить позволять этимъ рыцарикамъ рыскать и тревожить правильное войско.

Они мирно, беззаботно болтали объ этомъ между собой какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ. Вопросъ о срокахъ перешелъ къ вопросу о количествѣ недопитыхъ бутылокъ, о томъ осушать еще нѣсколько стакановъ и затѣмъ подадутъ сигары, зажигать первые огни. Не успѣетъ пройти и нѣсколькихъ минутъ, какъ все уже будетъ кончено. У нихъ на это самыя формальныя приказанія; остается только съ точностью приступить къ исполненію. Но тѣмъ не менѣе, пожалуй, можно было попытаться кое-что. Мало-по-малу фермеръ будто приободрился и поднялъ голову. Если въ самомъ дѣлѣ весь сыр-боръ загорѣлся изъ-за этихъ молодыхъ людей, то можно было озираясь по сторонамъ и какъ будто нѣсколько страшась приступить къ исполненію задуманнаго плана, онъ тихими кошачьими шагами подошелъ къ столу, гдѣ сидѣли нѣмецки.

Нѣтъ, онъ ни за что не рѣшится... Что-то непреодолимое останавливало его.

Отчего это всѣ вдругъ смотрятъ на него? Неужели черный замыселъ такъ ясно написанъ у него на лицѣ? Онъ стоялъ въ нерѣшительности, не зная идти-ли впередъ или отступить; въ пересохшемъ горлѣ какъ будто что-то мешало. И вдругъ, поджавшись неслышными шагами, онъ выступилъ посерединѣ группы нѣмцевъ, стараясь придать своему голосу и понабраться храбрости.

— А что, если-бы вамъ сказали, гдѣ они скрываются?

Всѣ умолкли. Это предложеніе сразу ихъ отрезвило. Только передъ очагомъ осталось нѣсколько человѣкъ, притомъ они тихихъ безучастно плевать въ огонь.

— Ты это сдѣлаешь?

Наступила такая глубокая, почти торжественная тишина, что можно было ясно разслышать даже произнесенное самымъ «да», хотя онъ прошепталъ его тихимъ, смутнымъ голосомъ, который какъ-то странно звучалъ среди вѣняющаго ледяного молчанія; такъ трудно было уловить это виднѣвшееся въ глубинѣ комнаты старое морщинистое лицо, принуждено было нѣсколько податься впередъ, чтобы слышать его.

ая, на что рѣшиться, нѣмцы совѣтовались между со-
 вполнѣ вѣря въ искренность предложенія и боясь,
 ается-ли за нимъ ловушка. Надо быть очень осто-
 ; быть можетъ это не что иное, какъ западня. Что
 о заставить выдать товарищей? Но маленькій офице-
 ворившій по-французски, былъ въ восторгѣ и съ не-
 енной граціей выдѣлывалъ какое-то антраша. Онъ от-
 наетъ французовъ, такъ какъ давно имѣетъ съ ними
 нь ругается за искренность этого человѣка.

Какой знатный малый! *Quel homme chic!*

альше, видимо охладѣвъ къ своему хозяину, сторонни-
 ѣ него, — отъ избытка-ли уваженія или презрѣнія — рѣ-
 ло трудно. Самый молодой офицеръ, едва выпущен-
 ѣ училища, въ очкахъ, съ выгученными, близорукими
 выступилъ впередъ и взялся допросить фермера.

Ты знаешь, гдѣ они находятся?

Не я одинъ, всѣ здѣсь объ этомъ знаютъ.

А между тѣмъ никто не хотѣлъ намъ указать ихъ
 па.

Трусъ они всѣ, оттого и не указали!

Ты берешься провести насъ?

тебя побудило выдать ихъ?

ту спасти свое имущество.

оренный послѣднимъ отвѣтомъ, офицеръ сталъ за-
 -какія свѣдѣнія относительно характера мѣстности,
 отряда и т. д. Въ комнатѣ продолжала царить ти-
 но было только шуршанье карандаша, скользившаго
 магѣ записной книжечки.

же не было никакой возможности отступить, жре-
 шенъ, а между тѣмъ у Венсана почему-то морозъ
 о тѣлу. Всѣ эти взгляды, устремившіеся на него съ
 обеннымъ любопытствомъ, стѣсняли его. Но подъ
 взапно мелькнувшей въ его головѣ мысли, румянецъ
 шилъ на его щекахъ, на лбу опять налились и взду-
 , забывшись подъ напльвомъ проснувшейся ненави-
 мко воскликнулъ, какъ будто въ комнатѣ не было ни-
 него:

жъ удружу я твоему Шьеру!

мцевъ никто не обратилъ на это восклицаніе ни ма-

лѣйшаго вниманія. Теперь они суетились, приводили и докъ одеждѣ, потягивались, чтобы расправить члены, вали на себѣ пояса, отыскивали свое оружіе, точили сленскіе ножи съ'опрямленными сталью ножнами; неболье котъ былъ спеціально назначенъ для прѣсмotra за Венсана. И вдругъ, среди этого всеобщаго гама, возгъ самой дался крикъ часоваго:

— Кто идетъ?

Человѣкъ, подавшій поводъ къ тревогѣ, былъ дрвыжившій изъ ума старикъ, едва державшійся на обешпикъ ногахъ и спускавшійся по ступенькамъ крыльцъ стившійся передъ нимъ ружья поднялись и онъ побрел ею дорогою, пошатываясь и бормоча сквозь безуміе:

— Нужно предупредить крошку.

Въ его глазахъ, не смотря на истевшіе чм. онъ прежнему оставалась крошкой.

XIII.

На селѣ царилъ необыкновенный переполохъ. Нивозовали охоту за франъ-тирерами, готовили настоялаву. Начальники отрядовъ, получивъ надлежанія цѣи, готовились въ путь; всѣ необходимы для удвдици мѣры быстро приводилось въ исполненіе. Тивнѣ невозможно было тотчасъ выступать, такъ было выждать приказаніе высшаго начальства, удвразставленныкъ вокругъ деревни часовыкъ, провѣантъ, обезпечить себѣ отступленіе въ случаѣ наго нападенія,—а все это требовало не мало врем

Что касается Венсана, то къ нему былъ приставленъ конвой, и каждый разъ, какъ онъ дѣлалъ сколькоподозрительное движеніе, ему приставляли къ уду вольвера. Поэтому онъ держалъ себя тише воды, и имѣлъ достаточно времени, чтобы обдумать свое Да, оно было далеко не такъ пріятно, какъ онъ во Но нечего дѣлать, приходилось съ нимъ мириться. то ни было, онъ добьется двухъ очень существенныхъ татовъ: во-первыхъ, отмстить ненавистному сопернику вторыхъ—спасеть отъ разоренія свое имущество. ства, къ сожалѣнію, не всегда можно быть разборчивымъ

и разсуждать объ этомъ поздно; отступитъ ужъ все нельзя. И съ какой стати онъ вздумалъ тревожиться! Ойдетъ какъ по маслу. Наши молодчики ничего не поютъ, ихъ окружатъ и заберутъ всѣхъ до одного, прежде чѣмъ кто нибудь изъ нихъ успѣетъ выскочить. И весь лѣсъ-то такъ величиною, а дорога удобная, безопасная. Только въ нѣсколькихъ мѣстахъ будетъ нѣсколько боязно проходить, — тамъ, между двумя холмами, тянется узкое ущелье. Но они до степени увѣрены въ невозможности нападенія, что на-е не выставили даже часовыхъ на этомъ важномъ пунктѣ. Когда все будетъ кончено, и подано не о чемъ беспокоиться, и вѣтви не сожгутъ его фермы и оставятъ такого безобиднаго человѣка, какъ онъ, заботясь только о своихъ собственныхъ дѣлкахъ.

Старикъ тѣмъ временемъ тоже шелъ своею дорогою, выходя по временамъ, жестикулируя и принимаясь жадать съ какою нибудь изгородью или межевымъ кам-

Маленькій домикъ Манетты стоялъ на краю узенькой долины. Передъ единственнымъ окномъ, въ старомъ кувшинкѣ, висѣли вѣтви, печально желтели листья герани, поблекли послѣднихъ инеевъ.

Онашла себѣ пріютъ маленькая Жакетта, съ которой неразлучно провелъ столько лѣтъ. Устроившись въ своемъ убѣжищѣ, она тотчасъ увѣдомила его объ этомъ. Подойдя къ двери и уже приготовившись постучать, звукъ остановился, спрашивая себя, зачѣмъ онъ пріятелю хотѣлъ разсказать? Мысли его перепутались и въ извѣстную минуту возникъ хаосъ. Но она уже узнала его по неуверенно-французской походкѣ и по стуку палки, которою онъ обыкновенно ударялъ на ходу по заборамъ и тыкалъ въ стѣны

Онъ широко растворенную дверь онъ увидѣлъ ее, блѣдную, серьезную, но отъ радости не обратилъ на это никакого вниманія, уже ни о чемъ больше не думалъ и только улыбаясь своею бессмысленною, веселою улыбкою.

Жакетта! Жакетта! Я искалъ тебя...

Она не въ состояніи была говорить, но молча пожимала плечами, между тѣмъ какъ слезы катились по ея щекамъ. А онъ, между тѣмъ временемъ суетилась и тараторила:

— Ахъ, Боже мой, вотъ не ожидали-то... господи кто!

Она поспѣшила пододвинуть стулъ и старалась съ вѣчно засученные рукава своей синей вязанной кофты.

— Чѣмъ прикажете васъ подчивать?

Но старикъ сидѣлъ, задумавшись и видимо старался выискать какую-то мысль, застрявшую гдѣ-то, въ одномъ изъ коулковъ его отуманенной памяти.

— А вѣдь я что-то собирался сказать тебѣ.

Онъ, казалось, дѣлалъ надъ собою необыкновенныя усилия, потупился и низко опустилъ голову, словно боясь, что что-нибудь не отвлекло опять его вниманія; глаза его представляли неподвижно-напряженное выраженіе жвачнаго животнаго, средоточенно созерцающаго лежащій передъ нимъ предметъ.

— Ахъ, да, помню... что-то насчетъ Пьера.

— Пьера!..

Однимъ прыжкомъ она очутилась возлѣ него.

— Говорите, говорите скорѣе!

Но онъ все съ тѣмъ-же безпомощнымъ видомъ тире длинными желтыми руками изрытый морщинами.

— Не могу вспомнить...

Она опустилась возлѣ его стула на полъ и, прижавъ къ его колѣнямъ, умоляла дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Постараетесь... постарайтесь вспомнить.

И онъ дѣйствительно старался. Губы его шевелились, глядя въ потолоку, онъ силился уловить оборванную мысль, которая привела его сюда; но въ памяти остались только отрывочныя слова, переплетавшіяся въ неразубранныя, недоконченныя фразы.

— Помоги мнѣ собраться съ мыслями; о чемъ, собственно началъ тебѣ говорить?

— О Пьерѣ... Вы говорили о Пьерѣ.

— Ахъ, да.

Онъ взмахнулъ руками, глубоко вздохнулъ и опять началъ нѣсколько времени. Вдругъ онъ всталъ, крѣпко ступилъ объ полъ своею палкою.

— Ахъ, да! И онъ, и всѣ остальные... Всѣхъ перебралъ. Вѣдь онъ тамъ теперь продаетъ ихъ всѣхъ!..

— Кто? Боже мой, кто?..

Онъ уставился на нее своими тусклыми глазами,

испыхнувшая было на минуту искра сознания, казавшаяся постепенно гасла.

— А ты спрашиваешь меня?.. Почему-же я знаю... слабые умственные силы, по видимому, окончательно перестали служить ему; последнее усилие сломило скудный запас энергии; онъ весь какъ-то размякъ и опустился.

— Она къ отчаяннѣй ломала руки. Сидѣть тутъ, и возлѣ не быть въ состояннѣ добиться отъ него хоть одного слова! Онъ сидѣлъ по-прежнему сгорбившись, не двигая отвисшими губами, машинально вертѣлъ костлявыми руками свою палку и по временамъ бормоталъ какія-то бессмысленныя фразы.

— Важна будетъ трава... ни одинъ не улизанетъ... А поймаютъ деревню... Ну, да мнѣ все равно; вѣдь они ужъ все растащили у насъ.

— Только привлеченный теплотою, исходившею отъ очага, онъ придвинулся къ огню и неподвижно смотрѣлъ на горящую головню, на чугунную плиту очага, покраснѣвшую отъ жару, которое охватывало и лизало стѣнки мѣднѣннѣ, висѣвшаго на крюкѣ. Дѣвушка съ напряженнымъ вниманнѣмъ вслушивалась въ его рѣчи, тщетно стараясь отыскать въ нихъ какую нибудь послѣдовательную мысль. Слезы на щекахъ текли изъ ея покраснѣвшихъ, воспаленныхъ

— Старикъ, какъ будто просыпаясь, обратился къ ней:

— Ты плачешь, врозька?.. О чемъ-же ты плачешь?

— Ея прерывали ея отвѣты.

— Ничего не знать!.. Ничего не понимать!.. Развѣ это можно!..

— Да, это правда...

— Только было смотрѣть на ея слезы. Онъ смутно сознавалъ, что онъ льются по его винѣ. Онъ сдѣлалъ новое усилие, наклонившись на кипѣвшій котелъ, въ которомъ пѣнилась вода.

— Ждетъ—припоминаю... Слушай...

— Она задала дыханнѣе и неподвижно сидѣла, раскрывши ротъ, какъ будто для того, чтобы помочь ему говорить.

— Хорошо еще, коли не поздно теперь...

— Совдно?..

— Этомъ она и не думала. Съ удвоеннымъ, тревожнымъ

вниманіемъ ловила она каждый слогъ; сердце богѣзненно, д
стучало въ ея груди.

Старикъ говорилъ не торопясь, вспоминая прежде вс
томъ, что его поразило больше всего.

— Они сидятъ тамъ у насъ... Ихъ дѣлая шайка... Па
должно быть, ужь совсѣмъ опорознели... Тамъ и х
проклятые... и вообще этотъ негодяй, Венсанъ, самъ
гадетъ имъ грабить наше добро!..

Онъ въ бѣшенствѣ сжималъ кулаки, но все еще не
ничего толкомъ рассказать, такъ что всякое терпѣніе
было наконецъ истощиться.

— Какъ онъ ни старался, а они все-таки хотѣли под
домъ... И знаешь, что онъ тогда придумалъ?

Старикъ засмѣялся какимъ-то страннымъ, злобнымъ смѣ
хомъ; глубоко ввалившіеся глаза его, выглядывавшіе изъ-подъ
нависшихъ, длинныхъ бровей, стали наливаться кровью.

— Славная выдумка, нечего сказать! Въ мое время
на смерть, да не выдавали товарищей. Неприятелю покарал
съ косами да съ вилами, коли не было другого оружія. А
перь стало проще. Когда онъ появляется, съ нимъ бр
чаютъ, любезятъ передъ нимъ и, чтобы задобрить
даютъ ему кровь своихъ братьевъ!..

Манетта вся затряслась и упала на колѣни.

— Боже милосердый! Да возможное-ли это дѣло!

Жаклина смотрѣла на старика широко раскрытыми
ужаса глазами. Онъ поднялся съ своего мѣста
грознымъ, негодующимъ голосомъ:

— Венсанъ измѣнникъ!.. Венсанъ ведетъ ихъ
жилъ до восьмидесяти лѣтъ, чтобы передъ смертью
такой позоръ!

Выпрямившись во весь ростъ, онъ стоялъ посре
ленькой комнатки, но вдругъ опять опустился и стору
сухихъ, лихорадочно горѣвшихъ глазахъ навернулись

Сквозь растворенную дверь видны были поля, у
нувшіяся и какъ-будто дрожавшія отъ холода под
вымъ, осеннимъ небомъ. На синеватомъ фонѣ жив
родей рыжими пятнами выдѣлялись поблекшіе листья;
ромъ воздухъ кое-гдѣ медленно тянулся стаи продр
перелетныхъ птицъ. Старикъ указалъ рукою на окутанн
маномъ далекій лѣсъ.

Время не терпит... бѣги скорѣе... Ты вѣдь молодая, напрямки... Ихъ нужно предупредить. Я-бы и шелъ, но вѣдь туда не близко; да и старъ ужъ я...

Весь дрожалъ и осунулся, какъ будто изнемогая отъ ти; мысли запутались и сознание быстро замѣнилось тупымъ равнодушіемъ. Она вѣжно обвила его руку и подставила лобъ для поцѣлуя.

Прощайте...

при этомъ словѣ сердце ея сжалось, какъ будто что-то валося въ немъ; слезы снова брызнули изъ глазъ, и она пошла къ нему, опустивъ голову на его плечо.

Можетъ быть, мы уже не увидимся... можетъ быть это послѣдній разъ...

Полно... полно... Не мѣшкай...

возвращеніе не вызвало въ немъ никакого отголоска. Онъ только глядѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась въ туманѣ. Затѣмъ онъ побрелъ домой своею обычною нетвердою походкою, погружившись въ прежнее идиотское равнодушіе и обративъ вниманіе на множество военныхъ, толпившихся у воротъ села.

XIV.

Быстро закутавшись въ свою маленькую шаль, Жаклина пошла впередъ, пересѣкая поля, пробираясь вдоль межей. Поля были вспаханныя поля. Однообразная зелень луговъ прерывалась полосами, поросшими свеклою, наполовину вышедшею изъ земли темнозелеными листьями, разбросанными красными жижками.

Зелень постепенно исчезала изъ виду.

Вдали колокольня, казавшаяся необыкновенно стройною и тонкою среди неуклюжихъ сѣрыхъ крышъ, какъ будто приплюснутая къ землѣ у ея основанія, также видѣлась все болѣе и болѣе смутно. Кое-гдѣ попадались деревья съ увядшею отъ жары листвою. Пожелтѣвшіе, покоробившіеся листья казались, готовы были слетѣть при первомъ порывѣ вѣтра. Тамъ, темною полосой, прерываемою большими желтыми пятнами, тянулся лѣсъ, вершины котораго образовали на горизонтѣ длинную зигзагообразную линію.

Селу уже едва видѣлись и казались сплошною мас-

сою, широкимъ пятномъ посреди пестрой пелены полей, будто составленной изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Уже начиналась лѣсная опушка съ корявымъ, покрытымъ шалями дубнякомъ, съ взмокшею почвою, поросшею короткою травой, на которой слизняки оставляли длинныя, блестящія слѣды; а дальше начинался настоящій лѣсъ, мрачный, молвный, казавшійся еще болѣе печальнымъ среди осенней природы; деревья уныло понурили свои пожелтѣвшія вѣтви, на которыхъ блестяли дождевыя капли и щебетали сошвырнувшія себѣ клювъ о древесную кору; подъ ногами на каждомъ шагѣ хрустѣли обвалившіяся сухія вѣтви.

Она шла запыхавшись, не переводя духа, выбираясь по склонамъ, отыскивая дорогу по слѣдамъ потухшихъ востроносныхъ обугленныхъ головней, покнутыхъ среди черновато-зеленой травы.

Но вотъ она вступила въ каменистое ущелье, по которому вела узкая дорога, пробивавшаяся между двумя высокими каменными горами. Глубокая лощина была какъ будто стиснута горными массивами, замыкавшими въ этомъ мѣстѣ горизонтъ. Съ каждой стороны дороги изъ скалъ сочилась вода и журчали ручейки, которые лѣтомъ незамѣтно терялись между переплетавшимися вѣтвями деревьевъ, но съ каждою осенью разливались и превращались въ шумные потоки, стремительно низвергавшіеся въ долину и увлекавшіе со склоновъ взмокшую, размякшую почву.

По мѣрѣ того, какъ она приближалась къ цѣли, сердце билось все сильнѣе. Въ лѣсу кругомъ видны были слѣды рубки; среди лѣсной прогалины выступили бѣлыя стѣны старой фермы, въ которыхъ были пробиты бойницы. А въ окрестностяхъ нея суетились люди въ коротенькихъ, узкихъ мундирахъ, обтрепанныхъ и полинявшихъ отъ дождя; мѣстами разбѣгались часовые.

— Кто идетъ?

Пройти такъ просто, безъ пароля, было не легко. пришлось вступить въ переговоры, объясняться, а между темъ время уходило, и Венсанъ, быть можетъ, уже приближался и орда, которую онъ велъ, могла каждую минуту окружить отрядъ франц-тиреровъ.

Какъ забилось вдругъ ея бѣдное сердце. Видѣвъ это, онъ смотрѣлъ на нее такимъ холоднымъ взглядомъ, который низывалъ ее до глубины души. Да, это онъ, нѣсколько рѣвшій отъ жизни подъ открытымъ небомъ, съ нѣсколькими

вишися глазами, свидѣтельствовавшими о недавнемъ утратѣ переходѣ, о ночахъ, проведенныхъ на голой землѣ.

— Вы здѣсь, Жакина?

— Да, я.

Голосъ ея прерывался отъ волненія. Она чувствовала себя сильною передъ суровымъ взглядомъ этихъ жестокихъ глазъ.

— Я пришла... Пьеръ, спасайтесь скорѣе... Сейчасъ притруссаки; они уже въ дорогѣ... Почему знать, можетъ ли путь къ отступленію уже отрѣзанъ!

— Чѣмъ-же это васъ-то можетъ беспокоить?

Онъ презрительно пожалъ плечами и продолжалъ смотрѣть на нее все тѣмъ-же взглядомъ, выразившимъ равнодушіе съ примѣсью сожалѣнія.

— Меня!..

Изъ груди ея вырвался сдавленный крикъ. Какъ убѣдить его? Какъ побѣдить это невозмутимое равнодушіе. Никогда еще онъ не говорилъ съ ней такимъ надменнымъ презрительнымъ тономъ.

Боже мой! А что если онъ и въ самомъ дѣлѣ уже не любитъ ея?

— Пьеръ, прошу васъ... Пьеръ, ради вашей матери, которая не переживетъ такого удара!..

— Да развѣ мы не затѣмъ пришли сюда, чтобы умереть?

— Ну, такъ ради меня...

— Ради васъ? Какое-же вамъ дѣло до моей судьбы?

Рѣшившись добиться своего во что-бы то ни стало, она продолжала умолять его смиреннымъ, покорнымъ тономъ. Она робко взяла его за руку и въ отрывочныхъ, безсвязныхъ вырваніяхъ рассказывала объ измѣнѣ Жако, о грозящей каждую минуту ужасной опасности. Но по мѣрѣ того, какъ она говорила, взглядъ Пьера становился все безжалостнѣе, все скорбительнѣе и суровѣе.

— И это вы, воскликнулъ онъ, — вы приходите домогаться у него? Вы разоблачаете его тайну, его позоръ!

Она опустила голову и смиренно, робко прошептала:

— Да, я.

— Стало быть въ васъ нѣтъ и слѣда уваженія ни къ самой себѣ, ни даже къ тому человѣку, которому вы отдались?

— Отдалась!.. Я?

— Вы не сумѣли понять, что для васъ человѣкъ этотъ

стать священнымъ существомъ, что вы обязаны умалчивать его слабостяхъ, скрывать его пороки, что вы меньше, кто-бы то ни было, имѣете право доносить на него. Вы ступаете позорно... Такъ вотъ вы какъ его любите?

— Любить... его?

Она подняла голову съ видомъ негодующаго протеста; мушкетеръ такимъ предположеніемъ. И вдругъ, совершенно преобразившись, она устремила на него взоръ, въ которомъ такъ и свѣтилась, такъ и сіяла страсть. Онъ медленно наклонился къ ней, стыдясь своей грубой выходки и уже невольно спросилъ:

— Такъ кого-же вы любите?

— Кого я люблю!

Теперь она опять колебалась и медлила отвѣтомъ. Но мало-по-малу глаза Пьера начали принимать болѣе живое выраженіе. Въ нихъ появилось что-то въ родѣ слабаго луча надежды. Онъ уже не отталкивалъ этой маленькой ручищи, такъ крѣпко сжимавшей его руку. Поддаваясь все болѣе и болѣе обаянію этого прикосновенія, онъ позволилъ ей ближе подойти къ нему, прислониться къ его рукѣ, опереться на его плечо, такъ что губы ея почти касались его уха.

— Кого я люблю?.. Тебя, тебя!..

Зардѣвшись отъ стыда, она низко опустила голову, чтобы скрыть краску, разлившуюся по ея щекамъ. Онъ крѣпко жаль ее къ себѣ, взволнованный прикосновеніемъ ея шеи, ея груди, прядей волосъ, колеблемыхъ вѣтромъ и жившихъ по его губамъ, чувствуя на своей шеѣ ея дыханіе. Сколько блаженства принесла съ собой эта короткая минута опьяненія, охватившаго обоихъ сладострастнымъ петомъ, соединившаго ихъ одною общою радостью, заставившаго ихъ забыть про все на свѣтѣ. Вдали клубились тучи тумана, густыя стаи скворцовъ наполняли воздухъ шелестомъ листьевъ и рѣзкимъ щебетаньемъ.

— Такъ ты меня обманула?

— Замолчи, не говори объ этомъ.

— Что побудило тебя обманывать меня?

— Оскорбленное самолюбіе, тщеславіе... я и сама не

Но теперь все кончено; не спрашивай меня.

Не спуская глазъ другъ съ друга, они молча стояли, будто въ забытьи; но вдругъ, увлеченная порывомъ страсти

весь міръ, отдавшись своему блаженству! Всѣ над сразу разбиты. Это было свыше ея силъ. Неумелимъ, кака судьба, тяготѣвшая надъ всею ея жизнью, прее ее даже теперь и покидала его у нея въ ту самую когда она уже думала, что наконецъ побѣдила всѣ ствiя.

— Стало быть, ты никогда не будешь принадлеж

Съ тоскою она слѣдила за движеніями маленьк Принсескина ея вѣсть быстро была сообщена всѣмъ никамъ; офицеры поспѣшно собирали солдатъ.

— Въ дорѣгу, ребята, скорѣе на вышку—ми из тимъ въ ущельи убійственнымъ огнемъ.

Всѣ засуетились, толкая другъ друга, не зная минуту, за что прежде всего взяться, наполняя снаряжая ранцы. Сiяющій взглядъ Пьера отъ времени мени устремлялся на молодую дѣвушку, стоявшую въ сторонѣ и озарялъ ее, какъ молнія. Она уже стовала, покорившись судьбѣ, невольно поддаваясь очередь обаянію этого спокойнаго героизма, увлеченн общимъ порывомъ, пораженная тою безпечностью, съ эти люди готовились къ послѣдному бою. Утѣшавш мысли, что они вмѣстѣ встрѣтятъ опасность, она п себя, слѣдуя на нѣкоторомъ разстояніи за батальон бравшимся сквозь кусты:

— Такая жизнь была-бы слишкомъ большимъ ст Хорошо и умереть вмѣстѣ.

Глаза ея снова загорались при воспоминаніи о немъ счастья; сердце какъ-то странно билось; гру шире и глубже; губы горѣли огнемъ перваго поцѣлу

XV.

Запасшись въ дорогу всѣмъ необходимымъ, отл отѣвшись, пруссаки тронулись въ путь. Колонна, в номъ порядкѣ, длинною цѣпью потянулась между вспа полями; среди унылаго, туманнаго ландшафта замельн ные ряды полинявшихъ, помятыхъ мундировъ и ост ныхъ касокъ.

Во главѣ, подъ строгимъ конвоемъ, шелъ Венсанъ, же прежній Венсанъ, не тотъ щеголь и хвастунъ, к

го, разтѣвжалъ по ярмаркамъ съ цвѣтущею миною, съ
енною рѣчью, и побѣдоносно гремѣлъ въ трактирахъ сво-
подкованными каблуками, не тотъ, который разглаголь-
валъ въ базарные дни, широко разставивъ локти, опираясь
вой длинный кнутъ, заломивъ шляпу на затылокъ и по-
ая окна кабаковъ могучими раскатами своего громкаго
са. Онъ вдругъ какъ будто постарѣлъ, ноги отяжелѣли
лишней грязью, грязная мокрая блуза висѣла въ драблѣхъ
адакъ и обрисовывала его крѣпкія, мускулистыя плечи,
одный потъ выступилъ на вискахъ, слипшіеся волосы ви-
ли прямыми, плоскими прядями.

— Смотри, держи ухо востро! Въ случаѣ бѣды ты знаешь,
тебя ожидаетъ!..

Свирѣпыя взгляды пронизывали его до мозга костей и по-
рительно слѣдили за малѣйшимъ его движеніемъ. Изъ-подъ
ручьевыхъ густыхъ усовъ вырывались проклятія и руга-
нства, смыслъ которыхъ не трудно было угадать. Онъ вы-
ражалъ себѣ любовь, изнемогая отъ усталости и зловѣщихъ пред-
вѣстій.

— Проклятая дорога! Видно ей никогда конца не будетъ!
Онъ часто ѣздилъ этою дорогою съ беззаботнымъ равно-
шiemъ довольнаго судьбою человѣка, убаюканный скрипомъ
кошечки, погруженный въ спокойное созерцаніе своего счаст-
ваго, обезпеченнаго существованія; полузакрытые глаза
медленно блуждали по золотистому полю облаковъ, озаренныхъ
слѣдными лучами закатившагося солнца. Кто-бы могъ
предсказать тогда, что настанетъ день, когда эта дорога покажетъ
ему такую мрачною и зловѣщею подъ унылою пеленою
образно-сѣраго небосклона.

Какъ невыносимо долго тянулась она между безконечными
горными вызовами: на далекомъ разстояніи другъ отъ друга по
горамъ ея видѣлись верстовыя столбики и правильныя кучи
камней, сложенныхъ въ видѣ усѣченныхъ пирамидъ.

А тамъ, далеко, какъ суровыя декораціи предстоящей дра-
мы разстидались темныя воды лѣса. Въ душу неволью про-
носился холодный ужасъ неизвѣстности; въ воображеніи рисо-
вались ожидавшія впереди кровавыя сцены.

Отъ времени до времени — привалъ, а затѣмъ все тоже
надежно-правильное, автоматическое шествіе, увлекавшее въ

своемъ пассивномъ движеніи этихъ безстрастныхъ, поранныхъ дисциплиною людей.

Свернувъ съ большой дороги, отрядъ вступилъ на тропу, извивавшуюся и исчезающую между двумя горными путниками невольно овладѣвало какое-то гнетущее чувство исчезло изъ виду, надъ головою высились только склоны, усыянные гранитными глыбами, между которыми гдѣ зеленѣли тощіе кусты.

Нѣмцы остановились; офицеры стали совѣтываться съ другомъ.

— Это и есть настоящая дорога?

— Да, эта самая.

— Ну, дорога, нечего сказать!.. Впрочемъ, гдѣ ты ешь: при первой-же тревогѣ мы разможемъ тебѣ

Трескъ пружины, многозначительное движеніе наго пальца, подкрѣпляли угрозу. Но Жакото все еще брися и употреблялъ всѣ усилія, чтобы придать себѣ лости и казаться спокойнымъ.

— Да вѣдь я уже вамъ говорилъ, что бояться нечего-бы я сталъ васъ обманывать? Какая мнѣ отъ этого

Офицеры тѣмъ не менѣе съ нѣскольکو озабоченнымъ домъ вглядывались въ глубину лощины, наводили близкіе молчаливые горные склоны, поросшіе кустарникомъ и чанные пожелтѣвшими дубами съ рѣдкими, обрубленными вями. Батальонъ двигался впередъ замедленнымъ шагомъ вѣдчики, отдѣлившись отъ главной колонны, разсыпавшись ущелью; одни изъ нихъ поѣхали впередъ, по дороге, шейся за выступами горы, другіе взбирались направо по крутымъ ея склонамъ, съ ружьями наготовѣ, тельно всматриваясь въ лѣсную чащу. Наконецъ, они ск а колонна медленно слѣдовала за ними, начиная мало-углубляться въ ущелье.

Вдругъ воздухъ огласился трескомъ ружейныхъ ловъ, въ каждомъ кустѣ вспыхнулъ огонекъ, окрестности внезапно какъ будто загорѣлись. Попадши въ центръ засады, встрѣченные бѣглымъ огнемъ, лошади ники падали, словно сраженные молніей, въ глубинѣ и скатывались съ крутыхъ обрывовъ.

Авангардъ, сильно порѣдѣвшій, послѣдно отст присоединился къ главному отряду.

Полуоборотъ!.. Отступай!..

первую минуту поднялась невообразимая суматоха, которая превратилась въ панику; но мало по малу порядокъ установился. Офицеры совѣтовались, не имѣя точныхъ свѣдѣній о силахъ непріятеля, смущенные быстротою и неожиданностью нападенія, понимая всѣ невыгоды позиціи. Отрядъ началъ свои ряды и началъ отступать, отказавшись отъ дальнейшей экспедиціи, результатъ которой къ тому-же былъ не сомнителенъ.

Обливаясь потомъ, задыхаясь не столько отъ усталости, сколько отъ страха, Жакото представлялъ собою до крайности жалкую фигуру.

— Мерзавецъ! Негодяй! Измѣнникъ!

Слѣды съ ругательствами, на него сыпались со всѣхъ сторонъ и удары. Но онъ ничего не чувствовалъ, обезумѣвъ отъ страха; зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ.

— Кончено... Все кончено!..

Онъ шелъ машинально, въ какомъ-то полузабытій, съ туго равнодушіемъ вынося истязанія и оскорбленія освирѣвшихъ солдатъ, которые то и дѣло угощали его ударами палокъ и ружейныхъ прикладовъ, перебрасывая его, какъ мячъ, отъ одного къ другому. Такъ онъ шелъ, противъ воли идя впередъ мѣрнымъ движеніемъ своихъ палачей.

— Что теперь ждетъ его?

Вопросъ, который неотвязно преслѣдовалъ его. Едва начинало дыханіе, съ какимъ-то хрипѣніемъ въ горлѣ, дрожа тѣломъ, онъ шелъ впередъ и забывалъ обо всѣхъ ужасахъ этого долгаго шествія, всецѣло поглощенный мыслью о предстоящей расправѣ.

Они уже далеко оставили за собою Каменистое ущелье, между поросшими лѣсомъ холмами, вдали отъ родины, и поелѣднимъ сномъ ея храбрые защитники.

Истертый солдатами, Венсанъ стоялъ истерзанннй, жалкій, безсиленнй; мѣстами, сквозь прорѣхи изодранной одежды, высовывалось его жирное тѣло.

— Что, попался разбойникъ? Ну, теперь расправа съ тобой будетъ короткая!..

Онъ пресмыкался, умоляя, обливаясь слезами.

— Пощадите!.. смилуйтесь!.. Развѣ я виноватъ?.. Вѣдь я не причемъ... Пощадите хоть жизнь-то мою; вѣдь вы не

поправите бѣды, если убьете меня... Боже мой, что за выгода убить несчастнаго, который никому не дѣлаетъ.

Онъ плакалъ навзрыдъ, и слезы текли по его искаженному, отталкивающему лицу, смѣшавшись съ грязью и кровью. Глаза потѣпшались имъ, какъ игрушкой, наслаждался его рыданьями и изобрѣтая все новыя оскорбленія и звѣрства.

Какой-то путникъ сунулъ ему въ руки заступъ и нулъ, подбодривъ его сильнымъ ударомъ кулака:

— Будешь тебѣ хныкать, принимайся-ка за работу; годишься хоть на то, чтобы вырыть себѣ могилу.

Остальные подгоняли его бранью, криками, громкимъ хохотомъ.

— Урра! браво!.. Смѣй! Поворачивайся!..

Не понимая, въ чемъ дѣло, онъ повиновался и принялся копать, выкидывая глину по обѣ стороны. Въременамъ онъ пытался передохнуть, обливаясь потомъ, сбившись изъ силъ, но его тотчасъ заставляли снова за работу. И онъ наклонялся надъ ямою; которая съ каждымъ ударомъ заступа становилась все глубже и, какъ будто тянула его къ себѣ; голова его кружилась, какъ будто въ немъ зѣяла мрачная, бездонная пропасть.

Черезъ нѣсколько времени онъ опять остановился, жалостная толпа съ дикимъ ревомъ, съ проклятіями ринулась на него.

— Живо, живо. поворачивайся!.. Не бось, для себя работаешь!..

Эта попытка забавляла ихъ, на суровыхъ, злобныхъ лицахъ появились улыбки. Но онъ вдругъ бросилъ заступъ, сменивъ ихъ, въ глазахъ у него помутилось отъ ужасной, зумной мысли.

— Такъ это для меня?..

О, ужасъ! Эта мокрая, мягкая почва, раскрывшаяся передъ нимъ, какъ алчная, черная пасть, готова заживо итти его. Не ея-ли холодное прикосновеніе онъ уже чувствовалъ по всему тѣлу; все существо его протестовало противъ этого; жизнь, которая, казалось, сильнѣе чѣмъ когда-либо закипѣла, заклокотала въ немъ, возмущалась при одной мысли о близкой, неизбѣжной смерти.

— Нѣтъ, это невозможно... нѣтъ, этого не будетъ... я не хочу...

ь рвать на себѣ волосы, глаза его выступили изъ глаз-
налившихся кровью артерій усиленно билась; онъ кор-
уширался, не замѣчая, что ружейныя дула уже на-
ны и смотрять на него своими черными отверстіями,
рядъ злобѣщихъ, грозныхъ глазъ.

— Или!..

лабая вспышка, оглушительный грохотъ, а затѣмъ мерт-
шина и трупъ, вытянувшійся на глинистой почвѣ, въ
движной, застывшей позѣ вѣчнаго сна.

обо всѣхъ этихъ низостяхъ, обо всемъ этомъ позорѣ, те-
подъ сумрачнымъ, унылымъ небомъ напоминали только
ышія кучки свѣжей земли, нѣсколькихъ капель крови, за-
лиха въ песокъ, стукъ лопаты, торопливо зарывавшей яму,
ли—мѣрные шаги батальона, блестящаго своимъ молодец-
видомъ, безстрастностью и образцовой дисциплиною.

авысотахъ, господствующихъ надъ Каженистымъ ущельемъ,
франтъ-тиреры слышали ослабленный разстояніемъ звукъ ружей-
залпа.

— Опять что-то не ладно. Ужъ не вздумаютъ-ли они су-
еще разъ?

о пруссаки удалялись, не рассчитывая, повидимому, про-
нстъ наступательныя дѣйствія. Все смолкло. Надъ лѣсомъ
шарилась мертвая тишина, только изрѣдка нарушав-
шестомъ крыльевъ хищныхъ птицъ, которыя почему-
особенно большомъ числѣ слетались къ извѣстнымъ
ущелья.

что уже не грозило потревожить спокойствія часовыхъ,
в расхаживали въ своихъ сѣрыхъ бумажевыхъ курт-
кругъ стоянки франтъ-тиреровъ.

XVI.

и выстрѣловъ давно уже смолкли, темная ночь спу-
надъ встревоженною мѣстностью. Пьеръ провожалъ
ну, такъ какъ при настоящихъ условіяхъ возвращаться
было небезопасно. Но уже никого не видно было на
линной, грязной дорогѣ, изрытой лошадиными копытами,
боками, свѣжими колеями, которыя нѣсколько часовъ
азадъ были продавлены обтянутыми желѣзомъ колесами
овъ. Мало-по-малу окружающая мѣстность снова при-

нимала прежній характер унылаго спокойствія, строгую и страстную фізіономію поздней осени: обнаженныя и простирившія на сѣромъ горизонтѣ свои тощія вѣтви, ланныя поля, покинутыя или опустошенныя, гдѣ и какъ черныя подвижныя точки, виднѣлись вѣроны, да надолго зарядившій дождь, который, казалось, окутывалъ землю своею холодною, мокрою пеленою.

Всюду -- картина разрушенія, оставляемаго за собою войною.

Но вотъ среди унылаго безмолвія до слуха издалека слышныя слабое, отдаленное бряцаніе бубенцовъ.

Кто могъ проѣзжать въ такое время по этимъ безлюднымъ дорогамъ? Вѣроятно, какіе-нибудь бродяги, гонимые за легкою добычею и привлеченные запахомъ чуждой крови.

Пьеръ и Жакина невольно остановились и взглянули другъ къ другу, отыскивая глазами какого нибудь признака жизни. Но кругомъ, среди взмокшей почвы, не видно было ни одного куста, ни одной кочки, за которыми можно было спрятаться.

— Да защититъ насъ Богъ!

Они съ каждымъ мгновеніемъ ожидали увидѣть въпереди себя обтянутую парусиною, телѣгу и въ ней зловѣщія, блѣдыя лица прусскихъ мародеровъ. Но мало-по-малу звуки стихли и изъ-за пригорка, по которому поднималась возка, появилась маленькая, медленно подвигавшаяся впередъ лѣжка, въ которую былъ запряженъ оселъ.

По временамъ она скрывалась въ углубленіяхъ и снова виднѣлась уже яснѣе на вершинѣ слѣдующаго выступа. Облѣпленная грязью колеса вязли въ глинистую почву, и крошечная, несчастная повозка казалась еще болѣе одинокою среди опустошеннаго ландшафта. Мало-по-малу она приближалась, раскачивалась во всѣ стороны, и уже можно было различать сидѣвшія въ ней фигуры.

Когда она, наконецъ, совсѣмъ поровнялась съ нашими глазами, неподвижно стоявшими на краю дороги, двѣ блѣдыя дѣвушки, сидѣвшія въ этомъ скромномъ экипажѣ, наклонили къ нимъ свои блѣдыя головы, повязанныя попросту платками.

— Это вы, Пьеръ? Какъ вы сюда попали?

горскія барышни, еще дрожавшія отъ недавнихъ испывводнованныхъ до глубины души этою неожиданною чею, остановились, наклонившись къ бѣглецамъ.

Разговоръ не клеился. У тѣхъ и у другихъ на языкѣ верь столько вопросовъ, что всѣ молчали, боясь разспраши-

Какая судьба постигла въ это смутное время дорогихъ, кихъ людей, къ которымъ они спѣшили, не зная найдутьихъ въ живыхъ? Но, съ чисто женскою чуткостью, молодѣушки уже по одному молчанію Пьера поняли, до ка- степени самъ онъ встревоженъ, и потому поспѣшили же всего успокоить его.

— Торопитесь, ваша матушка оплакиваетъ васъ.

— О, благодарю; какъ вы добры!..

— Бѣдные родители ваши знаютъ, что была схватка съ саками, и совсѣмъ убиты этимъ извѣстіемъ!..

Какое облегченіе! Съ души словно скатилось тяжелое бре- Теперь онъ могъ наконецъ свободно вздохнуть, говорить, спрашивать ихъ въ свою очередь.

— А вы?.. Куда-же это вы ѣдете?

— Увы! мы и сами не знаемъ.

А между тѣмъ бѣдныя дѣвушки храбро двинулись въ путь. Впрочемъ, въ это тяжелое время, вѣдь, каждому поне- приходилось быть храбрымъ. Подъ ихъ кровлей не оста- ничего; все было раззорено, расхищено. Работники со- разбѣжались, лошади и повозка были украдены подъ помогъ реквизиціи. Послѣ долгихъ поисковъ, имъ уда- наконецъ, найти простую телѣгу и осла, такого тоща- несчастнаго, что, благодаря этому, даже пруссаки имъ рельстились.

еще ихъ мужественно исполнилъ свой долгъ до самаго и, рискуя быть разстрѣляннымъ, отказался выдать воль- отряды. Впрочемъ, онъ вышелъ изъ этой передѣлки почти имымъ, если не принимать въ расчетъ нѣсколькихъ ца- ть; но ему приходилось на своемъ вѣку видѣть и не та- нды, и теперь онъ въ качествѣ заложника, уже направ- къ холоднымъ берегамъ какого нибудь ганзейскаго города. Не теряя хладнокровія и достоинства даже подъ ударами, уложилъ свой чемоданъ, затянулъ ремнями свой дорож- мѣшокъ, поцѣловалъ дочерей, не обнаруживъ при этомъ слабости, ни умиленія, и сказалъ, обращаясь къ отряду:

— Ну, теперь въ путь, въ нѣмецкую тюрьму.

Такимъ образомъ онѣ остались однѣ, совершенно ные въ первую минуту сознаниемъ своего одиночества болѣе, что, даже отецъ, вообще не щедрый на нѣжн кинулъ ихъ съ видомъ равнодушія, какъ-будто прива къ дочерямъ не доставила ему ни одной минуты лиш бы при исполненіи долга. А затѣмъ, въ то время, усаживали въ вагонъ, предназначенный для перевозк телѣжка, съ запряженнымъ въ нее осликомъ, въ своу уныло тронулась въ путь и покатилась въ туманну, ную даль искать гостеприимнаго крова.

Все это онѣ рассказывали крайне кратко, съ безра шительнымъ видомъ, не печались особенно о обстоя горѣ въ виду тяжелой бѣды, разразившейся на их на надъ столькими людьми.

Однако, въ минуту разставанія онѣ какъ-будто Сокровенная мечта, которую обѣ такъ долго легѣли, онѣ прятали въ самомъ потаенномъ уголкѣ своего мечта, которая внесла въ ихъ безцвѣтную жизнь торый лучъ надежды, теперь придавала этой послѣдн лукѣ еще болѣе печальный характеръ. Все это было исчезло, рухнуло, подобно всему остальному, и онѣ съ пустымъ сердцемъ, не оставляя послѣ себя ниче развалинъ и забвенія.

Протянувъ руки къ Шьеру и Жаклинѣ, онѣ восклиц

— Свидимся-ли мы еще разъ, хоть когда нибудь?

И всѣ четверо нѣсколько мгновеній молчали, шись среди покрытыхъ туманомъ полей; сердца ихѣ сжались, на глазахъ навертывались слезы, въ душу закрадывался страхъ передъ невѣдомыми тайнами бу

Но, какъ-будто устыдившись своей слабости, одна улыбнулась.

— Идите-же скорѣе. Вѣдь вы знаете, что васъ з

Увы! онѣ чувствовали, что не имѣютъ никакого пра живать его. Онѣ дернули возжи; маленькій осеть всѣ свои слабыя силы и скривилъ шею, когда почувство тянутыя удила. Наконецъ телѣжка кое-какъ тронулась с

— Прощайте, monsieur Шьеръ.

Торопливо пожавъ другъ другу руки, путники ра и направились каждый своею дорогою: однѣ расст

гостеприимный кровъ и пріютъ гдѣ нибудь въ монастырѣ у родственниковъ, а другіе отправлялись на поиски остатковъ разореннаго домашняго очага.

Но по-малу оригинальный экипажъ скрылся изъ виду, въ вѣтвѣхъ сѣрой сырости, соединявшей небо съ хмурымъ горизонтомъ, и Пьеръ съ Жаклиной продолжали путь по взмокшей дорогѣ, усталые, истощенные, грязные. Отъ времени до времени маленькая дѣвушка, съ дѣтства привыкшая къ утомительной рутинѣ лишеній, останавливалась и спрашивала съ материнскою заботливостью.

— Пьеръ, вы не слишкомъ устали?

— Нѣтъ, я такъ счастливъ! Какое блаженство любить друга!

Оставивъ другъ другу руки и переглянувшись довольнымъ взглядомъ, онѣ продолжали свое шествіе по этой длинной долинѣ, которая теперь положительно казалась имъ безконечною. Настала ночь, холодная, сырая, туманная, а дорога, уже едва различимая, исчезающая во мракѣ, все тянулась и не предвѣщала ей конца.

Но вдругъ вдали небо какъ-будто начинаетъ свѣтлѣть. Роса сіяніе поднимается, разливается все шире, воспламеняетъ темную линію горизонта и яркимъ заревомъ освѣщаетъ вершины облака.

Откуда исходитъ этотъ свѣтъ, такъ быстро разлившійся по окрестностямъ мрака? Откуда взялся этотъ огненный фонъ, передъ которымъ такъ рѣзко рисуются очертанія холмовъ.

Нужно одно усиліе, и съ вершины ближайшей возвышенности увидятъ Гарроды. Не смотря на крайнюю усталость, забывъ о дыханіи, спѣшатъ взобраться по скользкому склону, и послѣ недавнихъ дождей, кажется круче обыкновеннаго.

Вонецъ, они очутились на вершинѣ, готовясь увидѣть передъ собою на темномъ фонѣ тѣсную кучу маленькихъ долинъ, почти примыкающихъ другъ къ другу своими сѣрыми вершинами. Съ этой точки, бывало, путнику въ первый разъ представлялась заснувшая деревня, въ которой, въ такое позднее время, обыкновенно лишь кое-гдѣ мерцали слабые огоньки. Въ этотъ вечеръ вся долина залита огнемъ, каждый домъ кажется пылающимъ, догорающимъ костромъ. Нѣкоторые на половину погасшія, чернымъ пятномъ выдѣляются

среди огненного моря, и нигдѣ не видно признаков жизни. Деревья горятъ среди абсолютной, безлюдной тишины. Только тихое шуршанье осенняго дождя.

Что случилось съ тѣми, кого они ищутъ? Что уцѣлѣло всего, чтó имъ дорого? Подъ какою грудю развалины? бены дорогія для нихъ существа? Ихъ надо искать во всемъ. Передъ такою бѣдою исчезаетъ усталость, забывается опасность. Они продолжаютъ идти впередъ. Вокругъ нихъ падаютъ стѣны, проваливаются крыши, груды известки и гашенаго сыпятся со всѣхъ сторонъ, камни летятъ на улицу. Огненный дождь, трескаются стекла, обваливаются перекладины балки, цѣлыя зданія сразу падаютъ и надъ сѣвѣрою поднимается облако искращагося пепла. Мелница вратилась въ обгорѣвшую, обуглившуюся развалину, большое колесо неподвижно спитъ, погрузившись въ воду. На востокъ ности ручья, словно маленькіе пучки перьевъ, плаваютъ сколько забытыхъ утокъ.

Пораженный этимъ зрѣлищемъ, Пьеръ не рѣшается идти дальше. Такъ вотъ во что превратили это жилище, съ которымъ связаны всѣ его воспоминанія! Дорогой отрочества исчезъ безъ слѣда, и теперь съ трудомъ можно даже мѣсто, гдѣ онъ стоялъ еще такъ недавно. Гдѣ всѣ тѣ, которые жили подъ этою кровлею?

Жаклина въ свою очередь спѣшитъ къ дому Жака. Одинъ пощаженъ, одинъ остался невредимымъ среди общего разрушенія и только закопѣлъ отъ дыма горючихъ кругъ него строеній. Сквозь разбитыя окна съ улицы вѣтеръ, растворенная дверь зияетъ чернымъ отверстиемъ, за которымъ при свѣтѣ пожара виднѣются пустыя комнаты. Переступая черезъ порогъ, она задѣваетъ ногою за какой-нибудь предметъ, лежащій на крыльцѣ, передъ самою дверью.

И штыкъ прусскаго капрала привоздилъ къ землѣ недвижимое тѣло безумнаго старика, смотрѣвшаго съ тупою нодушиемъ на первыя вспышки пожара. И теперь онъ лежитъ здѣсь, скорчившись, оконченъ въ своей окровавленной позѣ, на которой выступили большія бурныя пятна. О, если бы онъ не спалъ теперь и самъ послѣднимъ сномъ своей свѣжей могилы, съ какою радостью онъ привѣтствовалъ бы это избавленіе. Какъ онъ жаждалъ его! Сколько проклиналъ живучесть старика. Теперь все было кончено.

но навсегда. Дождался, наконецъ, смерти и старикъ Жа-

налось блѣдное утро, а Пьеръ и Жаклина все еще лежали среди развалинъ. Изнемогая отъ голода и усталости, не рѣшались прекращать своихъ поисковъ. Оставалась, вѣдь, еще нѣкоторая надежда; быть можетъ Модѣны или себѣ убѣжище гдѣ-нибудь въ одной изъ окрестныхъ, еще не опаленныхъ непріателемъ деревенокъ. Во всякомъ случаѣ, дальнейшіе поиски на пожарищѣ были бесполезны, искать было уже нечего.

Они снова пустились въ путь, угнетаемые страхомъ, не смѣя выказывать другъ другу своихъ надеждъ и опасеній, поддерживаемые, ободряемые только тѣмъ великимъ терпѣніемъ, которое раскрылъ передъ обоими вчерашній день. Молча шли они по лугамъ, сквозь густой туманъ. Взмолотый отъ дождя деревья гнулись и шумѣли подъ сильнымъ порывомъ вѣтра. Вдали, въ сторонѣ Ларре, выступали смутныя контуры домовъ: Тонкіе струи дыма поднимались надъ крышами, напоминая о тепломъ очагѣ, вызывая представленіе о конюшнѣ и хлѣбахъ, о полныхъ ясляхъ, о пучкахъ сухой люцерны, свѣшивающихся сквозь рѣшетку тамъ, въ темномъ полумракѣ гдѣ слышится ровное дыханіе дойныхъ коровъ съ ровными, влажными ноздрами.

Эти ужасные часы тревожныхъ опасеній, какъ нестерпимо долго они тянутся, какъ удлиняютъ разстояніе! Жаклина еще спала. Кое-гдѣ только изъ оконъ высовывались испуганныя, перепуганныя лица, съ которыхъ даже сонъ не могъ еще согнать выраженія ужаса. Да и не мудрено, когда пронеслась такъ близко.

У сараевъ стоялъ согнанный сюда ночью скотъ, лошади и ослы въ полной ебруѣ, подъ навѣсами пріютились и скотъ и люди, размѣстились въ перемѣжку, какъ бѣглецы толпами привалили сюда еще съ вечера, по родную деревню среди всеобщей паники.

Молодые люди стали стучаться въ двери, и, мало-по-малу, показывались полусонныя, любопытныя лица.

О, да никакъ это Пьеръ и Жакетта!

Откуда ихъ Богъ принесъ?

Такъ стало быть васъ не перебили?

— Этимъ Модэнамъ во всемъ счастье!

Двери растворялись, со всѣхъ сторонъ протягивались теперь всякаго француза встрѣчали, какъ брата.

Вдругъ они увидѣли подъ кровлею большого сарая людей съ блѣдными лицами, на которыхъ рѣзко были слѣды безсонной ночи, тяжелыхъ впечатлѣній и лести. Одни сидѣли, другіе лежали, растянувшись на землѣ гдѣ-нибудь въ углу, подмостивши подъ голову не соломы.

И среди этихъ ступѣвшихъ, осунувшихся фізіономій, тотчасъ узналъ отца, который сидѣлъ, подперши голову своими руками, и Марианну, закутавшуюся съ головой въ шой платокъ.

Впечатлѣніе было поразительное. Всѣ кругомъ только отецъ съ матерью, не находя словъ отъ радости, ливались слезами при видѣ спасеннаго сына.

— Это мы, мы, твердилъ Пьеръ—живы и здоровы.

Осыпая щеки матери звонкими, радостными поцѣлушками, отъ-времени-до-времени, шепталъ ей на ухо:

— Матушка, вѣдь ты видишь, что это я.

Но Жаклина, какъ будто застыдившись, стояла врознь. Вѣдь ея никто не ждалъ. Она чувствовала, что была нежданной гостьей, для которой никто не сберегъ места. Боясь оказаться лишнею, она инстинктивно удалилась отъ семейной сцены, Но Пьеръ самъ подвелъ ее къ матери и какъ-бы взялъ подъ свое покровительство.

— Если-бы не она, у васъ-бы не было сына.

Старуха, дрожа отъ волненія, смотрѣла на нее. Слышались только звуки подавленныхъ рыданій.

— О, мои дѣти!..

Вотъ все, что она могла вымолвить. Прижавъ ихъ къ груди, она молча плакала надъ ними.

Сквозь растворенныя ворота видѣлся уголь багрового ризонта. Это было потухающее зарево отъ послѣднихъ сгорѣвшихъ хижинъ. Передъ картиною этого ужаснаго багрового Пьеру, державшему въ своихъ объятіяхъ мать и Жаклину, стало какъ будто стыдно собственнаго счастья.

Въ опустошенной, изнуренной странѣ; въ эту минуту страдали, всѣ ощущали одно и то-же горе, истекали изъ одной и той-же раны, терпѣли одно и то-же униженіе.

Онъ подавилъ въ себѣ всякое проявленіе веселія, заста-
умолкнуть чувство радости и шепталъ, прильнувъ губами
къ матери:

— Господи, прости намъ наше счастье!

Конецъ.

ЗЛОСТНЫЙ БАНКРОТЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Перфілѣ Степановичѣ Колпашиниковѣ.
Алексѣй Александровичѣ Балакѣевѣ.
Михаилѣ Борисовичѣ Кисельниковѣ.
Михеѣ Тимофеевичѣ Гамагинѣ.
Василіѣ Петровичѣ Вьюгинѣ.
Петрѣ Васильевичѣ Курюкинѣ.
Серафима Семеновна, жена Колпашиникова.
Авдотѣ Сергѣевна, жена Балакѣева.
Алексѣй Федоровичѣ Баранкинѣ, управляющій его.
Арфеницкій, столоначальникъ въ управѣ и частный ходатай по дѣламъ.
Руманцевъ, протезникъ.
Судебный приставъ.
Исправникъ, Петрѣ Алексѣевичѣ.
Вражковъ, солдатъ.
Аннушка, горничная Колпашиниковыхъ.

Купцы.

ДѢЙСТВІЕ I.

Кабинетъ въ домѣ Колпашиникова. Навѣщо, у окна, письменный столъ, задняя стѣна полна съ книгами. При открытіи занавѣса слышна пущенная шумъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Колпашиниковъ и Арфеницкій.—Колпашиниковъ съ бородой, стрижетъ густую лысую, солиденъ и важенъ. Арфеницкій—старая приказная строга, въ мундирѣ.

Колпашиниковъ (входя въ сильномъ гнѣвѣ, ставитъ шпину, сажаетъ перчатки). Это на всю губернію скандалъ! Съ какими глазами я этого я могу явиться къ губернатору? (Пауза) Все было такъ красно, губернаторъ отобѣдалъ у меня, остался всеи доволенъ вдругъ!.. Трахъ!.. пожаръ... (Ходитъ въ волненіи).

Арфеницкій. Только-что вѣдь, только успѣлъ отвалить ходить, и его превосходительство изволилъ приподнять фуражку и вдругъ набать: донъ-донъ-донъ-донъ-донъ...

пашниковъ (останавливаясь). И пароходъ вѣдь, какъ на
 лѣтъ противъ самаго пожара и даже приостановился. А
 гдѣ три дома загорѣлись, пламя такъ и стелеть, такъ и
 Ну-у, встрѣтили! Скандаль, скандаль... аяяя, аяяяя! ..
 ницкій. Нѣтъ, уголовное-бы дѣло завести о поджогѣ го-
 судебному-бы слѣдователю этого самаго Гамагина прита-
 оть-бы онъ тогда пиротехнику эту свою прикусишь.

пашниковъ. Разбойникъ! И вѣдь хоть-бы слово мнѣ, что
 ласки этого каналью Румянцева фейерверки пускать, и
 слово! Просто, онъ выхвалиться хотѣлъ передъ губерна-

еницкій. Право-бы, уголовное дѣльцо... Я-бы сейчасъ и
 къ судебному слѣдователю...

пашниковъ. А гдѣ этотъ дуралей Румянцевъ?

еницкій. Онъ здѣсь; какъ вы приказали, такъ я и ..

пашниковъ. Что онъ, пьянъ?

еницкій. По видимости нѣтъ, только онъ и всегда точно
 мекши, а тутъ обгорѣлъ еще весь.

пашниковъ. Подай его сюда. (Арфеницкій уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Молпашниковъ одинъ.

пашниковъ. Этотъ Гамагинъ мнѣ просто поперекъ горла...
 ятель, а на пакости-то первый готовъ. (Ходить). Нѣтъ, въ
 дѣлѣ, его вотъ упечь подъ уголовный, такъ оно, дѣло-то,
 ; а то (остановясь) въ думѣ во всемъ копаются, ко всему
 тся, при выборахъ черняки валить, партіи подстраиваетъ.
 меть, что за дрянь. Спасибо, общество-то еще не тянетъ
 уку; а вотъ теперъ на поди!.. Пожаръ по его милости!..
 , вѣдь, скандаль.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

Молпашниковъ и Арфеницкій съ Румянцовымъ.

одѣтъ въ старое изодранное пальто, панталоны въ сапоги, во
 . Лицо черное, усы, брови и волосы опалены, всклокочены, руки
 обвернуты тряпками.

пашниковъ (грозо наступая и топя на Румянцева). А, такъ
 гдѣ ракалія... поджигатель!

ицевъ. Никакъ нѣтъ... Ни Боже мой!

пашниковъ. Ты города поджигать, ты разбойничать! Да
 и, ракалія, что я тебя, поджигателя, въ Сибирь сейчасъ-

Румянцевъ. Даже вотъ ничего неповиненъ.

Колпашиниковъ. Я тебя, поджигателя, на каторгу! къ тебя, разбойника, прикую...

Румянцевъ. Вся власть ваша, а только ни... ни... (Когда, значить, я домъ свой, имѣнье все свое... н... н... новится на колѣни). Что-же теперъ остается?

Колпашиниковъ (смягченный). Какъ-же ты осмѣлился воленія?

Румянцевъ. Нѣтъ, я васъ убѣдительно прошу... Что перъ остается... Самъ я обгорѣлъ... домъ у меня сгорѣлъ (чуть). Куда я съ ребятишками?..

Колпашиниковъ (садясь). Что ты орешь-то! вотъ я те часъ на съѣзжую.

Румянцевъ. Вся власть ваша, только прикажи меня въ больницу, потому я обгорѣлъ; у меня и... и... и... Вылечите меня, а подъ конецъ того, куда хотите — въ Сибирь... хотъ къ тачѣй—вся власть ваша.

Колпашиниковъ. Да ты пьянъ.

Румянцевъ. Невозможно этого быть.

Колпашиниковъ. Да что ты мнѣ разговариваешь; и ворю я тебѣ!

Румянцевъ. Какъ-же я могу быть пьянъ, когда Михай Тимофеичъ мнѣ ни копѣйки... (встаетъ и показывая ницкаго) Вотъ извольте спросить.

Колпашиниковъ. За что-же тебѣ Михай Тимофеичъ деньги давать?

Румянцевъ. Какъ за что? А фейверокъ?.. бурани, римскія свѣчи...

Колпашиниковъ. Да ему-то что-же до этого?

Румянцевъ. Когда онъ, значить, приказалъ мнѣ я рядился, чтобы все въ лучшемъ видѣ было, — долженъ я раться или не долженъ?

Колпашиниковъ. Ничего не понимаю... что ты тутъ

Румянцевъ. Все единственно, — призываете вы мене цевъ, такъ и такъ, фейверокъ къ такому-то часу!... Да приказанье ваше слушать или не долженъ?

Колпашиниковъ. Слѣдовательно, тебѣ фейверокъ Тимофеичъ Гамагинъ заказалъ?..

Румянцевъ. Истинно вѣрно: Михай Тимофеичъ.

Колпашиниковъ. А у начальства ты спросился: у исправника?

Румянцевъ. Не приказано мнѣ было этого.

Колпашиниковъ. Какъ не приказано?

ицевъ. Михай Тимофеичъ не приказалъ: «не смѣй, ни кому говорить и ни кого не спрашивайся, а валяй въ мою голову, потому, говорить, я самъ начальство не доловы... и сохрани, говорить, все въ тайности»

пашниковъ. А, такъ вотъ что! Арфеницкій, слышишь?

Арфеницкій. Я давно вамъ докладывалъ; подь уголовный са-
моящее дѣло.

пашниковъ. Отчего-же пожаръ-то произошелъ?

ицевъ. Опять же въ этомъ я непричиненъ; я гово-
рилъ Тимофеичу, что на крышѣ будетъ не подвольно, а
адль—съ крыши да съ крыши пускать, и конечно дѣло...

ицевъ. Ты мнѣ створишь.

пашниковъ. Почему-же съ крыши?

ицевъ. Прямо чтобы на парходь... Какъ, говорить,
отвалить съ губернаторомъ, такъ прямо въ парходь ва-
рочно, дѣло вышло-бы превосходно, потому парходу что
ка?—никакого чорта онъ не боится: порснулъ и маршъ,
его и видѣлъ, а ракеты, промежду тѣмъ, передъ нимъ
и-бы... Это очень чудесно, только вотъ эта незадача-то...

пашниковъ. Какая незадача?

ицевъ. А вотъ извольте прислушать: годовъ пятнад-
цать городничій былъ у насъ, господинъ Бубенцовъ. Стро-
го городничій, —сейчасъ чтобы, говорить, были на всѣхъ
на конькѣ, у трубы, поставлены кадки съ водой, на-
шарваго случая. Тогда всѣ и поставили кадки.

пашниковъ. Да мнѣ-то что до этого за дѣло?

ицевъ. А извольте слушать къ чему дѣло клонить. Кад-
ки тогда вскорѣ пошвыряли всѣ, а подмости-то и посеячасъ

Я съ подмостокъ-то и хотѣлъ ракеты пускать;—самъ на
и, а ракеты-то подь подмости положилъ. Какъ только
ракету зажигаю, а подмости-то, надо полагать, подгнивши,
и съ подо мной... А у меня въ одной рукѣ свѣча... Я зна-
ю, а свѣча-то въ ракеты угодила, и пошла стрѣльба...
стунить, а у меня изъ-подь рукъ-то и зачало рвать ра-
на ту крышу угодить, то на другую, и пошла катать
съ крыши-то свалился,—и не помню; очнулся какъ ме-
ому-то потащили, когда уже онъ обнялся весь въ огнѣ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Гамагинъ.

Гамагинъ (въ дверяхъ). Дома?

пашниковъ. Милости просимъ.

Гамагинъ. Имѣю честь поздравить.

Колпашниковъ. Съ чѣмъ?

Гамагинъ. Какъ, батенька, съ чѣмъ? Съ наградой-сдадью. Вѣдь всё слышали, какъ губернаторъ обѣщавить васъ къ медали. Да что-жь, вѣдь и стоитъ; я первый пошлѣ стоитъ.

Колпашниковъ (въ сторону). Лисій хвостъ подпустилъ, не надуетъ (къ Гамагину). Благодаримъ на добромъ словѣ теперь, признаться, не до наградъ, о пожарѣ теперь рѣчь у насъ.

Гамагинъ. Да, да, да, пожаръ все дѣло испортилъ, во-время, такъ не во-время... И скажите пожалуйста, вѣдь вдругъ штука,—отчего бы это такое, что тому за причина?

Колпашниковъ (указывая на Румянцева). Да возъ человекъ казываетъ, что причина этому пожару—вы.

Гамагинъ. Я!.. Господи помилуй! (Къ Румянцеву). Да что совсѣмъ до бѣлой горячки допился, что-ли?

Румянцевъ. Какъ-же такъ, Михей Тимофенчъ? Вы мнѣ приказали фейверокъ изготавить и съ крыши купцовъ еще докладывалъ вамъ, что съ крыши неподвально и обидно, а вы сказали,—«валяй въ мою голову».

Гамагинъ. Вотъ, не угодно-ли! (Къ Колпашникову). Да вы во вы меня извините, Перфиль Степановичъ, вы на себя только сами ошибку сдѣлали.

Колпашниковъ. Я то тутъ при чемъ?

Гамагинъ. Неоднократно я вамъ говорилъ, что (указывая на Румянцева) это человекъ сумнительный, что этому человеку свать ненадобно, а надобно его въ тигулевкѣ выдерживать, говорилъ неоднократно? Сознайтесь, говорилъ?

Колпашниковъ. Ну-съ, такъ что-же-съ?

Гамагинъ. А то-же-съ: видите, до чего дѣло-то допился человекъ до бѣлой горячки и теперь вотъ этихъ купцовъ, можно сказать, къ Сибири везеть... Вотъ это, извините, намъ обидно-съ. Конечно, вы теперь насъ не можете сказать, этого каналью понимаете и, надѣюсь, по моему нѣйшей просьбѣ, прикажете его отправить на недѣлю въ тюрьму, чтобы клопы-то тамъ изъ него запойную-то горячку высосали. Такъ вѣдь это понимаете вы, потому что вы умный. А случись, наскочи онъ на дурака на какого,—вотъ го-ли до грѣха,—пожалуй и повѣритъ. Какая каша-то изъ этого. Подумайте!

Румянцевъ. Позвольте, Михей Тимофенчъ. Ну, я и горячкѣ, а зачѣмъ-же вы вчерашнего числа со мной въ Манжетникова материалы для фейверка покупали, спрашиваю?

ужно, и приказывали Манжетникову отпустить мнѣ и въ
тѣ записать... Это для чего-съ?

агинъ (къ Колпашиникову). Даже ужаси подобно, до чего
бѣлогорачешныхъ эта самая (вертитъ вокругъ лба пальцемъ)
ия разыгрывается. Я зналъ одного, — гвоздь себѣ въ реб-
отилъ, ей-Богу: «это, говорить, я дверь навѣшиваю», а
потомъ по гвоздю-то наяриваетъ; насилу вырвали да свя-
вѣдъ съ виду точно и дѣло говорить, и не замѣтишь
го, особенно незнакомый. Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста, Пер-
степанчъ, я васъ усердно прошу, вы его сейчасъ-же въ
тсую, да и связать не мѣшаетъ, дѣло-то покойнѣе будетъ.
дядевъ. Былъ я и въ бѣлой горячкѣ разъ, хоть гвоздей
себѣ; ну, а теперь, Михай Тимофенчъ, нѣтъ, не въ
я. Конечно, Богъ вамъ судья, всего черезъ васъ теперь
а только я не въ горячкѣ, и прошу васъ, Перфиль Сте-
воли ужъ у Михея Тимофенча настолько совѣсти хватить,
те меня къ слѣдователю... А не прикажете, такъ я и самъ

дшашиковъ. Арфеницкій. Сведи его къ судебному слѣ-
д.

агинъ. Позвольте, Перфиль Степановичъ, я вторично
ожорвѣше прошу отправить его въ арестантскую. Что вы
те, помилуйте, — развѣ вы не видите?

ашиниковъ (махнувъ Арфеницкому рукой). Ступайте! (Ар-
Гудянецъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Гамагинъ и Колпашиниковъ.

агинъ (долго смотреть на Колпашиникова, подперши руки въ
что-же это затѣваешь? Тебѣ подъ уголовный судъ меня
подвести, въ поджогѣ города обвинить вкушъ съ этимъ
жъ? (Грозитъ пальцемъ). Смотри, братъ, Колпашиниковъ, по
ерево-то затѣялъ рубить... не придавило-бы тебя это де-
къ-нибудь невзначай!..

апииковъ. Вы, милостивый государь, не забывайте;
маете себѣ и дерзости, и самую наглую клевету и ложь.

агинъ. Какую это такую клевету и ложь?

ашиниковъ. Вы сейчасъ имѣли наглость совершенно
е. человѣка выставяты бѣлогорачечнымъ и дурачили меня,
льчишку какого-нибудь, стараясь увѣрить, что передо мной
щия... Это оскорбленіе! Это... это... Богъ знаетъ что такое...

агинъ. Дѣйствительно, послѣ этихъ твоихъ рѣчей, ты
шь мальчишка. Ежели ты не умѣлъ различить, что я гово-

риль не для тебя, а для нихъ, такъ ужь я, братъ, и знаю не знаю чѣмъ.

Колпашниковъ. Прошу васъ выйти вонъ, иначе я васъ выведу.

Гамагинъ. Ну, это покудова стара штука. Милости ради сперва всѣхъ выпырнетъ... Да дѣло не въ томъ; вырвется пришелъ, а совѣтъ благой тебѣ дать. Ты хочешь уголовный судъ отдать меня; такъ я тебѣ скажу (оглядываясь), хотя я, выпивши, вчера и заказалъ фейерверкъ, да въ домъ воробей, уликъ противъ меня, что я заказывалъ, Колпашниковъ у меня вотъ гдѣ (сжимаетъ кулакъ). Если онъ подтвердитъ показанія этого оборванца, такъ я его до суда доведу, несостоятельнымъ сдѣлаю и въ острогъ упрямца. Да ты, братъ, смотри, того-же не миновать.

Колпашниковъ. Какъ... ты!.. меня!.. въ судъ... ты!.. вонъ!.. сію минуту вонъ.

Гамагинъ. Не ершишь, братъ, не ершишь. Не выходишь въ вѣдь, не хлопочи... Ты выслушай сперва. Ты знаешь-ли, что ты неоплатный должникъ, злостный банкротъ, вотъ ты!

Колпашниковъ. Я... я неоплатный, я злостный банкротъ! Ха-ха. Ну, значить, я напрасно и горячился: бѣлая-то у Румянцева, а у тебя. Я неоплатный!.. Хо-хо-хо-хо! Я неоплатный, а банкротъ расколотой никому не долженъ. Я всю торговлю веду на свой собственный капиталъ,—и я, я злостный, неоплатный банкротъ! Ну что-же это какъ не горячка, да еще съ самымъ опаснымъ перепою? До чертиковъ допился, значить, что ты не ты-ли ужь и гвоздь-то себѣ въ ребро вколачиваешь, а можетъ, этакая нелѣпица тебѣ тоже въ бѣлой горячкѣ! Ха, ха, ха!

Гамагинъ. Смѣйся, смѣйся! Просмѣивайся, такъ и знаешь. А не знакомъ-ли тебѣ Алексѣй Александрычъ Балактеревъ? Не выдалъ-ли ты ему вексельковъ,—ты вотъ что мнѣ скажи!

Колпашниковъ. Что?.. (Пауза). Это не твое дѣло.

Гамагинъ. Покамѣстъ не мое, а придетъ время,—и ты будешь мое!

Колпашниковъ. Алексѣй Александрычъ Балактеревъ высоко противъ тебя стоитъ и настолько честенъ и благороденъ, что не твоему грязному языку замарать его.

Гамагинъ. Ну, да вѣдь другой разъ не душа лжетъ!

Колпашниковъ. Я не желаю слушать твои грязные вымыслы. Понимаешь?—не желаю!

Гамагинъ. Да я и не клеветчу, а говорю, что душа лжетъ, а можетъ, и чиста, да мощна-то пуста. Потому и придетъ тебе, братъ, расплачиваться тебѣ, господинъ городской голова

Понялъ ты меня? Или, можетъ, все еще не домыслился? Слушай. (Вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ). «Милосударь, Михай Тимофеевичъ! Увѣдомьте меня пожалуйста, можно-ли получить съ Перфила Степанова Колпашири тысячи рублей по векселю, выданному имъ Балакѣеву и втиснутому Балакѣевымъ у меня, такъ какъ дѣла Балакѣева настолько плохи, что онъ на дняхъ долженъ быть несостоятельнымъ. Вашъ покорный слуга Баливъ.» (Читаетъ письмо и кладетъ его въ карманъ). Понялъ? (Пауза).

Ты замолчалъ?.. Ершишь, братецъ, ершишь, господинъ городской голова Колпашиниковъ, отдавай подъ уголовный судъ Гамагина, да вонъ его, каналью, гони. Что-же ты опѣшуешь!

Колпашиниковъ. Не за себя я опѣшилъ, мнѣ бояться нечего, а есть въ твоихъ словахъ правда, такъ Алексѣя Александровича, что попался онъ вамъ, пивкамъ, въ руки.

Гамагинъ. Да не онъ попался, а ты. Онъ-то, братъ, выходи, не сомнѣвайся; онъ большой корабль и (тычетъ себя въ грудь) способность лутче имѣеть. А вотъ ты-то, легкое подоста, выходи, потому, хотя гонору ты имѣешь, да дѣлать не умѣешь. Прощай, господинъ городской голова! (Идетъ).

Колпашиниковъ. Съ Богомъ.

Гамагинъ. А мой тебѣ послѣдній совѣтъ: натяни свои ты уши, шляпу свою, эту цилиндрию, надѣнь на бѣженъ, тросовывай, да и ступай ты къ судебному слѣдователю, поговори, что затѣялъ. Не потушишь—самому будетъ плохо...

Колпашиниковъ. Уходи, уходи...

Гамагинъ. А то, пожалуй, не ходи лучше, я самъ дойду; — обѣдомъ променажъ сдѣлаю, да предъявлю господину слѣдователю, чтобы онъ этого самаго ракетчика, за оклеветаніе меня, посадилъ въ тигудевку. Это дѣло-то вѣрише будетъ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Колпашиниковъ одинъ.

Колпашиниковъ. Что-же это такое? Неужели-же Балакѣевъ, свѣдѣвшій, благороднѣвшій человекъ... Да, нѣтъ, это не это я и подумать себѣ не позволю. Джетъ этотъ мерзавецъ совѣстно. Развѣ у разбойниковъ совѣсть бываетъ? Разна святню посягнетъ, а нето что на человекъ. Гамажиновъ обокралъ и сжечь, и то совѣсть молчитъ у него, го-то... (Пауза). А если хоть крошва... если хоть крошва, правды... вѣдь тогда что-же?.. Неужели-же и крошки-то

правды въ его словахъ нѣтъ? (Смотритъ въ окно, противъ него ставленъ столъ, за которымъ онъ сидитъ). А. вотъ и самъ Балакѣевъ! (Привстаетъ, продолжая смотрѣть въ окно). Нѣтъ, человѣкъ солгать не можетъ; вретъ подлець Гамагинъ! (Дверяги и отворяетъ ихъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Колпашиниковъ и Балакѣевъ. (Одѣтъ съ изящною простотою и, на первомъ планѣ, всюю своею особою производитъ весьма пріятное впечатлѣніе).

Балакѣевъ. Дорогой мой Перфиль Степановичъ! Балакѣевъ, какъ досадовалъ, что мнѣ не удалось быть здѣсь губернаторѣ! Сію минуту съ парохода и прямо къ вамъ (Колпашиникова). Позвольте васъ отъ души поздравить! (На первой станціи отсюда нашъ пароходъ встрѣтился съ домъ, на которомъ плылъ губернаторъ, и я успѣлъ съ нимъ нѣсколькими словами. Онъ въ восторгѣ отъ вашей дѣятельности и считаетъ своимъ первымъ деломъ, какъ только часть-же по пріѣздѣ въ свою резиденцію, представить васъ мнѣ. Я такъ радъ, что наконецъ-то ваши труды будутъ опѣнены. Что это вы какъ будто грустны, съ вами?

Колпашиниковъ. Многое... я ужъ и не знаю...

Балакѣевъ. Ахъ, да, этотъ пожаръ... Вообразите вамъ тревоги! Скажите, неужели это правда, говорите, Гамагинъ причиною всего?

Колпашиниковъ. Да, тутъ Гамагинъ многому причиною.

Балакѣевъ. Ужасно нехорошій человѣкъ этотъ Гамагинъ!

Колпашиниковъ. Вообразите, что онъ осмѣлился клеветать... Это... это... я не знаю что такое!

Балакѣевъ. Да полно вамъ! Ну стойте-ли! Знаете, онъ дурной человѣкъ, знаете, что правды онъ никогда не скажетъ, къ чему-же разстраивать-то себя...

Колпашиниковъ. Все это знаю, но тутъ не то, что онъ осмѣлился награть, что васъ на дняхъ объявятъ банкротомъ.

Балакѣевъ. (Насильственно улыбаясь). Ну, это ужъ нечего сказать!

Колпашиниковъ. Онъ читалъ мнѣ письмо какого-то банкира, въ которомъ тотъ хочетъ предъявить на меня ко взысканію изъ векселей, выданнымъ мною вамъ для вашихъ оборотовъ.

Балакѣевъ. Да, вотъ что...

Колпашиниковъ. Поразмысливъ и увидя васъ, я такъ испугался, что онъ вретъ, но сначала, признаюсь, во мнѣ все перемѣнилось.

Балакѣевъ. Хмъ... да... какъ ни горько мнѣ, но...

вамъ, дорогой Перфиль Степанычъ, что въ его словахъ я правды.

пашниковъ (вскакивая). Какъ доля правды, какъ доля!

такъ... такъ...

акъевъ. Успокойтесь, успокойтесь! Неужели вы, въ са-
мѣ, можете сомнѣваться во мнѣ? Если я сказалъ — доля,
это еще не есть правда. Сядьте и выслушайте меня.

пашниковъ. (Садясь). Какъ доля! Правды! Какъ...

акъевъ. Ахъ, какъ вы разстроены... Да успокойтесь, Бога
Понимаете-ли, вѣдь все это пустякъ, пухъ! Ному мнѣ нѣко-
дурные люди хотѣли подставить, вотъ это что!

пашниковъ. Да, ному подставить... Какъ-же доля правды?..

акъевъ. Конечно, доля правды... Вѣдь вы хорошо пони-
какъ громады мои торговья дѣла. Ужь если въ вашихъ
нихъ дѣлахъ бывають неудачи, которыми пользуются такіе
какъ Гамагинъ, и подставляютъ вамъ ногу, — представьте-же,
ходится выносить мнѣ. Опрокинуть мои дѣла, конечно,
но пошатнуть всегда можно... Ужь и привыкъ къ этому,
надъ этимъ, такъ-же какъ и вы смѣтаете надъ всѣми
глупыми, но безуспѣшными попытками вредить вамъ.

пашниковъ. (Успокоиваясь). Да, конечно, послѣ смѣшно
е, а сначала ужасно досадно. Какъ въ прошлый разъ, ког-
дототъ Гамагинъ, на выборахъ, подстроилъ мнѣ штуку
) и самъ-же со носомъ остался, — помните?

акъевъ. Да, да. Тогда вы тоже страшно волновались.

пашниковъ. (Совсѣмъ успокоясь и улыбаясь). Конечно, пу-
Вереть сигары). Не угодно-ли?

акъевъ. Позвольте. Теперь дѣло, впрочемъ, посерьезнѣе.
мнѣ порядочную сдѣлали въ моихъ дѣлахъ.

пашниковъ. (Серьезно). Какъ вы изволите говорить?

акъевъ. Я говорю, что настоящая моя поѣздка въ Москву
ная неудачная.

пашниковъ. Почему-же-съ?

акъевъ. Безденежье теперь во всѣхъ банкахъ; вездѣ
и выгребли къ нижегородской, а у меня, какъ на зло,
тъ тысячъ платежей скопилось. Плачу въ одинъ банкъ,
длаю къ учету новый вексель, — говорить «денегъ нѣтъ»;
другой и представляю вексель, — та-же исторія, и такъ —
е. Пятьдесятъ тысячъ заплатилъ, и хоть-бы грошь выдали.
досадно!

пашниковъ. Да-съ, пятьдесятъ тысячъ вынуть сразу изъ

моихъ дѣлахъ...

Балакѣвъ. Невозможно. Это-то вотъ и даге поведъ къ письмамъ, которыя читалъ вамъ Гамагинъ.

Колпашиниковъ. (Возвоямо). Но вѣдь если это такъ и жится, если, въ виду этимъ слуховъ, банки въ другихъ городахъ сдѣлаютъ такъ-же, какъ и московскіе, вѣдь тогда что-же?.. тогда поценовъ вы должны будете... (вскакиваетъ, срываетъ шапку и начинаетъ ходить въ волненіи). Какая гадость-то, какая гадость!

Балакѣвъ. Да, неприятно.

Колпашиниковъ. Вѣдь это что-же... Это безъ повода жить... Этакъ всякій богачъ сдѣлается несостоятельнымъ.

Балакѣвъ. Что-же дѣлать! Строй коммерціи очень и вершенствованъ у насъ.

Колпашиниковъ. Да вѣдь хорошо-съ... Васъ сдѣлаютъ несостоятельнымъ, да вѣдь, кромѣ того, сколько людей гибнетъ вами дѣло, — и они должны гибнуть... Да за что-же гибнутъ? За что-же теперь я-то... Человѣкъ ни душой, ни тѣломъ, ни имуществомъ не виноватъ, и вдругъ его, ни съ того, ни съ этого за его-же доброе, разоряютъ, отнимаютъ все...

Балакѣвъ. Вотъ, вы опять выходите изъ себя, но напрасно! Взгляните вы на дѣло покладноровья и увидите, что тутъ не только волноваться и выходить изъ себя, а терять хорошаго расположенія духа не стоитъ. Садитесь, успокойтесь, выслушайте меня! Допустимъ даже самое худшее, допустимъ, что меня объявятъ несостоятельнымъ, вы то тутъ теряете? Если я долженъ, положимъ, миллионъ двѣсти тысячъ, такъ вѣдь у меня заводы и разныя принадлежности, имущество, матеріалы — стоятъ, минимумъ, четверть миллиона. Ну, продадутъ, раздѣлятъ по кредиторамъ — я опять открываю дѣло снова, и снова кредитъ. Тутъ и думать нечего. Знаете святую русскую пословицу: «Капиталъ потерять ничего не потерялъ, кредитъ потерялъ — половину потерялъ, потерялъ, то есть, духомъ упалъ — все потерялъ». Съ стати я буду терять самое дорогое, что у меня осталось — куражъ, сознаніе собственной силы ума и способности эти-то качества и помогутъ мнѣ вновь подняться? Нетъ, речь ихъ, а не растривать себя по пустякамъ.

Колпашиниковъ. Все это такъ, но неприятно. Я никогда не велъ дѣла на чужбину, а чистое, и вдругъ съ меня что-то случится, и я пойду къ суду...

Балакѣвъ. Да поймите-же вы, что это не такъ ужъ и страшно! Искать начнутъ съ меня, а вы что-то будете делать? Что взять. Вы-то тутъ при чемъ?

ни векселями, наконецъ—росписками моими, что вы мнѣ
ны ни копѣйки и что по вашимъ векселямъ, учтеннымъ
банкахъ и у частныхъ лицъ, обязанъ уплатить я
ташниковъ. (Успокоиваясь). Все-таки... Вотъ Гамагинъ...
аѣвъ. Позвольте! Вѣдь я теперь совершенно въ ва-
кахъ. Если вы начнете искать съ меня по моимъ обо-
векселямъ, вы все взыщете, до копѣйки; если-же бы я
искать съ васъ, вы представляете мои росписки, что вы
уплатили! Поймите, что я отдаю вамъ себя совсѣмъ, за-
о, такъ сказать, себя вамъ; вы все можете сдѣлать со-
если кому бояться, такъ я долженъ бояться васъ, только
васъ. Но вѣдь я васъ не боюсь; я вѣрю въ вашу честь
безкорыстную душу... За что-же вы-то во мнѣ сомнѣ-
? За что-же вы задумываетесь, раздражаетесь, какъ-бы не
мнѣ? Вѣдь это больно мнѣ.

ташниковъ. Виновать, Алексѣй Александровичъ! Вы,
ади, не обижайтесь на меня; я васъ такъ уважаю, что и
и въ помыслѣ никакихъ подозрѣній не имѣю.

аѣвъ. И не имѣйте. Это недостойно васъ; вѣрить, такъ
вѣрить вполнѣ. (Достаётъ изъ кармана бумажникъ). Вотъ-съ вамъ
пятнадцать тысячъ вашихъ векселей, которые я оплатилъ,
въ Москвѣ. Потрудитесь взять ихъ и выдать мнѣ моихъ
векселей на эту-же сумму.

ташниковъ. Хорошо-съ! Теперь, значить, останется у
векселей на пятьдесятъ тысячъ рублей.

аѣвъ. (Раскрывая памятную книжку и соображая). Да, такъ.
шестьдесятъ-пять тысячъ; сегодня пятнадцать тысячъ
вамъ оплаченныхъ,—ихъ мы и зачеркнемъ (зачеркиваетъ),—
на пятьдесятъ тысячъ.

ташниковъ. (Радостно). Ну, вотъ и хорошо!
меньше осталось пятнадцать тысячъ зачеркнули,
современемъ зачеркнуть.

аѣвъ. С... я попрошу васъ
векселей... я приготовилъ
что эти векселя
жду завтра въ
съ банковъ что
(Послушайте,
когда здѣсь, на
родавалъ его по
нужны были ему
и просили меня

помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ. Я далъ вамъ на двадцать векселей. Такъ?

Балакѣевъ. Да... И я возвратилъ вамъ ихъ въ... Но вѣдь, вы помните, что, по случаю пожара завода, тогда громадныя убытки, и сами-же вы, сочувствуя моему, предложили переписать векселя.

Колпашниковъ. Да, это правда. Но вѣдь, согласенъ послѣ бывали и лучшія времена, а вы продолжали просить о перепискѣ векселей, и вотъ, цифра ихъ, за эти годы, съ двадцати до шестидесяти-пяти тысячъ. Я душевно уважаю васъ, вѣрю вамъ, но, что хотите, каждый разъ, подписываю новые векселя, во мнѣ поднимается таящая точно я въ пропасть лечу. Я не законникъ, дѣль не съ вами, ни съ частными лицами никогда не имѣлъ; по этимъ вещамъ ни съ кѣмъ не доводилось, но что-то вѣрить во мнѣ, что бѣду я дѣлаю, погибель себѣ строю. Это, Алексѣй Александровичъ, пожалуйте меня! Ну, что дѣлать, если я не могу... внутренно, всѣмъ существовать не могу этого!

Балакѣевъ. Я не знаю, чѣмъ васъ успокоить; вы такъ нованы, что всякіе доводы бесполезны. Скажу вамъ то, что если вы теперь откажете подписать векселя, то вы для меня такое зло, что... ну, да словомъ, черезъ васъ умираете, чрезъ васъ,—я сдѣлаюсь банкротомъ...

Колпашниковъ. Господи спаси... Какъ чрезъ меня?

Балакѣевъ. Мнѣ нужно представить въ нижегородскіе къ учету векселя, а векселей у меня нѣтъ. Если вы не дадите теперь векселей, мнѣ нечего и представлять въ банкъ; тельно, нельзя занять вновь, чтобъ оправдать текущія и я долженъ буду поневолѣ объявить себя несостоятельнымъ.

Колпашниковъ. А если и нижегородскіе банки, такъ и московскіе, откажутъ?

Балакѣевъ. (Доставая изъ кармана бумажникъ). Этого можетъ. Въ доказательство, вотъ письмо главнаго воротничка нижегородскихъ банковъ. (Читаетъ). «Милостивый государь Алексѣй Александровичъ! Изъ письма вашего я вижу, что въ этихъ банкахъ вы потерпѣли полнѣйшее фіаско; но не духомъ и пріѣзжайте въ Нижній,—все, что можно сдѣлать, васъ сдѣлаю. (Подаетъ письмо Колпашникову). Вотъ смотрите, Колпашниковъ смотритъ и возвращаетъ). Слѣдовательно, участие теперь въ вашихъ рукахъ, и если я погибну, то,—извините отъ васъ, отъ вашего отказа подписать векселя.

Колпашиниковъ. Что мнѣ дѣлать? (Бросается на стулъ и сиваты-ть голову руками). Господи, что мнѣ дѣлать? Научи, вразуми!

Балакѣевъ. (Кладетъ руку ему на плечо). Подписать векселя, дорогой мой Перфиль Степанычъ, и вѣрить мнѣ, не оскорблять меня недостойнымъ вашей прекрасной души недоувѣремъ ко мнѣ. (Подвигаетъ къ нему векселя).

Колпашиниковъ. Ну, что будетъ, то будетъ! (Встаетъ и беретъ векселя). Я сейчасъ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Балакѣевъ одинъ.

Балакѣевъ. Молиться пошелъ, положить свои семь поклоновъ... И это каждый разъ, какъ приходится переписывать векселя. Однако, въ послѣднее время онъ дѣлается просто невозможнымъ: уговариваешь, уговариваешь, точно красную дѣвушку заужь. (Пауза). Д-да-съ. Если въ Нижнемъ не вывезеть... вапуть! Мужко поворочать мозгами, чтобы выйти изъ этого дѣла съ честью.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Балакѣевъ и Колпашиниковъ.

Колпашиниковъ (подавая векселя). Возьмите!.. Только, Алексѣй Александровичъ, поймите, что я отдаю вамъ всего себя: и состояніе мое, и честь, и доброе имя. Не сдѣлайте меня несчастнымъ!

Балакѣевъ (укладывая въ бумажникъ векселя). Успокойтесь. Перфиль Степанычъ, успокойтесь!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе II.

Комната въ гостиницѣ.

Баранкинъ и Вьюгинъ.

При открытіи занавѣса, Баранкинъ сидитъ и пишетъ.

Вьюгинъ (въ дверяхъ). Алексѣй Александровичъ здѣсь кварти-

Баранкинъ (вставая). Здѣсь, здѣсь, пожалуйста!

Вьюгинъ. А!... Алексѣй Федоровичъ! Сколько лѣтъ, сколько лѣтъ! (осматриваетъ его). Ну, братъ, и спрутъ обрѣзалъ, — совсѣмъ, совсѣмъ, изъ мужика въ управляющаго преобразился.

Баранкинъ. Нелзя, — служба! Хозяинъ у насъ любитъ, чтобы все прилично. (Садится).

Вьюгинъ. Что у васъ за экстра такая, — зачѣмъ требовали?

Баранкинъ. Всѣхъ телеграммами вызывали вчера: и
никовъ долженъ пріѣхать, Курюкинъ вчера еще пріѣхалъ.

Вьюгинъ. Да что за экстра? (вынимаетъ и читаетъ телеграмму)
«Обязательно пріѣзжайте завтра; ваше присутствіе необходимо»
Балакѣвъ». Что это значитъ?

Баранкинъ. Значить—пріѣзжайте, да и все тутъ.

Вьюгинъ. Ничего не понимаю. Что у него дѣла было?

Баранкинъ. Дѣла туги.

Вьюгинъ. Туги?...

Баранкинъ. Не платить.

Вьюгинъ (вскочивъ). Какъ не платить?...

Баранкинъ. Стало бытъ, денегъ нѣтъ, такъ и не платятъ.

Вьюгинъ. Влетѣ-ѣ-ѣ-ль!...

Баранкинъ. Полагать надо, что влетѣлъ, да одинъ,—много насъ влетѣло.

Вьюгинъ. Влетѣ-ѣ-ѣ-ль!... (Ходитъ).

Баранкинъ. Много влетѣлъ-то?

Вьюгинъ. Э-э!... (Машетъ рукой). Вотъ такъ загвоздило
(Садится).

Баранкинъ. Вонъ Колпашниковъ на шестьдесятъ тысячъ
тѣль.

Вьюгинъ. Ну, братъ, и я не остался!

Баранкинъ. Тоже, значитъ, около этого? (Думаетъ)
Ровно-бы ты и жарень-то не промахъ, кажется... Какъ же?

Вьюгинъ. Ахъ ты, чортъ тебя побери... а!?

Баранкинъ. Да вѣдь ужъ ладно,—гореваньемъ дѣло
соберишь. Я вотъ тоже продалъ въ деревнѣ-то надѣлъ
хурду-мурду разную; захотѣлось изъ мужиковъ въ мѣшачки
въ городѣ-то купилъ, да—по усердію своему къ службѣ
банкѣ подъ свои веселя взялъ двѣ тысячи... Придетъ
дому-то лишиться.

Вьюгинъ. Ну ты-то съ чего работалъ ему какъ работалъ
тыль онъ тебѣ семьсотъ рублей въ годъ, а вдругъ... на,

Баранкинъ. Повисилъ онъ меня тогда: управляющій
жалованья девятьсотъ рублей положилъ, а самъ
Вѣдь онъ только и дѣлалъ, что ѣздилъ деньги занимать
туть. Убѣхалъ онъ, а я хватъ курить—ни хлѣба нѣтъ,
нѣтъ, ни въ долгъ никто не вѣрять... Дѣлать нечего,
веселя, взялъ подъ нихъ двѣ тысячи, купилъ хлѣба и
А послѣ и хотѣлъ вырвать, да не тутъ-то было! Каждую
изъ-подъ рукавъ рвали: тамъ заплачу, тутъ переучу,
выи веселя представъ, тутъ проценты... да я ужъ и не
просто голова веруги!

Богинъ. Эхъ, ты-ы, простофиля!

Аранкинъ. Ну, батюшка, и ты не отсталъ отъ меня, — на со мной конѣ-то ѣдешь.

Богинъ. Да не на одномъ конѣ, а хуже далеко: у меня, того, что оберуть все вѣдаль, да еще, пожалуй, найдобрыя люди—и въ острогѣ попросить посидѣть. Да все мое дѣло совсѣмъ другое. Я торговлю открылъ на Балакѣевъ: онъ мнѣ десять тысячъ далъ въ кредитъ товаромъ, а торговлю-то открывалъ; вѣдь я, что-же, служащій его, а онъ посовѣтовалъ мнѣ самому торговать и кредитъ отъ него. Обладательствовывать, такъ сказать, онъ меня тогда.

Аранкинъ. Да, это тоже не всякій сдѣлаетъ.

Богинъ. Положимъ, зналъ онъ меня: пріятелями были; да все-таки... (Пауза). Ну, а потомъ, тогда черезъ два, я пошелъ,—онъ и попросилъ уплатить ему долгъ-то, позаниматься въ банкѣ. Ну, я тогда ужъ ознакомился въ банкѣ, — шло безъ затрудненія, а съ тѣхъ поръ и пошли мѣняться деньгами-то.

Аранкинъ. Да ужъ это только-бы одинъ затравить, а тамъ и бѣжать дружба съ дружбой.

Богинъ. Только я-то его векселей учиталъ въ банкахъ тына десять, потому по дѣлу мнѣ больше было и не нужно, а у него векселей на шестьдесятъ тысячъ учиталъ.

Аранкинъ. Разсчитъ...

Богинъ. И надо-ль онъ мнѣ съ этими векселями такъ, что ему писалъ, что больше какъ на десять тысячъ мѣняться векселями не желаю. Только пріѣхалъ тогда онъ ко мнѣ, а тамъ чортъ знаетъ чего: и дѣла-то у него миллионныя, и не видно это будетъ, если я откажу ему въ выдачѣ векселей, и еще, поврежу-то я и ему, и себѣ, ускоривъ паденіе и безъ остатку вытравивъ его дѣла... Если его дѣла падутъ, то и мой крепителъ, такъ какъ векселя его нигдѣ не будутъ принимать... Ну, словомъ, понимаешь, — попалъ я въ такіе шески, что вырваться никакъ.

Аранкинъ. Гдѣ тутъ вырваться,—вырваться невозможно. Дѣловое: чуть денегъ не хватить, — стопъ машина и потарахтѣсь, кто причастенъ. Онъ вонъ у брата родного набралъ тысячу векселей, — такъ и тотъ выскрестись не можетъ; у него, докторъ,—у того тоже на пять тысячъ... да у всѣхъ, кто подъ руку попался, набралъ векселей. Всѣ вотъ те и плати.

Богинъ. А не платить нельзя?

Аранкинъ. Какъ тутъ не заплатишь? У меня домъ отнимутъ

Баранкинъ. Чаю не заглаете-ли съ дороги-то?

Авдотья Сергѣевна. Ишь-ты: чаю! Предупредитель казать желаетъ, а толку нѣтъ.

Баранкинъ (сѣвъ). Алъ ты воля Божія! Поди вотъ на этихъ барынь.

Авдотья Сергѣевна. Пографъ, пографъ, — что графъ?

Баранкинъ. Ну, угоди, что-ли, — какъ по вашему-ски тамъ, или по купечески.

Авдотья Сергѣевна. Да не по-барски, а по-купечески, а по-человѣчески.

Баранкинъ. Уже теперь пошла шпынать.

Авдотья Сергѣевна. Нѣтъ, вы посмотрите да пода! Простачкомъ вѣдь прикидывается, а такой смирной не видывала. Бывало, садеть въ карты играть, шашки пѣйки, такъ вѣдь такъ и наровить, что-нибудь приписать.

Баранкинъ. Ахъ, ахъ, ахъ! ужъ и приписать!

Авдотья Сергѣевна. Запрись, запрись! А вѣтъ разъ, помнишь, изловила, — сама изловила!

Баранкинъ. Ошибка!.. ошибку въ фальшу не ставишь.

Въ юнжъ. Ну, братъ, нѣтъ, Алексѣй Федоричъ, а совсѣмъ виноватъ, тебѣ и прощенья надо просить.

Баранкинъ. И ты на меня! Ну, нѣтъ, такъ ужъ уйду, — противъ двоихъ мнѣ не выстою. (Идетъ).

Авдотья Сергѣевна. Постой, постой, постой! (Остается). Въѣлишь, очень въѣлишь! Если ты совсѣмъ кавалеромъ, такъ хоть-бы мнѣ комнату мою показалъ, мнѣ оправиться съ дороги-то.

Баранкинъ. Вотъ это я могу. (Показывая на дверь). Пожалуйста, прощайте, прощайте! Не выйдите только, не выйдите насъ осторожно.

Авдотья Сергѣевна. (Идя въ комнату). А что подать.

Баранкинъ. Это сейчасъ. Горничную, можетъ, и выманъ?

Авдотья Сергѣевна. Горничную — да..

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тя-ма, Баландинъ и Киселевичъ.

Авдотья Сергѣевна (идетъ къ Баландину). Алъ здравствуй! Что это ты запроцакъ здѣсь? Уже я ждала.

акъ въ. Нельзя, Душа, дѣла!

(Кисельниковъ здоровается съ нею и съ прочими).

отья Сергѣевна. Здравствуйте, Михайлъ Борисычъ! е, я прямо съ дороги, — въ чемъ застали, въ томъ и существу-что милнй нашъ (показываетъ на Баранкина)—не дамвалору, не могъ мнѣ до сихъ поръ и комнаты показать. нтъ нашей рукой).

сельниковъ. Что, братъ, Алексѣй Федорычъ, гоненіе пѣваешь?

ранкинъ. Претерпѣваю, Михайло Борисычъ; участь моя твои отъ барынь гоненья переносить.

агиль (къ женѣ). Ты поди, отдохни съ дороги-то, а мы аймся дѣлами: у насъ дѣла важныя. (Провожаютъ ее въ ..)

вгиль (къ Баранкину). Чаю-то твоего, я вижу, не до-д, самому нужно распорядиться. (Уходитъ).

ранкинъ. Сейчасъ я приважу, сейчасъ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Кисельниковъ и Колпашиниковъ.

сельниковъ (сидя въ Колпашиникову). Вы сегодня пріѣхали? машниковъ. Сегодня; телеграммой, вѣдь, меня вызвалъ й Александровичъ, а зачѣмъ—еще не знаю.

сельниковъ. Дѣла есть такія, до насъ всѣхъ касаются.

машниковъ. Да позвольте васъ спросить, Михайлъ Бори- правда-ли, что дѣла-то у Алексѣя Александровича... а... а...

сельниковъ. Да-съ, дѣла не важныя.

машниковъ. Говорять, не платить.

сельниковъ. Да, не платить.

машниковъ. Какъ-же такъ, Михайлъ Борисовичъ? какъ-?.. Вѣдь вы знаете отношенія наши... Я вѣдь и вамъ тоже, бѣ, для вашихъ оборотовъ, выдавалъ векселя... Вы оправ- возвратили ихъ мнѣ, а вѣдь у Алексѣя Александровича мо- телей въ банкахъ на шестьдесятъ тысячъ. Неужели-же адать придется?!

сельниковъ. Все можетъ быть.

машниковъ. Да за что-же... Помилуйте, за что? Вѣдь я дѣло только сдѣлалъ,—изъ дружбы, изъ расположенія, изъ и помогъ человѣку. Вы поймите, — не изъ интереса ка- просто по добротѣ сердечной.

сельниковъ. Я понимаю. Да вѣдь что-же дѣлать-то? алъ гдѣ упасть,—соломки-бы постлалъ, говорить пословица.

Колпашниковъ. Нѣтъ, ужь тутъ какое-же соломинъ
тутъ ужь выходить...

Кисельниковъ. Вы, впрочемъ, подождите волнов
дѣло-то, полагать нужно, уладится.

Колпашниковъ. Да... такъ вы говорите, уладитс

Кисельниковъ. Можетъ уладиться, но только при
содѣйствіи. (Зѣваетъ и хватаетъ себя за голову). Э, чортъ во
лова трещить, — не выспался.

Колпашниковъ. Что-жъ такъ?

Кисельниковъ. (Улыбаясь). Кутнули вчера на
брались въ одномъ значномъ мѣстѣ, да и позасидѣли.

Колпашниковъ. Дѣло ярмарочное.

Кисельниковъ. Да... да нужно было немножко
поладить Алексѣя Александрыча, — такъ банковыхъ воротил
гласилъ я провести вечерокъ повеселѣе. (Смѣется). Ахъ, Кур
рюкинъ, чортъ его возьми, уморилъ со смѣха!

Колпашниковъ. Развѣ и Курюкинъ здѣсь?

Кисельниковъ. Здѣсь... съ цыганками вчера на
дѣль... И что только онъ продѣлывал!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Курюкинъ, въ дверяхъ.

Курюкинъ. (Отворяя дверь). Мерзавцы...

Кисельниковъ (увидя его захохоталъ). Вотъ онъ, К
поминѣ-то.

Колпашниковъ (въ недоумѣніи). Это что-же та
завцы?»

Курюкинъ (войдя, поетъ).

Диривенски мужики

Ани просто дураки,

Мерзавцы гална!

Вотъ и малина!

Кисельниковъ (къ Колпашникову). Вчера его цы
сума свела.

Курюкинъ. Стешка!.. Стешка прѣмость, какъ он
ревью, веревью...» то-есть, я вамъ сважу, отдай всё не
мало еще. Здравствуйте, господа!

Кисельниковъ. Такъ какъ-же, сума свела Ст

Курюкинъ. Кого? Меня! Хе-хе-хе... Это, батюшк
но трудно.

Кисельниковъ. Почему-же трудно?

Курюкинъ. Потому что ума-то у-меня не загу

вѣтъ на голову) вѣтеръ больше ходитъ, да напитки раз-
леніе свое дадутъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Баландинъ.

Баландинъ (входя). О чемъ шумите вы, народные витіи!

Въединъ. Чтобъ ленту крупную эциза дать Россіи.

Баландинъ. Это хорошо!

Въединъ. Нѣтъ, это что! Вы спросите, въ чемъ заподозрилъ
Михайль Борисычъ.

Баландинъ. Въ чемъ?

Въединъ. Въ пустячѣхъ,—въ уголовномъ дѣлѣ.

Баландинъ. Какъ въ уголовномъ?

Въединъ. Да-съ, клевету изволить вводить на меня. Вѣдь
этошка, тоже... клевета-то какъ съ рукъ соидеть: другой
а клевету-то вы такъ можете пострадать, что мое почтеніе.
Кони-то тоже знаемъ,—грамотные, да-съ. Не какіе нибудь,
и Господи, пентюхи.

Баландинъ (безпокойно). Да въ чемъ дѣло, господа, скажите
пуйста.

Въединъ. Да какъ-же-съ, помиуйте! Вдругъ клеветецъ,
меня тутъ (показывая на голову) умъ есть...

(Общій хохоть).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, Въединъ и ланей съ чаемъ.

Въединъ. (Показывая на чай). А сей сонъ что обозначаетъ?

Ланей. Чай пить будемъ.

Въединъ. (Половому). Поди, поди, милый, поди съ Богомъ!

Ланей. Куда прикажете?

Въединъ. Дальше, какъ можно дальше, куда глаза твои
спрячь отъ насъ только этотъ твой соблазнъ!

Ланей. Какой соблазнъ?

Въединъ. Помиуйте-съ, — намъ, благообразнымъ, степен-
лимерсантамъ, и вдругъ горячими напитками баловаться!
— же такое? Кто-же тогда про наше поведение хорошее
сказать можетъ? (Къ лакею). Ступай, милый, ступай съ Бо-
гомъ! Если есть у тебя холодненькаго бутылочка, другая — тащи,
зазорно для насъ. (Показывая на чай). А это, братецъ,
нехорошо, не солидно, понимаешь, не солидно!

Ланей. Шампанскаго, значить, прикажете?

Въединъ (закрывая ему ротъ, грозить). Тсссъ... дурья голова,

заорать! (Тихо). Шампанскаго, шампанскаго. (Восклицаніе голодного подай намъ, мозги наши купеческіе прочистить. требуется, чтобы сообразительность наша заиграла. (Поворачивается). А этотъ брандохлнсть-то самъ истребляй.

Балакѣевъ (лакею, показывая на кофевъ жену). Снеси тутъ Вьюгинъ. И я тоже пойду, я чаю еще не пилъ. (Идетъ).

Балакѣевъ (Вьюгину). Вы приходите сюда, нужно поговорить.

Вьюгинъ. Хорошо. (Уходитъ съ лакеемъ).

Курюкинъ. (Садясь и показывая на уходящаго Вьюгина). Животъ надоѣла, дней живота своего не бережетъ. Помилуй, сырость въ себѣ заводитъ. Вѣдь эта сырость-то что? — спроси докторовъ. Вѣдь эта сырость-то ядъ-съ. (Къ возвращающемуся Балакѣеву). Такъ ты, миляга, смотри-же, холоднаго-то поскорѣе

Лакею. Одну или двѣ прикажете?

Курюкинъ. Чѣмъ больше, тѣмъ убѣдительнѣе.

Балакѣевъ. (Къ лакею). Ненужно, ничего не носи!

Курюкинъ. Какъ такъ ненужно?

Кисельниковъ. Сначала дѣло, а потомъ и... (къ миссисъ). Ну, дай! (Лакею уходитъ).

Курюкинъ (встаетъ и беретъ шляпу). Съ избранными не разговаривай, съ нечестивыми совратишися. (Идетъ къ дверямъ).

Балакѣевъ. Куда-же вы?

Курюкинъ (надѣвая шляпу и перчатки). Блаженъ мужъ, иде на совѣтъ нечестивыхъ!

Кисельниковъ. Да будетъ тебѣ балаганничать! Нужна ли тебѣ дѣло дѣлать!

Курюкинъ. На дѣло я всегда готовъ, во всякомъ случаѣ. Вотъ, напримѣръ, обезцѣнивать государственныя бумаги, я лучше всѣхъ васъ могу сдѣлать. Попробуйте сейчасъ выписать вексельный бланкъ въ десять тысячъ рублей, — я его вамъ обезцѣню: черкну только «купецъ второй гильдіи, Петръ Курюкинъ», съ надлежащимъ росчеркомъ, и бланкъ ни за что не будетъ стоить. (Къ Кисельникову). Попробуйте сдѣлать это и не сдѣлаете, головой ручаюсь! А вѣдь у васъ не только дѣло, вѣтъ, такъ вѣдь? Совѣтъ? (Входитъ Вьюгинъ со стаканомъ чаю).

Балакѣевъ. Совѣтъ, какъ дѣло устр...

Курюкинъ (перебивая). Позвольте, позвольте... а вы не совѣтъ, такъ я сейчасъ по псалтырю поступаю, какъ мать старовѣрка учила: «не иде на совѣтъ нечестивыхъ», такъ и поступаю.

Вьюгинъ. Такъ нельзя-съ; дѣло это близко всѣмъ...

...ся, мы всё пострадать можемъ, если не обсудимъ его какъ
...уть.

Курюкинъ. Вотъ мы и обсуждайте, и пишите, а я приду и
пишу. Напишите въ острогъ Курюкина, — а сейчасъ (пишетъ на
...). «Съ мнѣнїемъ согласенъ. Банкротъ, т. е. тыфу... купецъ вто-
... гальдинъ Петръ Курюкинъ». Потому я все это предвидѣлъ: по
...ности моей члена управы, я наблюдалъ за ремонтомъ острога
...гда еще мѣстечко себѣ облюбовалъ въ немъ, и смотрителю
...казалъ, чтобы отнюдь никому, кромѣ меня, это мѣсто не отда-
...лъ. А отъ совѣщанія увольте на сей разъ вашего друга. (Идетъ
... двери).

Балакѣевъ. Да подождите-же, наконецъ.

Курюкинъ (поетъ):

Служить Ганьке, служить Ваньке,

Служить дядюшка Власть.

Наберется много васъ

Безъ насъ... Калина

Вотъ и малина! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же безъ Курюкина.

Колпашиниковъ. Да что онъ, пьянъ, что-ли?

Кисельниковъ. Не пьянъ, а такъ расшалился.

Вьюгинъ. Игривое настроеніе духа наше!

Балакѣевъ. Это съ нимъ бываетъ. Впрочемъ, и лучше, что
...ушакъ мѣшать не будетъ, а подписать-то онъ, дѣйствительно,
... подписать и на все согласится. Тамъ приступимте, господа.
... какъ поудобнѣ.

Кисельниковъ. Поставьте столъ-то на середину и усядемся всѣ
... стола.

Балакѣевъ. Это отлично. (Подходить къ столу. Вьюгину). Помо-
... саулуста, Василій Петровичъ. (Переносить столъ). Сейчасъ
... принесу. (Уходитъ).

Вьюгинъ. (Къ Кисельникову, подставляя съ боку стола стулъ). Вамъ,
... Борисычъ, предсѣдательское кресло.

Кисельниковъ. Ну нѣтъ, батюшка, благодарю! (Указывая на
... Балакѣева). Вотъ ужъ пусть Алексѣй Александрычъ пред-
... ствуетъ. (Балакѣевъ садится бокомъ къ зрителямъ). А я къ нему
... ку подсяду, или вамъ, Перфиль Степанычъ, не желательнѣе
... домъ съ предсѣдателемъ сѣсть? (Отодвигая стулъ, показываетъ
... Колпашиникову).

Колпашиниковъ (все время бывший въ сильной задумчивости, идетъ
... тельно къ столу). Я, господа, такъ пораженъ всѣмъ этимъ,

что рѣшительно не могу ничего сообразить. (Кисельникову). Нѣтъ, рядомъ я не сяду, не могу. (Опускается на стулъ, съ боку противъ Балакѣева и сжимаетъ голову руками). Ахъ, Боже мой! что это будетъ... за что-же это?

Кисельниковъ. Да успокойтесь! Ахъ, какой-же вы трус!

Балакѣевъ. Я-бы попросилъ васъ, Трофимъ Степановичъ, слушать меня и возвратить мнѣ ваше довѣріе и ваше расположеніе, которое вы утратили ко мнѣ, и, скажу вамъ, положила въ сердце, — утратили совершенно напрасно. (Пауза). Видите, какъ больно мнѣ видѣть васъ враждебно относящимся ко мнѣ, больно не за себя, а за васъ, потому что вы сейчас-же увидѣли, какъ были несправедливы ко мнѣ.

Колпашиниковъ. Да понимаете-ли вы мое-то положеніе! Терять все, все: и состояніе, и общественное положеніе, и... можетъ быть... нѣтъ, нѣтъ, я не могу!

Балакѣевъ. Да кто-же вамъ говорить „потерялъ“? Напротивъ, приобрѣсть, — кромѣ собственнаго дѣла, быть товарищемъ въ моихъ дѣлахъ.

Колпашиниковъ. Какъ?

Балакѣевъ. Да я вѣдь сообщалъ вамъ... (Къ Васильеву) вамъ, Василій Петровичъ, о неожиданномъ для меня закрытіи дѣла въ московскихъ банкахъ.

Колпашиниковъ. Но вѣдь вы говорили, что это только временно затруднить васъ.

Балакѣевъ. Да оно такъ и есть, и для васъ-то даю думать вышло. Дѣло въ томъ, что, видя напряженное состояніе въ дѣлѣ, я съчелъ необходимымъ со всею строгою точностію узнать свои дѣла, и вотъ результатъ. (Вынимаетъ изъ портфеля счетъ) Дѣла же я триста-пятьдесятъ тысячъ, имѣю четыреста-шестьдесятъ тысячъ. Этотъ счетъ я представлялъ вчера предсѣдателямъ и ректорамъ здѣшнихъ банковъ и считаю нужнымъ показать вамъ и васъ. Вотъ онъ.

Вьюгинъ. Позвольте полюбопытствовать. (Беретъ счетъ) время слѣдующей сцены вынимаетъ изъ кармана книжку и карандашъ и соображаетъ цифры, прислушиваясь въ то-же время къ разговорѣ).

Колпашиниковъ. Что-же сказали вамъ банки?

Балакѣевъ. Банки, конечно, убѣдились, что я въ нихъ заплатилъ всѣмъ рубль за рубль, и согласились по моему дѣлу. Кромѣ того, благодаря вотъ (показываетъ на Кисельникова) ходатайству многоуважаемаго Михаила Борисовича, они готовы по мѣрѣ возможности, увеличить немного мой кредитъ. Въ виду разбросанности моихъ дѣлъ и въ виду того, что мнѣ очень трудно справиться съ ними, они дали мнѣ совѣтъ пригласить

дѣла компаніоновъ: васъ, Перфиль Степановичъ, васъ, Василій Петровичъ, и Петра Васильича Курюкина, какъ самыхъ крупныхъ агентовъ и лицъ, знакомыхъ съ нашимъ дѣломъ.

Колпашниковъ. Да, это конечно ничего.

Балакѣевъ. У всѣхъ васъ склады и другія мѣста продажи, меня на заводахъ выкурка спирта, такъ что сбытъ товара не затруднить. Вы попрежнему будете вести свои дѣла и съ тѣмъ участвовать и въ моихъ,—будете получать условное между нами вознагражденіе, а прибыли отъ моихъ заводовъ пойдутъ на уплату долговъ.

Колпашниковъ. Я, съ своей стороны, съ удовольствіемъ.

Балакѣевъ. Петру Васильичу я уже объ этомъ говорилъ; онъ отъ души радъ и вполне согласенъ. Да и какъ не согласенъ? Вы будете приобретать отъ меня товаръ изъ первыхъ рукъ, копѣйками десятую на ведро дешевле, нежели до сихъ поръ приобретали. Этимъ самымъ вы миритесь со мною, какъ съ крупнымъ конкурентомъ, и вамъ является возможность повысить продажныя цѣны тоже отъ десяти до двадцати копѣекъ на ведро, тогда вы будете получать чистой прибыли вдвое или втрое, чѣмъ до сихъ поръ получали.

Колпашниковъ. Само собой разумѣется, я радъ и... и... (вздыхаетъ). Мнѣ совѣстно, и я усердно прошу извинить меня... Я былъ разстроенъ. (Идетъ къ Балакѣеву).

Балакѣевъ (вставая). И, полноте, дорогой мой! Обвиняйтесь и не смейте попрежнему друзьями. (Обнимаются и цѣлуются).

Колпашниковъ. Мнѣ такъ совѣстно, такъ я сконфуженъ... и Бога, простите!

Балакѣевъ. Опять! Ахъ, Боже мой! Знаете пословицу: «кто не помянетъ»...

Колпашниковъ. Тому глазъ вонъ. Совершенно вѣрно. Ну, разве Василій Петровичъ углубляется?

Балакѣевъ. Я въ согласіи Василія Петровича такъ-же увѣренъ, какъ увѣренъ въ самомъ себѣ. (Къ Вьюгину). Такъ, Василій Петровичъ?

Вьюгинъ. На этотъ разъ не совсѣмъ такъ.

Балакѣевъ (къ Колпашникову, съ улыбкой). Онъ шутитъ, онъ не знаетъ какой нибудь артистической иллюзіей и, ручаюсь вамъ, въ разговоръ-то нашего не слыхалъ. Онъ шутитъ.

Вьюгинъ. И шутить теперь не время, и иллюзіями увлечься не могу, потому что увлекся вотъ этой комедіей. (Показываетъ на балакѣева). Но разговоръ вашъ, господа, я слышалъ, и прошу позволить мнѣ нѣсколько словъ.

Балакѣевъ. Говорите. (Садятся).

«Дѣло», № 6, 1883 г. I.

Вьюгинъ. Я сдѣлалъ маленькое извлеченіе изъ вашего отчета. Во-первыхъ, у васъ есть два завода, стоящіе на бумагѣ по пятьдесятъ тысячъ рублей... На самомъ-же дѣлѣ оба завода не стоятъ.

Балакѣевъ. Какъ такъ?

Вьюгинъ. Купили вы, десять лѣтъ назадъ, Юркинскій заводъ за десять тысячъ рублей и, восемь лѣтъ назадъ, Кромскій за восемь тысячъ рублей... Поправили ихъ и тотчасъ-же заложилъ Юркинскій—за двадцать, Кромскій—за пятнадцать тысячъ рублей.

Колпашиниковъ. Какъ, развѣ заводы заложены?

Балакѣевъ. Въ пустякахъ, въ тридцати-пяти тысячахъ (Вьюгину). Но позвольте, вѣдь они стоятъ мнѣ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ рублей?

Вьюгинъ. Вполнѣ вѣрно, что въ теченіи десяти лѣтъ руководствуясь соображеніями вашихъ управляющихъ и инженеровъ, которыхъ перебивало у васъ безчисленное множество, вы постоянно переламывали, перестраивали ваши заводы, вводили въ нихъ усовершенія, оказавшіяся никуда негодными, и къ настоящему моменту довели ваши заводы до того, что они никуда негодны.

Балакѣевъ. Да вѣдь деньги-то, двѣсти-пятьдесятъ тысячъ, я убилъ въ нихъ, убилъ?

Вьюгинъ. Съ такимъ-же успѣхомъ вы эти двѣсти-пятьдесятъ тысячъ могли бросить въ печку. Ваши оба завода, некакіе-то сгнившіе, стоятъ теперь, самое большее, тридцать тысячъ рублей. А такъ какъ они въ тридцати-пяти тысячахъ заложены, то придется еще пять тысячъ приплатить за нихъ. Эти пять тысячъ поставимъ въ графу «вы должны», а изъ графы «вы имѣете» вычтемъ пятьдесятъ тысячъ вычеркнемъ.

Балакѣевъ. Позвольте... что вы?!

Вьюгинъ. Не безпокойтесь, я пишу и черваю въ вашу бухгалтерскую и мятной книжкѣ, а вашъ балансъ попрежнему остается чистымъ и пороченъ. Затѣмъ, имущества значится на пятьдесятъ тысячъ рублей; вотъ изъ этой статьи и можно кое-что записать въ графу «вы имѣете», потому что имущество не заложено?

Колпашиниковъ. Имущество не заложено.

Вьюгинъ. Да; потому что его въ залогъ никто не вносилъ. Я вѣдь самъ велъ счета и знаю какъ они ведутся. Напримеръ, десять лѣтъ назадъ куплена коляска за пятьсотъ рублей. Живъ лѣто, коляска ломается; починка ея стоитъ двѣсти рублей. Въ описи имущества прибавляется къ цѣнности коляски двѣсти рублей... и такъ далѣе. Словомъ, каждая починка увеличиваетъ цѣнность коляски до тѣхъ поръ, пока коляска, стоящая на балансе, не пятьсотъ, а уже тысячу-пятьсотъ рублей, а

дѣлѣ изломанная, никуда негодная, — валится въ хламъ. По-
тѣ новая коляска за пятьсотъ рублей, а въ счетѣ иму-
щества стоятъ уже двѣ коляски, стоящія двѣ тысячи... И такъ
имущество... Чѣмъ оно на дѣлѣ старѣе и негоднѣе, тѣмъ на
дѣлѣ цѣннѣе. Вотъ на этомъ-то основаніи я и цѣню имущество,
стоющее пятьдесятъ тысячъ, въ три тысячи, которыя и ставлю въ
счетъ «вы имѣете».

Балакѣевъ. Послушайте, г. Вьюгинъ! Вы позволяете себѣ...

Вьюгинъ. (Перебивая). Извольте, извольте! Пять тысячъ по-
мѣш; мнѣ вѣдь что-же, — мнѣ не долго, а вамъ все-таки удо-
влетворитесь... Затѣмъ-съ, товаръ тутъ тоже придется поставить въ
счетъ «ни имѣемъ».

Колпашиниковъ. На сколько товару-то?

Вьюгинъ. Показано на шестьдесятъ тысячъ рублей; я по-
лагаю, что тысячи на три придется поставить въ графу «мы
имѣемъ».

Балакѣевъ. Это ужь, наконецъ, я не знаю, какъ и назвать!
(Колпашиникову). Помилуйте, вѣдь вы сами знаете, (къ Колпаши-
никову) и вы тоже видѣли, что на-дняхъ мнѣ заводчикъ Голубевъ
ставитъ пятнадцать тысячъ ведеръ спирта!

Кисельниковъ. Да, ужь это вы, г. Вьюгинъ... Я-бы попро-
силъ васъ...

Колпашиниковъ. Разстроить и спутать все—недолго.

Вьюгинъ. (Перебивая). Виновать, виновать, господа! (Къ Бала-
кѣеву). Такъ и голубевскій спиртъ въ этой-же суммѣ состоитъ?

Балакѣевъ. Разумѣется.

Вьюгинъ. Такъ вѣдь вы за него денегъ еще не заплатили.

Колпашиниковъ. Какъ, развѣ деньги не заплачены?

Вьюгинъ. А вонъ тамъ, въ номерѣ у Баранкина, сидитъ до-
машка Голубева, — за деньгами пришолъ: двѣнадцать тысячъ,
нужно получить за доставленные пятнадцать тысячъ
спирта, — по восьми гривенъ за ведро... И сидитъ такъ
опечалившись; надо полагать, говорить: «влетѣли мы». Не
хотите ли сюда его позвать? (Пауза). И потомъ-съ, въ балан-
сѣ счетѣ поставлено: «дѣло имѣетъ 17,200 ведеръ спирта въ
цѣнѣ по 3 руб. 50 коп. = 60,200 руб.» А вѣдь пятнадцать-то
тысячъ у Голубева вы купили по восьмидесяти копѣекъ за ведро
спирта; за него не платили; слѣдовательно, изъ шестидесяти
тысячъ,—за пятнадцать тысячъ по 3 р. 50 коп., пятьдесятъ двѣ
тысячи мы скинемъ. Останется не на шестьдесятъ,
а только на семь съ половиною тысячъ. Да тамъ свой акцизъ у
насъ не плаченъ, такъ-что въ графу «мы имѣемъ» поставлю три

тысячи... ну, четыре... ну, пять... Пусть будетъ пять, для лаго счету,—все сердцу отраднѣе. (Пауза).

Балакѣевъ. (Встаетъ и идетъ на авансцену; въ сторону). К разбойникъ, а!..

Вьюгинъ. Остается статья: «дѣла имѣють долговъ за пателями сто тысячъ рублей». Разбирать-ли, господа? Уж я дерзостей-то не мало надѣлалъ (съ улыбкой посмотрѣвъ на пашникова)—разстроить и спустить долго-ли, вѣдь!

Колпашниковъ. Разбирать, разбирать, пожалуйста!

Вьюгинъ. Да что разбирать-то! Будете довольны, е вмѣсто ста тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣеть»—пять тысячъ, или желаете объясненій?

Колпашниковъ. Объясненій, непременно объясненій!

Вьюгинъ. Долго это; да пожалуй... Вотъ семнадцать тысячъ за Деруновымъ, Дерунова знаете?

Колпашниковъ. Какого Дерунова?

Вьюгинъ. Толстый такой, басистый, прежде былъ еще мскимъ головой въ заштатномъ городѣ Картошинѣ, а теперь кабакѣ, у жены, приказчикомъ служить.

Колпашниковъ. Да вѣдь онъ семь лѣтъ ужъ прогорѣлъ у него нитки нѣтъ своей. Да какъ-же это за нимъ семнадцать тысячъ? Документы есть?

Вьюгинъ. Понятно, есть. Вотъ тутъ значится. (Смотритъ въ книгу): «по протестованнымъ векселямъ»; все законно и все въ порядкѣ. (Пауза). Такъ ужъ я, господа, пять тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣеть получить долговъ», а то вѣдь буду рваться, такъ въ концѣ концовъ больше двухъ или трехъ не удастся ставить.

Колпашниковъ. (Съ отчаяніемъ махнувъ рукой). Ставьте!

Вьюгинъ. (Пишетъ). И такъ, дѣло имѣеть: имущества въ пять тысячъ, товару на пять тысячъ, въ долгахъ пять тысячъ. И то все круглыя какія: пять, и пять, и пять! Трижды пять—пятнадцать. Дѣло имѣеть пятнадцать тысячъ рублей. Теперь «мы должны»—банкамъ и частнымъ лицамъ триста-пятьдесятъ тысячъ рублей, да заводы заложены выше ихъ стоимости на пять тысячъ. Есть еще у меня статейка тысячь тридцать одному лицу за цветныя бумаги для залоговъ; ну, да это мы пока оставимъ втуне. И такъ «мы должны» триста-пятьдесятъ-пять тысячъ рублей, а «мы имѣемъ» пятнадцать тысячъ рублей... разница учительная! (Пауза). Значитъ, Алексѣй Александровичъ Балакѣевъ можетъ уплатить своимъ кредиторамъ, самое большее, четыре тысячи за рубль, а по моему соображенію—болѣе двухъ тысячъ за рубль онъ уплатить не въ состояніи.

Колпашиниковъ. О! (Опускаетъ голову на руки). Что-же тутъ
дѣлать? Что-же тутъ дѣлать!

Кисельниковъ. Картина оказывается далеко печальнѣе,
я думалъ.

Вьюгинъ. Я положительо не ожидалъ того, что увидалъ изъ
этого отчета. Я зналъ, что дѣла запутаны, что большіе долги
попадаютъ имъ, но что выйдетъ пшикъ, этому и повѣрить было
нельзя!

Кисельниковъ. Позвольте, господа! Капиталь потерялъ—ни-
чего не потерялъ... Закройте вы глаза на эту картину, пред-
ставьте, что дѣло Балакѣева цвѣтетъ, вступайте въ компанію и...

Вьюгинъ. А деньги гдѣ?

Кисельниковъ. Э, пустяки! Кредитъ есть. Если вы составите
какое солидный торговый домъ, на прочныхъ началахъ, то вновь
обрѣтете кредитъ.

Вьюгинъ. Можетъ быть, мы и приобрѣтемъ кредитъ, если дѣло
станетъ въ ходъ да хорошо пойдетъ оно, а до тѣхъ поръ
мы бы старшіе-то кредитъ удалось разсрочить, и то ладно!

Кисельниковъ. Ужъ это само собою разумѣется.

Вьюгинъ. Слѣдовательно, пустить-то дѣло въ ходъ мы должны
свои деньги? Не знаю какъ вы, Перфиль Степанычъ, а если я изъ
своего дѣла семь тысячъ выну,—мнѣ дѣло придется закрыть, пото-
му-то вести его не чѣмъ будетъ.

Колпашиниковъ. Я тоже вынимать изъ своего дѣла денегъ
нельзя.

Вьюгинъ. Курюкинъ тоже не можетъ; а чтобы починить и
дѣлать въ ходъ заводы, — двадцать тысячъ нужно, по меньшей
мѣрѣ.

Балакѣевъ. Такъ лучше ужъ навремя ваши дѣла пристано-
вить. Согласитесь, господа, что, вѣдь, что-же они могутъ дать въ
свои дѣла съ заводами-то?

Кисельниковъ. И притомъ, господа, теперь нужно выбирать
лучше расплачиваться по вексямъ деньгами, или дѣлаться не-
удачными и рисковать своей свободой, или сообща отработать
свои дѣла на дѣлахъ Алексѣя Александровича Балакѣева

Вьюгинъ. Хорошо-съ. Закроемъ мы дѣла свои, которыя дають
намъ и впредь-бы дали намъ кусокъ хлѣба, затратимъ выручен-
ныя отъ нихъ капиталъ въ дѣла г. Балакѣева, себя самихъ зака-
жемъ ему... И если мы эти погибшія дѣла на своемъ хребтѣ
не можемъ держать черезъ десять,—тогда въ какихъ-же отношеніяхъ
мы станемъ къ этимъ дѣламъ?

Кисельниковъ. Это ужъ, господа, зависитъ отъ условій.

тысячи... ну, четыре... ну, пять... Пусть будетъ пять, для малаго счету,—все сердцу отраднѣе. (Пауза).

Балакѣевъ. (Встаетъ и идетъ на авансцену; въ сторону). Балакѣевъ, а!..

Вьюгинъ. Остается статья: «дѣла имѣютъ долговъ за патентами сто тысячъ рублей». Разбирать-ли, господа? Ужъ я дерзостей-то не мало надѣлалъ (съ улыбкой поглядывая на папашниковъ)—разстроить и спустить долго-ли, вѣдь!

Колпашниковъ. Разбирать, разбирать, пожалуйста!

Вьюгинъ. Да что разбирать-то! Будете довольны, если вмѣсто ста тысячъ поставлю въ графу «дѣла имѣть»—пять тысячъ, или желаете объясненій?

Колпашниковъ. Объясненій, непременно объясненій!

Вьюгинъ. Долго это; да пожалуй... Вотъ семнадцать тысячъ за Деруновымъ, Дерунова знаете?

Колпашниковъ. Какого Дерунова?

Вьюгинъ. Толстый такой, басистый, прежде былъ еще моднымъ головой въ заштатномъ городѣ Картошинѣ, а теперь кабацкѣ, у жены, приказчикомъ служить.

Колпашниковъ. Да вѣдь онъ семь лѣтъ ужъ прогорѣлъ у него нитки нѣтъ своей. Да какъ-же это за нимъ семнадцать тысячъ? Документы есть?

Вьюгинъ. Понятно, есть. Вотъ тутъ значится. (Смотритъ въ книгу): «по протестованнымъ векселямъ»; все законно и все въ рядѣхъ. (Пауза). Такъ ужъ я, господа, пять тысячъ поставлю въ графу «дѣла имѣть получить долговъ», а то вѣдь буду разбирать, такъ въ концѣ концовъ больше двухъ или трехъ не удастся ставить.

Колпашниковъ. (Съ отчаяніемъ махнувъ рукой). Ставьте!

Вьюгинъ. (Пишетъ). И такъ, дѣла имѣть: имущества на пять тысячъ, товару на пять тысячъ, въ долгахъ пять тысячъ. Да то все кругляя какія: пять, и пять, и пять! Трижды пять—пятнадцать. Дѣла имѣть пятнадцать тысячъ рублей. Теперь, господа, должны—банкамъ и частнымъ лицамъ триста-пятьдесятъ тысячъ рублей, да заводы заложены выше ихъ стоимости на пять тысячъ. Есть еще у меня статейка тысячь тридцать одному лицу за ценные бумаги для залоговъ; ну, да это мы пока оставимъ втунѣ. И такъ «мы должны» триста-пятьдесятъ-пять тысячъ рублей, а «мы имѣемъ» пятнадцать тысячъ рублей... разница ужасная! (Пауза). Значитъ, Алексѣй Александровичъ Балакѣевъ можетъ уплатить своимъ кредиторамъ, самое большее, четырнадцать тысячъ рублей за рубль, а по моему соображенію—болѣе двухъ копѣекъ за рубль онъ уплатить не въ состояніи.

Колпашиниковъ. О! (Опускаетъ голову на руки). Что-же тутъ дѣлать? Что-же тутъ дѣлать!

Кисельниковъ. Картина оказывается далеко печальнѣе, чѣмъ я думалъ.

Вьюгинъ. Я положительо не ожидалъ того, что увидалъ изъ отчета. Я зналъ, что дѣла запутаны, что большіе долги поощають ихъ, но что выйдетъ шишъ, этому и повѣрить было нельзя!

Кисельниковъ. Позвольте, господа! Капиталь потерялъ—ничего не потерялъ... Закройте вы глаза на эту картину, предположите, что дѣло Балакѣева цвѣтетъ, вступайте въ компанію и...

Вьюгинъ. А деньги гдѣ?

Кисельниковъ. Э, пустяки! Кредитъ есть. Если вы составите новое солидный торговый домъ, на прочныхъ началахъ, то вновь обрѣтете кредитъ.

Вьюгинъ. Можетъ быть, мы и приобрѣтемъ кредитъ, если дѣло стикнетъ въ ходъ да хорошо пойдетъ оно, а до тѣхъ поръ пусть-бы старшій-то кредитъ удалось разсрочить, и то ладно!

Кисельниковъ. Ужъ это само собою разумѣется.

Вьюгинъ. Слѣдовательно, пустить-то дѣло въ ходъ мы должны свои деньги? Не знаю какъ вы, Перфиль Степанычъ, а если я изъ своего дѣла семь тысячъ выну,—мнѣ дѣло придется закрыть, потому—вести его не чѣмъ будетъ.

Колпашиниковъ. Я тоже вынимать изъ своего дѣла денегъ не могу.

Вьюгинъ. Курюкинъ тоже не можетъ; а чтобы починить и пустить въ ходъ заводы, — двадцать тысячъ нужно, по меньшей мѣрѣ.

Балакѣевъ. Такъ лучше ужъ навремя ваши дѣла приостановить. Согласитесь, господа, что, вѣдь, что-же они могутъ дать въ сравненіи съ заводами-то?

Кисельниковъ. И притомъ, господа, теперь нужно выбирать или расплачиваться по вексямъ деньгами, или дѣлаться нечестными и рисковать своей свободой, или сообща отработывать пропавшіеся на дѣлахъ Алексѣя Александровича Балакѣева.

Вьюгинъ. Хорошо-съ. Закроемъ мы дѣла свои, которыя дають намъ и впредь-бы дали намъ кусокъ хлѣба, затратимъ вырученныя изъ нихъ капиталъ въ дѣла г. Балакѣева, себя самихъ закажемъ ему... И если мы эти погибшія дѣла на своемъ хребтѣ возьмемъ, лѣтъ черезъ десять,—тогда въ какихъ-же отношеніяхъ мы мы стоять къ этимъ дѣламъ?

Кисельниковъ. Это ужъ, господа, зависитъ отъ условій.

тысячи... ну, четыре... ну, пять... Пусть будетъ пять, для лаго счету,—все сѣрдцу отраднѣе. (Пауза).

Балакѣевъ. (Встаетъ и идетъ на авансцену; въ сторону). Къ разбойникъ, а!..

Вьюгинъ. Остается статья: «дѣла имѣють долговъ за пателями сто тысячъ рублей». Разбирать-ли, господа? Ужъ я дерзостей-то не мало надѣлалъ (съ улыбкой посмотрѣвъ на пашникова)—разстроить и спустить долго-ли, вѣдь!

Колпашниковъ. Разбирать, разбирать, пожалуйста!

Вьюгинъ. Да что разбирать-то! Будете довольны, если вмѣсто ста тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣеть»—пять тысячъ, или желаете объясненій?

Колпашниковъ. Объясненій, непременно объясненій!

Вьюгинъ. Долго это; да пожалуй... Вотъ семнадцать тысячъ за Деруновымъ, Дерунова знаете?

Колпашниковъ. Какого Дерунова?

Вьюгинъ. Толстый такой, басистый, прежде былъ еще мѣскимъ головой въ заштатномъ городѣ Бартошинѣ, а теперь кабаккѣ, у жены, приказчикомъ служить.

Колпашниковъ. Да вѣдь онъ семь лѣтъ ужъ прогорѣлъ у него нитки нѣтъ своей. Да какъ-же это за нимъ семнадцать тысячъ? Документы есть?

Вьюгинъ. Понятно, есть. Вотъ тутъ значится. (Смотритъ въ чехъ): «по протестованнымъ векселямъ»; все законно и все въ рядкѣ. (Пауза). Такъ ужъ я, господа, пять тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣеть получить долговъ», а то вѣдь буду разбирать, такъ въ концѣ концовъ больше двухъ или трехъ не удастся ставить.

Колпашниковъ. (Съ отчаяніемъ махнувъ рукой). Ставьте!

Вьюгинъ. (Пишетъ). И такъ, дѣло имѣеть: имущества на пять тысячъ, товару на пять тысячъ, въ долгахъ пять тысячъ. Да то все кругляя какія: пять, и пять, и пять! Трижды пять—пятнадцать. Дѣло имѣеть пятнадцать тысячъ рублей. Теперь «мы должны»—банкамъ и частнымъ лицамъ триста-пятьдесятъ тысячъ рублей, да заводы заложены выше ихъ стоимости на пять тысячъ. Есть еще у меня статейка тысячь тридцать одному лицу за центные бумаги для залоговъ; ну, да это мы пока оставимъ втуне. И такъ «мы должны» триста-пятьдесятъ-пять тысячъ рублей, а «мы имѣемъ» пятнадцать тысячъ рублей... разница учительная! (Пауза). Значитъ, Алексѣй Александровичъ Балакѣевъ можетъ уплатить своимъ кредиторамъ, самое большее, четверть пѣйки за рубль, а по моему соображенію—болѣе двухъ копеекъ за рубль онъ уплатить не въ состояніи.

Колпашиниковъ. О! (Опускаетъ голову на руки). Что-же тутъ
ать? Что-же тутъ дѣлать!

Кисельниковъ. Картина оказывается далеко печальнѣе,
тъ я думалъ.

Вьюгинъ. Я положительо не ожидалъ того, что увидалъ изъ
го отчета. Я зналъ, что дѣла запутаны, что большіе долги
поощаютъ ихъ, но что выйдетъ ишикъ, этому и повѣрить было
льзя!

Кисельниковъ. Позвольте, господа! Капиталъ потерялъ — ни-
го не потерялъ... Закройте вы глаза на эту картину, пред-
авьте, что дѣло Балакѣева цвѣтетъ, вступайте въ компанію и...

Вьюгинъ. А деньги гдѣ?

Кисельниковъ. Э, пустяки! Кредитъ есть. Если вы составите
ько солидный торговый домъ, на прочныхъ началахъ, то вновь
обрѣтете кредитъ.

Вьюгинъ. Можетъ быть, мы и приобрѣтемъ кредитъ, если дѣло
стимъ въ ходъ да хорошо пойдетъ оно, а до тѣхъ поръ
лько-бы старій-то кредитъ удалось разсрочить, и то ладно!

Кисельниковъ. Ужъ это само собою разумѣется.

Вьюгинъ. Слѣдовательно, пустить-то дѣло въ ходъ мы должны
свои деньги? Не знаю какъ вы, Перфиль Степанычъ, а если я изъ
его дѣла семь тысячъ выну, — мнѣ дѣло придется закрыть, пото-
—вести его не чѣмъ будетъ.

Колпашиниковъ. Я тоже вынимать изъ своего дѣла денегъ
могу.

Вьюгинъ. Курюкинъ тоже не можетъ; а чтобы починить и
тить въ ходъ заводы, — двадцать тысячъ нужно, по меньшей
ѣ.

Балакѣевъ. Такъ лучше ужъ навремя ваши дѣла приостано-
е. Согласитесь, господа, что, вѣдь, что-же они могутъ дать въ
невнн съ заводами-то?

Кисельниковъ. И притомъ, господа, теперь нужно выбирать
или расплачиваться по векселямъ деньгами, или дѣлаться не-
тельными и рисковать своей свободой, или сообща отработать
павшіеся на дѣлахъ Алексѣя Александровича Балакѣева

Вьюгинъ. Хорошо-съ. Закроемъ мы дѣла свои, которыя даютъ
ь и впередъ-бы дали намъ кусокъ хлѣба, затратимъ выручен-
изъ нихъ капиталъ въ дѣла г. Балакѣева, себя самихъ зака-
тъ ему... И если мы эти погибшія дѣла на своемъ хребтѣ
емъ, лѣтъ черезъ десять, — тогда въ какихъ-же отношеніяхъ
ь мы стоять къ этимъ дѣламъ?

Кисельниковъ. Это ужъ, господа, зависитъ отъ условій.

тысячи... ну, четыре... ну, пять... Пусть будетъ пять, для лаго счету,—все сердцу отраднѣе. (Пауза).

Балакѣевъ. (Встаетъ и идетъ на авансцену; въ сторону) Балакѣевъ, а!..

Вьюгинъ. Остается статья: «дѣла имѣютъ долговъ за пателями сто тысячъ рублей». Разбирать-ли, господа? Ужъ я дерзостей-то не мало надѣлалъ (съ улыбкой-посмотрѣвъ на папашникова)—разстроить и спустить долго-ли, вѣдь!

Колпашниковъ. Разбирать, разбирать, пожалуйста!

Вьюгинъ. Да что разбирать-то! Будете довольны, если вмѣсто ста тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣть»—пять тысячъ, или желаете объясненій?

Колпашниковъ. Объясненій, непременно объясненій!

Вьюгинъ. Долго это; да пожалуй... Вотъ семнадцать тысячъ за Деруновымъ, Дерунова знаете?

Колпашниковъ. Какого Дерунова?

Вьюгинъ. Толстый такой, басистый, прежде былъ еще профессорскимъ головой въ заштатномъ городѣ Картошинѣ, а теперь кабакѣ, у жены, приказчикомъ служить.

Колпашниковъ. Да вѣдь онъ семь лѣтъ ужъ прогорѣлъ у него нитки нѣтъ своей. Да какъ-же это за нимъ семнадцать тысячъ? Документы есть?

Вьюгинъ. Понятно, есть. Вотъ тутъ значится. (Смотритъ въ книгу): «по протестованнымъ векселямъ»; все законно и все въ рядѣхъ. (Пауза). Такъ ужъ я, господа, пять тысячъ поставлю графу «дѣло имѣть получить долговъ», а то вѣдь буду разбирать, такъ въ концѣ концовъ больше двухъ или трехъ не придется ставить.

Колпашниковъ. (Съ отчаяніемъ махнувъ рукой). Ставьте!

Вьюгинъ. (Пишетъ). И такъ, дѣло имѣть: имущества на пять тысячъ, товару на пять тысячъ, въ долгахъ пять тысячъ. Притомъ все круглымъ какія: пять, и пять, и пять! Трижды пять—надцать. Дѣло имѣть пятнадцать тысячъ рублей. Теперь, господа, должны—банкамъ и частнымъ лицамъ триста-пятьдесятъ тысячъ рублей, да заводы заложены выше ихъ стоимости на пять тысячъ. Есть еще у меня статейка тысячь тридцать одному лицу за цветныя бумаги для залоговъ; ну, да это мы пока оставимъ втунѣ. И такъ «мы должны» триста-пятьдесятъ-пять тысячъ рублей, а «мы имѣемъ» пятнадцать тысячъ рублей... разница ужасная! (Пауза). Значитъ, Алексѣй Александровичъ Балакѣевъ можетъ уплатить своимъ кредиторамъ, самое большее, четыреста тысячъ рублей за рубль, а по моему соображенію—болѣе двухъ копѣекъ за рубль онъ уплатить не въ состояніи.

Колпашиниковъ. О! (Опускаетъ голову на руки). Что-же тутъ дѣлать? Что-же тутъ дѣлать!

Кисельниковъ. Картина оказывается далеко печальнѣе, чѣмъ я думалъ.

Вьюгинъ. Я положительно не ожидалъ того, что увидалъ изъ этого отчета. Я зналъ, что дѣла запутаны, что большіе долги отягощаютъ ихъ, но что выйдетъ шибже, этому и повѣрить было нельзя!

Кисельниковъ. Позвольте, господа! Капиталь потерялъ — ничего не потерялъ... Закройте вы глаза на эту картину, представьте, что дѣло Балакѣева цвѣтетъ, вступайте въ компанію и...

Вьюгинъ. А деньги гдѣ?

Кисельниковъ. Э, пустяки! Кредитъ есть. Если вы составите только солидный торговый домъ, на прочныхъ началахъ, то вновь приобретете кредитъ.

Вьюгинъ. Можетъ быть, мы и приобрѣтемъ кредитъ, если дѣло пустить въ ходъ да хорошо пойдетъ оно, а до тѣхъ поръ только-бы старшій-то кредитъ удалось разсрочить, и то ладно!

Кисельниковъ. Ужь это само собою разумѣется.

Вьюгинъ. Слѣдовательно, пустить-то дѣло въ ходъ мы должны на свои деньги? Не знаю какъ вы, Перфиль Степанычъ, а если я изъ своего дѣла семь тысячъ выну, — мнѣ дѣло придется закрыть, потому — вести его не чѣмъ будетъ.

Колпашиниковъ. Я тоже вынимать изъ своего дѣла денегъ не могу.

Вьюгинъ. Курюкинъ тоже не можетъ; а чтобы починить и пустить въ ходъ заводы, — двадцать тысячъ нужно, по меньшей мѣрѣ.

Балакѣевъ. Такъ лучше ужъ навремя ваши дѣла приостановить. Согласитесь, господа, что, вѣдь, что-же они могутъ дать въ сравненіи съ заводами-то?

Кисельниковъ. И притомъ, господа, теперь нужно выбирать или расплачиваться по векселямъ деньгами, или дѣлаться неспособными и рисковать своей свободой, или сообща отработывать выслужившіяся на дѣлахъ Алексѣя Александровича Балакѣева долги.

Вьюгинъ. Хорошо-съ. Закроемъ мы дѣла свои, которыя дають заръ и впредь-бы дали намъ кусокъ хлѣба, затратимъ вырученнаго изъ нихъ капиталъ въ дѣла г. Балакѣева, себя самихъ закажемъ ему... И если мы эти погибшія дѣла на своемъ хребтѣ веземъ, лѣтъ черезъ десять, — тогда въ какихъ-же отношеніяхъ будемъ мы стоять къ этимъ дѣламъ?

Кисельниковъ. Это ужъ, господа, зависитъ отъ условій.

тысячи... ну, четыре... ну, пять... Пусть будетъ пять, для лаго счету,—все сердцу отраднѣе. (Пауза).

Балакѣевъ. (Встаетъ и идетъ на авансцену; въ сторону). Балакѣевъ, а!..

Вьюгинъ. Остается статья: «дѣла имѣютъ долговъ за пателями сто тысячъ рублей». Разбирать-ли, господа? Ужъ я дерзостей-то не мало надѣлалъ (съ улыбкой посмотрѣвъ на папашникова)—разстроить и спустить долго-ли, вѣдь!

Колпашниковъ. Разбирать, разбирать, пожалуйста!

Вьюгинъ. Да что разбирать-то! Будете довольны, если вмѣсто ста тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣеть»—пять тысячъ, или желаете объясненій?

Колпашниковъ. Объясненій, непременно объясненій!

Вьюгинъ. Долго это; да пожалуй... Вотъ семнадцать тысячъ за Деруновымъ, Дерунова знаете?

Колпашниковъ. Какого Дерунова?

Вьюгинъ. Толстый такой, басистый, прежде былъ еще мѣскимъ головой въ заштатномъ городѣ Картошинѣ, а теперь кабачкѣ, у жены, приеазчикомъ служить.

Колпашниковъ. Да вѣдь онъ семь лѣтъ ужъ прогорѣлъ у него нитки нѣтъ своей. Да какъ-же это за нимъ семнадцать тысячъ? Документы есть?

Вьюгинъ. Понятно, есть. Вотъ тутъ значится. (Смотритъ въ книгу): «по протестованнымъ векселямъ»; все законно и все въ порядкѣ. (Пауза). Такъ ужъ я, господа, пять тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣеть получить долговъ», а то вѣдь буду разбирать, такъ въ концѣ концовъ больше двухъ или трехъ не придется ставить.

Колпашниковъ. (Съ отчаяніемъ махнувъ рукой). Ставьте!

Вьюгинъ. (Пишетъ). И такъ, дѣло имѣеть: имущества въ пять тысячъ, товару на пять тысячъ, въ долгахъ пять тысячъ. Дѣло то все круглыя какія: пять, и пять, и пять! Трижды пять—пятнадцать. Дѣло имѣеть пятнадцать тысячъ рублей. Теперь, господа, должны—банкамъ и частнымъ лицамъ триста-пятьдесятъ тысячъ рублей, да заводы заложены выше ихъ стоимости на пять тысячъ. Есть еще у меня статейка тысяча тридцать одному лицу за цветныя бумаги для залоговъ; ну, да это мы пока оставимъ втуне. И такъ «мы должны» триста-пятьдесятъ-пять тысячъ рублей, а «мы имѣемъ» пятнадцать тысячъ рублей... разница учительная! (Пауза). Значитъ, Алексѣй Александровичъ Балакѣевъ можетъ уплатить своимъ кредиторамъ, самое большее, четырнадцать тысячъ за рубль, а по моему соображенію—болѣе двухъ копѣекъ за рубль онъ уплатить не въ состояніи.

Болпашиниковъ. О! (Опускаетъ голову на руки). Что-же тутъ дѣлать? Что-же тутъ дѣлать!

Кисельниковъ. Картина оказывается далеко печальнѣе, чѣмъ я думалъ.

Вьюгинъ. Я положительно не ожидалъ того, что увидалъ изъ отчета. Я зналъ, что дѣла запутаны, что большіе долги гоняють ихъ, но что выйдетъ шнуръ, этому и повѣрить было нельзя!

Кисельниковъ. Позвольте, господа! Капиталь потерялъ—ничего не потерялъ... Закройте вы глаза на эту картину, предположите, что дѣло Балакѣева цвѣтетъ, вступайте въ компанію и...

Вьюгинъ. А деньги гдѣ?

Кисельниковъ. Э, пустяки! Кредитъ есть. Если вы составите такое солидный торговый домъ, на прочныхъ началахъ, то вновь обрѣтете кредитъ.

Вьюгинъ. Можетъ быть, мы и приобрѣтемъ кредитъ, если дѣло стукнетъ въ ходъ да хорошо пойдетъ оно, а до тѣхъ поръ пусть-бы старшій-то кредитъ удалось разсрочить, и то ладно!

Кисельниковъ. Ужъ это само собою разумѣется.

Вьюгинъ. Слѣдовательно, пустить-то дѣло въ ходъ мы должны свои деньги? Не знаю какъ вы, Перфиль Степанычъ, а если я изъ своего дѣла семь тысячъ выну,—мнѣ дѣло придется закрыть, потому-вести его не чѣмъ будетъ.

Болпашиниковъ. Я тоже вынимать изъ своего дѣла денегъ не могу.

Вьюгинъ. Курюкинъ тоже не можетъ; а чтобы починить и пустить въ ходъ заводы, — двадцать тысячъ нужно, по меньшей мѣрѣ.

Балакѣевъ. Такъ лучше ужъ навремя ваши дѣла приостановить. Согласитесь, господа, что, вѣдь, что-же они могутъ дать въ сравненіи съ заводами-то?

Кисельниковъ. И притомъ, господа, теперь нужно выбирать между расплачиваться по вексямъ деньгами, или дѣлаться неоплаченными и рисковать своей свободой, или сообща отработать оставшіяся на дѣлахъ Алексѣя Александровича Балакѣева.

Вьюгинъ. Хорошо-съ. Закроемъ мы дѣла свои, которыя дають намъ и впредь-бы дали намъ кусокъ хлѣба, затратимъ вырученныя изъ нихъ капиталъ въ дѣла г. Балакѣева, себя самихъ закажемъ ему... И если мы эти погибшія дѣла на своемъ хребтѣ не возьмемъ, лѣтъ черезъ десять,—тогда въ какихъ-же отношеніяхъ мы будемъ стоять къ этимъ дѣламъ?

Кисельниковъ. Это ужъ, господа, зависитъ отъ условій.

тысячи... ну, четыре... ну, пять... Пусть будетъ пять, для лаго счету,—все сердцу отраднѣе. (Пауза).

Балакѣевъ. (Встаетъ и идетъ на авансцену; въ сторону). Ка разбойникъ, а!..

Вьюгинъ. Остается статья: «дѣла имѣють долги за пателями сто тысячъ рублей». Разбирать-ли, господа? Уж я дерзостей-то не мало надѣлалъ (съ улыбкой поглядывая на папашникова)—разстроить и спустить долго-ли, вѣдь!

Колпашниковъ. Разбирать, разбирать, пожалуйста!

Вьюгинъ. Да что разбирать-то! Будете довольны, если вмѣсто ста тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣеть»—пять тысячъ, или желаете объясненій?

Колпашниковъ. Объясненій, непременно объясненій!

Вьюгинъ. Долго это; да пожалуй... Вотъ семнадцать тысячъ за Деруновымъ, Дерунова знаете?

Колпашниковъ. Какого Дерунова?

Вьюгинъ. Толстый такой, басистый, прежде былъ еще модскимъ головой въ заштатномъ городѣ Картошинѣ, а теперь кабакчѣ, у жены, приказчикомъ служить.

Колпашниковъ. Да вѣдь онъ семь лѣтъ ужъ прогорѣлъ у него нитки нѣтъ своей. Да какъ-же это за нимъ семнадцать тысячъ? Документы есть?

Вьюгинъ. Понятно, есть. Вотъ тутъ значится. (Смотритъ въ книгу): «по протестованнымъ векселямъ»; все законно и все въ рядѣхъ. (Пауза). Такъ ужъ я, господа, пять тысячъ поставлю графу «дѣло имѣеть получить долги», а то вѣдь буду разбирать, такъ въ концѣ концовъ больше двухъ или трехъ не удастся ставить.

Колпашниковъ. (Съ отчаяніемъ махнувъ рукой). Ставьте!

Вьюгинъ. (Пишетъ). И такъ, дѣло имѣеть: имущества на пять тысячъ, товару на пять тысячъ, въ долгахъ пять тысячъ. Дѣло то все круглымъ какія: пять, и пять, и пять! Трижды пять—надцать. Дѣло имѣеть пятнадцать тысячъ рублей. Теперь «мы должны»—банкамъ и частнымъ лицамъ триста-пятьдесятъ тысячъ рублей, да заводы заложены выше ихъ стоимости на пять тысячъ. Есть еще у меня статейка тысячь тридцать одному лицу за цветныя бумаги для залоговъ; ну, да это мы пока оставимъ втуне. И такъ «мы должны» триста-пятьдесятъ-пять тысячъ рублей, а «мы имѣемъ» пятнадцать тысячъ рублей... разница учительная! (Пауза). Значить, Алексѣй Александровичъ Балакѣевъ можетъ уплатить своимъ кредиторамъ, самое большее, четырнадцать тысячъ рублей за рубль, а по моему соображенію—болѣе двухъ копеекъ за рубль онъ уплатить не въ состояніи.

Болпашиниковъ. О! (Опускаетъ голову на руки). Что-же тутъ дѣлать? Что-же тутъ дѣлать!

Кисельниковъ. Картина оказывается далеко печальнѣе, чѣмъ я думалъ.

Вьюгинъ. Я положительно не ожидалъ того, что увидалъ изъ отчета. Я зналъ, что дѣла запутаны, что большіе долги поощаютъ ихъ, но что выйдетъ пшикъ, этому и повѣрить было нельзя!

Кисельниковъ. Позвольте, господа! Капиталь потерялъ — ничего не потерялъ... Закройте вы глаза на эту картину, предположите, что дѣло Балакѣева цвѣтетъ, вступайте въ компанію и...

Вьюгинъ. А деньги гдѣ?

Кисельниковъ. Э, пустяки! Кредитъ есть. Если вы составите такое солидный торговый домъ, на прочныхъ началахъ, то вновь обрѣтете кредитъ.

Вьюгинъ. Можетъ быть, мы и приобрѣтемъ кредитъ, если дѣло ступитъ въ ходъ да хорошо пойдетъ оно, а до тѣхъ поръ хоть бы старшій-то кредитъ удалось разсрочить, и то ладно!

Кисельниковъ. Ужъ это само собою разумѣется.

Вьюгинъ. Слѣдовательно, пустить-то дѣло въ ходъ мы должны свои деньги? Не знаю какъ вы, Перфиль Степанычъ, а если я изъ своего дѣла семь тысячъ выну, — мнѣ дѣло придется закрыть, потому-вести его не чѣмъ будетъ.

Болпашиниковъ. Я тоже вынимать изъ своего дѣла денегъ могу.

Вьюгинъ. Курюкинъ тоже не можетъ; а чтобы починить и пустить въ ходъ заводы, — двадцать тысячъ нужно, по меньшей мѣрѣ.

Балакѣевъ. Такъ лучше ужъ навремя ваши дѣла приостановить. Согласитесь, господа, что, вѣдь, что-же они могутъ дать въ невиніи съ заводами-то?

Кисельниковъ. И притомъ, господа, теперь нужно выбирать или расплачиваться по вексямъ деньгами, или дѣлаться неопытными и рисковать своей свободой, или сообща отработывать оставшіяся на дѣлахъ Алексѣя Александровича Балакѣева.

Вьюгинъ. Хорошо-съ. Закрыемъ мы дѣла свои, которыя дають намъ и впредь-бы дали намъ кусокъ хлѣба, затратимъ вырученныя изъ нихъ капиталъ въ дѣла г. Балакѣева, себя самихъ закажемъ ему... И если мы эти погибшія дѣла на своемъ хребтѣ не вынесемъ, лѣтъ черезъ десять, — тогда въ какихъ-же отношеніяхъ мы стоять къ этимъ дѣламъ?

Кисельниковъ. Это ужъ, господа, зависитъ отъ условій.

тысячи... ну, четыре... ну, пять... Пусть будетъ пять, для лаго счету,—все сердцу отраднѣе. (Пауза).

Балакѣевъ. (Встаетъ и идетъ на авансцену; въ сторону) Балакѣевъ, а!..

Вьюгинъ. Остается статья: «дѣла имѣютъ долговъ за пателями сто тысячъ рублей». Разбирать-ли, господа? Ужъ я дерзостей-то не мало надѣлалъ (съ улыбкой-посмотрѣвъ на папашникова)—разстроить и спустить долго-ли, вѣдь!

Колпашниковъ. Разбирать, разбирать, пожалуйста!

Вьюгинъ. Да что разбирать-то! Будете довольны, если вмѣсто ста тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣть»—пять тысячъ, или желаете объясненій?

Колпашниковъ. Объясненій, непременно объясненій!

Вьюгинъ. Долго это; да пожалуй... Вотъ семнадцать тысячъ за Деруновымъ, Дерунова знаете?

Колпашниковъ. Какого Дерунова?

Вьюгинъ. Толстый такой, басистый, прежде былъ еще мѣскимъ головой въ заштатномъ городѣ Картошинѣ, а теперь кабакѣ, у жены, приказчикомъ служить.

Колпашниковъ. Да вѣдь онъ семь лѣтъ ужъ прогорѣлъ у него нитки нѣтъ своей. Да какъ-же это за нимъ семнадцать тысячъ? Документы есть?

Вьюгинъ. Понятно, есть. Вотъ тутъ значится. (Смотритъ въ книгу): «по протестованнымъ векселямъ»; все законно и все въ рядѣхъ. (Пауза). Такъ ужъ я, господа, пять тысячъ поставлю графу «дѣло имѣть получить долговъ», а то вѣдь буду разбирать, такъ въ концѣ концовъ больше двухъ или трехъ не придется ставить.

Колпашниковъ. (Съ отчаяніемъ махнувъ рукой). Ставьте!

Вьюгинъ. (Пишетъ). И такъ, дѣло имѣть: имущества на пять тысячъ, товару на пять тысячъ, въ долгахъ пять тысячъ. При этомъ все кругляя какія: пять, и пять, и пять! Трижды пять—надцать. Дѣло имѣть пятнадцать тысячъ рублей. Теперь, господа, должны—банкамъ и частнымъ лицамъ триста-пятьдесятъ тысячъ рублей, да заводы заложены выше ихъ стоимости на пять тысячъ. Есть еще у меня статейка тысячь тридцать одному лицу за цветныя бумаги для залоговъ; ну, да это мы пока оставимъ втуне. И такъ «мы должны» триста-пятьдесятъ-пять тысячъ рублей, а «мы имѣемъ» пятнадцать тысячъ рублей... разница учительная! (Пауза). Значитъ, Алексѣй Александровичъ Балакѣевъ можетъ уплатить своимъ кредиторамъ, самое большее, четырнадцать тысячъ рублей за рубль, а по моему соображенію—болѣе двухъ копѣекъ за рубль онъ уплатить не въ состояніи.

Болпашиниковъ. О! (Опускаетъ голову на руки). Что-же тутъ
тутъ? Что-же тутъ дѣлать!

Кисельниковъ. Картина оказывается далеко печальнѣе,
и я думалъ.

Вьюгинъ. Я положительно не ожидалъ того, что увидалъ изъ
этого отчета. Я зналъ, что дѣла запутаны, что большіе долги
поощають ихъ, но что выйдетъ пшикъ, этому и повѣрить было
нельзя!

Кисельниковъ. Позвольте, господа! Капиталь потерялъ—ни-
чего не потерялъ... Закройте вы глаза на эту картину, пред-
ставьте, что дѣло Балакѣева цвѣтетъ, вступайте въ компанію и...

Вьюгинъ. А деньги гдѣ?

Кисельниковъ. Э, пустяки! Кредитъ есть. Если вы составите
нормальное солидный торговый домъ, на прочныхъ началахъ, то вновь
обрѣтете кредитъ.

Вьюгинъ. Можетъ быть, мы и приобрѣтемъ кредитъ, если дѣло
станетъ въ ходъ да хорошо пойдетъ оно, а до тѣхъ поръ
нельзя-бы старій-то кредитъ удалось разсрочить, и то ладно!

Кисельниковъ. Ужъ это само собою разумѣется.

Вьюгинъ. Слѣдовательно, пустить-то дѣло въ ходъ мы должны
свои деньги? Не знаю какъ вы, Перфиль Степанычъ, а если я изъ
своего дѣла семь тысячъ выну,—мнѣ дѣло придется закрыть, пото-
му-вести его не чѣмъ будетъ.

Болпашиниковъ. Я тоже вынимать изъ своего дѣла денегъ
не могу.

Вьюгинъ. Курюкинъ тоже не можетъ; а чтобы починить и
двигать въ ходъ заводы, — двадцать тысячъ нужно, по меньшей
мѣрѣ.

Балакѣевъ. Такъ лучше ужъ навремя ваши дѣла приостано-
вить. Согласитесь, господа, что, вѣдь, что-же они могутъ дать въ
наше время съ заводами-то?

Кисельниковъ. И притомъ, господа, теперь нужно выбирать
лучше расплачиваться по вексямъ деньгами, или дѣлаться не-
платными и рисковать своей свободой, или сообща отработать
погибшія на дѣлахъ Алексѣя Александровича Балакѣева
дѣла.

Вьюгинъ. Хорошо-съ. Закроемъ мы дѣла свои, которыя даютъ
намъ и впредь-бы дали намъ кусокъ хлѣба, затратимъ выручен-
ные изъ нихъ капиталъ въ дѣла г. Балакѣева, себя самихъ зака-
жемъ ему... И если мы эти погибшія дѣла на своемъ хребтѣ
не выдержимъ, лѣтъ черезъ десять,—тогда въ какихъ-же отношеніяхъ
будемъ мы стоять къ этимъ дѣламъ?

Кисельниковъ. Это ужъ, господа, зависитъ отъ условій.

тысячи... ну, четыре... ну, пять... Пусть будетъ пять, для лаго счету,—все сердцу отграднѣе. (Пауза).

Балакѣевъ. (Встаетъ и идетъ на авансцену; въ сторону). Бала разбойникъ, а!..

Вьюгинъ. Остается статья: «дѣла имѣють долговъ за пателями сто тысячъ рублей». Разбирать-ли, господа? Уж я дерзостей-то не мало надѣлалъ (съ улыбкой поглядывая на пашникова)—разстроить и спустить долго-ли, вѣдь!

Колпашниковъ. Разбирать, разбирать, пожалуйста!

Вьюгинъ. Да что разбирать-то! Будете довольны, если вмѣсто ста тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣеть»—пять тысячъ, или желаете объясненій?

Колпашниковъ. Объясненій, непременно объясненій!

Вьюгинъ. Долго это; да пожалуй... Вотъ семнадцать тысячъ за Деруновымъ, Дерунова знаетъ?

Колпашниковъ. Какого Дерунова?

Вьюгинъ. Толстый такой, басистый, прежде былъ еще перскимъ головой въ заштатномъ городѣ Картошинѣ, а теперь кабачкѣ, у жены, приказчикомъ служить.

Колпашниковъ. Да вѣдь онъ семь лѣтъ ужъ прогорѣлъ у него нитки нѣтъ своей. Да какъ-же это за нимъ семнадцать тысячъ? Документы есть?

Вьюгинъ. Понятно, есть. Вотъ тутъ значится. (Смотритъ въ книгу): «по протестованнымъ векселямъ»; все законно и все въ рядѣхъ. (Пауза). Такъ ужъ я, господа, пять тысячъ поставлю графу «дѣло имѣеть получить долговъ», а то вѣдь буду разбирать, такъ въ концѣ концовъ больше двухъ или трехъ не дается ставить.

Колпашниковъ. (Съ отчаяніемъ махнувъ рукой). Ставьте!

Вьюгинъ. (Пишетъ). И такъ, дѣло имѣеть: имущества на пять тысячъ, товару на пять тысячъ, въ долгахъ пять тысячъ. Притомъ все круглымъ какія: пять, и пять, и пять! Трижды пять—надцать. Дѣло имѣеть пятнадцать тысячъ рублей. Теперь, господа, должны—банкамъ и частнымъ лицамъ триста-пятьдесятъ тысячъ рублей, да заводы заложены выше ихъ стоимости на пять тысячъ. Есть еще у меня статейка тысячь тридцать одному лицу за цветныя бумаги для залоговъ; ну, да это мы пока оставимъ втунѣ. И такъ «мы должны» триста-пятьдесятъ-пять тысячъ рублей, а «мы имѣемъ» пятнадцать тысячъ рублей... разница ужъ учительная! (Пауза). Значить, Алексѣй Александровичъ Балакѣевъ можетъ уплатить своимъ кредиторамъ, самое большее, четыреста тысячъ пѣйки за рубль, а по моему соображенію—болѣе двухъ копеекъ за рубль онъ уплатить не въ состояніи.

Колпашиниковъ. О! (Опускаетъ голову на руки). Что-же тутъ дѣлать? Что-же тутъ дѣлать!

Кисельниковъ. Картина оказывается далеко печальнѣе, чѣмъ я думалъ.

Вьюгинъ. Я положительо не ожидалъ того, что увидалъ изъ отчета. Я зналъ, что дѣла запутаны, что большіе долги поощаютъ ихъ, но что выйдетъ пшикъ, этому и повѣрить было нельзя!

Кисельниковъ. Позвольте, господа! Капиталь потерялъ — ничего не потерялъ... Закройте вы глаза на эту картину, предположите, что дѣло Балакѣева цвѣтетъ, вступайте въ компанію и...

Вьюгинъ. А деньги гдѣ?

Кисельниковъ. Э, пустяки! Кредитъ есть. Если вы составите только солидный торговый домъ, на прочныхъ началахъ, то вновь обрѣтете кредитъ.

Вьюгинъ. Можетъ быть, мы и приобрѣтемъ кредитъ, если дѣло стечетъ въ ходъ да хорошо пойдетъ оно, а до тѣхъ поръ только-бы старій-то кредитъ удалось разсрочить, и то ладно!

Кисельниковъ. Ужъ это само собою разумѣется.

Вьюгинъ. Слѣдовательно, пустить-то дѣло въ ходъ мы должны свои деньги? Не знаю какъ вы, Перфиль Степанычъ, а если я изъ своего дѣла семь тысячъ выну, — мнѣ дѣло придется закрыть, потому-вести его не чѣмъ будетъ.

Колпашиниковъ. Я тоже вынимать изъ своего дѣла денегъ могу.

Вьюгинъ. Курюкинъ тоже не можетъ; а чтобы починить и пустить въ ходъ заводы, — двадцать тысячъ нужно, по меньшей мѣрѣ.

Балакѣевъ. Такъ лучше ужъ навремя ваши дѣла приостановить. Согласитесь, господа, что, вѣдь, что-же они могутъ дать въ сравненіи съ заводами-то?

Кисельниковъ. И притомъ, господа, теперь нужно выбирать между расплачиваться по вексямъ деньгами, или дѣлаться нечестными и рисковать своей свободой, или сообща отработать вышедшія на дѣлахъ Алексѣя Александровича Балакѣева долги.

Вьюгинъ. Хорошо-съ. Закроемъ мы дѣла свои, которыя даютъ намъ и впредь-бы дали намъ кусокъ хлѣба, затратимъ вырученныя изъ нихъ капиталъ въ дѣла г. Балакѣева, себя самихъ закажемъ ему... И если мы эти погибшія дѣла на своемъ хребтѣ вынесемъ, лѣтъ черезъ десять, — тогда въ какихъ-же отношеніяхъ мы будемъ стоять къ этимъ дѣламъ?

Кисельниковъ. Это ужъ, господа, зависитъ отъ условій.

тысячи... ну, четыре... ну, пять... Пусть будетъ пять, для лаго счету,—все сердцу отраднѣе. (Пауза).

Балакѣевъ. (Встаетъ и идетъ на аваяцену; въ сторону) Ка разбойникъ, а!..

Вьюгинъ. Остается статья: «дѣла имѣють долговъ за пателями сто тысячъ рублей». Разбирать-ли, господа? Уж я дерзостей-то не мало надѣлалъ (съ улыбкой поглядывая на папашникова)—разстроить и спустить долго-ли, вѣдь!

Колпашниковъ. Разбирать, разбирать, пожалуйста!

Вьюгинъ. Да что разбирать-то! Будете довольны, если вмѣсто ста тысячъ поставлю въ графу «дѣло имѣеть»—пять тысячъ, или желаете объясненій?

Колпашниковъ. Объясненій, непременно объясненій!

Вьюгинъ. Долго это; да пожалуй... Вотъ семнадцать тысячъ за Деруновымъ, Дерунова знаете?

Колпашниковъ. Какого Дерунова?

Вьюгинъ. Толстый такой, басистый, прежде былъ еще мѣскимъ головой въ заштатномъ городѣ Картошинѣ, а теперь кабачкѣ, у жены, приказчикомъ служить.

Колпашниковъ. Да вѣдь онъ семь лѣтъ ужъ прогорѣлъ у него нитки нѣтъ своей. Да какъ-же это за нимъ семнадцать тысячъ? Документы есть?

Вьюгинъ. Понятно, есть. Вотъ тутъ значится. (Смотритъ въ книгу): «по протестованнымъ векселямъ»; все законно и все въ рядѣхъ. (Пауза). Такъ ужъ я, господа, пять тысячъ поставлю графу «дѣло имѣеть получить долговъ», а то вѣдь буду разбирать, такъ въ концѣ концовъ больше двухъ или трехъ не дается ставить.

Колпашниковъ. (Съ отчаяніемъ махнувъ рукой). Ставьте!

Вьюгинъ. (Пишетъ). И такъ, дѣло имѣеть: имущества на пять тысячъ, товару на пять тысячъ, въ долгахъ пять тысячъ. Это все кругляя какія: пять, и пять, и пять! Трижды пять—надцать. Дѣло имѣеть пятнадцать тысячъ рублей. Теперь, должны—банкамъ и частнымъ лицамъ триста-пятьдесятъ тысячъ рублей, да заводы заложены выше ихъ стоимости на пять тысячъ. Есть еще у меня статейка тысячь тридцать одному лицу за цветныя бумаги для залоговъ; ну, да это мы пока оставимъ втуне. И такъ «мы должны» триста-пятьдесятъ-пять тысячъ рублей, а «мы имѣемъ» пятнадцать тысячъ рублей... разница учительная! (Пауза). Значить, Алексѣй Александровичъ Балакѣевъ можетъ уплатить своимъ кредиторамъ, самое большее, четыреста пѣйки за рубль, а по моему соображенію—болѣе двухъ копеекъ за рубль онъ уплатить не въ состояніи.

Колпашниковъ. О! (Опускаетъ голову на руки). Что-же тутъ
дѣлать? Что-же тутъ дѣлать!

Кисельниковъ. Картина оказывается далеко печальнѣе,
чѣмъ я думалъ.

Вьюгинъ. Я положительо не ожидалъ того, что увидалъ изъ
этого отчета. Я зналъ, что дѣла запутаны, что большіе долги
огрожаютъ ихъ, но что выйдетъ пшикъ, этому и повѣрить было
нельзя!

Кисельниковъ. Позвольте, господа! Капиталь потерялъ—ни-
что не потерялъ... Закройте вы глаза на эту картину, пред-
ставьте, что дѣло Балакѣева цвѣтетъ, вступайте въ компанію и...

Вьюгинъ. А деньги гдѣ?

Кисельниковъ. Э, пустяки! Кредитъ есть. Если вы составите
какое солидный торговый домъ, на прочныхъ началахъ, то вновь
приобрѣтете кредитъ.

Вьюгинъ. Можетъ быть, мы и приобрѣтемъ кредитъ, если дѣло
попуститъ въ ходъ да хорошо пойдетъ оно, а до тѣхъ поръ
какимъ-бы старшій-то кредитъ удалось разсрочить, и то ладно!

Кисельниковъ. Ужъ это само собою разумѣется.

Вьюгинъ. Слѣдовательно, пустить-то дѣло въ ходъ мы должны
и свои деньги? Не знаю какъ вы, Перфиль Степанычъ, а если я изъ
своего дѣла семь тысячъ выну,—мнѣ дѣло придется закрыть, пото-
му что вести его не чѣмъ будетъ.

Колпашниковъ. Я тоже вынимать изъ своего дѣла денегъ
не могу.

Вьюгинъ. Курюкинъ тоже не можетъ; а чтобы починить и
двигать въ ходъ заводы, — двадцать тысячъ нужно, по меньшей
мѣрѣ.

Балакѣевъ. Такъ лучше ужъ навремя ваши дѣла приостано-
вить. Согласитесь, господа, что, вѣдь, что-же они могутъ дать въ
сравненіи съ заводами-то?

Кисельниковъ. И притомъ, господа, теперь нужно выбирать
или расплачиваться по векселямъ деньгами, или дѣлаться не-
зависимыми и рисковать своей свободой, или сообща отработывать
погибшія на дѣлахъ Алексѣя Александровича Балакѣева
дѣла.

Вьюгинъ. Хорошо-съ. Закроемъ мы дѣла свои, которыя даютъ
намъ въ и впередъ-бы дали намъ кусокъ хлѣба, затратимъ выручен-
ные изъ нихъ капиталъ въ дѣла г. Балакѣева, себя самихъ зака-
жемъ ему... И если мы эти погибшія дѣла на своемъ хребтѣ
вынесемъ, лѣтъ черезъ десять,—тогда въ какихъ-же отношеніяхъ
мы мы стоять къ этимъ дѣламъ?

Кисельниковъ. Это ужъ, господа, зависить отъ условій.

Балакѣвъ. Я предложилъ-бы слѣдующее... Вы, господа пая въ мои дѣла, спасаете свое доброе имя, избѣгаете несостоятельности и сопряженнаго съ нею ареста, продолжающагося нѣсколько лѣтъ... Но такъ какъ все-таки я виноватъ въ несостоятельности,—то я предлагаю вамъ двойное жалованье, даю каждому изъ васъ по двѣ тысячи рублей въ годъ все время, какъ мы будемъ отработывать долги, лежащіе на насъ... Надѣюсь, это не обидно?

Вьюгинъ. Это мило! Человѣкъ до глупости раззоряетъ насъ, а не имѣетъ ничего, кромѣ трехсотъ-пятидесяти тысячъ долга и душанаго злостнаго банкротства...

Балакѣвъ. Какъ вы смѣете называть меня злостнымъ банкротомъ? Какое вы имѣете право?

Вьюгинъ. (Взявъ со стола отчетъ). А вотъ этотъ балансъ составленный и подписанный вами, даетъ мнѣ право назвать васъ злостнымъ банкротомъ... На всякій случай я его приберу. (Онъ свернулъ балансъ, но Балакѣвъ вырываетъ у него и рветъ). Вотъ вы его, такъ! Мельче рвите, да лоскутки-то спрячьте, а те я съ вами и сложу. (Балакѣвъ лоскутки прячетъ въ карманъ). Ну, теперь не злостный,—а простой, неосторожный банкротъ, — ужь вы въ злостные-то попадемъ. Но виноватъ; я отклонилъ цѣли. Такъ чѣмъ-же мы будемъ существовать, когда возвернемъ вамъ и ваше честное имя, и ваши заводы?

Балакѣвъ. Фу ты, чортъ возьми, какое нахальство! Имъ даютъ его отъ острога, даютъ ему двойное жалованье, да еще... Это чортъ знаетъ что такое! Ужь не прикажете-ли мосье Вьюгинъ, заводы-то мои съ вами подѣлить?

Вьюгинъ. Непремѣнно, обязательно раздѣлить все дѣло на четыре части,—это будетъ только справедливо!

Балакѣвъ. Михаилъ Борисовичъ! Пощадите-же меня, вы видите, какъ нахально или, лучше сказать, какъ безумно бованіе этого господина.

Кисельниковъ. Я этого не нахожу и совершенно разубѣдился въ мнѣніе Василья Петровича.

Колпашниковъ. (Быстро вскочивъ). Теперь я вижу, какой подлецъ, какой ты разбойникъ придорожный! Нѣтъ, хуже! Отъ разбойника есть оружіе, но ты обманомъ выманилъ, хитростью выманилъ у меня все, ты, какъ паукъ, опуталъ меня своей паутинкой и сосешь мою кровь. Подлецъ ты! Подлецъ!! Но подожди подлецъ... Есть судъ! У меня твои росписки, что всѣ векселя мною оплачены, что они безденежные. Неудастся тебѣ, не удастся тебѣ погубить честнаго человѣка!

Вьюгинъ. Голубчикъ, Перфиль Степанычъ, успокойтесь

Сажаетъ его на стулъ). Успокойтесь, соберите все ваше хладно-
ие и выслушайте мой совѣтъ... Росписки эти и у меня есть,
вѣрилъ въ нихъ... И вчера только, посовѣтовавшись съ юри-
емъ, я узналъ, что росписками этими мы всего легче можемъ
бить себя.

Колпашиниковъ. Какъ! Росписками этого подлеца, подлин-
и росписками!.. Да вѣдь судъ-то увидить!.. Судъ увидить!

Вьюгинъ. Слушайте! Судъ увидить изъ этихъ росписокъ, что
выдали вексель безденежный, выдали съ тѣмъ, чтобы онъ зало-
жить его и взялъ у третьяго лица денегъ... Понимаете,— вы по-
гли обмануть ему третье лицо, и потому вы будете обвинены
обманъ и мошенничествъ... въ томъ, что вы, вмѣстѣ съ нимъ,
менее чѣмъ векселемъ ограбили третье лицо. Понимаете?
чтожъ вы эти росписки.

Колпашиниковъ. Я мошенникъ?! Я грабитель?! Господа, да что-
это? И это все изъ за него! О!.. (Вскакивается и бѣжитъ къ Бала-
кѣеву). Я убью тебя, мерзавецъ! (Балакѣевъ скрывается въ комнату же-
нъ и запирается. Колпашиниковъ ломится въ дверь). Врешь, подлецъ...
е уйдешь!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Судебный Приставъ.

Вьюгинъ. (Къ Колпашиникову). Опомнитесь! Судебный приставъ
идетъ. (Ведетъ его отъ дверей къ авансценѣ).

Приставъ. Позвольте, господа, узнать, кто изъ васъ Алексѣй
Александровичъ Балакѣевъ?

Бисельниковъ. (У дверей, громко). Балакѣевъ вышелъ, онъ
еще не вошелъ, прошу васъ подождать! (Стучитъ въ дверь). Алек-
сандровичъ, пожалуйста сюда!

Колпашиниковъ. Я убью его! Я задушу эту тварь!

Вьюгинъ. Опомнитесь! Сейчасъ кликнуть полицію, васъ свя-
жутъ. Пойдемте, пойдемте!

Колпашиниковъ. (Думаетъ). Да... Уведите меня. (Вьюгинъ ве-
детъ его къ двери, и когда дверь за нимъ затворяется, входитъ Балакѣевъ).

Приставъ. Вы купецъ Балакѣевъ?

Балакѣевъ. Я Балакѣевъ. Что вамъ угодно?

Приставъ. Правленіе золото-надеждинскаго банка взыскиваетъ
отъ васъ тысячу рублей по векселю, выданному вамъ казанскимъ
банкомъ Тибитѣевымъ и учтенному вами въ банкѣ.

Балакѣевъ. Но вѣдь срокъ платежа еще не наступилъ.

Приставъ. Напротивъ, послѣдній граціонный день вчера вы-
шелъ.

Балакѣвъ. (Раскрываетъ бумажникъ и смотритъ на аваскскую писную книжку). Какая роковая ошибка!

Приставъ. Истецъ проситъ, до разбирательства дѣла наложить охранительныя мѣры. Можете вы ушлатить теперь-же?

Балакѣвъ. Сейчасъ я не имѣю денегъ.

Приставъ. Въ такомъ случаѣ, согласно съ желаніемъ истца, я долженъ взять съ васъ подписку о невыѣздѣ изъ города (и вы должны будете писать).

Кисельниковъ (подходя къ Балакѣву). Это кто такой? Приставъ? Или вы? Я что-то...

Балакѣвъ. (Поднимая руку и заставляя его жестами и интонацией замолчать). Тамъ... одинъ мыловаръ.

Кисельниковъ. Да что-же у васъ общаго съ мыловаромъ? (Балакѣвъ снова знаками заставляеть его молчать. Кисельниковъ смотритъ на него). А-а... понимаю!..

Судебный приставъ (встаетъ). Вотъ потрудитесь подписать подписку о невыѣздѣ.

Балакѣвъ (подойдя къ нему). Если я черезъ часъ имѣю денегъ, могу я васъ застать дома?

Приставъ. Черезъ часъ я буду дома, и вотъ вамъ мой адресъ. (Роется въ портфель, пока Балакѣвъ подписываетъ, и отдаетъ ему записку).

Балакѣвъ. А выдавши деньги, могу получить вексель?

Приставъ. Мы это устроимъ, извольте.

Балакѣвъ. Такъ пожалуйста, я черезъ часъ...

Приставъ. Буду дома, буду дома. Имѣю честь васъ проводить. (Уходитъ, сопровождаемый Балакѣвымъ, который плотно притворивъ за собою дверь, возвращается).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Кисельниковъ и Балакѣвъ.

Кисельниковъ (оглядываясь, беретъ Балакѣва за локоть). Скажите, у васъ этотъ вексель фальшивый?

Балакѣвъ. Да.

Кисельниковъ. Кто же писалъ его?

Балакѣвъ. Я самъ.

Кисельниковъ. Да, такъ у васъ и такія штуки водятся. Батюшка, надо выкупить, а то штука плохая. Положимъ, нуждѣ это практикуется нерѣдко, но допускать такіе векселя престо, до огласки,—это вы знаете, чѣмъ пахнетъ?

Балакѣвъ. Ошибка, страшная ошибка! Въ срѣдѣ имѣю ошибку (вынимаетъ книжку): вотъ, льготные дни въ срокъ слилъ.

Кисельниковъ. У насъ, здѣсь, одинъ капиталистъ т...

изъ гордости мѣняться ни съ кѣмъ векселями, все соб-
наго издѣлія представлялъ, да и пропустилъ тоже срокъ,—
не дешево стало, только знакомство и спасло, а то-бы... Что-
ного у васъ такихъ векселей-то?

Балакѣевъ. Послѣдній.

Кисельниковъ. Выкупайте, выкупайте, спѣшите! Да глав-
сегодня-же уничтожьте его. (Пауза). Нѣтъ-съ, самое лучшее,
—побудъ изъ своихъ служащихъ или старыхъ пріятелей запи-
въ купцы, вотъ какъ вы записали Вьюгина и Курюкина, и
дутъ они вамъ на сотни тысячъ такихъ цидулъ, и представ-
шь ихъ въ дальнихъ-то банкахъ безъ всякаго опасенія,—зна-
ю, по крайней мѣрѣ, что вексель не фальшивый.

Балакѣевъ. Нѣтъ, Вьюгинъ-то, Вьюгинъ-то каковъ? а?

Кисельниковъ. Что-жь, требованія Вьюгина, по-моему, со-
вершенно справедливы и резонны; а вотъ счастье ваше, что при-
въ во-время пришелъ, а то-бы съ Колпашиниковымъ вы добромъ
раздѣлялись.

Балакѣевъ. Говоря откровенно, я всегда боялся этого. Кол-
шиниковъ въ раздраженномъ состояніи—звѣръ.

Кисельниковъ. Будешь звѣреть, какъ видишь что топить
бя хотять. (Пауза). Да-съ, натворили вы дѣловъ порядкомъ; не
изалъ я, что изъ васъ выйдетъ такой неудачный коммерсантъ...
такъ, что-же вы теперь будете дѣлать-то? Неужели несостоя-
нымъ объявитесь?

Балакѣевъ. Что-же дѣлать-то? Должно быть, придется объ-
тяться.

Кисельниковъ. Скверно-съ.

Балакѣевъ. На что хуже...

Кисельниковъ. На двѣсти тысячъ, вѣдь, вашихъ вексе-
у меня въ банкахъ. Чѣмъ я замѣню ихъ, въ случаѣ вашей
стоятельности? Купца первой гильдіи не скоро испечешь, а
речешь въ родѣ васъ, такъ толку-то будетъ мало. Вотъ теперь
цать тысячъ вѣдь моихъ за вами ухнутъ!

Балакѣевъ. Что-же дѣлать-то? Несчастія, неудачи...

Кисельниковъ. Эхъ право: «несчастія, неудачи!» Даже
аль досадно! Не сумѣетъ онъ купить хлѣба, надуютъ его
дурака,—несчастіе; продастъ себѣ въ убытокъ спиртъ,—не-
; дѣлаетъ на каждомъ шагу ошибки,—и все у него несчастіе.
часъ, вотъ тутъ, люди хотѣли принять на себя всѣ эти
и и заглядить ихъ, такъ онъ обошелся съ ними такъ глупо
тактно, что изъ помощниковъ-то сдѣлалъ злѣйшихъ враговъ.
етность, неумѣіе сообразить собственныхъ выгодъ—вотъ все
несчастіе! А какъ я вотъ не помогу вамъ, да попытаете

вы острога, такъ оно и лучше будетъ: по крайней мѣрѣ что не слѣдуетъ лѣзть въ волки съ телячьимъ толкомъ.

Балакѣевъ. Этого, положимъ, не будетъ. Ваша самая безопасность велить вамъ не доводить меня до острога-то вытянули меня вы. Помните, письмо ваше изъ такого содержанія (читаетъ наизуотъ): «Заплатите поскорѣе гильдію и выпишите мнѣ на семьдесятъ тысячъ векселей, — десяти и четыре — по пяти тысячъ, срокомъ на семь и платежъ въ Петербургъ; подъ векселями подпишитесь 1-й гильдіи. Письмо это пусть останется у васъ вмѣстѣ съ остальными отъ меня векселей, а при свиданіи вы мнѣ возвратите. Не медлите, — деньги крайне нужны. Вашъ слуга Мигель сельниковъ».

Кисельниковъ. Такъ вѣдь это письмо давно уничтожено — вы-же сами отдали мнѣ, и я сжегъ его.

Балакѣевъ. Отдашь-то я — отдашь, да только не фотографически вѣрную копию съ него, отдашь во время свиданія вы и сожгли, не разсматривая, а подлинное-то письмо часть у меня.

Кисельниковъ. Да!.. такъ вы, кромѣ того, что уничтожили еще и негодай!

Балакѣевъ. Нѣтъ, это я для того только, чтобы доказать что я къ своему телячьему толку кое-что благопріобрѣлъ и этой шей волчьей мудрости. А впрочемъ, вы поберегите все это тетя для себя, — они мнѣ ухо рѣжутъ, и я пожалуй тоже отплатить вамъ подобными-же эпитетами, да еще въ большемъ числѣ: вѣдь вы у меня болѣе въ рукахъ, нежели я у васъ. Слѣднія-то ваши росписочки о безденежности моихъ векселей не уничтожены, вы точно также копии съ нихъ сжигали, а оригиналы у меня. Такимъ образомъ, если я, по вашему совету, въ острогъ попаду, то намъ съ вами придется прогуливаться съ рукой по торной — по владимірской.

Кисельниковъ. Вы, значить, и подлоги, и все у васъ мастера.

Балакѣевъ. Какіе-же подлоги? Я, просто дѣлаю изъ чувства самосохраненія.

Кисельниковъ. Такъ-съ.

Балакѣевъ. Да... Такъ ужь вы похлопочите сами, будьте въ судѣ на разбирательство дѣла о моей несостоятельности, да Тетерина прихватите. Представьте тамъ, вдвоемъ ихъ векселей тысячъ на сто, зачислите меня своимъ должникомъ и просите не заключать меня, до окончанія конкурса, по тому такъ какъ вамъ извѣстно, что несостоятельность моя не

ки-то о томъ-же попросите... чтобы они или вовсе не поспивших повѣренныхъ къ разбирательству дѣла, или, ужъ если такъ говорили-бы съ вами въ унисонъ. И если все благополучно окончится, то, по окончаніи конкурса, я всё ваши росписья, телеграммы, — всё компрометирующіе васъ документа — возвращаю вамъ съ моею искреннею благодарностію.

Кисельниковъ. Однако, какой-же вы мошенникъ, какъ я слышу!

Балакѣевъ. Мошенникъ — гм!! Конечно, это званіе высоко только не достигнуто мнѣ его! Нѣтъ-съ, не съ моимъ характеромъ! Какъ дуракъ, негодяй—званіе обидное, такъ, напротивъ, очень почетно званіе мошенника. Мошенникъ! Да вѣдь это не простой человекъ! Богатый, уважаемый... и чѣмъ болѣе онъ наживаетъ, тѣмъ болѣе растетъ уваженіе къ нему... А я? Я только слабохарактерный, лѣнивый эгоистъ и, если не удачный аферистъ. Произвели, было, вы меня въ волки, а я этотъ титулъ не сумѣлъ сохранить. Тамъ урвалъ, тут растерялъ, да съ разу все и растерялъ, — всё урванные-то кусочки настоящихъ волкамъ и разлетѣлись! (Пауза). Такъ ужъ вы съдѣлайте одолженіе, Михаилъ Борисовичъ, постарайтесь!.. Я ужъ въ этой надеждѣ буду!..

Кисельниковъ. А если я не успѣю? (Встаетъ и беретъ шляпу),

Балакѣевъ. Это ужъ дѣло ваше. Я вамъ все сказалъ и теперь машу руками. Спасете вы меня—спасете и себя! Не спасете — ваша вина. Можетъ быть, вамъ хочется въ Сибирь-то поехать, — почему я знаю! Всякаго народу то много; другіе, вонъ, выстрѣляются и стрѣляются. На вкусъ, на цвѣтъ товарища (Кисельниковъ идетъ къ двери, онъ провожаетъ его). Мое вамъ глубокое почтеніе, Михаилъ Борисовичъ! (Кисельниковъ хлопаетъ дверью, Балакѣевъ запираетъ ее).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Балакѣевъ, потомъ Авдотья Сергѣевна.

Балакѣевъ. Такъ-то вотъ лучше будетъ! Своя-то шкура у меня всякой просьбы возопіетъ, и господинъ Кисельниковъ всё средства употребитъ, чтобы спасти меня. Забота эта, значить, кончена. Что еще-то остается? Да! Фальшивый вексель выдать: это необходимо, это моя священная обязанность!

Авдотья Сергѣевна. (Изъ дверей). Всѣ ушли? (Входитъ). А дѣла кончили все?

Балакѣевъ. Кончили. Ты куда собралась?

Авдотья Сергѣевна. Въ гостинный дворъ. Да ты скажи

мнѣ: что у васъ тутъ такое было? Шумъ, ругань! Зачѣмъ галѣ во мнѣ? Что это Колпашниковъ-то грозилъ, да стѣ...

Балакѣевъ. Послѣ, послѣ, теперь не до разска подожди тутъ, я сейчасъ! (Уходитъ въ комнату).

Авдот. Серг. Что у нихъ тутъ такое? Правду, видно, ли мнѣ, что банкротиться онъ хочетъ! Злостнымъ не при вотъ бѣда-то! И зачѣмъ онъ вызвалъ меня?.. Ничего не

Балакѣевъ (входитъ, въ рукахъ бумажникъ; садится и вынимаетъ деньги). Эту тысячу сейчасъ судебному приставу. Слушай, Душа, иди сюда! Вотъ тутъ тридцать тысячъ. Иди ты къ Юнкеру и обмѣняй ихъ на процентныя облига тридцать билетовъ восточнаго займа,—они продаются по сотъ рублей,—а на остальные деньги купи выигранныя займовъ; поняла?

Авд. Серг. Конечно, поняла, только гдѣ-же я вижу громадный бумажникъ?

Балакѣевъ. Портъ-сакъ надѣнь подъ пальто, да шляпкой прикройся и постарайся, чтобы кто изъ знакомыхъ не видалъ и не узналъ тебя во время размѣна... Сдѣлай такъ. Сначала сторгуйся, а потомъ попроси проводить тебя въ комнату,—тамъ и устрой эту операцію. Иди, иди! Надѣнь сакъ! (Даетъ ей бумажникъ; она уходитъ въ боковую комнату). Я сейчасъ выкуплю мой фальшивый вексель, подамъ завтра о моей несостоятельности и буду чистъ, правъ и свободенъ (сбрасываетъ шляпу). Хоть немного мнѣ отъ всѣхъ моихъ грѣховъ осталось, а все-таки лучше, чѣмъ ничего. Жизнь долгая, великая!

Авдот. Серг. (выходить, покрытая вуалью). Вотъ, пойдутъ или нѣтъ?

Балакѣевъ. Да, хорошо, только все-таки будь осторожна. Идемъ! (Идутъ). Да постой,—тебѣ сегодня придется убраться!

Авдот. Серг. Какъ-же такъ! Я ничего не успѣю ни сдѣлать.

Балакѣевъ. Теперь не до покупокъ, а поѣзжай да ценное имущество изъ дома увези къ знакомымъ. Дрянно, а то на-дняхъ, вѣроятно, будутъ описывать и продавать твою квартиру, такъ ты это имѣй въ виду. Ну, идемъ, идемъ!

Авд. Серг. Постой! такъ, значитъ, ты банкротъ?

Балакѣевъ. Несчастный!

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе III.

Комната 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Серафима Семеновна и Мелпашиниковъ.

ф. Семен. Что-же ты мнѣ прежде-то не сказалъ?
 пашник. (Отрываясь отъ стола, гдѣ сидѣлъ, охвативъ руками
 Нѣсколько разъ я хотѣлъ сказать, но не могъ,—совѣстно
 да и можно-ли было думать что этотъ... этотъ... просто не
 говорить о немъ! Вѣдь я вѣрилъ въ него, все ему отда-
 (Объяснить голову на руки).

ф. Семен. Ну, полно, не волнуйся! Какъ нибудь пере-
 —вѣдь ужь что-же дѣлать-то?

пашник. Да вѣдь все отнимуть и ничего не оставлять. И
 за что?

ф. Семен. Ты хоть-бы тамъ съ адвокатами-то посовѣ-
 Тамъ губернской городъ, адвокаты-то все-таки свѣдущіе
 и посовѣтоваться-то не съ кѣмъ,—одинъ Арфеницкій.
 пашник. Когда-же мнѣ было совѣтоваться? Я слѣшилъ
 чтобы мнѣ не описали все: къ нему ужь при насъ по-
 принесли,—думаю и ко мнѣ тоже, да скорѣй на пароходъ,
 засталъ пароходъ-то. И что этотъ Арфеницкій пойдетъ?

ф. Семен. Не пьянствуетъ-ли онъ? Вѣдь какъ прово-
 куда, такъ у него своя воля и пойдетъ куралесить. А
 и не ждалъ тебя,—не думали что ты одними сутка-
 ренся.

пашник. Вотъ еще наказанье-то! Неужели въ самомъ
 существуетъ?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Бравилловъ, солдатъ.

Бравилловъ (вставъ въ дверяхъ). Розыскалъ, ваше бродіе!

пашник. Кого розыскалъ?

Бравилловъ. Арфенистова.

пашник. Что-жь онъ не идетъ!

Бравилловъ. Онъ идетъ-съ.

ф. Семен. Что-жь онъ говорить?

Бравилловъ. Какъ скоро, говорить, такъ и сейчасъ, только,
 нуговицу жена мнѣ пришьетъ, а я безобразіе на себя
 и приду.

ф. Семен. Что такое? какое безобразіе?

Бравилловъ. Умоется, значить, причешется и все та

Сераф. Семен. Да что онъ, не пьянь?

Бравилловъ. Съ перегару-съ.

Сераф. Семен. Какъ съ перегару?

Бравилловъ. Такъ точно, потому дрожить.

Сераф. Семенов. Такъ вѣдь онъ пожалуй напнется

Бравилловъ. Такъ точно-съ.

Колпашниковъ. Пошолъ! Тащи его сюда, за ворота давай ему пить!

Бравилловъ. Радъ стараться! (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же безъ Бравилова.

Сераф. Семен. Давеча-бы нужно было сказать Бравиллову, чтобъ одинъ не приходилъ.

Колпашниковъ. Кто-жь его зналъ, что онъ... (за окномъ). Это что такое?

Сераф. Семен. (смотря). Лошади Балакѣвскіе съ рогожами прикрыты воза... точно мебель, сундуки... Куда

Колпашниковъ. Не понимаю. Жена Балакѣва въ управляющій тоже... Кто тутъ распоряжается и зачѣмъ? Куда везутъ? Что везутъ?

Сераф. Семен. Тутъ что нибудь не такъ! Ужь не ели Авдотья-то Сергѣевна домой?

Колпашниковъ. На «Самолетъ» не было ее, а развѣ «Жинной» прѣехала сегодня утромъ...

Сераф. Семен. Должно быть прѣехала, да итѣе ловкая она барыня!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Бравилловъ, навеселъ; тащить Арфеницкаго въ

Бравилловъ. Притащилъ, ваше-бродіе Арфенистовъ Арфеницкій. Пусти, братецъ... какой ты невѣжа, солдатахъ служилъ!

Бравилловъ (вставъ во фрунтъ). Какъ приказали, выпить не далъ, самъ выпилъ.

Сераф. Семен. Хорошо; ступай!

Бравилловъ. Въ кабачаровѣ, ваше-бродіе, наше слово: вотъ тутъ, на углу,—косушку собирался выпить

Сераф. Семен. Хорошо, ужь послѣ скажешь.

Бравилловъ (не обращая на нее вниманія, продолжаетъ) Какъ приказали, вашескородіе, косушку вырвалъ и сшилъ изъ горлышка.

ашниковъ. Ступай-же!
иловъ. Радъ стараться! (повертывается налѣво кругомъ и, вери, снова повертывается лицомъ къ публикѣ, становится во фрунтъ на мѣстѣ; дѣйствующіе его не видятъ).

ашниковъ. Что это вы, Арфеницкій! Никакъ нельзя оста-
е: сейчасъ и пойдете кутить!

еницкій. Что-жь, Перфиль Степанычъ, развѣ я радъ
болѣзнь у меня такая.

ашниковъ. Какая болѣзнь... полно вамъ пустяки-то!..

еницкій. Ей Богу, ей Богу... червякъ запойный назы-
Видите, дрожь какая, это все онъ, червякъ.

ашниковъ. Э, полно вамъ... садитесь, дѣло есть! (обо-
ь видятъ Бравилова). Тебѣ что еще?

виловъ. Судитесь, вашебродіе, прикажете?

ашниковъ. Что такое? Съ кѣмъ судитесь?

виловъ. Съ Арфенистовымъ. По мордѣ меня стѣздили,
дѣтеляхъ.

ашниковъ. (Тонаетъ). Ступай вонъ!

авиловъ. Слушаю-сь. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Колпашниковъ, Серафима Семеновна и Арфеницкій.

ашниковъ (къ Арфеницкому). Ты ничего не слыхалъ
Да садись,—что ты стоишь.

еницкій. Насчетъ чего?

ашниковъ. Насчетъ моихъ дѣлъ, насчетъ Балагѣва.

еницкій. Слышалъ-сь. (Встаетъ).

ашниковъ. Сиди, сиди! Что ты слышалъ?

еницкій. Не могу, Перфиль Степанычъ! Смерть моя,
душу на покаяніе, дайте, Бога ради...

ашниковъ. Что тебѣ?

еницкій. Махонькую, хоть-бы воть... хоть чайную ча-
дайте, Бога ради! Пустите душу на покаяніе? Душитъ меня
к, червякъ этотъ самой.

ашниковъ. Да вѣдь ты напьешься...

еницкій. Да вы не поите, вы только душу-то мнѣ осло-
ыханье-то мое... видите, какъ Каина трясетъ!

ашниковъ (жеетъ). Принеси ему рюмку.

еницкій. Я лучше тамъ,—руки-то у меня больно ужъ...
мѣ Семеновнѣ). Мнѣ хоть въ полоскательницу вы, матушка,
чтобы не расплескать-то, руки-то у меня анафемскія!
а Серафимой Семеновной).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Колпашниковъ (одинъ). Слышалъ! значить всё слышано... всѣмъ извѣстно, на всѣхъ перекресткахъ толкуютъ... Кто кланялся, благодѣтелемъ звалъ, тотъ пальцами будеть покарать банкротомъ звать... А тамъ, судъ, позорище публичное, шутки, осмѣяніе!..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Колпашниковъ, Серафима Семёновна и Арфеницкій.

Арфеницкій. Вѣкъ буду за васъ, Серафима Семёновна, Бога молить! Спасли вы душу мою, освѣтили вы путь мой (она ставитъ табакерку и нюхаетъ).

Колпашниковъ. Ну, что-жь ты слышалъ?

Арфеницкій. Не то что слышалъ, — своими глазами вижу. Изводьте посмотрѣть! (показываетъ въ окно). Опять вы видите!

Колпашниковъ. Что такое? (Смотритъ въ окно).

Арфеницкій. Балакѣвъ имѣнье прячетъ, несостоятельность объявится желаетъ. (Гладитъ по груди руками и потомъ по вискамъ). Легость какая! И тутъ и тутъ... такъ вотъ словно мертвъ оживе... пропаде и найдеси. Чудное дѣло!

Колпашниковъ. Ты думаешь, что прячетъ?

Арфеницкій. Прячетъ, прячетъ... И чудное дѣло! Народъ смѣлый! Нѣтъ того, чтобъ ночи дожидаться, — послѣдлаго дня такъ воза и пруть. Либо онъ не ученъ, либо ослѣпъ, реучень, ничто ему ни почемъ! Вы, Перфиль Степановичъ, порекомендуйте ему.

Колпашниковъ. Для чего?

Арфеницкій. А дѣло-то по конкурсу вести... Вѣдь, я всю жизнь, можно сказать, практиковался въ судѣ, сколько разъ присяжнымъ попечителемъ бывалъ! Ночью въ дѣлѣ-то эта меня пошибла, червякъ-то этотъ каторжникомъ, то я нынѣшнихъ-то адвокатовъ всѣхъ за поясъ заткну.

Колпашниковъ. Ужь если ты такой знатокъ, такъ и тебя возьму повѣреннымъ.

Арфеницкій. По какимъ дѣламъ?

Колпашниковъ. По тѣмъ-же, что и Балакѣвъ.

Арфеницкій. Какъ! Развѣ вы тоже... (сѣдется). Желеть бытъ! вы все шутите...

Колпашниковъ. Нѣтъ ужъ, теперь не до шутокъ да слушай. (Арфеницкій садится). Давалъ я Балакѣву въ оборотъ, безденежныхъ, дружескихъ... понимаешь?

феницкій. Сколько?... на сколько?...

Олпашниковъ. На шестьдесятъ тысячъ рублей.

Феницкій (дѣлаетъ серьезную гримасу и углубляется). Гм... (качаетъ головой). Гмъ... Обратные векселя отъ Балажѣва вась?

Олпашниковъ. Есть.

Феницкій. На какую сумму?

Олпашниковъ. Тоже на шестьдесятъ тысячъ.

Феницкій. Дѣло ваше правое!

Олпашниковъ. Что такое значить—правое?

Феницкій. По закону—правое. по-юридически, вы долж-
шестьдесятъ тысячъ, и вамъ должны шестьдесятъ тысячъ—дѣ-
правое. Я это дѣло вотъ какъ! Я его въ комокъ (конкаетъ пла-
вотъ въ комокъ! Такъ-таки все дѣло и сожму, и выйдете
его чище даже хрусталою.

Олпашниковъ. И отвѣтственности по закону я никакой
одвергнусь?

Феницкій. Чище хрусталою!... ужъ будьте вы покойны!
какъ разъ на практикѣ дѣлалъ, присяжнымъ попечителемъ
въ конкурсахъ устранялъ, въ яму ввергалъ, изъ ямы исторгалъ.

Олпашниковъ. А имущество мое?

Феницкій. (Морщится. Пауза). Подлежитъ секвестру... (Под-
таетъ палецъ). Но!.. можетъ и не подлежать...

Олпашниковъ. Какъ-же такъ?

Феницкій. Продать его надлежитъ... Вотъ и продайте
Семеновнѣ; только, чтобы ужъ, если продавать, такъ
сейчасъ-же, сегодня-же, до могущаго быть ареста.

Олпашниковъ. А отвѣчать за это я не буду?

Феницкій. За что?... Господи помилуй!... Своимъ добромъ,
спорядиться я не могу! Странно!

Олпашниковъ. Однако...

Феницкій. (Перебивая). Недвижимое—ну это еще и такъ
а движимое,—напримѣръ, складъ, товаръ,—кто-же вамъ
продавать его, если покупатель подходящий есть?

Графъ Семен. На то и товаръ, чтобы торговать имъ.

Феницкій. И законъ такъ гласитъ. Сейчасъ мы это и
имъ: патентъ немедленно выправимъ на имя Серафимы Се-
мен, вы по книгамъ продажей все снесите, а тамъ завтра-же
ска новат, и все. Прикажите заложить лошадку—и сейчасъ-
казначейство, или мнѣ довѣренность дайте.

Графъ Семен. Нѣтъ, я сама съѣзжу.

Феницкій. А домашнее-то кое-что поприберите, куда ни-
дакъ,—серебро тамъ, экипажи, мебель,—только вечеромъ.
Дѣло", № 6, 1883 г. I.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Исправникъ и Колпашиниковъ.

Исправникъ. Соблазнительная дѣвка! Нѣтъ, мнѣ ихъ нанимать не дозволяетъ, — дама строгая. А медаль примѣять. Ну-те-ка, Перфиль Степанычъ, надѣньте. Вамъ она будетъ хороша при вашей фигурѣ и представительности-те-ка, ну-те. (Надѣваетъ на него медаль). Отлично, я вамъ даю.

Колпашиниковъ. (Подойдя къ зеркалу). Да, очень пріятно!

Исправникъ. Хорошо, очень хорошо! А все-таки вы смотрите. (Подаетъ ему бумагу. Колпашиниковъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Исправникъ, Аннушка съ закуской, потомъ Колпашиниковъ.

Исправникъ. (Подлетая къ ней). Чудесно! Ахъ ты солода разстроговна. а водка гдѣ-же?

Аннушка. Сейчасъ. (Идетъ).

Исправникъ. Послушай!.. постой!

Аннушка. Что прикажете?

Исправникъ. (Подходя къ ней). А помнишь, ты меня поцѣловать? Помнишь?

Аннушка. Никогда этого не было, да и не будетъ!

Исправникъ. Будто ужъ такъ никогда и не будешь?

Аннушка. Да ужъ такъ точно, будьте въ надеждѣ, товски улыбается и уходитъ).

Колпашиниковъ (входя съ бумагой). А вы все вокругъ увиваетесь? (Наливая рюмки). Прошу васъ!

Исправникъ. Вино, карты, субреточки, пріятныя пѣйки, — помилуйте, да это всё жизненные блага, всё жизни въ этомъ! (Чокаются). Ну, будьте вы здоровы! Нашему городишѣ еще столько-же, и такъ-же честно, какъ служили до сихъ поръ. И душа ваша будетъ спокойна, и закатъ дней вашихъ усладятъ воспоминанія о вѣрности!.. (Пьютъ).

Колпашиниковъ. Благодарю! Душевно благодарю! Петръ Алексѣичъ, хорошій вы человекъ, и теплое, душевное сказали! (Цѣлуются).

Исправникъ. Старое солдатское слово. Какъ ужъ я смѣю. Мнѣ вѣдь не медаль ваша дорога, — медаль и вы имѣть... да за что? Казармы выстроилъ, похлопоталъ, медаль получилъ, и ходитъ, красуется; да вѣдь всякій видитъ то его доказываетъ, что онъ какъ былъ Гамагитъ, такъ

Магичъ. А ваша медаль трудовая. Вы не просили ее, не дожились, васъ и безъ медали всякій знаетъ и уважаетъ за все, вы сдѣлали и дѣлаете не изъ корысти, а для общей пользы. Это дорого, вотъ съ чѣмъ я поздравляю и за что искренно, сердцки васъ благодарю! (кланяется въ поясъ).

Колпашиниковъ. Ну, полноте... ужь вы слишкомъ... мнѣ стыдно.

Исправникъ. Совѣститесь тутъ нечего! Я, батюшка, стараюсь, подлизываться не умѣю, да и не желаю, тѣмъ бо, что отъ васъ я для себя корысти-то больно мало вижу. Хотите вы меня, исправника, и въ дровахъ, и въ квартирѣ, и въ интсику, — во всемъ. И жаловался я на васъ, и ругался съ вами въ десять-то лѣтъ не мало. Скупой вы голова, упрямый! А вы ужь за что вамъ честь слѣдуетъ, такъ вы честь свою и почете, потому вы стоите ее. Больше и слова не услышите отъ меня въ похвалу. Сегодня-же ругательную бумагу къ вамъ пришла авортомъ на васъ, куда слѣдуетъ, жаловаться стану, а тебѣ... вотъ выпьемъ!

Колпашиниковъ. (Наливаетъ). Да вѣдь нельзя, Петръ, Алексѣичъ! Я долженъ интересы города соблюдать.

Исправникъ. И соблюдайте! А и свое соблюдаю, прижились тоже не дамъ, ужь не взыщите: и обругаю, и нажалуюсь, и, должно, себе возьму.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Арфеницкій, а за нимъ Серафима Семеновна.

Исправникъ. А, облакать, строчило! Ты это откуда? (къ Серафимѣ Семеновнѣ). Здравствуйте, Серафима Семеновна. Полюбуйтесь на благовѣрнаго-то! Поздравьте его съ ме-

Серафима Семеновна. Гдѣ медаль? (Увидя). Ахъ, это

Исправникъ. По ходатайству его превосходительства господина начальника губерніи. Не стоить-бы вашъ супругъ этой награды — скупъ очень, ну, да вѣдь ужь мы послѣ его за это дошли, а теперь, вотъ, поздравляемъ...

Арфеницкій. (Замѣтно выпившій, Колпашиникову). Все сдѣлали! Вы взяли, капиталъ объявили, условіе нужно написать только отдасте вы зданіе въ аренду на двѣнадцать лѣтъ и деньги вы дали сполна. (Колпашиниковъ задумывается). Это ничего! Это за-

Колпашиниковъ. Пиши условіе.

Арфеницкій. Да книги нужно заключить: «продать то купчихъ», и шабашъ!

Колпашниковъ. Книги принеси сюда. Мы въ заключимъ. (Арфеницкій уходитъ).

Серафима Семеновна. (Исправнику). Конечно, и лучше очень пріятно, да за то, вы спросите, сколько сколько заботы... Онъ и свое-то дѣло забросилъ, и отъ сколько разъ отъ службы-то: упрямъ и упрямъ! (Смотритъ съ закускою). Что это вамъ и закусить-то нечего! Я сейчасъ (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Гаммагинъ и Гамагинъ.

Гамагинъ. Господину хозяину! Съ медалью (Къ исправнику). Вашему высородію, Петру Александровичу, здравствовать!

Исправникъ. И вамъ желаю здравствовать. (Къ Гамагину). Ну, а мнѣ ужъ пора и въ свое полицейское управленіе.

Гамагинъ. Чтой-то, ваше высородіе, до меня честь честью, а какъ я пришелъ — такъ точно выгоняете.

Исправникъ. Выгонять не выгоняешь, а прекрати тобою незнакомъ былъ и впередъ того-же желаю.

Колпашниковъ. (Исправнику). Посидите немножко, не хотите-ли? (Подаетъ ему папирсы; исправникъ закуриваетъ).

Гамагинъ. Вы напрасно, ваше высородіе, намъ говорите, мы купцы обстоятельны; и опять, какъ-же такъ мы вамъ незнакомы, когда очень даже прекрасно меня знаете?

Исправникъ. Знать-то я тебя точно что прекрати потому-то вотъ и знакомиться не желаю.

Гамагинъ. Гнушаетесь, значить? Напрасно. Мнѣ медаль имѣемъ и такъ думаемъ, ежели Господь благословитъ, новаго года желательно первую гильдію заплатить.

Колпашниковъ. Вы, Михай Тимофеевичъ, по дѣлу.

Гамагинъ. Само собой, по дѣлу. Къ вамъ безъ дѣла не позволено: либо вы уголовщину на человѣка введете, совсѣмъ выгоните; такъ ужъ я, хоть и по дѣлу, а все-таки поопасился придти, человѣчка прихватилъ съ собой случай.

Колпашниковъ. Какого человѣчка?

Гамагинъ. Сейчасъ взойдетъ. Судебный приставъ называется; можетъ, не слышали-ли?

Исправникъ. Зачѣмъ судебный приставъ?

Гамагинъ. Стало быть надобность пошла въ...

квятили съ собой. (Входитъ судебный приставъ). Да вотъ онъ доподлинно отлепортуется вамъ—зачѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и судебный приставъ, потомъ Арфеницій.

Судебный приставъ (къ Колпашиникову). Мое почтеніе, Степановичъ! (Къ исправнику). Мое почтеніе, Петръ Александровичъ!

Исправникъ. Здравствуйте-съ!

Приставъ. (Къ Колпашиникову). Извините, Перфиль Степановичъ, а на сей разъ явился сюда исполнить свою обязанность.

Колпашиниковъ. Исполняйте.

Приставъ. (Вынимая изъ портфеля бумаги). Московскіе купцы Васильевъ и Чекаревъ выскриваютъ съ васъ пятнадцать тысячъ рублей векселямъ, выданнымъ вами за товаръ купцу Балакѣеву. Хотите вы уплатить эти деньги? (Входитъ Арфеницій съ книгами и вѣситъ въ глубинѣ сцены; онъ еще выпилъ).

Колпашиниковъ. (Пораженный). Нѣтъ, не могу.

Приставъ. Довѣренный истцовъ, купецъ Гамагинъ, просилъ васъ, на случай отказа вашего отъ уплаты, арестовать имущество ваше, а въ случаѣ его недостатка, обязать васъ подпиской о невыездѣ изъ города, впредь до рѣшенія дѣла въ судъ. Поэтому прошу васъ описать имущество. (Къ Гамагину). Указывайте имущество.

Гамагинъ. Во-первыхъ, возьмемъ складъ.

Арфеницій. Склада нѣтъ.

Приставъ. Какъ нѣтъ?

Арфеницій. Складъ принадлежитъ купчихѣ Колпашиниковой. (Подходить и кладетъ книги на столъ и вынимаетъ изъ нихъ патентъ).

Исправникъ. (Встаетъ). Ну, въ крутую пошло! Уйти отсюда. (Беретъ фуражку). Прощайте, господа.

Гамагинъ. Нѣтъ, ваше высокородіе, вамъ теперь и уходить некуда. Я убѣдительно прошу васъ остаться; вотъ, при свидѣтеляхъ, прошу.

Исправникъ. (Указывая на судебного пристава). Тутъ дѣло мое. Вы не имѣете права удерживать меня.

Гамагинъ. Имѣю-съ. По законамъ, по уставу, полное право. Тутъ имущество скрываютъ, складъ переводятъ на жону, помочи дать не хотите, уходите!

Исправникъ. Да, и ухожу.

Гамагинъ. А ежели вы уйдете, я по всей формальности буду,—у меня свидѣтели, вотъ, господина судебного при-

ставъ, — я тогда уголовнымъ порядкомъ... Это придется кому-нибудь! Я вразумительно прошу васъ быть здѣсь.

Исправникъ. Ты самъ-то сколько разъ банкротъ.

Гамагинъ. Это къ дѣлу не относится. Хотя-бы я и банкротился, да ежели я оправданъ или тамъ въ судѣ — значитъ расплатился честно-благородно. Вы это изъ понятіе взять и марали на меня пущать не извольте.

Исправникъ. (Улыбаясь). Мараль... Да, дѣйствительно въ тебя пустить нельзя, потому некуда, — все замаравано жено.

Гамагинъ. Ошибочно-съ, ошибочно предполагается на насъ новый, чистый, и нанталонн тоже; полагаю въ новый вашего платье носимъ, да-съ!.. Ну, да не въ томъ. Теперь, главная причина, провѣрку надо сдѣлать. Книжки принадлежатъ новоиспеченной купчихѣ Колпашиной, супругѣ господина городского головы Колпашникову, въ книгахъ должна быть записъ объ этомъ... Должны ихъ осмотрѣть.

Арфеницкій. Нельзя.

Гамагинъ. Какъ нельзя?

Арфеницкій. По закону нельзя, — вотъ какъ нельзя купца безъ суда не открываются.

Гамагинъ. (Къ исправнику). Вотъ, ваше высочество, мы надобились. Теперича эти господа подлогъ или тамъ ную штуку продѣляли, а по книгамъ-то обчистить не могутъ. Такъ я прошу васъ актъ составить объ этомъ и книжки подписью скрѣпить, дабы послѣ насъ они не выискали, что не вписано. А васъ, господинъ приславъ, первѣе всего арестовать эти книги. (Арфеницкій, схвативъ книги, идетъ догоняетъ и сватываетъ его. Къ исправнику). Ваше высочество, видите видѣть, — книги хотѣлъ уничтожить торговца.

Арфеницкій. Книжки арестовать нельзя, по закону я не уничтожаю ихъ, а онѣ нужны мнѣ.

Гамагинъ. Книжки долговныя, въ нихъ долги записаны, сколько кто господину Колпашникову долженъ, какъ-же вы арестуете? Почему я буду знать, кто ему долженъ, где свое доброе отыскивать, если онъ складъ переведетъ и мнѣ спрячетъ, а книги уничтожить? Прошу васъ убожить книги арестовать.

Приставъ. (Арфеницкому). Подайте книги! (Беретъ у него книги, кладетъ ихъ на столъ и пишетъ).

Гамагинъ. (Смотря книги и перебирая ихъ). Извольте! Первая, — бассовая, двѣсти листовъ, со шнуромъ и

я, — товарная, двѣсти-пятьдесятъ листовъ, тоже. Третья, —
вѣстная и долговая, триста листовъ, тоже со шнуркомъ.
гь отъ стола). Изволили видѣть, господинъ исправникъ, — и
не открывалъ, — купеческія книги открывать безъ суда
и. Но въ теперешнемъ случаѣ и оставить такъ невозможно
у-что вышутъ чего не было; а ради этого, либо вы подпи-
подъ концомъ статей, либо, ежели открывать нельзя, — надо
ать да опечатать ихъ и отдать на сохраненіе, до востребо-
ихъ судомъ.

Исправникъ. (Къ Колпашиникову). Вы что скажете?

Гаммагинъ. Тутъ сказъ ихъ не при чемъ, — мало-ли что онъ
отъ! А у меня по документамъ числится, что вотъ 7-го января
у Колпашиниковъ у Балакѣва товаромъ 5,000 руб., 5-го марта
6 руб. Эти статьи должны быть занесены по книгамъ. Извольте,
стать, — занесены ли онѣ? (Пауза). Да говорите-же!..

Колпашиниковъ. Статьи эти по книгамъ не занесены, по-

Арфеницкій. (Подскакиваетъ къ нему и дергаетъ его за рукавъ).
... Молчите, молч...

Гаммагинъ. (Останавливая Арфеницкаго). Нѣтъ, ужь лучше ты,
молчи! Молчи! Будетъ ужь, подсобилъ ты ему; подсоб-
ство-то твое и потащитъ теперича господина Колпашиникова
сбиръ. Не будь тебя, такъ валандаться-то мнѣ труднѣ-бы
было. (Къ исправнику). Вотъ, ваше высокородіе, господинъ
Колпашиниковъ самъ проговорился, что книги у него неладны,
и этихъ моихъ довѣрителевъ тамъ не обозначено, — слѣд-
но книги онъ велъ фальшивыя, мошенническія. Какъ-же вы
книги не заарестуете? Я, мало того, что желаю ихъ аресто-
и желаю прямо въ судъ ихъ препроводить! Извольте писать
происшествіе, какъ есть, и немедленно суду донести, дабы
умышленнаго, злостнаго банкрота, до суда, за крѣпкимъ ка-
въ въ острогъ держали.

Исправникъ. Господинъ Колпашиниковъ! Да неужели вы
что мошенникъ?

Колпашиниковъ. О, Боже мой! Все на меня! Несчастный
въ чемъ я неповиненъ! Я Балакѣву помочь хотѣлъ... Добро
... Изъ уваженія, векселя для его оборотовъ безденежны
... И вотъ... (Сидитъ и рыдаетъ).

Занавѣсъ.

В. Демидовъ.

МЕСТЬ ОРРЮВО.

Сардинская легенда.

(Г. Мера).

I.

Уже прошло нѣсколько часовъ, какъ мы вышли изъ арскаго залива, прелестной бухты, которой недостаетъ Везувія, чтобъ превзойти красотой Неаполитанскій и плыли вдоль восточнаго берега Сардиніи. Мы оставили позади себя островъ Каволи и мысъ Феррато; уже видна Святая Гора, за которой открывается прелестный заливъ. Ея голубоватая вершина тонула въ туманно-голубомъ зонтѣ. Пароходъ незамѣтно скользилъ по гладкому, синему морю, и еслибъ не глухой стукъ винта и матраса воды,—то можно было-бы подумать, будто онъ плыветъ какимъ-то волшебствомъ. Крутые берега острова нагоняли лодку, и волны ласково лизали ихъ.

Залитая потоками свѣта, Сардинія, со своими скалами и громадными оврагами, походила на заснувшее чудовище, убаюкиваемое моремъ. Остроконечныя ея горы, ясно обрисовывавшихся, извилины ея глубины, представлявшихъ какъ-бы полосы тѣни на яркомъ огненномъ пятнѣ, указываютъ на ея вулканическое происхожденіе. При видѣ этой земли, столь странно и необыкновенной, изрытой, опаленной солнцемъ, съ одной стороны возносящейся небо вершинами своихъ горъ, а съ другой опускающейся нѣдръ земли дномъ своихъ пропастей, ясно открывается особенный, — страстный, бурный, лихо-

ый, — темпераментъ ея жителей, соединяющихъ въ себѣ
тскія качества, и черты гигантовъ.

инные, томительные, жаркіе часы прошли, когда раз-
звонокъ къ обѣду; задулъ легкій вѣтерокъ и принесъ съ
нѣкоторое облегченіе. Насъ было немного. На итальян-
парходахъ гораздо свободнѣе чѣмъ на англійскихъ, на
путешественникъ чувствуетъ себя какъ-бы поступив-
въ военную службу, такъ какъ тамъ капитанъ подчиняетъ
многаго пассажира стѣснительной дисциплинѣ и скучѣ пе-
нального морского распорядка. На «Мальтѣ» всѣ были какъ
а, и парходъ не шель отъ этого типа. Капитанъ нашъ
старый морской волкъ, принадлежавшій къ той сильной
тской расѣ, для которой океанъ тоже самое, что об-
лигурскія озера. Онъ много плавалъ на своемъ вѣку
обязь поболтать. Рѣчь его была наивна и цвѣтиста.

Солнце давно закатилось; взошла луна, проливая нѣжный
тъ на едва вздымающіяся волны. Парходъ продолжалъ
нѣ почти неувидимо скользя по волнамъ, которыя за-
тальнѣ историческимъ свѣтомъ и распространяли вокругъ
свои блѣдныхъ искръ.

Вдали, сквозь туманъ, виднѣлся неподвижный и мрачный
ры сардинскихъ горъ. Нѣсколько свѣтившихся на берегу
нѣ придавали еще болѣе прелести этой картинѣ.

— Вотъ остроконечныя вершины Огліастра! вскричалъ ка-
нѣ, указывая пальцемъ на крутую цѣпь, гордо поднимава-
са надъ окружающими горами;—еслибъ дѣло было днемъ,
казалъ-бы вамъ оврагъ Орруво.

— Что это за оврагъ Орруво? спросилъ я.

— Это оврагъ, съ которымъ связана одна изъ трогатель-
нѣ легендъ о сардинской «vendetta». Хотите, я вамъ ее
ажу?

Вѣтомъ былъ всеобщій крикъ:

— Да, да, расскажите намъ легенду объ Орруво!

Капитанъ хлебнулъ нѣсколько глотковъ кипрсаго и на-

II.

въ то время, т. е. при упадкѣ испанскаго владычества,
въ горахъ Огліастра два пастуха, очень извѣстныхъ и
всѣхъ окрестными жителями: Раймондъ Санси и Ниедду

Манно. Они выросли вмѣстѣ и съ давнихъ поръ любя друга. Но, мало-по-малу, положеніе ихъ, вначалѣ по-наковое, впослѣдствіи такъ измѣнилось, что послужило причиною къ перемѣнѣ взаимныхъ ихъ чувствъ. Неудачно слѣдовали Раймонда. Никакое дѣло ему не удавалось его повадились ходить по краю обрыва и нерѣдко гибали. Какъ только начинала свирѣпствовать какая эпидемія, она предпочтительно обрушивалась на него. Такимъ образомъ, черезъ двадцать лѣтъ, Раймондъ всего несчастнымъ десяткомъ овецъ, какимъ-то чудомъ спасшихся отъ всѣхъ несчастій, которыя сильно уменьшили отцовское наслѣдство и ввергнули его въ бѣдственное положеніе.

Наоборотъ, счастье улыбалось Ниедду, и онъ, съ успѣховъ, сдѣлался еще болѣе отважнымъ.

Всякое дѣло, раззорительное для другихъ, для него было прибыльно. Онъ брался за все, ибо все ему удавалось. То время, какъ отъ одного мыса до другого не было ни одного стада, не пораженнаго болѣзнью, стадо Ниедда бѣгало по пастбищу, давая въ изобиліи молоко и мясо на солнце, точно на показъ, цѣляя волны бѣлой шерсти.

Проявленіе первой холодности между двумя пастухами дѣлившими другъ съ другомъ и радости и печали, сначала результатомъ простого недоразумѣнія.

Видя, какъ Ниедду постоянно богатѣлъ, тогда Раймондъ болѣе и болѣе бѣднѣлъ, Раймондъ почувствовалъ себя униженнымъ и боялся, чтобъ его дружба не стала для него другою дѣтства. Послѣдній принялъ сдержанный тонъ его товарища за зависть и разсердился. Онъ рѣшилъ выказать надменностью на то чувство, которое, какъ ему казалось, онъ угадалъ въ прежнемъ другѣ, и, мало-по-малу, дружба Раймонда дѣйствительно превратилась въ зависть глухую, угрюмую, возбуждавшую еще болѣе слѣдующее.

Къ счастью, Раймондъ могъ предаваться своимъ мыслямъ только въ короткіе часы отдыха. Онъ былъ обремененъ заботами, такъ какъ былъ не одинъ. У него былъ сынъ сильный юноша, двадцати лѣтъ. Остатки стада не воляли семьѣ Раймонда жить даже скудно.

Ниедду тоже имѣлъ двадцати-двухъ-лѣтняго сына,

тъ красивымъ парнемъ въ Огліастрѣ, и кромѣ того кра-
 у дочь, восемнадцать лѣтъ, съ черными глазами и съ
 рыжимъ лицомъ. Рита и Гуналь были гордостью своего
 отца, точно также какъ Оррюво—своего. По странному про-
 свѣтѣ, молодые люди не послѣдовали примѣру родителей.
 Отвѣтъ, Гуналь, сынъ Ніедду, искренно любилъ Оррюво;
 обходилъ съ нимъ всѣ лѣсныя тропинки, научилъ его дѣ-
 лать дудки изъ тростника; по воскресеньямъ они проводили
 свободное время обыкновенно вмѣстѣ, за стаканомъ вина.
 Несмотря на глухую ненависть ихъ отцовъ, они не измѣнили
 привычки встрѣчаться каждый день, въ то время, какъ ихъ
 отцы спокойно пощипывали съ кустовъ листики или паслись
 на луку. Скука ихъ соединила, и чувство, возникшее вслѣд-
 ствіе привычки, сильно привязало ихъ другъ къ другу. Рита
 была такъ-же, какъ и ея братъ, вмѣстѣ съ Оррюво. Она
 проводила съ нимъ долгіе часы подъ густой листвою
 кустовъ, и зовомъ, между тѣмъ какъ ея овцы тихо пережевы-
 вали траву невдалекѣ отъ нихъ.

Ніедда не обращала вниманія на то, что стадо ея
 многочисленнѣе стада Раймонда, и, если-бы не прокля-
 тые жалобы Ніедду, она долго не знала-бы о ненависти
 къ семейству своего молодого друга.

Мѣстные пастухи, собиравшіеся по воскресеньямъ на
 полянѣ поплясать подъ звуки дудки, знали уже о ссо-
 рѣ старыхъ товарищей. Но они замѣчали также и то,
 что Гуналь и Оррюво не переставали быть, все-таки, лучшими
 друзьями въ мѣрѣ и что послѣдній приглашалъ Риту танцо-
 вать, чѣмъ этого требовала простая дружба хорошихъ
 друзей. Объ этомъ начали уже поговаривать въ горахъ, а двѣ
 мѣстныхъ вліятельныя кумушки, подоивъ коровъ и
 часто останавливались посудачить о томъ, что Ніедду
 не согласится на подобный бракъ, если-бы отецъ Ор-
 рюво осмѣлился когда нибудь заикнуться ему объ этомъ.

Раймондъ, можетъ быть, и отгадалъ тайну Оррюво, но дѣлалъ
 видъ, что ничего не знаетъ. Ніедду ничего не видѣлъ и ни о
 чемъ не догадывался; онъ исключительно былъ занятъ тѣмъ,
 какъ устроить какую-нибудь неприятность своему сопернику,
 и въ это время не заботился о томъ, какъ его дѣти проводить время,
 какъ стерегутъ овецъ; онъ никогда не повѣрилъ-бы, что чув-
 ства его дѣтей совершенно противоположны его собственнымъ.

До сихъ поръ, однако, не представлялось удобнымъ къ проявленію взаимной ненависти сосѣдей во силѣ. Все, что было между ними до этого времени, считалось самыми незначительными, мелкими неприязнями, устраиваемыми другъ другу. Удобный случай, впрочемъ, скоро подвернулся.

Въ одинъ прекрасный день, овца Раймонда зашла на пастбище Ниедду; онъ увидалъ ее и застрѣлилъ. Раймондъ подалъ на него въ судъ. Дѣло разбиралось сначала медленно. Первымъ судьямъ показалось, что обвиненный былъ правъ; но впоследствии вышло иначе, потому что между такъ затаскаль Раймонда по различнымъ судьямъ, которые хорошо подкупалъ, кого нужно, что противникъ его, въ средствахъ довести борьбу до конца, принужденъ былъ считаться побѣжденнымъ. Всѣ граждане равны передъ закономъ, но они не равны передъ судьями, которые, благодаря своей разсчитанной медленности и образу примѣненія закона, обращаютъ иногда принципъ юридическаго равенства въ шутку. Въ то время, впрочемъ, правосудіе и не считалось такимъ равнымъ для всѣхъ, какъ теперь.

Послѣ пораженія, Раймондъ сталъ еще болѣе молчаливъ. Преступныя мысли часто приходили ему въ голову, а когда одна подобная мысль овладѣетъ умомъ человека, это значить, что онъ рѣшилъ привести ее въ исполненіе. Человѣкъ этотъ считалъ себя жертвой несправедливости, и его существо было до крайности возмущено.

Врагъ побѣдилъ его деньгами; онъ, въ свою очередь, захотѣлъ быть побѣдителемъ врага. Въ справедливомъ судѣ онъ не могъ безъ содроганія думать о своемъ будущемъ. Злоба, накопившаяся въ его душѣ въ теченіе многихъ лѣтъ соперничества, выступила теперь съ полной силой.

Онъ, побѣжденный людскою несправедливостью, не могъ помириться съ мыслью, что его противникъ восторжествовалъ, хотя правда была на сторонѣ его, Раймонда.

Онъ думалъ, однако, что кромѣ справедливости, которая есть еще справедливость божеская, во имя которой онъ хотѣлъ вооружить свою руку. Часто, въ часы отчаянія, бралъ ружье и стрѣлялъ въ ласточекъ, летавшихъ во время грозы надъ хижинами, ютившейся на вершинѣ утеса. Онъ убѣждалъ себя, что это образъ въ вѣрности своего глаза.

онъ могъ затѣмъ предоставить времени заботу о мщеніи
 ою овцу. Не обладалъ-ли Оррюво самой прекрасной
 изъ овчарни Ніедду? Но ему казалось недостойнымъ
 въствоваться столь подлымъ удовлетвореніемъ. Местъ—
 словѣкъ опережающій судьбу! Ніедду можетъ быть имѣлъ
 о одинъ день въ своемъ распоряженіи, и этотъ день при-
 казалъ уже Раймонду! Но онъ обезчестилъ бы себя, убивъ
 физически своего врага. Поэтому онъ ждалъ только удоб-
 ный случай, чтобъ объявить ему вендетту.

Въ слѣдующее воскресенье, около двадцати пастуховъ, во-
 оруженныя ружьями, собрались, по обыкновенію, на лѣсной
 мѣстѣ съ своими женами и дочерьми, разодѣтыми въ
 платья съ красными шелковыми, вышитыми золо-
 тыми орнаментами и съ большими яркими платками на голо-
 вахъ.

Въ мѣстѣ, гдѣ пересѣкались четыре лѣсныхъ тропин-
 ка, была обширная круглая поляна. Большіе камни
 лежали на землѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ заканчивался кустар-
 никъ, стоялъ столбъ, служившій основаніемъ мишени для
 стрѣльбы, которою занимались мужчины послѣ бала.
 Кто-то игралъ на дудкѣ для танцующихъ; за это ему
 въ продолженіи недѣли обрѣзки стараго сыра, куски
 хлеба и нѣсколько мисокъ молока.

Собрание это напоминало нѣсколько разбойни-
 чьихъ, такъ какъ на этомъ островѣ не было ни одного
 закона, который въ своемъ черномъ, доходившемъ до плечъ,
 въ своихъ стянутыхъ у колѣнъ штиблетахъ, съ ружьемъ
 на пояси, не былъ-бы похожъ на человѣка, выпешаго на
 борьбу съ обществомъ.

Женщины имѣли воинственный видъ. Однако, ни одно
 слово не тревожило этихъ собраній. Плясали весело,
 и, подъ звуки дудки, нѣжные взгляды и любов-
 ные предложенія смѣшивались съ грубыми шутками и крас-
 ными речевками.

Рита и Оррюво также были здѣсь. Ніедду и Рай-
 монду тоже. Первый—гордый и насмѣшливый, второй—блѣд-
 ный и молчаливый.

Послѣ бала началась стрѣльба въ цѣль. На столбъ поста-
 вили мишень; стрѣлки, сидя на лошадяхъ въ га-

лош, со ста шаговъ должны были погасить пламя кинувъ лампы.

Сардинскіе горцы необыкновенно искусные стрѣльцы могли-бы побѣдоносно состязаться съ самыми мѣткими охотниками, и объ ихъ удивительной мѣткости множество разсказовъ.

Раймондъ, давно ужъ уступившій свою очередь людямъ и любившій только присутствовать на этиціонныхъ играхъ, въ этотъ день сѣлъ верхомъ на сильную, небольшую, но горячую лошадку, съ упрямою и огненнымъ взглядомъ, и занялъ свое мѣсто. Надъ ареною, и старшина праздника подавъ знакъ къ началу.

Вонзивъ шпоры въ бока своего скакуна, взвизгнувъ этомъ на дыбы, Раймондъ поскакалъ быстрымъ галопомъ, стигнувъ до предѣльной черты, онъ взвелъ курокъ и выстрѣлъ.

По обычаю слѣдуетъ, чтобы выстрѣлъ предназначалъ честь кого-нибудь. Молодые люди стрѣляли обыкновенно въ честь своихъ возлюбленныхъ, которыя угощали ихъ виномъ, если выстрѣлъ былъ удаченъ, или поворачивались спиной, если онъ былъ неудаченъ.

— Это тебѣ Ниедду, сказалъ Раймондо саркастическимъ лоскомъ, испуская дикій воинственный крикъ.

Пуля Раймонда просвистала надъ лампой, погасивъ ее, не причинивъ ей ни малѣйшаго сотрясенія.

Оррюво и Рита страшно поблѣднѣли, взгляды упали на землю.

Ниедду незамѣтно кусалъ губы; онъ былъ мурашками смѣло пошелъ на встрѣчу опасности.

Онъ взялъ стаканъ съ виномъ, гордымъ, твердымъ шагомъ приблизился къ Раймонду, слѣзавшему съ лошади, и по обычаю, стакавъ Раймонду.

— Отъ врага не принимаютъ вина, грубо сказалъ Раймондъ, снова садясь на лошадь и медленно удаляясь.

Сдержанный крикъ вырвался изъ груди Риты; трепеща бѣжала по толпѣ, окружавшей Ниедду и глубоко погрузившись въ эту сцену.

— Хорошо-же, сказалъ Ниедду, съ досадою взглянувъ на землю.—Только горе тебѣ, Раймондо Санси!

Горе тебѣ, Нїеду Манно!

ку удался въ свою очередь, сопровождаемый Гуна-
Ритой, которые присоединились къ нему; они не смѣ-
взглядомъ проститься съ Орриво.

Раймонда тоже не искалъ случая переговорить съ
и Ритой. Онъ пошелъ, не сказавъ ни слова, по то-
раденію, гдѣ скрылась лошадь его отца.

III.

слѣдовавшей за тѣмъ недѣли не случилось ни-
роботного. Тѣмъ не менѣе, въ горахъ съ минуты на
кромѣ кровавой драмы.

Раймонда и Нїеду старались не встрѣчаться другъ
другъ. Они обходили тропинки, на которыхъ могли-бы
встрѣтись. Иногда они видали другъ друга сквозь листву
или на вершинахъ горъ, но они отворачивались,
избѣгая ни словомъ, ни взглядомъ. Съ этихъ поръ
не могло ихъ опять сблизить, — нѣжныя чувства должны
заглухнуть и уступить мѣсто требованіямъ вендетты.

Любовь должна была пролиться, а она вызвала въ буду-
щее рядъ кровавыхъ преступленій, которыми должны
продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ Огліастрѣ остава-
ется два человѣка, носящіе имена Санси и Манно.

Среди молодыхъ людей призывались къ ненависти; они долж-
ны готовиться къ исполненію трагическаго долга и для
этого ненавидѣть и проклинать другъ друга.

Воля заглушала въ нихъ всякое сожалѣніе. Грусть,
воспоминанія, прекрасныя исчезнувшія мечты о бу-
дущемъ это было ничто передъ требованіями, которыя вы-
ступили въ обычаяхъ кровавой мести.

Только разъ Рита видала на другомъ берегу оврага
Манно. Она быстро убѣгала и скрывалась въ рощѣ. Любовь
уже исчезала изъ ея сердца.

Противъ ищенія образовалъ глубокую пропасть между
Манно и Санси.

Манно предвидѣла уже ту минуту, когда Гуналь и Орриво,
дѣтства, будутъ готовы мстить другъ другу за смерть
отцовъ.

Манно равно, кто-бы первый ни палъ, — всѣмъ было извѣстно,
(Мо., № 6, 1883 г. I.

что молодые люди обязаны, по праву наследства, ссору своих семействъ.

Что же тогда будетъ? Если Гуналь убьетъ Орри увидитъ погибшимъ отъ руки своего брата того, кого била; если же, наоборотъ, будетъ убитъ Гуналь, должно выпасть обязанность мстить за смерть отца.

Въ обоихъ случаяхъ бедная дѣвушка должна была нести жестокия страданія, но она успокаивала себя обычной мести.

Можетъ быть, въ глубинѣ ея души существовало нѣжнаго чувства къ молодому пастуху, съ которымъ росла оставалась еще любовь къ нему; въ чемъ она, своей гордости, не хотѣла самой себѣ сознаться, и томъ не стыдиться и не извинить невольно своей.

Но горячая любовь къ семьѣ, увлеченіе ненавистью уже наследственной, и героизмъ жертвы совершенны для всѣмъ существомъ, закаленнымъ свѣтлымъ горю духомъ и жгучимъ южнымъ солнцемъ.

Рѣшительно, она ненавидѣла Орриво, — ненавидѣла себя за то, что противъ воли питала еще къ нему любовь.

Около трехъ недѣль спустя послѣ разговора Нюду и Гуналь медленно шли, уже подлѣ вечера, стадомъ, загоня его въ овчарню.

Овцы шли ровнымъ и однообразнымъ шагомъ; она шла иногда для того, чтобы небрежно пощипать куцерны или же лѣниво почесать свою пыльную шерсть хвостомъ старикаго дуба.

Оба пастуха шли молча. Взглядъ ихъ не выражалъ вѣрия, ни безпокойства. Для чего они стали бы овраги и кустарники? Пуля человека, собравшагося такъ же неумолима, какъ и судьба. Зачѣмъ напрасно вать себя?

Вдругъ раздался выстрѣлъ, — пронзительный вой крикъ пронесся по ущельямъ горъ.

Маленькая черная лошадка — лошадка Раймонда, какъ привидѣніе, съ всадникомъ, который, въ достѣ и вызова, потрясалъ въ воздухѣ своимъ дымящимъ рабиномъ.

Нюду лежалъ на краю тропинки, уткнувшись въ

лицомъ въ тутовѣй вѣстѣ. Гуналь поднималъ его. Нуля между лѣвыми глазомъ и ухомъ, въ то самое мѣсто, нѣсколько времени тому назадъ, нуля. Нїедду угодна айшнда:

IV.

Гарабинера, бывшіе въ горахъ, слышали звукъ выстрѣла и прибѣжали въ то время, когда Гуналь клалъ себѣ на грудь еще трупъ отца. Они составили протоколъ, но не могли получить отъ Гуналя никакого указанія — Нїедду. Онъ ничего не видѣлъ, ничего не зналъ; слышалъ звукъ выстрѣла, его отецъ упалъ запертво. время производства слѣдствія, Гуналю угрожали, что если онъ не откроетъ имени убійцы, то его въ отцеубійствѣ, если онъ не откроетъ имени убійцы. Несмотря на это, онъ все-таки упорно стоялъ на своемъ показаніи.

Судьи и приставы систематически молчали, но въ судѣ происходила перепалка между Нїедду и Раймондомъ и, понятно, о смерти Нїедду этого послѣдняго. Его тотчасъ доставили допрашивать, пытали, но напрасно.

Въ день суда Гуналь былъ допрошенъ въ послѣдній разъ.

— Скажите же! нетерпѣливо вскричалъ судья: — не надѣйтесь на насъ съ толку. Мы судья, знаемъ, что для насъ, судей, составляетъ честь рѣшать споры, возникающіе въ обществѣ, домашними средствами, судамъ же не сообщать о нихъ.

— Если вы что знаете, то зачѣмъ же спрашиваете меня? — сухо отвѣтилъ Гуналь.

Судья какъ противъ Раймонда имѣлись одни только поддѣлки. Кроме того, Нїедду былъ никто другой, какъ папаша, смерть котораго не могла особенно интересоваться, то судьи освободили обвиняемаго.

Раймондъ былъ внѣ себя отъ радости, почувствовавъ себя въ свободѣ. Жизнь для него не была особенно дорога, не хотѣлъ погибнуть отъ руки палача.

Нїедду же, напротивъ, былъ очень доволенъ, что не пошелъ за смерть. Онъ предпочиталъ умереть среди полей, въ горахъ, въ ущельяхъ своей дорогой Огліастры или на одной изъ горныхъ тропинокъ. Если ужъ приходится умирать, то

лучше быть убитымъ пулею Гуналя. Поэтому, выйдя изъ церкви, онъ, по обычаю, отправился въ церковь, чтобы поблагодарить Бога за свое освобожденіе.

Въ то время, когда онъ всходилъ уже на постѣли церковной лѣстницы, кто-то окликнулъ его. Онъ обернулся. Въ ту-же минуту раздался выстрѣлъ. Пуля попала ему прямо въ грудь. Онъ тотчасъ упалъ. Убийца, потрясая своимъ еще дымившимся ружьемъ, пробѣжалъ сквозь толпу, собравшуюся у церкви, перешелъ черезъ трупъ Раймонда и взошелъ въ нее. Это было въ то время, когда Раймондъ еще пользовался привилегіями жителя въ храмахъ.

Щадя Раймонда передъ судомъ, Гуналь совершилъ свою месть...

V.

Прошло двадцать лѣтъ. О Гуналь и много говорили въ долинахъ Отліастры. Знали только, что онъ былъ священникомъ, давшимъ ему убійство; онъ жонглировалъ и направился въ Кампидано де-Пуду. Судья. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ вернуться въ родную страну, направляясь къ сѣверу, но это было не такъ просто. Ждали засады, заставлявшія его отказываться отъ помощи Карabinieri, пѣшие и конные, отправленные по его адресу. Отлично зная, что сынъ Ниедду употребитъ всевозможныя средства, чтобы вернуться на родину, такъ какъ, по повелѣнію сардинцевъ, нельзя было уклоняться отъ мести. Пробовали даже не мѣшать ему, чтобы такъ или иначе вовлечь его въ западню. Но онъ былъ хитрее слѣдовавшихъ его съ ожесточеніемъ, и прошло уже много лѣтъ, а Гуналь все еще не попался къ нимъ въ западню.

Что касается Риты, то она пропала. Одни говорятъ, что она умерла съ горя, другіе увѣряли, что видѣли ее живую, худую, иссохшую, блуждающую по ночамъ по долинамъ и озирающуюся кругомъ безмолвными глазами.

За это время Орриво постоянно былъ на страже. Онъ также не сомнѣвался въ томъ, что Гуналь явится, и ему будетъ возможно.

Орриво женился. Скоро, однако, жена его умерла.

лся съ двумя маленькими сыновьями на рукахъ. Дѣла его не лучше чѣмъ прежде; стадо его, и всегда небольшое, выжило еще болѣе. Но, несмотря на лишенія, дѣти росли нынѣ и здоровыя, и, глядя какъ они прыгали по скаламъ, по дикія козы, Орриво забывалъ иногда и о своемъ суровомъ прошломъ и о кровавомъ счетѣ, который онъ долженъ былъ рано или поздно, свести съ Гуналемъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Башизо и Эффизіо доставно подросли, Орриво счелъ за лучшее покинуть горы Пердю, гдѣ жизнь для него стала слишкомъ трудною, и переселился на восточный склонъ Аттилиса, ближе къ морю. Здѣсь представлялась кое-какая работа. Но все-таки ее было настолько мало, что отъ времени до времени ему приходилось заниматься контрабандой и браконьерствомъ. Сыновья его часто сражались съ карабинерами, нѣсколько разъ даже храбро сражались съ ними. Частое повтореніе подобныхъ стычекъ заставило солдатъ зорко слѣдить за ними. Въ одинъ прекрасный день они были схвачены въ тотъ моментъ, когда имъ удалось совершить какое-то ловкое предпріятіе. При этомъ они обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами. Одинъ карабинеръ былъ убитъ, другой раненъ; но все-таки Башизо и Еффузіо были пойманы. Ихъ судили и приговорили къ смерти. Вице-король помиловалъ ихъ, въ виду ихъ молодости: замѣнилъ смерть вѣчной каторгой на галеры.

Ударъ для отца былъ страшный. Онъ никогда не оправился отъ него, если-бы не чувствовалъ необходимости жить ради тобы то ни стало, въ ожиданіи часа мести,— послѣдняго вѣща въ его жизни, которая была къ нему такъ жестока.

Онъ проводилъ цѣлыя недѣли вдали отъ людей, оставив горы только для того, чтобы собрать нужныя свѣдѣнія.

— Не знаете-ли вы чего-нибудь? спрашивалъ онъ.

— Ничего, отвѣчали ему, догадываясь, что онъ справлялся о мести.

Онъ торопливо благодарилъ, и затѣмъ направлялся къ своей хижинѣ, стоявшей между огромной сосной и громадной скальной глыбой,—какимъ-то чудомъ висѣвшей на вершинѣ скалы.

Оррюво не могъ спать. Онъ проводилъ ночи на дверей своей дивана на спроехланныхъ стульяхъ скамьей, и глядя на горюхивъ въ небѣ вѣдъ повременамъ Уго, слорожевую забаву, которая съ его очами, нарушала мракъ: и металламъ съ нѣ горъ.

Однажды, ночью, Оррюво сидѣлъ уже на мѣстѣ. Морской вѣтерокъ приносилъ съ собою запахъ; луна освѣщала лѣсъ деревьями: и призраки отчего темнота, делалась казалась еще страшнѣе.

Оррюво состарился. Глубокая морщина на его лицѣ, длинная борода посѣдѣла; и когда скорбно взглядъ его, еще свернелъ. Глаза его, длиннѣе, то по лѣву, гдѣ шумѣла миства, то по дальнему формическая поверхность, и того-раго, рябилъ въ искривленіи.

О чемъ думалъ Оррюво?

Отчего въ то время, когда колѣны твои каменны, взоръ, ротъ, его искривлялся, то же, онъ и шепталъ проклятія?

Вспоминать-ли ты, пастухъ, всю свою жизнь, наль-ли ты, какъ нѣкогда тебѣ улыбалось, будучи бѣдъ дѣвущку, деревю щепкамъ, которой, открыли сти любви. У тебя былъ другъ, который облявалъ тебя вендетту самому Богу. Но все это были только выя призраки. Счастье вѣрушь искало нѣтъ. Ожидая

Что стало съ Ритой? Что сдѣлалась съ твоимъ пастухъ Аттидиса? Занѣмъ ты, подобно тому, искалъ Авелю, иносѣ, Гудала, друга твоего, дѣлать твою морщинистая, но твердая рука, такъ часто съ ружья?

А между тѣмъ жизнь на этомъ, плодородномъ щедра согрѣваемомъ солнцемъ, и омываемомъ ласкою нами, моря, быть для тебя какъ прекрасна. Видишь эти стада овецъ съ роскошной шерстью, пасущіяся нахъ? Видишь-ли ты эти созрѣвшіе на душистый хлѣба и ихъ тяжелые колосья, колышущіеся, какъ волны, отъ легкаго вѣтерка?

мъ думалъ Орриово?

III

гъ Уго вскочилъ; онъ поднималъ по временамъ уши, воздухъ тихи и слегка ворчалъ. Наконецъ съ громкимъ шумомъ бросился впередъ. Кто такое, Уго? спросилъ Орриово. Орриово въ свою очередь сталъ прислушиваться. Изъ тлуща долеталъ неопредѣленный шумъ, походившій на шорохъ, осторожно ступавшаго по сухимъ листьямъ и шагающаго съ кочки на кочку, чтобы скорее добраться до... Потомъ раздался свистокъ. Орриово зналъ этотъ свистокъ: караванеры преслѣдовали контрабандиста. Инстинктивно Орриово бросился въ свою хижину, схватилъ ружье и выстрѣлъ въ него.

Кто-то приближался къ хижине. Когда Орриово вышелъ, какой-то человекъ, сильно измученный отъ трудной ходьбы, стоялъ уже на порогѣ. Онъ одѣтъ такъ, какъ одѣваются пастухи южной части Апеннинскаго полуострова: всѣ въ лохмотьяхъ одежда была неопредѣленнаго цвѣта; запыленные штиблеты износились. Ему было, по видимому, около сорока лѣтъ, и глядя на суровое и измученное лицо можно было думать, что онъ легко было пройти этотъ долгій жизненный путь. Онъ стоялъ, другъ противъ друга. Мѣсяцы освѣщали ихъ лица, и оба выглядели возбужденными и суровыми. Когда ихъ взгляды встретились, то изъ груди обоихъ одновременно вырвались крики: Орриово!

Онъ несколько секундъ въ молчаніи. Они разглядывали другъ друга. Ружья ихъ почти инстинктивно опустились, и затѣмъ Гунааль вынулъ свое ружье Орриова. Онъ сказалъ оны: сейчасъ буду въ здѣсь караванеры. Пусть лучше исполнится твоя мѣсть. Убей меня и Раймонда. Орриово — ты знаешь, что сардинскій законъ не измѣняетъ долгу гостепримства. Ты въ жизни — и твоя жизнь для меня священна.

VII.

Двѣ недѣли спустя послѣ этого происшествія, в лудня, небольшой отрядъ карабинеровъ подъ командою цера, конвоировавшихъ Башизо и Эффизіо, остановился въ хижинѣ Орриво.

Пастухъ почувствовалъ и радость и ужасъ при видѣ ихъ сыновей. Онъ хотѣлъ броситься къ нимъ, обнять ихъ къ своему сердцу; но офицеръ быстрымъ и решительнымъ движеніемъ остановилъ его.

По его приказанію, осмотрѣли хижину и мѣсто. Подобныя обыски были и раньше, но всегда оканчивались неудачно. Тоже было и на этотъ разъ.

— Ну, скажи офицеръ, оглядывая пастуха и его старую птицу, — ты все-таки упорно хочешь скрывать Гунала?

— Я ничего не знаю, коротко отвѣтилъ Орриво.

-- Выдай намъ Гунала, и твои сыновья будутъ живы. Если же ты ничего мнѣ не скажешь о немъ, твои сыновья будутъ разстрѣляны здѣсь, на твоихъ глазахъ.

Пастухъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ долго и больно смотрѣлъ на своихъ дѣтей. Имѣлъ онъ и привычку слышать снова ихъ голоса, повторяемые эхомъ въ горахъ, когда возлѣ нихъ при свѣтѣ звѣздъ—это была мечта его жизни.

И теперь это счастье было въ его рукахъ... Оно разрывалось, слезы выступили на глазахъ.

Башизо и Эффизіо, связанные, окруженные со стороны солдатами, смотрѣли на отца. Ихъ заговоры были спокойны, впергичны. Они съ гордостью и безчестіемъ костюма каторжниковъ.

Ни капли боязни не было на ихъ лицахъ. Они страдались болѣе слабости отца, такъ какъ глаза и руки были направлены на него, выражали скорѣе безпомощность.

— Надумался-ли ты? вскричалъ офицеръ.

— Я ничего не знаю, отвѣтилъ пастухъ тихо и спокойно.

— Въ такомъ случаѣ, пусть исполнится твое желание.

Башизо и Эффизіо были привязаны къ стволу винтовки, верхушка которой раскинулась надъ хижинѣю, вала ее своею тѣнью отъ солнца.

Прежде чѣмъ велѣть стрѣлять, офицеръ еще разъ взглянул и спросилъ пастуха.

Оррово хотѣлъ броситься подъ пули передъ своими дѣтьми. Его проворно связали.

— Будешь ты говорить?

Пастухъ отвернулся и страшно поблѣднѣлъ. Цѣлый градъ слезъ упалъ на него, какъ градъ, убивъ его дѣтей на порогѣ той хижины, въ которой они жили и гдѣ прежде такъ безопасно играли.

Оррово смотрѣлъ теперь на ихъ трупы, распростертые на листьяхъ, нанесенныхъ сюда осеннимъ вѣтромъ. Поблѣднѣвшія и спокойныя спокойствіемъ смерти, еще послѣдней улыбкой гордости. Буря отчаянія подымалась въ душѣ пастуха, страшное негодованіе охватило все его существо. Послѣднія надежды его жизни лежали разбитыми на его ногѣ. Умъ его помрачился; могучая натура ослабѣла при видѣ обезображенныхъ дѣтей. Въ эту ночь въ его голову влетѣла лучъ правды; у него родилась великая мысль, давшая силу огорченному отцу принять героическое рѣшеніе.

— Что такое случилось? спросилъ Гуналь, неожиданно увидя Оррова.

Оррово выстрѣловъ, услышанный имъ въ своемъ убѣжищѣ, указалъ ему. Не ожидая прихода Оррово, онъ поднялъ тяжелый камень, скрывавшій входъ въ пещеру, которую онъ считалъ своимъ убѣжищемъ, и, убѣдившись, что Оррово былъ тамъ, побѣжалъ къ его хижинѣ.

Оррово указалъ ему пальцемъ на оба трупа.

Гуналь задрожалъ; по зловѣщему величію этого зрѣлища, онъ сразу угадалъ истину.

— Два раза долженъ тебѣ мою жизнь, сказалъ онъ; — первый за себя, за Раймонда; благодарю тебя за твое гостеприимство. Теперь прощай, ты можешь, ты долженъ мстить! Онъ уже сдѣлалъ шагъ чтобы удалиться.

Остановись! быстро сказалъ Оррово, поблѣднѣвшій отъ видѣнія мести своего отца и подымавшій глаза къ небу, какъ-бы хотѣвъ увидѣть его тамъ и призвать въ свидѣтели святости своего рѣшенія.

Гуналь остановился, и Оррово долго на него смотрѣлъ. Они вѣжливо встѣлись; въ засвѣтившемся въ нихъ огнѣ они увидѣли какъ-бы отблескъ, воспоминаніе своей молодости. Подъ

выросшій въ простой соціальной средѣ, привыкшій анализировать лишь явленія, не выходящія, на примѣръ, изъ узкаго рабства, даетъ скудную пищу альтриизму, раскрывая прелесть весьма ограниченный кругъ ясно понимаемыхъ фактовъ, будителей чувства. Этому альтриизму деревни, міра, общины очень далеко до альтриизма общегражданскаго, одушевленной интеллигенціи и, — надо сказать правду — мало замѣтнаго родѣ. Совершенно параллельно ограниченности умственной и бѣдности матеріаловъ для мышленія, представителю деревней, чувство крестьянина работаетъ вяло, съ меньшей силой, рѣже возбуждается и чаще дремлетъ. За порогомъ открывается новый міръ сложныхъ общественныхъ отношеній, заключающихъ обильный источникъ возбужденій для души, но подъ непремѣннымъ, однако, условіемъ пониманія этихъ отношеній, потому что для всякаго не сознающаго ихъ они не существуютъ и не могутъ производить никакой реакціи въ немъ. Это, кажется, черезчуръ ясно, чтобы стоило на этомъ останавливаться. Мы отнюдь не утверждаемъ, чтобы въ этомъ новомъ мірѣ у лицъ, сознательно относящихся къ нему, рождались бы особые чувства. Главнѣйшія и элементарнѣйшія чувства, имѣющія значеніе въ дѣлѣ общественнаго прогресса, существуютъ спорно у всѣхъ лицъ и упражняются въ большей или меньшей мѣрѣ вездѣ, гдѣ есть какое-бы то ни было общеніе, несравненно чаще возбуждаются и становятся острѣе въ средѣ болѣе разнообразныхъ явленій и фактовъ, если только они не стоятъ передъ умственнымъ взоромъ носителя эти чувства. Слѣдуетъ повторить, есть условіе sine qua non всякаго общественнаго возбужденія. Плохо понимая какой-либо общественной или институціи, человекъ, при встрѣчѣ съ ней равнодушно идетъ мимо, и ничто не шевелится въ душѣ его; но фактъ или институція, взвѣшенная и оцѣненная во всѣхъ отношеніяхъ умомъ другого человека, способна приводить въ движеніе всѣ его общественныя чувства при всякомъ воспоминаніи о ней. Что говорится иногда объ именахъ, то въ данномъ случаѣ приходится сказать о примѣрахъ: *exempla sunt odiosa*. Если бы только предостережъ читателя отъ свойственнаго намъ узкимъ народникамъ увлеченія деревенскимъ или сельскимъ альтриизмомъ, не имѣющимъ, въ сущности, большаго значения, лучше сказать, очень слабымъ и одностороннимъ. Жизнь среди маленькой кучки односельцевъ, это не жизнь, а жизнь и ограничивается, на нихъ и обрывается, разрываясь лишь на очень незначительный кругъ самыхъ простыхъ и соціальныхъ отношеній. Чего стоитъ, напри-

заніе цѣлой сферы политическихъ явленій или хотя-бы экономическихъ, содержащихъ неисчерпаемый источникъ стимуловъ работы социальныхъ чувствъ. Извѣстно, что правильная оцѣно-экономическихъ фактовъ доступна лишь развитой мысли и только солидному образованію, такъ-что если взять человѣка неслѣдственнаго, для сознанія котораго добрая половина экономическихъ отношеній какъ-бы вычеркнута, то въ общемъ итогъ у него неизбежно слабѣе будутъ и чувство справедливости, и чувство совѣсти, и чувство общественной симпатіи. Это не теорія, а разсужденіе, но простая психологическая очевидность.

Совершенно несправедливо было-бы заключать изъ этихъ словъ, что человѣкъ, желающій имѣть обильный запасъ общественныхъ фактовъ, способенъ стимулировать и развивать его чувства. Только личнымъ опытомъ переживать соответственные общественныя отношенія. Никакой необходимости въ этомъ нѣтъ; идея не меняется въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, полнымъ эквивалентомъ факта; она есть, такъ сказать, кредитная бумажка, которая по желанію, всегда можетъ быть размѣнена, посредствомъ личного опыта, на фактъ. Идея или принципъ есть даже больше, чемъ фактъ, потому-что, кромѣ констатированія его, она показываетъ его мѣсто среди другихъ фактовъ, его отношеніе къ нимъ. Только почему все отличіе народа отъ интеллигенціи заключается столько въ томъ, что, находясь въ различныхъ социаль-экономическихъ условіяхъ, онъ переживаетъ иные общественныя факты и испытываетъ иные впечатлѣнія отъ нихъ. Сколько въ томъ, что онъ лишенъ обширной сферы идей, какъ о фактахъ, непосредственно переживаемыхъ имъ, такъ и о той средѣ явленій, съ ко-тою онъ лично не соприкасается. Главная бѣда, слѣдовательно, не въ неимѣнствѣ и неразвитости народа.

Намъ остается сдѣлать еще одно маленькое замѣчаніе. Послѣ сказаннаго, читатель можетъ спросить: неужели всѣ умные и образованные люди непремѣнно пламенные альтруисты и образцы высокой нравственности? Строго говоря, наши замѣчанія не имѣютъ повода къ такому вопросу, однако, намъ нѣтъ причинъ отказать ему даже и въ такой рѣшительной постановкѣ.

Прямой смыслъ нашихъ замѣчаній состоялъ въ томъ, что человекъ высокой социальной нравственности долженъ быть умственно развитымъ, за это мы стоимъ безусловно. Но всякій-ли умный образованный человекъ нравствененъ? Это уже, конечно, вопросъ особый. Мы полагаемъ, что и этотъ вопросъ въ дѣйствительности рѣшается далеко не такъ, какъ рѣшаютъ его приверженцы теоріи превосходства чувства надъ умомъ, любящіе, какъ мы уже видѣли, ворчать на умныхъ людей и пассивно жаловаться что

между ними сплошь и рядомъ попадаются отъявленные негодяи въ которыхъ едва можно распознать образъ и подобіе Божіе. Но попадаются, это правда; однако, есть основаніе думать, что въ этихъ негодяяхъ есть что-нибудь терпимое, то именно благодаря ихъ умственной культурѣ, и что не получи они таковой были-бы еще ниже въ нравственномъ отношеніи. Чѣмъ они тоже самое справедливо и относительно многочисленнаго класса людей *выдающихся* умственного развитія и *сомнительной посредственной* нравственности; безъ умственной культуры были-бы несравненно безнравственнѣе. Но, разумѣется, нравство дѣйствуетъ не одинъ умъ, но и другіе моменты въ организмѣ лежащія въ психической организаціи, въ природѣ челоуѣка. И въ этомъ собственно и возможны случаи хорошаго умственного и нравственнаго развитія. У всякаго челоуѣка есть свои социальные чувства, находящимся, дѣйствительно, въ сильной зависимости отъ умственной культуры, присоединены еще различныя страсти и эмоціи съ эгоистической или альтруистической тенденціей; но даже и этого рода чувства подчинены въ значительной мѣрѣ благотворному дѣйствию умственной культуры. Такъ называемое облагороженіе страстей подъ влияніемъ умственного развитія есть общественный психологическій фактъ. Но мы можемъ оставить его въ сторонѣ, въ виду того, что признаютъ сами приверженцы теоріи главенства чувства, что эгоистическія эмоціи неподвижны и неспособны къ развитію и къ прогрессу, тогда какъ социальные и альтруистическія чувства постепенно прогрессируютъ, какъ это хорошо выяснено Спенсеромъ въ его эволюціонной теоріи этики. Слѣдовательно, социальные чувства, сдѣлавшись интенсивнѣе и шире, возьмутъ верхъ надъ неподвижными эгоистическими эмоціями, умалять значеніе которыхъ будутъ играть главную роль въ социальномъ прогрессѣ. Такимъ образомъ, въ окончательномъ итогѣ, вся сила въ альтруистическихъ чувствахъ и въ томъ *умственномъ развитіи*, которое культивируетъ ихъ и вообще составляетъ главнѣйшее условіе прогресса. Уже и теперь слишкомъ замѣтно въ обществѣ развитіе альтруизма, въ этомъ, конечно, не трудно было убедиться на самыхъ очевидныхъ примѣрахъ. Но это наростаніе альтруизма совершается, однако, въ интеллигентной средѣ, а не въ народѣ, и этимъ фактомъ, повторяемъ, лучше всякихъ разсужденій доказывается существованіе тѣсной зависимости социальнаго нравственнаго отъ умственного развитія. Интеллигенція есть продуктъ новѣйшаго времени. Были, конечно, и прежде умные и образованные люди, между которыми также по преимуществу ходились единичные носители высшей общественной нравственности.

сти. Но вышняя интеллигенція съ ея сильно выраженнымъ альтруизмомъ разрослась отъ единицъ до чего-то въ родѣ особаго масса, и если прослѣдить ея исторію, то невозможно не признать. О ея альтруизмъ выросталъ и развивался вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ распространялись среди нея знанія и умножались идеи объ обществѣ и социальнo-экономическихъ отношеніяхъ—новое, болѣе частое доказательство въ пользу той-же неизбѣжной связи между общественнымъ и нравственнымъ развитіемъ.

Итакъ, учить народъ не значить заниматься безпечальной культурой ума, изъ которой неизвѣстно еще, какой выйдетъ прокъ. Какъ сколько удовлетворяетъ она идеальной потребности свѣта, приходящей всякому человѣческому существу, настолько-же достигаютъ этой культурой, путемъ воздѣйствія ея на социальную нравственность, практическія цѣли величайшей важности. Но какъ учить? вотъ въ чемъ вопросъ. **Послѣ всего** сказаннаго, читатель можетъ, конечно, догадаться, что съ нашей точки зрѣнія далеко не то, что у насъ идетъ теперь подъ именемъ народнаго образованія, стоитъ дѣятельнаго распространенія среди массъ и необходимыхъ для этого усилій и средствъ.

Помимо указаннаго нами принципіальнаго недоразумѣнія о значеніи ума и чувства, какъ факторовъ прогресса, просвѣтительное дѣяніе земства и общества неизбѣжно должно было охладѣть въ дѣствіе полной безрезультатности 20-лѣтняго опыта просвѣщенія народа. Прошли блаженные времена 60-хъ годовъ, когда лучшія силы интеллигентной Россіи бросались съ кипучимъ одушевленіемъ на борьбу съ безграмотностью народа. Съ тѣхъ поръ мы довольно поостыли! Теперь уже мы учимъ народъ, точно исполняемъ какую-то казенную обязанность, народное образованіе попрежнему вызываетъ еще толки, школы кое-какъ умножаются, но надъ этимъ дѣломъ уже носятъ сомнѣнія утомленной мысли, хочется вѣсть отъ него, и между умными и честными друзьями народа не найдется уже теперь ни одного настолько мужественнаго челоуѣка, который рѣшился-бы, какъ это зачастую бывало прежде, всецѣло зарыться въ сельскую школу и посвятить себя личному просвѣщенію народа. Въ этомъ никто уже не найдетъ никакого призванія, а многіе не увидятъ и просто полезнаго дѣла; такая нужда обыкновенно загоняетъ теперь въ школу нашу только

въ середины 60-хъ годовъ, въ 30-ти губерніяхъ, общій земскій отчетъ успѣлъ возрасти слишкомъ въ 6 разъ (Оп. изслѣд. дѣят. нововъ земск. самоупр. въ Россіи, В. Ивановскаго. Казань, 1882,

стр. 87), и въ этомъ бюджетѣ затраты на образованіе увеличиваются, такъ что теперь онѣ составляютъ 1/4 — земскихъ расходовъ. Отъ народной школы уже и теперь земскій бюджетъ и она все тяжеле и тяжеле ложится на что-же будетъ потомъ? Со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы, что земство вообще тратитъ черезъ-чуръ мало на На это можно только сказать, что оно тратитъ и мало и много въ одно и то-же время. Мало, потому что у насъ начальныхъ школъ считается до 25,000, а ихъ необходимо въ настоящее время до 300,000. слишкомъ въ десять разъ шее. Тамъ, гдѣ народное образованіе поставлено наилучшимъ образомъ, учится всего 1/3 дѣтей учебнаго возраста, и такихъ дѣтей въ губерніяхъ всего три изъ 32; въ большинствѣ случаевъ несравненно меньше. Въ 7 губерніяхъ учащіеся составляютъ 20—30%, въ пяти—15—20%, въ девяти—10—15%, въ менѣе 10%. (Земскіе вопросы, В. Скалона, 58, 59). Въ этихъ отношеніяхъ еще болѣе печальны. Такъ въ Саратовской губерніи, гдѣ сравнительно на народное образованіе тратится много (36,610 р., см. Журн. Сарап. уѣздн. земск. собр. за 1884 г., стр. 203), отъ 35 волостей только въ двухъ учится половина мальчиковъ учебнаго возраста, въ восьми волостяхъ 1/3, въ одиннадцати 1/5 — 1/10, въ тринадцати 1/10 — 1/25. А что касается женскаго образованія, то его можно считать у насъ несуществующимъ. Напримѣръ, въ упомянутомъ уѣздѣ въ пяти волостяхъ учится 1/100 часть дѣвочекъ учебнаго возраста, въ одной 1/164 часть, и въ одной—1/328, среднимъ-же счетомъ по волостямъ учится 1/20 часть. Нѣтъ сомнѣнія, что это ничтожно малое число учащихся слѣдуетъ приписать только недостатку школьнаго дѣла и не расположенію крестьянъ къ образованію. Какъ бы ни ствительно опустошаетъ школа народный карманъ, но, къ сожалѣнію всѣхъ, близко стоящихъ къ ней, крестьяне смотрятъ на нее съ какимъ-то суевѣрнымъ почтеніемъ, потому что они и не предчувствуютъ, какъ ничтожно ея образовательное значеніе. Незначительное число учащихся приходится объяснять не только недостаткомъ школъ, дальностью разстоянія, какъ это въ некоторыхъ случаяхъ прямо видно изъ фактовъ. Въ Курской губерніи, уѣздѣ, хорошо изслѣдованномъ въ этомъ отношеніи, процентъ грамотныхъ и учащихся весьма замѣтно уменьшается съ удаленіемъ школы отъ селенія. Всего больше грамотныхъ и учащихся въ селеніяхъ, отъ котораго школа отстоитъ менѣе, чѣмъ на 1—2 версты грамотныхъ 5,75%, вторыхъ 2,13%; при удаленіи на 3—4 версты грамотныхъ 4,87%, учащихся 1,64%, на 5—6 верстахъ первыхъ 4,74%, вторыхъ 1,25% и т. д. Вообще

мы, по словамъ собирателя этихъ данныхъ, простирается не
 еще, какъ на четыре версты. «На разстояніи трехъ, четырехъ
 ыть $\frac{1}{10}$ начинаютъ колебаться, потому что колеблется самъ кре-
 стьянинъ, высчитывая, сколько верстъ будетъ до школы, 3 или 4.
 пять верстъ отъ школы крестьянинъ остается уже безъ свѣта.
 рн. статист. свѣд. по Курск. губ. Москва, 1883 г., стр. 15).
 Но несмотря на то, что земство тратитъ на школы чрезвы-
 чайно мало, относительно существующей потребности въ образо-
 ваніи, странѣ оно стоитъ весьма дорого. Вѣдь земская школа
 даетъ народу простую, азбучную грамотность, которая, хотя и не-
 обходима безусловно, сама по себѣ не имѣетъ, однако, никакой
 цѣны и только въ такомъ случаѣ получаетъ значеніе, если за ней
 слѣдуетъ дальнѣйшее образованіе. Безъ этого-же послѣдняго усло-
 вія грамотность, если дешева она не доведена до послѣдняго
 ступеня, становится и тяжкимъ и излишнимъ бременемъ. И безъ
 достаточнаго опыта ясно, что между крестьяниномъ, умѣющимъ
 написать свою фамилію, и ставящимъ, вмѣсто подписи, крестъ,
 которому не Богъ знаетъ какая. На это, безъ сомнѣнія, тотчасъ
 послѣдуетъ обычное возраженіе защитниковъ азбучнаго про-
 граммотности: «во всякомъ случаѣ, скажутъ они, грамотность лучше
 безграмотности. хотя-бы уже потому, что грамотный можетъ самъ
 исполнить свое образованіе». Что «грамотность лучше безграмот-
 сти» — на это положеніе можно-бы махнуть рукой и принять,
 безъ спора, если-бы только эта грамотность доставалась да-
 же или почти даромъ, какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ;
 но она пріобрѣталась домашнимъ, семейнымъ образомъ, какъ
 имѣетъ мѣсто въ привилегированныхъ классахъ. Но когда за
 приходится платить изъ самыхъ ограниченныхъ ресурсовъ,
 платить послѣднюю копейку ребромъ, самъ собою навязывается
 вопросъ о полезности воздѣйствія грамотности. Въ чемъ оно состо-
 итъ? Этому никто еще изъ приверженцевъ грамотности не могъ
 въ разъяснить. Обыкновенно говорятъ, что она есть предвѣ-
 стіе чему-то высшему и лучшему. *Рясома, совместно* не мо-
 жетъ существовать дорого оплачиваемая система распространенія
 грамотности и еще болѣе дорогая система распространенія общаго
 средняго образованія, этого не въ состояніи вынести тощакъ
 народная сума. Платить возможно было-бы за что-нибудь одно,
 а лучше сказать, только въ такомъ случаѣ, если-бы грамотность
 одновременно удешевлялась, вмѣсто того, чтобы, какъ теперь, доро-
 жать съ каждымъ годомъ, если-бы она доставалась безъ чувстви-
 тельныхъ затратъ, возможно и несмѣшно было-бы думать о томъ
 въ высшемъ образованіи для народа, котораго онъ нынѣ ли-
 шенъ.

Мало утѣшенія въ томъ наивномъ размышленіи, будто грамотность хоть тѣмъ полезна, что она даетъ возможность доплатить свое образованіе самостоятельно чтеніемъ книжекъ. Дѣло не о единицахъ, а о массѣ; но кто-же, сколько нибудь знающій народомъ, видѣлъ, чтобы у крестьянъ чтеніе книжекъ обычнымъ препровожденіемъ времени? Много-ли такихъ крестьянъ гдѣ у нихъ книги, гдѣ деньги на покупку ихъ и гдѣ досугъ чтенія? Для того, чтобы внести, собственно говоря, очень существенную и малодѣйствительную поправку въ нынѣшнюю систему распространенія грамотности, придется завести народныя библиотеки и читальни хотя-бы въ каждомъ селеніи, гдѣ есть школа, т. е. увеличить и безъ того непосильные для народа расходы на народное образованіе.

Непомѣрная дороговизна земскихъ школъ сдѣлается очевидной, если принять въ расчетъ, что изъ всѣхъ учащихся грамотными становятся далеко не всѣ; часть изъ нихъ забывается и не умѣетъ ни читать, ни писать, а другая часть забываетъ грамотность спустя нѣкоторое время послѣ выхода изъ школы. Такимъ образомъ, изъ общаго числа учащихся приходится вычесть всѣхъ недоучившихся и рецидивистовъ, и уже изъ этого остатка взять, безъ сомнѣнія, очень малую часть тѣхъ, которые послѣ оставленія школы, будутъ читать книжки и которыми грамотность можетъ принести нѣкоторую пользу. Много-ли останется? Если разложить всѣ расходы на образованіе на эту часть грамотныхъ, то, разумѣется, и ничтожныя вообще затраты на школы выйдутъ несоразмѣрно большими. За такую грамотность не оказывающую никакого вліянія на общее развитіе, не смѣемъ подвинуть ни на волосъ впередъ косную мысль народа. Грамотность, которая столь-же скоро забывается, какъ и приобщается, платить за нее и въ 20 разъ меньше того, что платятъ, будетъ слишкомъ много.

Къ сожалѣнію, интересный вопросъ о томъ, какой процентъ учащихся забываетъ вовсе грамотность и какой удерживаетъ на болѣе или менѣе продолжительное время, трудно разрѣшить въ настоящее время; это самое слабое мѣсто школьной системы. Свѣдѣній такого рода чрезвычайно мало, и для собиранія ихъ не выработано еще и правильнаго метода. Между прочимъ при собираніи этихъ данныхъ занималось бердянское земство. Въ виду вслѣдствіе ихъ исключительнаго характера, онѣ едва-ли пригодны для общаго обобщенія. Рѣдко гдѣ въ Россіи народная школа такъ хорошо поставлена, какъ въ Бердянскомъ уѣздѣ, и по его школамъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать о прочихъ земскихъ школахъ. Кромѣ того и по нѣкоторымъ приемамъ собиранія

внмъ, онѣ не могутъ имѣть большой цѣни. Бердянская управа, желая узнать, насколько грамотность удержалась въ настоящее время у обучавшихся прежде въ школахъ, поручила своему сыну, г. Ковалевскому, произвести съ этою цѣлью специальное испытаніе. Г. Ковалевскій избралъ для этого пять селеній, но, по видимому, объ экзаменѣ заранее оповѣщено было, такъ что была возможность подготовиться къ нему, какъ сообщаетъ самъ г. Ковалевскій въ своемъ отчетѣ. Естественно также, что на это испытаніе, вѣроятно не обязательное, могли явиться лишь лучшіе изъ прежнихъ учениковъ, а всѣ, позабывшіе грамотность, сидѣли по домамъ. И дѣйствительно, на испытаніе явилось всего 184 человека изъ учившихся четыре и пять лѣтъ тому назадъ и притомъ изъ пяти селеній, имѣющихъ каждое по одной, а то и по двѣ школы. Безъ сомнѣнія, на испытаніе это собрался цвѣтъ грамотнаго населенія, рассчитывавшій, по крайней мѣрѣ, не ударить лицомъ въ грязь. Большинство между этими смѣльчаками училось четыре года (зимы), что отнюдь нельзя считать правиломъ для другихъ мѣстностей. Попадались даже учившіеся пять зимъ; они составляли почти 12%. Несмотря, однако, на соединеніе многихъ условій, благоприятствовавшихъ успѣшному исходу испытанія, нельзя назвать его утѣшительнымъ. Эти отборные грамотѣи, учившіеся по четыре и по пяти лѣтъ, могли только читать порядочно, письменная-же часть и арифметика у нихъ сильно хромала. Самъ г. Ковалевскій говоритъ, между прочимъ: «Грамматическихъ правилъ не знаетъ ни одинъ изъ прежде учившихся, не исключая и тѣхъ, которые окончили курсъ со свидѣтельствами на льготу, и потому всѣ письменныя сочиненія написаны *крайне безграмотно* и въ большинствѣ случаевъ гадкимъ почеркомъ» (стр. 432 Постановленія Берд. уѣздн. зем. собр., Бердянскъ, 1882 г.); нѣсколько далѣе: «арифметика въ этихъ селахъ въ полнѣйшемъ застоѣ. Вознесенцы почти всѣ не имѣютъ понятія объ умственномъ исчисленіи, а также не умѣютъ рѣшать и письменныхъ задачъ. Изъ 19 учившихся 4 года, рѣшили задачи на три дѣйствій только 4, остальные-же ни одинъ не имѣетъ понятія. Не лучше арифметика и въ Андреевкѣ» (стр. 434). Въ общемъ итогъ «кромѣ чтенія, по остальнымъ предметамъ: арифметикѣ и письму, результаты далеко не утѣшительны, въ особенности въ видѣ тѣхъ затратъ, какія несетъ Бердянское земство на дѣло народнаго образованія» (стр. 435). Выходитъ, слѣдовательно, что г. Ковалевскій говоритъ объ *избранной* части грамотнаго населенія, обучавшейся въ *лучшихъ* въ Россіи школахъ, совершенно тоже, что говоримъ и мы о всѣхъ земскихъ школахъ. Именно въ виду значительныхъ затратъ на грамотность, ничтожные результаты распространенія ея заставляютъ

серьезно задуматься о роли и значеніи нашихъ сельскихъ. Въдѣ если-бы онѣ прочно, даже на всегда утверждали въ грамотность, но только одну грамотность, то это еще не знаетъ какое счастье было-бы для страны, и весьма позволительно сомнѣваться, стоили ли бы онѣ и тогда поглощаемыхъ нами. Но что сказать о школахъ существующихъ, распространяющихъ такую грамотность, которая течетъ по усамъ, а въ ротъ падаетъ?

Вообще правильно организованная, постоянная школа слишкомъ дорогое, слишкомъ большое учрежденіе; а грамотность есть слишкомъ маленькое и пустяшное дѣло, чтобы можно было ихъ совмѣщать. Школа не для грамотности, и грамотность не для школы. Странно было-бы, если-бы кто нибудь издумалъ заводить великолѣпную оранжерею для разведенія луку; имѣетъ ли такое безуміе практикуется всей нашей системой народнаго образования. Коренная ошибка ея заключается въ несоотвѣтствіи между средствами ея результатами, въ стремленіи увеличивать расходы на образование до неопредѣленной степени. Самымъ фактомъ существованія она не позволяетъ и думать о возвышеніи народнаго образования до той высоты, съ которой оно только можетъ посылать темной массѣ свой живительный свѣтъ. Вѣдѣннѣю, существующая школьная система такъ прочно воцарилась, что она многимъ представляется вполне естественной и крайней мѣрѣ, земство вовсе не замѣчаетъ, что оно своей фальшиво и является важнѣйшей изъ помѣхъ къ появленію въ народѣ истиннаго образования. Земство настолько ослѣвлено иллюзіей полезности грамотности, что непрерывное увеличеніе расходовъ на ея распространеніе вовсе не считается малой, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ; но, напротивъ, считая себя это въ заслугу, гордится этимъ и зачисляется первой печатью въ ряды прогрессивныхъ земствъ. Бердяевское земство съ наивнѣйшимъ чувствомъ самодовольства ставитъ въ свѣтъ на видъ, что оно постоянно увеличиваетъ расходы на образование и въ 14 лѣтъ истратило полмилліона на школы. С этой точки зрѣнія это, конечно, похвально, да и съ нашей стороны нѣтъ возможности порицать за это земство. Мы можемъ только указать на то, какъ искренне заблужденіе нашихъ земствъ, какъ склонны они радоваться, что у нихъ уходятъ деньги, какъ мало они думаютъ о томъ, на что онѣ уходятъ. Полагая, что *выдано* на школы, но сколько не *додано* на дороги, на пріобрѣтеніе, на больницы? Трудно предвидѣть, на чемъ остановится непрерывное возрастаніе расходовъ на грамотность. Въ послѣднемъ уѣздѣ расходы эти увеличились за 12 лѣтъ (съ

г.) въ 3.12 раза, а въ Ланшевскомъ за 10 лѣтъ въ 4.37 разъ, какъ число учащихся за это-же время увеличилось всего въ 12 (Оп. изслѣд., стр. 281). Но теперь земства выполняютъ небольшую часть своей задачи, если-же они пожелали-бы исполнить ее вполне, имъ пришлось бы затратить на школы нѣсколько своихъ бюджетовъ, оставивъ безъ удовлетворенія всѣхъ нужды народа. Въ добавокъ ко всему, черезъ 3—4 года грамотность довольно основательно была-бы забыта большинствомъ учащихся, и его пришлось-бы начинать учить съизнова.

Такое положеніе дѣлъ, къ которому приводитъ господствующая система народнаго образованія. Къ счастью, она, повинуясь, въ самой себѣ заключаетъ серьезную помѣху къ своему будущему развитію и даже существованію. Народныя школы уже довольно туго возрастаютъ въ числѣ. Крестьяне, соими по-прежнему любовь и уваженіе къ образованію, мало чувствуютъ расположенія къ земскимъ школамъ; теперь они стараются учить дѣтей по-дешевле, своими домашними средствами. Въ сожалѣнію, вмѣсто поощренія, встрѣчаютъ серьезныя препятствія къ этому. Даже земство начинаетъ сознавать, что изысканнымъ путемъ оно ничего не сдѣлаетъ для просвѣщенія народа. Въ прошломъ году, въ петербургскомъ губернскомъ собраніи гласныхъ заявили, что «устройство начальныхъ училищъ въ громадномъ количествѣ не по силамъ земству» («Земство»). Конечно, пора придти къ такому убѣжденію, и чѣмъ скорѣе согласятся съ этимъ остальные земства, тѣмъ лучше. После многого опыта нечего ждать и не на что надѣяться. Народное земство также глубоко и повсемѣстно въ настоящее время.

и 20 лѣтъ тому назадъ. Земствуется даже мнѣніе, что оставлять народъ на степени только грамотности, не обезпечивъ за нимъ перехода къ высшему образованію, хуже, чѣмъ вовсе не учить его. Считаютъ ли серьезно съ этимъ мнѣніемъ? Полагаемъ, что въ этомъ могутъ быть компетентны лишь глубокіе и талантливые представители народной жизни, хорошо понимающіе психику, нравы и умственный складъ современнаго крестьянства. Намъ кажется, что они нашли-бы въ вышеупомянутомъ мнѣніи частицу истины, нѣчто такое, надъ чѣмъ можно призадуматься. Если дѣло идетъ о интеллигентномъ обществѣ, полуобразование обыкновенно всѣми признается вреднымъ; но грамотность, которая въ сущности сводится къ механическому упражненію органовъ, къ ровкѣ языка и рукъ съ ничтожной долей чисто умственной работы, можно назвать въ такомъ случаѣ четвертнымъ образцомъ. Для умственнаго развитія, для расширенія кругозора она

живая существующую систему азбучнаго просвѣщенія, а выдаютъ въ руку обскурантизму и добиваются вѣчнаго застоя народа невѣжеству и нищетѣ духовной и матеріальной. Идея замѣны начальныхъ школъ высшими вполне мыслимая даже во вниманіе, что такихъ высшихъ народныхъ (съ общежитіями) можно устроить на нынѣ расходуемыхъ весьма мало. Теперь у насъ слишкомъ 25,000 начальныхъ, а если, вмѣсто нихъ, будетъ тысяча, даже 500 высшихъ, то и это будетъ выигрышемъ относительно нынѣшней хуже которой вообще трудно что-нибудь придумать. Выигрышъ будетъ, какъ можно надѣяться, осязательный. Пусть будетъ 10, во 100 разъ меньше контингентъ лицъ, учащихся въ высшихъ школахъ, всетаки эта маленькая армія образованной крестьянской молодежи на всякихъ вѣсахъ, во всякомъ отношеніи, будетъ тяжеле вѣсить нынѣ учащейся массы крестьянъ. Эта большая кучка интеллигентнаго крестьянства, благодаря своему экономическому и сословному положенію, своимъ инстинктивнымъ устоевъ и реакціонныхъ традицій, будетъ культурною силою страны и истинной служительницей народа, способная съ лихвой окупить расходы на свое образование.

Говоря объ этой крестьянской интеллигенціи, мы предполагаемъ, что она составитъ «небольшую кучку», «маленькую мію», между тѣмъ на самомъ дѣлѣ можетъ и не быть никакой убыли въ общемъ числѣ учащихся. Если положить одну высшую школу по 200 учениковъ, то всего ихъ будетъ въ 1000 школахъ, 200 тысячъ, т. е. почти столько-же, сколько учащается теперь въ начальныхъ школахъ Европейской Россіи. Въ 500 высшихъ школахъ, учащихся по этому расчету 100,000, но сюда необходимо присоединить и тѣхъ, которые будутъ учиться грамотѣ внѣ школъ. Затѣмъ слѣдуетъ еще въ расчетъ, что теперь многіе учащіеся, по выходѣ изъ школы, черезъ нѣсколько лѣтъ забываютъ все, чему они учились тамъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ вычесть изъ числа учащихся, такъ что сравненіе этого числа съ числомъ будущихъ грамотныхъ еще болѣе выгодно для предполагаемой комбинаціи. Если выученное будутъ, конечно, и учащіеся въ высшихъ школахъ, однако это совсѣмъ не то, что нынѣшній рецидивъ неграмотности; ученіе въ высшихъ школахъ, хотя-бы оно происходило въ большей или меньшей степени, всегда оставитъ за собой общій развитіи. Наконецъ, приверженцамъ господствующей системы народнаго образованія нѣтъ основанія особенно противъ комбинаціи, о которой идетъ рѣчь, потому что нынѣшняя азбучная грамотность отнюдь не будетъ заброшена.

будетъ возведена, какъ теперь, на степень высшаго идеала
наго образованія; распространяться-же она будетъ несомнѣн-
нше и быстрѣ послѣ того, какъ водворится указываемая
система. Прежде всего крестьяне будутъ продолжать обу-
дѣтей своими домашними средствами, какъ это они дѣлаютъ
ерь; а послѣ того, какъ сформируется и начнетъ приращаться
нутая нами крестьянская интеллигенція, успѣхи грамотности
н быть гораздо значительнѣе, чѣмъ нынѣ; она будетъ на-
таться такимъ-же порядкомъ, какъ въ настоящее время въ
ованномъ обществѣ.

ни сдѣлали предположеніе о невозможности удешевленія спо-
рть распространенія грамотности. Между тѣмъ въ дѣйстви-
ности это совершенно не такъ. Если до сихъ поръ главнымъ
смыслъ распространенія грамотности была дорогая земская шко-
ла, не слѣдуетъ забывать, что инициатива самихъ крестьянъ въ
дѣлѣ чрезвычайно стѣснена. Крестьяне, какъ извѣстно, все-
ухитряются устраивать свои «тайныя» школы грамотности,
визна которыхъ можетъ считаться примѣрной. Постоянныхъ
шешей такія школы не имѣютъ, но устраиваются то въ той,
то въ другой избѣ, при самой скромной обстановкѣ; учителя тоже
не, получающіе плату натурой и незначительный денежный
аръ. Учителя эти—народъ, конечно, не мудреный, но на гра-
матъ ихъ хватаетъ; за ними мжно признать то достоинство,
не, по необходимости, ограничиваются въ своемъ преподава-
ннмъ существеннымъ и не могутъ растянуть обученіе гра-
матъ два, на три года, какъ это пришлось-бы сдѣлать, слѣдуя
сдѣлать новѣйшихъ педагоговъ въ родѣ какого-нибудь Бу-
дѣ, ухитряющихся изъ азбуки сдѣлать многолѣтній курсъ уче-
но. Но главное достоинство такихъ «самодѣльныхъ» крестьян-
школъ — дешевизна, я, по нашему мнѣнію, затрачивать на
школы больше, чѣмъ во сколько онѣ обходятся крестьянамъ,
можно незначѣмъ. Стоитъ только предоставить самимъ кре-
стьянъ больше простора и свободы, и они въ значительной мѣрѣ
сдѣлали-ли бы дорогое участіе земства въ дѣлѣ распростране-
ннотности. Въ этомъ смыслѣ сдѣлано было заявленіе и петер-
бургскими гласными. Если-бы выполнено было хотя-бы и то, что
сдѣлано этими гласными, то распространеніе грамотности об-
сдѣлать-бы значительно дешевле, а земства получили-бы возмож-
ннзаяняться истиннымъ просвѣщеніемъ народа, о чемъ теперь
сдѣлать нельзя. Вотъ что говорилось, между прочимъ, въ этомъ
дѣлѣ петербургскихъ гласныхъ: «Принимая во вниманіе: 1)
строительство начальныхъ училищъ, соотвѣтствующихъ требова-
нн положенія 25 мая 1874 года, въ такомъ числѣ, которое

вполне удовлетворяло-бы потребностямъ населенія, при
 силѣ земства; 2) что при такомъ положеніи дѣль необход
 доставить населенію возможно большую свободу въ выборѣ
 къ полученію первоначальныхъ, для всякаго нужныхъ,
 3) что какъ ни далека простая школа грамотности, рук
 необразованнымъ учителемъ, отъ начальной школы въ
 лучшимъ значеніи слова, она, тѣмъ не менѣе, можетъ зна
 увеличить число грамотныхъ. между которыми многіе по
 получить дальнѣйшее образование въ правильно устроен
 вительственной или земской начальной школѣ; 4) что въ
 скомъ населеніи замѣчается стремленіе къ учрежденію та
 нѣтъ правильно устроенныхъ начальныхъ школъ, простых
 грамотности, но стремленіе это задерживается и затрудняе
 мальностями, сопряженными съ открытіемъ школъ и ве
 ностью пріискать для крестьянской школы, располагае
 скудными средствами, учителя, имѣющаго свидѣтельство
 преподаванія въ начальной школѣ; 5) что, по принятому
 стоящее время порядку, учителя, не имѣющіе свидѣтель
 ства и могутъ быть допускаемы къ преподаванію, но лишь
 но, впредь до пріисканія другого лица; 6) что на само
 простыя крестьянскія школы грамотности существуютъ,
 шею частью негласно, постоянно опасаясь закрытія и ве
 ясь никакой поддержкой отъ земства, и 7) что прізви
 номъ такихъ школъ и возможно большее облегченіе ихъ
 съ подчиненіемъ ихъ контролю училищныхъ совѣтовъ, и
 бы земству обратить вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя
 полезны, оказать имъ содѣйствіе (напр., книгами и учеб
 собіями) и превратить ихъ постепенно въ земскія или
 щественныя школы,—гг. гласные предлагаютъ губернска
 нію ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшен
 вать повсемѣстно простыя школы грамотности, обучаю
 чтенію, письму и счету, безъ особаго каждый разъ д
 предусмотрѣннаго ст. 10 Полож. 25 мая 1874 г., и бе
 ванія отъ лица, преподающаго въ школѣ, особаго свид
 на право преподаванія, но съ подчиненіемъ этихъ школъ
 училищныхъ совѣтовъ» («Земство», 1882 г., № 11). Др
 ный, г. Волковъ, предложилъ собранію ходатайствовать
 правительствомъ: «а) о предоставленіи права всякому г
 свободно преподавать грамоту и начальные правила ар
 а также заводить школы первоначальнаго обученія; б) о
 ніи земствамъ и сельскимъ обществамъ приглашать ст
 щихъ учителей» и т. д. Къ числу подобныхъ-же мѣр
 ленныхъ къ удешевленію способовъ распространенія гра

дуетъ отнести и придуманную недавно псковскимъ земствомъ оригинальную мѣру. Въ силу постановленія псковскаго каго собранія, всякій, получившій свидѣтельство объ окончаніи курса въ народной школѣ, можетъ самъ сдѣлаться учителемъ и получить за cadaго представленнаго къ экзамену ученика по случаю, разумѣется, удачнаго испытанія. По всей вѣроятности, широкое распространеніе подобной мѣры имѣло-бы самое благія послѣдствія; жаль только, что земство ограничиваетъ такую такія учителей стѣснительнымъ требованіемъ свидѣтельства объ окончаніи курса народнаго училища. Къ чему это требуется, развѣ знанія учениковъ, обучаемыхъ этими учителями, будутъ вѣряться земствомъ? Но, за исключеніемъ этого стѣснительнаго условія, мѣра псковскаго земства довольно разумна. 3 р. за каждаго обученнаго ученика относительно недорого, потому что теперь каждаго учащаго обходится земству, среднимъ счетомъ, не болѣе 6 рублей, а собственно обученный долженъ, конечно, стоить несравненно дороже. Съ другой стороны тѣмъ, кто будетъ обучать дѣтей, нельзя жаловаться на недостаточное вознагражденіе за трудъ; платить дороже за простую грамотность земство не въ состояніи, а обучать ей придется своихъ односельцевъ, между которыми, въ досужное время.

Наконецъ, существуетъ еще одинъ дешевый способъ распространенія грамотности; это — подвижныя школы, для водворенія которыхъ у насъ имѣются всѣ условія. Подвижная школа есть та суроваго сѣвера; это простое, но остроумное изобрѣтеніе народа, умудреннаго нищетою и стремленіемъ къ свѣту. Въ Швеціи, Норвегіи, этихъ классическихъ странахъ образованнаго и свободомысливаго крестьянства, подвижная школа давно уже функционируетъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ; въ маленькой Финляндіи считается 546 подвижныхъ школъ съ 116,201 учащихъ. Съ немалымъ успѣхомъ, конечно, могла-бы дѣйствовать подвижная школа и у насъ. Для страны бѣдной, съ громадными свободными пространствами, по которымъ гуляютъ вьюги да метели, нельзя и думать болѣе подходящаго школьнаго учрежденія. Но до самаго послѣдняго времени подвижная школа была у насъ въ упадкѣ; два года тому назадъ, въ новое министерство, подвижныя школы были разрѣшены правительствомъ и онѣ существуютъ и по настоящее время. Открыты онѣ въ двухъ пунктахъ, въ лисинской и Лосицкой волостяхъ. Въ первомъ ученіе продолжалось 9¹/₂ недѣль, и учениковъ было 28; въ это короткое время дѣти выучились читать, писать и считать, тогда какъ обыкновенно на это затрачивается въ постоянныхъ школахъ три и четыре года. По прошествіи 9¹/₂ недѣль, ученикамъ оставлены были книги „Дѣло“, № 6, 1883 г. II.

и они собирались по временамъ для повторенія пройденнаго. Школа перешла въ другой пунктъ, за семь верстъ отъ пер. Царевосельскими подвижными школами завѣдуютъ учителя. По предположенію земства, каждая школа усѣять въ годъ (15-го сентября по 15-е мая) побывать въ трехъ мѣстахъ («Педагогическая Хроника», 1883 г., №№ 1 и 2). Повидно, земство довольно сдѣланнымъ опытомъ, хотя въ то время, только открывались подвижныя школы, нѣкоторые земцы думали ихъ непрактичными по причинѣ, по которой онѣ и не нужны и необходимы. Земцы эти считали ихъ неудобными, въ отношеніи нашихъ громаднѣхъ разстояній. Переѣзды учителей, думали они, дорого будутъ стоить земству и вообще будутъ затѣливы. Очевидно, подобное возраженіе не имѣетъ никакого значенія. Могутъ-ли дорого стоить три-четыре переѣзда въ годъ (для каждой школы); расходъ на это нельзя и сравнить съ расходами на постоянную школу. Еще менѣе можно считать такіе переѣзды затруднительными. Гораздо легче и удобнѣе ученикамъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, чѣмъ дѣтямъ проходить ежедневно по 12—14 верстъ.

Возраженіе упомянутыхъ земцевъ, будто переѣзды учителей будутъ дорого стоить, сдѣлано, очевидно наобумъ. Относительно постоянныхъ школъ дешевизна подвижныхъ прежде всего не является въ глаза. По расчету, сдѣланному для Вологодскаго уѣзда, учитель каждой подвижной школы въ годъ можетъ обучить 15—20 человѣкъ, тогда какъ въ обыкновенной трехклассной школѣ 10 учениками выучивается грамотѣ ежегодно только 15 человекъ. Согласно этому расчету 8—10 учителей будутъ обучать столько-же учащихся, сколько ихъ теперь обучается въ 40 постоянныхъ школахъ 40 учителями (безъ законоучителей). Матер. для ист. земск. дѣят. по народн. образов. въ Волог. губ. состав. Поліевктовъ и Ивановъ. Вологда, 1879, стр. 42—43. Кажется, нетрудно сообразить, что дешевле—подвижная или постоянная школа?

Итакъ дешевые способы распространенія грамотности и найдутся, если только поискать ихъ. Однѣ подвижныя школы могли-бы обезпечить за народомъ азбучную грамотность. Значитъ необходимо расширить въ этомъ дѣлѣ инициативу самихъ учителей и не стѣснять устраиваемыя ими простыя школы грамотности, какъ постоянныя, такъ и временныя или «налетныя» бродячими учителями, весьма многочисленныя у насъ, въ Волог. Нѣкоторые считаютъ эти налетныя школы прототипомъ постоянныхъ, но онѣ отличаются отъ послѣднихъ своимъ временнымъ случайнымъ характеромъ. Учителями тутъ являются разные

бродячіе грамотѣи, чернички, причетники, послушники, ушедшіе изъ монастырей, оставшіе солдаты, мелкіе чиновники, оставшіе на удѣлѣ (въ постоянныхъ крестьянскихъ школахъ), богоугодники, страждующіе лѣтомъ по святымъ мѣстамъ, а на зиму переманивающіеся въ первой подходящей деревнѣ. Весь этотъ грамотный и полуграмотный людъ предлагалъ прежде, предлагать и теперь свои услуги «учить ребятишекъ», гдѣ «за хлѣбъ» «за іду», а гдѣ и «за что дадутъ».

Если предоставить распространеніе грамотности самимъ крестьянамъ и подвижнымъ школамъ, земство имѣло-бы возможность сосредоточить свои силы болѣе важному и благотворному дѣлу развитія въ народѣ того общаго (называемаго также среднимъ) образованія, которое теперь составляетъ удѣлъ лишь однихъ привилегированныхъ классовъ. Это новая, трудная задача, за которую можно взяться, кромѣ земства; она требуетъ искренняго благожелательства народу и самыхъ энергическихъ усилій. Главная трудность здѣсь, конечно, недостатокъ средствъ; это скала, о которую такъ часто разбиваются наилучшія намѣренія. Но самая малейшая возможность успѣха въ этомъ дѣлѣ налагаетъ на всѣхъ честныхъ служителей и друзей народа нравственную обязанность стучаться сколько достанетъ силъ въ эту завѣтную дверь, загражденную многомилліонной массой доступъ къ благамъ истиннаго просвѣщенія.

Б. Ленскій.

Характеристики современныхъ дѣятелей

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

(Окончаніе).

IX.

Мы видѣли, что Салтыковъ многое ненавидитъ, много митъ и бичуетъ. Но что-же онъ любитъ? Въ чемъ заключенъ его положительный идеалъ? Я говорилъ выше, что мораль Салтыкова—простая человѣчность и этого, конечно, достаточно, чтобы характеризовать общее направленіе его литературной дѣятельности; но совершенно недостаточно, чтобы очертить его нравственныя цѣли, формы, стремленія, на сторонѣ которыхъ онъ стоитъ и за которыя борется. Гуманность, человѣчность Салтыкова къ людямъ—все это такіе общіе девизы, которые мы находимъ на знаменахъ рѣшительно всѣхъ честныхъ общественныхъ деятелей, безъ всякаго различія ихъ частныхъ, специальныхъ взглядовъ. Вѣдь и Торквемада любилъ людей и съ полнымъ правомъ можно сказать, что онъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, могъ говорить:

...въ міръ явился я, чтобы его спасти,
И на своемъ торжественномъ пути
Костры священныя раздую.
Я съ сатаной и тартаромъ враждую,
Цѣною тѣла души искуплю
И цѣлымъ свѣтъ спасенный обновлю.
Хвала Творцу! Весь міръ возвеселится,
Отъ пламени костровъ земля вся задымится!
Какъ я люблю тебя, прекрасный родъ людской!

Безчеловѣчіе во имя человѣчности—это кажется безсмысленнымъ не въ сферѣ нравственныхъ побужденій и чувствъ людей, а еще и не на такія противорѣчія. Правда, любовь Салты-

не имѣть въ себѣ ничего вычурнаго, не имѣть да-
 нной идейной подкладки: это просто сострадательное чув-
 ство добраго и мягкаго сердца, которое болитъ о всякомъ
 несчастіи и о какомъ-бы то ни было человѣкѣ. Жалко то-
 му музика, которому чистить зубы урядникъ, но жалко и то-
 му урядника, котораго прогнали съ мѣста и которому неуда-
 лось съ кучей ребятъ. Жалко іудушкина сына, доведеннаго
 своимъ отцомъ до самоубійства, но жалко и Іудушку, одинокаго,
 никому не любимаго, никому ненужнаго, заброшеннаго на ста-
 сти дѣтъ. Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій Салтыковъ эпи-
 цидически говоритъ о «неслыханныхъ публицистахъ, чудовищной
 жестокости Мессалины и Марата, съумѣвшихъ соединить въ своемъ
 писаніи распутство первой и *человѣконенавистничество послѣд-*
няго. Это характерно для Салтыкова. Очевидное дѣло, ему пре-
 ждѣ всякій фанатизмъ, та слѣпая любовь къ идеѣ, подчиняясь
 которой человѣкъ безтрепетно и безжалостно топчетъ, если это
 кажется ему нужнымъ, и чужее счастье, и чужую жизнь. Для Сал-
 тыкова человѣческая личность, въ особенности страдающая лич-
 ность, важнѣе и священнѣе, нежели какой-бы то ни было принципъ.
 Судьба жертвъ и скупительныхъ просить» — Салтыкову нѣтъ дѣла
 о томъ. Онъ всегда на сторонѣ жертвы. Онъ никогда не ска-
 жетъ «пусть погибаетъ міръ, но да восторжествуетъ справедли-
 вость» т. е. та или другая, хотя-бы сто тысячъ разъ вѣрная идея,
 не скажетъ потому, что идея безтѣлесна, она не льетъ ни слезъ,
 не проливаетъ крови, не можетъ страдать какъ страдаетъ живая человѣче-
 ская личность, а Салтыкова только такія реальныя страданія и

на этой-то общей почвѣ мягкаго и сострадательнаго отноше-
 нія къ людямъ—къ всѣмъ людямъ безъ исключенія—именно и
 возмужаютъ всѣ общественные идеалы Салтыкова. Въ каждомъ
 обществѣ и въ каждомъ періодѣ имѣются, разумѣется, свои спе-
 циальныя затрудненія, свои тормазы общаго развитія, точно такъ-же
 имѣются и свои прогрессивные элементы. Какъ-бы ни былъ человѣкъ
 общій, мягокъ, благодушенъ—ему волей-неволей придется при-
 нять боль людямъ, наносить имъ удары—если только онъ хо-
 четъ быть настоящимъ дѣятелемъ, а не празднымъ, хотя-бы даже
 участливымъ зрителемъ. Въ силу всего этого, Салтыковъ, при-
 лежа по своему направленію къ одной опредѣленной партіи, въ
 то же время свои надежды возлагаетъ не на усилія и успѣхи этой
 партіи, а на все русское общество, въ которое онъ вѣритъ про-
 потому, что вѣритъ въ человѣческое достоинство вообще.
 Благо тому, кто сохранилъ эту вѣру, успѣлъ невредимо про-

нести ее среди тѣхъ неизобѣжныхъ и тяжелыхъ разочарований даются опытомъ жизни! Въ Салтыковѣ эта вѣра уживуча можно сказать почти до идеализма. Въ самомъ дѣлѣ самая и плодотворнѣйшая полоса литературной дѣятельности Салтыкова относится къ эпохѣ, когда нравственное паденіе чуждой личности дошло до послѣднихъ, повидимому, предѣловъ: сточенная погоня за рублемъ, всѣхъ родовъ и видовъ рабство, извращеніе коренныхъ понятій о долгѣ, о счастьи, карьеризмъ и пролазничество, эгоизмъ самый циническій и отсутствіе сколько-нибудь крѣпкихъ вѣрованій и убѣжденій, которыхъ заняли аппетиты да возжеланія—все это Салтыковъ дѣлалъ, какъ видѣли и мы, все это прошло передъ нимъ, вошло въ него и озлобляло и все-таки, все-таки не разочаровало его, не привело его вѣры въ людей вообще, въ русское общество въ частности.

Возьмемъ знаменитыя «Письма къ тетенькѣ». Эти смелыя выраженія не только симпатія, но и довѣрія, умиленія намъ, читателямъ; эти «письма»—разговоръ «по душѣ» ведется между людьми, связанными другъ съ другомъ съ тѣсной связью; эти «письма»—рядъ доброжелательныхъ советовъ, которые предлагаются намъ не для очистки совѣсти, а съ надеждой, что мы сумѣемъ какъ должно воспользоваться ими. Салтыковъ такъ связать, съ нами, Салтыковъ не боится загромождаясь передъ нами, онъ не опасается профанировать чуждое чувство, потому что вѣрить въ насъ, вѣрить, что вся жизнь наша столько-же мучительна для насъ, сколько и для него. Съ полною задушевностью, свидѣтельствующею о искренности, съ полною серьезностью, доказывающею уваженіе, онъ напр. тетенькѣ: «Сохраняйте въ цѣлости вкусъ къ благимъ мыслямъ и возвышеннымъ чувствамъ, который завѣщанъ намъ нашими преданіями литературы и жизни. Пускай называютъ эти преданія «разбойниками печати»—не пугайтесь. Теплымъ и глубокимъ чувствомъ проникнуты эти

*) Отметим кстати здѣсь одну второстепенную, но любопытную черту литературной «физиономіи» Салтыкова. Эта черта—какая-то стѣсненность, сдержанность, скромность, стыдливость, сдержанность. Это—часто психологическая черта, часто встрѣчающаяся и въ жизни. Часто рядомъ истинное и глубокое чувство маскируется подъ личную насмѣшку, или даже самую злобу, точно такъ-же, какъ сплошная душевная пустота драпируется въ мантию пышныхъ еразъ и громкихъ словъ. Кто это понимаетъ и видитъ, того это всегда трогаетъ.

уже не сатира, это именно совѣтъ друга, который желаетъ добра. Обращаясь непосредственно къ «тетенькѣ» и говоря ей самой, Салтыковъ, выражаясь фигурально, всегда снимаетъ себя боевые доспѣхи сатиры и является именно родственникомъ, но не почтительнымъ племянникомъ, а скорѣе старымъ и родушнымъ дѣдушкой, который, брюзжа и ворча, рассказываетъ притчи и побасенки, въ которыхъ всегда скрыто поученіе и мораль. «Мнѣ достовѣрно извѣстно, пишетъ Салтыковъ «тетенькѣ», хоть однимъ глазкомъ, а все-таки вы посматриваете въ «Полночь». Ахъ, милая! видно паскудство еще долго не перестанетъ быть соблазнительнымъ! Все думается: вотъ сейчасъ садетъ Ноздревъ поль и начнетъ приходящихъ женщинъ за подола ловить! Онъ выйдетъ впередъ Расплюевъ, съ распухлой и распутной физиономіей и начнетъ рассказывать, какая вчера «игра была». Ну, умора-ли! и какъ хоть глазкомъ на эту умору не посмотрѣть? Ноздревъ съ Расплюевымъ пользуются этимъ и говорятъ: тетенька-то хоть и отрекается отъ насъ, а все-таки свои пятаки намъ отдастъ! Сдѣлайте, милая тетенька, усиліе! Не ходите въ очку на свиданіе съ Пафнутьевымъ, не перешептывайтесь съ Марьяновомъ Задекою и не заглядывайтесь на публицистовъ, которые только по упущенію, отвлеклись отъ прямого своего назначенія: крикливо въ Охотномъ ряду патокъ съ имбиремъ!»

Не будемъ разсуждать о содержаніи этихъ совѣтовъ, справедливость и важность которыхъ, впрочемъ, совершенно очевидны, а скажемъ вотъ что. Необходимъ-ли, по отношенію къ намъ, этотъ, и такъ можно выразиться, присюсюкивающий тонъ обращенія? Съ серьезными людьми и о серьезныхъ дѣлахъ и разговоръ ведется серьезно. Необходимо прибавить, что большая часть «писемъ» написана именно въ такой полунутливой манерѣ: не опровергаетъ это нашего мнѣнія объ уваженіи, питаемомъ Салтыковымъ къ своему обществу, къ «тетенькѣ»? Это сомнѣніе разрѣшаетъ самъ Салтыковъ въ заключительныхъ словахъ своей книги и разрѣшаетъ такъ, что почти не оставляетъ мѣста комментаріямъ. «Быть можетъ, пишетъ онъ, тонъ настоящаго, послѣдняго моего къ вамъ письма, до извѣстной степени, изумитъ васъ. Сравнивая его съ моимъ, написаннымъ почти годъ тому назадъ, вы не безъ основанія найдете, что тетенькино обличье, съ теченіемъ времени, нѣсколько видоизмѣнилось. Началъ я съ безусловныхъ любезностей, окончилъ чуть не нравоученіемъ... Да, это такъ: не могу я похвастаться выдержкою. По мѣрѣ того, какъ намѣченная задача ставилась передо мной, она настолько проникаетъ меня, что возбранія мои къ ней постепенно растутъ и растутъ. Но такъ

какъ одновременно съ этимъ растетъ и самая задача, полагаю, что худого въ этомъ нѣтъ. Именно это самое суди и по вашему поводу. Въ теченіи года, въ моемъ мнѣніи, столько выросли, что первоначальные приемы родственности представляются мнѣ уже недостаточными. Нужно добавлять, что отъ этого вы не только не подурнѣли на мой, но даже похорошѣли». Это объясненіе нуждается только въ поправкѣ. За годъ наше общество, разумѣется, не могло въ настолько, чтобы завоевать себѣ уваженіе со стороны тѣхъ, относился къ нему какъ къ несовершеннѣйшему. Можно сказать даже болѣе. Образъ дѣйствій нашего общества какъ разъ времени появленія «писемъ» былъ таковъ, что могъ возбудить самыя горькія сомнѣнія на счетъ нашей правоспособности въ людяхъ склонныхъ оптимистически относиться къ вопросамъ нашей зрѣлости или незрѣлости. Тѣмъ не менѣе нетрудно почитать Салтыкова. Едва-ли не въ первый разъ онъ обратился въ своихъ «письмахъ» непосредственно къ обществу и отнесся къ своему дачѣ не только какъ сатирикъ, но и какъ публицистъ. Въ сознаніи выросла важность именно этой задачи — не своей, но общественной и литературной. Въ дѣятельности истыхъ журнальных работниковъ, къ какимъ принадлежитъ и Салтыковъ — это значеніе заурядное. Они учатся, поучая, размышляютъ, анализируютъ, овладѣваютъ предметомъ во время самаго процесса и отъ того сплошь да рядомъ, начавши за здравіе, кончатъ упокой. Такъ было и съ Салтыковымъ въ этомъ случаѣ. Сначала шутивыми «любезностями» къ тетенькѣ, а кончили горькимъ и грустнымъ, почти торжественномъ тономъ, который соответствовалъ важности предмета.*

Вѣра Салтыкова въ наше общество хотя покоится на общихъ нравственныхъ основаніяхъ, тѣмъ не менѣе отличительная вѣра. Психологическую подкладку этой вѣры не такъ легко опредѣлить и резонности ея невозможно не признать. Предметъ, о которомъ онъ говоритъ, не только не обыкновеннаго человѣка (каковъ Салтыковъ, у котораго необыкновененъ только его великій талантъ), но и обыкновеннаго, искренняго, доброжелательнаго къ людямъ, но не ваго на какую угодно черную работу, лишь-бы въ этой работѣ былъ смыслъ, т. е. общая польза. Судя по себѣ — а вѣдь онъ судитъ по себѣ — онъ естественно будетъ относиться съ довереніемъ и къ силамъ, и къ намѣреніямъ общества, которое его воспитало и среди котораго онъ живетъ. Какъ-же иначе? Вѣдь онъ жаждетъ въ себѣ охоту и полную готовность на работу обществу. Онъ сознаетъ безкорыстность своихъ стремленій, онъ знаетъ,

шимъ образомъ и бѣтъ въ эту именно точку. Свои онъ формулируетъ отчетливо. «Надо было сознавать себя, онъ, пятнымъ колесомъ въ колесницѣ. Да, пожалуй, даже сомъ, а вольнымъ шляхомъ, по которому колесница ката да катается взадъ и впередъ.»

X.

Относясь съ такой любовью и съ такимъ довѣріемъ къ обществу, Салтыковъ желчно и ѣдко относится къ нашему называемому, земству. Въ настоящее время это едва ли не кажется противорѣчіемъ.

По отношенію къ земству Салтыковъ обнаружилъ почти роческую пронипательность. Въ самый разгаръ нашего земскимъ самоуправленіемъ, Салтыковъ явился съ остротой вѣй Нарцизъ», возбуждавшимъ, сколько помнится, почти негодованіе. Раздавались упреки въ зубоскальствѣ, въ неумѣньи къ лучшимъ силамъ страны, въ безцѣльномъ и безсодержательномъ пессимизмѣ и пр. и пр. Салтыковъ не оправдывался, не извинялся — и прекрасно сдѣлалъ: его защитило время, оправдала жизнь. Эта жизнь въ сотый, въ тысячный разъ доказала намъ, что необходимо относиться съ скептицизмомъ, если не хочешь вѣстись и ввести въ обманъ другихъ. Такимъ образомъ, что всѣ, восклицавшіе «нынѣ отпущаеши», оказались неправъ одинъ «карикатуристъ» Салтыковъ, о чемъ теперь вспоминаетъ въ «Письмахъ къ тетенькѣ», написанныхъ вѣстно, уже въ то время, когда результаты земской дѣлы окончательно свелись къ нулю *).

*) Отвѣтимъ здѣсь еще одну черту Салтыкова, тоже второстепенную, опять-таки довольно характерную и чрезвычайно симпатичную. Рѣчь его полна до грубости, безцеремонный иногда почти до цинизма, Салтыковъ по существу крайне скромный. Наши писатели, а въ особенности добродѣтели или даже знаменитости, очень охотно кокетничаютъ и передъ читателемъ. Будь они въ данномъ случаѣ на мѣстѣ Салтыкова, они бы парадомъ, съ какимъ форсомъ прошлись-бы они передъ нами, и ловко подчеркнули-бы они свою пронипательность, какъ бы это звучало-бы ихъ: «мы говорили», «мы предвидѣли» и т. подобнаго никогда и нигдѣ не найдете вы у Салтыкова. Своими достоинствами онъ не хвастаетъ, своей личности впередъ не выставляетъ и о себѣ не распространяется. Да Салтыкову и никогда говорить о себѣ не приходится, дѣло, за которымъ онъ совершенно забываетъ себя. Когда нужно пришипилить Дракина, или щелкнуть Поздрева или осадить естественнo не до того, чтобы твердить: «я, меня, мнѣ, мною», этими пустымъ дѣломъ любить заниматься тѣ, которымъ сказать

себя—въ этомъ я, замѣчаетъ Салтыковъ, съ самаго вступленія своихъ (такимъ общимъ именемъ называетъ Салтыковъ земледѣтелей) на арену земской дѣятельности, не сомнѣвался; близокъ о моихъ предвидѣнiяхъ, до настоящей минуты, не сомнѣвался. Во-первыхъ, чуть, бывало, зайнусь въ этомъ родѣ говорить, какъ ужь со всѣхъ сторонъ вопiютъ: ахъ, что вы! же окрѣпнуть нашимъ молодымъ учрежденiямъ! Во-вторыхъ. ставьте себѣ, вѣдь тутъ и въ самомъ дѣлѣ штука случилась. только занялись Драгины вплотную луженiемъ больничныхъ койниковъ, какъ вдругъ пошли слухи, что этимъ самымъ они вызываютъ въ обществѣ недовольство существующими порядками и подрываютъ авторитеты! Я зналъ, что земцы невинны, что судить отъ чистаго сердца, и ровно ничего не посягаютъ, но ли я это доказывать? — Нѣтъ, ибо, доказывая, я рисковалъ войти въ ироническiй тонъ, а слѣдовательно, обидѣть «неокрѣпшия молодыя учрежденiя», или-же предпринять звую защиту лудильщиковъ. Разумѣется, я предпочелъ молчать. Но нынче, наши «молодыя учрежденiя» не только окрѣпли, даже, можно сказать, обнаглѣли».

Салтыковъ не считаетъ, — въ чемъ онъ тысячу разъ, разумѣется правъ, — нашихъ земцевъ представителями общества, и отсюда недовѣрие — болѣе того — его отвращенiе къ нимъ. Салтыковъ прямо мотивируетъ въ «Письмахъ» это свое недовѣрие, и какъ ормѣ, такъ и по глубинѣ содержанiя эти страницы принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ нашего искусства. мѣя ни надобности, ни возможности приводить ихъ здѣсь цѣлкомъ, я выбираю только наиболѣе яркiя мѣста.

Представьте себѣ, говоритъ Салтыковъ, что Драгины сдѣлались исключительными вертоградарями провинціального русскаго эдема. Представьте себѣ, какъ приходится жить въ одной изъ кѣлочекъ этого эдема. Всѣ Драгины собою родственники или свойственники, всѣ сплелись и переплелись, что и расплести невозможно. Вы одна не родственница и не свояченица никому изъ нихъ. У всѣхъ у нихъ свои общiе интересы, свои сплетни и ненависти, свое общее свинство; всѣ они въ одну дудку дуютъ, всѣ одну мысль въ головѣ держатъ: какъ-бы урвать, опохмѣлиться и спать. Вы одни не принимаете участiя ни въ сплетняхъ, ни въ опохмѣлкахъ, ни въ ненавистяхъ ихъ. Какъ вы думаете, съдѣятъ они васъ съдѣять?

...
къ Драгину, я постоянно долженъ думать: а чортъ его знаетъ, покуда да сказываютъ-же, будто онъ у меня на лонѣ возлежалъ! И уста-
себя на этой точкѣ, я обязываюсь поступать по слову его не токмо
но и за любовь».

... въ немногихъ и, по обыкновенiю. остроумно-шутливыхъ

словахъ, сконцентрированы едва-ли не всѣ серьезные упреки могутъ быть направлены противъ нашего земства видѣ, какой оно приняло у насъ. Это не только сатира, но и блестящая характеристика. Дѣйствительно, за вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-печальная особенность нашихъ учреждений состоитъ именно въ томъ, что они, вполне усвоивши себѣ чисто-бюрократическій характеръ, время имѣютъ претензію нести чисто-общественную службу разнообразныя жалобы на земство, печатныя и устныя, и именно къ этому знаменателю, такъ что обычные упреки коварству за мнимую «карикатурность» его изображеній действительно невозможны, невозможенъ даже упрекъ въ простомъ увеличеніи.

Салтыковъ, такъ сказать, предугадалъ факты и ближайшее теченіе. Не смотря на это, и все-таки приходится жаться высказаннаго мною мнѣнія, что сатира Салтыкова тогда развертывается во всей своей силѣ, когда дѣло, вполне завершило циклъ своего развитія, хотя и не со сцены. Между Разуваевымъ, съ одной стороны, и Дравинь съ другой, имѣется та существенная разница, что первый самъ собою въ нашей средѣ, второй пришелъ извнѣ. Явленіе безобразное, но все-таки органическое; отъ условій нашей жизни; онъ законное дитя своего времени. Разуваева нельзя «прекратить», не измѣняя въ то-же время нѣмъ образомъ общаго теченія нашей жизни. Совсѣмъ Дравинь. Говоря выраженіемъ одного изъ персонажей, сколь скоро онъ пришелъ, столь скоро, онъ и уйдетъ совершенно все равно — готовъ и можетъ уйти, не измѣняя въ жизни. Будущее Разуваева опредѣляется многочисленными факторами нашей жизни, будущее Дравинь почти отъ случая.

Не ясно-ли послѣ этого, что разгадать содержание Разуваева безъ всякаго сравненія труднѣе, нежели роль и Задеки. Вѣдь всякое явленіе безъ исключенія только можетъ быть правильно понято, когда извѣстенъ источникъ и происхожденіе. *Результаты* дѣятельности Разуваева сатирикова изобразила превосходно—вѣдь эти результаты рѣшительно въ объясненіи *причинъ*, которыя, какъ помнитъ читатель, кѣ личности Разуваева, къ его жадности и наглости оказалась несостоятельной. А Дравинь и Задека понятны не какъ личности—ихъ человѣческія свойства и не интересны и не играютъ никакой роли—а какъ дѣ

что досканально извѣстенъ, а Салтыкову лучше всѣхъ, источникъ происхожденія.

о съ чѣмъ-же и съ кѣмъ же, можетъ спросить читатель — остается Салтыковъ? Онъ, какъ сказано, вѣрить въ обществу — тетеньку. Но развѣ Дракины и Задеки не члены этого общества? И развѣ ихъ мало, развѣ они — не большинство? Самъ Салтыковъ, говоря о Дракинскихъ, замѣчаетъ: «они пожились какъ кролики. Понятно, что они придутъ всѣ; имъ кагаломъ. И званые и незваные, и облеченные довѣріемъ и облеченные. И отцы и дѣти и матери, и дочери, и племянники и внуки—всѣ тутъ будутъ. Это цѣлая армія, которую соловей не скинешь. На комъ-же остановиться? Въ земствѣ—Дракины, въ литературѣ—Ноздревы; — какіе чудесные представители общества, и хорошо должно быть то общество, которое доказывается такими дѣятелями! Правда, Салтыковъ не доволенъ; да развѣ общество изъ Салтыковыхъ состоитъ? Развѣ не въ Салтыковъ убѣждать «тетеньку» не заглядывать въ ноздревскую газету и не перешептываться съ Пафнутьевымъ.

Все дѣло въ томъ, что Салтыковъ говоритъ правду, но не всю правду, говоритъ да не договариваетъ, какъ это случается и неизменно всякій разъ, когда его сатира съ почвы нашихъ *порядковъ*, переходитъ на почву нашихъ *правъ*. Этотъ переходъ сразу обезоруживаетъ Салтыкова, обезоруживаетъ его сатиру. Салтыковъ говоритъ о Дракинскихъ съ ихъ женами, племянниками и проч.: «прохода никому не дадутъ...» Почему-же такъ? Потому-ли, что эти Дракины — глупые и злые люди, или потому, что, дѣйствительно, прохода ихъ состоитъ въ томъ, чтобы, не давая никому прохода? Разуваевское хищничество нельзя объяснять жадностью и жестокостью Разуваева, точно такъ-же и дракинскую назойливость нельзя объяснять дурными личными свойствами Дракина. Ни Дракины, ни Дракинъ—не выродки между нами. Они слишкомъ многочисленны, чтобы явиться только исключеніемъ. Напротивъ того они представители большинства, которое и у насъ, и повсюду, вездѣ, гдѣ люди живутъ обществами, является злымъ или добрымъ, дѣлаетъ хорошее или дурное дѣло, не въ силу внутреннихъ своихъ побужденій, не по своей инициативѣ, которой у этого большинства никогда и не бывало, а по требованіямъ минуты. Дракины будутъ кричать «ого-го!» и не давая никому прохода—это не такъ. Но это нисколько не характеризуетъ Дракинскихъ. Не Дракины обратились и деморализировались; — измѣнились идеалы. Дракины, какъ люди, употребляя сравненіе Салтыкова, — пустыя бутылки, въ которыя можно налить и здоровое, вкусное вино и мер-

зѣйшую сивуху. Что-же дѣлаетъ сатира Салтыкова? Она жагается противъ лживой этикетки. На бутылкѣ съ сивухою «cachors fin» и Салтыковъ съ горячностью, съ блѣдно-остроуміемъ указываетъ на этотъ подлогъ, и предостерегаетъ отъ него. Что-жь? Это нужно и полезно. Но все-жь та же сивуха въ этомъ заключается корень дѣла? До анализа принципа Салтыкова въ этомъ случаѣ не возвышается, ограничивается только формальной стороною вопроса. Упрекать Салтыкова было-бы не справедливо, но несправедливо было бы указать на этотъ пробѣлъ.

Съ указываемой мною точки зрѣнія, уже не составляетъ особой трудности сохранить въ полной чистотѣ и цѣлостности наше общество и его будущее. Салтыковъ любитъ и борется просто въ силу требованій своего любящаго сердца, и не думаетъ, что-бы то ни стало нуженъ объектъ для привязанности, и не борется просто потому, что вѣрить въ себя. Но все это — таланты, а потому недостаточныя основанія. Дѣло можно было бы проще и обставить гораздо надежнѣе. Кажется ничего не требуется, ни стигматическаго, ни оптимистическаго не замѣчается во взглядахъ большинства людей, какъ на «пустыя бутылки»? Очевидно, не заключается, но даже такой взглядъ представляется сравнительно-мрачнымъ, оскорбительнымъ для человѣчества. Тѣмъ не менѣе освоимся съ нимъ и успокоимся. Но оный, этотъ, повидимому, столь мрачный взглядъ, въ себѣ даетъ успокоеніе. Будемъ помнить, что не отъ злой воли и дурного сердца люди дѣлаютъ мерзости. Будемъ одинъ разъ помнить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы имеемъ не съ отвѣтственными людьми, а съ безотвѣтственными людьми.

XI.

Мнѣ остается теперь рассмотреть отношенія Салтыкова къ нашему народу. Вспоминая времена крѣпостнаго права Салтыковъ съ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ говоритъ: «мы развращены до мозга костей, или просто жили, какъ животные, ничего не понимая и ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета. Мы были молоды», скажете вы, но вѣдь это-то именно и есть молодость человѣкъ болѣе чутокъ къ страданіямъ ближняго, молодое сердце легче раскрывается, молодая мысль быстрее воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія. А насъ точно заколодило. Мы были молоды, нами разрывалась отъ стонувъ, а мы ходили, какъ и

который мы ѣли, вошіяль, а мы ѣли, да похваляли... что-то проклятое было въ этой молодости; какъ будто она затѣмъ и дана была, чтобы впоследствии черезъ десять цѣлымъ порядкомъ фактовъ напомнить намъ о томъ, что носъ передъ нашими глазами и чего мы не видѣли, что не раздавалось у насъ въ ушахъ, и чего мы не слышали. Натъ: вотъ моль, восчувствуйте!—и бросить намъ въ воздаяніе сельную, наполненную фантомами прошлаго старость...

въ субъективномъ смыслѣ, это чрезвычайно характерно. Это ее раскаяніе, это, можно сказать, самобичеваніе, свидѣтельство не только объ искренности писателя, но и объ его разнѣ гуманномъ чувствѣ и о такой совѣстливости, которая готова и грѣхъ вмѣнить въ личную вину себѣ. Но этимъ не исчерпываются всѣ отношенія Салтыкова къ народу. Салтыковъ знаетъ настолько, насколько знаютъ его всѣ наши интеллигентныя люди, т. е. въ общихъ чертахъ, и его сужденія о народѣ, и наши сужденія, отличаются совершенно апіорнымъ характеромъ. Онъ знаетъ многострадальную исторію народа, его сѣбдвную, трудовую жизнь, природное богатство его нравственныхъ и умственныхъ способностей, любить и жалуется его, но ему не сказать о немъ. Салтыковъ упрекаетъ культурныхъ людей въ недостаточномъ вниманіи къ народу, но онъ самъ подлежитъ же самому упреку. «Увы, восклицаетъ Салтыковъ не безъ горюди культуры жестоки и недальновидны. Они считаютъ ни то этотъ безконечный муравейникъ, который кишитъ у ихъ за предѣлами культурнаго слоя, или, лучше сказать, счи- тать его созданнымъ для того, чтобы быть попираемымъ культурными ногами. И въ то-же время, они едва-ли даже понимаютъ, каждый изъ членовъ этого муравейника живетъ своею отдѣль- ной жизнью, имѣетъ свои характеристическія особенности, свои привычки, свои идеалы. Еслибъ они поняли это, они убѣдились-бы, что ихъ собственная культурная жизнь именно отъ того дѣ- лается все болѣе и болѣе скудною, что для нея закрыты цѣлыя области явленій, стоящихъ внѣ всякаго культурнаго наблюденія. Еслибъ мы узнали-бы мы благороднѣйшихъ біографій! Сколькихъ от- личныхъ подвиговъ могли-бы мы быть свидѣтелями! И какъ далеко-бы нашъ умственный горизонтъ!»

Принять эти страстные упреки, прекрасное чувство, вызвавшее ихъ, не трудно, но принять ихъ, согласиться съ ними — нѣтъ возможности. Лучшей защитой для насъ «культурныхъ людей» отъ упрековъ Салтыкова послужитъ примѣръ самого Салтыкова. Въдѣ же какія-нибудь причины на то, что писатель съ гениаль-

нымъ талантомъ и съ живою, искреннею любовью къ своимъ силамъ отдалъ на служеніе не «народнымъ» а имѣющимъ «культурнымъ» задачамъ, задачамъ «города» а не «деревни». Безъ сомнѣнія, тутъ сыиграли извѣстную роль личнаго свойства. Почти весь громадный запасъ наблюдательности относится къ жизни культурныхъ классовъ, къ образу жизни чиновниковъ и помѣщиковъ. Естественно, что въ произведеніяхъ онъ эксплуатировалъ именно эту, чуждую ему жизнь, оставляя въ сторонѣ менѣе извѣстную, собственно народной жизни. Но печалиться тутъ совсѣмъ нечего. Работая на пользу общества, защищая такъ лучшія стремленія передовой интеллигенціи нашей, онъ служилъ общественному самосознанію. —Салтыковъ тѣмъ самымъ великую службу *народу* нашему. Задачи народа, горе народа, есть наши задачи, наше горе, наши нужды, наша сила только того, что, радѣя народу, мы добровольно взяли на себя эти задачи, а въ силу самаго положенія вещей въ насъ вѣдомъ планѣ для насъ стоятъ интересы развитія и культуры. Противорѣчатъ эти интересы интересамъ народа или совпадаютъ съ ними? Намъ дорога и нужна экономическая и культурная жизнь крестьянина: нужна ли, желательна-ли она? Эту параллель можно было-бы вести очень далеко. Въ насъ поставленіе интеллигенціи народу—не больше какъ перенесенная передержка, вѣдь предполагаемый антагонизмъ между интеллигенціею и народомъ—недоразумѣнія или недомыслія. А если такъ, то всѣ задачи Салтыкова—намъ и самому себѣ—теряютъ всякое значеніе, фактически невѣрны. Неправда, что мы считаемъ «бездѣлнымъ муравейникъ» народной жизни; неправда, что мы считаемъ его предназначеннымъ «быть попираемымъ кулями»; неправда, что мы не уважаемъ или даже вовсе не считаемъ въ мужикѣ личности, «имѣющей свои характерныя черты, свои требованія, свои идеалы». Всѣ эти упрямые выраженія субъективнаго чувства Салтыкова.

Наша жизнь уже твердо отчеканила типъ интеллигентнаго пролетарія-разночинца, который нисколько не конфузится передъ народомъ за свою развитость и не чувствуетъ за собою «вину» передъ народомъ. Какъ Левинъ гр. Толстого, такъ и мы сравненно большимъ правомъ, онъ можетъ сказать: «я не виноватъ передъ народомъ». Какую, спрашивается, «вину» могъ чувствовать напр. пролетарій Новодворскій, писавшій въ своемъ дневникѣ: «я ясно почувствовалъ, что я теперь дальше отъ народа, чѣмъ когда-бы то ни было; что я теперь не только не могу

нѣмъ, какъ мечтавъ когда-то, но что даже положеніе народнаго учителя едва-ли было-бы мнѣ подъ силу... А между тѣмъ и всѣ крестьяне и крестьянки были въ шубахъ, тогда какъ у нѣ было плохенькое пальтишко — единственное мое теплое. Между тѣмъ какъ девять десятыхъ всѣхъ этихъ мужиковъ никогда не голодали такъ, какъ голодалъ я, и ни одинъ, какъ постоянно голодаютъ мать и сестренка... «Вотъ и приходите къ такому человѣку съ упреками за «жестокость», то, что онъ «не видѣлъ» страданій народа, не «слышалъ» стоновъ! Правда, и въ словахъ Новодворскаго замѣтно нѣкое самобичеваніе, нѣкоторое недовольство собою. Новодворскій очевидно еще не успѣлъ освободиться отъ того идеалистическаго воззрѣнія, по которому единеніе съ народомъ необходимо требуетъ отреченія отъ культурныхъ привычекъ — какъ это въ этомъ, въ бытовыхъ формахъ, а не въ интересахъ заключается суть дѣла! Но это — только личная ошибка Новодворскаго, а на самомъ дѣлѣ, какой упрекъ могъ сдѣлать себѣ этотъ литераторъ за свое общественное положеніе? Что изъ того, что Новодворскій не могъ стать чернорабочимъ? Дѣло не въ свойствахъ работы, а въ условіяхъ труда»

XII.

Подводя итоги всѣмъ сдѣланнымъ нами замѣчаніямъ, мы находимъ въ результатѣ прекрасный, свѣтлый и чистый образъ писателя-труженика, которымъ могутъ гордиться и литература, и общество — не говоря уже о партіи. Заслуга Салтыкова, въ политическомъ и буквальномъ смыслѣ слова, историческая заслуга. Въ историческомъ развитіи нашего общества онъ завоевалъ себѣ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Немало у насъ талантливыхъ писателей и честныхъ голосовъ, немало ихъ даже теперь, но между ними незаслуженно только одинъ Салтыковъ. Онъ представляетъ собою не только общественную мысль, сколько общественную совѣсть — и эта его незамѣнимость, въ этомъ его главнѣйшая заслуга. Если мы очень не бѣдны, но мы бѣдны характерами, слабы и невыдержанностью и слишкомъ легко поддаемся унынію. Въ ряду явленій, поддерживавшихъ въ насъ бодрость и надежду на то, что ноздревская мораль не восторжествуетъ у насъ окончательно, сатира Салтыкова сыграла не послѣднюю роль. Онъ могъ въ ухѣ спокойно спать насмѣшка — тотъ дуракъ, какъ вился Гамлетъ, а насмѣшка Салтыкова такова, что рѣжетъ и добитъ даже ослиныя уши. Не даромъ онъ почтенъ такою злобою и ненавистью всѣхъ нашихъ Ноздревыхъ и Расплюевыхъ.

Да, какъ ни высоко ставить и цѣнить публициста-генияльного племянника—ея оцѣнка все еще недостаточна, еще не вполне отчетливо сознаемъ значеніе его уроковъ и именно потому, что *еще пользуемся* ими. Роль его — повторю, историческая и человѣкъ, исполнившій ее по праву сказать, что онъ «памятникъ себѣ воздвигъ творный».

М. Протоколовъ

НОВЫЯ КНИГИ.

И. Григоровичъ. Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1883 г.). Съ 45 портретами въ текстѣ. Изданіе четвертое. Слб. 1883 г.

Четвертое изданіе «очерковъ» г. Григоровича доказываетъ то, что наша публика очень ищетъ историческаго чтенія. И для связать, чтобы спросъ не встрѣчалъ предложенія: гг. Морцевъ и Данилевскій даютъ десятки историческихъ романовъ, а «Очерки» г. Григоровича печатаются четвертымъ изданіемъ—и у насъ все-таки нѣтъ ни порядочнаго историческаго романа, ни порядочной исторіи. Впрочемъ, какъ видно изъ предисловія издателя «Очерковъ», онъ и не задавался такой широкой задачей. Ему сто хотѣлось дать читателю возможность «болѣе или менѣе внимательно слѣдить за ходомъ современныхъ политическихъ соціальныхъ и находить ихъ нити въ событіяхъ, имъ предшествовавшихъ», а такъ какъ первыя изданія «Очерковъ» заканчивались Крымской войной, послѣ которой въ политической жизни Европы произошли крупныя перемѣны, то издатель дополнилъ ихъ главами, составленными г. Слонимскимъ и обнимающими событія отъ Крымской войны до 1883 г. Это объясненіе изданія значительно сокращаетъ требованія, которыя можно предъявить къ книгѣ г. Григоровича. Но насколько «Очерки» удовлетворяютъ даже и этимъ «сокращеннымъ» требованіямъ?

Періодъ кипучаго и богатаго историческими событіями времени, обнимаемый «Очерками», составляетъ 68 лѣтъ и изложенъ авторомъ всего на 303 страницахъ. Въ «курсѣ всеобщей исторіи» (четыре тома) изложеніе событій отъ вѣнскаго конгресса императорства Наполеона III, или періодъ времени въ 36 лѣтъ, занимаетъ 413 стр., т. е. дается текста вдвое болѣе, чѣмъ у г. Григоровича; а курсъ Вебера краткій. Ясно, насколько узкіе пределы, отведенные себѣ г. Григоровичемъ, не могли позволить ему развить въполнѣ изложеніе. И «Очерки» получили дѣйствительный сжатый характеръ. Публикѣ предлагается не чтеніе, а

скзатый, сухой «учебникъ», написанный суровымъ, дѣломъ, точно г. Григоровичъ боялся всякаго живого образчикъ экономнаго изложенія г. Григоровича: «Посла графа Каподистрія изъ Россіи, кружокъ сотрудниковъ и Александра видимо рѣдѣлъ. Съ этихъ поръ однимъ изъ двигателей государственнаго управленія является графъ дреевичъ Аракчеевъ. Онъ сумѣлъ не допустить до го Сперанскаго, возвращеннаго снова въ Петербургъ, и довѣріе императора къ кн. Голицину, который былъ то стромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Ар друзья его нападали на дѣйствія «Библейскаго общества шаго обширный кругъ дѣятельности въ Россіи особенно водъ библии на русскій языкъ. Кн. Голицинъ былъ пред общества. Съ помощью архимандрита Юрѣва монастыр который пользовался большимъ довѣріемъ императора, А сумѣлъ представить Голицына покровителемъ расам а дѣйствія общества библейскаго—направленными въ востлавію. Князь былъ удаленъ отъ управленія мнше духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ лишился и званія предсѣдателя библейскаго общества. Шашковъ назначенъ былъ министромъ народнаго прос предсѣдателемъ общества сдѣлался с. петербургскій мн И вся книга написана этимъ сухимъ и лаконическимъ языкомъ.

Но экономія языка г. Григоровича не есть только чечская экономія; она вмѣстѣ съ тѣмъ экономія идей. Давая читателю внѣшнюю фактическую исторію полит бытій, г. Григоровичъ не углубляется до идей, со смыслъ и жизнь этимъ событіямъ и совсѣмъ не просв литического сознанія читателя. Напр., говоря о славян жаниі, г. Григоровичъ замѣчаетъ: «Оно возбудило и п будждаетъ не только славянъ, но и ихъ враговъ къ знакомству съ славянскимъ міромъ». Неужели только весь смыслъ славянскаго движенія? О декабристахъ Г вичъ выражается такъ: «во вторую половину царствов ратора Александра I, въ Россіи образовались тайныя подобныя корбанаріямъ и масонамъ, имѣвшія цѣлю революцію и радикально измѣнить существующій поря тѣмъ дѣлается краткое фичическое извлечение изъ слѣдственной комиссіи». Вообще бытовья и обществен чины, вызывающія и создающія тѣ или другія социал стремленія и требованія, служащія импульсомъ событія горовичъ обходитъ молчаніемъ. Ни быта народовъ, ни

о сознанія, вызываемаго этимъ бытомъ, ни литературнаго и
наго движенія идей въ „Очеркахъ“ читатель не найдетъ.

процая по возможности свою задачу, г. Григоровичъ сводитъ
политическія событія XIX вѣка къ двумъ причинамъ. Послѣ
этого конгресса, когда границы государствъ кроили, не обра-
никакого вниманія на народности — начались національ-
движенія съ домогательствами конституцій, которыхъ пра-
льства не хотѣли давать народамъ — и отсюда постоянная
ба народовъ противъ ихъ правительствъ. Въ этой борьбѣ ве-
я державы, основываясь на вѣнскомъ трактатѣ и условіяхъ
мещеннаго союза“, дѣйствовали единодушно и подавляли рево-
люціонныя движенія“. Со времени же іюльской революціи „евро-
пскія государства раздѣлились на двѣ группы: на монархическій
токъ, состоявшій изъ Россіи, Австріи и Пруссіи, и конститу-
ціонный западъ, гдѣ господствовали Франція и Англія. Первыя
державы поддерживали въ своей политикѣ принципъ охраненія
существующаго порядка, а другія двѣ — покровительствовали кон-
ституціонному движенію“. Вѣнскимъ образомъ политическая роль
конституціоннаго государствъ опредѣлена г. Григоровичемъ довольно
точно, но читатель все-таки не имѣетъ ключа къ уразумѣнію со-
бытій. Изъ слѣдующей выписки читателю нетрудно будетъ убѣ-
диться, на сколько г. Григоровичъ устраняетъ практическіе вопро-
сы четвертаго сословія изъ политической программы европей-
скихъ народовъ и какъ ненаучно онъ относится къ экономиче-
скимъ ученіямъ. Во-первыхъ, онъ приурочиваетъ ихъ къ іюльскому
революціи, а не къ движенію 1848 г.; а во-вторыхъ, дѣлаетъ
неопредѣленное: «въ сороковыхъ водахъ во Франціи быстро
распространяется теорія социализма. Онѣ распадалась на два
направленія: социалистическое, которое совокупностію физическихъ
умственныхъ средствъ думаетъ уничтожить нищету и достигнуть
общаго благоденствія и счастья для каждаго бѣдняка; коммуни-
стическое — старается уничтожить частную собственность и всё до-
елить поровну». И затѣмъ г. Григоровичъ занисываетъ
себя въ коммунисты, чѣмъ онъ никогда не былъ. Вообще ску-
да слова г. Григоровичъ сдѣлалъ на этотъ разъ исключеніе
нѣсколько неудачное. Если таковой практической человѣкъ, какъ Вис-
сонъ, идетъ навстрѣчу рабочему, то очевидно, что исторія имѣетъ
дѣло съ извѣстнымъ политическимъ факторомъ, игнорировать
который нельзя. Г. Григоровичъ не можетъ оправдываться и «не-
ясными обстоятельствами», ибо они въ его серьезномъ изло-
женіи историческихъ событій не явились-бы помѣхой.

Конечно, «идейные» пропуски и недомолвки г. Григоровича

могъ-бы пополнить г. Слонимскій, но и онъ, подобно г. вичу, не оказался на «высотѣ своей задачи».

Впрочемъ, не смотря на недостатки «Очерковъ» г. Гримы рекомендуемъ ихъ вниманію читателя, во-первыхъ, потому что у насъ нѣтъ ничего лучшаго, а во-вторыхъ—что они освѣжаютъ въ его памяти политическія движенія XIX столѣтія въ послѣдовательной связи, которая необходима, чтобы понять исторію текущую.

В. А. Цвѣткова. Новѣйшіе русскіе писатели. Опытъ исторіи періода русской словесности послѣ Гоголя, съ 30-хъ годовъ. Спб. 1883 г.

Если объ «очеркахъ» г. Григоровича слѣдуетъ сказать, что онъ «могъ, но не хотѣлъ», то о г. Цвѣтковѣ слѣдуетъ сказать «онъ и хотѣлъ-бы, но не могъ». Этимъ «не могъ» и опре-
дѣляются требованія, которыя можно предъявить къ г. Цвѣткова.

Наши официальные программы устанавливаютъ слишкомъ рано ту завѣтную черту, за которой произведенія извѣстныхъ писателей становятся запретнымъ плодомъ. Остановившись на голевскомъ періодѣ, ученикъ вступаетъ въ жизнь съ полнымъ вѣдѣніемъ того, что свершалось въ области русскихъ народныхъ творчества въ послѣднія 30—40 лѣтъ. Большинство пропусковъ никогда и не пополняется. Да и какъ и гдѣ его человѣку обыкновенныхъ способностей, понашему вѣра въ силу практическихъ отношеній. Читать всѣхъ авторовъ не гиналѣ. Но развѣ это возможно? Или познавательно съ исторіей «новѣйшей русской литературы». Но развѣ она есть что вмѣсто обобщеній, чѣмъ именно и были сильны нѣсколько лѣтъ, мы отдались анализу, заключается причина, что у насъ между прочимъ и исторіей новѣйшей русской литературы.

Хрестоматія г. Цвѣткова, конечно, не можетъ пополнить пробѣла, но она по крайней мѣрѣ представляетъ возможность не только для учениковъ, но и для болѣе взрослыхъ читателей. Комитетъ съ писателями новаго времени, и въ этомъ отношеніи является чтеніемъ воспитательнымъ и полезнымъ.

Мы боимся отнести слишкомъ строго къ выбору г. Цвѣтковымъ, потому что только этимъ выборомъ и была сдѣлана судьба «Опыта», какъ учебнаго пособия; но мы надеемся, что напр. ни что-бы не помѣшало г. Цвѣткову для даль-

г. Салтыкова выбрать вещи, дающія болѣе точное понятіе о художественно-литературной физиономіи. За немногими исключеніями въ выборѣ образцовъ, чувствуется идейность и цѣльность. Опыт христоматіи г. Цвѣткова даетъ достаточно полное и ясное представление о литературномъ періодѣ, къ которому относится. Довольно счастливая мысль приурочить критику къ изведеніямъ, которыя ее вызвали, какъ это сдѣлалъ г. Цвѣтъ съ Добролюбовымъ. Приемъ очень удачный и нужно желать бы при слѣдующемъ изданіи г. Цвѣтковъ воспользовался имъ сколько шире и познакомилъ своихъ читателей и съ другими новыми критиками. Приурочиваніе критики къ произведеніямъ не важно потому, что создаетъ извѣстную дисциплину для критической мысли учениковъ, даетъ ей направленіе и точность. Каждый ученикъ, читая, непременно «критикуетъ», но по своему; не всегда полезно, а часто даже и вредно. Не совсѣмъ ясно, почему г. Цвѣтковъ наложилъ остракизмъ на Глѣба Успенскаго, между тѣмъ помѣстивъ Гр. Данилевскаго. Если это только неслучайность, а не тенденція, то мы пожелаемъ г. Цвѣткову при слѣдующемъ изданіи, вмѣсто «Опыта христоматіи», дать уже «Христоматію», не оказывать предпочтенія слабымъ авторамъ передъ крупными, и слабымъ, иногда безцвѣтнымъ вещамъ передъ произведеніями, рельефно характеризующими писателя какъ художника и мыслителя, и время, которое онъ переживалъ.

Василій Прокофьевичъ Щаповъ. (Жизнь и сочиненія), (Съ портретомъ А. П. Щапова). Сочиненіе профессора *Н. Я. Аристова*. (Посмертное изданіе). Спб., 1883 г.

Какъ видно изъ предисловія къ книгѣ, принадлежащаго г. Сивину, близкому другу автора, сочиненіе покойнаго профессора *Аристова* появляется въ печати не впервые: большая и существенная часть его была уже напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1882 годъ. Мы не имѣемъ никакого понятія о степени распространенности этого журнала. Но мы знаемъ, однако-же, что *Аристовъ* при своемъ первоначальномъ появленіи не только не вызвали въ литературѣ никакого шума, но и не нашли ни одного отголоска. Этимъ, намъ кажется, только и можно объяснить то на первый взглядъ довольно странное обстоятельство, что *Аристовъ* выразилъ желаніе, чтобы его книга была напечатана не болѣе какъ въ 500 экземплярахъ. (См. «предисловіе»). Между тѣмъ книга заслуживаетъ полного вниманія, заслуживаетъ, можно сказать, изученія. Она составлялась авторомъ, какъ

могъ-бы пополнить г. Слонимскій, но и онъ вичу, не оказался на «высотѣ своей задачи»

Впрочемъ, не смотря на недостатки мы рекомендуемъ ихъ вниманію читателю у насъ нѣтъ ничего лучшаго, а во-освѣжать въ его памяти политическую послѣдовательной связи, которая торію текущую.

В. А. Цвѣтковъ. *Наша историческая жизнь в периодъ реформъ въ политическомъ отношеніи.* Матин періода русскіхъ реформъ. Спб. 1881.

Если объ «очеркахъ» Цвѣткова, то не хотѣлось бы сказать, что это знаменитая эпоха, которое вѣрно, а по г. Цвѣткову, просто наивны, представляется

Наши «очерки» не лишены и большеннаго. Стремленіе къ «фразеологическому» за «безцѣльной политикой» — вотъ что представляетъ Аристовъ въ фیزیономіи той эпохи. Для «исторіи» такой взглядъ — взглядъ слишкомъ субъективный.

Соотвѣтственно своему взгляду на эпоху, Аристовъ не на личность, точнѣе сказать, на горькую судьбу, именно полагаетъ, что его погубило тогдашнее направленіе нашего общества.

Онъ говорить:

«Если-бы Щаповъ оставался въ духовной академіи, при вательныхъ умственныхъ работахъ, изъ него-бы вышелъ собою изъ замѣчательныхъ ученыхъ русскихъ джудей».

Но въ лихой, видно, часъ сдружился Анастасій Промисевскій онтетомъ, который невольно и безсознательно, съ самымъ неострашимъ, при громѣ рукоплеснаній, повелъ его по прямой дорожкѣ.

Я говорю это не съ цѣлью оправдать Щапова и всю вину версвтетъ, но желаю только показать, что новая сеера содѣйствовало развитію интереса къ политикѣ, подталкивала на задорное и современныя преобразованія. Время появленія Щапова на у насъ было критическимъ даже для опытныхъ профессоровъ рин, а не только для такого податливаго и совершенно неопытнаго ученаго. Это была пора крайнихъ увлеченій русской молодежи (молодежи!), которая вошла въ роль цѣвителя ученыхъ талантовъ».

цковъ профессорамъ. Громъ рукоплесканій и овимамъ слушала и отуманна Щапова, но онъ не подозрѣвалъ, какой блескъ и оальшивый трескъ онъ долженъ купить чительности своихъ ученыхъ работъ, что теперь не челемъ занятій студентовъ, а они станутъ распро- предмета для лекцій. Студентамъ тогдашняго ольнослушающихъ недоучекъ, нужны были не ельные оразы» (61).

39
 ъясняется: сначала Щапова «погу- развивши въ немъ «интересъ къ мль, какъ, съ своей точки зрѣнія, чь другомъ мѣстѣ Аристовъ — ни еще за другое что авторъ Че трудно объяснить про- очевидно, принадлежать шковъ-ученныхъ, которые наукой не видятъ жизни, для ость съ его фоліантами, колбами и ре-

ороже, и выше, нежели какой-бы то ни было ой сцены». Безполезно говорить объ этомъ. Вспом- сходный разговоръ Фауста съ Вагнеромъ во время ихъ улки по армаркѣ и дѣло объяснится вамъ до самой сокро- венной его глубины.

Но Аристовъ, повторяемъ, добросовѣтно собралъ и хорошо, олько сгруппировалъ факты, въ которыхъ затѣмъ мы постараем- ся разобратъ уже безъ его помощи. Личность Щапова, какъ мы захѣтели выше, вдвойнѣ типична. Щаповъ обладалъ умомъ рѣд- кой пронцательности, громадной способностью къ систематизаціи и къ синтезу. Онъ не сказалъ намъ «новаго слова», но только по- тому, что не успѣлъ договорить его, а оно ужъ было у него на устахъ. Прежде чѣмъ пойти по новому пути, ему необходимо было пройти обратно всю ту длинную дорогу, по которой онъ до тѣхъ поръ шелъ, развязаться съ тѣми понятіями, которыя были ественно привиты ему. Щаповъ былъ бурсакъ: этимъ, если не все, такъ много сказано. И за всѣмъ тѣмъ его основныя идеи были дотога глубоки, вѣрны и жизненны, что даже теперь, послѣ толькихъ пережитыхъ нами умственныхъ пертурбацій, не утрати- ли на волосъ своего значенія.

Чрезвычайно любопытна та обидная иронія судьбы, благодаря которой Щаповъ, этотъ искреннѣйшій противникъ бюрократизма, ииужденъ былъ сдѣлаться чиновникомъ, да еще долженъ былъ итать это за счастье. По недостатку мѣста мы, впрочемъ, не бу- емъ распространяться объ этомъ эпизодѣ, тѣмъ болѣе, что онъ се-таки является только характерною частностью и даже слу-

*НОВАЯ КНИГА.
 Давидъ больше толкое повліе о
 Феллономъ. За влмогавъ вклі-
 влвность в клвность.
 достатково полвог в
 в котору
 вь вратлеу въ
 г. Двѣт.*

свидѣтельствуемъ г. Симанскій, «съ особенною любовью и діемъ» — но это, впрочемъ, второстепенное обстоятельство: любовь въ предмету ни, еще того менѣе, «усердіе» — далеко не гарантируютъ достоинствъ произведенія. Между тѣмъ въ Аристовѣ читатель находитъ двойную и обстоятельную характеристику: во-первыхъ, одной изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ развития, во-вторыхъ, характеристику одного изъ типичнейшей интеллигенціи, именно одного изъ *типовъ*, а не только личности.

Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что здѣсь гораздо болѣе важна, нежели заслуги со стороны г. Аристова, тема, изъ которой, была слишкомъ благодарна, а матерьяловъ у него по этому поводу было настолько достаточно, что характеристика явилась бы сама собою, какъ естественный результатъ сопоставленія и свомбинирования множества яркихъ, самихъ за себя говорящихъ данныхъ. Но собственно взглядъ автора на эти данныя не можетъ быть принятъ, то освѣщеніе, которое онъ даетъ фактамъ, не можетъ быть признано правильнымъ. Знаменитая эпоха шестидесятыхъ годовъ, не по изображенію, которое вѣрно, а по авторскому комментарию, которые просто наивны, представляется у Аристова временемъ какого-то страннаго общаго угара, конвульсивнаго, но и болѣзненнаго. Стремленіе къ «фразѣ», къ «модой», къ «безцѣльной политикѣ» — вотъ что прежде всего усматриваетъ Аристовъ въ фізіономіи той эпохи. Для «русской исторіи» такой взглядъ — взглядъ слишкомъ упрощенный.

Соотвѣтственно своему взгляду на эпоху, Аристовъ смотритъ и на личность, точнѣе сказать, на горькую судьбу Щапова, именно полагаетъ, что его погубило тогдашнее господствующее направленіе нашего общества.

Онъ говоритъ:

«Если бы Щаповъ оставался въ духовной академіи, при преимуществомъ умственныхъ работахъ, изъ него бы вышелъ современный изъ замѣчательныхъ ученыхъ русскихъ людей.»

Но въ лихой, видно, часъ сдружился Анастасій Прокофьевичъ съ опитомъ, который невольна и бессознательно, съ самымъ искреннимъ стѣмъ, при громъ рукоплесканій, повелъ его по прямой дорожкѣ къ...

Я говорю это не съ цѣлью оправдать Щапова и всю вину свалить на университетъ, но желаю только показать, что новая сфера содѣйствовала развитію интереса къ политикѣ, подталкивала на задорное вѣшателю современнаго преобразованія. Время появленія Щапова на университетѣ было критическимъ даже для опытныхъ профессоровъ русской исторіи, а не только для такого податливаго и совершенно неопытнаго ученаго. Это была пора крайнихъ увлеченій русской молодежи (да и молодежи!), которая вошла въ роль цѣнителя ученыхъ талантовъ и...

глаголовъхъ въявовъ профессорамъ. Громъ рукоплесканій и эниміамъ студентскихъ куреній оглушилъ и отуманилъ Щапова, но онъ не подозрѣвалъ, что весь этотъ мишуурный блескъ и фальшивый трескъ онъ долженъ купить цѣною свободы и самостоятельности своихъ ученыхъ работъ, что теперь не онъ будетъ руководителемъ занятій студентовъ, а они станутъ распознаться даже его выборомъ предмета для лекцій. Студентамъ тогдашняго времени, особенно множеству вольнослушающихъ недоучекъ, нужны были не чуждыя лекціи, а громкія забираТЕЛЬНЫя фразы» (61).

Дѣло, такимъ образомъ, объясняется: сначала Щапова «погубили» студенты, университетъ, развивши въ немъ «интересъ къ политикѣ», а довершили его погибель, какъ, съ своей точки зрѣнія, совершенно логично утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ Аристовъ — журналисты, къ которымъ за то-ли или еще за другое что авторъ чувствуетъ непримиримую ненависть. Не трудно объяснить происхождение этого взгляда. Г. Аристовъ, очевидно, принадлежалъ къ тому распространенному типу схоластиковъ-ученыхъ, которые за деревьями не видятъ лѣса, за наукой не видятъ жизни, для которыхъ ихъ рабочій кабинетъ съ его фоліантами, колбами и ретортами и мильи, и дороже, и выше, нежели какой-бы то ни было «базаръ житейской сцены». Безполезно говорить объ этомъ. Вспомните превосходный разговоръ Фауста съ Вагнеромъ во время ихъ прогулки во армаркѣ и дѣло объяснится вамъ до самой сокровенной его глубины.

Но Аристовъ, повторяемъ, добросовѣстно собралъ и хорошо, только сгруппировалъ факты, въ которыхъ затѣмъ мы постараемся разобратъ уже безъ его помощи. Личность Щапова, какъ мы замѣтили выше, вдвойнѣ типична. Щаповъ обладалъ умомъ рѣдкой проницательности, громадной способностью къ систематизаціи и къ синтезу. Онъ не сказалъ намъ «новаго слова», но только потому, что не успѣлъ договорить его, а оно ужъ было у него на устахъ. Прежде чѣмъ пойти по новому пути, ему необходимо было пройти обратно всю ту длинную дорогу, по которой онъ до сихъ поръ шелъ, развязаться съ тѣми понятіями, которыя были собственно привиты ему. Щаповъ былъ бурсакъ: этимъ, если не все, такъ много сказано. И за всѣмъ тѣмъ его основныя идеи были дотога глубоки, вѣрны и жизненны, что даже теперь, послѣ смѣлыхъ пережитыхъ нами умственныхъ пертурбацій, не утратили ни на волосъ своего значенія.

Чрезвычайно любопытна та обидная иронія судьбы, благодаря которой Щаповъ, этотъ искреннѣйшій противникъ бюрократизма, принужденъ былъ сдѣлаться чиновникомъ, да еще долженъ былъ считать это за счастье. По недостатку мѣста мы, впрочемъ, не будемъ распространяться объ этомъ эпизодѣ, тѣмъ болѣе, что онъ все-таки является только характерною частностью и даже слу-

чайностью. Несчастье Щапова лежало глубже, въ самомъ его нравственной природы. Превосходный теоретикъ, почти мечтатель, почти даже утопистъ, отличный историческій публицистъ, онъ являлъ собою, по словамъ одного некроложистовъ, «человѣка совершенно неспособнаго во главѣ какого-бы то ни было практическаго предприятия всѣмъ негоднаго организатора, хотя буйнаго на рѣчахъ».

Всего этого, конечно еще мало для того, чтобы составить счастье» человѣка: не всѣмъ-же теоретикамъ быть практикующими и не всѣмъ практикамъ быть хорошими мыслителями. Но несчастье Щапова заключалось не въ его непрактичность, а въ причинахъ этой самой непрактичности, или, точнѣе говоря, въ свойствахъ и характерѣ. Не то, разумѣется, бѣда, что напр. рѣшительно не зналъ цѣны деньгамъ, позволялъ себѣ плуатировать кому угодно и какъ угодно, легко сходился и еще легче расходился съ людьми, съ которыми вообще совѣтъ умѣлъ ладить и т. п. Все это — только полгоря. Настоящая истинная непрактичность Щапова заключалась въ томъ, что онъ не владелъ искусствомъ, полезнымъ искусствомъ оппортунизма. Обломовъ говаривалъ: «какъ же такъ вдругъ?» Щаповъ былъ съ искреннимъ недоумѣніемъ спросить: «какъ же такъ вдругъ?» Никто лучше его не могъ-бы и поговорить о законахъ историческаго развитія, о фатальной необходимости прогресса и т. д. Это въ теоріи. А на практикѣ тотъ-же Щаповъ и удивлялся, и горевалъ, и негодовалъ отъ воды того, что какъ-же такъ, въ самомъ дѣлѣ: и тапъ лапъ былъ, а корабли все нѣтъ какъ нѣтъ. Это была не только ошибка, не заблужденіе ума, — это было слѣдствіе слишкомъ горячаго, нетерпѣливаго чувства, которое не способно къ указанію разсудка. Къ этимъ общимъ причинамъ необходимо прибавить частныя, очень вѣрно и тонко указанныя Арцыбашевымъ: «Бурсацки-монашеское воспитаніе, невыносимое положеніе, нѣтъ, приниженіе и тискахъ съ дѣтства, заставляли всю жизнь обнаруживать во всей широтѣ собственное достоинство и бороться бурно и въ уродливыхъ формахъ, когда человѣкъ смѣлѣе и храбрѣе при ненормальномъ состояніи» (39). Изъ всего этого должно было выйдти. Глубокое ведо- живую жизнью вообще и, въ частности самимъ собою, роковымъ привело Щапова къ необходимости искусственнаго забвенія въ свою очередь, привело къ разрушенію его силъ и вѣдѣній — одною разбитою жизнью на Руси стало больше, имѣвшею всѣ данныя на плодотворный и пышный разрывъ.

Щаповъ былъ не только русскій интеллигентный человекъ

человѣкъ шестидесятыхъ годовъ. Главный смыслъ той эпохи заключается, разумѣется, въ пробужденіи общественнаго духа, въ обновленіи въ тогдашнемъ обществѣ — не собственно въ луч-
хъ и передовыхъ только его людяхъ, а въ его массѣ, въ чемъ заключается вся важность факта — интересовъ теоретическаго дѣя-
тельства. Шаповъ, при его страстной, отзывчивой и увлекающейся натурѣ, не могъ, разумѣется, къ огорченію своихъ благонаправленныхъ
варящей, въ родѣ Арпстова, успѣть въ своемъ кабинетѣ, вышелъ
и возоблававшуюся улицу и смѣшался съ толпой.

Ясное дѣло, что человѣкъ, способный такъ мыслить и такъ
чувствовать, человѣкъ «живой» въ высшемъ и лучшемъ значеніи
того слова, не могъ удовлетвориться ученою, кабинетно-архивною
дѣятельностью. Но для Шапова этотъ поворотъ пришелъ слиш-
комъ поздно. Переходъ отъ рукописей «Соловецкаго монастыря» и
ископныхъ книгъ къ Дарвину, Риттеру и Боклю былъ слишкомъ
грутъ. Шапову пришлось, можно сказать, переучиваться, а это не
легко даже въ молодости, когда не только легче воспринимается,
что нужно воспринять, но и легче забывается, что нужно забыть.
Въ результатѣ — опять-таки оно — наше русское отчаяніе, наше
классическое «горе отъ ума» и отъ сознанія своего безсилія, и
своей неудачливости.

Шаповъ жила какъ умеръ, а умеръ онъ вотъ какъ: «онъ силь-
нѣе опустился и здоровье измѣнило ему совсѣмъ: въ послѣднее
время онъ едва таскалъ ноги, охромѣлъ и ходилъ тихо, пошаты-
вался, точно старикъ; зрѣніе его до такой степени притупилось,
что онъ едва могъ читать свою крупную и размашистую руко-
пись. Не задолго до кончины своей, онъ иногда приходилъ голод-
ный къ знакомымъ и просилъ, чтобы накормили его; обыкновен-
ной его домашней пищей былъ чай съ хлѣбомъ. Отсутствие пи-
щанія ускорило развязку дѣла и сократило его злополучную
жизнь; безъ добрыхъ людей и раньше онъ могъ-бы умереть съ
голода» (123).

Въ память столѣтняго юбилея присоединенія Крыма. **Воспомина-
нія о Крымѣ.** Кн. Е. Горчаковой. Одобрено ученымъ
комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для город-
скихъ и народныхъ училищъ. Москва, 1883.

Книга кн. Горчаковой, какъ видитъ читатель изъ заголовка,
получила уже официальную санкцію: что можетъ прибавить по-
тому не официальный, «штатскій» рецензентъ? Даже напечатана
книга кн. Горчаковой не въ обыкновенной частной типографіи, а

въ типографіи «Общества распространенія полезныхъ книгъ» слѣ этого можетъ-ли быть какое-нибудь сомнѣніе въ ея дѣлахъ? И дѣйствительно, книга кн. Горчаковой весьма и заслуживаетъ всяческаго «одобренія». Извѣстно, какъ лягутся наши гиды. Это какая-то сушь, какая-то убитая проза, какой-то бездушный реестръ замѣчательныхъ мѣстностей, ничего не говорящій ни уму, ни сердцу. Совѣтъ находимъ мы у кн. Горчаковой. Съ обстоятельностью и съ обстоятельностью составителей гидовъ она соединяетъ такую пластичность изображенія и такую силу лирическаго пафоса, которыми щаютъ ея книгу въ неподдѣльное поэтическое произведеніе. Книга кн. Горчаковой не просто гидъ, это гидъ—поэма, картина, гидъ—симфонія. Княгиня не хуже какого угодно талантливаго фюрера расскажетъ, что, на примѣръ, въ Евпаторіи бульваръ четыре раза въ недѣлю играетъ музыка отъ 6 часовъ вечера и два раза она играетъ для танцующихъ въ окрестности бульвара», что куполь тамошней мечети «имѣетъ 30 діаметръ», что жигелей въ Евпаторіи «болѣе 8,000», что въ сутки княгиня получила «большой, чистый номеръ, меблированный, а за 1 рубль обѣдъ, довольно вкусный» и пр. Въ этомъ отношеніи — т. е. въ отношеніи обстоятельности кн. Горчакова всегда остается вѣрна себѣ: покушаетъ-ли остановится-ли гдѣ, съѣздитъ-ли куда—она никогда не прибавитъ: за обѣдъ, за номеръ, за коляску заплачено сколько. Если-же княгиню кто-нибудь сопровождалъ, то она не добавитъ: участвовалъ такой-то. Но это — только одна дѣла и не нужно думать, что «воспоминанія» княгини являются воспоминаніями объ уплаченныхъ счетахъ. О, и сердце княгини включомъ бѣжить, — нѣтъ, мало — фонтанъ бѣжить, — нѣтъ, мало, — водопадомъ бушуетъ источникъ чистоты поэзіи, благодаря которому ея книга приобретаетъ высочайшій жественный интересъ. Кн. Горчакова — такова сила таланта, умѣетъ находить поэзію въ самыхъ обыденныхъ вещахъ. Поэтический экстазъ такъ иногда овладѣваетъ ею, что она прибываетъ бросать прозаическое изложеніе и прибѣгать къ молитвѣ боговъ, которымъ владѣетъ въ совершенствѣ. Беретъ, на примѣръ, княгиня сакскія грязныя ванны: что можетъ быть предметомъ поэзіи этого? Но даже этотъ низкій предметъ можетъ заставить бѣгнуть къ лирѣ и прозвучать:

Вотъ лежу я на Сакской площадкѣ,
 Подо мной благодѣтельный иль
 И меня онъ какъ пологъ свинцовый,
 Всю окуталъ и плотно закрылъ.

И горить мое сердце любовью;
Взоръ усталый туманить слеза,
И хвалу Всемогущему Богу,
Съ тайнымъ трепетомъ, шепчуть уста...

Мы привели только первый и послѣдній куплеты стихотворенія, потому что хотя княгиня пишетъ стихи божественно, но нѣсколько длинновато. Затѣмъ, отдавши дань справедливаго удивленія силѣ поэтическаго чувства нашего автора, намъ остается только сказать, что вся книга преисполнена описаній различныхъ Алупъ, Алуптъ, княжескихъ и графскихъ дачъ. Разъ, только разъ, пришли княгини не въ добрый часъ горькія мысли и она написала: (переходя отъ однихъ властителей къ другимъ, Таврида продолжала быть все также цвѣтущей и благодатной. Земля, все также щедро вознаграждала труды земледѣльца, торговля процвѣтала и даже, подѣ владычествомъ турокъ, Крымъ продолжалъ быть богатымъ и многочисленнымъ. Только со времени присоединенія его къ Россіи, онъ сталъ видимо пустѣть; выселеніе грековъ къ Азовскому морю, ногайцевъ—въ Мелитопольскій и Бердянскій уѣзды, южно-бережныхъ татаръ—въ горы и, наконецъ, въ 1865 году послѣднее переселеніе ихъ въ Турцію, въ количествѣ почти 100,000 душъ, нанесло окончательный ударъ промышленности и благосостоянію края, гдѣ, несмотря на призванных потомъ колонистовъ нѣмцевъ и чеховъ, очень много пустопорожныхъ и истощенныхъ земель. Крымъ, на каждомъ шагу, неприятно поражаетъ рѣзкими противоположностями; съ одной стороны роскошь въ роскошные парки, съ другой—бѣдность, доходящая до нищеты безземельнаго русскаго населенія, постепенное обѣдненіе татаръ и нѣныя участки земель, истощенные, или даже совсѣмъ не обработанные» (142—144). Эта страничка является чернымъ пятномъ на общемъ нѣжно-розовомъ фонѣ книги, рѣзкимъ диссонансомъ, среди ласкающихъ ухо мелодій сладкозвучной лиры кн. Горчаковой. Но за то это единственное мѣсто, которое нельзя ни «забыть», ни признать «полезнымъ».

Малеонскій. *Владиславль*. Повѣсть изъ быта семинаристовъ и духовенства. Спб. 1883.

«Вотъ еще одна жертва несчастная» — жертва литературнаго тщеславія и нелѣпѣйшихъ претензій, Богъ вѣсть откуда явившихся, Богъ вѣсть на чемъ основанныхъ. Послушайте, что и какъ говоритъ г. Малеонскій въ предисловіи:

«Къ великому прискорбію, мы видимъ, что не только въ современной но и въ литературѣ 50 и 60 годовъ не

было подробнаго и правдиваго описанія быта семинаристовъ и дѣвъ въ формѣ повѣствовательной, беллетрической, болѣе пригодной для рода описаній. Съ цѣлью представить современной читающей публикѣ быта и нравовъ семинаристовъ и духовенства въ предреформенныя времена мы рѣшаемся выпустить въ свѣтъ свои очерки быта и нравовъ семинаристовъ и духовенства 50 и 60 годовъ одной изъ среднихъ губерній, Россіи, повѣсти, подъ заглавіемъ «Владиславлевы». Сочиненіе это писано еще въ бытность нашу въ богословскомъ классѣ семинаристовъ и дѣвъ курса семинаріи во время жизни нашей въ деревнѣ. Въ свое время могло-бы имѣть совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ теперь; но ему не случилось появиться на свѣтъ Божій въ то время, потому-что тогда въ толстѣяхъ любили помѣщать одни только пасквили на семинаристовъ и дѣвъ, а правдиваго слова не хотѣли и видѣть въ печати; у насъ-же не было никакихъ средствъ на изданіе столь обширнаго труда, состоящаго изъ трехъ большихъ томовъ. И теперь мы можемъ выпустить его не иначе, какъ отдѣльными томами, если публикѣ угодно будетъ благосклонно принять настоящій первый томъ».

Это говорить человѣкъ, который на *пятистахъ* большого формата не обмолвился ни однимъ сколько-нибудь вымысломъ или умнымъ словомъ, не далъ ни одной сколько-нибудь картинной, ни одного характера, ни одного типа! Мы не будемъ приводить образчиковъ изъ «повѣсти» г. Малеонскаго въ доказательство нашего мнѣнія о всесовершеннѣйшей бездѣльности автора, не будемъ, потому что въ повѣсти нѣтъ даже и смысла характерныхъ мѣстъ: г. Малеонскій пишетъ удивительно «ровно», т. е. всегда не умно, но и никогда — вопиюще-глупо. Читатель не повѣритъ намъ на слово — онъ можетъ проверить опытно, раскрывая книгу г. Малеонскаго на любой, только на любой страницѣ: томительная скука, которая охватываетъ при этомъ, послужитъ достойной карой его невѣрію. Г. Малеонскій, безъ сомнѣнія, добросовѣстный рассказчикъ, добросовѣстно сывааетъ то, что видѣлъ и такъ, какъ видѣлъ. Но если бы онъ хотѣлъ быть писателемъ, достаточно только не лгать — тогда бы онъ былъ лядящее дѣло. Каждый изъ насъ кое-что пережилъ, видѣлъ и испыталъ, каждому изъ насъ есть что поразить себя и о своей жизни, но это еще не значитъ, что каждый изъ насъ можетъ быть писателемъ. Фактической правды потребности еще слишкомъ мало; нужна правда внутренняя, та, которая дается только пониманіемъ общаго духа жизни, пониманіемъ смысла и значенія изображаемыхъ явленій. О фактической правдѣ разсказа забота лежитъ на репортерахъ, а не на писателяхъ. Никогда и нигдѣ настоящіе писатели не копируютъ жизни, не исключая даже и новѣйшихъ «протоколовъ» романистовъ, глава которыхъ — Зола — всегда старается — и

— давать не фотографіи, а типы, т. е. отвлеченія и обобщенія, полнаго олицетворенія которыхъ нельзя найти въ кон-
кретной дѣйствительности. Этихъ азбучныхъ истинъ г. Малевичъ не знаетъ. Въ его глазахъ все одинаково важно, все равно, какой подробности изображенія, потому-что вѣдь все въ дѣйствительности *было*, а изъ пѣсни слова не выкинешь. Въ ретортѣ—даже не протоколъ (потому-что и протоколъ имѣеть право констатировать только существеннѣйшія стороны факта), а какая то скучная и безконечная канитель. «Повѣсть» (хороша повѣсть!) г. Малевича, какъ видѣлъ читатель изъ предисловія, должна состоять изъ четырехъ огромныхъ томовъ. Удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Если описывать рѣшительно все, что попадетъ въ глаза: огородъ—такъ огородъ, заборъ—такъ заборъ, человекъ—такъ человекъ—тогда можно писать повѣсти въ сорокъ и более томовъ. Для этого требуется только крѣпкая спина, огромное терпѣнье да умѣнье нанизывать слова.

Невѣжественность г. Малевича равняется только его самонадеянности. Онъ искренно убѣжденъ, что открылъ какую-то новую Америку и пресерьезно увѣряетъ, что до его невѣроятной «повѣсти» въ нашей литературѣ «не было подробнаго и правдиваго писанія быта семинаристовъ и духовенства». А знаменитые очерки бурса Помяловскаго? О, это только пасквиль, говоритъ г. Малевичъ. Но говоря это, онъ рассказываетъ о бурсѣ буквально то же, что рассказывалъ и Помяловскій: тоже безчеловѣчное дранье шкуры, тоже голоданье и холоданье ихъ, тоже бессмысленное бранье, тѣ-же дикіе нравы, та-же невозможная обстановка. Разница вся въ томъ, что въ десяти строкахъ Помяловскаго больше таланта, художественной правды, нежели во всѣхъ пятидесяти страницахъ г. Малевича. Въ качествѣ маньяка, г. Малевичъ не понимаетъ этого и убѣжденъ, что «толстые журналы» почему-то не печатали его невозможныхъ писаній, что «не хотѣли брать въ печати правдиваго слова». Какіе эхидные а, вѣрнѣе сказать, какіе глупые эти толстые журналы: «правды» не хотятъ печатать. Г. Малевичу нужно серьезно полечиться. Онъ нуждается не въ критикѣ, а въ холодныхъ душахъ.

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ.

Старая пѣсня о нашей бѣдности.—Какъ въ глѣбной торговлѣ насъ мы наши «за-атлантическіе друзья».—Причины этого.—Безсознательное нѣ народа къ возстановленію нарушеннаго равновѣсія въ производ- сти.—Исканіе «лучшихъ мѣстъ». — Положеніе нашего сельскаго труда.—Какъ культурные слои разрушали бытовыя учрежденія наро- чемъ заключается тотъ «клинъ», который разъединилъ народъ и кул- слои.—Крестьянское общинное мировоззрѣніе и культурный процессъ. Юридическія воззрѣнія народа и отношеніе къ нимъ культурныхъ сло- Права народнаго міра.—Облегченія, дарованныя народу во время тор-

Наши домашнія дѣла были всегда просты и на очередь стоялъ одинъ и тотъ-же, до сихъ поръ неразрѣшенный, о нашей бѣдности. Изъ биржевой хроники мы знаемъ, что дѣла идутъ вяло, курсъ не поправляется и можетъ править дѣло хорошей экспортъ, виды на который, оди- ло положительны». Но если-бы они даже выяснились новились, то это былъ-бы только частный фактъ, ющій никакого вліянія на общій ходъ дѣлъ. Наша бѣ- но въ томъ, что мы вѣчно рассчитываемъ на волю на случайности; а не на твердо выясненную, сознательную тановившуюся систему народно - государственнаго хозяйства у насъ и совсѣмъ нѣтъ. Вышли мы когда-то, совершенно чайно, роковымъ, фатальнымъ образомъ «житницей» и, и- шись въ этомъ званіи, совсѣмъ и не замѣтили, какъ шагъ- гомъ, понемного и постепенно наши плодородныя земли и- быть плодородными и какъ культурный, предпринимчивый, и энергическій американецъ почти совсѣмъ вытѣснилъ европейскихъ рынковъ; такъ что, пожалуй, намъ придется со- всѣмъ закрыть свою житницу. Ну какъ-же тутъ рассчитывать *хорошій* экспортъ, когда и худой намъ не по силамъ. Историческій законъ, что «бытіе опредѣляетъ сознание, знаніемъ опредѣляется бытіе», больше всего примѣняется къ сѣи. Россія именно только «громадный фактъ» — фактъ, пока еще не овладѣло русское сознание и вся работа

мен, до сихъ поръ только подготовительная, заключается въ томъ, чтобы выработать общественное сознание. Но сознание не создается однимъ умствованиемъ — оно создается фактомъ въ послѣднемъ моментѣ его развитія или тогда, когда по живописному сравненію Бисмарка — «жизнь прижметъ къ стѣнѣ». Насъ-же пока жизнь еще несовсѣмъ къ стѣнѣ прижала и только этимъ объясняется, что какъ мы ни скрипимъ, какія не встрѣчаются въ нашей жизни ненормальности, а мы все полземъ, какъ ползли до сихъ поръ.

Въ концѣ апрѣля, г. Федоровъ читалъ въ статистическомъ отдѣленіи московскаго юридическаго общества весьма любопытный рефератъ о хлѣбной конкуренціи Россіи и Соединенныхъ Штатовъ.

«Приблизительно, хлѣбный спросъ всего міра, говоритъ г. Федоровъ, выражается количествомъ до 1 миллиарда пудовъ зерна. Излишкомъ хлѣба обладаютъ Соединенные Штаты, Россія, Австро-Венгрія, Британская Индія, Румынія, Египетъ, Данія, Канада, Алжиръ, Чили, Австралія, Испанія, Швеція, Аргентинская республика; другія: Великобританія, Франція, Германія, Норвегія, Греція, Португалія и пр. — ввозятъ къ себѣ хлѣбное зерно. По вывозу пшеницы, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ и Россіи, занимающихъ первое мѣсто, начинается выдаваться въ послѣднее время Британская Индія. Она вызываетъ опасенія своею конкуренціею даже въ Соединенныхъ Штатахъ. Что касается Россіи, то съ 1878 года значеніе ея быстро падаетъ на международномъ хлѣбномъ рынкѣ, значеніе-же Америки, напротивъ, возвышается; по пшеницѣ она насъ значительно пересилила, какъ и по кукурузѣ, и уступаетъ намъ въ вывозѣ ржи и овса. По главнымъ рынкамъ русскій и американскій хлѣбъ распредѣляются такимъ образомъ. За 16 лѣтъ вывозъ въ Англію изъ Соединенныхъ Штатовъ разнаго зерна (пшеницы, ржи, овса, ячменя и кукурузы) возросъ съ 31 до 208 мил. пуд.; русскій-же вывозъ спустился съ 52 мил. пуд. до 36 мил. пуд. Средній годичный вывозъ въ Англію изъ Соединенныхъ Штатовъ за этотъ періодъ былъ 111,5 миллионовъ мил. пуд., изъ Россіи—54 мил. пуд. Вывозъ пшеницы изъ Россіи въ Англію съ 42 мил. пуд. въ 1867 г.—упалъ ниже 10 мил. пуд. въ 1880 г., и поднялся до 27 мил. пуд.—въ 1882 г., тогда какъ американскій вывозъ за то-же время, начавъ въ 1867 году съ 12 мил. пуд., превысилъ въ 1881 г. 100 мил. пуд. и былъ болѣе 90 мил. въ 1882 г. Такимъ образомъ, въ Англіи мы постепенно теряемъ подъ собою почву на хлѣбномъ рынкѣ; насъ вытѣсняють Соединенные Штаты, не смотря на то, что спросъ хлѣба на авглійскомъ рынкѣ съ 1867 г. удвоился. Принимая во вниманіе

„Дело“ № 6, 1883 г. II.

это обстоятельство, получимъ еще болѣе рѣзкій результатъ въ Америкѣ: тогда какъ въ 1867 г. только 12% англійскаго спроса удовлетворялись Америкой, въ 1880 г. ея отпускъ составлялъ уже 65%. Франція также постепенно увеличиваетъ на хлѣбъ, и при возросшемъ въ 3, 4 раза спросѣ, мы, менѣе, теряемъ и этотъ рынокъ. Въ 1877 г. мы удвоили спросъ французскаго рынка, Соединенные Штаты—среднемъ по 1881 г., мы—26%, Соединенные Штаты—36%, Германию Соединенные Штаты не вывозятъ почти ничтожнаго количества на германскомъ рынкѣ мы терпимъ косвенное поражение Америки, благодаря тому, что Германия, перепродавая хлѣбъ, вытѣсняется постепенно Америкой съ ея рынковъ, вслѣдствіе этого, сокращаетъ закупки русскаго зерна».

Что-же благоприятствуетъ такому быстрому преобладанію рынковъ американскаго хлѣба и развитію американскаго производства. Причинъ этого много. При вдвое меньшемъ числѣ населенія, половинномъ числѣ сельскихъ рабочихъ, Соединенные Штаты производятъ зерновыхъ продуктовъ въ общей сложности въ болѣе, нежели производитъ Россія. Американскій фермеръ получаетъ съ земли почти вдвое болѣе нашего земледѣльца, и на истощенныхъ земляхъ. У насъ если и есть громадные участки хорошей земли, то они пустуютъ (2/3 площади удобныхъ по изслѣдованію г. Южакова). Въ Америкѣ, напротивъ, земли занимаются легко и площадь посѣвовъ быстро расширяется. Съ 1851 г. число фермъ съ 1,329 тыс., возросло до 1,875 тыс. По цѣнѣ 1 1/4—2 1/2 дол. за десятину, какъ было до 1850 г., теперь-же, уплативъ только издержки межеванія (около 35% съ десятины) и обязавшись воздѣлывать землю, всякій можетъ приобрести участокъ государственной земли въ 32 штатахъ. По размѣрамъ владѣній фермы распределяются въ слѣдующемъ образомъ, что фермы величиною до 20 акровъ 9,5% отъ всего, отъ 20—50 акровъ 19%, отъ 50—100 акровъ 26%, отъ 100 до 500 акровъ 26%, отъ 500—1,000 акровъ 19%, отъ 1,000 акровъ и болѣе 9%. Крупное-же землевладѣніе, т. е. фермы выше 1,000 акровъ составляютъ только 0,64%. Средній размѣръ фермы—55 десятинъ. Такое землевладѣніе не имѣетъ будущности въ Соединенныхъ Штатахъ. Капиталы тамъ съ болѣею выгодною находятъ себя не въ разныхъ отрасляхъ промышленности и, главнымъ образомъ, въ торговлѣ; только въ бывшихъ рабовладѣльческихъ штатахъ, въ западныхъ и Мексикѣ сосредоточиваются капиталы и хозяйства. Въ распредѣленіи земельной собственности, между прочимъ, разгадка быстрого роста американскаго производства. Условія этого рода въ нашемъ отечествѣ неблагоприятны. Крестьянство наше сидитъ на малыхъ

производительныхъ надѣлахъ, рабочихъ силъ больше, но оны утилизируются слабо въ земледѣліи. Переходъ къ положенію самостоятельнаго земледѣльца у насъ затрудненъ, при цѣнахъ на землю и на трудъ высокыхъ сравнительно съ американскими. Со стороны государственнаго обложенія, условія, въ каковыхъ находится американскій земледѣлецъ, вдвое почти легче нежели у насъ. Заработная плата въ Америкѣ настолько высока, что работникъ въ 3—4 раза легко составляетъ себѣ сбереженіе, достаточное для того, чтобы сдѣлаться собственникомъ. Далѣе, американскому вывозу благоприятствуетъ, при громадной производительности хлѣба, существованіе огромныхъ излишковъ, сверхъ количества, необходимаго для внутренняго продовольствія. У насъ, напротивъ, всегда является вопросъ, что мы собственно вывозимъ за границу: дѣйствительно-ли имѣющіеся у насъ излишки или ресурсы народнаго продовольствія, такъ какъ на продовольствіе сельскаго населенія обыкновенно не хватаетъ у насъ хлѣба въ большинствѣ мѣстностей. Наконецъ, условія транспортировки хлѣба, меньшее количество ложащихся на цѣну хлѣба накладныхъ расходовъ, благодаря механическимъ приспособленіямъ, въ примѣненіи къ транспортировкѣ и крайне удобная организація торговли при помощи варьянтной системы — все это, въ совокупности съ вышеуказанными преимуществами Америки со стороны хлѣбной производительности, даютъ ей возможность господства на международномъ хлѣбномъ рынкѣ.

Въ рефератѣ г. Оедорова мы имѣемъ дѣло съ выводомъ изъ громадной массы очень сложныхъ фактовъ, опредѣляющихъ международныя отношенія въ одной изъ основныхъ потребностей и производительностей человѣчества. Народъ не знаетъ этихъ выводовъ. Онъ, правда, участвуетъ въ нихъ, но совершенно пассивно. Онъ образуетъ верховъ, онъ, гдѣ-то тамъ внизу, живетъ жизнью муравейника и не подозрѣвая никакихъ общихъ выводовъ безсознательно, стихійно, стадно пользуется возможностями, которыя ему представляются, безсознательно творя факты, ведущіе къ лучшимъ результатамъ и къ болѣе полнымъ итогамъ. Хотя и безсознательно, народъ не менѣе безошибочно вѣрно стремится возстановить нарушающееся равновѣсіе и направленіемъ его стремленій опредѣляется и направленіе общественнаго сознанія, въ которомъ оно должно работать. Тотъ выводъ, къ которому приходитъ г. Оедоровъ на основаніи тщательныхъ статистическихъ изслѣдованій, составляетъ давно содержаніе народной думы и народныхъ стремленій. Законъ тутъ общій, какъ для Америки, такъ и для Россіи, но то что въ Америкѣ нашло свое выраженіе въ мѣрахъ государственнаго государственно-народнаго хозяйства, у насъ пока вы-

ражается стихійно, исключительно въ ничѣмъ неудержимомъ движеніи народа къ исканію «лучшихъ мѣстъ».

Можетъ быть еще никогда стремленіе народа къ не обнаруживалось въ такомъ размѣрѣ, какъ нынче. Только нѣсколько фактовъ изъ тѣхъ, которыми располучше всякихъ общихъ разсужденій покажутъ, какаямая сила управляетъ этимъ движеніемъ и на сколько и больше она овладѣваетъ народомъ.

«Въ прошломъ году, пишетъ корреспондентъ «Нов. Моршанскъ» прошло нѣсколько сотъ повозокъ поселенцевъ съ началомъ весны снова потянулись цѣлыя верении поселенцевъ, ѣдущихъ куда глаза глядятъ. На-дняхъ одна изъ ходящихъ партій корреспондентъ спросилъ: куда едутъ? Ответили: «на вольныя земли». — Да гдѣ онѣ? «А Богъ знаетъ». Эти поселенцы Козловскаго уѣзда выселились въ новое поселеніемъ, собралось слишкомъ пятьдесятъ повозокъ безъ предварительнаго ходака, котораго нѣкоторые послылаютъ развѣдать, вправду-ли есть еще на Руси такія свободныя земли, можно свободно селиться. За ними поднимаются ещесѣдей.

«Въ послѣднее время въ Таврической губ. замѣтно движеніе переселенцевъ изъ малороссійскихъ губерній дневно переправляющихся черезъ Геническій проливъ моря на Арбатскую стрѣлку Крымскаго полуострова. Мы всѣ они отвѣчаютъ одно и то-же: «Тісно, нигде нѣтъ скотинкою дѣтись». Направляются они въ «Черноморскія» называетъ народъ восточные берега Крыма, — и въ степяхъ, увѣренные, что тамъ просторно. Говорятъ, что тамъ много прохожихъ «служилыхъ», монаховъ и прочаго люда. Идутъ они, конечно, на авось, никто не указываетъ имъ тѣхъ мѣстъ, куда возможно переселиться, никто изъ переселившихся, не предупреждаетъ о тѣхъ условіяхъ, которыя ожидаютъ переселенца на «новыхъ мѣстахъ», въ южныхъ степяхъ далеко не тѣ, что въ сѣверной Сибири. («Рус. Вѣд.»).

«Не проходитъ дня, чтобы не видѣть въ Курскій губерніи значительныхъ партій крестьянъ, ѣдущихъ, по преимуществу, на вольныя земли, въ Черноморье и преимущественно въ Польскую губернію. На-дняхъ прослѣдовала партія подводныхъ на сорока съ семьями изъ Кромскаго уѣзда Курской губерніи. Изъ Курской губерніи болѣе всего едутъ крестьяне Фатежскаго уѣзда. Главною причиною переселенія является малоземелье, весьма высокія арендныя цѣны и

той земли, достигающіе въ послѣднее время до 30 и 35 р. за с. и отсутствіе кредита на земледѣльческія нужды. Между тѣмъ, свѣдѣніямъ, полученнымъ крестьянами, оказывается, что въ харьковской губ. можно за такую-же цѣну и даже дешевле (25 р.) купить землю. («Курск. Листокъ»).

«1-го мая черезъ Николаевъ прослѣдовалъ транспортъ безземельныхъ крестьянъ, изъ Анапьевскаго уѣзда, направляющійся въ Ерзовскъ, т. е. въ Кубанскую область. Причина, побудившая переселенцевъ предпринять походъ, по ихъ объясненіямъ, заключается въ притѣвленіяхъ со стороны землевладѣльцевъ и арендаторовъ, дерущихъ по 8—9 руб. за десятину въ годъ, не считая отбуктокъ (повинности) натурой. Изъ Кубанской области переселенцы ищутъ свѣдѣнія отъ своихъ ходоконъ, что тамъ ихъ брату, землепашцу, живется привольно. («Школ. Вѣстн.»).

«Вопросъ о переселеніи на Амуръ весьма интересуется крестьянъ Кавказской губерніи, а особенно Константиноградскаго уѣзда, гдѣ соединились всѣ неблагопріятныя для земледѣлія условія, хотя пространство этого уѣзда весьма велико, сравнительно съ численностью населенія. Около 500 семействъ запаслись уже общественными притворами для переселенія и готовятся, съ началомъ весны, въ дальнюю дорогу. Еще большее число семействъ думаютъ, совѣтуется и находится въ нерѣшительномъ состояніи, увлекаясь мыслью, что крестьянскій банкъ дастъ имъ возможность приобрести землю. По рукамъ ходятъ телеграммы изъ Благовѣщенска, изъ которыхъ видно, что на каждую семью переселенцевъ будетъ опредѣлено до 100 десятинъ земли и выдано, по приѣзду на мѣсто, по 60 р. Масса телеграммъ, отправляемыхъ въ Благовѣщенскъ съ разными вопросами, принесла телеграфному управленію до 4,000 р. дохода только со станцій, лежащихъ въ чертѣ Константиноградскаго уѣзда. Стремленіе къ переселенію особенно сильно въ д. Черняховецѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ, гдѣ бѣдность крестьянъ, не получившихъ даже усадебъ (какъ въ имѣніи землевладѣльца 3-го) и не имѣющихъ водопоя, ставитъ ихъ въ невыгодное положеніе. («Новости»).

«Побывавъ въ 5—6 большихъ селахъ Константиноградскаго и Кавказскаго уѣздовъ и проѣхавъ до ста верстъ по разнымъ деревнямъ и хуторамъ, вездѣ поневолѣ обратишь вниманіе на брошающуюся въ глаза ужасную бѣдность мѣстныхъ крестьянъ. Порошки заупущены, плетни полуразрушены, а около нѣкоторыхъ деревень и вовсе ихъ нѣтъ. На всемъ пространствѣ корреспонденціи пришлось видѣть ни въ одномъ дворѣ запаснаго хлѣба въ амбарахъ (одонкахъ), даже у такихъ крестьянъ, которые прежде всегда имѣли «залѣтковый» хлѣбъ и часто по нѣсколько стоговъ;

теперь-же не только «залѣтковаго», запаснаго не осталось, а многимъ почти нечего было молотить изъ урожая вслѣдствіе недорода. Сѣна было тоже очень мало, а по достаетъ и кормовъ для скота, количество котораго значительно уменьшилась, благодаря прошлогодней чумѣ. Вездѣ жалуются недостатокъ хлѣба, и запасныя магазины усердно очищаются дающимися въ продовольствіи. Кромѣ голода, не менѣе да чувствуется и холодъ, вслѣдствіе недостатка въ топливѣ было мало. кирпича (кизяка) хорошо заготовить было не только дровами-же тамъ отапливаются весьма немногіе; а тутъ бѣду и зима выпала «лютая». Разныя невзгоды, а главное жажда заставили многихъ крестьянъ предпринять «благое» и переселиться на Амуръ, гдѣ, будто-бы, имъ обещаны льготы. Изъ Варваровки, напр., собралось болѣе 60 семействъ, мало также собралось изъ Бѣлуховки, Поповки, Кармановки и др. («Южн. Край»).

«Переселенческое движеніе для южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи имѣетъ весьма серьезное значеніе. Скопинскій уѣздъ не исключенъ въ этомъ отношеніи; напротивъ, потребность въ переселеніи здѣсь давно назрѣла, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне даже ждутъ, какъ особой милости, правительственной помощи для переселенцевъ. Въ послѣднія 10—15 лѣтъ и направленіе переселенческаго движенія значительно изменилось. Юга переселенцы направляютъ на Востокъ, въ Иркутскую, Оренбургскую и Томскую губ.; вмѣсто случайнаго въ мѣстахъ своихъ отхожихъ заработковъ, крестьяннѣе и выхъ путей. Такъ, напр., весной 1882 г. бывший староста скихъ выселокъ, Петръ Ивановъ, увелъ за собой не одну семью. Прослышавъ про земельный просторъ Томской губерніи, онъ пошелъ посмотрѣть тѣ мѣста. Мѣста полюбились, Ивановъ вернулся на родину, чтобы окончательно переселиться въ Томскую губ., захвативъ семью и распродавъ имущество. Слышавъ сказы о сибирскомъ просторѣ и въ особенности его возможности идти въ такую даль, хотя и здѣсь жили хорошо, произвелъ такое впечатлѣніе; не только родные, но и посторонніе старались сдѣлать Петру Иванова взять и ихъ съ собой. Нѣкоторыхъ увелъ даромъ, съ другихъ бралъ «за показъ мѣста» по ревизской души. Теперь они поселились въ Бійскомъ уѣздѣ Томской губ., и въ письмахъ на родину хвалятъ мѣста, увелъ съ собою своихъ земляковъ. Осенью прошлаго-же года увелъ нѣсколько семей зажиточный хворощевскій крестьянинъ Хворощевцы устроились въ Троицкомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, на арендной землѣ, платя по 60 к. въ годъ за десятину;

ахъ къ своимъ они рисуютъ яркими красками тамошнее при-
юлье. Письма Грязева, Петра Иванова и Захара Митрофанова
ушелъ въ Томскую губ. вмѣстѣ съ послѣднимъ), переходятъ изъ
рукъ въ руки, разнося по рязанскимъ деревнямъ вѣсть о земель-
номъ просторѣ далекой стороны.

Здѣшній крестьянинъ очень недовѣрчиво относится къ такимъ
облазнамъ и идетъ «на Самару» крайне осторожно. Однако, въ
нѣкоторыхъ селахъ всю зиму шла исподволь распродажа имуще-
ства готовящихся выселяться. («Руск. Вѣд.»).

«Съ открытіемъ воднаго пути, переселенческое движеніе по на-
правленію къ Сибири, приостановившееся на время зимы, снова
возобновилось. 11-го мая большой американскаго типа пароходъ
Любимова «Березники», направившійся изъ Казани въ Пермь, до
такой степени переполненъ былъ семьями крестьянъ — переселен-
цевъ, что выдача билетовъ III класса была прекращена за отсут-
ствіемъ мѣстъ на пароходѣ, и масса непомѣстившихся на
пароходѣ крестьянъ расположилась со всѣмъ своимъ скарбомъ на
берегу въ ожиданіи другаго, слѣдующаго въ Пермь, парохода.
Всѣ переселенцы, насколько можно заключить по ихъ нищенскому,
сваленному на песокъ, имуществу, по ихъ незатѣйливому обѣду (хо-
лодная вода изъ Волги съ размоченными въ ней ржаными суха-
рами), — народъ крайне бѣдный. Недостатокъ земли и совершен-
ное отсутствіе даже дровянаго лѣса на мѣстѣ ихъ прежней осѣд-
лости — въ Тамбовской губерніи, — вынудили этихъ несчастныхъ,
продавшъ свои лачуги и весь хозяйственный инвентарь, пуститься
въ дальній путь, въ мѣста, о которыхъ они имѣютъ самое смут-
ное представленіе. Заглазно «облюбовали» они Томскую губернію
и двинулись туда, побуждаемые перспективой совершеннаго обни-
щанія въ будущемъ, если оставаться на мѣстѣ своего прежняго
жительства. Ѣдутъ они безъ всякихъ субсидій, на свои собствен-
ныя деньги, вырученныя отъ продажи своихъ хозяйствъ. («Казанск.
Бирж. Листокъ»).

«Въ концѣ 1882 года у многихъ крестьянъ Саранскаго уѣзда
Пензенской губ. явилось желаніе переселиться въ Западную Си-
бирь, а съ марта мѣсяца 1883 года въ волостяхъ Трофимовской,
Рамодановской, Пушкинской, Салгинской, Голещинской, Кочунов-
ской, Пятинской, Воротниковской и Лукояновскаго уѣзда Лоба-
зовской, шла усиленная распродажа имущества крестьянъ-пере-
селенцевъ и закупка хорошихъ лошадей. Земельные свои душевые
завѣсы крестьяне запродали обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ.
Съ 5-го по 10-е число мая изъ показанныхъ волостей выѣхало до
140 семействъ, или около 680 душъ обоюго пола, на 180 повоз-
кахъ, запряженныхъ въ одну лошадь каждая. Въ одномъ селѣ

Ладѣ собралось 6-го мая на площади 120 повозокъ. Сѣ разбилися на 6 обозовъ и поѣхали на Симбирскъ въ Тѣбернiю, въ Бiйскiй уѣздъ, село Бѣловское и ближайшiя деревни, къ своимъ односельчанамъ и родственникамъ, туда прежде и устроившимся хозяйствомъ. Проѣхать дѣ путешественники 3,000 верстъ и посѣтъ къ полевымъ отъ которыхъ они надѣются добыть себѣ хлѣба на годъ переселенiя—малоземелье, безлѣсiе, высокая аренда земленительныя работы за пастбищныя угодья. («Рус. Вѣд.»)

«Недѣли двѣ тому назадъ неожиданно-негаданно въ прибывать массы крестьянъ съ женами, дѣтми и съ домашнимъ скарбомъ. Сойдя съ вокзала желѣзной дороги, располагались на окрестномъ полѣ, нисколько, повиновая продолжать дальнѣйшiй путь. Когда ихъ стали кто они, откуда и зачѣмъ прiѣхали, то на это получившiй отвѣтъ: ѣдутъ они изъ разныхъ мѣстъ Полтавскiхъ качествѣ переселенцевъ въ Благовѣщенскъ; денегъ проѣздъ и прокормленiе нѣтъ, а поэтому двинутся въ Тулы они не могутъ. На вопросъ — куда-же они двинутся, которые должны были выручить при отѣздѣ за землю, а также другiя вещи, которыми вѣроятно владѣли до переселенцы рассказали: «насъ все время подбивали въ Сибирь, хваля тамошнiя земли, которыми мы можемъ промъ; у насъ-же на родинѣ земли мало, а народу много, траки идти не хочется. Мы послушались совѣтовъ и переселись на новую, плодотворную и весной земли, постройки и все лишнее, надѣясь на средства добратся до новыхъ мѣстъ. Но тутъ-то насъ держали, потребовавъ уплаты старыхъ недоимокъ. Денегъ нечего: отплатиться немнѣгiемъ денегъ нельзя было и въ кредитъ платились, оставшись и безъ земли, и безъ крова, и безъ хозяйства. Мы и рѣшили ѣхать куда глаза глядятъ, пока хватитъ за проѣздъ. Теперь-же у насъ ничего не осталось. Что вы и дѣлайте съ нами». Послѣ невѣроятныхъ мытарствъ, по повелѣнiю ствiя тульскаго губернатора и жандармскаго офицера, переселенцевъ около 800 человекъ двинулась въ дальнѣйшiй путь. Осталось еще болѣе 500 и съ каждымъ днемъ все уменьшается. Что съ ними будутъ дѣлать и какъ управятся—не беремъ, замѣчаетъ корреспондентъ. («Рус. Вѣд.»).

Этотъ ничемъ неудержимый порывъ народа къ отысканiю новыхъ мѣстъ», принимающiй какъ-бы повальный характеръ, вызываетъ на существованiе не менѣе важныхъ и всеобщихъ причинъ, вызывающихъ переселенческое движенiе. И прiчинъ дѣйствительно, есть. Они очень многосложны и раз-

ка въ общемъ сводится къ одной короткой формулѣ: «жить плохо». Въ конечномъ выводѣ это «тѣсно» есть неблагопріятныя условія народнаго труда, зависящія то отъ недостаточнаго количества пашни, то отъ недостаточнаго количества сѣнокошения, отъ безлѣсности, отъ дурнаго качества почвы, отъ стѣсненнаго народнаго быта, отъ высокихъ арендныхъ платъ, отъ большихъ налоговъ, отъ утѣсненій собственниковъ земли, отъ тяжелыхъ кулаковъ, кабатчиковъ и миродовъ, отъ нажима скупщиковъ и перекупщиковъ хлѣба, отъ высокаго тарифа желѣзныхъ дорогъ, отъ недостатка собственнаго хлѣба на прокормленіе, отъ низкой заработной платы, отъ низкой цѣны на хлѣбъ, отъ голодовокъ, отъ накопленія непосильныхъ недоимокъ, отъ безденежности, отъ отсутствія кредита. Причины, создавшія «тѣсно», очень сложны и многообразны, и имѣютъ иногда настолько мѣстный или частный характеръ, что къ нимъ нужно относиться съ большою деликатностію и довѣріемъ. Вотъ, напр., интересныя подробности, сообщаемыя корреспондентомъ газеты «Сибирь», близко наблюдавшимъ одну партію переселенцевъ изъ Курской губерніи. Партія эта состояла изъ 16 семей государственныхъ крестьянъ, изъ нихъ 15 семей были изъ Фатежскаго уѣзда, и одна семья изъ Курскаго. Весь обозъ составляли 20 кибитокъ. Особенность партіи заключалась въ томъ, что изъ 16 домохозяевъ было 8 солдатъ.

Крестьяне переселенцы (фатежскіе) владѣли 3 десятинами пахатной земли, съ весьма ничтожнымъ сѣнокосомъ—божны по 2—3 за душу. Скотину поэтому приходилось кормить соломой. Недостатокъ кормовъ не давалъ возможности обзаводиться сколько-нибудь значительнымъ количествомъ скота; лошадь да корова и только. Сюда же надо отнести давленіе сосѣднихъ помѣщичьихъ экономій, обижавшихъ крестьянъ высокими штрафами за потравы. При сильномъ стѣсненіи крестьянъ въ землѣ, арендные цѣны возрасли въ необычайныхъ размѣрахъ: до 25—30 руб. за десятину. Обыкновеннымъ дополненіемъ къ такимъ аренднымъ цѣнамъ являлась дневная плата за трудъ: за всѣ лѣтнія крестьянскія работы (вспахать, засеять, забороновать, скосить и т. д.) помѣщики платили всего по 5 руб. съ десятины. По словамъ переселенцевъ, безлошадные крестьяне тоже нерѣдко нанимаютъ односельца съ лошадью обработать ихъ землю; обыкновенная плата въ такихъ случаяхъ 15 руб. съ десятины. Крестьяне объясняли такую громадную разницу тѣмъ, что у помѣщиковъ рѣдко работаютъ за деньги; обыкновенно крестьяне, арендуя у помѣщика землю, обязываются въ уплату отработать ему известное число десятинъ; при этомъ, дѣлая ему уступку въ заработной платѣ, они взаимно того пользуются скидкой въ суммѣ аренды.

Другой видъ хозяйственныхъ сдѣлокъ между землевладельцами и крестьянами заключался въ томъ, что, сдавая землю за деньги, помещикъ все-таки выговариваетъ себѣ у арендатора обработку 1 десят. въ рабочую пору. Кроме того, въ окрестности водятся крупные землевладельцы и богатыхъ мужиковъ. Одинъ изъ такихъ мужиковъ 16 тому назадъ, когда земля еще была дешевле, купилъ 150 дес., которыя онъ теперь сдаетъ крестьянамъ; «старикомъ еще иногда добромъ поладишь, если ему не въ это время денегъ, а ужъ этотъ не ждетъ»—разсказывали и

Какъ и вездѣ, такое стѣсненіе въ землѣ, съ одной стороны, рядомъ съ изобиліемъ земли у частныхъ владѣльцевъ; съ другой стороны, разныя прижимки со стороны послѣднихъ, въ крестьянахъ далеко непріятныя чувства.

Всѣхъ податей и сборовъ взимается по 10 р. въ годъ съ солдатъ на 3 р. 70 к. меньше. Платежъ этотъ крестьяне считаютъ какъ плату за землю. «Сколько лѣтъ мы уже платимъ, а земля все не наша!» Очевидно, они предъ собой видятъ себѣ дѣло такъ, что платежъ податей «за землю» долготерпчивъ, пока имъ окупится цѣна этой земли и она останется крестьянской. Весьма интересную особенность поземельнаго рядовъ въ описываемыхъ селеніяхъ составляетъ тотъ фактъ, что усадебныя земли тамъ раздѣлены въ частную собственность крестьянами. въ то время какъ остальная земля—общинная усадебная землѣ крестьяне сѣютъ коноплю и потому цѣна земли довольно высока; передъ переселеніемъ мужики платятъ ее по 20 р. за «шесть»; «шестомъ» называется покровъ ширины и 100 саж. длины; такимъ образомъ цѣна 1 десятины земли доходитъ до 240 р. Изученіе условій быта переселеній на мѣстѣ, быть можетъ, могло-бы дать указанія на внутреннюю связь между приведенными фактами: въ каменіи, напр., находится способъ владѣнія усадебной землей, способу ея обработки, къ ея цѣнности и доходности? Вопросы чрезвычайно важныя и выводы тутъ порой сами собой напрашиваются. Въ очевидной связи съ ослабленіемъ общиннаго быта находится чрезвычайная рѣдкость земельныхъ передѣловъ. Рѣдкость эта до ревизіи передѣла не бываетъ, бываютъ-же только переверстки земли,—напр. земля, оставленная на родичахъ, пойдеть въ раздѣлъ «на новыя души». По оставленію земли переселенцевъ за собою, общество беретъ на себя уплату лежащихъ на нихъ платежей.

Оренбургскій корреспондентъ «Русск. Вѣд.» говоритъ, что одной партіи переселенцевъ изъ Самары, что «они ушли и

тому, что за ними была недоимка, которой они были не въ съ-
тъ уплатить».

О. Беллюстинъ пишетъ въ «Н. В.»: «безхлѣбца и безкорми-
—столичные жители имѣютъ-ли настоящее понятіе объ этихъ
нахъ крестьянской жизни, особенно о послѣднемъ?.. Чтобы имѣть
кое понятіе, нужно воочію видѣть, чѣмъ отзывается онъ во всемъ
ообъ экономическаго быта крестьянина». И описавъ подробности
ого бѣдствія, о. Беллюстинъ замѣчаетъ: «хоть утопись съ гора,—
помощь никто не придетъ: вѣдь взаимно-помощь существуетъ
олько среди сектантовъ. Никто не придетъ!.. А казалось-бы есть
пециальное учрежденіе, назначеніе котораго, главнымъ образомъ,
должно состоять въ томъ, чтобы изыскивать способы и средства,
сли уже не для подъема, то, по крайней мѣрѣ, для предупрежде-
ія окончательнаго упадка экономическаго уровня крестьянства.
Способы для того есть,—не скажемъ вездѣ, по крайней мѣрѣ,
въ нашей мѣстности. Въ чемъ состоитъ самая насущная потреб-
ность нашего крестьянства?—въ количествѣ земли, достаточномъ
для скотоводства и вообще для производительнаго хозяйства.
Имѣется-ли возможность прикупать для крестьянства земли?—
Имѣется вся возможность, скупаютъ-же ихъ въ весьма и въ весьма
начительномъ количествѣ кулаки изъ барства, гражданства,
крестьянства и даже поповства. Зачѣмъ-же остановка?.. За ини-
циаторами и руководителями приеупокъ. Наше крестьянство, осо-
бенно въ дѣлахъ такого рода, все еще стадо, для котораго без-
словно необходимъ двигатель и руководитель—разумѣющій дѣло
по возможности, честный. Вотъ въ этомъ, конечно, и должно
состоять главное назначеніе тѣхъ избранниковъ крестьянства, что
вступятъ членами земскихъ управъ. Полагаемъ,—въ этомъ, а не въ
томъ, чтобы получать крупныя цифры жалованья, развѣивать
тысячъ рублей въ годъ изъ выбиваемыхъ съ крестьянства
налоговъ, да упражняться неустанно въ разработкѣ зеленаго поля съ
успѣхами. А если и дѣйствительно въ этомъ, то въ силу чего
и примѣра не бывало, чтобы упомянутые члены предприняли
какое-либо на дѣйствительную пользу крестьянства, или явились къ
нему на помощь въ той или другой бѣдѣ?.. Или ужъ наше крестья-
нство такъ особенно несчастно, а въ другихъ мѣстностяхъ зем-
ныя управы дѣйствуютъ цѣлесообразнѣе?..»

Въ томъ-то и дѣло, что разрѣшеніе этого вопроса вовсе не
такъ просто, какъ думаетъ почтенный о. Беллюстинъ. Сложныя
причины, лежащія въ корнѣ вопроса, требуютъ и сложнаго разрѣ-
шенія и при томъ разрѣшенія таковаго-же гуртоваго и, такъ ска-
жемъ, повальнаго, всеобъемлющаго и сразу исчерпывающаго, какъ
и само народное стремленіе къ восстановленію нарушен-

наго равновѣсія. Тутъ нечего ожидать отъ сословной и
 торая къ тому-же и некомпетентна, нечего ждать и о
 или части его, на которую указываетъ о. Беллюстинъ.
 лѣтъ, прошедшія со времени освобожденія крестьянъ,
 уже выяснили положеніе крестьянскаго вопроса, что ста
 очевиднымъ, съ какой стороны можетъ явиться для в
 шая помощь. Система опекуства была вполне по
 ствительна во время крѣпостного права; но теперь о
 носить ничего, кромѣ горькихъ плодовъ. При крѣпост
 съ его quasi-патріархальнымъ бытомъ, имѣніе съ пом
 главѣ составляло хозяйственную единицу. Тутъ было к
 дить на помощь и помощь эта вытекала изъ той эко
 связи, какая существовала между собственникомъ зем
 бочей силой. У помѣщика не могло быть экономическ
 низма съ его крестьянами и если они были его даров
 силой, то для эксплуатаціи этой силы имѣлся извѣстн
 не только чисто-экономическій, но и нравственный. Съ
 ніемъ крестьянъ въ нашемъ народномъ быту произош
 же переломъ, какой случился въ экономическомъ бытѣ
 изобрѣтеніемъ машинъ. Патріархальность отношеній
 нравственная связь между крестьяниномъ и барини
 что составляло прежде нѣчто цѣльное, стало разрозне
 лически крестьянинъ сталъ свободенъ. но экономическ
 тился въ большей зависимости и вмѣсто одного пре
 щика, которому и лично былъ не расчетъ раззорять
 перь спелася цѣлая эксплуатирующая его сѣть, въ к
 запутался, какъ муха въ тенетахъ паука. Свобода да
 средствъ для борьбы съ покупателями его труда, или,
 зать, никакихъ. Ну какія возможности существовали д
 чтобы охранить себя противъ наживы, которая росла
 по днямъ, а по часамъ и которая умѣла пользоват
 шимися для нея благоприятными условіями. Отноше
 сѣдямъ-землевладѣльцамъ совершенно измѣнились —
 концовъ мужикъ превратился исключительно въ рабоч
 товаро-трудъ и до него какъ до человѣка нанимател
 никакого дѣла. Я помню, какъ на соляныхъ варницах
 цей, на вопросъ, отчего разсолъ возять людьми, а не
 рабочіе мнѣ отвѣтили, что лошадь стоитъ денегъ и об
 хозяину убытокъ, а умри рабочій—убытку нѣтъ, кот
 чій хозяину ничего не стоитъ.

Совершенно подобныя-же отношенія возникли и у
 хозяиномъ и рабочимъ. Прежде, когда крестьянинъ
 ственностью, владѣлецъ заботился о немъ какъ о ве

въ норѣ, какъ эта вещь не стала никому принадлежать и заботиться о ней было некому, а самъ о себѣ крестьянинъ заботиться не могъ, О. Беллюстинъ жалуется, что «никто не придетъ», да кому-же придти? Кулакъ и кабатчикъ не придутъ, потому-что нельзя-же имъ идти противъ себя. Купецъ, скупавшій земли помѣщиковъ, тоже не пойдетъ противъ себя. Бывшій помѣщикъ всталъ къ крестьянину въ чисто экономическія отношенія и смотритъ на него тоже какъ на товаро-трудъ. Земство. Но земскія управы состоятъ изъ людей, ходящихъ подъ тѣмъ-же экономическимъ закономъ: большинство членовъ тоже покупатели товаро-труда. Крестьянскій элементъ имѣетъ въ земствѣ не только ничтожное представительство, но представители его, какъ люди наиболѣе зажиточные, тоже по преимуществу наниматели. Нанимаемые-же сидятъ въ деревняхъ и земскаго представительства собою не изображаютъ. Наконецъ, земство, какъ административный центръ, вѣдающій дѣла *собой*, не имѣетъ ни-средствъ, ни возможности, ни, наконецъ, компетенціи знать и устранять нужды каждой деревни. Прежде знаткомъ и устранителемъ этихъ нуждъ былъ помѣщикъ, но теперь у него нѣтъ никакой связи съ деревней; связь перерублена освобожденіемъ и создать ее уже невозможно. Затѣмъ не только въ земствѣ, но даже и выше, даже въ печати, преобладаетъ вліяніе нанимающихъ и торгующихъ классовъ, защищающихъ свои классовые или сословные интересы, и это на столько естественно, что возлагать на классы, не составляющіе земледѣльческаго населенія, нравственное обязательство заботы объ его выгодахъ едва-ли даже для нашего времени и справедливо. Отъ людей нельзя требовать большей нравственности, чѣмъ та, которую они могутъ имѣть при данныхъ обстоятельствахъ. Не боги-же въ самомъ дѣлѣ нанимающіе купцы и наниматели рабочихъ рукъ. Есть еще, повидимому, одна высшая инстанція—общественный интеллектъ, чувство справедливости и правды. Но и выводы интеллекта, правды и справедливости въ разрѣшеніи вопросовъ народнаго быта зависятъ отъ незнанія. Ну, а что-же мы знаемъ о народномъ бытѣ? Незнаніе *нами*, образованными людьми условій крестьянскаго быта, народнаго экономическаго и юридическаго міровоззрѣнія принесло уже немало горькихъ плодовъ, и разумѣется только этому незнанію *нѣдуетъ* приписать причину нашего народнаго неустройства. Припомнимъ, какъ еще въ XVI ст. ввѣдреніе въ крестьянское земледѣльческое устройство повело къ его распаденію, и какъ еще недавно поступали землемѣры въ Архангельской и въ Вологодской губерніяхъ, на основаніи данныхъ имъ инструкцій. Сложныя об-
щественныя сѣвера были разрушены не на основаніи бытовыхъ треб

ваий, не путемъ народнаго сознанія, а чисто вѣшнимъ. Хотя теперешній министръ государственныхъ имуществъ ниль прежня межевыя инструкціи, но того, что слѣ уже измѣнить не могъ. И не частности важны въ этомъ а общее наше отношеніе къ бытовымъ народнымъ учрежденіямъ къ народному историческому прошлому, къ самодѣятельности мысли и къ правамъ народнаго разума. Въ враждебномъ отношеніи къ народнымъ бытовымъ учрежденіямъ славянофилы и западники усматриваютъ западное вліяніе; но кажется въ ХІХ вѣкѣ у насъ не было и Борисъ Годуновъ и западникомъ. Напротивъ, именно только западничество насъ относится съ уваженіемъ къ народу, къ его быту и къ его быту и только этому вліянію Россія одолжала свое существованіе 19 февраля удержало общину. Не западныя идеи вѣдали въ тѣхъ мѣрахъ, которыя уничтожали бытовые учрежденія создававшіяся народомъ столѣтія, а идеи тоталитарнаго и соціального индивидуализма, которыя въ русскіхъ культурныхъ слояхъ брали перевѣсъ надъ идеей коллективизма, столько-же общи культурнымъ слоямъ Запада, какъ и въ культурнымъ слоямъ Востока. Потому что жизнь культурныхъ слоевъ въ Россіи странялась все шире и шире, захватывала народныя слои, развивалась и народныя общественныя отношенія подчинялись западнымъ вліяніямъ и закрѣпить для нихъ путемъ законодательства, выработанныя культурнымъ индивидуализмомъ. По тому какъ культурные слои выработывали точнѣ свои индивидуальныя отношенія и закрѣпляли ихъ положительнымъ законодательствомъ, рѣзче и рѣзче становилась бытовая разность между народомъ и «обществомъ». Вотъ въ чемъ тотъ «климатъ» будто-бы создала Петровская реформа. Не западническое вліяніе динило насъ, а идеи экономически-соціального индивидуализма, которыя управляютъ взаимными отношеніями культурныхъ слоевъ, тогда какъ народными отношеніями управляетъ идея общины.

Что при такомъ расколѣ гармоническое и стройное общественное существованіе невозможно, мы начали сознавать, но это сознаніе было до сихъ поръ частичнымъ и не дошло до размѣра общественнаго и государственнаго сознанія. Изъ этого частичнаго сознанія выросло и стремленіе къ изученію быта, народныхъ отношеній, учреждений и духа управляющихъ. Самое первое, начальное знакомство съ бытомъ показало, что къ нему нельзя примѣнять ниль общихъ, абсолютныхъ мѣръ, возводить культурное общинное вліяніе въ какое-то высшее руководящее и безошибочное.

X т. св. зак. дѣлать обязательнымъ для гражданскихъ и дѣлать отношеній народа.

Дѣтъ пятнадцать назадъ Русское географическое общество, вѣнеуспѣхъ разрозненнаго, одиночнаго собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, составило программу для болѣе единообразнаго ихъ собранія и разослало ее въ губернскіе статистическіе комитеты. Результаты, которые дало это далеко неудавшееся собраніе свѣдѣній, во всякомъ случаѣ, не заявили себя въ нашихъ улучшенныхъ отношеніяхъ къ народному міровоззрѣнію и къ праву народа на умственную и бытовую самостоятельность. Въ то время, какъ программа географическаго общества усердно приводилась въ исполненіе архангельскимъ статистическимъ комитетомъ, межевые чины министерства государственныхъ имуществъ, исполняя свои инструкціи, производили въ той-же Архангельской губ. отводъ крестьянамъ земель далеко не на основаніи бытовыхъ народныхъ воззрѣній на землевладѣніе.

Наше культурное общественное мнѣніе, записанное въ X т., одинаково для сѣвера и юга, запада и востока Россіи, во многихъ случаяхъ далеко не сходится съ общественнымъ мнѣніемъ народа, не имѣющимъ такого абсолютнаго характера и потому гораздо болѣе разнообразнаго. Въ народѣ это объясняется его болѣе разнообразнымъ составомъ и жизненными условіями, во многихъ случаяхъ непохожими на наши. Напримѣръ, въ Сибири у инородцевъ братъ можетъ жениться на сестрѣ умершаго брата или на сестрѣ жены отца. Въ остзейскихъ губерніяхъ браки существуютъ между двоюродными братьями и сестрами, родной дядя можетъ жениться на своей племянницѣ. И между русскими допускается, что родные братья женятся на двухъ родныхъ сестрахъ. Но въ другихъ мѣстностяхъ родство оберегается гораздо строже. Въ Пермскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, родными часто считаются лица, называющія другъ друга сватами, между которыми по закону уже не признается никакого родства. Поэтому «свать» не смѣетъ дать благословеніе своему сыну на женитьбу, если не предпологается въ какомъ-нибудь самомъ отдаленномъ родствѣ, иногда просто воображаемомъ. Въ Россіи есть много семействъ, происходящихъ отъ одного родоначальника и гдѣ всѣ жители носятъ одну фамилію. Такимъ однофамильцамъ вступать въ бракъ считается грѣхомъ и невѣсты берутъ изъ другихъ деревень. Въ церковныхъ союзахъ раскольники смотрятъ на родство вообще гораздо шире, чѣмъ православные.

Относительно власти родителей въ дѣлѣ брака, воззрѣніе народа тоже не сходится съ X томомъ. По закону для вступленія въ бракъ необходимо согласіе родителей, опекуновъ или попечи-

телей. Но по народному воззрѣнію, конечно не все родители въ такихъ случаяхъ не требуется и оно не необходимаго условія брака. Въ Архангельской губерчавшихся безъ родительскаго согласія, зовутъ самодомокрутками. Въ остзейскихъ губерніяхъ есть обычивѣсту на пробу. Дѣвушка, взятая на пробу, бываетни недѣли двѣ или мѣсяць. Если въ это время она доказать, что способна умно и толково вести хозяйствъ порядкѣ домъ и исполнять крестьянскія работразстроивается и дѣвушка уходитъ домой. Неудачадѣвушка въ упрекъ и не влечетъ порицанія со ственнаго мнѣнія. Если-же послѣдствіемъ временнства будетъ дитя, то отецъ обязанъ взять его бновить.

Относительно возраста брачующихся, воззрѣнія нисходятся съ нашими. Въ Шадринскомъ уѣздѣ невѣваго брака выбираютъ всегда годами четырьмя илише. Въ остзейскихъ губерніяхъ жена бываетъ частгодами старше своего мужа; а вдовы выходятъ замусяца черезъ два или три по смерти умершаго супру

Обыкновенно дѣвушкамъ дается въ приданное томое имущество — разная одежда и домашній скотъ хозяйства: корова, овца. Въ большинствѣ случаевъдается со стороны жениховъ. Вкладъ заключаетсяверхнемъ платьѣ и въ деньгахъ. Деньги эти идутъпокупку невѣстою подарковъ для родныхъ женихипередаются отцу невѣсты на устройство пира для буСговоръ, свершающійся въ домѣ невѣсты, дѣлаетсяника; свадьба—тоже. Въ большинствѣ случаевъ, богженятся на богатыхъ невѣстахъ; хотя бываютъ и исчтобы богатая невѣста вышла за бѣднаго — этого пне бываетъ.

Такъ какъ крестьяне устраиваютъ свои сдѣлито и брачные договоры считаются законченными, кдось рукобитіе, мѣстами-же внѣшнимъ актомъ согласзапоими. У бѣлорусскихъ католиковъ, послѣ договорсіа родителей, женихъ и невѣста считаются какъ-бихъ зовутъ молодыми; но до вѣнца дѣвушка должнаихъ родителей.

Имущество, вносимое женой въ семью, переходитесли онъ женится въ другой разъ, то къ его новесли отъ первой жены есть дѣти—оно сберегается д

О разводахъ въ крестьянскомъ быту не слышно; и

ивается слишкомъ дурно, она уходитъ къ своимъ родителямъ и юсть свое имущество.

Рядомъ съ церковнымъ бракомъ, народъ допускаетъ и простое жителство. Такое сожителство замѣчается преимущественно между городскими жителями и чаще между отставными солдатами. не говорю уже о раскольникахъ, у которыхъ церковный бракъ рать всякое значеніе.

Въ основѣ имущественныхъ отношеній въ большинствѣ случаевъ народъ кладетъ начало равноправности. Въ нѣкоторыхъ ѣствностяхъ за раздѣломъ по-ровну дѣтямъ имущества умершихъ родителей, домъ дается въ наслѣдство младшему сыну. Въ остейскихъ губерніяхъ имущество принадлежитъ безраздѣльно мужу и женѣ. Дѣти отъ перваго брака—законные наслѣдники; дѣти-же ть втораго имѣютъ право только на ту часть, какую внесъ въ емью ихъ родитель. Что-же касается до раздѣла имущества при живыхъ родителяхъ,—если-бы дѣти вздумали отдѣлиться, то онѣ авняютъ исполнѣ отъ воли родителей.

Крестьяне смотрятъ на раздѣлы, какъ на неустрашимое зло, и отцы даютъ на нихъ свое согласіе неохотно. Отдѣляться могутъ только женатые дѣти, но болѣе стойкіе и умные отцы стараются держивать дѣтей отъ раздѣловъ. Въ большинствѣ случаевъ прииной раздѣловъ бываетъ несогласіе женщинъ. Тамъ-же гдѣ семья живеть дружно, она не раздѣляется и послѣ смерти отца; въ побонныхъ случаяхъ главенство и управленіе общимъ хозяйствомъ вѣрается старшему брату. Въ Эстляндіи раздѣловъ нѣтъ, но если отецъ чувствуетъ себя уже неспособнымъ управлять хозяйствомъ, въ передаетъ свои права старшему сыну, а если у него только очерь, то старшему зятю.

Превосходнымъ дополненіемъ къ приведеннымъ фактамъ можетъ служить статья г. Матвѣева, помѣщенная въ 9 № «Руси». Авторъ старается разрѣшить вопросъ: «должно-ли дѣйствіе нашего будущаго гражданскаго кодекса, къ пересмотру котораго пригшлено, распространяться на крестьянъ или нѣтъ?»

Составители «Положенія 19 февраля» и «Судебн. Уставовъ» мнвали существенныя особенности крестьянскаго быта и невозможность распространенія на крестьянъ общихъ крестьянскихъ законовъ. «Нарушеніе этихъ обычаевъ, говорится въ объясненіяхъ 130 ст. Уст. Гражд. Суд., было-бы тождественно съ разстройюмъ семейныхъ отношеній въ той формѣ, въ которой они сложились у крестьянъ съ незапамятныхъ временъ» Кассационный парламентъ сената разъясняетъ, что въ спорахъ крестьянъ о слѣдствѣ для волостныхъ и мировыхъ судей и для общихъ судебныхъ учрежденій обязательно руководствоваться мѣстными обы-
«Дело», № 6, 1883 г. II.

чаями крестьянъ. И, не смотря на подобное законодательное званіе цѣлости народнаго юридическаго міровоззрѣнія усердно ломаетъ его. Г. Матвѣевъ, человѣкъ слишкомъ нѣжный въ судебномъ дѣлѣ и наблюденія его по этому ишную цѣну. А онъ говорить вотъ что: «Двадцать лѣтъ того времени, какъ въ судебной комисіи была вѣсходимость собранія существующихъ въ крестьянскомъ юридическихъ обычаяхъ, но этого до сихъ поръ еще нѣтъ. Такіе-же, значить, результаты, какіе дала и «программа» географическаго общества. «Впрочемъ, продолжаясь, всякій разъ, когда поднимается вопросъ о формѣ юридическихъ правилъ, дѣйствующихъ въ крестьянскомъ опредѣленіи отношеній крестьянъ къ Своду Законовъ, являюся опасенія за неприкосновенность основъ крестьянскаго юридическаго быта. Но ошибочно было-бы думать, что въ сферѣ народнаго быта обстоитъ все благополучно. «Вѣдь приводитъ затѣмъ факты разрушающей дѣятельности судовъ. Конечно, въ этомъ виноваты не новыя законы, поступали-бы точно такъ-же. Причина въ томъ, что въ составленіи Положенія 19 февраля, ни при составленіи Судебныхъ постановленій невозможно было опредѣлить отношеній новыхъ законовъ къ общимъ гражданскимъ законамъ и предполагалось «на основаніи указаній опыта», то - есть, что новыя отношенія устанавливаются путемъ практики. Разумѣется и тогда, на основаніи теоретическихъ соображеній, можно было предвидѣть съ стороны свершится урегулированіе, когда общинное право народа встрѣтится съ основами личнаго права, закрѣпленными гражданскими законами. Не даромъ-же общинное право, чисто народное право, встрѣчало такую горячую защиту, видѣвшей въ охраненіи его лучшую гарантію противъ всякихъ общественныхъ и экономическихъ невзгодъ. И случилось то, что должно было случиться. Какъ не устояла въ землемѣреніи поземельная община, такъ не устояло и общинное право. Вотъ примѣръ. Послѣ освобожденія, въ одной Саратовской губерніи съ 1861 по 1879 г. куплено крестьянами, по слову Матвѣева, 213 тыс. десятинъ. Но покупки земель по новымъ порядкамъ поставлены въ такія условія, что вызываютъ стремленіе къ раздѣламъ и къ распаденію общины въ томъ, что дѣйствующій общій законъ и судебная практика не допускаютъ института общей собственности, выработаннаго народнымъ бытомъ. «Крестьянинъ говоритъ г. Матвѣевъ, когда онъ покупаетъ землю на общинномъ бытѣ общиннымъ заработкомъ цѣлой семьи, все толкаетъ

и записать эту землю на свое имя. Нотариусъ, городской адвокатъ и, наконецъ, личный интересъ поютъ въ этомъ случаѣ въ песнь. «Эдакъ писать купчую короче, проще, да и тебѣ-же выдѣе», совѣтуются они—заодно, а *ответственности* никакой». Все самое дѣлается и съ порядкомъ *наследованія* въ крестьянскомъ быту. Въ принципѣ особенный порядокъ крестьянскаго наследованія признанъ и закономъ и разъясненіями сената, но на практикѣ это оказывается еще недостаточнымъ и споры о крестьянскомъ наследствѣ, какъ утверждаетъ г. Матвѣевъ, разрѣшаются все чаще и чаще на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ.

Формулированіе крестьянскихъ обычаевъ и народныхъ юридическихъ воззрѣній конечно составляетъ прямое требованіе живой и сознательной общественной жизни. Но еще раньше этого нужно выработать приемъ отношеній къ народнымъ воззрѣніямъ, нужно научиться относиться къ нимъ съ тѣмъ почтеніемъ и съ тою бережливостію, какія требуются уваженіемъ къ тысячелѣтней общественной работѣ народа. Разноплеменности Россіи и многообразіе мѣстныхъ условій, создавшіе массу несходныхъ народныхъ установленій по одному и тому-же вопросу, совсѣмъ не допускаютъ обобщеній и подведеніе обычнаго народнаго права къ единообразнымъ нормамъ. Этого не умѣлъ понять даже почтенный профессоръ Пахманъ и потому потерпѣлъ крушеніе, когда задумалъ въ своей книгѣ «обычное гражданское право въ Россіи» свести на одну юридическую установленія къ одной общей системѣ. «Между юридическими обычаями крестьянъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ и черносошныхъ, которые дѣлаютъ свою землю по душамъ, и юридическими обычаями бывшихъ однодворцевъ, владѣющихъ землей неподвижно и, кромѣ того, при Екатеринѣ надѣленныхъ землей, которую они владѣютъ на помѣстномъ правѣ, лежала цѣлая бездна, куда, какъ справедливо замѣчаетъ г. Матвѣевъ, и проваливается разработанная съ такимъ трудомъ пр. Пахманомъ система». А эта цѣлая бездна заключается въ томъ, что крестьяне-общинники—представители общиннаго, мірскаго начала, а однодворцы, изъ бывшіе когда-то служилые люди—представители личнаго начала. Это историческая двойственность русской жизни сказывается и вездѣ вноситъ свое раздвояющее начало.

Любопытна вообще судьба всѣхъ попытокъ къ изученію народного быта и народныхъ юридическихъ понятій. Сперанскій во время управленія Сибирью задумалъ собрать обычаи сибирскихъ степныхъ инородцевъ. Обычаи были собраны, Сперанскій приступилъ редакціи свода степныхъ законовъ, но умеръ въ 1834 г., кончивъ работы. Редактированіе, впрочемъ, продолжалось и

послѣ смерти Сперанскаго, и въ 1841 Сводъ былъ разсмотрѣнъ государственнаго совѣта. Здѣсь, какъ г. Матвѣевъ, Сводъ «застрялъ» и вскорѣ былъ сдавъ.

На призывъ Императорскаго русскаго географическаго общества отозвались очень горячо статистическіе комитеты скій и Орловскій. Матеріалъ, собранный по Архангельской губерніи, былъ разработанъ П. С. Ефименко. («Сборникъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи». 1861) Матеріалъ, собранный по Орловской губерніи, за недостаткомъ средствъ для его разработки, былъ переданъ статистическимъ комитетомъ въ Географическое общество и до сихъ поръ лежитъ подъ спудомъ. Была предпринятая же работа Самарскимъ статистическимъ комитетомъ и тамъ было остановились, потому что одинъ изъ работниковъ уѣхалъ. Наконецъ, въ недавнее время въ Саратовѣ мысль изучить юридическіе обычаи Саратовской губерніи. Если это дѣло состоится и дойдетъ блужданію до конца, то дастъ очень богатый и интересный матеріалъ, что Саратовская губ. принадлежитъ къ числу самыхъ отличающихся весьма разнообразнымъ этнографическимъ составомъ своего населенія. По словамъ корреспондента «Русскаго этнографическаго состава населенія, сосѣдство и участіе въ составѣ инородцевъ: нѣмцевъ—колонистовъ и азіатовъ—армяковъ, татаръ, киргизовъ, мордвы-мокши и мордвы, изъ которыхъ первая весьма мало обрусѣла и, наконецъ, значительный процентъ раскольниковъ въ составѣ русскаго населенія представляетъ исключительный и оригинальный интересъ народнымъ обычаямъ Саратовской губерніи. Кроме того, по положенію губерніи, раскинувшейся по Волгѣ и ея притокамъ, также обилію водяныхъ источниковъ, столь благопріятнымъ для земледѣлія и разведенія садовъ и множеству водяныхъ мельницъ въ саратовскомъ краѣ созданою жизнью много своеобразныхъ любопытныхъ обычаевъ относительно права собственности на воду. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны обычаи Саратовскій и Царицынскій. Въ нихъ существуютъ различныя роды естественныя воды своеобразнаго типа и характера, во всемъ своемъ происхожденіи, и между прочимъ такъ называемые «чистыя» воды.

Какой-же изъ всѣхъ этихъ фактовъ слѣдуетъ вывести главный выводъ тотъ, что между *старой*, крѣпостной Россіей *новой*, свободной, легла пропасть, которая еще долго не будетъ заполнена. До сихъ же поръ масса вновь возникшихъ фактовъ привела только къ антагонизму и къ накопленію таинственности, которые лишь усложнили неблагоприятныя условія наро-

До освобожденія крестьянъ жизнь была проста и немногочисленна. Жилъ мужикъ въ своей деревнѣ, на своей мелосѣ, пахалъ пахалъ землю помѣщика, возилъ хлѣбъ до ближайшаго рынка, поваго не видѣлъ и не вѣдалъ, подати уплачивалъ за мужика гѣщникъ — и жизнь была хотя и трудная, невеселая и томительно однообразная, но за-то для мужика ни было ничего неопредѣленного, случайнаго, внезапнаго, не было тѣхъ усложненій, которыя явились съ гражданскими правами, которыя достались ему теперь, и со свободой, которая передъ намъ открыта. Мужикъ не зналъ прежде ни нотаріусовъ, ни адвокатовъ, ни мирового, ни кружнаго суда, ни гражданскихъ сдѣлокъ по покупке земли, ни судебныхъ споровъ о наслѣдствѣ и т. д.

Всѣ эти невѣдомныя прежде усложненія возникли изъ новыхъ отношеній мужика къ землѣ. Мужикъ и земля—это нераздѣльные ошати и такими они остались и до сихъ поръ. Но прежде дѣло шло проще. Деревня была ячейкою, сама въ себѣ завершавшей съ свои хозяйственныя отправленія. Недостаетъ крестьянину его ошати—помѣщикъ сдѣлаетъ прибавку, не изъ чего сдѣлать прибавку и разчислить не изъ чего, переселить въ другое мѣсто. Такъ оно и шло кругомъ. Сдѣлавшись независимымъ отъ помѣщика, крестьянинъ отъ этого нисколько не измѣнилъ своихъ отношеній къ землѣ, напротивъ, они стали еще напряженнѣе и по слѣдующей причинѣ: не только надѣлы крестьянина сами по себѣ стали противъ прежняго менше, но и увеличилось населеніе; слѣдовательно, угда въ землѣ стала болѣе, а отъ этого возникъ цѣлый рядъ юридическихъ сдѣлокъ, вызываемыхъ покупками крестьянами земли, и въ народѣ явилось усиленное стремленіе къ переселенію, которое имъ всегда и свободно практиковалось, какъ единственное доступное ему средство для уравниванія неблагоприятныхъ отношеній труда. Изъ двухъ способовъ получить въ свое распоряженіе достаточное количество земли: покупка и переселеніе,—переселеніе всегда было наиболѣе сподручнымъ. Для покупки нужны деньги, которыхъ нѣтъ и которыхъ взять негдѣ, а для переселенія достаточно мужества, терпѣнія и выносливости, которыхъ у крестьянина запасъ очень достаточный. И съ тѣхъ поръ, какъ переселенію объявлена въ окончательной формѣ высочайшая воля, что никакихъ даровыхъ нарѣзовъ больше не будетъ, стремленіе къ переселенію должно усилиться, ибо слишкомъ ограниченное дѣйствіе крестьянскихъ банковъ, открытых всего только для пяти губерній, можетъ оказаться полезнымъ для самаго ограниченаго числа крестьянъ, а нуждающейся массѣ останется старое, исконное народное средство—переселеніе.

Изъ фактовъ, которые приведены выше, читатель можетъ

усмотрѣть, что наше стихійное переселеніе, имѣющее бродяжескій характеръ, не подчиняется ни регистраціи, ни регистраціи. Напримѣръ, маленькая и островная Ирландія удобно можетъ устроить переселеніе въ Америку. Изъ ея порты, изъ которыхъ отправляются суда съ переселенцами, столько-же точно извѣстны пункты, гдѣ эти суда останавливаются въ Америкѣ. Затѣмъ, переселенцу по прибытіи въ Америку извѣстно, что свободныя земли имѣются тамъ-то, и онъ снова ясенъ его маршрутъ. Ничего подобнаго не имѣетъ Россія. У насъ свободной земли множество и на Балканскомъ Криму, и въ восточныхъ степныхъ губерніяхъ, и въ южномъ краѣ, и въ Архангельской губерніи, и въ Сибирѣ, и т. д. Направляется, гдѣ свободныя земли, не вообще, а въ извѣстныхъ волостяхъ, деревняхъ, мѣстностяхъ, въ которыхъ чувствуется усиленная потребность въ переселенцахъ. Слѣдуетъ направить крестьянъ, чтобы это не противостояло желаніямъ и родственнымъ тяготѣніямъ къ своимъ роднымъ мѣстамъ живущихъ крестьянамъ—всѣми этими частными, такъ сказать, шевельвыми движеніями овладѣть совершенно невозможно.

Г. Матвѣевъ усматриваетъ плодотворныя послѣдствія своего рода въ изученіи его юридическихъ обычаевъ. «Надо не только поднять и серьезно поднять дѣло изученія крестьянскихъ обычаевъ, говорить г. Матвѣевъ. Самъ народъ не въ состояніи отчетливо формулировать ихъ: въ этомъ случаѣ ему должны помочь правительство и русская интеллигенція. Связь принадлежитъ автору и означаетъ, что западные юристы, вреда, ничего не могутъ принести народу. Но направились къ почтенный авторъ и не ошибается-ли онъ и не то, что принадлежитъ къ русской интеллигенціи или точнѣе интеллигенціи «Руси»: То, чего желаетъ г. Матвѣевъ, есть юридическая систематика и кодификація народныхъ обычаевъ. Точка зрѣнія г. Матвѣева юридическая, суверенная, хотя онъ и самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о крестьянскомъ быту нѣтъ никакой надобности ни въ званіи наследника, ни въ охраненіи наследства. Но, какъ извѣстно, существуетъ свой самородный, обыкновенный органъ, который и блюдетъ за всѣмъ этимъ — *миръ*». До полной истины г. Матвѣеву осталось только одинъ шагъ: обобщить то, что онъ говоритъ о законахъ наследства, но онъ именно этого и не сдѣлалъ.

Собирать народные юридическіе обычаи дѣло по необходимости, даже неизбежное для кодификаціи народныхъ обычаевъ. Но если мы въ двадцать лѣтъ, да и то благодаря

Сборникъ обычаевъ только Архангельской губ., а собирать по Саратовской надумались лишь нынче, то когда-же мы додумаемся до сборниковъ для всѣхъ остальныхъ семидесяти губерній, когда соберемъ и когда проведемъ ихъ въ систему для всей Россіи? Если для одной губерніи сборникъ появляется въ одно двадцатилѣтіе, то для остальныхъ 69 губерній — въ шестидесять-девять двадцатилѣтій: $70 \times 20 = 1,400$ лѣтъ. Подумайте, г. Матвѣевъ, объ этой астрономической величинѣ. И эти 1,400 лѣтъ потребуются только для того, чтобы у *русской* интеллигенціи явилось сознание, что народный бытъ ломать нельзя и что у народа есть свой центральный пунктъ, въ которомъ находитъ свое выраженіе народный разумъ, народное сознаніе и народная правда—міръ. Что-же останется черезъ 1,400 лѣтъ отъ народнаго міра и отъ народнаго быта, когда уже и нынче г. Матвѣевъ усматриваетъ одни обломки? Очевидно, что «собираніе юридическихъ обычаевъ»—средство не настоящее и нужно поискать что-нибудь болѣе дѣйствительное, ближайшее и непосредственное.

Время коронаціи ознаменовалось двумя правительственными актами, которые должны обнаружить благотворное вліяніе на народную жизнь. Акты эти, нѣкоторая свобода—предоставленная *рабочимъ*, сокращеніе и съ нѣкоторыхъ видовъ крестьянъ и *народное* сложеніе подушнаго оклада, и въ дополненіе къ нимъ закономъ 14-го мая предоставленное министру внутреннихъ дѣлъ *составленіе* соображенія объ измѣненіяхъ въ паспортной системѣ для доставленія большой свободы передвиженія тѣмъ изъ крестьянъ, съ которыхъ сложена подушная подать. Эти дѣйствія правительства находятся въ непосредственной связи съ вопросами, которыхъ мы касались, и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи должны вызвать неизбѣжно отбѣгу и другихъ стѣсняющихъ народную жизнь условій.

Н. В.

МОРСКАЯ РЕФОРМА.

Лучшими людьми во флотѣ давно уже обращено внимание на неудовлетворительное состояніе личнаго состава офицеров со стороны военно-морскаго образованія.

Было время, когда образованіе это зависѣло только от чистота времени, проведеннаго чинами флота въ плаваніи, морское образованіе заключалось только въ умѣньи хорошо управлять парусами. Но съ того времени утекло много и коммерческіе, такъ въ особенности военные флоты совершенно образовались и умѣнье управлять парусами стало далеко не точнымъ для современнаго моряка. Въ настоящее время морскаго офицера, кромѣ умѣнья управлять парусами, еще масса специальныхъ знаній, которыхъ пріобрѣсти и въ какой возможности во время продолжительныхъ заграничныхъ вояжей. Сюда относятся отдѣлы: кораблестроительный, артиллерійскій, водолазный, судебный, требующіе теоретическія знанія, которые могутъ быть пріобрѣтены только въ высшемъ образованіи, въ академіяхъ и офицерскихъ классахъ.

Вотъ почему, какъ въ морскомъ обществѣ, такъ и въ литературе уже давно стали указывать на необходимость устройства нашего морскаго и техническаго училища въ высшей академіи съ цѣлью поставить морское образованіе на такую высоту, на которой оно стоитъ въ западныхъ флотахъ. Страннолюбовскаго по этому предмету, помещенныя въ «Морскомъ Сборникѣ» и написанныя, по вызову высшаго морскаго начальства, въ 1870 году, помнятся. по вызову высшаго морскаго начальства, въ 1870 году, вызвали въ морскомъ обществѣ ожиданіе, что наконецъ что-нибудь сдѣлано для улучшенія морскаго образованія. Надежды эти не только не успѣли исполниться, но и сами, въ системѣ морскаго образованія стала замѣтна тенденція къ временамъ до-реформеннаго морскаго образования.

Нужно думать, однако, что система эта не принесла бы никакой пользы, потому что теперешнее высшее морское начальство

до вниманіе на морское образованіе. Такъ нѣсколько времени тому задъ распространился слухъ, что составлена особая коммисія, которую возложено разсмотрѣніе мѣръ къ возможно лучшему иному морскому образованію. Слухъ этотъ до нѣкоторой степени раздался и подъ предсѣдательствомъ директора инспекторскаго департамента была образована особая коммисія, въ которую, по ранней судьбѣ, не вошли не только лица, завѣдывающія морскимъ образованіемъ, но даже и начальники, завѣдывающіе отлами морскаго дѣла, требующими специальныхъ знаній.

Вѣроятно, вслѣдствіе своего состава коммисія и оставила совершенно въ сторонѣ вопросъ о теоретическомъ образованіи, точно образованіе это стоитъ уже на должной высотѣ и не требуетъ никакихъ измѣненій, и предложила только рядъ мѣръ, для лучшаго, по ея мнѣнію, комплекта личнаго состава флота.

Коммисія разрабатывала слѣдующіе вопросы:

- О штатѣ личнаго состава флотскихъ офицеровъ.
- О пенсѣ.
- О порядкѣ назначенія въ плаваніе судовъ и чиновъ.
- О предѣльномъ возрастѣ.
- О пенсїи чиновъ и обезпеченїи лицъ, остающихся при проектируемомъ преобразованіи сверхъ штата.

Посмотримъ, къ какимъ заключеніямъ пришла коммисія.

«Практиковавшееся въ теченіи долгихъ лѣтъ огульное производство офицеровъ цѣлыми выпусками ежегодно» — говоритъ докладъ коммисіи — «породило массу штабъ-офицеровъ, которымъ нельзя дать соответственнаго ихъ служебному положенію назначенія, по недостатку штабъ-офицерскихъ мѣстъ. Офицеры эти, не принося службѣ существенной пользы и въ большинствѣ случаевъ или тяготясь своимъ положеніемъ *не у дѣла*, тѣмъ не менѣе не рѣшаются оставить службу до выслуги пенсїи, находя себя недостаточно подготовленными къ дѣятельности на другихъ поприщахъ и установленными для изученія новаго дѣла. Съ другой стороны, усиленные выпуски изъ морскаго училища, которые, вмѣстѣ съ производствомъ многопредѣляющихся, ежегодно давали флоту отъ 80 до 100 человекъ молодыхъ офицеровъ, довели въ настоящее время численность оберъ-офицерскаго состава до цифры далеко превышающей потребность флота».

«Единственнымъ выходомъ, по мнѣнію коммисіи, изъ этого неудовлетворительнаго положенія можетъ служить установленіе штатнаго состава и приведеніе этого состава возможно скорѣе въ норму. Для того-же, чтобы въ будущемъ не повторялись случаи накопленія лишнихъ офицеровъ, коммисія предлагаетъ прекратить производство въ чины цѣлыми выпусками и установить таковое

лишь на открывающіяся вакансіи, а также ограничить ной цифры ежегодный приливъ молодыхъ офицеровъ училища и изъ юнкеровъ».

Предлагаемый комиссіей штатъ личнаго состава дующій:

Адмиральскихъ чиновъ	25	человѣкъ
Капитановъ 1-го ранга	85	»
Капитановъ 2-го ранга	215	»
Лейтенантовъ	500	»
Мичмановъ	325	»

Для пополненія этого штата комиссія предлагаетъ выпускъ молодыхъ людей изъ морского училища такъ, чтобы вмѣсто нынѣшнихъ 80 — 100 человѣкъ всего по 51 человѣку.

Съ этой переменной, по вычисленіямъ комиссіи, прѣдъ докладу *), каждый офицеръ въ среднемъ выводитъ мичманомъ 7 лѣтъ, лейтенантомъ—15 лѣтъ, капитаномъ 13 лѣтъ и капитаномъ 1-го ранга—13 лѣтъ.

Что касается до переполненія списковъ личнаго штабъ-офицерскими и, прибавимъ отъ себя, адмиралами, то фактъ этотъ подмѣченъ комиссіей вѣрно. Для адмираловъ и штабъ-офицеровъ у насъ слишкомъ мѣтъ чѣмъ ихъ требуется, но нельзя сказать того-же объ остальныхъ.

По вычисленіямъ самой комиссіи, ихъ къ 1-му года состояло 858 человѣкъ, т. е. противъ расчета, дѣлаетъ—лейтенантовъ 500 человѣкъ, а мичмановъ—825 человѣкъ, больше на 33 человѣка. Если взять что въ спискахъ флота числятся оберъ-офицеры, служившіе на судахъ добровольнаго флота, на судахъ портовыхъ учрежденій, то окажется, что число офицеровъ флота скорѣе мала, чѣмъ велика. Да, по крайней мѣрѣ, мы всегда слышали, что у насъ во флотѣ не хватаетъ оберъ-офицерскихъ чиновъ и никогда и не слышали, чтобы число офицеровъ было излишекъ. Последняго даже и не потому что число оберъ-офицеровъ зависѣло всегда отъ числа молодыхъ людей принятыхъ въ морское училище, а ч

*) Надо замѣтить, что всѣ свои выводы комиссія основала на этихъ цифрахъ, при чемъ всѣ цифры, изъ которыхъ сдѣланы эти выводы, имѣли въ виду 1,000. Намъ казалось-бы, что придавать вѣру такимъ вычислениямъ мѣтъ рискованно, и можетъ случиться, что на практикѣ результаты, какіе получены комиссіей при ея вы

одно сообразовалось съ потребностью флота въ оберъ-офицерахъ.

Число молодыхъ людей, принятымъ въ морское училище, рѣдѣяло и штатъ личнаго состава, такъ какъ по прослуженіи опредѣленнаго числа лѣтъ, каждый офицеръ, вмѣстѣ своими сверстниками, производился въ слѣдующій чинъ. При томъ порядкѣ производства, накопленіе излишнихъ офицеровъ штабъ-офицерскихъ и адмиральскихъ чинахъ должно было происходить непремѣнно, потому что во времени производства было въ оберъ-офицерскихъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ сравнительно слишкомъ мала, и выживаетъ гораздо болѣе людей, чѣмъ это нужно для потребностей флота. Этотъ фактъ былъ нѣтъ-нужно давно. Въ началѣ прошлаго царствованія былъ учрежденъ такъ-называемый резервный флотъ, въ который было зачислено въ 1859 и въ 1860 годахъ до 640 офицеровъ излишнихъ для укомплектованія штата личнаго состава флота. Мѣру эту коммисія находила неудобною, потому что она можетъ произвести, какъ произошло въ 1859 и въ 1860 году, панику и предлагаетъ избавиться отъ лишнихъ офицеровъ выпускомъ изъ морскаго училища въ мичмана всего по 51 человѣку въ годъ и болѣе продолжительнымъ пребываніемъ въ каждомъ чинѣ. При этомъ въ чинѣ мичмана лейтенанта офицеръ долженъ пробыть столько времени, сколько прежде онъ былъ въ чинахъ мичмана, лейтенанта и капитанъ-лейтенанта, чинъ капитанъ-лейтенанта вовсе уничтожить, изъ лейтенантовъ производить прямо въ капитаны 2-го ранга; а для того, чтобы не накоплялось слишкомъ много адмираловъ—увеличить срокъ пребыванія въ чинахъ капитана 2-го и 1-го ранга, въ такомъ разчетомъ, чтобы офицеръ получалъ первый адмиральскій чинъ, прослуживъ 48 лѣтъ. Содержаніе-же чиновъ увеличивать не предполагается. Эти мѣры, если онѣ будутъ приведены въ исполненіе, едва-ли не возбудятъ еще болѣе паники, чѣмъ было при увольненіи въ резервъ въ 1859 и въ 1860 годахъ до 640 офицеровъ.

Въ той части русскаго общества, которая ищетъ себѣ дѣла въ службѣ, не существуетъ такихъ богатствъ, чтобы люди шли въ службу безъ разчета на денежное вознагражденіе. Большинство видитъ въ государственной службѣ только заработокъ на кусокъ хлѣба. Чины флота не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ общаго правила.

Намъ кажется, что только честолюбіемъ и денежнымъ разчетомъ можно объяснить огромный наплывъ желающихъ въ военныя академіи и недостатокъ слушателей въ академіи морской. Тѣ академіи представляютъ большія выгоды окончившимъ въ нихъ

курсъ, морская-же — почти никакихъ. Понятно, что ибѣтся большой наплывъ, является и большая возможность выбора, и остальнымъ учрежденіямъ приходится довольствоваться только остатками и посредственностями.

Морская служба, по сравненію съ другими государственными службами, не представляетъ особенныхъ выгодъ. Во настоящее время, существуютъ слѣдующіе чины. Первый чинъ, въ этомъ чинѣ каждый пробываетъ около 5 летъ, если онъ не идетъ въ компанію — 564 р. въ годъ, если же идетъ въ внутреннюю компанію, которая обыкновенно длится около 3-хъ мѣсяцевъ, то 744 рубля въ годъ. Слѣдующій чинъ лейтенанта, служба около 10 лѣтъ, получаетъ на берегу въ компанію во внутреннихъ моряхъ 933 рубля. Затѣмъ лейтенантъ, служба въ чинѣ около 10 лѣтъ, получаетъ 1,074 рубля. Капитанъ 2 ранга, въ чинѣ отъ 3—5 лѣтъ, на берегу 1,200 рублей. Капитанъ 1-го ранга или полковникъ отъ 10 — 12 лѣтъ, жалованье на берегу 1,380 рублей. Штабъ-офицерскихъ чиновъ во время плаванія значительна увеличивается и зависитъ отъ того мѣста, которое занимаетъ офицеръ. Но дѣло въ томъ, что большинству штабъ-офицеровъ приходится довольствоваться береговымъ содержаниемъ.

Намъ кажется, что выгоды, доставляемыя офицерамъ, не особенно велики. Они не только менѣе выгодны для молодыхъ лицъ, служащихъ въ войскахъ спеціальнаго назначения, но и менѣе выгодны, предоставляемыхъ лицамъ старшей арміи. Обыкновенно въ гвардіи чинъ полковника достигается на 18 году службы. Въ армейской кавалеріи чинъ полковника достигается на 24 году службы, а въ гвардейской — достигаютъ на 9—15 году. Въ армейской пѣхотѣ чинъ полковника достигается на 16-мъ году службы и чинъ подполковника на 12-мъ году. Хотя денежное содержаніе въ армейской пѣхотѣ меньше флотскаго, но надо принять во вниманіе, что пѣхота расквартирована внутри Россіи, флотъ-же въ послѣднихъ — все въ два и болѣе раза дороже. Россіи.

Если это такъ, если дѣйствительно служба въ флотѣ представляетъ менѣе выгодъ, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ государственной службы, то почему-же такъ велико число желающихъ поступить въ морское училище и въ юнкера въ флотъ? Этотъ фактъ дѣйствительно слѣдуетъ обратить вниманіе на все, какой разрядъ молодыхъ людей идетъ на экзаменъ въ свое училище? Мы беремъ смѣлость сказать, что большинство этихъ молодыхъ людей по неспособности своей не м

занятій въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ начала свое образованіе, что молодые люди взяты оттуда и нѣсколько времени, такъ же, на парахъ подготавливались въ специальныхъ, для военнаго образованія устроенныхъ, пекарняхъ. Въ Петербургѣ въ настоящее время такихъ пекаренъ нѣсколько. Онѣ занимаются подготовкой на парахъ молодыхъ людей специально въ морское училище и рекламируютъ объ этомъ ежегодно въ газетахъ. Цѣны за товку очень тупыхъ и очень богатыхъ, какъ мы слышали, равняются въ пекарняхъ пропорціонально тупости и богатству этихъ людей. Результаты извѣстны. Кажется, что, со времени отъ бывшаго директора морского училища Римскаго-Корсакова, было еще ни одного приѣма, при которомъ приняты полубны установленныя по всемъ предметамъ удовлетворительныя. Обыкновенно только часть воспитанниковъ принимается съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ. Комплектъ-же дополняется такими людьми, невыдержавшими экзамена по одному или нѣсколькимъ предметамъ. Только существованіемъ подобныхъ порядковъ можно объяснить случаи, подобные описанному въ корреспонденціи Бронштадта отъ 27 апрѣля 1883 года («С.-Петербургскія Вѣдомости» № 114). Въ корреспонденціи разсказывается, между прочимъ, «во время пребыванія на лодкѣ «Нерпа», командующій отрядомъ контръ-адмиралъ Копытовъ приказалъ вахтенному начальнику молодому офицеру, произвести астрономическія наблюденія для опредѣленія мѣста судна. Подобное приказаніе ввергло молодого офицера въ полное недоумѣніе; онъ даже позволилъ себѣ замѣтить, что это не его дѣло (?!), а дѣло штурманскаго офицера. Контръ-адмиралъ Копытовъ оказался настолько великодушнымъ, что означенному офицеру двухъ-недѣльный срокъ для изысканія способа опредѣленія широты и долготы судна въ полдень, признанъ достаточнымъ даже для неуча, не видѣвшаго учебниковъ астрономіи и навигаціи. Для офицера-же, кончившаго курсъ наукъ въ морскомъ училищѣ, этотъ срокъ оказался недостаточнымъ, и онъ не постыдился заявить, по истеченіи срока, адмиралу, что онъ не имѣетъ никакого понятія объ астрономіи и навигаціи». Контръ-адмиралъ прибавляетъ, «что подобныхъ невѣждъ, хотя и не только въ тупыхъ, во флотѣ довольно».

И-же все это справедливо, то наплывъ экзаменуемыхъ въ морское училище оказывается очень невыгоднымъ для спеціальнаго образованія. Значитъ и теперь лучшія молодая силы отпадаютъ, — конечно, есть исключенія, — въ морское училище не попадаютъ, следовательно, не попадаютъ на службу во флотъ. А это вѣрно для настоящаго времени, то что будетъ тогда, когда выгоды службы во флотѣ еще болѣе сократятся, какъ это

предлагаетъ проектъ комисіи, и заставить молодого 45 лѣтъ быть только лейтенантомъ и получать не бо содержанія въ годъ! Можетъ-ли такая служба у честолюбію и что она дастъ, кромѣ вѣчной нужды!

Второй вопросъ о *цензѣ*:

«Такъ какъ, говоритъ комиссія, — съ каждымъ зывается назначеніе къ извѣстнымъ должностямъ, опытности и *знаніи*, которыя въ морской службѣ преимущественно плаваніями, то и цензомъ или усл водства въ чины во всѣхъ иностранныхъ флотахъ ст нымъ образомъ совершеніе опредѣленнаго для кажды плаваній. Эту-же систему ценза комиссія рѣшила н нашемъ флотѣ».

Комиссія предлагаетъ установить слѣдующій ценз

Мичманъ для производства въ лейтенанты долже менѣе 1½ года плаванія.

Лейтенантъ для производства въ капитаны 2-го ранга имѣть 4½ года плаванія и, въ томъ числѣ въ капитана неменѣе 1½ года.

Капитанъ 2-го ранга для производства въ капитана 1-го ранга долженъ прокомандовать въ плаваніи судномъ 2-го ранга.

Капитанъ 1-го ранга для производства въ вице-адмирала долженъ совершить два плаванія командиромъ судна или въ должности командующаго подъ брѣвѣ-вымпеломъ въ должности флагъ-капитана на эскадрѣ.

При производствѣ въ чины комиссія полагаетъ: время допустить производство за военные подвиги независимо отъ штата, оно допускается сверхъ во мирное время предоставить усмотрѣнію высшаго начальства, не устанавливая для того никакой нормы лицъ за отличіе, лицъ, заслуживающихъ повышенія чинахъ цензъ. Лица, служація въ строю и не выпла въ слѣдующій чинъ, не производятся до тѣхъ поръ, пока не полнятъ ценза. Лица-же служація въ администраціи они не могутъ выполнить цензъ, производятся вмѣстѣ со своими сверстниками, но не въ слѣдующій чинъ, а въ слѣдующій чинъ по адмиралтейству, что въ называется «ластовыми».

По расчету комисіи, во внутреннемъ плаваніи производится ежегодно почти половина оберъ офицеровъ, въ плаваніи каждый офицеръ, будучи въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, бываетъ около 2-хъ лѣтъ. Впрочемъ, назначеніе въ чинъ не происходитъ не строго по очереди, а по выбору

дировъ судовъ, приписанныхъ къ экипажу подь предсѣдатель-
вомъ экипажнаго командира съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе этого со-
га пересматривать въ собраніи флагмановъ и капитановъ.

Такъ какъ при цензѣ и главное при производствѣ не по ли-
нѣ, а по усмотрѣнію начальства, а такъ-же при назначеніи въ
званіе не по очереди, а по баллотировкѣ, линія производства
можетъ затянуться и многіе «молодые и дѣятельные офицеры»,
исполнившіе цензъ, могутъ долго оставаться въ оберъ-офицер-
скихъ чинахъ безъ надежды когда-нибудь подняться; съ другой
стороны, такъ какъ каждая должность можетъ быть съ успѣхомъ
исполнена только въ извѣстномъ возрастѣ, то коммисія пола-
гаетъ установить для каждаго чина предѣльный возрастъ, по
достиженіи котораго офицеръ, не достигшій слѣдующаго чина,
обязательно долженъ оставить службу. Для мичмана коммисія не
решала возможнымъ установить какой-нибудь предѣльный воз-
растъ, для чина лейтенанта предѣльный возрастъ 47 лѣтъ, для
капитановъ 2-го ранга—54 года, для капитановъ 1-го ранга—57.
Для контръ-адмираловъ въ строю 63 года и на административ-
ныхъ должностяхъ 65 лѣтъ, для вице-адмираловъ въ строю 65
и на административныхъ должностяхъ 68 лѣтъ. Для полныхъ
адмираловъ предѣльнаго возраста, какъ и для мичмановъ, не по-
лагается.

Мы совершенно согласны съ коммисіей, что исполненіе из-
вѣстныхъ должностей требуетъ опытности и знаній, мы согласны
съ тѣмъ, что производство въ слѣдующій чинъ и занятія извѣст-
ной должности желательно подчинить цензу. Но, въ то-же время,
мы думаемъ, что многія знанія не могутъ быть приобрѣтены только
въ морѣ, поэтому и цензомъ не можетъ быть одно количество
наваній, безъ обращенія вниманія на теоретическія познанія
офицера. Коммисія-же держится совершенно другаго взгляда,
такъ она полагаетъ, что теоретическаго образованія для русска-
го флотскаго офицера ненужно. И въ самомъ дѣлѣ, по проекту
коммисіи, молодой человѣкъ, чтобъ дослужиться до перваго штабъ-
офицерскаго чина, долженъ прослужить около 22 лѣтъ (7 лѣтъ
мичманахъ и 15—въ лейтенантахъ). Такъ какъ изъ морскаго
флота въ мичмана выпускаются молодые люди, имѣющіе около
18—20 лѣтъ, то первый штабъ-офицерскій чинъ можетъ быть полу-
ченъ человѣкомъ, имѣющимъ болѣе 40 лѣтъ, — человѣкомъ,
имѣющимъ семью и воспитывающимъ уже своихъ дѣтей. Въ
такомъ возрастѣ поздно уже учиться, поздно идти въ академію.
Следовательно, въ академію молодой человѣкъ долженъ идти въ
раннемъ времени, когда онъ состоитъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ.
Чтобъ онъ могъ быть произведенъ въ штабъ-офицерскій чинъ,

онъ въ чинахъ мичмана и лейтенанта долженъ про года, т. е. 54 мѣсяца.

По проекту комисіи и по ея расчету, каждый об проплаваетъ за границей 2 года, т. е. 24 мѣсяца, с тридцать мѣсяцевъ ему надо выплавать во внутренне Имѣя въ виду, что во внутреннее плаваніе онъ буд счету комисіи, ходить черезъ годъ, что внутреннее условіямъ климатическимъ, въ Балтійскомъ флотѣ п 3 мѣсяца, офицеру, чтобъ выплавать цензъ, надо на употребить 20 лѣтъ службы, да 2 года, проведенные за границей, что дастъ 22 года, т. е. столько времени, долженъ былъ пробыть въ оберъ-офицерскихъ чинахъ условіи, что во всѣ эти 22 года онъ ни разу не буд на столько, чтобъ болѣзнь ему помѣшала идти въ ш

Слѣдовательно, если офицеръ хочетъ быть произв первый штабъ-офицерскій чинъ со своими сверстниками, етъ времени поступить въ какую-бы то ни было акад и поступить, то или не будетъ произведенъ вовсе в чинъ, пока не сдѣлаетъ нужнаго числа плаваній,—п куется достигнуть предѣльнаго возраста и быть увол ставку,—или-же, если пойдетъ служить по администр не выплававшій ценза будетъ произведенъ въ соот чинъ по адмиралтейству и слѣдовательно флотъ э потеряетъ.

Намъ кажется, что комисіи слишкомъ увлеклас заставить офицеровъ плавать и упустила изъ внима ческія условія Балтійскаго моря.

Намъ не хочется вѣрить, что это не недосмотръ, что въ числѣ членовъ комисіи мы нашли и лицъ, съ успѣхомъ курсъ наукъ въ тѣхъ офицерскихъ клм перь переименованы въ морскую академію, слѣдоват понимающихъ пользу и необходимость для флотскаго шаго образованія.

Переходя къ вопросу о порядкѣ производства в чины и къ вопросу о порядкѣ назначенія въ плаван чиновъ, мы находимъ, что комисіи устранила вовсе по линіи и замѣнила его усмотрѣніемъ высшаго мор ства, а очередной порядокъ въ плаваніи предлагае баллотировкой. Мы не сторонники такого порядка только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ дать результаты,—когда на мѣстахъ высшаго морскаго начал сидѣтъ боги, а пока на этихъ мѣстахъ сидятъ грѣш нецрѣмѣнно явится протекція. Бабушки во флотѣ и

чли. Поэтому, если проект будет принятъ, то только въ исключительныхъ случаяхъ люди будутъ производиться по заслугамъ. Врядъ-ли отъ этого выиграетъ морская служба! Основатель нашего флота, Петръ Великій, ввелъ производство въ чины по баллотировкѣ. По законамъ она до сихъ поръ не отмѣнена; но въ первый разъ она была въ царствованіе императора Николая. Въ дѣствіе того, что выболтировывались обыкновенно люди въ виду начальникамъ, боллотировки признаны были неудобными и отмѣнены производствомъ по линіи, какъ не допускающимъ никакого произвола. Ни одно законодательство въ Европѣ не допускаетъ такого широкаго произвола, какой предлагаетъ ввести коммисія при производствѣ во флотскіе чины и назначеніи чиновъ въ кампаніи.

Произволь этотъ совершенно ясно обрисовывается изъ постановленій коммисіи о предѣльномъ возрастѣ. Если сопоставить ихъ въ условіи цѣна и возраста выпускаемыхъ молодыхъ людей изъ морского училища, то окажется, что по линіи можетъ быть мичманъ произведенъ только въ лейтенанты и капитаны 2-го ранга, а капитаны-же 1-го ранга онъ по линіи произведенъ быть не можетъ. Такъ, чтобъ дослужить до капитана 1-го ранга, ему, — предполагая, что онъ выпущенъ изъ морского училища 21 года — нужно прослужить 7 лѣтъ мичманомъ + 15 лѣтъ лейтенантомъ + 13 лѣтъ капитаномъ 2-го ранга. Имѣя, такимъ образомъ 56 лѣтъ отъ роду, онъ могъ-бы быть произведенъ въ капитаны 1-го ранга; но какъ капитанамъ 2-го ранга предѣльный возрастъ 54 года, то, доживъ до нихъ, онъ долженъ быть, именно по проекту коммисіи, уволенъ въ отставку, не дослуживъ по линіи 2-хъ лѣтъ. Такія же условія постановлены и для производства въ адмиральскіе чины, т. е. человекъ, служащій безъ протекціи, по линіи раньше достигнетъ предѣльнаго возраста и будетъ уволенъ въ отставку, чѣмъ прослужить положенный для прохожденія въ этомъ чинѣ срокъ. Другими словами, производство въ капитаны 1-го ранга и въ адмиральскіе чины можетъ быть достигнуто только по особенной милости начальства. Но за-то если начальство кого захочетъ милостью, то онъ можетъ достигнуть адмиральскихъ чиновъ очень скоро, даже быстро. Посланный въ заграничное плаваніе мачманомъ 21 года, онъ черезъ 4½ года плаванія за границей можетъ быть произведенъ въ капитаны 2-го ранга, проплававъ одну кампанію въ званіи командира судна 2 ранга можетъ быть произведенъ въ капитаны 1-го ранга, и затѣмъ, если будетъ сдѣланъ командиромъ судна 1-го ранга, то, проплававъ два плаванія, то-есть два года, онъ можетъ быть произведенъ въ контръ-адмирала 1-го ранга. Мачманъ 21 года, черезъ 6 лѣтъ постоянного плаванія,

27-ми лѣтъ отъ роду, можетъ быть контръ-адмиралом жется, что противъ этой части проекта не стоитъ воз-

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ которыми комиссія предполагаетъ наградить всѣхъ тѣхъ кто имѣетъ протекціи и кто будетъ по прослуженіи 25 или 30 лѣтъ выброшенъ за бортъ морской службы. Пенсія эта та-же существуетъ и нынѣ; все измѣненіе состоитъ въ томъ что дается за 25 лѣтъ половина пенсіи, а за 35 лѣтъ полная пенсія-же предлагаетъ за 25 лѣтъ службы выдавать полную пенсію и затѣмъ за каждый годъ службы прибавлять 1/10 другой половины, такъ что за 35 лѣтъ службы будетъ полная пенсія.

Такъ какъ большинство офицеровъ по этому проекту увольняются въ отставку въ чинѣ капитана 2-го ранга, интересно, сколько они будутъ получать пенсію, за службу на морѣ? Оказывается что за 25 лѣтъ капитанъ 2 ранга будетъ получать пенсію 290 рублей, 580 рублей въ годъ!

Къ счастью для флота, проектъ, о которомъ мы только что зослали всѣмъ командирамъ судовъ и флагманамъ Балтийскаго и Чернаго морей, для разсмотрѣнія его въ особыхъ комиссіяхъ. Мы слышали, что комиссія тщательно разбираетъ проектъ и твердо надѣемся, что въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ, онъ не обратится въ дѣйствующій законъ. Желательно было бы реорганизациі личнаго состава было-бы обращено на усиленіе научнаго образованія моряковъ, безъ котораго стоящее время хорошій флотъ немислимъ.

Бывшій

ТОНКИНЪ.

(Политическая и социальная хроника).

I.

Послѣ того какъ московскій Кремль пересталъ поглощать вниманіе публики, оно всецѣло обратилось на далекіе берега Тонкинскаго залива и Красной Рѣки, на «Черные и Желтые флаги», на оварящей оплакиваемого Ривьера—съ одной, и дворецъ достопочтеннаго императора Аннамскаго—съ другой стороны.

Крайне ничтожнымъ казалось вначалѣ это тонкинское дѣло. Правда, оно значилось въ программѣ французской палаты на настоящую сессію, но не только не стояло во главѣ ея, а скромно подвигалось на послѣдній планъ закономъ о дешевыхъ квартирахъ и пенсіонныхъ кассахъ. Въ настоящую-же минуту только и слышишь, что о Тонкинѣ: о немъ говорятъ всюду и со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. На биржѣ не говорятъ ни о чемъ, кромѣ аморозовъ золота, открытых кохинкинскимъ депутатомъ Влануба. Дамы уже мечтаютъ о появленіи какого-нибудь очень страшнаго, очень ужаснаго туземнаго предводителя.

Особенно взволнованы, повидимому, англичане. Вчера ихъ занимали мадагаскарцы, овладѣвавшіе всѣми столбцами англійскихъ газетъ, доставлявшіе всевозможныя сенсаціонныя извѣстія. «Французскія операціи противъ Мадагаскара. Взятіе Маюнга, послѣ шестидневной бомбардировки»; и такъ далѣе. Таковы рубрики, красовавшіяся на переднихъ страницахъ наиболее вліятельныхъ органовъ. Теперь мѣсто Мадагаскара занято Аннамомъ. Вмѣсто Маюнга шлется на сцену Намъ-Динъ. Если судить по шуму, поднятому англійскою печатью по поводу франко-аннамскаго столкновенія, то можно предположить, что дѣло идетъ о чемъ-то специально касающемся чести и интересовъ Англии. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что если въ Лондонѣ до такой степени интересуются французскими предпріятіями, то это происходитъ собственно не съ цѣлью казанія имъ поощренія. Рѣдко приходилось слышать настолько

громкіе и дружныя протесты противъ конкуренціи, которая имѣетъ претензію оказывать Великобританіи на по-
заціи. Одни, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, описыва-
ютъ, грозящую англійскому владычеству отъ этой .
Другіе пытаются осмѣять усилія державы-соперницы
лучается извѣстіе о какомъ-нибудь успѣхѣ, его стара-
ются ребяческой забавѣ; если-же, напротивъ, дѣло не
удачѣ, Францію начинаютъ предостерегать противъ
грозящихъ ей на крайнемъ востокѣ. и предсказывать
дѣйствія противъ Аннама будетъ «Мексикою» француз-
публиканскаго правительства. Менѣе коварныя и бо-
• осыпаютъ сосѣдей по ту сторону Ламанша градомъ руган-
называютъ экспедиціонный корпусъ «шайкой флибусть-
изливая различныиъ образомъ, смотря по особенностямъ
мента, свою досаду на колонизаціонныя попользованія
англичане рѣшительно забываютъ, что подобныя рѣчи
то приличествуютъ менѣе, чѣмъ кому-бы то ни было
дѣлѣ, кому можетъ прійти въ голову искать уроковъ
нравственности у сыновъ Альбіона, и если шовинизмъ
вездѣ, то какія извиненія можно подыскать для него?
развертывается на столбцахъ англійскихъ газетъ. и
нїяхъ, которыя можно назвать по меньшей мѣрѣ не-
Эти господа доходятъ до того, что напоминаютъ своимъ
друзьямъ о бѣдствїяхъ франко-германской войны.
они и не подозреваютъ, что уменьшеніе вліянія Ве-
въ Европѣ началось именно со времени пораженія
1870 — 1871 годахъ. Они закрываютъ глаза на фак-
тѣ до какого уровня понизилась ихъ страна въ своемъ
развитіи. Этой странѣ пришлось и безъ содѣйствія
для котораго, по словамъ Мирабо — «война есть національ-
мышленность», — извѣдать горечь пораженія: дикія юж-
скія племена, варвары-афганцы, да нѣсколько отрядовъ
боэровъ показали міру, во что слѣдуетъ цѣнить въ
время англійское военное могущество. Что касается
стороны вопроса и уваженія къ правамъ народовъ
глядывая въ глубину прошлаго, можно сказать,
англичане подали сигналъ къ политикѣ захвата, на
скаго конгресса, наложивъ руку на островъ Кипръ, и
новеннымъ флибустьерамъ, вопреки трактатамъ. Да
въ минуту горячихъ протестовъ своихъ, чѣмъ занимается
британія? Она собирается санкціонировать присоеди-
Гвиней къ Квэнслендской колоніи, или, скорѣе, замѣ-
этой колоніи собственнымъ владычествомъ. чтобы не

правлять островомъ Папуа, какъ владѣніемъ центрального правительства, то-есть на тѣхъ-же приблизительно условіяхъ, какъ правятея индійскими колоніями. Съ другой стороны, Англія, къ кажется, не намѣрена очищать долину Нила; напротивъ, а готовится основаться тамъ на долгое время, иначе говоря, на егда! Послѣ долгихъ колебаній, британское правительство только со сдѣлало распоряженіе относительно перевезенія въ Египетъ адъютанта оккупационнаго корпуса. Мѣра эта не требуетъ разъясненій и имѣетъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ назначеніе извѣстнаго дипломата, маіора Бэринга, на постъ генеральнаго консула или вѣрше, *комиссара* англійскаго правительства въ Египтѣ. Это такъ прекрасно понимается на мѣстѣ, что, нѣсколько дней тому назадъ, хедивъ и его министры праздновали 63-ю годовщину дня рожденія королевы Викторіи съ такимъ-же великолѣпіемъ, какъ если-бы дѣло шло о днѣ рожденія ихъ бывшаго владыки—султана.

На присоединеніе Кипра—Франція отвѣчала присоединеніемъ Гуниса. Она нашла также, что оккупация Египта не должна оставаться безъ отвѣта. Обманутая союзницей, она не захотѣла оставаться у нея въ долгу; отсюда и возникло внезапное оживленіе колониальной политики, проявившееся поочередно—въ Африкѣ, на Конго, на Мадагаскарѣ и, наконецъ, въ Азій, на рубежѣ англійскихъ владѣній въ Индіи. Мысль о расширеніи колониальныхъ владѣній захватила правительственный міръ, подобно какой-нибудь горячкѣ; она господствуетъ и за предѣлами политическихъ сферъ. Расширять и расширять свою территорію, распространять французское вліяніе повсюду, гдѣ оно можетъ проявиться,—вотъ что исключительно имѣется въ виду въ настоящее время. Никто, впрочемъ, не думаетъ о томъ, что прежде чѣмъ захватывать чуждыя территоріи, было-бы благоразумнѣе колонизировать тѣ, которыя уже имѣются въ распоряженіи; никто не говоритъ также о преобразованіи колониальнаго законодательства, въ смыслѣ введенія въ него основъ самоуправленія и свободы, въ которыхъ ощущается недостатокъ. Увлеченіе экстенсивной колониальной политикой принадлежитъ къ числу тѣхъ, не оправдываемыхъ ничѣмъ точекъ зрѣнія практическаго смысла, увлеченій, которыя рождаются и исчезаютъ единственно въ силу инстинктивной потребности, побуждающей ребенка рѣзвиться и волюноваться во всѣхъ управленіяхъ и самымъ беспорядочнымъ образомъ.

Такая склонность, къ которой другія державы, какъ напри- мѣръ Германия и Австрія, относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, объясняется, впрочемъ, географическимъ положеніемъ страны, владѣющей обширною береговою линіей и, такимъ образомъ, какъ-бы

самою природою влекомую къ приключеніямъ въ дальнѣйшія времена. Поэтому и внѣ временнаго увлеченія, мы можемъ констатировать правильное и непрерывающееся движеніе, охватывающее весь периодъ морского мира, начавшійся въ 1815 году и не кончившійся съ тѣхъ поръ, несмотря на войны, которыя Франція пришлось выдержать въ Европѣ, но которыя не породили ни одной войны между нею и морскими державами, способными ей противопоставить свое соперничество. Небезынтересно бѣгло прослѣдить движеніе, отправная точка котораго совпадаетъ съ началомъ вращенія.

На другой день по заключеніи трактатовъ, обработанныхъ въ пользу Англій, внѣшнія владѣнія ея ограничивались двумя: въ Америкѣ — Мартиника, Гваделупа съ прилежащими ей островками, французская Гвіана, острова Св. Микелонъ. Въ Азіи — индійскія конторы (Пондишеръ, Мадрасъ и др.). Въ Африкѣ — Горей и Сенегалъ, гдѣ французскія владѣнія не превышали въ то время предѣловъ нѣсколькихъ военныхъ постовъ; островъ Соединенія, остр. Св. Маргариты и Скарской. За исключеніемъ восьми—двѣнадцати тысячъ жителей обитаемыхъ и большею частью неизслѣдованныхъ земель Гвианѣ, общее количество всѣхъ этихъ владѣній составляло поверхность, едва достигавшую 500,000 гект. съ населеніемъ въ 500,000 жителей. Что касается экономическаго положенія колоній, то ходило въ самомъ жалкомъ видѣ. Управление, судъ, войско, укрѣпленія, военный и коммерческій флотъ, — все вало перестройки. Каждой изъ колоній пришлось по испытать вооруженному нападенію и затѣмъ иностранному владѣнію. Хваченныя Англійей, онѣ подверглись участи завоеванныхъ и имъ не было предоставлено преимуществъ, которыми пользуются англійскія колоніи. Торговля и земледѣліе въ нихъ въ полный упадокъ.

Мало-по-малу, однако-же, онѣ оправились, и въ 1830 году население оказалось удвоившимся. Впрочемъ, эти старыя колоніи составляютъ теперь лишь ничтожную часть внѣшнихъ владѣній Франціи. Въ 1830 г., волею дея Гуссейна, она приобрѣла завоеваніе котораго довершилось цѣною кровавой войны въ 1881 году протекторатъ надъ тунисскими владѣніями до береговъ Габесскаго залива политическую границу завоеваній и прибавилъ 1.200,000 жителей къ 3,310,000 французской Алжиріи. Въ Сенегамбіи французскія владѣнія въ последнее время подвинуты до самаго Нигера, и жалкое государство, основанный въ 1841 г. при заливѣ Габу, сдѣлался базисомъ для новыхъ предпріятій въ богатомъ конгскомъ бассейнѣ.

комъ морѣ правительство Луи-Филиппа заняло нѣсколько острововъ, окружающихъ прекрасный и обширный о. Мадагаскаръ, гдѣ итѣе правительство, повидимому, намѣревается отстаивать свои, по его мнѣнію, права Франціи. Въ Океаніи присоединеніе нѣсколькихъ архипелаговъ, дополненное въ 1853 г. занятіемъ Новой Каледоніи, расширило французскія колоніальныя владѣнія на два или на три милліона гектаровъ съ сотнею тысячъ населенія. На крайнемъ востокѣ, экспедиція 1860 года имѣла результатомъ пріобрѣтеніе нижней Кохинкины, протекторатъ надъ Камбоджей и, наконецъ, другой, менѣе дѣйствительный, надъ Аннамомъ. По окончательной оккупациіи этого послѣдняго, Франція насчитывала бы на индо-китайскомъ полуостровѣ около девятнадцати милліоновъ подданныхъ и состоящихъ подъ ея покровительствомъ жителей. Такимъ образомъ, Франція возстановила-бы колоніальныя владѣнія, приблизительно, съ тридцатимилліоннымъ населеніемъ и съ торговымъ движеніемъ достигающимъ, почти милліарда. Въмѣсто седьмого мѣста, которое она занимала въ этомъ отношеніи въ средѣ европейскихъ державъ, Франція заняла-бы непосредственно второе послѣ Великобританіи. Таковъ былъ-бы великолѣпный результатъ, обеспечивавшійся за нею успѣхомъ тонкинскою экспедиціи.

II.

Такъ какъ, къ тому-же, Франція намѣревается присоединить тонкинцевъ ради ихъ-же собственнаго блага, то мы, въ нѣсколькихъ словахъ, познакомимъ читателя съ этимъ интереснымъ народомъ, изъ-за сочувствія къ которому спорятъ двѣ великія европейскія націи, причемъ сочувствіе такъ пламенно, что принимаетъ видъ свирѣпой ревности.

Граница на сѣверъ съ Китаемъ, на югѣ—съ бывшимъ королевствомъ Кохинкинскимъ, на востокѣ—съ Тонкинскимъ заливомъ, а на западѣ съ—Лаосомъ, обширнымъ и независимымъ краемъ, Тонкинъ представляетъ площадь въ 150,000 квадратныхъ километровъ (то-есть около трети всей Франціи), населенныхъ, приблизительно, двѣнадцатью милліонами душъ. Страна эта пересѣкается отъ сѣверо-запада къ югу прекрасною рѣкою, Сонгъ-Кон (по китайски Гонгъ-Кіангъ или Красная рѣка), берущею свое начало въ Оуанѣ, богатѣйшей изъ китайскихъ провинцій. Сонгъ-Кон омываетъ нѣсколько важныхъ городовъ, въ томъ числѣ бывшую столицу Ганои, и раздѣляется на множество рукавовъ, впадающихъ въ Тонкинскій заливъ. Эти рукава, соединяясь съ устьями другой рѣки, Таи-Гинга, образуютъ обширную дельту, плодородіе которой напоминаетъ дельту Нила.

Въ физическомъ отношеніи, тонкинцы счастливѣе тайскихъ сосѣдей. У нихъ менѣе сплюснутыя выдающіяся скулы. Сложенія они нѣсколько крупнаго, тутъ довольно плохо, цвѣтъ лица — зеленовато-бурый. Чинъ слишкомъ квадратенъ, а женскія — слишкомъ крупныя. Искушаютъ эти недостатки другими преимуществами, стройностью стана, тонкостью кожи и прекрасными чертами, опущенными густыми рѣсницами. Они никогда не красятся своими черными, какъ смоля, волосъ и, собравъ ихъ на видѣ шиньона, удерживаютъ ихъ въ этомъ положеніи щипцами булавокъ. Роста они обыкновенно бываютъ ниже средняго.

Тонкинцы крѣпки, воздержны, умны, трудолюбивы, скупаго торговлѣ и промышленности. Торговый духъ ихъ превосходитъ кохинхинскій. Они любятъ деньги, но растрачиваютъ ими же увлеченіемъ, какъ и накопляютъ, нисколько не застрашивъ днѣ. Въ этомъ они рѣзко отличаются отъ китайцевъ, которые берегутъ деньги и мало тратятъ на свое удовольствіе. Тонкинецъ — мотъ; это взрослый ребенокъ, безпечный, шумъ, веселье, празднованіе. Онъ тратится на роскошныя похороны. Характеромъ онъ подходитъ къ китайцу, однако же, болѣе заботливъ относительно будущаго, такой степени сорить деньгами.

Тонкинцы весьма общительны; они любятъ обѣдаться и за столомъ заключаютъ обыкновенно всѣ свои сдѣлки. Они веселаго, по природѣ, нрава. Старались доказать, что они неискренни. Въ напечатанной недавно корреспонденціи «Temps», намъ пришлось прочесть рассказъ о происшествіи, повидимому, весьма характернымъ образомъ показывающаго это мнѣніе.

Дѣло было во время послѣдняго папирскаго общаго соборнаго сессіона епископа въ Кэ-сэ, г. Пюжинь. Путешествуя изъ селенія и изъ предосторожности одѣтый туземцемъ въ буддистскія словія, онъ остановился въ одномъ изъ доминовъ селенія, какъ вдругъ ночью нѣсколько человекъ аннамскихъ тайцевъ постучались у дверей. «Не у тебя ли французскій священникъ?» спросили они у хозяина, отворившаго дверь. Онъ отвѣтилъ громкимъ смѣхомъ: «Хорошо-же васъ напугали Будды и какою вы мнѣ дѣлаете честь! Вотъ факель, смотрите на епископа: онъ въ митрѣ, съ жезломъ, въ бархатъ, шелкъ и золото!» — «Довольно смѣяться, добры люди, отвѣчаютъ пришедшіе, — мы видимъ, что его нѣтъ у тебя, бѣжимъ, чтобы догнать его въ сосѣднемъ селеніи».

исчезаютъ, не преминувъ поругаться по поводу того, что имъ пришлось дать кружку и по-пусту нашумѣть.

Когда прелать, не потерявпий ни одного слова изъ разговора, отребовалъ объясненій у своего хозяина, отвѣтъ его не показалъ ему успокоительнымъ: «Въ этомъ краѣ черное значить бѣлое, тѣчалъ тотъ. — Если-бы я сказалъ, что васъ нѣтъ у меня въ домѣ, въ него-бы ворвались, отрубили-бы мнѣ голову, и васъ постигла-бы участь вашего предшественника, монсиньора Діаза, претрѣвшаго такую ужасную, мученическую смерть».

Притворство не лежитъ, однако-же, въ основѣ характера туземцевъ. Напротивъ, они по природѣ честны и откровенны и сдѣлались нескренимыми лишь вслѣдствіе продолжительнаго гнета. Они далеко не такъ коварны, какъ сосѣдя ихъ кохинкинцы, и большая часть наблюдателей признаетъ за ними и теперь нѣкоторую склонность къ чистосердечію, берущую верхъ, какъ только сужаютъ разсвѣтъ ихъ недовѣріе

Тонкинцы необыкновенно проворны и ловки. Умъ ихъ, быть можетъ, нельзя назвать очень изобрѣтательнымъ, но они ставятъ свое самолюбіе въ томъ, чтобы какъ можно лучше выполнить дѣло, которое имъ поручено. Подобно сосѣдямъ-китайцамъ, у нихъ много вкуса и терпѣнія. Они владѣютъ инстинктомъ, можно сказать—геніемъ подражанія. Дайте тонкинцу-портному платье на образецъ,—онъ сдѣлаетъ вамъ точно такое-же. Почти въ каждомъ селеніи вы найдете своихъ плотниковъ, кузнецовъ, столяровъ. Камешниковъ здѣсь больше и они искуснѣе, чѣмъ въ Китаѣ. Множество рабочихъ постоянно занято вдоль Красной рѣки и ея притоковъ, устраивая или исправляя плотины, имѣющія цѣлю предохранить селеній отъ страшныхъ наводненій, нерѣдко заливающихъ дельту. Эти плотины — превосходныя сооруженія, которыя обыкновенно обнимаютъ собою нѣсколько селеній и въ то-же время служатъ дорогами. Онѣ достигаютъ семи—восьми метровъ вышины и на многихъ изъ нихъ могутъ проѣхать рядомъ три большіе экипажа. Такія плотины встрѣчаются даже выше Гунгъ-Гоа.

Въ настоящее время, промышленность страны ограничивается фабрикаціей сахара, масла изъ пальмы-кристи, производствомъ игаръ, вышиваніями, изготовленіемъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей и гончарнымъ дѣломъ. Почти повсюду производятся издѣлія изъ бамбука и изящныя вещицы съ перламутровой инкрустацией. Въ этихъ-то инкрустационныхъ работахъ проявляется преимущественно вкусъ и изумительное терпѣніе туземцевъ. Неудобно встрѣтить у нихъ изящную, можно сказать художественную мебель, пережившую нѣсколько вѣковъ и стоившую многихъ лѣтъ труда.

Главный земледѣльческій продуктъ — рисъ. Въ бол- дельты, сборъ риса производится два раза въ годъ. В селеніяхъ можно встрѣтить бассейны, устроенные во стройки плотинъ; въ нихъ сохраняется вода, необх- орошенія рисовыхъ полей. Въ верхнихъ мѣстности жатва перевозится на телѣгахъ, запряженныхъ быками на ручныхъ тачкахъ; въ нижнихъ — ее переносятъ на р- корзиннахъ, прикрѣпленныхъ къ бамбуковымъ палкамъ нымъ, съ обѣихъ концовъ, желѣзными наконечниками. корзиннами носильщики (подобно китайскимъ) бѣгутъ р-

Тачки ихъ отличаются практичностью устройства. Б- сто того, чтобъ находиться спереди, занимаетъ середину го падаетъ вся тяжесть. Остается только направить т- ловѣкъ накидываетъ себѣ на шею ремень, который лается въ обѣихъ концахъ тачки. Съ каждой стороны лѣжки устроены скамейки, для путешественниковъ или Такимъ способомъ путешествуютъ люди небогатые; устраниваютъ себѣ въ этихъ телѣжкахъ особые сѣтки.

За рисомъ слѣдуетъ шелкъ. Тутовое дерево культу- высокнхъ долинахъ, повыше Ганой, и главнымъ образ- линѣ Тап-Нгуанъ. Вездѣ, гдѣ растетъ тутовникъ, воспи- шелковичныхъ червей. Шелковыя ткани, здѣсь изготовл- подлежатъ къ числу легкихъ; онѣ очень дешевы, по п- кой заработной платы, не превышающей 30 сантимовъ. Эти ткани, впрочемъ, невысокаго качества.

Культура тутоваго дерева совпадаетъ почти повсю- дѣлываніемъ хлопчатобумажника. Сахарный тростникъ понемногу повсюду, преимущественно-же въ высоки- стяхъ и въ особенности въ Гунгъ-Гоа. Всѣ наиболее обши- тации находятся въ верхней дельтѣ; въ нижней — встрѣчаю- изолированные клочки, окруженные рисовыми полями. Об- продуктовъ и вышеуказанныхъ произведеній составляетъ предметъ торговли тонкинцевъ. Къ нимъ слѣдуетъ бобровую струю, корицу, индиго и проч. Кирпичный т- товленный въ Пу-Эюлѣ, составляетъ главный предметъ нѣкоторыхъ городовъ. Онъ идетъ изъ южнаго Юнана, гао, — китайскій городъ, лежащій при верховьяхъ Кра- По увѣреніямъ морского путешественника Арриэна, пр- кирпичнаго чая и торговля этимъ предметомъ извѣ- уже тысяча-шестьсотъ лѣтъ тому назадъ. Другой весь- предметъ торговли — бателъ, пользующійся большими какъ здѣсь такъ и въ Кохинхинѣ. Бателъ потребляется на югѣ Юнана, но весьма мало въ остальномъ Китаѣ.

Подавляющіе налоги, мандаринскіе поборы, препятствія външней торговли, таможенныя стѣсненія (таможни во всѣхъ на каждомъ шагѣ),—всѣ эти вмѣстѣ взятая причины, рымъ слѣдуетъ еще прибавить отсутствіе личной безпечности, создаютъ важныя препоны къ увеличенію процвѣтанія. Поражаютъ бесплодіемъ терпѣливыя усилія энергичнаго правительства, клонящіяся къ извлеченію выгодъ изъ естественныхъ богатствъ. Природа надѣлила его край.

III.

Все это трудящееся населеніе сосредоточено въ болѣе значительныхъ селеніяхъ. Здѣсь не встрѣтитъ, какъ въ южной части, изолированныхъ домиковъ и фермъ разбросанныхъ по окрестностямъ. Большая часть домовъ строится изъ дерева или изъ кирпича, обшитая панелями съ соломою, въ перемежку съ бамбукомъ, и вѣнцомъ изъ соломы. Жилища болѣе достаточныхъ людей кроются въ горахъ. Селеніе опоясывается бамбуковыми деревьями, скрывающими отъ взоровъ.

Главнѣйшіе города находятся на берегу Сонгъ-Копъ, преимущественно въ районѣ дельты. Они занимаютъ обширныя пространства, сравнительно съ цифрою своего населенія. Бывшій столицей Ганой имѣетъ болѣе 150,000 жителей. Цитадель, восточная часть системы Вобана, занимаетъ около 3,500 метровъ по окружности. Намъ-Динъ, также лежащій на берегу Красной рѣки, имѣетъ до 100,000 жителей, лучшій по своимъ постройкамъ городъ въ провинціи. Самый красивый изъ тонкинскихъ городовъ. Правильно выстроенныя и достаточно широкія улицы отличаются отсутствіемъ грязныхъ скопленій нечистотъ, которыя такъ часто встречаются въ самыхъ мелкихъ селеніяхъ крайняго востока. Главная площадь города—базарная площадь. Хотя аннамскій властитель не предоставлялъ особыхъ вольностей этому городу, но онъ всегда избѣгалъ столкновеній съ своими провинціями. Онъ вывелъ въ его распоряженіи многія муниципальныя льготы, которыми жители, безъ сомнѣнія, обязаны главнымъ образомъ своимъ свободнымъ пріемами и печатью общаго благополучія, которые не встрѣчаются въ сосѣднихъ округахъ. Не менѣе, въ немъ исповѣдуютъ католическую религію, а громадный и очень красиво украшенный соборъ построенъ въ лучшемъ кварталѣ. Латынь пользуется большимъ почетомъ у этихъ добрыхъ людей.

Городъ Намъ-Динъ—не единственный центръ, гдѣ въ южной части удалось насадить свое ученіе. Французскіе и испанскіе миссіонеры проповѣдали въ эти края еще въ семнадцатомъ столѣтіи.

несмотря на кровавыя преслѣдованія мандариновъ, основать нѣ-
 золько вѣтующихъ миссій. Въ настоящее время *Силлабусъ* на-
 читывается не менѣе 500,000 сторонниковъ на этихъ далекихъ
 ерегахъ. Остальное населеніе держится религіи, заимствованной,
 астію у индусскаго, частію у китайскаго культа. Конфуцій поль-
 зуется здѣсь большимъ вліяніемъ. Традиція превратила его въ
 какое-то божество, которому воздвигаютъ храмы. Главные адепты
 его принадлежатъ къ ученому сословію, то-есть къ разсаднику,
 въ которомъ воспитываются люди, предназначающіе себя къ об-
 щественнымъ должностямъ. Этотъ классъ отворачивается отъ евро-
 пейской цивилизаціи, и его вліяніе часто вредило успѣху науч-
 ныхъ изслѣдованій, такъ-же какъ и военныхъ экспедицій.

Въ политическомъ отношеніи страна дѣлится на провинціи, пре-
 фектуры, подпрефектуры и общины. Эти послѣднія управляются са-
 мостоятельно по виду, собираютъ подати, распредѣляютъ ихъ соглас-
 но съ произвольными указаціями аннамскихъ мандариновъ. Возму-
 тительный гнетъ, оказываемый этими должностными лицами, кото-
 рые почти поголовно—воры, развратники и бездѣльники, тяжело
 ложится на тонкинцевъ, низводя къ нулю кажущееся самоуправ-
 леніе, которыми пользуются общины.

Продолжительное угнетеніе не осталось безъ послѣдствій для
 тонкинца. Но не всегда отличался тонкинскій народъ безответною
 кротостью стримой и ведомой на закланіе овцы. Исторія кро-
 вавыхъ войнъ, которыя ему пришлось выдержать, начиная съ вре-
 мени глубокой древности въ защиту своей свободы, весьма лю-
 бопытна. Не разъ боролся онъ съ могущественнымъ сѣвернымъ
 сосѣдомъ, которому удалось добиться владычества надъ нимъ лишь
 послѣ героическаго сопротивленія, но не удалось потушить вполне
 духа независимости. Такъ въ XV вѣкѣ тонкинцы возстаютъ подъ
 предводительствомъ генерала своего Лэ-Лои и пытаются сбросить
 китайское ярмо. Знаменитый воинъ сдѣлался родоначальникомъ
 династіи Лэ, царствовавшей до начала нынѣшняго столѣтія и
 сохранившей свою популярность въ краѣ и до сихъ поръ.
 Въ 1802 году, вслѣдствіе новой, долгой и кровавой борьбы, тон-
 ки́нцы перешли подъ господство кохинхинцевъ, основавшихъ, по
 соединеніи завоеванной страны, королевство Аннамское. На-
 расно, въ 1861 году, Лэ-Фунгъ, доблестный потомокъ славнаго
 ода Лэ, сталъ во главѣ порабощеннаго народа, разбилъ аннам-
 совъ въ пятнадцать или двадцати сраженіяхъ и уничтожилъ ихъ
 вѣсть. Во время рѣшительной битвы, данной имъ лучшему изъ
 генераловъ непріятельскаго войска, Нгуэнъ-Тце-Фуонгу, онъ былъ
 раненъ однимъ изъ своихъ офицеровъ и принужденъ укрыться
 въ горахъ, между тѣмъ какъ буря потопила его флотилію.

изъ разстоянія отъ Ганои. Вотъ, въ краткихъ словахъ, исторія ихъ послѣднихъ.

Около 1865 года, мандарины изъ провинціи Куангъ-Си, при дѣйстви войскъ провинціи Куангъ-Тонгъ, подавили инсurreкцію, существовавшую въ краѣ еще съ 1849 года. Одинъ изъ главнѣйшихъ вождей бѣжалъ изъ названной провинціи и проникъ въ Аннамъ во главѣ шайки въ 3—4,000 человекъ. Онъ прошелъ по сѣверовосточную его часть, до Красной рѣки, и болѣе года стоялъ лагеремъ на лѣвомъ берегу ея, противъ Ганои. Предводитель умеръ въ 1866 году.

Аннамцы, какъ вассалы китайскаго императора, потребовали одѣйствія китайскихъ войскъ, чтобы прогнать неудобныхъ гостей, и генералъ Тзэнъ перешелъ границу съ 10,000 солдатъ. По смерти Га Тсуга, начальствованіе надъ шайкой перешло въ руки двухъ вождей — Ліэу-Іуэнъ и Гоангъ-Тсугъ-Инъ. Принужденные спастись бѣгствомъ отъ китайскихъ войскъ, оба вождя добрались вверхъ по Красной Рѣкѣ до земли независимыхъ дикарей и поселились въ ихъ лѣсахъ. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ они осадили Лао-Кан, находившійся въ то время въ рукахъ одного изъ кантонскихъ начальниковъ. По взятіи Лао-Канъ въ 1868 г., Ліэу-Іуэнъ-Фу предводитель «Черныхъ флаговъ», удержалъ за собою городъ Гоангъ-Тсугъ-Инъ, а глава «Желтыхъ флаговъ» выбралъ себѣ резиденціей Го-лангъ, на Свѣтлой Рѣкѣ.

«Желтые флаги» старались жить въ мирѣ и согласіи съ горными жителями своей новой родины и устроили у нихъ посты, для огражденія ихъ отъ разбойничьихъ набѣговъ. Они, впрочемъ, разчитывали получить впослѣдствіи помилованіе и вернуться въ Китай. Что касается «Черныхъ флаговъ», то они отличались побоями и вербовали множество всякаго рода людей, сѣявшихъ ужасъ въ средѣ дикарей.

«Черные» и «Желтые» не долго жили въ добромъ согласіи. Дожидаясь съ таможенъ, устроенныхъ на Красной и Свѣтлой рѣкахъ, были дѣлиться между обоими предводителями, но такъ какъ доходы Лао-Канъ были значительнѣе доходовъ Го-ланга, то Фу-Іуэнъ Фу захотѣлъ оставлять все себѣ и не давать отчета. Конфликтъ скоро обострился и произошло кровавое столкновеніе. Гоангъ-Тсугъ-Инъ напалъ на Лао-Канъ. Не будучи въ силахъ взять приступомъ, онъ устроилъ лагерь въ Тоуэнъ-Гіа, на рѣкѣ, съ цѣлью отрѣзать всякое сообщеніе съ Тонкиномъ и задержать до-мѣ. Во время нападенія «Черныхъ флаговъ» на постъ Тоуэнъ-Гіа 300 человекъ изъ нихъ, окруженные непріателемъ, успѣли спастись отъ берега и теченіемъ рѣки ихъ отнесло къ аннамскимъ пристанямъ въ Куэнъ-Сэ. Тогда они предложили аннамцамъ при-

соединиться къ нимъ и идти воевать съ «Желтыми Аннамитами» согласились. Съ тѣхъ поръ дворъ Гюэ не разрывалъ «Желтые флаги». Недавнія событія показали, что жалованья у аннамскаго правительства, которое платитъ регулярной милиціи, то-есть по два франка и по мѣрѣ человѣка въ мѣсяцъ.

Въ сущности это единственныя военныя силы, которыя императоръ можетъ противопоставить европейцамъ. Но говорили о тонкинской арміи въ 500,000 человѣкъ. Но существуетъ болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Мандарины привели изъ Кохинхины нѣкоторое количество въ видахъ держанія народа въ уздѣ, но большаго числа въ арміи состоитъ изъ тонкинскихъ милиціонеровъ, не обладающихъ ни малѣйшаго одушевленія, когда приходится имъ бороться съ аннамскихъ утѣснителей. Военныя упражненія исполняютъ неохотно, и хотя эти милиціонеры очень искусны въ физическомъ дѣлѣ, скачутъ, кувыркаются и пляшутъ изумительную малѣйшую опасность обращаетъ въ бѣгство этихъ ловкихъ людей, лишенныхъ всякой воинской доблести.

IV.

Для европейцевъ исторія Тонкина начинается съ того, какъ молодой французскій путешественникъ Жанъ-Дюбуа открылъ на тонкинскую землю.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ изслѣдователей новыхъ странъ безспорно представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ и смѣлѣйшихъ типовъ. Съ самаго дѣтства овладѣлъ имъ духъ путешествій и приключеній. Онъ долго ждалъ осуществленія своей мечты и наконецъ встрѣтился съ капитаномъ, который согласился взять его съ собою въ Дюбуа пристрастился къ торговлѣ, самъ сдѣлался фабрикантомъ и сталъ путешествовать уже на собственный счетъ. Въ то время какъ Лессепсъ только-что приступилъ къ грандіозному предпріятію—прорытію Суэцкаго перешейка, Дюбуа отправился въ Александрію, для сбыта своихъ товаровъ. Затѣмъ, оцѣнивъ всю важность значенія предпріятія Лессепса и видя въ этомъ послѣднемъ обширное складочное мѣсто въ то время, европейскія произведенія будутъ обмѣниваться на товары крайняго востока, онъ рѣшилъ отправиться въ Китай, кого рода торговля можетъ установиться позднѣе съ Индокитайскимъ полуостровомъ.

Посѣтивъ Пекинъ, онъ моремъ вернулся въ Шанхай.

исъ снова отправиться въ Египетъ съ ближайшимъ пакетботомъ встрѣча съ соотечественникомъ, Евгеніемъ Симономъ, послан- къ въ Китай съ научнымъ порученіемъ, заставила его измѣнить и планъ. Англійскій адмиралъ Гоппъ предпринималъ поѣздку ркъ по Янгъ-Сэ-Кіангу, до Гонъ-Конга, съ цѣлью опредѣлить то для трехъ портовъ, которые, въ силу только что подписан- го въ то время пекинскаго договора, должны были открыться а европейской торговли на этомъ громадномъ водномъ пути. о прибытіи въ Гонъ-Конгъ, оба путешественника должны были правиться къ Тибету, Лассъ и Коконору и вернуться въ Пе- нгъ чрезъ Монголію. Это путешествіе было-бы полною противо- ложностью пути, по которому слѣдовалъ Гукъ въ 1844 — 46 дахъ. Но гражданская война, свирѣпствовавшая въ этихъ кра- къ и прервавшая сообщенія, заставила путешественниковъ от- азаться отъ своего намѣренія. Они поселились въ Гонъ-Конгъ; анъ-Дюпюи остался тамъ до 1866 года. Во время пятилѣтняго бнванія тамъ, онъ не только основательно изучилъ китайскій ыкъ, но шушилъ къ себѣ довѣріе высокопоставленнымъ лицамъ, дѣлался другомъ мандариновъ и заключилъ нѣсколько коммерче- скихъ сдѣлокъ.

Связи съ вліятельными людьми позволили ему привести въ полненіе заветныя мечты. Онъ изслѣдовалъ и изучилъ значи- льную часть Китая. Путешествуя по Небесной Имперіи, онъ ратил особое вниманіе на одну изъ южно-китайскихъ провин- ѣ—Юнанъ. Этотъ край обладалъ богатѣйшими рудниками; здѣсь бнвались металлы, необходимые для чеканной монеты цѣлой им- ріи.

Къ несчастію, окруженный со всѣхъ сторонъ землями, Юнанъ нѣмъ никакого сбыта, никакого пути, дающаго возможность ставлять богатя произведенія въ приморскіе порты. Напрасно итчане искали такого пути со стороны своихъ индійскихъ и ривскихъ владѣній: нѣсколько организованныхъ ими экспеди- ѣ остались безъ успѣха. Напрасно также французы, только-что оеавшіе въ Индо-Китаѣ часть Аннама, послали въ 1866 г. стію для изслѣдованія Мэ-Конга, величайшей рѣки, орошающей островъ, и опредѣленія ея судоходности. И французская сія потерпѣла неудачу. «Торговая артерія» не была найдена. Послѣ этихъ попытокъ, Дюпюи, проѣзжая по тѣмъ мѣстно- сть и изучая ихъ гидрографическую систему, узналъ, что крат- шій и безопаснѣйшій путь въ Юнанъ есть путь чрезъ Тонкинъ. 1864 года онъ возымѣлъ намѣреніе отправиться на мѣсто, для дѣдованія водяного, почти неизвѣстнаго пути, пересѣкающаго провинцію. Съ такою цѣлью онъ отправился въ 1868 г. въ

Юнанъ, испытавъ всякаго рода опасности, Онъ вступилъ въ сношенія съ мандаринами, имѣя въ виду заинтересовать ихъ проектомъ, и заключилъ тѣсную дружбу съ вице-королемъ. На слѣдующемъ году, не смотря на настоящія послѣдствія, пытавшася отъ него отъ смѣлаго плана, онъ уѣхалъ въ Юнанъ, съ китайцевъ. Верхомъ проѣхалъ онъ обширную мѣстность, населенную многочисленными племенами, съ ожесточеніемъ между собою. Онъ встрѣтилъ, однако, дружелюбный пріемъ, заключилъ торговые договоры и получилъ свѣжіе конвои, съ китайцевъ, не замедлившихъ вернуться домой. Несмотря на трудностей, онъ достигъ Мангао, торговаго города на Красной Рѣкѣ. Отсюда онъ поплылъ внизъ по рѣкѣ, гдѣ прошелъ мѣстность, переполненную разбойниками. Жестокость которыхъ наводила ужасъ на пѣльи, имѣя уваженіе къ себѣ своимъ мужествомъ и, преодолѣвъ трудности, добрался до аннамской границы.

Отважный путешественникъ достигъ своей цѣли, что рѣка судоходна, начиная отъ Мангао, находящагося въ дневномъ разстояніи отъ столицы Юнана. Вернувшись въ этотъ городъ тѣмъ-же путемъ, онъ былъ встрѣченъ французами. Отважное изслѣдованіе, открывавшее населеніе, новый способъ сбыта для его произведеній, казалось, новую эру богатства и благоденствія. Французскій путешественникъ сдѣлался для этихъ людей *Do-taïэнъ* о́мъ, то есть человекомъ.

Однако, сообщеніе продолжало быть труднымъ и въ той порѣ, пока разбойники, занимавшіе берега рѣки, усмирены. Власти поручили Дююи закупить въ Евразіи дымныя для экспедиціи военные снаряды и доставить ихъ въ Тонкинъ. Маршалъ Малуй вручилъ ему вѣрительныя какъ аккредитованному агенту при аннамскомъ правительствѣ, потребовалъ отъ этого правительства свободнаго прохода въ Тонкинъ, именовъ Небесной Имперіи, т. е. верховенства Аннама.

Въ началѣ 1872 года Дююи прибылъ въ Парижъ и сообщилъ правительству республики о добытыхъ имъ результатахъ, а также и о томъ, что надѣялся осуществить. Отъ Парижа пути въ Китай само по себѣ представляло неисчислимыя трудности. Но этотъ первый шагъ былъ лишь отправной точкой для дальнейшихъ работъ. «Такимъ-то образомъ, говоритъ онъ въ своемъ сообщеніи своимъ географическому обществу, — и мое участіе въ эти края мощной французской колоніальной арміи, пользуясь благодѣяніями деступа въ страну, со

упроченію этого открытія. Работы хватило-бы для каждаго, и ло громадныхъ состояній могло-бы быть создано. Я уже видѣлъ себя прокладывающимъ желѣзныи путь по долигѣ Красной и и истощающимъ все способы, чтобы окончательно и необходимо осуществить любимую мечту моей жизни... Я видѣлъ въ и не одно усиленіе вліянія Франціи, но и вопросъ человѣч-ти.

«Высокимъ и прекраснымъ казалось мнѣ приобщеніе къ бла-ти цивилизаціи полуварварскихъ народовъ, вполне готовыхъ йти изъ мрака, въ которомъ пребываютъ, чтобы идти къ свѣту временныхъ идей, и я гордился тѣмъ, что мнѣ выпало на долю ставить Франціи случай лишній разъ и блестящимъ образомъ южить свое призваніе, заключающееся, повидимому, въ завоева-и путемъ интеллекта всехъ обездоленныхъ народовъ».

Въ то время послѣдствія франко-германской войны не позво-ли Франціи вмѣшиваться въ тонкинскія дѣла. Правительство раничилось тѣмъ, что высказало пожеланія относительно успѣ-предпріятія и обѣщало путешественнику военное судно, кото-е должно было придать ему въ глазахъ аннамитовъ надлежащій вторитетъ, приличествующій эмиссару китайскаго правительства.

Взявъ грузъ оружія и военныхъ снарядовъ, Дюпюи отплылъ въ Китай и высадился въ Шанхаѣ, обширномъ складочномъ пунк-страны, гдѣ купилъ двѣ канонерки, паровую шлюпку и ки-вскую джонку. Условія переѣзда экспедиціи были установлены королевскимъ комиссаромъ, представителемъ Тю-Дюка. Недо-авало только санкціи самого короля, но и эта формальность лжна была совершиться дней чрезъ пятнадцать. Прошло назна-нное время, и стали просить новыхъ отсрочекъ. Но Дюпюи вно зналъ аннамитовъ; онъ зналъ, что вся ихъ дипломатія за-лчалась въ изобрѣтеніи увертокъ и проволочекъ.

Изъ недобросовѣстности и двуличіе обратились въ пословицу крайнемъ Востоке. Поэтому онъ рѣшилъ ѣхать во всякомъ и извѣстилъ вице-короля о своемъ намѣреніи. Вице-ко-ль явился къ нему немедленно самъ, въ роскошномъ палакинѣ, уженный многочисленнымъ конвоемъ, блиставшимъ красными, енными и желтыми куртками. Онъ былъ какъ нельзя бо-любезенъ, привезъ въ подарокъ рису, свинины, цыплятъ, къ и пригласилъ путешественника на слѣдующій день къ се-завтракать. На другой день онъ снова явился съ тѣмъ-же воемъ; онъ былъ верхомъ и для торжественнаго случая на-въ золотое платье сверхъ обычнаго костюма. Послѣ завтрака пригласили осмотрѣть шлюпку. Осмотрѣвъ ее, онъ вер-ся на свою лодку, и, стоя въ ней, наблюдалъ за тѣмъ, какъ

шлюпка «сама собою поѣдетъ». Свистокъ машины пріую панику, что неуспѣвшая сойти со шлюпки свѣ бросилась въ воду, чтобы добраться до своихъ людей лохъ былъ всеобщій.

Бѣдный вице-король упалъ навзничь, крича люди они какъ можно скорѣе везли его къ берегу.

Во все время переѣзда, мандарины изобрѣтали все новенія для экспедиціи. Несмотря на это, 22-го декабря Дюпюи бросилъ якорь на рейдѣ тонкинской столицѣ.

При видѣ этой горсти людей, которые, несмотря на соланнамскихъ властей и всякія препятствія на ихъ пути ли самого сердца края, ужасъ объялъ мандариновъ. ужасомъ могла сравниться только радость туземцевъ, а въ пришельцахъ своихъ избавителей. По крайнѣму утверждали Дюпюи въ лекціи о Тонкинѣ, прочитанной Сень-Манда, близъ Парижа. Мандарины распространяли томъ, что въ прибывшихъ судахъ спрятано множество которые не показываются на палубѣ. Увѣрили также, съ солдатами привезены и адскія машины, съ цѣлю истребить жителей. Все это, очевидно, гово удаленія населенія изъ города и изолированія отъ нзовъ.

Въ то-же время отданъ былъ приказъ—подъ страной казни не доставлять имъ никакихъ припасовъ, в ходимаго и вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было и къ военнымъ приготовленіямъ.

Дюпюи счумѣлъ вынутаться изъ всѣхъ этихъ затрудненій, перегрузилъ свою кладь на нѣсколько китайскихъ доторыя ему, пришлось взять реквизиціей, оставилъ свои судномъ рейдѣ, подѣ начальствомъ помощника, и 1873 года отправился въ Юнанъ съ десятью французскими туземцами.

Во время пути, толпы солдатъ, возбужденныхъ и сдѣлали ему враждебную манифестацію, но напасть не

Что касается китайскихъ мятежниковъ, то, при вое они тотчасъ-же прісмирѣли. Поднимаясь вверхъ по посѣтилъ независимыхъ горцевъ, живущихъ по соседствѣ тайской границею и сдѣлавшихъ ему ранѣе таковой пріемъ, и, наконецъ, достигъ Юнана, успѣвъ констатировать существованіе самыхъ разнообразныхъ рудъ: серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, золотыхъ, а также и другихъ.

16-го марта, онъ въѣхалъ въ столицу, при громадномъ

и жителей и всѣхъ именитыхъ представителей города, привѣтствовавшихъ его, какъ «вѣстника счастья».

Когда три мѣсяца спустя онъ вернулся въ Ганой, опасность приняла еще болѣе грозный характеръ. Дерзость аннамитовъ усилилась вслѣдствіе прибытія пресловутаго Нгуэнь-тце-Фу.

Этотъ лучший изъ генераловъ Тю Дюа прославился счастливымъ походомъ противъ инсургентовъ въ 1881 году и въ особености продолжительною и успѣшною борьбою противъ французскихъ войскъ въ провинціи Сайгонѣ. Онъ питалъ смертельную ненависть къ французамъ и къ христіанамъ вообще. Ободренные его присутствіемъ аннамиты ежедневно разставляли заграды людямъ экспедиціи. Моряки не могли показаться на улицахъ, не подвергаясь немедленнымъ нападеніямъ; аннамиты пытались отравить имъ воду и освобождали изъ тюремъ опасныхъ злоумышленниковъ, подъ условіемъ, что тѣ стануть поджигать дома французовъ.

Почти каждую ночь повторялись попытки этого рода. Противъ судовъ направлялись поджигательные плоты. Каждый заподозрѣнный въ сочувствіи къ французамъ туземецъ заключался въ тюрьму, осмѣная палочными ударами.

Въ то-же время мандарины по всему Тонкину собирали мнѣшцію, которую стягивали затѣмъ къ Ганой. Всѣ кварталы города были переполнены, гарнизонъ цитадели—усиленъ, тревоги—ежедневны. Наконецъ, и рѣка заграждена была въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Однимъ словомъ, Нгуэнь-Тце-Фу былъ увѣренъ, что добыча не уйдетъ отъ него.

Въ эту-то минуту Дююи вернулся въ городъ Ганой.

Узнавъ въ какомъ положеніи дѣла, онъ понялъ неминуемость опасности и нашель, что выйти изъ нея поможетъ только отвага. Выступивъ его пріѣзда, Нгуэнь издалъ прокламацію, въ которой, между прочимъ, значилось слѣдующее: «Я истреблю въ родѣ съ корнемъ». И далѣе: «Если они не уѣдутъ, я прирублю ихъ на мелкіе кусочки». Въ Тонкинѣ, если прокламація непосредственно исходитъ отъ высокопоставленнаго лица, то ему вѣшаютъ обыкновенно зонтикъ этого лица, для внушенія ему большаго почтенія. Такимъ образомъ, авторъ прокламаціи самъ-бы говоритъ съ толпою и коснуться такой прокламаціи зонтика, которые къ тому-же охраняются солдатами, считается вѣдѣніемъ преступленіемъ, какъ и оскорбленіе самого лица.

Взявъ съ собою нѣсколькихъ изъ своихъ людей, Дююи отправился сорвать и зонтикъ и объявленіе. Приставленные къ нимъ аннамиты часовые поспѣшили убѣжать при его появленіи. Чтобы лучше доказать, какъ мало онъ боится Нгуэна и его угрозъ,

онъ торжественно несетъ зонтикъ и прокламацію кварталамъ столицы, при звукѣ трубъ и барабановъ, лить зажечь костеръ, куда ихъ и бросаютъ въ прису народа.

Узнавъ затѣмъ, что нѣсколько доставившихъ ему дѣйцевъ были арестованы и заключены въ крѣпость, медля ни минуты, беретъ двѣ пушки и идетъ на главѣ шести человекъ. Не успѣлъ онъ установить какъ испуганные мандарины прибѣжали съ просьбою отдали ему заключенныхъ. Нѣсколько дней спустя, арестовалъ начальника полиціи, который во главѣ сотни карауливалъ и забиралъ изолированныхъ матросовъ разъ, желая наказать подпрефекта за дерзость и жестокость, онъ арестовалъ его среди стражи въ тысячу человекъ и разрушилъ подпрефектуру.

Наконецъ, генераль съ 5—6000 человекъ рѣшилъ идти на него въ его собственной квартирѣ. Дюпюи бѣжалъ, но успѣлъ битъ и переранить множество солдатъ. Затѣмъ онъ соорудилъ укрепления, воздвигнутыми на рѣкѣ, чтобы не дать плыть по ней вверхъ. Съ этою цѣлью берега были укреплены стіонами, палисадами, ретраншаменами. Дюпюи раздѣляя ихъ защитниковъ ружейными и пушечными выстрѣлами и сжегъ загражденія. Затѣмъ, пройдя послѣдній постъ, онъ устроилъ лагерь и расположилъ въ немъ сотни человекъ для поддержанія и обезпеченія цѣпей.

Между тѣмъ, командовавшій въ Сайгонѣ адмиралъ, получивъ отъ аннамитовъ жалобу, въ которой Дюпюи названъ совершеннымъ пиратомъ, союзникомъ раззорившихъ ихъ бойниковъ, — принялъ на себя роль посредника. Въ 1873 года, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ, образованный Франсисъ Гарнье, отплылъ по направленію къ «Destrées» съ сотнею человекъ матросовъ. Тотчасъ по прибытіи своемъ, онъ имѣлъ случай убѣдиться въ неспособности властей. Ему и его отряду назначили квартиру въ лагерь.

Тогда Гарнье выстраиваетъ свой отрядъ предъ воротами, входить туда въ сопровожденіи пятнадцати матросовъ, чѣмъ успѣли запереть ворота и проникаетъ до самаго центра, который сильно смутился отъ такого внезапнаго вторженія, смотря на свою храбрость и энергію. Онъ сталъ проявлять въ живости и любезности и доставилъ требуемое удовлетвореніе.

Но тѣ-же происки, которымъ подвергнулся Дюпюи, возобновились и на этотъ разъ, а равно и боевыя приготовления. Гарнье хотѣлъ предпринять что-нибудь рѣшительное, а именно нападеніе на цитадель. Изъ Сайгона пришли подкрѣпленія и дѣйствительный составъ отряда равнялся 212 человекъ съ 11-ю пушками. Цитадель, на которую долженъ былъ напасть этотъ небольшой грядъ, представляла собою обширный четырехугольникъ съ башнями, надъ которымъ господствовала высокая башня. Широкий ровъ окружалъ крѣпость со всѣхъ сторонъ. Эти крѣпленія были воздвигнуты по планамъ французскихъ офицеровъ и по системѣ Вобана. Множество плохо поставленныхъ пушекъ видѣлось на стѣнахъ. Нгуэнъ собралъ въ цитадели 6 или 7 тысячъ аннамитовъ, вооруженныхъ кремневыми и другими старыми ружьями, пиками, саблями и т. п. Сила этихъ воиновъ, главнымъ образомъ, опиралась на ихъ количество и на крѣпость стѣнъ. 20-го ноября, въ 6 часовъ утра, канонерки, поставленныя на рейдѣ, открыли огонь. Въ 7 часовъ утра Гарнье и Дюпюи овладѣли цитаделью. Достаточно было одного часа времени для горсти людей, чтобы взять древнюю тонкинскую столицу. Непрiятель оставилъ четыреста выбившихъ изъ строя людей и болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ. Самъ Гуанъ пораженъ былъ осколкомъ бомбы. Онъ умеръ вскорѣ послѣ того. Осаждающіе потеряли одного убитого.

Не считая взятіе Ганои достаточнымъ ручательствомъ за свободу и безопасность торговыхъ сдѣловъ, Гарнье послалъ часть своего отряда на рекогносцировку, чтобы увѣриться въ содѣйствіе властей въ укрѣпленныхъ пунктахъ дельты. Одинъ офицеръ и нѣсколько пѣхотинцевъ послѣдовательно овладѣли нѣсколькими крѣпостями. Другой—молодой гардемаринъ—явился въ Нинъ-Бингъ, столицу провинціи того-же имени, защищаемую 1,500 солдатами; онъ, имѣя съ собою только семь человекъ, этотъ юноша взялъ въ плѣнъ губернатора, окруженнаго своей стражей, и принудилъ крѣпость съ 46-ю пушками, ее защищавшими. Въ нѣсколько дней Гарнье и его офицеры овладѣли большою частью Тонкина; экспедиція была организована, волонтеры являлись во множествѣ, администрація возобновила свою дѣятельность и, по увѣренію начальниковъ экспедиціи: «тонкинцы, полные радости по случаю извѣщенія отъ своихъ притѣснителей, привѣтствовали открывавшійся предъ ними эру свободы и благоденствія, подъ покровомъ французскаго флага.

Одинъ городъ Сутъ, центръ провинціи, лежащій къ сѣверозападу отъ Ганои, остался очагомъ сопротивленія. Аннамскій герцогъ принцъ Гуангъ сдѣлалъ его своею главною квартирою и

сосредоточилъ здѣсь значительныя военныя силы, и примкнули и нанятые имъ шайки «Черныхъ флаговъ». доходили до самыхъ стѣнъ Ганон, и Гарнье съ нѣсколькими датами бросился имъ на встрѣчу. Неприятель обратилъ бѣгство и укрылся въ чащѣ бамбуковыхъ деревьевъ. Гарнье преслѣдованіемъ, но упалъ въ ровъ, гдѣ его настигли пиками, изранили его пиками, вырвали ему сердце и събили голову. Товарищи отстали отъ Гарнье, и когда они явились на мѣсто происшествія, «Черныхъ флаговъ» не было. Имъ остался только изуродованный трупъ изъ. Въ то-же время лейтенантъ Балъни, во главѣ небольшого отряда, направился на китайскій флангъ, чтобы зайти съ тыла въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ цитадели, и захватить за небольшимъ землянымъ возвышеніемъ въ видѣ какаго отряда, съ командиромъ во главѣ, подошедшіе сдѣлали общій залпъ, причемъ было ранено и убито нѣсколько человѣкъ. Офицеръ былъ окруженъ и убитъ.

Между тѣмъ какъ «Черные флаги» носили по всей головы Гарнье и его товарищей, а король Тю-Дюкъ предводителя разбойничьей шайки званіемъ мандарина Дюпрэ, опечаленный несчастіемъ, извѣстіе о которомъ получилъ, и опасаясь отвѣтственности, которую навлекъ на себя велѣлъ очистить крѣпости и возвратить власть аннамцамъ. Надѣялся, что такой образъ дѣйствія скорѣе приведетъ къ мирной развязкѣ.

15-го марта 1874 г., въ Сайгонѣ, былъ наконецъ заключенъ адмираломъ Дюпрэ и представителемъ короля Тю-Дюкъ давно ожидаемый мирный договоръ. Находясь наканунѣ отъѣзда въ Францію и не желая возвращаться съ пустыми руками Дюпрэ согласился на всѣ уступки, которыхъ потребовали французы. Этимъ договоромъ Франція обязывалась отдать французамъ паровыхъ судовъ, сто пушекъ, тысячу ружей, боевые снаряды, наконецъ доставить необходимыя для обезпеченія мира въ странѣ силы. Съ своей стороны Аннамъ признавалъ свободу католической религіи, открывалъ для торговли порты Гай-Фунга и Ти-наи, а также и судоходство по рѣкѣ. Наконецъ обѣщана была амнистія тѣмъ пикаремъ, которые дѣйствовали за-одно съ французами. Въ концѣ того-же года оба правительства подписали и этотъ договоръ.

Первое примѣненіе трактата 15-го марта заключалось въ томъ, что она должна была обратить свое вниманіе на самыхъ вѣрныхъ изъ союзниковъ своихъ. Они со

нимъ образомъ, изъ приверженцевъ династїи Лэ, сохранившихъ надежду возвратитъ престолъ этому древнему туземному роду. Эти приверженцы всегда доброжелательно относились къ Франціи. Въ 1857 г. ихъ вожди просили ея поддержки. Съ тѣхъ поръ неоднократно обращались они и къ дипломатїи французской и къ оружію, надѣясь при ихъ помощи сбросить съ себя ярмо. Последнее предложеніе сдѣлано было Дюшюп и Гарнье: туземцы выражали желаніе сражаться подъ французскими знаменами.

Противъ этихъ-то преданныхъ друзей, по требованію двора Гюэ, начальникъ французскихъ войскъ не поколебался отправить экспедицію.

Ихъ флотилія была сожжена, сожжены были и селенія, дававши имъ пріютъ. Многіе были перебиты, другихъ преслѣдовали даже въ родныхъ горахъ. Такимъ-то образомъ предпріятіе, начатое во имя избавленія притѣсненныхъ отъ ихъ угнетателей, имѣло тотъ печальный результатъ, что Франція сдѣлалась жандармомъ на службѣ угнетателей и помогала, такимъ образомъ, давить угнетаемыхъ.

V.

Нельзя сказать, чтобы другая сторона соблюдала договоръ съ такою-же точностью. Вѣрнѣе было-бы сказать, что онъ остался жертвою буквы со стороны аннамитовъ. Цѣль экспедиціи Гарнье и основа договора заключалась въ открытіи для торговли Красной рѣки. Между тѣмъ, этотъ путь остался закрытымъ, въ большей, чѣмъ когда-либо, мѣрѣ. Вскорѣ суда уже не могли плыть вверхъ, далѣе Ганон. Однако настойчивыя заявленія не переставали разъяснять французскому правительству истинное положеніе дѣлъ. Въ засѣданіи своемъ, 28-го сентября 1878 г., международный торгово-географическій конгрессъ, собравшійся въ Парижѣ и состоявшій изъ множества ученыхъ и официальныхъ делегатовъ главнѣйшихъ государствъ, при единогласномъ одобреніи, выразилъ слѣдующее пожеланіе: «Принимая во вниманіе, что открытый г. Дюшюп тонкинскій путь есть наиболѣе краткій и доступный для слѣдованія въ юго-западные провинціи Китая и что трактатъ 15-го марта 1874 г., заключенный между Франціей и Аннамомъ, открываетъ этотъ путь для торговли всѣхъ націй, конгрессъ выказываетъ пожеланіе: 1) чтобы на этотъ путь было указано международною торговлѣ; 2) чтобы Франція приняла мѣры къ обезпеченію соблюденія трактата».

Къ этому пожеланію присоединились просвѣщенные представители всѣхъ цивилизованныхъ націй. Четыре года спустя,

въ апрѣлѣ, кохинхинскій губернаторъ отправилъ въ Тонкинъ большой отрядъ, подѣ начальствомъ Ривьера, повидимому положить предѣлъ набѣгамъ Черныхъ флаговъ. Въ Ривьеръ могъ-бы занять цитадель, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, но онъ рѣшился на это лишь тогда, когда аннамцы сосредоточили въ ней довольно значительныя силы. Крепость была атакована.

Чтобы препятствовать неприятелю двигаться впередъ, пускали зажигательныя ракеты, уничтожившія болѣе сотни палатокъ (легкіе домики изъ бамбука) въ торговомъ городѣ. Затѣмъ они заставили тонкинцевъ идти на выстрѣлы для отраженія нападенія. Тонкинцы потеряли отъ этого много людей. Войска заняли цитадель. Но, нѣсколько дней спустя Ривьеръ велѣлъ очистить ее и перевелъ войска въ другое мѣсто, видимо, не имѣлось никакого заранѣе намѣченнаго пункта, — отсюда вытекали и повторявшіяся противорѣчія въ присутствіе французскихъ войскъ ни въ чемъ не имѣющаго значенія дѣла. Пираты продолжали свои набѣги у береговъ Индокитайскаго залива, а Черные флаги разбойничали по берегамъ Красной рѣкѣ. Шайки послѣднихъ, поддерживаемыя аннамцами, еще усилились отъ прилива всѣхъ мѣстныхъ силъ. Кто знаетъ, какъ сказалъ въ сенатѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Шальмель Лакуръ, — кто знаетъ, не вооружилъ ли бандитовъ король Тю-Дюэ тѣми-же самыми ружьями, были ему предоставлены, въ исполненіе трактата 1874 года, чѣмъ когда-либо, король и мандарины рѣшили оказывать иностранному вліянію и авторитету. И они поступаютъ совершенно послѣдовательно; они знаютъ, чего хотятъ, и усилія свои направляютъ къ этой цѣли. Надъ нерѣшительностью и непослѣдовательностью своихъ противниковъ они смѣются. Король Тю-Дюэ даже выразился слѣдующимъ образомъ о непослѣдовательной политикѣ: «Французы лаютъ какъ собаки, бѣгутъ, какъ козы».

Между тѣмъ, въ засѣданіи 13 марта 1883 г., Шальмель Лакуръ провозглашалъ въ сенатѣ необходимость для Франціи открытія Красной рѣки для торговли, аннамское правительство оказывается неспособнымъ къ исполненію принятыхъ имъ въ этомъ отношеніи обязательствъ. Важнаго водворенія нашего въ Тонкинѣ, въ качествѣ гарантовъ порядка, безопасности и общественнаго спокойствія, произнесенныя съ трибуны французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, имѣли значеніе, котораго не понять не могъ. Колоніальная политика Гамбетты возвращалась и

лицѣ Шальмель Лакура. Извѣстно, какъ сильно озабочивалъ этотъ вопросъ эксъ-директора. Неоднократно объявлялъ онъ о своемъ намѣреніи читать лекціи о колоніяхъ, о необходимости расширить ихъ и занять Тонкинъ. Первое публичное чтеніе должно было происходить въ Ліонѣ, 5 января. За три дня до смерти, одинъ изъ друзей, посѣтившихъ Гамбетту, нашелъ его окруженнымъ планами и картами. Больной указалъ пальцемъ на Тонкинъ и сказалъ: «Вотъ гдѣ колониальная будущность нашей страны». За эту-то мечту принимался теперь старый другъ его Шальмель Лакуръ. Для начала, палата, безъ особенно сильной оппозиціи, ассигновала 5 милліоновъ и 5,000 солдатъ.

Тѣмъ временемъ произошло важное событіе, уничтожившее всѣ сомнѣнія и колебанія. Министръ иностранныхъ дѣлъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ сообщалъ о немъ съ сенатской трибуны: «Я имѣю сообщить о горестномъ происшествіи», сказалъ онъ. «Изрублена горсть отважныхъ солдатъ, героизмъ которыхъ, въ теченіи пятнадцати мѣсяцевъ, возбуждалъ всеобщее вниманіе и восторгъ. Одинъ изъ лучшихъ офицеровъ нашихъ, истинный сынъ Франціи по своему уму и по своей храбрости, доходившей до безпечности, попалъ въ засаду съ нѣсколькими товарищами, что и было причиною непропорціональности нашихъ потерь. Этотъ ударъ, поразившій насъ въ такое время, произвелъ глубокое впечатлѣніе на страну». Вотъ какъ было дѣло. Вслѣдствіе оскорбительнаго вызова Лу-у-Винь-Фуока, предводителя «Черныхъ флаговъ», рѣшена была вылазка. 19 мая, колонна, подъ начальствомъ Ривьера, направлялась по сутайской дорогѣ, узкому шоссеиному пути, окаймленному деревьями. Внезапно появляется непріятель, засѣвшій въ засаду по обѣимъ сторонамъ дороги, и открываетъ огонь въ разстояніи пятидесяти метровъ. Въ одну минуту дорога была усеяна убитыми и ранеными. Ривьеръ велитъ трубить отбой. Самъ онъ былъ раненъ въ голову, когда защищалъ горныя орудія, находившіяся во главѣ отряда. Орудія были спасены, но всѣ усилія унести раненаго начальника оказались тщетными. Онъ остался въ рукахъ аннамитовъ. Страшные рассказы дошли о мученіяхъ, которымъ подвергли его враги. Изуродовавъ его, они посадили на колъ, и этотъ всѣми уважаемый и любимый человекъ умеръ среди ужасающихъ мученій. Двѣнадцать остальныхъ плѣнниковъ подверглись той-же участи.

На томъ-же мѣстѣ и послѣ такого-же вызова погибъ нѣсколько лѣтъ назадъ Гарнье. Ему устроилъ засаду тотъ-же самый предводитель «Черныхъ флаговъ» Лу-у-Винь-Фуокъ. Но на этотъ разъ дѣло имѣло инья послѣдствія. Въместо отступленія, положили идти

впередъ, и съ того дня присоединеніе Тонкина было признаннымъ для французскаго правительства.

VI.

Первыми мѣрами, о которыхъ, казалось-бы, слѣдовало бы думать, должны-бы были быть мѣры, имѣющія цѣлью обезпеченіе желательства или, по крайней мѣрѣ, нейтральности державъ. Находясь между громадной Китайской имперіей и такими-же обширными индійскими и индо-китайскими имперіями Тонкинъ не могъ быть безразличнымъ ни для той, ни для другой имперіи. Что касается собственно Китая, то соглашеніе было особенно важно, какъ первое условіе *sinè quâ* поспѣшнаго предпріятія. Какую цѣль можетъ имѣть колониальное предприятие, какъ не открытіе сбыта для національной торговли? Для Тонкина или протектората надъ нимъ должны были быть поставлены всего цѣлью открыть внутреннее торговое сообщеніе съ Китаемъ посредствомъ свободнаго судоходства на Красной рѣкѣ. Если поръ и не существовало для этого дѣла иной точки, то Взять Тонкинъ помимо согласія пекинскаго правительства значило закрыть для себя Китай и повернуться, такъ сказать, спиной къ цѣли, которой желали достигнуть и которая была единственную «причину существованія» дѣйствительнаго края.

Между тѣмъ, настроеніе Китая, столь благопріятное въ началѣ, не осталось въ такомъ видѣ. Напротивъ, пока дѣло было только объ изслѣдованіи Красной рѣки и обезпеченіи ея безопасности, Небесная имперія оказала поддержку и своимъ авторитетомъ и своими солдатами; но съ тѣхъ поръ какъ обнаружилась настоятельная стремленія, мѣсто доброжелательства заступились чувства. Это выразилось въ приказѣ китайскому правительству перейти границу. Дѣло было въ ноябрѣ 1882 г. Съ тѣхъ поръ война между Китаемъ и Франціей казалась неизбежною. Французскій посланникъ въ Пекинѣ, г. Бурэ, весьма уважаемый въ китайскихъ дѣлахъ дипломатъ, долженъ былъ въ ходъ всю свою ловкость и искусство, чтобы избѣжать новенія. 5-го декабря онъ телеграфировалъ: «Полагаю, что опасность устранена. Спротивленіе было упорное». Послѣ переговоровъ, онъ добился проекта соглашенія и 29-го числа того же мѣсяца, посылалъ краткое резюме въ слѣдующихъ пунктахъ: «Посылаю проектъ конвенціи, выработанной вице-королемъ Це-Чи-Ли и принятый Тзонгли Іаменомъ. Проектъ даетъ доступъ въ Юнань; признаніе протектората Франціи на

номъ, за исключеніемъ подлежащаго обозначенію района вдоль китайской границы; взаимная гарантія такого положенія вещей противъ всякихъ извнѣ исходящихъ предпріятій». Новая депеша, помѣченная 30-мъ января, заключала въ видѣ *memorandum*'а болѣе полныя разъясненія и опредѣляла цѣлымъ рядомъ статей различныя условія сдѣлки. Прежде всего условлено было, что находящіяся въ Тонкинѣ китайскія войска будутъ выведены оттуда къ сѣверу, въ соответствующія провинціи, предѣлы которыхъ они не должны будутъ переступать далѣе извѣстнаго разстоянія. Съ своей стороны французское правительство должно заявить, что оно не имѣетъ никакихъ присоединительныхъ стремленій, по отношенію къ Аннамъ и что у него нѣтъ намѣренія посягать на верховную территоріальную власть короля Тю-Дюка. Съ такими оговорками Франція пріобрѣтала девять десятыхъ Тонкина; сверхъ того, ей даровались чрезвычайныя преимущества и льготы для торговли съ сосѣдними провинціями. При такихъ условіяхъ тонкинская экспедиція происходила безъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій; китайское правительство сохраняло свое достоинство и престижъ въ глазахъ своего народа. Всѣ интересы были согласованы и каждый съ довѣріемъ ожидалъ исхода переговоровъ. Въ благоприятномъ исходѣ сомнѣвались такъ мало, что, не ожидая официальной ратификаціи трактата, китайскія войска отодвинулись и мало по малу исчезли изъ Тонкина.

Какъ вдругъ положеніе вещей измѣняется. Изъ Парижа поступаетъ телеграмма, въ которой высказывается неодобреніе дѣйствіемъ посланника, и его отзываютъ. Другая телеграмма отдаетъ приказъ флоту открыть военныя дѣйствія. Для начала были захвачены китайскія суда, торговавшія съ Тонкиномъ, и захваченъ грузъ риса, который они везли. Франція, такимъ образомъ, становилась на военное положеніе по отношенію къ Китаю.

Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Какъ только сдѣлалось извѣстно громкое порицаніе, заслуженное благоразумной политикой французскаго посланника, дѣла приняли другой оборотъ. Китай болѣе или менѣе открыто сталъ готовиться къ войнѣ. Въ первыхъ числахъ апрѣля совѣтъ министровъ, собравшійся въ Пекинѣ, рѣшилъ привести на военное положеніе всѣ китайскія войска. Вооруженія залива Петчины, и безъ того весьма рѣзныя, стали еще усиливаться, такъ что доступъ въ него мѣжъ былъ сдѣлаться невозможнымъ.

Двѣнадцать тысячъ китайскихъ войскъ возвращались въ Тонкинъ, чтобы замѣнить тѣ, которыя были отозваны вслѣдствіе переговоровъ Бурэ, и эти двѣнадцать тысячъ были лишь передовымъ отрядомъ арміи, которая доходила до 80—100,000 человекъ

и была готова къ открытію кампаніи. Ранѣе чѣмъ Франція бы приготовиться къ серьезному наступленію, войска эти бы расположиться по всей долинѣ Сонгъ-Ков. Напрасно ихъ считать «Черными флагами»; если китайцамъ будетъ угодно дѣйствовать открыто,—они покажутъ себя, когда вытѣснятъ ихъ изъ позицій и когда, безпрестанно отступая къ Юнану, они станутъ постоянно возвращаться съ силами ходящими тѣ, которыя могутъ быть имъ противопоставлены. Свѣдѣтельность, кипящая въ настоящее время въ китайскихъ лагеряхъ, достаточно указываетъ на то, какія подкрѣпки они готовятъ.

Когда рѣчь заходитъ о китайской арміи, европейцы неизменно считаетъ долгомъ улыбнуться. Всѣ помнятъ турки, наполнявшія иллюстрированныя изданія, во время загорѣвшейся между Франціей и Пекиномъ въ 1860 г. войны, величайшимъ военнымъ усиленіемъ Китая было мобилизованіе военныхъ дѣйствій, вызванныхъ въ 1874 г. японской экспедиціей на Формозѣ, и, по свидѣтельству иностранцевъ-очевидцевъ, даже во времена лиги, не видывали такихъ безконечныхъ сій оборванцевъ и такихъ коллекцій страннаго по виду таго ржавчиной оружія.

Но съ тѣхъ все это радикально измѣнилось. Тому назадъ, китайское правительство поставило себѣ за цѣль реорганизовать свою армію и свои военныя учрежденія. Оно обрѣло значительное количество скорострѣльныхъ ружей и заказало крупныя заказы нѣмецкимъ заводамъ. Стараніями посланника въ Берлинѣ, многія изъ германскихъ военныя сочиненій были переведены на китайскій языкъ. Въ 1881 г. въ Пекинѣ основана была военная школа; два китайскихъ офицера и отставной унтеръ-офицеръ нѣмецъ составляли преподавательскій персоналъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вице-король тонокинскій Винци производилъ смотръ дополнявшимъ тамъ свое существованіе войскамъ: 3 баталіонамъ пѣхоты, 2 артиллерійскимъ баталіонамъ и 2 эскадронамъ кавалеріи. Маневры оказались весьма удачными. Это не должно удивлять, такъ какъ китайскій солдатъ весьма воспримчивъ къ ученю. Обучавшіеся въ Тѣнтзинѣ были переведены въ полки, гдѣ сдѣланы инструкторами, на маневры въ *sergeant*'овъ англійскихъ войскъ. Рядомъ съ улучшеніемъ образованія, шло увеличеніе цифры дѣйствительнаго состава арміи, причѣмъ сохранялось прежнее дѣленіе. Цифра эта была до 1.290,000, что, впрочемъ, не особенно много для государства съ 400 милліоннымъ населеніемъ. Вся армія была разделена на 24 корпуса (сверхъ того имѣется еще императорскія

и подраздѣляется на 300,000 пѣхоты, 400,000 иррегулярной пѣхоты, 500,000 кавалеріи, 17,000 артиллеріи, 32,000 моряковъ, 30,000 резервовъ и 11,000 офицеровъ.

Китайскій флотъ также уже не тотъ, каковъ былъ въ 1860 г. Кроме большого числа военныхъ джонокъ, весельныхъ и парусныхъ, специально назначаемыхъ для полицейскаго надзора за морскимъ берегомъ и рѣками и бесполезныхъ въ войнѣ съ европейскою державою, Небесная Имперія владѣетъ весьма почтеннымъ, и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи, паровымъ флотомъ. Первые суда были выстроены французскими офицерами; затѣмъ обратились къ Англіи, и сэръ Вильямъ Армстронгъ доставилъ китайцамъ известное количество вполне вооруженныхъ канонерокъ. Теперь китайцы обращаются съ своими заказами къ Германіи. Фирма «Вулканъ» въ Штетинѣ строитъ броненосцы, Крупнъ—снабжаетъ артиллерією, а кильскій арсеналъ довершаетъ вооруженіе. Въ настоящее время Китай можетъ располагать 2' броненосными корветами, 2 стальными крейсерами, 8 армстронговыми канонерками, двумя другими англійскими канонерками, 4 миноносцами, 6 деревянными фрегатами, 6 транспортными пароходами. Сверхъ того, кантонская флотилія можетъ выставить 14 вооруженныхъ канонерокъ системы Вавассера и 13 строящихся въ фу-човскомъ арсеналѣ транспортныхъ судовъ. Наконецъ торговые суда *Saina merchant Company*'и, въ количествѣ 40, могутъ быть употреблены для перевозки войскъ и военныхъ снарядовъ.

Прибавимъ къ этому, что весьма серьезныя мѣры были приняты для защиты береговъ. Устья рѣкъ снабжены прекрасными укрѣпленіями. При входѣ въ Пе-Тангъ, Пе-Го, у стоящаго при впаденіи нѣсколькихъ рѣкъ Шанхай, Нингъ-По и Фучана, были воздвигнуты новыя и дополнены старыя укрѣпленія. Надлежащее употребленіе торпедъ обрело-бы на бездѣйствіе неприятельскій флотъ, подобно тому, какъ то случилось съ французскимъ флотомъ въ Сѣверномъ морѣ въ 1870 г.

Персональ флота также заслуживаетъ вниманія. Большая часть судовъ имѣютъ командирами европейцевъ. Ежегодно фучанскій арсеналъ поставяетъ известное количество молодыхъ китайскихъ офицеровъ, получившихъ европейское образованіе; другіе окончили образованіе въ англійскомъ флотѣ.

Таковъ неприятель, котораго Франція добровольно навязала себѣ, между тѣмъ какъ всѣ интересы ея повелѣвали щадить его, насколько возможно. Такая ошибка, по истинѣ, могла-бы назваться необъяснимой, если-бы не было известно, что въ нашъ, по преимуществу гуманитарный вѣкъ, за словами гуманность и прогрессъ, а которыя безпрестанно ссылаются, постоянно укрываются част-

ныя соображенія. Они-то и составляютъ дѣйствительность, между тѣмъ какъ все остальное есть только ярлыкъ, какъ говорятъ, отводъ глазъ. Такъ и съ Тонкиномъ. Отъ вѣдъ путь національной и международной торговлѣ — дѣло сомнѣнія, похвальная, и она могла быть встрѣчена только побѣдою. Избавить несчастныхъ тонкинцевъ отъ гнуснаго и позорнаго — это еще соблазнительнѣе и положительно должно поставить предпріятію популярность. На самомъ-же дѣлѣ, искать настоящей причины всей агитаціи, возникшей съ тѣхъ поръ вокругъ этого вопроса, то здѣсь, какъ и въ тѣ времена, положена въ основу идея частной спекуляціи, вводящая интересамъ страны и интересамъ гуманитарнымъ. А дѣло идетъ о благополучіи и благополучіи тонкинцевъ. При нѣкоторой численности и нѣсколькихъ тысячахъ солдатъ, опираясь сверхъ то, что имѣетъ Китай, можно-бы въ достаточной степени имѣть въ виду королю Ть-Дюку и обезпечить свободное судоходство по рѣкѣ. Но главная привлекательность Тонкина заключалась въ угольныхъ кояхъ и золотыхъ самородкахъ. Азіаты подѣлили всѣ эти богатства; они намѣтили участки, которыхъ собирались просить у правительства. Увѣряли, что нѣкоторые уже и перепродали ихъ подъ рукою, разсчитывая приобрести увѣренность получить ихъ. Между тѣмъ трагическая судьба являлась разрушителемъ ихъ плановъ. Императоръ Ть-Дюку, считаясь господиномъ своей страны, тѣмъ самымъ разрушалъ планы концессионеровъ. Поэтому, прежде всего, необходимо было начать войну, которая позволила-бы вырвать у аннамитовъ въ чемъ они отказывали до сихъ поръ убѣжденію Ривьера какъ разъ подоспѣла во-время, чтобы облепить этимъ карманникамъ высшаго финансоваго міра. Какая была бы какой великолѣпный поводъ для предложенія цѣлебнаго «Вашихъ братьевъ избиваютъ! Скорѣе дюжину броненосцевъ и двадцать пять канонерокъ, а не пятьдесятъ тысячъ экипажа. Намъ нельзя медлить, и думать о возстановленіи престижа нашего знамени!»

А палата, въ припадкѣ бѣшеннаго патріотизма, во время «знамя... да разумѣется надо его спасти, надо отомстить имъ и наказать дикарей, которые посадили его на колъ. И броненосцевъ, и милліоны — вамъ всего дадутъ, сколько вы захотите»

Но, замѣчаютъ нѣкоторые нескромные, Китай волнуется, лучше! говорятъ про себя спекулянты на копейки и розсыпаясь, Китай имѣлъ претензію присвоить себѣ, подъ именемъ аннамскаго района, полосу аннамской земли, и именно самую лучшую, на которой основаны были наши лучшія надежды. И

бли заключать договоръ на подобныхъ основаніяхъ. Прочь—Бурэ да здравствуетъ война съ Китаемъ! Каждый добрый французъ оженъ кричать теперь: «въ Пекинъ», какъ нѣкогда кричалъ: «въ Берлинъ!» И затѣмъ подновляютъ старинныя шутки надъ китайской арміей и находятъ министра иностранныхъ дѣлъ, увѣряю-аго, что всякія опасенія лишены основанія, призрачны.

«А какъ-же Англія? продолжаютъ возражать. Нельзя вѣдь отри-ать, что она принимаетъ достаточно грозный видъ и объявляетъ сѣбѣ, желающимъ слушать, что если Китай будетъ воевать съ нами, то она ни за что не отвѣчаетъ».

«А Германія? Италія? А тройственный союзъ? А все, что въ настоящую минуту замышляется въ Европѣ? Развѣ не чувствуется теперь какъ-бы общаго сотрясенія на всѣхъ пунктахъ нашего ма-терика? Не видно-ли руки, тайно двигающей, и макіавелистической мысли, ждущей для своего проявленія только минуты, когда Фран-ція будетъ занята въ далекихъ краяхъ и одновременно въ трехъ или четырехъ мѣстахъ?»

Но для спекуляціи, этой царицы нашихъ дней, все это пу-стыяки, и на самые основательные доводы она отвѣчаетъ: «Честь и знамя», что въ ея устахъ означаетъ: «каменный уголь и золотые самородки».

Жинкѣ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Микроскопическіе организмы, населяющіе воздухъ.—Война противъ
лезвой бациллы.— Ея діагностическое и прогностическое значеніе.
тельные свойства мокроты чахоточныхъ.— Прививаніе бугорчат-
намъ.— Причины яркой окраски тѣла у нѣкоторыхъ животныхъ,
щихъ глубину моря.— Отпечатки ногъ третичнаго человѣка.— Чи-
душгаго.

Бактеріи, бактеріи, бактеріи безъ конца, бактеріи
Вкусивъ отъ плодовъ древа знанія, вооружившись микро-
заглянувъ въ область незримаго при обыкновенныхъ
міра, человѣкъ, уже мившій себя царемъ природы, поб-
льва, и тигра, и многихъ другихъ опасныхъ хищниковъ,
сомъ увидѣлъ, что вокругъ него, въ каждой частичкѣ
принимаемой имъ пищѣ и даже въ его собственномъ
гнѣздятся, живутъ и размножаются съ изумительною
мириады враговъ, неувидимыхъ и невидимыхъ, благода-
микроскопическимъ размѣрамъ, непобѣдимыхъ и безъ
благодаря многочисленности и необыкновенно быстрому
нію. А тутъ еще оказывается, что большинство зара-
болѣзней, а можетъ быть даже и всѣ, обуславливаются
ческими бактеріями. Вообразите себѣ положеніе человѣ-
раго глаза вдругъ пріобрѣли всѣ свойства сильнаго м-
Онъ видитъ, какъ съ каждымъ дыханіемъ въ легкія его
густыя тучи всевозможныхъ бактерій, бациллъ и споръ,
торыми, быть можетъ, находятся паразиты тифа, дифте-
горчатки, сибирской язвы и тому подобныя прелести;
кишмя кишатъ все тѣ-же бактеріи; въ деревнѣ, на дач-
сколько легче; тутъ бактеріи носятъ въ воздухѣ въ ви-
но рѣдкой сѣти; но въ городѣ отъ нихъ просто проходъ
комнатѣ ступить некуда; бактеріи обступаютъ царя п-
всѣхъ сторонъ, лѣзутъ въ ротъ, въ носъ, въ уши, за-
подъ вѣки, скрипятъ на зубахъ и чуть не застилаютъ
думаю, что такой человѣкъ неминуемо и очень скоро
съ ума. Свезли-бы его въ больницу; но тамъ невнясно

марь достигъ-бы еще болѣе ужасныхъ размѣровъ. Весь воздухъ больничной палаты представился-бы ему сплошь наполненнымъ густыми роями всевозможныхъ зародышей, между которыми уже навѣрно оказалось-бы немало специфическихъ, паразитовъ разныхъ заразительныхъ болѣзней. — Къ счастью для нашего душевнаго спокойствія, мы еще обладаемъ способностью забывать по временамъ объ открытіяхъ современной науки, поддаваться нѣкоторымъ иллюзіямъ и воображать иногда, что дышимъ чистымъ воздухомъ. Въ противномъ случаѣ мы-бы положительно были обречены на мучительное существованіе человѣка, одержимаго маніей преслѣдованія. — Но, какъ-бы то ни было, фактъ остается фактомъ, атмосфера дѣйствительно наполнена мириадами зародышей, и намъ приходится утѣшаться развѣ только тѣмъ, довольно впрочемъ вѣскимъ, соображеніемъ, что не такъ однако-же и страшны эти бактеріи, если ихъ можно вдыхать тысячами, миллионами въ теченіи десятковъ лѣтъ, въ теченіе цѣлой жизни и во многихъ случаяхъ все-таки оставаться совершенно здоровымъ; что здоровый, крѣпкій человѣкъ, поставленный во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ въ нормальныя условія, обладаетъ значительною силою сопротивленія, которая позволяетъ ему побѣдоносно выдерживать борьбу не только съ кровожадными хищниками, но и съ невидимыми паразитами разныхъ смертельныхъ болѣзней; а кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что болѣзнетворнымъ характеромъ обладаютъ далеко не всѣ бактеріи, и что огромное большинство организмовъ, наполняющихъ вдыхаемый нами воздухъ, по всей вѣроятности совершенно безвредны для человѣка. Что-же касается численности этихъ микроскопическихъ организмовъ, сопровождающихъ насъ на каждомъ шагѣ, то недавнія изслѣдованія доктора Микеля *) въ парижской обсерваторіи Монсури привели этого ученаго къ такимъ поразительнымъ цифрамъ, которыя положительно способны навести ужасъ на человѣка, обладающаго нѣсколько живою фантазіей. Близкіе къ земной поверхности слои атмосферы, какъ извѣстно, наполнены всевозможными микроскопическими тѣлами, минеральными, растительными и животными, количество которыхъ измѣняется соотвѣтственно съ перемѣною времени года, состояніемъ атмосферы и различными метеорологическими явленіями, какъ дождь, направленіе вѣтра и т. п. Такъ, напримѣръ, споры встрѣчаются въ 1 к. метрѣ воздуха приблизительно въ числѣ 14,200; но число это подвержено значительнымъ колебаніямъ въ различныя времена года, такъ что, зимою 1 куб. метрѣ воздуха содержитъ среднимъ чи-

*) *Les organismes vivant de l'atmosphère*, par M. P. Miquel, chef du Service micrographique de l'observatoire de Montsouris. — Paris. 1883.

слонъ 6,200 споръ, весною - 13,000, лѣтомъ—28,000, а 9,800. Но присутствіе въ воздухѣ споръ, цвѣтной пыли, ныхъ и шелковыхъ волоконъ и т. п. не имѣетъ того значенія, какъ присутствіе бактерій, въ особенности съ тѣмъ, какъ стало извѣстно, какую роль играютъ эти низшіе организмы въ эпидемическихъ болѣзняхъ. Въ противоположность пыльнымъ къ воздуху спорамъ низшихъ тайнобрачныхъ растеній особенно многочисленны въ атмосферѣ въ сухую погоду. Кроме того во время наблюденія, производившихся въ Парижѣ, число бактерій оказывалось зависящимъ отъ направленія вѣтра по весьма понятной причинѣ. Дѣло въ томъ, что при одностороннемъ направленіи вѣтра, изслѣдуемая масса воздуха, прежде чѣмъ достигнетъ обсерваторіи, должна была пронестись надъ значительною частью Парижа и, такъ сказать, нагрудиться бактеріями. Когда же вѣтеръ пошелъ на югъ—воздухъ проходилъ только надъ предмѣстными частями Парижа и обсерваторіи въ сравительно чистомъ видѣ. При южномъ вѣтрѣ въ 1 куб. метрѣ воздуха надъ обсерваторіей оказывалось отъ 77 до 108 бактерій, а при сѣверномъ—отъ 108 до 152. Подвергнувшись такому-же изслѣдованію воздухъ другихъ частей города Парижа, кель пришелъ къ тому выводу, что парижскій воздухъ содержитъ въ среднемъ числомъ въ девять или въ десять разъ больше бактерій, чѣмъ воздухъ мѣстностей, находящихся за чертою города. Напримѣръ, въ Rue de Rivoli на 1 куб. метрѣ приходится осенью 760 бактерій, зимою—410, весною—920, то-есть въ среднемъ—750. Въ Монсури, какъ мы уже видѣли, соотвѣтственное среднее число—75. Самое меньшее число бактерій, которое удавалось встрѣтить Микелю въ парижскомъ воздухѣ въ теченіе своихъ изслѣдованій, равнялось 45 на 1 куб. метрѣ, а наибольшее—3,000. Въ госпиталяхъ, какъ мы уже ожидали, количество бактерій, носящихся въ воздухѣ, несравненно больше; здѣсь кубическій метръ содержитъ отъ пяти до шести тысячъ особей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ Микелю приходилось насчитывать ихъ 16 тысячъ и даже 28 тысячъ. Какъ ни страшны однако эти цифры, при первомъ взглядѣ, онѣ въ значительной степени утрачиваютъ свой грозный характеръ, если сопоставить ихъ съ результатами опытовъ надъ животными, которые производилъ Микель. Въ присутствіи того-же воздуха, въ которомъ было констатировано громадное количество бактерій. Прививая эти бактеріи животнымъ, онъ никогда не могъ вызвать въ послѣднихъ никакого болезненнаго процесса. Фактъ этотъ, разумѣется, еще не исключаетъ возможности, чтобы въ воздухѣ встрѣчались болѣзнетворныя организмы, но во всякомъ случаѣ доказываетъ, что таковыхъ

ственно вредных бактерій въ немъ немного и что большинство носящихся въ атмосферѣ грибовъ или прямо безвредно, или-же утрачиваетъ свои заразительныя свойства подѣ влияніемъ кислорода.

Къ числу самыхъ убійственныхъ паразитовъ человѣческаго организма принадлежитъ туберкулезная бацилла Коха, о которой намъ уже приходилось упоминать мимоходомъ въ одной изъ нашихъ прошлогоднихъ хроникъ *). Этотъ паразитъ, порождающій и распространяющій чахотку, несомнѣнно также встрѣчается въ воздухѣ, и послѣ открытія Коха, указавшаго на присутствіе туберкулезной бациллы въ мокротѣ чахоточныхъ и на возможность передачи чахотки путемъ вдыханія воздуха, въ которомъ носятся частичка высушенной мокроты, борьба противъ возрастающаго распространенія чахотки естественно сводится къ двумъ главнымъ задачамъ: во-первыхъ — болѣе, чѣмъ прежде, заботиться объ общихъ гигиеническихъ мѣрахъ и о гигиенѣ дыхательныхъ органовъ, такъ какъ люди, склонные къ бронхитамъ, люди съ слабою грудью, предрасположенные къ простудамъ, заражаются несравненно легче, чѣмъ крѣпкіе субъекты съ здоровыми легкими; а во-вторыхъ — тщательно дезинфицировать мокроту и по возможности изолировать чахоточныхъ отъ людей, не пораженныхъ этою болѣзнію. Но врачи, и въ особенности нѣмецкіе, не удовольствовались такою скромною программой, не общавшею блестящихъ, быющихъ въ глаза результатовъ, не сулившую въ ближайшемъ будущемъ возможности радикально излечивать отъ болѣзни, которая до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ оказывалась неизлечимою. Съ доказательствомъ паразитическаго характера бугорчатки передъ практическими врачами и клиницистами открывалась такая соблазнительная перспектива; антисептическій методъ, со всѣмъ его уже многочисленнымъ арсеналомъ средствъ, начиная съ пресловутой карболки и кончая перекисью водорода, такъ естественно напрашивался, что устоять было мудрено. Являлся вопросъ, нельзя-ли не только дезинфицировать мокроту больного, не только убивать паразита, уже извергнутаго изъ организма, но доканать его дезинфицирующимъ леченіемъ въ самомъ тѣлѣ больного, въ самыхъ легкихъ, убивать бациллу тамъ, создать и тамъ такія условія, при которыхъ жизнь и развитіе стали-бы для нея невозможны. Вопросъ этотъ, разумѣется, интересный, въ высшей степени важный, и нѣкоторыя попытки разрѣшенія его были-бы не только желательны, но даже прямо обязательны, поскольку ихъ

*) „Дѣло“, № 10, 1882 г.

можно было производить безъ вреда, безъ риска для больнаго въ томъ-то и бѣда, что слишкомъ рьяный врачъ, какъ не ру услужливой другъ, зачастую опаснѣ врага, тѣмъ болѣе даже относительно чистоты и безкорыстности побуждений о рѣдко уступаетъ извѣстному медвѣдю басни. Не говоримъ у но у многихъ экспериментаторовъ, и особенно у тѣхъ, ко блещутъ стойческою безстрастностью при видѣ страданій бо го, подвергаемаго «опыту», такъ называемые интересы ка яко-бы дающіе право рисковать жизнью человѣка безъ его со сія, обыкновенно сводятся къ интересамъ чисто личнаго ства,—къ честолюбію, къ желанію прославиться, а хладнокр иногда объясняется просто на просто равнодушіемъ къ чу страданію. Очувившись въ рукахъ такого врача, несчастный хоточный легко можетъ подвергнуться печальной участи за лучнаго «пустынника»; увлекшись погоней за неподдающейся микробомъ и войдя въ азартъ, врачъ «не пожалѣетъ живота» бо ного лишь-бы только не посрамитъ науки, воплотившейся въ персонѣ! — На послѣднемъ медицинскомъ конгрессѣ въ Р денѣ докторъ Френцель представилъ между прочимъ докладъ опытахъ, которые производились въ Берлинѣ, въ госпиталѣ р ité, для отысканія средствъ, способныхъ задерживать ра легочной чахотки. Съ этою цѣлью туберкулезныхъ больныхъ цѣлымъ мѣсяцамъ заставляли вдыхать пары различныхъ ственныхъ веществъ, перепробовали бензолъ, камфору, нафт креозотъ, анилинъ, карболовую кислоту. ртутные препара достигнувъ никакихъ успѣшныхъ результатовъ. Вредно о лись на состояніе паціентовъ, по увѣренію Френцеля, только ханія анилина, которыя влекли за собою анемію; но, несмотря это, въ безвредности опытовъ съ другими веществами усом болѣе чѣмъ позволительно.—Еще болѣе рѣшительный хар подобные опыты имѣли въ клиникѣ профессора Лейдена. По бовавъ вдыханіе всевозможныхъ паровъ и газовъ, онъ оти отъ этого метода, прійдя къ тому заключенію, что вещества не приносящія никакой пользы, крайне вредно дѣйствуютъ организмъ больнаго. Тогда онъ рѣшился выпрыскивать неш ственно въ легочную теанъ такіа далеко не дифференціальна ства, какъ сулема, іодоформъ, бромъ, алкоголь, сѣрнистый родъ, метиловый спиртъ, борную кислоту, салициловокислый и опять таки не добился ни малѣйшаго намека на благопр результатъ, бактерии не исчезали даже изъ мокроты, а со больныхъ нисколько не улучшалось, по всей-же вѣроятности ухудшалось, хотя докладывавшій объ этихъ опытахъ помо Лейдена, докторъ Гиллеръ, о послѣднемъ обстоятельстве и

чивается. Въ одномъ только случаѣ эффектъ впрыскиванія выразился въ таковой рѣзкой формѣ, какой вѣроятно не ожидалъ и самъ операторъ: съ больнымъ, который былъ подверженъ эпилептическимъ припадкамъ, вслѣдъ за впрыскиваніемъ сдѣлались сильныя судороги, повлекшія за собою быструю смерть!

Къ несравненно болѣе плодотворнымъ результатамъ привелъ рядъ работъ различныхъ врачей и ученыхъ, задававшихся сравнительно скромною цѣлью — показать, что присутствіе коховской бактерии въ мокротѣ чахоточныхъ составляетъ рѣзкій діагностическій признакъ, при помощи котораго въ большинствѣ случаевъ возможно съ увѣренностью отличить эту болѣзнь отъ другихъ страданій, представляющихъ сходныя съ нею симптомы. Докторъ Гиллеръ (*Zeitschrift für Klinische Med.*) въ нѣсколькихъ случаяхъ находилъ туберкулезную бактерію въ мокротѣ больныхъ тотчасъ послѣ перваго кровохарканія, въ тотъ періодъ, когда при помощи постукиванія и выслушиванія невозможно еще было открыть никакихъ измѣненій въ легочной ткани; а между тѣмъ присутствіе бактерии въ этихъ случаяхъ позволяло съ увѣренностью поставить діагнозъ бугорчатки. Къ такому-же заключенію пришли и нѣкоторые другіе врачи, изъ числа которыхъ мы укажемъ еще только на Рансома и Джіакоми. Рансому (*Brit. med. Journal*, 1882, 16 dec.) удалось доказать, что туберкулезная бактерія извергается изъ организма больного не только съ мокротою, но даже и съ воздухомъ. Онъ заставлялъ дышать чахоточныхъ на охлажденный стеклянный шаръ и затѣмъ изслѣдовалъ подъ микроскопомъ водяные пары, сгущавшіяся и осѣдавшія въ видѣ капель на поверхности стекла; въ большинствѣ случаевъ, правда, онъ не находилъ бактерии, но въ двухъ случаяхъ поиски его увѣнчались успѣхомъ. Джіакоми (*Fortschritte der Medicin*. 1883, № 5) въ свою очередь показалъ, что помимо мокроты большое діагностическое значеніе въ томъ-же смыслѣ имѣютъ кишечныя испраженія тѣхъ чахоточныхъ, которые подвержены поносамъ, зависящимъ отъ туберкулезныхъ изъясвленій въ кишечномъ каналѣ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ встрѣчалъ въ испраженіяхъ характеристическую бактерію Коха, между тѣмъ какъ въ испраженіяхъ 50 здоровыхъ субъектовъ ему ни одного разу не удавалось находить этого паразита *).

Не менѣе важно для практической медицины то соотношеніе которое повидимому существуетъ между интенсивностью туберкулезнаго процесса у даннаго больного и числомъ бактерий, встрѣ-

*) Другой ученый, Крамеръ, напротивъ, утверждаетъ, что въ испраженіяхъ и больныхъ, и здоровыхъ людей онъ съ одинакою правильностью встрѣчалъ бактерію, ко торая ничѣмъ не отличалась отъ туберкулезной бактерии Кох-

отвратительный запах), обыкновенно щадят преслѣваемых. Бѣлоснѣжныя животныя полярныхъ странъ почти совершенно чезаютъ на бѣломъ фонѣ снѣжныхъ равнинъ; обитатели пустынь такъ приспособляются къ цвѣту почвы, что въ которомъ разстояніи даже большое животное вовсе не бросается въ глаза; мы знаемъ бабочекъ, которыхъ, по вѣшнему по полету, легко смѣшать съ колибри, ихъ естественныхъ враговъ, — гусеницъ, которыя приобрѣтаютъ цвѣтъ растеній, въ которыхъ имъ пріютъ, и т. д., и т. д. Съ другой-же стороны, вѣдомо, что обитатели темныхъ пещеръ, проводящіе свою жизнь въ абсолютной темнотѣ, при которой зрительная способность окраска тѣла теряютъ всякое значеніе въ дѣлѣ борьбы за существованіе, утрачиваютъ не только зрѣніе, но и характеръ цвѣтъ наружныхъ покрововъ, свойственный родственникамъ съ ними видамъ, живущимъ въ освѣщенной средѣ. Теорія эта давно уже признанная и доказанная самымъ несомнѣннымъ образомъ, тѣмъ не менѣе, встрѣчается съ такими фактами, каковы до сихъ поръ, казалось, шли съ нею въ разрѣзъ, и къ этимъ фактамъ принадлежитъ, между прочимъ, яркая окраска тѣла многихъ животныхъ, населяющихъ глубину моря. Здѣсь на глубинѣ 50 сажень, начинается область почти абсолютнаго мрака, среди котораго, казалось-бы, яркій цвѣтъ не долженъ носить животному никакой выгоды; а между тѣмъ, оказывается, что большинство обитателей морской глубины, изъ которыхъ которыя живутъ на разстояніи 1,000—1,500 саж. отъ поверхности, окрашены въ яркіе однообразные цвѣта, между которыми почти исключительно, преобладаютъ оранжевый, красный и пурпуровый. Но и этотъ фактъ, не поддававшійся до сихъ поръ никакимъ удовлетворительнымъ объясненіямъ, въ настоящемъ разрѣшенъ крайне просто и остроумно цюрихскимъ профессоромъ Келлеромъ, работу котораго мы и постараемся изложить въ короткихъ словахъ *). Разсматривая фауну, населяющую тѣе или менѣе глубокіе слои морской воды, мы можемъ раздѣлить ея представителей на двѣ категоріи. Къ первой относятся тѣ виды; которые живутъ на сравнительно умѣренной глубинѣ 10—40 сажень, то-есть въ той области, которая еще освѣщается хотя уже слабо, солнечными лучами; здѣсь царствуютъ дневной и зеленноватые сумерки, а у животныхъ преобладаютъ ярко-красный и оранжевый (изъ коралловъ — *Morsea*, *Gorgonia*; изъ ежевиковъ — *Comatula*, *Cladodactyla*). Вторую

*) C. Keller. Der Farbenschutz bei Tiefseeorganismen. — *Koninklijke Akademie van Wetenschappen*. — 1-tes Heft.

орію составляютъ животныя, рѣдко поднимающіяся въ область иѳренной глубины и живущія въ самыхъ глубокихъ слояхъ моря, на разстояніи 100 — 1,500 саженой отъ поверхности. Въ эту часть солнечные лучи проникаютъ уже въ такомъ ничтожномъ количествѣ, которое неспособно производить никакого физиологическаго дѣйствія на зрительные органы, и въ физиологическомъ смыслѣ здѣсь, слѣдовательно, всегда царствуетъ абсолютная темнота; а тѣмъ не менѣе, мы и здѣсь встрѣчаемся съ ярко-окрашенными животными, причемъ преобладающими цвѣтами являются *пурпуровый* и близкій къ нему *пунцовый*. — Посмотримъ-же сначала, какую роль можетъ играть, въ смыслѣ защиты, въ смыслѣ «шапки невидимки», окраска тѣла животныхъ, принадлежащихъ къ первой категоріи. Сопоставляя ярко-красный и оранжевый цвѣта, которыми окрашены здѣсь животныя, съ синимъ и зеленоватымъ свѣтомъ, который ихъ освѣщаетъ, мы припоминаемъ, что по общему оптическому закону, первые являются *дополнительными* цвѣтами вторыхъ. Извѣстно, что если два цвѣта, дополняющія другъ друга, какъ, напримѣръ, красный и зеленовато-синій или оранжевый и снѣгій, одновременно дѣйствуютъ на сѣтчатую оболочку нашего глаза, то они въ совокупности производятъ впечатлѣніе бѣлаго цвѣта; если-же, напротивъ, освѣтить какой-нибудь цвѣтной предметъ лучами, окрашенными въ его дополнительный цвѣтъ, то предметъ этотъ представится намъ чернымъ и на темномъ фонѣ станетъ незамѣтнымъ. Такимъ образомъ животныя, населяющія море на такой глубинѣ, гдѣ еще господствуетъ синій или зеленовато-синій свѣтъ, точно такъ-же защищаются при помощи своей яркой (красной или оранжевой) окраски, какъ животныя полярныхъ странъ; благодаря такому сочетанію цвѣта тѣла съ освѣщеніемъ, они просто становятся невидимыми. Красные и оранжевые раки и морскія звѣзды, такъ часто встрѣчаемые въ тропическихъ моряхъ, могутъ ползать по склонамъ черноватыхъ коралловыхъ рифовъ, не рискуя быть замѣченными, такъ какъ для смотрящаго на нихъ глаза они подъ даннымъ освѣщеніемъ представляются въ видѣ черныхъ пятенъ, сливающихся съ темнымъ фономъ умершаго рифа. По той-же причинѣ невидимы и красивые красные кораллы Морзеа, идущіе на такихъ-же темныхъ рифахъ.

Но какъ-же объяснить значеніе яркой окраски въ болѣе глубокихъ областяхъ, напримѣръ на глубинѣ пятисотъ, тысяча или даже двухъ тысячъ саженой? Вѣдь если тамъ дѣйствительно царствуетъ абсолютная темнота, то яркіе цвѣта, какъ мы уже говорили, не имѣютъ въ смыслѣ защиты, никакого *raison d'être*. Но въ томъ-то и дѣло, что даже на самой крайней глубинѣ моря есть свои источ-

ники свѣта, которые до нѣкоторой степени замѣняютъ и
 щій свѣтъ солнечныхъ лучей. Это можно-бы было выве
 а priori уже потому, что въ этихъ областяхъ на ряду съ
 видами животныхъ мы встрѣчаемъ и зрячіе и даже так
 торыхъ органы зрѣнія развиты до поразительной степени
 слу послѣднихъ принадлежить, напримѣръ, замѣчательны
 тическій ракъ *Cystosoma Neptuni*, у котораго громадные
 глаза занимаютъ около трети всей верхней поверхности,
 дѣйствительно, источники свѣта отыскались: даже на
 2,500 саж. встрѣчаются животныя, обладающія способнос
 флуоресценціи. Сложныя асцидіи (*Pyrosoma*), разные коралл
sea, *Umbellula*, *Alcyonium Virgularia*), извлекавшіеся изъ
 глубины, обнаруживали способность испускать довольно
 свѣтъ. Такъ, напримѣръ, во время экспедиціи *Challenger's*
 щили *Pyrosoma*, имѣвшую 4 фута въ длину и 10 дюймовъ
 перечникъ и испускавшую яркій свѣтъ уже при слабомъ р
 жении. Такіе сильныя источники свѣта, который при нормал
 условіяхъ обнаруживается вѣроятно и безъ внѣшняго раз
 нія, оказываютъ такимъ образомъ важную услугу различным
 никамъ морской глубины. тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ
 даютъ прекрасно развитыми глазами. Къ числу такихъ жи
 принадлежатъ, напримѣръ, и тѣ рыбы, у которыхъ, вдобавокъ
 глазъ или на бокахъ находятся особенныя свѣтящіяся пят
 пламеняющіяся и потухающія повидимому произвольно. Пр
 своихъ фонариковъ, эти рыбы вѣроятно отыскиваютъ
 скользя по темному морскому дну. Свѣтъ, испускаемый ф
 цирующими животными глубокыхъ морскихъ областей, какъ
 ждаютъ всѣ наблюдатели, зеленоватый; англійскій зоологъ
 подвергнувъ его даже спектроскопическому анализу и вы
 преобладающіе лучи въ немъ зеленые. Такимъ образомъ един
 ный свѣтъ, съ которымъ могутъ встрѣтиться обитатели
 глубокихъ районовъ моря, есть свѣтъ зеленый, а дополни
 цвѣтъ его, какъ мы знаемъ,—пурпуровый. Путемъ естест
 подбора въ этихъ областяхъ выработалась единственная
 обрасная окраска, которая въ состояніи охранить живот
 зеленомъ освѣщеніи. Морскія звѣзды, раки и другія жи
 окрашенныя въ пурпуровый цвѣтъ, не рискуютъ быть з
 ными на темномъ днѣ даже тогда, когда случайный ис
 свѣта вдругъ ярко освѣтитъ ихъ въ присутствіи хищник
 зеленымъ освѣщеніемъ они будутъ казаться такими-же
 пятнами, какъ красныя животныя — подъ зеленовато-си
 оранжевыя—подъ синимъ.

Всѣ старанія отыскать остатки скелета третичнаго человѣка, къ извѣстно, до сихъ поръ были безплодны; даже примитивныя менныя орудія, которыя приписываютъ ему, признаны далеко не бми антропологами, а потому понятно, какую сенсацію должно произвести въ ученомъ мірѣ, интересующемся этимъ вопросомъ, извѣстіе, что въ Америкѣ открыты отпечатки ногъ нашего розысканнаго до сихъ поръ далекаго предка. Но, какъ это всегда бываетъ, первыя газетныя извѣстія составлялись, повидимому, тузіастами-диллетантами, часто далеко не компетентными и именно поэтому отличающимися необыкновенною категоричностью и вѣрностью сужденій; а по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ наблюдателями, болѣе знающими и хладнокровными, оказалось, что вопросъ о томъ, оставлены-ли найденные отпечатки дѣйствительно ногами человѣка, еще далеко не рѣшенъ и что, напротивъ, есть сильныя основанія склоняться къ рѣшенію его въ трицательномъ смыслѣ. Чтобы дать читателю понятіе о томъ, насколько такой скептицизмъ въ данномъ случаѣ имѣетъ свои законныя основанія, мы приведемъ здѣсь очень толковое и обстоятельное описаніе знаменитой находки, составленное специалистомъ-очевидцемъ и напечатанное въ послѣднемъ номерѣ англійскаго журнала «Nature» *). Отпечатки, надѣлавшіе столько шума и проложившіе привлекать толпы любопытныхъ, ученыхъ и неученныхъ, открыты на тюремномъ дворѣ въ городѣ Карсонѣ, въ штатѣ Неада. Почти горизонтальныя пласты, въ которыхъ они были найдены, состоятъ изъ песчаника, чередующагося съ мелкими слоями сланцевой глины. На поверхности одного изъ этихъ послѣднихъ слоевъ, обнаженнаго на пространствѣ приблизительно въ два акра образующаго тюремный дворъ, и оказались пресловутые слѣды третичнаго человѣка. При удаленіи верхнихъ слоевъ песчаника, который шелъ на постройку самаго зданія тюрьмы, были найдены новіе ископаемые остатки, какъ, на примѣръ, челюсти и зубы, принадлежащіе слону,—вѣроятно *Elephas Americanus*,—и двумъ видамъ лошади,—*Equus Pacificus* и *E. occidentalis*. Тотъ слой, на поверхности котораго оказались яко-бы человѣческіе слѣды, соавляетъ, по всей вѣроятности, переходъ отъ плиоцена къ пост-люцену. Вся обнаженная поверхность сланцевой глины буквально бвана самыми разнообразными отпечатками; но почва, въ которой ли оставлены эти слѣды, очевидно была когда-то такъ мягка и хатлива, что форма ногъ въ большинствѣ случаевъ сохранилась ей только въ видѣ очень смутныхъ очертаній. Нѣкоторые слѣдовъ принадлежать, по всей вѣроятности, лошади, нѣко-

*) I. Le Conte, Carson Footprints.—„Nature“, May 31, 1883.

торые—волкѣ, нѣкоторые—олению, другіе видимо произведены какими-то длинноногими птицами; кромѣ того, и мамонтъ оставляет здѣсь несомнѣнный отпечатокъ своихъ ногъ. Отпечатки, принадлежащие ногамъ человѣка, довольно многочисленны; длина ихъ 4 дюйм., ширина—8 дюйм.; но подошвы повидимому болѣе искривлены чѣмъ у современнаго человѣка. Длина шаговъ равняется приблизительно $2\frac{1}{2}$ —3 фут. Но главное обстоятельство, заставляющее всего сомнѣваться въ томъ, что слѣды эти оставлены человекомъ или вообще двуногими животными, заключается въ необыкновенно большомъ разстояніи между отпечатками правой и лѣвой ногъ въ самомъ дѣлѣ, разстояніе это доходитъ до 18—19 дюйм., т. е. приблизительно разстоянію между правыми и лѣвыми слѣдами монга. Съ другой же стороны нѣкоторые обстоятельства, по своему, говорятъ противъ предположенія, будто эти слѣды оставлены четвероногими животными: во-первыхъ, отпечатки въ нихъ одиночныя, во-вторыхъ, въ нихъ незамѣтно слѣдовъ когтей. Впрочемъ, Ле-Конть думаетъ, что эти два аргумента еще не исключаютъ возможности приписать ихъ четвероногому. Что касается до одиночности шаговъ, говоритъ онъ, то можно бы было допустить, что заднія ноги животного попадали приблизительно въ то же мѣсто, что оставленные передними ногами, что отчасти объяснило бы и необыкновенную величину и неуклюжую форму отпечатковъ. Несмотря на тщательное изслѣдованіе Ле-Конть приходитъ къ заключенію, что слѣды эти, по всему вѣроятію, оставлены не человекомъ, а какимъ-нибудь большимъ стопоходящимъ четвероногимъ животнымъ. Не менѣе онъ допускаетъ однако, что вопросъ этотъ нельзя считать рѣшеннымъ и признаетъ законность аргументовъ другихъ ученыхъ, утверждающихъ, что животное, оставившее эти слѣды, было нечто иное, какъ человѣкъ, жившій здѣсь въ наиболѣе близкую къ намъ эпоху третичнаго періода.

Изъ области далекаго прошлаго перенесемъ мысленно въ недалекое будущее *). Мы знаемъ, что эволюціонный процессъ слѣднимъ продуктомъ котораго является человѣкъ съ его сложнейшей анатомической организаціей, шель путемъ послѣдствъ послѣдствъ прогрессивнаго развитія, этапы котораго до нѣкоторой степени мы можемъ прослѣдить и въ настоящее время на ранней жизни человѣческаго зародыша. Но если ранній зародышъ жизни человѣка можетъ служить для насъ зеркаломъ, то съ другой стороны старость, какъ типическій с

*) Kay Robinson. — The man of the Future. — The Nineteenth Century, May, 1883.

егрессивнаго процесса, съ такимъ-же правомъ можно принять за зеркало будущаго, угрожающаго человѣчеству, если процессъ его видовой жизни будетъ совершаться при тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, которыя созданы современной цивилизаціей. Если условія не видоизмѣнятся, то мы можемъ съ увѣренностью предсказать, что съ теченіемъ времени человѣкъ превратится въ беззубое, безволосое существо съ слабыми, неспособными къ продолжительной ходьбѣ ногами, на которыхъ исчезнутъ разщелины, отдѣляющія другъ отъ друга пальцы; онъ утратитъ мышечную силу и хваткость и если будетъ по-прежнему господствовать надъ остальнымъ органическимъ міромъ, то только благодаря необыкновенному развитію нѣкоторыхъ извилинъ своего мозга. Посмотримъ-же теперь, дѣйствительно-ли современныя условія видовой жизни человѣчества даютъ намъ право рисовать портретъ «человѣка-будущаго» въ такомъ непривлекательномъ—по крайней мѣрѣ по нашимъ теперешнимъ понятіямъ—видѣ. Какъ извѣстно, всякій органъ, всякое украшеніе животнаго организма пріобрѣтались и развивались путемъ естественнаго или полового подбора и сохраняются видомъ только въ томъ случаѣ, если доставляютъ каждой особи какое нибудь преимущество въ борьбѣ за существованіе; въ противномъ случаѣ видовой признакъ, сдѣлавшійся безполезнымъ, постепенно сглаживается и наконецъ исчезаетъ. Предшественникъ современнаго человѣка, обладалъ превосходными коренными зубами, служившими для раскусыванія твердыхъ плодовъ, и большими клыками, которыми онъ пользовался для борьбы съ другими самцами изъ-за обладанія самкой. Даже въ современныхъ намъ дикихъ расахъ до нѣкоторой степени еще сохранились слѣды этихъ видовыхъ признаковъ; зубы и въ особенности клыки у дикаря несравненно болѣе развиты, чѣмъ у цивилизованнаго человѣка, которому они въ сущности уже совершенно не нужны; да и остальные зубы находятся на пути регрессивнаго развитія: такъ-называемые зубы мудрости появляются у цивилизованнаго человѣка очень поздно, исчезаютъ рано, и въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ, вѣроятно, утратятся вовсе. Параллельно съ развитіемъ кулинарнаго искусства, процессъ энергическаго размельченія твердой пищи посредствомъ зубовъ становится совершенно излишнимъ, съ теченіемъ времени зубы начнутъ исчезать попарно и, наконецъ, окончательно замѣнятся отвердѣвшими деснами. Подобно тому, какъ клыки служили дикому предшественнику человѣка для борьбы вообще и для борьбы изъ-за пищи въ частности, точно также длинные волосы, борода, усы играли роль половыхъ признаковъ, рѣшавшихъ нерѣдко вопросъ побѣды или пораженія самца въ дѣлѣ полового подбора. Кра-

сивый самецъ, съ роскошной растительностью, имѣлъ всё обладать красивою самкою и оставить многочисленное потомство, которому онъ передавалъ по наслѣдству свой крѣпкій, способъ дальнѣйшему прогрессивному развитію организмъ, а самъ болыня, скудо волосыя и безбородныя особи умирали, не прельстивъ ни одной самки. Въ современномъ цивилизованномъ обществѣ эти нормальныя условія подбора, ведущія къ совершенствованію вида, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе исчезаютъ. Личной подборъ играетъ крайне слабую роль при заключеніи брака. Красивый, сильный мужчина, съ роскошной растительностью, но пустымъ бумажникомъ, сплошь да рядомъ имѣетъ меньше шансовъ найти себѣ жену и оставить потомство, чѣмъ истощенный и лѣнивый субъектъ, обладающій чинами, орденами или крѣпкимъ ломъ; богатство, умъ, привилегированное положеніе оказываютъ болѣе могучими орудіями въ дѣлѣ полового подбора, чѣмъ физическая сила, молодость, красивые волосы и густая длинная борода. Что-же касается роли женщины въ процессѣ полового подбора, то здѣсь оказывается не менѣе условій для постепеннаго вырожденія. Въ распоряженіи некрасивой женщины, которая въ естественныхъ условіяхъ имѣла-бы мало шансовъ оставить потомство, находится такой богатый арсеналъ всевозможныхъ средствъ въ видѣ притираний, шиньоновъ, фальшивыхъ челюстей, шивыхъ груди и т. п., что она успѣшно можетъ состязаться съ любой красавицей, въ особенности если имѣетъ передъ собой одно важное преимущество—богатое приданое. И дѣйствительно, въ тѣхъ слояхъ современнаго общества, гдѣ вышеупомянутыя условія подбора выражены съ особенной силой, послѣдствія начинаютъ уже сказываться. Безбородые, плѣшивые молодые дѣвушки, принужденныя прибѣгать къ шиньонамъ и всевозможнымъ «фальшамъ», чтобы скрыть свое физическое убожество, начинаютъ попадаться въ городахъ между привилегированными слоями все чаще и чаще.

Съ другой-же стороны, у дикихъ племенъ, еще не покинувшихъ той стадіи общественной жизни, когда физическая сила почти всегда являются главными факторами полового подбора, почти безъ исключенія обладаютъ крѣпкими зубами и неослабленной растительностью, свойственной той или другой расѣ. У тѣхъ дикихъ, какъ извѣстно, пальцы ногъ сравнительно очень коротки и большой палецъ сохраняетъ способность противопоставляться остальнымъ; у цивилизованныхъ-же народовъ, давно уже привыкшихъ заключать свои ноги въ тѣсную обувь, способность эта исчезла и пальцы на ногахъ стали органами въ сущности совершенно бесполезными, а потому обреченными на исчезновеніе.

теперь уже рождаются люди, у которыхъ два, или три пальца на ногахъ оказываются сросшимися, а въ далекомъ будущемъ раздѣльнопалые люди сдѣлаются, вѣроятно, такимъ-же ненормальнымъ исключеніемъ, какимъ теперь представляются намъ люди сросстнопалые. Кромѣ того, цивилизованный человѣкъ вообще несравненно менѣе упражняетъ мышцы своихъ нижнихъ конечностей, чѣмъ человѣкъ, стоящій на сравнительно низкомъ уровнѣ культуры. У городскихъ жителей, ведущихъ сидячую жизнь, или катающихся въ экипажахъ, ноги, разумѣется, слабѣе, чѣмъ у горца, принужденнаго лазить по горамъ; пѣшему европейцу не угнаться за какимъ-нибудь краснокожимъ Америки. Съ развитіемъ цивилизаціи средства искусственнаго передвиженія становятся все разнообразнѣе и доступнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, должны все болѣе слабѣть и мускулы ногъ, функція которыхъ доводится до минимума. Личная храбрость, готовность силой отстаивать свою свободу, тоже должны неминуемо ослабѣвать при современныхъ условіяхъ, когда самыя сильныя и смѣлыя особи вида наиболѣе рискуютъ погибнуть въ международныхъ войнахъ. Вотъ та будущность, которая, какъ *memento mori*, — стоитъ передъ человѣчествомъ. Эта будущность не неизбежна, но возможна; регрессивный процессъ такое-же естественное явленіе въ природѣ, какъ и прогрессивное развитіе. Замѣнится-ли зубы у человѣка роговыми пластинками, сrustутся-ли у него на ногахъ пальцы—это, конечно, вопросы еще не существенныя; но общая физическая слабость, которая необходимо должна будетъ возрастать подъ вліяніемъ ненормальныхъ жизненныхъ условій, современемъ можетъ дойти до такихъ размѣровъ, когда даже до крайности развитыя мозговныя способности не обезпечатъ за человѣкомъ побѣды въ борьбѣ съ другими видами животнаго міра.

А. М.

„ПОЛИЦІЯ ПРАВОВЪ“ ВО ФРАНЦІИ

Съ давниѣхъ поръ во Франціи замѣчается странное явленіе: число браковъ изъ года въ годъ, и съ замѣчательнымъ упорствомъ и правильностью, постоянно уменьшается. Такъ, въ 1872 г. число браковъ было 352,754, въ слѣдующемъ году ихъ было уже 321,238; затѣмъ, постепенно понижаясь, оно упало въ 1875 г. до 300,427, въ 1876 г. оно упало еще ниже (291,393); въ 1877 г. число заключенныхъ браковъ было всего 278,094. Некоторые слѣдователи, останавливаясь передъ этимъ страннымъ фактомъ, старались его объяснить вліяніемъ общеевропейскаго экономическаго кризиса. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, они ссылались на примѣры Англіи, Германіи и Австріи (цислейтанской); гдѣ число браковъ послѣ 1873 г. (время начала кризиса) тоже значительно понижилось. Но европейскій кризисъ отразился на Франціи инымъ образомъ только въ 1876 г., а явленіе, на которое мы зываемъ, наблюдалось уже гораздо раньше, еще до войны. Кроме того, въ Германіи, Англіи и Австріи постоянно процвѣтаетъ въ громадныхъ размѣрахъ эмиграція молодыхъ людей брачномъ возрастѣ; во Франціи-же эмиграція почти равна нулю. Очевидно, стало быть, что кризисъ тутъ ничего не объясняетъ. Несостоятельность этого объясненія еще рѣзче бросается въ глаза, если принять во вниманіе, что уровень благосостоянія французской націи вообще и рабочаго класса въ частности не только не понизился за послѣднія 25 лѣтъ, но даже значительно возвысился. Французскій рабочій, конечно, еще очень далекъ от благоденствія, но онъ, во всякомъ случаѣ, теперь лучше ѣстъ, чемъ 25 лѣтъ тому назадъ, больше зарабатываетъ и больше сберегаетъ. Французскій рабочій на всемъ протяженіи Франціи не ѣстъ ни одного хлѣба; хлѣбъ, который онъ употребляетъ, пшеничный и высшаго качества. Вытѣсненіе ржаного хлѣба пшеничнымъ произошло именно въ послѣднія 30 лѣтъ. Французскій рабочій не

*) Legoyt—«Le suicide ancien et moderne», Paris, 1881 г., стр. 175 г.

не эмигрируетъ въ нонсахъ «гдѣ лучше», между тѣмъ какъ его сосѣди, итальянцы, испанцы, бельгійцы и нѣмцы, эмигрируютъ громадными массами, и именно во Францію, находя, что Франція и есть именно страна «гдѣ лучше». Французскій рабочий бережется ольше, чѣмъ его собратья въ остальныхъ странахъ Европы.

Но тутъ мы наталкиваемся на любопытный фактъ. Въ то время, какъ молодой французъ все болѣе и болѣе приучается беречь и копить капиталъ, онъ выказываетъ все болѣе и болѣе страхъ передъ бракомъ. Это соотношение само-собою бросается въ глаза. Но мы еще болѣе убѣдимся въ справедливости его, если узнаемъ, что, разъ женившись, французъ питаетъ положительный ужасъ передъ послѣдствіями брака — передъ дѣтьми. Нежеланіе имѣть дѣтей настолько распространено во Франціи, и именно въ той средѣ, которая пользуется возможностью беречь и накопить, мѣры противъ имѣнія дѣтей до такой степени общеприняты и укоренились, что результатомъ ихъ явилось прогрессивное уменьшеніе прироста населенія. «Если это продолжится — восклицаетъ Бортильонъ въ книгѣ, специально посвященной этому вопросу — то черезъ сто лѣтъ во Франціи не останется ни одного француза!» Въ объясненіи причинъ этого явленія всѣ серьезные изслѣдователи согласны между собою. Вотъ что, напр., говорятъ Поль Легуа-Болье: «Главной причиной застоя нашего населенія слѣдуетъ считать тщеславіе буржуазіи, которая стремится удержаться въ своемъ положеніи или разбогатѣть только *путемъ береженія* и скромнаго труда. Легуа въ своихъ статьяхъ «L'infécondité en France» выражается гораздо рѣче: «Любовь къ благосостоянію, которая есть почти неизбежное послѣдствіе прогресса цивилизаціи, страхъ потерять его, когда оно приобретено, въ одинаково сильной мѣрѣ содѣйствуетъ безплодію нашей страны. Въ этой бѣшеной погонѣ за богатствомъ, за матеріальными наслажденіями, которыя оно доставляетъ, большая семья была-бы препятствіемъ, которое мѣшало-бы двигаться, давая возможность соперникамъ опередить насъ. Убѣжденная въ томъ, что, при современномъ состояніи нашего общества, и несмотря на наши демократическіе права на поверхности, богатство есть самый вѣрный путь къ уваженію; самая твердая ступень къ власти, — буржуазія мечтаетъ для своихъ сыновей о блестящихъ бракахъ, которые въ одинъ прекрасный день соединятъ въ одно два богатыхъ наслѣдства. Дѣти, раздѣляя эти заботы родителей, рано приучаются смотрѣть на этотъ важнѣйшій актъ въ жизни, какъ на счастливую спекуляцію... Отсюда являются поздніе браки» и т. д.

Такимъ образомъ, благодаря тенденціи, лежащей въ самомъ характерѣ буржуазіи, является цѣлая армія молодыхъ людей, ко-

торые до 30 — 35 лѣтъ не могутъ и не желаютъ вступать въ бракъ, а заняты только тѣмъ, чтобы составить себѣ *posée sociale*. Но такъ какъ, при всемъ томъ, они не перестаютъ молодыми людьми, то отсюда роковымъ образомъ являеться огромный спросъ на проституцію.

Это съ одной стороны.

Съ другой стороны, въ средѣ бѣднѣйшаго класса все еще мѣняется фактъ противоположнаго характера. Если у крупной буржуазіи очень мало дѣтей или совсѣмъ нѣтъ, то классъ не сберегающій имѣетъ ихъ слишкомъ много. «Штатистика, которая нашла себѣ убѣжище въ рабочемъ населеніи», говоритъ Поль Леруа - Вольте, — поддерживаетъ еще высокую среднюю рождаемость во Франціи, но отнимите рабочихъ и мелкихъ батраковъ, и на французскую семью не придется даже десяти дѣтей». Жюль Симонъ въ своей «Работницѣ во Франціи» рассказываетъ, что многія изъ женщинъ, работающихъ на русскихъ фабрикахъ, на вопросъ, сколько у нихъ было дѣтей, отвѣчаютъ 15, 18 и даже 20!

Не имѣя возможности прокормить столь многочисленную семью французскій рабочий (который зарабатываетъ всего 4—5 франковъ въ день) принужденъ опредѣлять своихъ дѣтей съ самаго ранняго возраста на фабрики и заводы, а не то и просто бросить на произволъ судьбы. Сомнѣваюсь, чтобы была еще одна страна въ Европѣ, гдѣ было-бы такъ много брошенныхъ дѣтей, какъ во Франціи. Статистика насчитываетъ ихъ сотнями тысячъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ дѣти обречены на развратъ и ступленія. Мальчики пополняютъ собою многочисленныя ряды наз. «*classe criminelle*», состоящіе главнымъ образомъ изъ мальчишекъ и юношей, дѣвочки, часто съ 10—12 лѣтъ, вербуются въ проституціонную армію.

Въ лучшемъ случаѣ дѣвушка остается дома до 15—16 лѣтъ, но затѣмъ нужно подумать о бракѣ. Безъ приданого ее никто не возьметъ, да она и сама не пойдетъ. Выйти замужъ, не имѣя *almoige à glaise* и деревянной кровати—почти невозможно. И французская дѣвушка начинаетъ стремиться въ большой городъ въ Парижъ. Туда съ дѣтства тянутъ ее волшебные разсказы о богатствѣ и роскоши, о большихъ и легкихъ заработкахъ. Мѣръ той или другой землячки подтверждаетъ дѣйствительность этихъ разсказовъ. Проще всего, разумѣется, поступить въ услуженіе. И такой женской провинціальной прислуги въ большихъ городахъ Франціи около 1½ милліоновъ. Но французскій буржуа очень бережливъ, а заработокъ не особенно великъ, всего 25—30 франковъ въ мѣсяцъ. Къ тому-же предложеніе и конкуренція со стороны

товарокъ такъ велики, что не всегда найдешь мѣсто. Кто можетъ всегда разсчитывать на хорошее мѣсто, это — кормилица. Ей у буржуа не житье, а масляница. Заработокъ прекрасный, 70 — 80 франковъ, не считая ежемѣсячныхъ подарковъ. Дѣлать почти ничего не приходится, — гуляй по цѣлымъ днямъ и дѣло съ концомъ. Это такая заманчивая перспектива, противъ которой устоитъ рѣдкая крестьянка. Не долго думая, дѣвушка отдается первому встрѣчному парню и, когда появляется ребенокъ, она съ этимъ капиталомъ летитъ въ Парижъ или въ другой большой городъ. Особня приващияны *bureau des nourrices*, называемыя «*méneuses*», постоянно рыскаютъ по французскимъ селамъ въ поискахъ за беременными дѣвушками, часто уговаривая ихъ даже сдѣлаться таковыми, соблазняя картинами ихъ будущаго благополучія. Въ Парижѣ, въ особенности почему-то зимою, иногда цѣлые вагоны поѣздовъ биткомъ набиты кормилицами, и большею частью это дѣвушки. Другія дѣвушки, которымъ не удается попасть ни въ услуженіе, ни въ кормилицы, идутъ въ городъ — на фабрики, заводы, въ мастерскія. Заработываютъ онѣ здѣсь 1½, 2, самое большее 3 фр. въ день. А такъ какъ въ большомъ городѣ на эти деньги даже не нашьсья вдоволь, то всѣмъ имъ приходится, какъ говорятъ французы, «дѣлать пятую четверть дня», т. е. выходить на тротуаръ.

Такимъ образомъ, приливъ женскаго населенія въ города подерживается постоянно. Какъ-бы плохо здѣсь ни приходилось, все-таки лучше живется здѣсь, чѣмъ въ деревняхъ. На это указываетъ между прочимъ, тотъ фактъ, что, въ противоположность всѣмъ другимъ государствамъ Европы, во Франціи самоубійства женщинъ въ деревняхъ чаще, чѣмъ въ городахъ.

Послѣ всего этого не удивительно, если во Франціи въ поражающихъ размѣрахъ развита проституція. Въ одномъ Парижѣ, по расчетамъ полицейскаго чиновника Лекура, бывшаго директора отдѣленія «*Agence des mœurs*», насчитывается не меньше 60,000 женщинъ, торгующихъ своимъ тѣломъ. Въ другихъ городахъ, по расчетамъ полиціи, пропорція приблизительно такая-же; но дѣйствительная цифра неизвѣстна, отчасти потому, что этимъ никто не занимался, отчасти потому, что, благодаря существующему способу регламентаціи, о чемъ будетъ сказано дальше, узнать это не представляется никакой возможности. Всѣ согласны лишь въ одномъ, что изъ году въ годъ проституція во Франціи растетъ и расширяется, внося развратъ и заразу во всѣ слои общества.

Можно-бы ожидать, что французское законодательство девятнадцатаго столѣтія обратитъ вниманіе на это зловѣщее явленіе и приметъ какія-нибудь мѣры для борьбы съ нимъ. Но этого

нѣтъ. Французскій законодатель съ неповытнимъ упорствомъ отворачивался постоянно отъ него, обходя его, а общество во смотрѣло и продолжаетъ смотрѣть на него, какъ на элементъ неизбежное, даже прямо полезное. Французы до сихъ поръ полагаютъ, вмѣстѣ съ Лекки, что «проститутка—самая дѣйствительная хранительница добродѣтели», что «незавѣтная стота множества семейныхъ очаговъ была-бы осквернена», не будь падшей женщины, «удовлетворяющей страстямъ, въ противномъ случаѣ наполнившимъ-бы міръ мерзостью».

Исходя изъ такой точки зрѣнія, французское общество въ вопросѣ о проституціи занято лишь тѣмъ, чтобы гарантировать потребителю хорошее качество товара и предохранить его отъ извѣстныхъ клиническихъ послѣдствій. Забота объ этомъ всецѣло возложена на полицію.

Идеаль французской полиціи ¹⁾ заключается въ томъ, чтобы искоренить тайную проституцію и возвести стройное учреждение проституціи законной, регламентированной, строго исполняющей предписанія полиціи и во всемъ ей повинующейся. Съ этой цѣлью еще въ 1843 г. парижскій префектъ Делесеръ издалъ знаменитый «Регламентъ», въ которомъ, подъ видомъ «регулируванія», какъ и спокойствіе французскихъ гражданъ отдаются на полный и безконтрольный произволъ полиціи. Полиція имѣетъ право врѣсаться въ отели, меблированные комнаты и частныя квартиры, дѣлать тамъ обыски и аресты лицъ, заподозрѣнныхъ въ тайной проституціи. Полиція имѣетъ право, подъ тѣмъ-же предлогомъ, арестовать всякую женщину на улицѣ, въ театрѣ, въ кафѣ и безъ дальнѣйшихъ околичностей, безъ допроса свидѣтелей, безъ суда, отправить ее на медицинское освидѣтельство и затѣмъ въ тюрьму, строгую St.-Lazare, одно имя которой приводитъ въ страхъ и трепетъ даже выдавшую виды парижскую проститутку. «Регламентъ», правда, предлагаетъ своимъ агентамъ дѣйствовать осмотрительно и осторожно, но самая организація «полиціи нравовъ» такова, что исключаетъ необходимость быть осторожнымъ; регламентъ не означаетъ агенту никакого наказанія за неправильный арестъ и арестъ, напротивъ, его гонораръ въ зависимость отъ количества арестовъ. Агентъ получаетъ жалованья 92 фр. въ мѣсяцъ и 2 фр. ка за каждую открытую имъ тайную проститутку. Персону этотъ набирается изъ самихъ низкихъ поддѣнокъ общества—такъ-какъ легко понять, что ни одинъ порядочный человекъ

¹⁾ Нижеслѣдующее изложено нами главнымъ образомъ по недавней вышедшей книгѣ Ива Гюйо: «La prostitution, étude de physiologie sociale», Paris, Osgrenatier éditeur, 1882.

на такую службу не пойдет. Когда какой-нибудь агентъ тайной полиціи провинится, его, въ наказаніе, переводятъ въ *Service des mœurs*. Банлеръ, начальникъ тайной полиціи при имперіи, признается въ своихъ мемуарахъ, что въ числѣ его агентовъ былъ «одинъ изъ многихъ въ Парижѣ противоестественныхъ мужчинъ - проститутковъ, который за 125 фр въ мѣсяцъ доносилъ ему обо всемъ, что дѣлалось въ ихъ грязной средѣ». Полицейскій врачъ Жаннелъ, отчаянный защитникъ *police des mœurs*, отзывается однако о своихъ агентахъ, какъ о людяхъ, «которые очень рѣдко удовлетворяютъ желательнымъ требованіямъ ума и нравственной чистоплотности». Они, по его словамъ, крайне «грубы и продажны, занимаются сводничествомъ, шантажемъ, указываютъ развратникамъ мѣстожителство извѣстнаго сорта дѣвицъ».

Такимъ-то людямъ довѣряется наблюденіе за нравственностью гражданъ. Во всякое время дня и ночи расхаживаютъ они вдвоемъ, часто втроемъ, по улицамъ Парижа въ поискахъ за добычей. Самымъ лакомымъ кускомъ представляется, понятно, пойма «*in soumise*» (непокорной), т. е. проститутки безъ карты. Но такъ-какъ понятіе о проституткѣ очень растяжимое, то дѣйствовать въ каждомъ данномъ случаѣ приходится по вдохновенію. Агенты задумываться не любятъ, и коль скоро женщина имъ кажется подозрительной, да притомъ еще плохо одѣта, на нее внезапно набрасываются, сзади ей скручиваютъ руки и тащатъ. Черепуганная, часто не понимая въ чемъ дѣло, жертва начинаетъ кричать, отбиваться, тогда агенты приходятъ въ ярость, удары, сопровождаемые гнусной бранью, сыплются на бѣдную женщину съ двухъ сторонъ, въ дракѣ ей разрываютъ платье, разстраиваютъ прическу и въ такомъ видѣ тащатъ въ участокъ. Если тамъ, напр., послѣ медициннаго освидѣтельствованія, оказывается, что арестованная не могла быть проституткой, ее передаютъ суду «за оскорбленіе дѣйствіемъ полицейскихъ агентовъ». Въ другой разъ арестованную отпускаютъ, извиняясь въ ошибкѣ. Это еще самый лучший исходъ, и франдуженки, изъ ложнаго стыда, чрезвычайно рѣдко передаютъ главнѣйши подобныя «ошибки». Иногда это и дѣйствительно опасно. Въ прошломъ году, напр., арестована была одна шестнадцатилѣтняя дѣвушка; ее отправили въ полицейское дѣло, потому къ врачу, который констатировалъ ея невинность. Она дѣвушка была невинстой; черезъ 15 дней была назначена свадьба, приглашеніе было уже сдѣлано. Начать дѣло противъ полиціи — значило-бы скоппрометтировать жениха, который къ тому-же служилъ чиновникомъ. Оскорбленная дѣвушка обидѣлась, чтобы это не разстроило брака, — и пришлось дѣло замять. Тыкъ не женѣ, не проходитъ недѣли-двухъ, чтобы въ печать не попали рассказы

о возмутительныхъ подвигахъ police des mœurs. Въ мартѣ про-
лаго года былъ такой случай. Въ половинѣ одинадцатаго часа ве-
черомъ, одинъ молодой рабочій вышелъ отъ знакомыхъ съ сво-
ей невѣстой и собирався проводить ее домой. Вдругъ три чело-
вѣка бросились на нее и стали тащить съ собой. Это были agents в
mœurs. Рабочій пробовалъ заступиться, но одинъ противъ троихъ
ничего поддѣлать не могъ, и его избили до крови. Тогда злостач-
ный женихъ бросился къ своимъ знакомымъ и къ привратникѣ дома,
откуда только что вышелъ. Знакомые успѣли догнать агентовъ,
которые увлекли свою жертву уже довольно! далеко. Нача-
лись протесты, увѣренія въ честности арестованной дѣвушки.
Агенты поняли свою ошибку и ступешивались. 10-го апрѣля те-
кущаго года въ газетѣ «Intransigeant» сообщалось слѣдующее:
«Намъ рассказываютъ фактъ поистинѣ невѣроятный. Въ прош-
ломъ мѣсяцѣ, молодая женщина, г жа П., живущая въ улицѣ Па-
ной, № 65, внезапно исчезла. Ея мужъ, очень перепуганный
этимъ происшествіемъ, бросился на поиски, искалъ ее гдѣ толь-
ко возможно, узнавалъ въ префектурѣ, въ моргѣ, — напрасно!
Вдругъ нѣсколько дней тому назадъ, благодаря самой странной
случайности, что онъ узнаетъ? Та, которую онъ уже оплакивалъ,
была арестована вечеромъ, возвращаясь съ работы, во время по-
лицейской облавы, и заключена въ St.-Lazare. Въ тюрьмѣ ее излѣ-
довали. Слѣды недавнихъ родовъ скомпрометтировали (?) ее. Она
хотѣла писать. Письма не доходили по назначенію... Несчастный
мужъ обратился къ префекту Камескасу, — отвѣта не послѣдовало.
Онъ до сихъ поръ еще ждетъ распоряженія о выпущеніи аресто-
ванной на свободу. Таковы — прибавляетъ газета — факты, какъ они
переданы намъ адвокатомъ, который занимается этимъ невѣроят-
нымъ дѣломъ и помогаетъ заинтересованнымъ своими совѣтами».

Впрочемъ, не однѣмъ бѣднымъ женщинамъ достается отъ
agents des mœurs. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ арестована была сре-
ди бѣла дѣла жена одного дижонскаго банкира, поджидавшая мужа
на тротуарѣ. Исторія надѣлала много шума; но когда начальни-
ка тайной полиціи спросили, почему онъ дозволяетъ своимъ агентамъ
дѣлать подобныя мерзости, онъ небрежно отвѣтилъ:

— Развѣ мужъ оставляетъ жену ждать себя на тротуарѣ!

Вскорѣ затѣмъ была арестована извѣстная артистка Руссе.
Когда либеральная печать забила тревогу по этому поводу, артист-
ка кратическій «L'Ordre» взялъ на себя защиту полиціи въ слѣд-
ующихъ выраженіяхъ: «Я знаю честныхъ женщинъ, которыя во-
все не хвастались подобными приключеніями, когда дѣлались жертва-
ми ихъ. Я знаю одну молодую и прелестную женщину, которая
однажды была грубо схвачена полицейскимъ агентомъ и препро-

вождена въ полицію. гдѣ провела ночь, сгорая со стыда, въ обществѣ пьяныхъ дѣвокъ. Напрасно она называла свое имя, давала свой адресъ,—ее не слушали. Она была освобождена только послѣ того, какъ ея мужъ, извѣщенный объ арестѣ, пришолъ ее требовать. Что-же, вы думаете, на другой день она бросилась писать письма въ газеты: «меня приняли за публичную женщину, требую справедливости»? Нѣтъ, она молчала».

Ни одинъ фактъ не рисуется въ такой яркой степени злоупотребленія *police des mœurs*, полное отсутствіе отвѣтственности полицейскихъ чиновниковъ и легкое отношеніе французскаго общества къ ихъ продѣлкамъ, какъ исторія г-жи Эйбенъ. Дѣло это такъ характерно, что я позволю себѣ изложить его по возможности подробнѣе.

Во вторникъ, 29 марта, прошлаго года, въ улицѣ С. Маркъ, при входѣ въ пассажъ Панорама, г-жа Эйбенъ ожидала своихъ двухъ дѣвочекъ, которыя около этого времени обыкновенно возвращались изъ школы. Одѣта она была очень скромно, какъ мать семейства. Вдругъ надъ ея ухомъ кто-то весело произнесъ:—«Арестуемъ-те-ка эту красавицу!» Въ то-же время шесть человѣкъ окружили ее и схватили. Она протестовала, кричала, угрожала, что будетъ жаловаться своему посланнику (она бельгійка), барону Бейнсу,—но ничто не помогло. Агенты, подшучивая, повлекли ее въ участокъ. Тамъ г-жа Эйбенъ снова протестовала, но на всѣ свои протесты получила ироническій отвѣтъ бригадира:

— Въ ожиданіи пока вы будете жаловаться господамъ журналистамъ и вашему послу, пожалуйста въ полицію!

Въ восемь часовъ вечера ее повели пѣшкомъ, между двумя городскими, въ другой участокъ, затѣмъ къ полицейскому комисару. Комисаръ, любезно расшаркавшись, приступилъ къ допросу:

— Ваша профессія?

— Драматическая актриса.

— Да, случайно; а потомъ вы еще занимаетесь проституціей.

Г-жа Эйбенъ снова протестуетъ. Комисаръ съ прежней любезностью иронизируетъ:

— Еще-бы, это возмущаетъ вашу скромность!

Эйбенъ ссылается на то, что она мать семейства.

— Только этого не доставало, чтобы вы проституировали себя передъ вашими дѣтьми.

Затѣмъ арестованную запираютъ опять въ полиціи. Въ половинѣ одинадцатаго ее призываютъ назадъ, возвращаютъ ей платокъ, зонтикъ, деньги.

— Я могу возвратиться домой? спрашиваетъ она.

Оказывается, что нѣтъ. Ее переводятъ затѣмъ-то въ третій

участокъ, гдѣ опять запирають. Въ половинѣ перваго ея укладываютъ въ полицейскую карету, которая дѣлаетъ свой объѣздъ по городу, забирая во всѣхъ участкахъ арестованныхъ въ этотъ день. Въ три часа утра г-жу Эйбенъ привозятъ въ депо и запирають въ одиночную камеру. Проходятъ двое сутокъ. По истеченіи ихъ арестованную призываютъ... къ судебному слѣдствию.

— Вы обвиняетесь въ возмущеніи противъ агентовъ полиціи — говорить онъ ей.

Эйбенъ признается, что дѣйствительно протестовала противъ ареста.

— Въ томъ-то и дѣло! Вы не должны были протестовать. Если-бы вы не протестовали, васъ, можетъ быть, выпустили-бы.

На другой день г-жу Эйбенъ выпускають на волю такъ-же незаконно, какъ и арестовали.

Опозиціонные журналы увидѣли въ этой возмутительной исторіи удобный случай напасть на ненавистнаго имъ Андриэ, тогдашняго префекта, и подняли страшную, бурю. Общественное мнѣніе заволновалось, пошли народныя собранія, сходки, протесты. Дѣло дошло до того, что палата увидѣла себя принужденной сдѣлать Андриэ запросъ. 10-го апрѣля зала засѣданій въ бурбонскомъ дворцѣ была биткомъ набита. Въ публичнѣмъ заглавалось много дамъ. На набережной передъ палатой депутатовъ толпилась масса народа; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій о позорномъ паденіи Андриэ. Вышло, однако, иначе. Запросъ былъ сдѣланъ очень робко. Въмѣсто того, чтобы говорить о незаконныхъ подвигахъ «полиціи нравственности», Паскаль потребовалъ отъ префекта разъясненій о причинахъ его столкновенія съ муниципальнымъ совѣтомъ (послѣдній отказался вопиовать бюджетъ и содержаніе роісе des moeurs). Андриэ могъ-бы поэтому совершенно обойти вопросъ объ арестѣ г-жи Эйбенъ и, придерживаясь буквы закона, сослаться на то, что упорство муниципалитета незаконно. Съ этой точки зрѣнія онъ былъ-бы, по крайней мѣрѣ формально, правъ. Но Андриэ самъ пошелъ навстрѣчу вызову. Съ дерзостью, которая всегда характеризовала этого человѣка, онъ началъ свою отвѣтъ такимъ образомъ:

— Вы всѣ, конечно, читали въ газетахъ письма г-жи Эйбенъ писанныя ею подъ диктовку журналистовъ, которыхъ я могу назвать. Публика расчувствовалась надъ судьбою этой женщины, которую считаетъ честной матерью семейства... Вы сейчасъ видите, была-ли означенная Эйбенъ жертвой ошибки.

Онъ вынимаетъ изъ портфеля тайный доносъ своихъ агентовъ и прочитываетъ изъ этого «документа» слѣдующее: «Слѣдствие жалобы нѣсколькихъ коммерсантовъ, въ пассажѣ былъ устроенъ

надзоръ; въ указанный день двое городовыхъ обратили вниманіе агентовъ на вдову Эйбенъ, которая ходила взадъ и впередъ по пассажиу. Убѣдившись, что она три раза старалась привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ проходившихъ мужчинъ...

Тутъ поднялся шумъ. Это безстыдное онозориванье беззащитной женщины съ высоты трибуна, на основаніи какихъ-то грязныхъ доносовъ заинтересованныхъ лицъ, вывело изъ себя нѣкоторыхъ депутатовъ и они стали протестовать. Но, — какъ сказано въ «Journal officiel» — множество голосовъ въ центрѣ и налѣво закричало: «говорите, говорите!» А Гамбетта, тогда президентъ палаты, усовѣститъ протестантовъ такимъ аргументомъ:

— Когда нападаютъ на институтъ, который имѣетъ цѣлью оздоровленіе общественныхъ клоаекъ, надо ему дать возможность защищаться!

Поощренный ораторъ продолжалъ: «Тогда, обращаясь къ агентамъ, она сказала: Я бельгійка, моего освобожденія потребуетъ одинъ баронъ, онъ вамъ задастъ». Это показалось такъ смѣшно, что вся палата покатила съ смѣху. «Journal officiel» констатируетъ въ этомъ мѣстѣ рѣчи: «продолжительный смѣхъ и шумъ».

— И такъ какъ она отказалась слѣдовать за агентами, продолжалъ Андриэ, — они принуждены были ее вести до участка.

Долго говорилъ онъ въ этомъ духѣ, и все на основаніи доносовъ тайной полиціи, ни на минуту не заподозрѣвая ихъ достоверность, не подумавъ провѣрить ихъ показаніями постороннихъ свидѣтелей. Въ концѣ концовъ Андриэ вышелъ побѣдителемъ.

Между тѣмъ судебный слѣдователь продолжалъ свое дѣло. Онъ далъ обвиняемой очныя ставки съ городскими, на которыхъ ссылались агенты, съ комерсантами, которые будто-бы требовали ея ареста, какъ завѣдомой проститутки, — и ни одна изъ нихъ ее не признала; всѣ ссылки Андриэ оказались вымышленными. Слѣдствіе пришлось, наконецъ, прекратить за неимѣніемъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Тогда Эйбенъ обратилась въ палату съ просьбой о дозволеніи преслѣдовать Андриэ судебнымъ порядкомъ, какъ клеветника. Но палата не согласилась; большинствомъ 324 голосовъ противъ 91 рѣшено было просьбу оставить безъ вниманія.

Институтъ полиціи нравственности дѣйствуетъ крайне развращающимъ образомъ на публику. Любовникъ, желающій отдѣлаться отъ надоевшей ему женщины, отвергнутый ловецъ, соперница, квартирная хозяйка, всѣ истязать бѣдной женщиной тайными доносами въ полицейскую префектуру. Послѣдняя не разбираетъ, и если женщина имѣетъ любовника, или просто живетъ въ меблированныхъ комнатахъ, ее непременно арестуютъ. Слу-

чается нерѣдко, что хозяйинъ соблазнить свою служанку, она дѣлается беременной, является опасность, что жена узнаетъ, идетъ скандалъ. Тогда маленькое, даже неподписанное письмо въ полицію исправляетъ все дѣло...

Ужасъ, вселяемый police des mœurs французской женщины и даже мужчинѣ, такъ великъ, что онъ почти ежедневно экспонируется мошенниками. Въ Лиллѣ существовала въ теченіи трехъ лѣтъ шайка «шалуновъ», которая нападала въ булонскомъ гѣ на влюбленные парочки и выдавала себя за agents des mœurs, такимъ манеромъ ей всегда удавалось мужчину обобрать, а женщину изнасиловать. По собственному сознанію этихъ негодяевъ, они успѣли изнасиловать болѣе 500 женщинъ, и ни одна изъ нихъ не пожаловалась въ судъ. Въ 1880 г. такая-же организованная шайка судилась въ Парижѣ.

Въ облавахъ на «неповорныхъ» полиціи дѣятельно помогаютъ дозволенные проститутки, такъ называемыя «les filles en suite». Онѣ съ ожесточеніемъ выслѣживаютъ своихъ соперницъ и потомъ натравливаютъ на нихъ агентовъ. Въ меблированныхъ комнатахъ, въ два-три часа ночи, часто жильца будитъ необычный шумъ. Въ корридорѣ слышенъ топотъ десятка мужскихъ сапоговъ, двери сосѣднихъ комнатъ отпираются одна за другой, оттуда раздаются женскія рыданія, крики ужаса, мольбы, истерики... Это police des mœurs спасаетъ нравственность парижанъ. У полиціи честная женщина не живетъ въ номерахъ; поэтому всякая, которая тамъ живетъ, тѣмъ самымъ подозрительна. Агенты врываются въ комнату спящей женщины (въ большинствѣ случаевъ это работницы) и первымъ дѣломъ хватаютъ ея за руки:

— У васъ не видно уколовъ иглы на пальцахъ, вы не работаете—пожалуйте!

— Но вѣдь я не швея, я цвѣточница, я полировщица, я красильщица...

— Ладно, тамъ увидимъ,—одѣвайтесь.

Женщина, которая арестуется при такихъ условіяхъ, неминуемо получить карту. Поэтому при первой тревогѣ ночного обыска, обитательница меблированной комнаты старается спастись бѣгствомъ. Но это не всегда удается; тогда несчастная приходитъ въ отчаяніе, падаетъ въ истерику, мечется внѣ себя по комнатѣ. Иногда происходятъ при этомъ страшныя драмы. 1878 г. одна дѣвушка, желая спастись отъ агентовъ, выпрыгнула изъ окна второго этажа. Она упала на стеклянную крышу, которая разбилась подъ тяжестью ея тѣла, совершенно изуродовавъ его. Она была поднята полумертвой, съ переломленными ребрами.

ногами. Черезъ два дня она умерла. Дѣвушка эта, какъ оказалось потомъ, не была проституткой,—она занималась швейными работами.

Послѣ такой бѣшеной травли тайной проституціи, естественно предположить, что полиція по крайней мѣрѣ достигаетъ своей ближайшей цѣли, т. е. что большая часть практикующихъ проститутокъ записаны, имѣютъ билеты. Статистика показываетъ, однако, что этого нѣтъ. Изъ 60,000 женщинъ, которыя, по вычисленію полиціи, живутъ въ Парижѣ проституціей, записано при полиціи только 3,580; но и изъ этой сравнительно ничтожной цифры нужно еще вычесть около 1,900 женщинъ, которыя постоянно находятся въ бѣгахъ, потому-ли, что больны или просто потому, что не желаютъ подчиниться черезъ-чуръ строгимъ требованіямъ полиціи.

Женщина, попавшая «en carte», дѣлается вещью, собственностью полиціи, которою можно распоряжаться безконтрольно. Закона относительно нея не существуетъ, такъ какъ даже обычныхъ человѣческихъ правъ за ней не признается. Если подрядчику тюрьмы St.-Lazare потребуется вдругъ много работницъ, онъ даетъ знать police des mœurs и она устраиваетъ облаву (rafle). Въ теченіи двухъ-трехъ часовъ забираютъ на бульварахъ 100 — 150 женщинъ и отправляютъ въ тюрьму на мѣсяцъ, два, три,—смотря по надобностямъ подрядчика. Иногда облавы устраиваются агентами для потѣхи знатныхъ иностранцевъ, для знакомыхъ своихъ. Поводовъ, чтобы арестовать проститутку, безконечно много. По регламенту полиціи, она имѣетъ право появляться на улицѣ только отъ семи часовъ вечера до 11 ночи. Но вѣдь и проституткѣ надо ѣсть, и вотъ, если она выйдетъ утромъ на рынокъ, въ ресторанъ или въ лавку—она уже нарушила правила и подлежитъ аресту. Если она пойдетъ въ гости къ товаркѣ или приметъ ее у себя, если она гуляетъ внѣ своего квартала, сидитъ у окна, заговариваетъ съ проходящими, живетъ въ меблированныхъ комнатахъ безъ особаго разрѣшенія полиціи (отъ нее требуется жить своей мебелью) — все это проступки, подлежащіе одному наказанію—заключенію въ St.-Lazare. Срокъ заключенія зависитъ отъ усмотрѣнія администраціи. Иногда ихъ держать по цѣлому году, иногда выпускаютъ черезъ нѣскольکو дней. Иныя выходятъ изъ тюрьмы, чтобы черезъ день быть забранными вновь, другія могутъ дѣлать что угодно и никогда не попадаютъ въ тюрьму, если почему-нибудь пользуются покровительствомъ полиціи. Однимъ словомъ, произволь тутъ царствуетъ полный.

Этотъ-то произволь вызвалъ къ жизни во Франціи существованіе особенно гнуснаго типа альфонсовъ — souteneur'a, который

недавно подалъ поводъ въ Парижѣ къ извѣстному безпорядку въ лагискомъ кварталѣ.

Сутенёръ живетъ на счетъ проститутки. Обыкновенно онъ вѣстъ съ нею на одной квартирѣ, но не всегда. Есть сутенёры, въ торге сразу имѣють 5.—6 женщинъ, и ни съ одной изъ нихъ и живутъ. Они даже могутъ быть почетными отцами семейства и смѣшивать ему пропитаніе посредствомъ сутенёрства. Функции сутенёра очень разнообразны. Онъ предупреждаетъ своихъ «магмитъ» о приближеніи агента, когда она въ позволенный часъ разбѣскается себѣ кліентовъ. При удобномъ случаѣ онъ защищаетъ ее противъ агента или противъ беспокойнаго «гостя». Когда ее арестуютъ, онъ хлопочетъ объ ея освобожденіи. Этому ему не трудно бываетъ добиться, такъ какъ съ полиціей онъ всегда большой пріятель; онъ вертится въ мірѣ воровъ и мошенниковъ и оказываетъ полиціи услуги въ качествѣ шпіона. Во время безпорядковъ онъ помогаетъ полиціи, дерется рядомъ съ нею. Насколько сутенёры и полиція взаимно обязаны, показываетъ слѣдующая выписка изъ «Меуаровъ Канлера». «...Другой сутенёръ—говоритъ Канлеръ—имѣлъ что-то въ родѣ справочной конторы. Онъ продавалъ доносы своимъ товарищамъ. Marmite одного изъ нихъ, положимъ, отправлена въ St. Lazare. Тогда онъ отправляется въ контору, покупаетъ доносъ и относитъ въ полицію; взаменъ него его marmite немедленно освобождаетъ. Другой примѣръ: проститутка приговорена къ шестимѣсячному заключенію въ St. Lazare; сутенёръ идетъ въ контору:

— Есть у васъ хорошій доносъ?

— Есть, адресъ двухъ извѣстныхъ воровъ, которыхъ полиція не можетъ розыскать.

— Сколько?

— Пятьсотъ франковъ.

— Дорого, не могу.

«Начинають торговаться; наконецъ, порѣшили на 300 фр., и сутенёръ отправился въ полицію съ адресомъ, въ обменъ на освобожденіе арестованной.

«Я зналъ одного сутенёра по имени Кутелье—продолжаетъ Канлеръ—который всегда имѣлъ въ нѣсколькихъ кварталахъ по 5—6 marmites; каждый вечеръ, когда онъ дѣлалъ свой обходъ, передавали ему одну или двѣ пятифранковыхъ монеты. Кутелье пользовался большой репутаціей у этихъ женщинъ; онъ добивался его покровительства, такъ какъ онъ никогда не оставалъ своихъ marmites больше двухъ-трехъ дней въ С.-Лазарѣ: его карманы были всегда наполнены доносами.

Проститутка-одиночка, преслѣдуемая полиціей на каждомъ шагу.

находить одинъ исходъ изъ этого положенія, если у нея нѣтъ окровителей въ видѣ вліятельнаго сутенера или агента, — поступить въ публичный домъ. Сосредоточить развратъ въ домахъ терпимости... это завѣтная мечта полицейскихъ философовъ и писателей. «Дома терпимости, — по выраженію Лекюре — это основаніе всѣхъ регламентированной проституціи. Полиція не только не ограничиваетъ ихъ числа, но всегда содѣйствуетъ открытію новыхъ». Ранъ-Дюшатла подгадалъ, что «высшая слава, на которую можетъ претендовать полицейскій префектъ, заключается въ устройствѣ публичныхъ домовъ». Г. Паскье, — говоритъ онъ объ одномъ изъ префектовъ, — котораго вы можете навѣрное найти вездѣ, гдѣ дѣло касается мѣръ, обнаруживающихъ административный талантъ, и высшій геній, умножилъ, сколько могъ, публичные дома. Въ интересахъ общественнаго блага, полиція должна окружать ихъ всевозможнымъ покровительствомъ». Такимъ образомъ, открыть публичный домъ — своего рода способъ заниматься общественной дѣятельностью, приносить пользу обществу. Занятіе не только не пошрое, но какъ-будто очень почтенное. Такъ думаетъ полиція, и содержатели домовъ вполне раздѣляютъ ея образъ мыслей. Прошеніе о дозволеніи открыть публичный домъ всегда пишется въ возвышенномъ стилѣ.

«Находясь въ преклонномъ возрастѣ; — пишетъ одинъ — и чувствуя себя готовымъ отдать душу Богу и явиться предъ праведнымъ судомъ Его, я считаю своей обязанностью позаботиться о гуждахъ дѣтей моихъ и доставить имъ средства къ существованію» — а потому... этотъ почтенный патриархъ умоляетъ префекта разрѣшить его дочери и внучкѣ открыть «une tolérance» (терпимость). Другіе пишутъ:

«Г. Префектъ,

Вы одинъ — моя опора и защита; обремененная малолѣтней семьей, я умоляю васъ не отказать мнѣ въ честномъ способѣ къ жизни и воспитанію моихъ дѣтей; не отнимите у меня, г. префектъ, утѣшеніе, въ которомъ такъ нуждается несчастная мать».

«Г. Префектъ,

Дѣвица Д., имѣетъ честь доложить вамъ, что претерпѣнные ею жестокіе удары судьбы довели-бы ее до послѣдняго акта отчаянія, ли-бы ее не удержало религиозное чувство, которое запрещаетъ жовѣку распоряжаться тѣмъ, что дано свыше. Ея строгое и разительное поведеніе, ея забота о родителяхъ и своихъ собственныхъ дѣтяхъ заслужили ей почетъ и уваженіе всѣхъ людей добра (sans de bien); не будучи въ состояніи работать, она проситъ дозволеніе принять къ себѣ шесть женщинъ»...

Когда Ивъ Гюйо началъ кампанію противъ police des moeurs, —

о чемъ будетъ сказано ниже, — содержатели публичныхъ домовъ переполошились. Многие послали ему ругательныя и угрожающія письма, другіе старались подѣйствовать на него убѣжденіемъ. Одинъ изъ послѣдней категоріи писалъ слѣдующее: «Женщины, которыя находятся въ публичныхъ домахъ, лучше охраняются въ одиночки. Тѣ, которые ихъ содержатъ и торгуютъ ими, во большей части честные люди; раззорившіеся торговлей, они берутъ за это ремесло, какъ взялись-бы за всякое другое, чтобы выжить себя средства къ жизни».

Дружба полиціи съ публичными домами очень велика. Предупредительность не имѣетъ границъ, она доходитъ до того, что полиція сама вербуетъ для нихъ женскій персоналъ. Проститутки-одиночки часто слышатъ въ полиціи такого рода назидательные разговоры:

- Вы не имѣете права жить въ меблированныхъ комнатахъ.
- Но у меня нѣтъ собственной мебели.
- Въ такомъ случаѣ отправляйтесь въ публичный домъ, иначе мы васъ засадимъ въ St. Lazare.

Содержательницы домовъ терпимости еще очень недавно имѣли право являться въ полицію во время обычнаго медицинскаго освидѣтельствованія проститутко-одиночекъ, чтобы выскрывать себя среди нихъ подходящій товаръ. Торгъ велся открыто, громкимъ голосомъ, полицейскіе агенты присутствовали при немъ, поддерживая сторону «госпожи патронши», дѣйствуя то убѣжденіемъ, то угрозами. Въ Бордо это дѣлается еще до сихъ поръ.

Торговля женщинами во Франціи правильно организована, она имѣетъ своихъ факторовъ, свою биржу, курсъ и выработанные обычаи. Въ Парижѣ существуютъ кафе и рестораны, въ которыхъ постоянно встрѣчаются сводники и устанавливается дѣлъ на женщинъ. Тарифъ измѣняютъ, смотря по качеству товара и по городу. Въ Версали маклеръ получаетъ за комиссію 25 фр. со штуки. Есть особые спеціалисты, которые занимаются собираніемъ дѣвушекъ и затѣмъ доставляютъ ихъ въ публичные дома. Другіе выдаютъ себя за агентовъ, прискивающихъ мѣста для женской прислуги; крестьянская дѣвушка является къ нимъ, совершенно увѣренная, что это agents de placements, и попадаетъ жданно-негаданно въ публичный домъ. Тамъ на нее немедленно пишется долгъ въ 300—400 фр. и, если она не хочетъ отдать его, ее страшатъ полиціей, судомъ и тюрьмой. Подставные сводники всегда налицо, полиція беретъ сторону патронши, и нужна много силъ воли и характера, чтобы вырваться изъ рукъ этихъ ястребовъ. Гюво приводитъ любопытные образчики торговли въ респонденціи комерсантовъ проститутціи. Это, какъ увидимъ,

стоящая торговля. Нѣкая madame A. M. пишетъ своднику: «Если вы можете доставить достаточно красивыхъ гризетокъ, мнѣ бы это было очень на руку». Madame A., изъ Монпелье, пишетъ сводницѣ въ Бордо: «За поѣзду туда и назадъ будетъ вамъ, конечно, уплачено. Я могла бы у васъ брать ихъ по 3—4, ежемѣсячно. Если найдете — извѣстите меня; тогда вамъ стоитъ только явиться на вокзалъ, и вы получите изъ кассы даровые билеты до самаго Монпелье». Такимъ образомъ, желѣзнодорожныя компаніи открываютъ текущіе счета содержателямъ публичныхъ домовъ, какъ всякимъ другимъ торговымъ домамъ!.. Г-жа С. изъ Тулона: «Мнѣ нужно одну или двухъ дѣвицъ, красивыхъ, не очень большихъ и не очень толстыхъ, которыя не очень много должны и имѣютъ метрическое свидѣтельство и паспортъ 21 года». Этой С. вовсе не нужно, чтобы товаръ дѣйствительно былъ совершеннолѣтній, нужны только паспорта совершеннолѣтія, — что не одно и то-же. Ибо такіе паспорта даже для дѣтей 14—15 и 17 лѣтъ получаютъ посредствомъ установленнаго тарифа или просто фабрикуются извѣстными специалистами. Содержательницы домовъ терпимости обмѣниваются, напр., такими телеграммами: «Привезите дѣвицу; скажите ей условія дома: носятъ пенъюаръ и выѣзжаютъ только въ каретѣ» (я сейчасъ объясню значеніе этихъ терминовъ). Почта доставляетъ по адресу письмо съ надписями: «Г-жѣ Алисѣ В, сводницѣ», или: «Сводницѣ, улица такая-то». Но характернѣй всего письмо, опубликованное недавно газетой «Lanterne». Пишетъ г-жа Лоттекъ своему супругу: «Дорогой муженекъ, мнѣ очень неприятно, что приходится тебѣ противорѣчить. Но вѣдь я всегда тебѣ говорила: я не хочу бельгійскъ и никогда ихъ къ себѣ не возьму. Нашъ домъ на улицѣ NN откроется только въ началѣ іюня, стало быть время терпѣть. Дѣвицъ Гиланъ и Сары довольно будетъ для начала; недѣли черезъ двѣ можно будетъ прикупить еще пару. Прикупи гдѣ хочешь, только не въ Бельгіи. Эти слишкомъ испорчены: онѣ читаютъ «Lanterne» и черезчуръ прогрессивны (!)... Никогда не нужно брать дѣвицъ изъ возвышенныхъ сферъ. Перемѣна для нихъ слишкомъ рѣзка. Если у тебя наклеивается выгодное дѣльце, напиши Р. и другимъ, дай заработать своимъ друзьямъ; я же изъ за нѣсколькихъ сотенъ франковъ не хочу заниматься маклерствомъ. Я нахожу, что у меня довольно денегъ. Я не хочу безпокойствъ, мнѣ теперь очень хорошо, я вполне счастлива. Если ты не хочешь возвратиться домой, пришли дѣвицу одну; нужно посмотрѣть можно-ли имѣть къ ней довѣріе». Къ этому письму приложенъ отчетъ о торговлѣ въ теченіи недѣли: «Вторникъ—320 фр., среда—190» и т. д.

Передъ тѣмъ, какъ отправить купленную женщину въ другой
„Дѣло“ № 6 1883 г., II.

городъ, ее приводятъ къ врачу на освидѣтельствованіе. Но иногда оказываются мошенничества. Товаръ, гарантированный какимъ врачомъ, по прибытіи на мѣсто назначенія оказывается фальшивымъ. Тогда покупатель отсылаетъ негодный товаръ обратно, требуетъ черезъ полицейскаго комисара, въ округѣ котораго стоялся торгъ, возвращенія денегъ. Комисаръ принимаетъ сторону своего протече, говоритъ, что товаръ былъ отправленъ въ испорченности и испорченъ былъ только потому, что деньги получены были незаконно, и въ видѣ наиболѣе дѣйствительнаго аргумента угрожаетъ безпокойному покупателю арестомъ, если онъ будетъ настаивать.

Между содержателями и сводниками различныхъ странъ существуетъ международная организація. Брюссельскій процессъ обнаружилъ, что въ Лондонѣ существуетъ агентство, которое доставляетъ въ публичные дома всего континента молодитъ и главнымъ образомъ несовершеннолѣтнихъ англичанокъ. Одинъ изъ членовъ этого агентства, очень красивый мужчина, который, смотря по обстоятельствамъ, назывался то Максомъ, то Шульцемъ, то Селькартомъ, — имѣлъ совершенно новаго рода специальность: онъ соблазнилъ молодыхъ дѣвушекъ, обѣщая жениться, привозилъ ихъ на континентъ и продавалъ въ публичные дома. Дѣвушки эти были всѣ несовершеннолѣтнія. По закону, который во Франціи и Бельгіи въ этомъ отношеніи одинъ и тотъ-же, за пріемъ въ публичный домъ несовершеннолѣтней дѣвушки содержатель наказывается тюремнымъ заключеніемъ до 15 лѣтъ; полицейскій чиновникъ, выдавшій карту, наказывается каторжными работами. Тѣмъ не менѣе, брюссельская полиція (и, какъ увидимъ ниже, парижская также) силою и рядомъ записывали малолѣтнихъ дѣтей въ разряды дозволенной проституціи. Дѣлалось это въ Брюсселѣ слѣдующимъ образомъ. На другой день по прибытіи въ публичный домъ, похищенную дѣвушку приводили въ полицію, говоря ей, что это таможня. Полицейскій чиновникъ не звалъ ни притворялся, что не знаетъ англійскаго языка, англичанки не знали французскаго, поэтому допросъ свой чиновникъ снималъ черезъ переводчицу, которая была ни кто иная, какъ сама содержательница. Дѣвушка 16—17 лѣтъ записывалась подъ вымышленнымъ, а еще чаще подъ дѣйствительнымъ именемъ какой-нибудь честной, совершеннолѣтней дѣвушки, которая проживала себя въ Лондонѣ, ничего не подозревая. Краденые или поддѣланные паспорта представлялись полиціи, какъ документы мнимой притутки — и дѣло было кончено. Послѣ этого бѣдной англичанкѣ оставалось только покориться своей участи, въ противномъ случаѣ ей угрожали тюрьмой за совершенный будто-бы ею подлогъ. Въ брюссельскомъ процессѣ выяснился даже такого рода невѣроятный

актъ: 17-лѣтняя дѣвица Танеръ, обманомъ привезенная и помѣщенная въ публичный домъ, имѣла нѣкоторый органическій по-мѣкъ въ устройствѣ тѣла. Ее помѣстили въ больницу для прости-тутокъ, и полицейскіе врачи взялись сдѣлать ей операцію, чтобы она была въ состояніи заниматься ремесломъ, для котораго была продана.

Въ Парижѣ записыванье въ проституцію малолѣтнихъ дѣтей практикуется съ давнихъ поръ. У Паранъ Дюшатла приводится таблица, изъ которой видно, что въ 1832 гг. въ регистрахъ по-лиціи находилось:

20 проститутокъ	14 лѣтъ.
6 »	13 »
3 »	12 »
3 »	11 »
2 »	10! »

Въ періодъ 1857—1866 гг., изъ числа 4097 дозволенныхъ про-ститутокъ было 1354, т. е. 33%, несовершеннолѣтнихъ.

Въ 1877 году обнаружено было, что въ одномъ публичномъ домѣ находится дозволенная полиціей дѣвочка 15 лѣтъ; въ другомъ слу-чаѣ одна 15-лѣтняя негрятянка была записана какъ имѣющая 18 лѣтъ. Обыкновенно-же, относительно малолѣтнихъ дѣтей въ до-махъ терпимости полиція придерживается такой системы: она ихъ не записываетъ въ регистръ но *терпитъ* ихъ, какъ она выра-жается, и подвергаетъ обычнымъ медицинскимъ освидѣтельство-ваніямъ наряду съ записанными. Для того-же, чтобы избавить себя отъ отвѣтственности въ случаѣ надобности, полиція прибѣгаетъ къ слѣдующей уловкѣ. Малолѣтнюю дѣвочку заставляютъ подать прошеніе о выдачѣ «билета»; билета ей не выдаютъ, но прошеніе приобщается къ дѣлу и держится всегда наготовѣ, какъ доказа-тельство, что дѣвочка окончательно испорчена и что ей другого исхода, какъ поступить въ публичный домъ, никакого не остается.

Любезность полиціи относительно содержателей публичныхъ до-мовъ этимъ не ограничивается. Она не только вербуетъ для нихъ женскій персоналъ и дозволяетъ, вопреки закону, содержать ма-лолѣтнихъ дѣтей,—она еще помогаетъ содержателямъ удерживать ихъ у себя. Для этого выработана цѣлая система, которая практи-куется съ вѣдома и при помощи полиціи. Какъ только дѣвушка попала въ домъ, она прежде всего дѣлается неоплатнымъ долж-никомъ его. Деньги, уплаченныя національному или интернаціо-нальному агенту за дѣвушку, представляютъ первый долгъ, кото-рый, смотря по качеству товара, колеблется между 300 и 1,200 фран-ковъ. Затѣмъ отъ новопривывшей отнимаются всѣ ея вещи, до

рубашки и чулокъ включительно, и ей нужно себѣ справить особый мундиръ. Это — коротенькая тюлевая рубашка до коленъ сильно декольтированная и безъ рукавовъ; на ноги одѣваются длинные цвѣтные чулки и башмаки на высокихъ каблукѣхъ. Ит. и все. Костюмъ, конечно, недорогой, но проституткѣ одинъ только «пеньюаръ» обходится въ 60 франковъ. Причина понятна: всѣ ея покупки дѣвушка обязана дѣлать въ самомъ домѣ, а цѣны тамъ бѣшены. Каждый день она должна заплатить парикмахеру за прическу 1 фр.; стаканъ кофе, пива, вина, пачка папирсъ стоятъ 2 франка. Бѣлила, румяна, духи, бѣлье въ такой-же пропорціи. Нѣтъ, стако быть, ничего удивительнаго, что проститутка никогда не выѣзжаетъ изъ домовъ содержателю дома. Какъ-бы много она ни заработывала, она съ каждымъ днемъ все больше и больше должна. Ей ничего ужъ не принадлежитъ: ни чулки, которые она носитъ, ни кусочекъ тюля, прикрывающій ея ногу, ни цвѣтная ленточка, украшающая ея напомаженные, надушонныя волосы. Все это обременено непомернымъ долгомъ. Пожелай она уйти при подобныхъ обстоятельствахъ, отъ нея прежде всего потребуютъ уплаты долга. А гдѣ она его возьметъ?... Приходится или оставаться, тянуть лямку до конца, благо недолго, — средняя продолжительность жизни въ этихъ домахъ — *четыре года*, — или же убивать тайкомъ. Это, вообще говоря, довольно мудрено: двери дома устроены такъ, что войти въ нихъ легко, но выйти безъ помощи ключа нѣтъ никакой возможности; къ тому-же содержатель, выходя аргусъ, постоянно на-сторожѣ и бдитъ надъ своимъ рабочимъ скотомъ, какъ надъ зѣницей ока своего. Но вотъ, положимъ, ей удалось перескочить заповѣдный порогъ, она очутилась на улицѣ. Этимъ фактомъ она совершила два преступленія: она оскорбила общественную нравственность (это наз. *attentat publique à la pudeur*), появившись на улицѣ въ чересчуръ откровенномъ костюмѣ, — за это первый попавшійся городской обязанъ ее арестовать; во вторыхъ, она оскорбила священный принципъ собственности, она — воровка. Воровка чего? спросите вы. — Пеньюара и чулокъ, которые принадлежатъ не ей, а хозяйкѣ дома.

Пуара-Дюваль и Требуше — полицейскіе философы, пишутъ: «Такъ какъ администрація заставляетъ хозяекъ дома одѣвать своихъ дѣвицъ (въ тюлевыя пеньюары), то она сочла нужнымъ вмѣшаться въ дѣла о кражѣ предметовъ туалета. Дѣвицы, виновныя въ такихъ кражахъ, не имѣющія возможности возвратить украденную вещь или уплатить ея стоимость, присуждаются къ наказаніямъ соотвѣтственно важности совершенной поправки».

Такихъ цитатъ можно-бы набрать очень много; это тѣмъ легче сдѣлать, что всѣ авторы высказываютъ въ этомъ отношеніи самое

трогательное единодушіе. «Воровокъ слѣдуетъ наказывать», особенно потому, что надо поддерживать «содержательницъ домовъ, существованіе которыхъ настоятельно необходимо».

Отеческое попеченіе полиціи объ интересахъ держателей домовъ терпимости идетъ еще дальше. Проститутка не можетъ перейти изъ одного дома въ другой безъ аттестата отъ оставляемаго хозяина «о хорошей жизни и поведеніи (un certificat de bonne vie et moeurs)», т. е. что она аккуратно исполняла свою работу и не подавала патронамъ повода къ неудовольствію. А удовлетворить хищность послѣднихъ дѣло очень мудреное. Они спѣшатъ по возможности скорѣе выжать изъ купленной женщины всѣ соки, всѣ выгоды, которыя она можетъ принести. Патронъ во всякое время боится, что «работница» заболѣетъ, сдѣлается негодной къ ремеслу, помретъ или убѣжить,—тогда капиталъ потерянъ, комерціи ущербъ. Поэтому ее заставляютъ работать безъ всякой пощады, во всякое время дня и ночи, когда только имѣются кліенты, и такъ въ теченіи цѣлыхъ годовъ, пока она, истощенная, больная, перестаетъ приносить доходъ, дѣлается ненужной. Тогда ее, какъ старую клячу, выгоняютъ вонъ, безъ всякихъ формальностей и разговоровъ. «Матроны никогда не падаютъ своихъ женщинъ—разсказываетъ Паранъ-Дюшатлэ, этотъ знатокъ описываемаго нами міра, — эти несчастныя должны *работать*, какъ онѣ выражаются на своемъ техническомъ языкѣ, или идти въ больницу. Онѣ никогда не имѣютъ право отказаться отъ практики. Содержательницы употребляютъ возмутительныя средства, чтобы абортировать женщины, отъ которыхъ получаютъ большую прибыль, и даютъ имъ такія сильнодѣйствующія лекарства, что призванный врачъ часто предполагаетъ отравленіе. Во всемъ Парижѣ не болѣе 3—4 матронъ, которыя зовутъ врача въ случаѣ болѣзни ихъ женщинъ и держатъ ихъ у себя до выздоровленія. Онѣ обязаны работать не только у себя, у своего хозяина,—содержательницы часто одолжаютъ ихъ другъ другу въ обмѣнъ или за извѣстную плату, какъ отдающій въ наемъ кареты вступаетъ съ своимъ собратомъ въ сдѣлку относительно извѣстнаго числа лошадей.

: На нихъ смотрятъ, какъ на рабынь или вьючныхъ животныхъ, которыя должны приносить столько-то и столько-то въ день. Говоря о женщинѣ, которая по той или другой причинѣ правится посѣтителемъ и привлекаетъ къ себѣ кліентовъ, содержательницы выражаются, что она *хорошо работаетъ*. Это единственное право женщины на симпатію хозяйки, которая немедленно выгоняетъ ее вонъ, какъ только она дѣлается невыгодной».

Обитательница публичнаго дома должна «работать»; поэтому болѣть ей не полагается. Больною она считается лишь въ слу-

чаяхъ сильнаго остраго страданія, которое дѣлаетъ ее абсолютно неспособной продолжать коммерцію. Тогда ее отправляютъ въ больницу. Но болѣзни хроническія въ счетъ не идутъ. Чахотка, болѣзни сердца, желудочно-кишечнаго канала или печени — все это пустяки, которые работать не мѣшаютъ непосредственно. стало быть надо работать! Даже въ случаяхъ заболѣванія тѣмъ страшной болѣзью, отъ которой проститутка рано или поздно непременно погибаетъ, если ее не убьютъ раньше чахотка или ангиолизмъ, — даже въ этихъ случаяхъ содержатель не спѣшитъ отправить ее въ больницу. Ее безъ помощи врача начинаютъ усиленно пичкать ртутью, пока исчезнутъ внѣшніе признаки болѣзни и больная продолжаетъ навоплять капиталъ для своего патрона, распространяя вокругъ себя заразу на всѣ стороны. Неудивительно послѣ этого, если полицейская-же статистика показываетъ намъ, что публичные дома и служатъ главнымъ очагомъ сифилитическаго дѣла.

Есть еще источникъ зараженія дозволенныхъ проститутокъ, это у полицейскаго врача, который производитъ освидѣтельствованія. Замѣчено и констатировано цифрами во многихъ государствахъ, что чѣмъ чаще производятся обязательныя изслѣдованія проститутокъ черезъ врача, тѣмъ чаще и случаи заболѣванія сифилисомъ. Фактъ этотъ подтверждается такимъ авторитетомъ, какъ Лансеро, который увѣряетъ даже, что дѣйствительное число зараженій посредствомъ зеркала гораздо выше, чѣмъ то показываютъ статистическія данныя. Причина понятна: «женщина, зараженная при изслѣдованіи ея медицинскимъ инструментомъ, всегда помръзывается, что получила болѣзнь болѣе обычнымъ способомъ». Иначе и быть не можетъ. Въ полицейскіе врачи идутъ обыкновенно самые бездарные и невѣжественные эскулапы безъ практики. Жалованье они получаютъ ничтожное. Главная работа лежитъ, разумѣется, на обязанности помощниковъ; главный начальникъ только наблюдаетъ, т. е. аккуратно получаетъ жалованье каждое 1-е число и ничего не дѣлаетъ. При томъ презрѣніи, съ которымъ смотрятъ на проститутокъ и въ обществѣ и въ полиціи, понятно, что врачъ вовсе не усердствуетъ, чтобы открыть дѣйствительно-ли больна изслѣдуемая женщина или нѣтъ. Часто ему это бываетъ и невыгодно: отъ полиціи онъ получаетъ 150—200 франковъ въ мѣсяцъ, а отъ содержателя вдвое или втрое больше. Но даже добросовѣстный врачъ тутъ ничего не подѣлаетъ. Наука требуетъ на точное освидѣтельствованіе каждой женщины по крайней мѣрѣ 10—15 минутъ, а полицейская практика — дѣло совершенно другое. Врачу приходится существенно изслѣдовать въ извѣстный день, отъ какого-то часа до какого, болѣе 50 женщинъ въ теченіи одного часа, т. е. почти

і женщину въ минуту. Какъ-же тутъ можетъ быть рѣчь о научномъ изслѣдованіи? Добавьте къ этому, что врачъ—чиновникъ, подвѣдомственный полиціи, которая властна его прогнать или повысить по своему произволу, и что поэтому врачъ обязанъ подчиняться требованіямъ и даже капризамъ полиціи. А у полиціи, какъ мы видѣли, правило—не придираться къ содержателямъ.

Но представьте себѣ наилучшій случай: врачъ, освидѣтельствовалъ проститутку, нашолъ несомнѣнные признаки сифилиса и сдалъ больную въ руки полиціи, которая немедленно отправляетъ ее въ тюремную больницу С. Лазаръ. Сифилисъ—болѣзнь страшная, какъ извѣстно; она поражаетъ весь организмъ, всѣ органы и соки чловѣка. Чтобы вылечить или, вѣрнѣе, остановить ея разрушающее дѣйствіе, сдѣлать ее не заразной, нужно, кромѣ энергичнаго леченія, еще *времени*. Продолжительность этого времени опредѣляется различными специалистами и авторитетами, какъ *минимумъ*, въ 3—4 года. Судите же теперь, на сколько вымолняется это требование науки, изъ слѣдующей таблицы, заимствованной изъ отчета парижской префектуры.

Содержалось въ С. Лазаръ сифилитическихъ женщинъ:

123 женщины	10 до 19 дней.
77 >	20 > 29 >
53 >	30 > 39 >
43 >	40 > 49 >
31 >	50 > 59 >
25 >	60 > 69 >
8 >	70 > 79 >
5 >	80 > 89 >
7 >	90 > 99 >
8 >	100 > 125 >
2 >	126 > 150 >
7 >	151 > 199 >
3 >	200 > 250 >

Съ медицинской точки зрѣнія, этотъ результатъ—нуль. Громадное большинство больныхъ выпускается немедленно, какъ только исчезаютъ *внѣшніе* признаки болѣзни, хотя послѣдняя сохраняетъ еще полную силу своей заразительности. Выписанная въ такомъ состояніи больная получаетъ свидѣтельство, что здорова, и такимъ образомъ легально, съ спокойной совѣстью, можетъ распространять направо и налево страшный ядъ, ведущій къ вымиранію и вырожденію цѣлыхъ народовъ. Вотъ до какой нечлѣпости и лицемерія

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

«Потѣшная исторія». (Изъ деревенской хроники)	<i>И. Потапенко.</i>
Сѣверная мелодія. Стихотвореніе. «Au bonheur des dames». Романъ. (Окончаніе)	<i>Д. Мизаловскаго.</i>
Петръ на Олонцѣ. (Гл. I—IV)	<i>Э. Золя.</i>
Злая Воля. Повѣсть (Гл. XV—XVIII)	<i>В. Майнова.</i>
Гусятница. Повѣсть. (Окончаніе).	<i>В. I. Дмитріевой.</i>
Злостный банкротъ. (Сцены изъ провинціальной жизни)	<i>Жана Роллана.</i>
Мечь Оррюво. (Легенда)	<i>В. Демидова.</i>
	<i>Г. Мерэ.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Народное образованіе	<i>Б. Ленскаго.</i>
Характеристики современныхъ дѣятелей. (М. Е. Салтыковъ). Окончаніе.	<i>М. А. Протопопова.</i>
Новыя книги.	
Изъ домашней хроники	<i>Н. В.</i>
Морская реформа	<i>Бывшаго Моряка.</i>
Тонкинъ (Политическая и социальная хроника)	<i>Жика.</i>
Научная хроника.	<i>А. М.</i>
Полиція нравовъ во Франціи	<i>И. Полоцкаго.</i>

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція просить гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣ. ностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приема и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорѣйше просить заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція въ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же нумеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція просить прилагать три почтовыхъ семи-копѣечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала «Дѣло».

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ «Дѣло», а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціею просить обращаться въ главную контору журнала «Дѣло» по субботамъ отъ 3—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЪЛО

въ 1883 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
Журнала «ДЪЛО» (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Везъ пересылки и доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	16 » — »	9 »
Съ пересылкою иногороднымъ .	17 » — »	10 »
» за границу . .	19 » — »	11 »

Издат. насл. Г. Е. ВЛАГОСВѢТЛОВА. За редактора Н. А. Левандъ.

